IMT Nuremberg Archives

H – 1211

International Court of Justice

H1211 – 0001

Н-1211

H1211 – 0002

С Т Е Н О Г Р А М М Ы

ЗАСЕДАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Том 33-й. Экз.№ 2-ой

с о д е р ж и т:

17 июля - утреннее заседание

18 июля - утреннее и вечернее заседания

19 июля - утреннее и вечернее заседания

22 июля - утреннее и вечернее заседания

23 июля - утреннее и вечернее заседания

24 июля - утреннее и вечернее заседания

Страницы: с 15939-й по
16664-ю - включительно.

H1211 – 0003

У Д О С Т О В Е Р Е Н И Е

Настоящим удостоверяю, что данный том, пронумерованный с 15939 стр. по 16664 стр., озаглавленный "Русские стенограммы" содержит в себе стенографическую запись судебных заседаний Международного Военного Трибунала по делу Германа Вильгельма Геринга и других на русском языке за период времени с 17 июля 1946 г. по 24 июля 1946 г.

Указанная запись на русском языке составлена на основании стенографических записей и сверена с электрозвукозаписью производившихся в суде.

СЕКРЕТАРЬ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ:-
М а й о р: /А.ПОЛТОРАК/

"24" сентября 1946 г.
г. Нюрнберг.

H1211 – 0004

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА от 17 июля 1946 года.

Утреннее заседание.

ЗИМЕРС. Вчера я рассматривал события довоенного времени. Теперь я перехожу к событиям, имевшим место во время войны. Я полагаю, что мне удалось показать, что военно-морской флот принимал очень незначительное участие во всех событиях, происходивших до войны, и что те события, в которых военно-морской флот играл решающую роль развертывались на мирной основе, а именно в соответствии с морским соглашением, заключенным с Англией.

Когда, несмотря ни на что, война с Англией все же началась 3 сентября 1939г., в первый же день произошел прискорбный случай, а именно потопление "Атении", на основании которого Обвинение прибегая к преувеличениям пытается построить тяжелое моральное обвинение против Редера; причем не столько на основании чисто военного значения этого события т.е. потопления, о котором уже говорил мой коллега доктор Кранцбюллер, сколько на основании статьи в "Фелькишер Беобахтер" от 28 октября 1939г. под заголовком "Черчилль потопил "Атению"". Если бы обстоятельства дела изображаемого Обвинением, соответствовали бы действительности, то упреки морального порядка, которые делаются Редеру и военно-морскому флоту, являлись бы обоснованными, хотя, несомненно, лживая газетная статья не является преступлением. В соответствии с вышесказанным обвинение,

пред"явленное Редеру, используется исключительно для того, чтобы развенчать личность Редера, запятнать ту хорошую репутацию, которой Редер пользовался всю свою жизнь во всем мире, и, в частности, так же и за границей.

Я полагаю, что представление показательств в достаточной степени показало, что обрисованный Обвинением состав преступлений не соответствует действительности. Это, конечно, понятно, если Обвинение считало сначала, что грязная статья в "Фелькишер Беобахтер" не могла появиться без ведома руководства военно-морского флота. Обвинение было убеждено в этом, потому что оно на основании своей концепции заговора в каждом отдельном случае считает, что между различными ведомствами имело место тесное сотрудничество и постоянный обмен мнениями. Ход процесса показал, в какой малой степени это предположение соответствует действительности. Противоречия между отдельными ведомствами и в особенности противоречия между военно-морским флотом и министерством пропаганды, т.е. между Редером и Геббельсом, были несравненно большими, чем противоречия между отдельными ведомствами в демократическом государстве. Помимо этого на основании показаний свидетелей Редера, Шульте-Ментинга, Вейцзеккера и Фриче, а также на основании документов с полной очевидностью установлено следующее:

1. В начале сентября 1939 г. Редер сам был твердо убежден в том, что потопление не было произведено немецкой подводной лодкой, потому что из сообщений было видно, что ближайшая немецкая подводная лодка находилась от места потопления на расстоянии не менее 75 морских миль.

15940

H1211 – 0005

H1211 – 0006

2. В соответствии с этим Редер, как видно из документа Д-912, вполне добросовестно опубликовал опровержение и дал соответствующие об"яснения американскому военно-морскому атташе и германскому государственному секретарю (статс-секретарю) барону Вейцзеккеру.

3. Редер узнал о том, что это было неправдой, лишь после возвращения подводной лодки У-30, т.е. 27 сентября 1939г.

4. Гитлер, как показали свидетели Редер и Шульте-Ментинг, настоял на том, чтобы в действительном положении вещей не были поставлены в известность никакие другие германские или иностранные органы и, чтобы не было сделано сообщения о том, что германская подводная лодка потопила "Атению".

Повидимому он руководствовался политическими соображениями потому, что он хотел избегнуть осложнений с Соединенными Штатами, вызванных этим случаем, хотя и прискорбным, но неисправимыми. Приказ Гитлера был настолько строгим, что немногие офицеры, знавшие правду, были приведены к присяге о том, что они будут хранить тайну.

5. Фриче показал, что после первого запроса, с которым он обратился к военно-морскому флоту в начале сентября 1939г., он больше не делал запросов и что статья в "Фелькишер Беобахтер" появилась на основании личного распоряжения Гитлера и Геббельса, о чем Редер предварительно не был проинформирован. Этим самым подтверждаются показания Редера и Шульте-Ментинга. Далее

установлено, что Редер, вопреки утверждению Обвинения, не являлся автором статьи и вообще ничего не знал о статье до ее опубликования. Я сожалею о том, что Обвинение настаивает на своем утверждении, несмотря на соответствующее раз"яснение, представив третьего июля 1946г. новый документ Д-912. Этот вновь пред"явленный документ содержит лишь только записи радиопередач министерства пропаганды, находящиеся ~~в~~ на том же уровне, что и статья в "Фелькишер Беобахтер". Эти радио-передачи являлись средством пропаганды, проводившейся Геббельсом, и поэтому так же, как и статья, не могут вменяться Редеру в вину, тем более, что он в свое время узнал лишь только о статье, но не о радиопередачах. Точно также нельзя делать Редеру морального упрека, основываясь на том факте, что он, узнав о статье, не выступил с опровержением, потому что он был связан приказом Гитлера и в то время не мог предполагать, что Гитлер имел отношение к этой статье, которую Вайцзеккер справедливо назвал плодом извращенной фантазии.

В связи с этим я должен напомнить, что, как всем известно, именно в начале войны в английской прессе также появлялись неправильные сообщения о мнимых немецких зверствах, которые точно также не опровергались после выяснения их, как, например, ложное сообщение об убийстве немцами десяти тысяч чехов в Праге в сентябре 1939г., несмотря на то, что истинное положение вещей было установлено комиссией нейтральных журналистов.

15942

H1211 - 0007

H1211 – 0008

Обвинение считает, что оно располагает обширным материалом, ~~XXXX~~ уличающим всех подсудимых. Если бы в отношении Редера это мнение было обоснованным, то Обвинению вряд ли понадобилось бы преподносить в такой обстоятельной и оскорбительной форме именно этот случай с "Атенией" лишь для того, чтобы дискредитировать бывшего главнокомандующего военно-морским флотом.

По вопросу о Греции Обвинение вменяет Редеру в вину нарушение нейтралитета и международного права в двух направлениях, а именно:

1. Основываясь на документе С-12, из которого следует, что Гитлер в соответствии с докладом Редера 30 декабря 1939г. принял следующее решение. Я цитирую:

"Греческие торговые корабли, находящиеся в зоне, пролегающей вдоль берегов Англии и об"явленной США запретной зоной, рассматриваются как вражеские суда".

2. Согласно документу С-176 Редер в связи с докладом у Гитлера 18 марта 1941 г. просит подтверждения того, что я цитирую – "всю Грецию следует оккупировать даже в том случае, если будет достигнуто мирное решение вопроса".

Оба эти обвинения в ходе процесса оказались несостоятельными, в обоих случаях нет действий, нарушающих международное право.

К 1 пункту Обвинения. Редеру и руководству германского военно-морского флота в октябре – ноябре 1939г. стало известно, что греческие торговые корабли по инициативе или с согласия греческого правительства в большинстве своем были предоставлены в распоряжение Англии. Этот факт несовместим

с неоспоримым нейтралитетом и в соответствии с принципом международного права он разрешал Германии принять эквивалентные контрмеры. И эта справедливая контрмера заключалась в том, что греческие торговые суда, направлявшиеся в Англию, с того момента, как они входили в запретную зону, установленную США вокруг Англии, считались вражескими.

К 2 пункту Обвинения. Германия, в частности главное командование военно-морского флота получили сведения о том, что, начиная еще с 1939г., определенные греческие политические и военные круги поддерживали тесную связь с генеральным штабом союзников. С течением времени эти сообщения все накапливались и накапливались. Планы союзников на Балканах известны; эти планы предусматривали создание балканского фронта против Германии. С этой целью союзный генеральный штаб расследовал с помощью союзных офицеров местные условия как в Греции, так и в Румынии для того, чтобы создать там авиабазы. Кроме того были сделаны приготовления для высадки десанта в Греции. Для того, чтобы доказать это, я пред"явил документ "Редер № 59", представляющий собой протокол заседания французского военного комитета от 26 апреля 1940 г., из которого следует, что уже в то время военный комитет рассматривал вопрос о возможных операциях в районе Кавказа и на Балканах и из которого видно, что генерал Жоно продолжал свою деятельность по расследованию и подготовке в Греции, а также видна попытка замаскировать эту поездку тем, что совершена она была людьми в гражданском. Такая позиция Греции и в особен-

15944

H1211-0009

H1211-0010

ности ее согласие с планами союзников является нарушением нейтралитета со стороны самой Греции, ибо Греция в данном случае не выступала как союзница Англии и формально продолжала придерживаться своего нейтралитета. В соответствии с этим Греция и не могла больше расчитывать на то, что Германия в полной мере будет уважать нейтралитет Греции. Несмотря на это, Германия все же еще долгое время уважала нейтралитет Греции. Оккупация Греции осуществилась лишь в апреле 1941г. после того, как английские войска 3 марта 1941 г. высадились на юге Греции.

Тот факт, что Греция приветствовала высадку английских войск, не имеет никакого значения для международно-правовых отношений и для рассмотрения отношений между Германией и Англией и между Германией и Грецией с точки зрения международного права и с точки зрения установленных правил. Этот факт имеет значение только лишь для выяснения правовых отношений между Англией и Грецией.

Британское обвинение пыталось оправдать оккупацию Греции тем, что Германия угрожала греческому нейтралитету, в особенности после того, как она оккупировала Болгарию 1 марта 1941г. Обвинение при этом обходит тот факт, что Британские вооруженные силы не только раньше приступили к оккупации Греции, но что союзники так же значительно раньше приступили к разработке планов, чем немцы. Как бы то ни было, Редеру вообще нельзя прад"являть подобного обвинения, ибо представленный обвинением документ датирован 18 марта 1941г., т.е. 14 днями позднее высадки англи-

чан в Южной Греции. К тому времени Греция, во всяком случае, не могла претендовать больше на то, чтобы ее мнимый нейтралитет продолжали уважать. Кроме того Обвинение подобного рода является несправедливым, когда обвинение указывает на то, что Редер просит подтвердить, что была оккупирована вся Греция. Запрос Редера о том, следует ли занять всю Грецию, не является причиной этого мероприятия, ибо Гитлер в своей директиве № 20 еще 13 декабря 1940г. предусмотрел то, что следует занять всю территорию Греции для того, чтобы свести нанет стремление Англии создать под прикрытием Балканского фронта опасную авиабазу и в особенности авиабазу, угрожающую румынскому нефтяному бассейну. Кроме того запрос Редера от 18 марта 1941 г. был вполне оправданным по стратегическим соображениям потому что Греция предоставляла англичанам большие возможности для высадки десанта на своей территории и потому, что предотвратить это можно было только в том случае, если бы Греция полностью находилась в руках Германии, как показали свидетели Редер и Шульте-Ментинг.

Эта стратегическая идея Редера не имела ничего общего с завоеваниями или стремлением к славе, как утверждает Обвинение, так как военно-морской флот в Греции вообще не приобрел славы, ибо оккупация представляла собой операцию наземных войск и к тому же оккупация страны, бывшей до этого нейтральной, является ничем иным, как печальным следствием столь крупной войны; оккупацию нельзя

15946

H1211-0011

H1211-0012

вменять в вину одной из сторон, ведущих войну, если обе стороны, участвующие в войне разрабатывали свои планы относительно одного и того же государства и осуществляли эти планы.

Теперь я хочу перейти к теме: Н о р в е г и я.

9 апреля 1940 г. германские войска всех трех составных частей вооруженных сил заняли Норвегию и Данию. На основании этого факта и предшествующих планов наряду с общим обвинением в участии в заговоре гросс-адмиралу Редеру предъявлено еще одно тягчайшее обвинение. Обвинитель от Англии указал на то, что Редер первый вселил в Гитлера идею о занятии Норвегии, он считает, что Редер сделал это, стремясь к завоеваниям и славе. Я покажу, что эта аргументация является неправильной. Правильным является только то, что в этом единственном случае Редер первый сам обратился к Гитлеру с вопросом о Норвегии, а именно 10 октября 1939г., но я также покажу, что он и в данном случае действовал не как политик, а лишь только как солдат. Редер заметил чисто стратегические опасности и указал Гитлеру на эту стратегическую угрозу потому, что он предполагал, что в Скандинавии и в особенности в Норвегии союзники хотят создать новый фронт, он знал, что оккупация Англией Норвегии может для Германии сказаться неблагоприятно на ходе войны. Я покажу, что Германия, заняв Норвегию, не нарушила международного права. Перед тем, как изложить юридическую основу и

связать факты, доказанные во время представления документов, с принципами международного права, я хочу предпослать этому следующее важное замечание.

Редер, будучи главнокомандующим военно-морским флотом, как показал его допрос и допрос Шульте-Ментинга, очень неохотно ~~[illegible]~~ согласился с норвежской операцией. Редер, естественно, чувствовал, что нейтральное государство нельзя втягивать в уже начавшуюся войну, если к этому не вынуждает создавшееся положение. Редер в период с октября 1939 года по весну 1940 года все время придерживался той точки зрения, что лучшим решением этого вопроса было бы сохранение абсолютного нейтралитета Норвегией и всей Скандинавией. Это показали во время допросов Редер и Шульте-Ментинг, это также доказано и документами, в связи с чем я ссылаюсь на доказательство "Редер № 69". Там, в дневнике военных действий, в записях, датированных 13 января 1940 года, отражена уверенность в том, что благоприятное решение вопроса, безусловно, заключается в сохранении полного нейтралитета Норвегией. Редеру было ясно, что Германия может осуществить оккупацию Норвегии, основываясь на принципах международного права и стратегии только в том случае, если Норвегия не сможет или не захочет сохранять свой полный нейтралитет.

Обвинение указанию на соглашение, существовавшее между Германией и Норвегией и в частности, на документ ТС-31, в котором германское имперское правительство еще 2 сентября 1939 года категорически заверяло Норвегию в том, что оно будет уважать ее нейтралитет и неприкосновенность. В этом меморандуме имеется еще одна правильная мысль, которую

H1211-0013

H1211-0014

необходимо добавить:

"Если имперское правительство делает подобные заявления, то оно со своей стороны также ждет от Норвегии соблюдения полного нейтралитета и не потерпит, чтобы какая-либо третья сторона нарушила нейтралитет Норвегии". Конец цитаты.

Если Германия, несмотря на эту свою принципиальную точку зрения, все же решилась оккупировать Норвегию, то она руководствовалась при этом тем, что вследствие планов союзников возникла угроза оккупации союзниками норвежских опорных пунктов. Сэр Хартлей Шоукросс в своей вступительной речи заявил, что нарушение нейтралитета со стороны Германии и агрессивная война против Норвегии даже в том случае являются преступными с точки зрения обвинения, если планы союзников относительно занятия Норвегии действительно существовали, он при этом добавил, что планов таких фактически не существовало. Я думаю, что точка зрения сэра Хартлея Шоукросса, изложенная им здесь, противоречит существующему международному праву. Если действительно имелись планы союзников относительно оккупации норвежских опорных пунктов и, если существовала угроза того, что Норвегия не могла или не хотела сохранить своего нейтралитета, в таком случае с точки зрения международного права немецкие операции в Норвегии были оправданными.

Я хотел бы сначала коснуться юридических принципов, основываясь на существующем международном праве для того, чтобы создать предпосылку для моих дальнейших высказываний и одновременно изложить правовые принципы, которые противоре-

чат точке зрения представителей Обвинения. Для того, чтобы излагая эти правовые принципы, сохранить время и комплекс охватить весь, я в качестве доказательства - документ "Редера № 66" - пред"явил международно-правовое экспертное заключение по вопросу о норвежской операции, составленное доктором Германом Мозлером, доцентом по международному праву при университете в Бонне. Высокий суд помнит, что мне разрешили использовать это заключение в целях аргументации и поэтому в этой связи я могу сослаться на эту подробную научную работу и на это обоснование. Поэтому я ограничиваюсь в моей заключительной речи лишь изложением важнейших идей этого экспертного заключения.

В статьях 1 и 2 Гаагского соглашения о правах и обязанностях нейтральных государств в случае морской войны установлено, что "государства, ведущие войну, обязались уважать суверенные права нейтральных государств на территории и в прибрежных водах этих нейтральных государств" и что в прибрежных водах нейтральных стран запрещаются всякие военные операции военных кораблей, принадлежащих державам, ведущим войну, как операции, являющейся нарушением нейтралитета. Великобритания, вопреки этим положениям, нарушила нейтралитет Норвегии, заминировав норвежские прибрежные воды для того, чтобы воспрепятствовать законному плаванию немецких военных и торговых кораблей и в частности нарушить подвоз руды из Нарвика в Германию. В письме министерства иностранных дел, которое является ответом на мое ходатайство о представлении документов британского адмиралтейства, подтверждалось согласно доказательству "Редер № 130", что

H1211-0015

H1211-0016

норвежские воды были заминированы вооруженными силами Великобритании, там было еще добавлено, что это является общеизвестным фактом.

Неоспоримо то, что Германия после этого была вправе восстановить нарушенное равновесие между державами, ведущими войну, т.е. операциями своих вооруженных сил лишить противника того преимущества, которое он получил в результате нарушения нейтралитета.

Реакция на такое нарушение нейтралитета в первую очередь направлена против самого противника, а не против нейтрального государства. Правовые отношения, связанные с нейтралитетом имеются не только между нейтральным государством...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Зимерс, Трибунал желал бы знать Ваше мнение по этому вопросу. Считаете ли Вы, что любое нарушение нейтралитета, нейтральным государством дает право одной из воюющих держав вступить на территорию этого нейтрального государства?

ЗИМЕРС. Я не мог понять Вашего вопроса, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, мне кажется, там какие-то технические неполадки. Трибунал хочет знать, считаете ли Вы, что нарушение нейтралитета одним из воюющих государств дает право другому воюющему государству вступить со своими войсками в нейтральное государство?

ЗИМЕРС. Господин председатель, в таком общем плане это нельзя утверждать. В международном праве существует положение, согласно которому нарушение нейтралитета со

стороны одного государства, ведущего войну, дает право другому государству, также находящемуся в состоянии войны, прибегнуть к ответной мере, являющейся эквивалентной предыдущему нарушению нейтралитета. Германия, безусловно, не могла оккупировать Норвегию, лишь только потому, что Англия заминировала прибрежные воды. Этот факт не дает права на оккупацию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите, пожалуйста, если бы Германия рассматривалась как агрессор и застрельщик войны, это бы изменило положение вещей в какой-либо степени?

Я повторяю еще раз согласно Вашей точки зрения, Изменилось ли бы что нибудь, если бы Германию стали рассматривать как агрессора, развязавшего войну, в результате которой произошла оккупация нейтральных стран.

ЗИММЕРС. Я не могу понять смысла вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, я повторяю еще раз медленнее. Согласно Вашей точки зрения, составило ли бы какую-нибудь разницу, если бы Трибунал считал, что Германия явилась агрессором в войне, которая привела к оккупации нейтральных государств?

ЗИММЕРС. Прошу прощения, господин председатель. Если я Вас теперь правильно понял, то как я полагаю, мне следует ответить на вопрос о том имеет ли тот факт, что Германия не начала войну против Польши, влияние на правовое освещение вопроса о Норвегии?

15952

H1211-0017

H1211-0018

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Предположим. Я говорю только предположим, что война, которую Германия начала против Польши, рассматривалась бы нами, как агрессивная война, что тогда?

ЗИМЕРС. Господин председатель, мне кажется, что я должен дать отрицательный ответ, так как эти два явления, имеющие отношение к международному праву должны рассматриваться изолированно. То, что суд может предположить, что против Польши велась агрессивная война, не может сказать в международно-правовом отношении воздействия на оценку событий в последующие годы. Между прочим эта точка зрения является точкой зрения, высказанной обвинением, ибо так же и сэр Шоукросс, говоря о комплексе событий, связанных с десантными операциями в Греции, освещал их как события, имевшие отношение только к Греции, не сказав при этом, что Англия могла оккупировать Грецию, потому что Германия напала на Польшу, а заявил точно так же как и я, опираясь на международное право, что Англия могла оккупировать Грецию, потому что со стороны Германии возникла угроза оккупации Греции. Я это говорю, опираясь на международное право, как покажут мои последующие разъяснения. Других параллелей я не хочу проводить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Так. Еще один вопрос, который я хотел бы Вам задать. Считаете ли Вы, что Германия имела право, в соответствии с нормами международного права, использовать территориальные воды Норвегии или для своих военных судов, или для транспортировки руды, или же для транспортировки военнопленных?

ЗИММЕРС. По моему мнению, с международно-правовой точки зрения дело обстоит таким образом, что Германия была вправе использовать эти прибрежные воды, соблюдая различные международно-правовые положения, как, например, кратковременное пребывание в гаванях и аналогичное положение, обязательство производить обыск судов и соблюдение нейтралитета как, например, в случае с "Альтмарком". Однако, насколько мне известно, в соответствии с принципами международного права допускается судоходство из Нарвика.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте пожалуйста.

ЗИММЕРС. Господин председатель, в связи с последним вопросом я хотел бы прибавить еще следующее. Если стоит придерживаться того мнения, что Германия не имела права использовать прибрежные воды, то тогда минирование этих вод было нарушением нейтралитета со стороны Англии; в таком случае минирование, как аргумент в моей защитительной речи отпадает. Но другие аргументы, на которые я указал, напротив, должны остаться. Минирование вод является эквивалентным использованию прибрежных вод. Я лично

15954

H1211-0019

H1211-0020

считаю, минирование вод недопустимым, а использование прибрежных вод для судоходства допустимым, но у меня нет никаких других выводов относительно всего комплекса событий, связанных с оккупацией Норвегии. Мне хочется, чтобы меня правильно поняли, я не утверждаю, что Германия имела право оккупировать Норвегию, потому что Англия минировала прибрежные воды.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Однако Вы говорите, не правда ли, что Германия имела право использовать прибрежные воды, прежде всего, для транспортировки руды и, во-вторых, для своих военных судов.

ЗИММЕРС. Да, я говорю это.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В-третьих, для перевозки военнопленных.

ЗИММЕРС. Я считаю, что для транспортировки руды никакого положения в международном праве не существует, которое бы запрещало это; так что такое судоходство было вполне обоснованным. Что касается военнопленных, то здесь я хотел бы указать на то, что имеется всего лишь один случай, а именно случай с "Альтмарком". Если бы Германия не имела права использовать прибрежные воды для транспортировки военнопленных, то следствием этого было бы то, что Англия была бы вправе принять аналогичные контрмеры, т.е. Англия могла бы в данном случае предпринять что-либо в ответ на это, но она не должна была минировать все прибрежные воды.

Минирование всего побережья является допустимым только в том случае, если существует такое положение, что торговое судоходство запрещено для Германии, с точки зрения международного права. Но, мне кажется, что дело не обстоит таким образом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Можете продолжать.

ЗИММЕРС. Реакция на такое нарушение нейтралитета в первую очередь направлена против самого противника, а не против нейтрального государства. Правовые отношения в части нейтралитета существуют не только между нейтральным государством и каждым из ведущих войну государств, но нейтралитет данного нейтрального государства является также фактором влияющим на непосредственные отношения между государствами, находящимися в состоянии войны. Если нейтралитет, существующий между государством, ведущим войну, и нейтральным государством нарушается, то нейтрального государство не может жаловаться на соответствующие действия другого ведущего войну государства, при этом никакой роли не играет то, что нейтральное государство не хочет или не может защитить свой нейтралитет.

Правовым обозначением этих контрмер, к которым прибегает ведущее войну государство, поставленное в невыгодные ~~его~~ условия, является право на самооборону. /The right of defense; le droit de défense personelle/. Это право на самооборону признается международным правом, как это и следует из

15956

H1211-0021

H1211-0022

экспертного заключения.Здесь достаточно указать на то, что это принципиальное право не было как-либо ущемлено пактом Келлога, который здесь, в этом зале, неоднократно упоминался. Поэтому я разрешу себе привести лишь следующую краткую цитату из циркулярной ноты американского статс-секретаря Келлога от 23 июня 1938 г.:

"Ничто в американском проекте договора, запрещающего войну, не ограничивает и не ущемляет права на самооборону. Это право является существенной составной частью каждого суверенного государства и в обязательном порядке содержится в каждом договоре". Конец цитаты из ноты Келлога.

Судья Джексон разрешит мне в этой связи упомянуть то, что он в своей вступительной речи, произнесенной перед этим Трибуналом 21 ноября 1945 г., указал сам на "право законной самообороны".

Интересно то, что шведский министр иностранных дел Гюнтер в своей парламентской речи от 8 февраля 1940 г. признал эту идею, несмотря на то, что он был представителем нейтрального государства, которое в то время находилось в опасности и помимо этого он произнес эту речь до того, как Германия предприняла контрмеры в Норвегии. Гюнтер в этой своей речи высказал свое мнение по поводу заявления Англии относительно того, что она будет лишь до тех пор уважать нейтралитет Швеции, пока его будут уважать и противники Англии. Гюнтер признал, что Швеция в своих отношениях с Великобританией утратит свой нейтралитет в

H1211-0024

том случае, если Германия нарушит нейтралитет Швеции и Швеция не захочет или не будет в состоянии предотвратить это нарушение своего нейтралитета со стороны Германии. Следовательно, говорит Гюнтер, Великобритании не нужно будет обращаться с Швецией, как с нейтральной страной. Совершенно ясно, что выводы, сделанные Гюнтером на случай нарушения нейтралитета Швеции со стороны Германии, должны найти применение и для трехсторонних правовых отношений: Великобритания - Германия - Норвегия. Однако здесь речь идет, как я это покажу, давая оценку представлению доказательств, не только о британских операциях по минированию норвежских прибрежных вод, но и о более обширном британско-французском плане, целью которого было занятие опорных пунктов Норвегии и части норвежской государственной территории. Минирование вод, таким образом, является лишь частью общего плана.

Заключение эксперта Мозлера и все вышесказанное совершенно ясно показывают, что оккупация Норвегии со стороны Германии была бы актом справедливым, если бы союзники высадившись в каком-либо одном опорном пункте Норвегии еще до появления немецких частей, таким образом, частично уже осуществили бы свой план. Но это не произошло, дело обстояло, как я покажу, таким образом, что напротив, Германия опередила англо-французские десантные операции, т.е. решила предпринять контрмеры в виду угрожавшей опас-

H1211-0023

H1211-0024

ности. Поэтому в правовом отношении следует рассмотреть еще один вопрос: допускается ли в данных условиях контрмера со стороны государства, ведущего войну только тогда, когда другое ведущее войну государство нарушило нейтралитет, или же можно принимать меры и тогда, когда существует опасность нарушения нейтралитета в ближайшем будущем, с тем чтобы предупредить непосредственно ожидаемое нападение противника?

Согласно обоснованному экспертному заключению доктора Мозлера, такая контрмера, предотвращающая опасность разрешается и предстоящее нарушение нейтралитета в ближайшем будущем, в случае, если это точно установлено, следует рассматривать как действительно уже состоявшееся нарушение нейтралитета.

Известный английский международник Вестлаке по вопросу о превентивных мероприятиях говорит следующее:

"Подобный случай по существу сходен с тем случаем, когда ведущее войну государство имеет точные сведения о том, что его противник для достижения стратегического превосходства намеревается направить свои войска на территорию нейтрального государства, которое явно является слишком слабым для оказания сопротивления; при таких условиях было бы невозможным лишить вышеупомянутое государство прав предотвратить атаку на нейтральное государство".

Основанием такого превентивного мероприятия является, по Вестлаке, право на самооборону, которое сохраняет ему

15959

также и в случае угрозы нарушения нейтралитета. Другая точка зрения была бы нежизненной и не соответствовала той сущности, которая заключена в совокупности народов, как об"единении суверенных государств с еще недостаточно развитым всеобщим правовым порядком. Во внутренне-государственной правовой системе каждого цивилизованного государства отражение непосредственно угрожающего нападения является дозволенной вынужденной обороной, несмотря на то, что в данном случае помощь государства в борьбе с нарушителем права всегда налицо. В международно-правовом об"единении, где дело обстоит не так, во всяком случае не к началу второй мировой войны, а также и на всем ее протяжении, принцип самообороны должен быть особенно действенным. В соответствии с этой точкой зрения и английское правительство во время этой войны считало себя вправе принимать превентивные меры, когда оно 10 мая 1940 г. заняло Исландию. Английское правительство ясно и правильно с точки зрения международного права обосновало эту меру в своем официальном сообщении министерства иностранных дел. Там было сказано следующее. Я цитирую:

"После того как Германия оккупировала Данию, возникла необходимость рассчитывать на возможность внезапного нападения Германии на Исландию. Совершенно ясно, что исландское правительство, в случае такого нападения, не могло бы противостоять ему даже и в том случае, если бы эта операция была бы проведена незначительными силами, так что эта страна полностью попала бы в таком случае в руки немцев.

15960

H1211-0025

H1211-0026

Англия приняла превентивную меру, несмотря на то, что Исландия категорически возражала против оккупации в своей ноте протеста. Я прошу также учесть то обстоятельство, что Соединенные Штаты приветствовали этот правовой принцип, как доказывают известное послание президента Соединенных Штатов конгрессу от 7 июля 1941 г. и последовавшая затем оккупация Исландии вооруженными силами американского военно-морского флота.

В соответствии с этими правовыми принципами следует рассмотреть обстоятельства данного дела. Я попытался, представляя доказательства, выяснить эти обстоятельства и теперь разрешу себе резюмировать основные моменты, которые действительно показывают, что в ближайшем будущем союзники собирались нарушить нейтралитет путем оккупации части Норвегии и которые оправдывают германские операции в Норвегии.

В конце сентября - начале октября 1939 года гросс-адмирал Редер, как показывает представление доказательств, получил от генерал-адмирала Карлса и из текущих сообщений адмирала Канариса - руководителя контрразведки, различные сведения, говорившие о том, что возникла опасность, что союзники, осуществляя свои планы по блокаде Германии, оккупируют опорные пункты в Норвегии с тем, чтобы был прекращен подвоз руды из Скандинавии.

В Осло были замечены английские экипажи самолетов, одетые для маскировки в гражданскую одежду, а также было установлено, что союзными офицерами проводятся геодезические

работы у норвежских мостов, виадуков и тоннелей до самой шведской границы. Кроме того, стало известно, что втихомолку проводится мобилизация шведской армии, ввиду опасности, угрожающей шведским железнодорожным районам. Редер вправе был считать себя обязанным докладывать Гитлеру о таком положении дел и обратить его внимание на надвигающуюся опасность, которая могла возникнуть для Германии в том случае, если бы английские и французские вооруженные силы действительно укрепились бы в Скандинавии. Опасность была очевидной. Она заключалась в прекращении всякого подвоза (по торговой линии) из Скандинавии, в частности в прекращении подвоза железной руды, а также и в том, что союзники получили бы таким образом удобную базу для воздушных налетов и в конце концов в том, что германский военно-морской флот находился бы под угрозой с фланга и был бы, следовательно, ограничен, в своих операциях. Это последнее по счету, но не маловажное обстоятельство.

Блокада Северного и Балтийского морей имела бы в стратегическом отношении опустошающие последствия.

Так как сведения не давали законченной картины, Редер не внес предложения о немедленной оккупации, а лишь только указал на грозившую опасность, чтобы сначала обождать дальнейшего развития событий. Вследствие этого Гитлер на совещании 10 октября 1939 года не принял окончательного решения, а был согласен с тем, чтобы подождать. В течение октября и ноября поступили

15962

H1211-0027

H1211-0028

дополнительные аналогичные сообщения и причем также от направленного в Осло военно-морского атташе капитана 3-го ранга Прейбера, на аффидевит которого я разрешаю себе сослаться. Аффидевит показывает следующее: Норвежский союз судовладельцев с разрешения норвежского правительства предоставил в распоряжение Англии нефтеналивные суда тоннажом около одного миллиона тонн.

Зимой 1939-1940 г.г. стали более конкретными сообщения о шпионских заданиях английской и французской разведки норвежским агентам и английским портовым консулам в целях выяснения возможностей высадки десантов и установления пропускной способности норвежских железных дорог, в частности, Нарвикской железной дороги, и о заданиях по добыванию сведений относительно посадочных площадок для гидросамолетов и о-тносительно аэродромов в Норвегии. На основании того, что эти сведения из двух различных источников, а именно - от военно-морского атташе в Осло и адмирала Канариса, совпадали и в течение месяцев - с октября по декабрь 1939 года - постепенно накоплялись, казалось, что указанная опасность постепенно увеличивается. В декабре 1939 года к этому добавилось то, что Квислинг и Хагелин, совершенно независимо от прежних источников информации передали Розенбергу аналогичные сведения о намерениях союзников высадить десант и причем лишь только потому не передали этих сведений прямо Редеру, что Редер до сих пор не знал ни Квислинга, ни

15963

Хагелина. Так как речь шла о чисто военно-стратегическом вопросе, Розенберг попросил Редера побеседовать с Квислингом для того, чтобы Редер пересмотрел военно-технические возможности, учитывая, что согласно сведениям следует ожидать агрессии союзников в Скандинавии. Это явствует из письма Розенберга Редеру от 13 декабря 1939 года, которое я представил в качестве доказательства "Редер № 67". Редер с чисто военной точки зрения чувствовал себя обязанным обратиться к Гитлеру, с которым он в последнее время не беседовал об этом вопросе, сообщив ему о том, что поступили совпадающие сведения от Канариса, военно-морского атташе в Осло и Квислинга. Гитлер сам хотел поговорить с Квислингом, он это намерение выполнил и затем решил для предотвращения грозящей опасности сделать необходимые приготовления на случай возможных превентивных мер, т.е. оккупации Норвегии.

Окончательное решение все еще откладывалось и все еще ожидалось, какие поступят дальнейшие сведения и увеличится ли опасность.

Эта предусмотрительность и сдержанность особенно поняты у Редера. Как я уже сказал, Редеру было бы приятнее, если бы был сохранен строгий нейтралитет Норвегии, именно потому, что ему чужда всякое завоевание ради завоевания. С другой стороны он знал, что оккупация Норвегии потребует использования всего военно-морского флота и поставит на карту судьбу всего флота, по крайней мере надо было ожидать потерю трети всего флота. Как тяжело

15964

H1211-0029

H1211-0030

при подобной политической и стратегической ситуации честному человеку и солдату принимать такое решение, понятно без дальнейших раз"яснений.

Но, к сожалению, эти сведения увеличились в первые месяцы 1940 года и стали более конкретными. В марте 1940 года в Осло появилось удивительно много людей, говорящих по-английски, и Редер получил очень серьезную, достоверную информацию о мерах союзников, предстоявших в ближайшем будущем и направленных против Норвегии, а также и Швеции. В качестве об"ектов, в которых должны были высадиться десанты указывались Нарвик, Тронхейм и Ставангер. Таким образом получилось, что военная разработка планов стала производиться только в феврале и марте 1940 года, а окончательные директивы вооруженным силам были даны только в марте 1940 года.

К этому следует добавить многочисленные нарушения нейтралитета в марте 1940 года, которые записаны в дневнике военных действий и, кроме того, в начале апреля минирование норвежских территориальных вод. Обвинение в противовес всем этим многочисленным сведениям пред"явило лишь несколько документов, согласно которым германский посланник в Осло Ройер не считал, что опасность столь велика, а наоборот думал, что упомянутая им английская позиция преследует цель спровоцировать Германию для того, чтобы Германия начала военные действия в норвежских водах.

15965

Барон Вейцзеккер при новторном перекрестном допросе высказался по этому поводу и заявил, что он тоже сначала не считал опасность столь большой, но, однако, должен признать, что потом факты показали, что он и Бройер были неправы, а Редер со своими опасениями напротив был прав.

Эта об"ективная правильность точки зрения гроссадмирала, а также сведений, которне легли в основу его позиции вытекает из отдельных документов, представленних мною и допущенних судом.

С 16 января 1940 года французское главное командование работало над планом, в котором, между прочим, намечалась оккупация, ~~портов~~ портов и аэродромов норвежского западного побережья. План, кроме того, предусматривал, что операции по возможности будут распространены также на Швецию и что будут захвачены железо-рудние шахты в Гелливаре. Била сделана попытка оправдать эти планы тем, что они разрабатывались в целях оказания помощи Финляндии в ее борьбе с Советским Союзом. Прежде всего следует возразить, что поддержка Финляндии не оправдивает оккупации норвежской территории. Кроме того, документы показывают, что речь вовсе не шла только об альтуристических мерах в пользу Финляндии. В ходе межсоюзных военних совещаний от 31 января и 1 февраля, которне предшествовали заседанию высшего Совета от 5 февраля, англичане передали решение вопроса о непосредственной помощи Финляндии во вторую инстанцию, они показали себя решительними сторонниками мероприятия по оккупации железо-рудного

15966

H1211-0031

H1211-0032

бассейна в Северной Швеции. Это - подтверждает генерал Гамелен в записях от 10 марта 1940 г. и при этом добавляет, что это мнение завоевало большинство в высшем Совете и что немедленно началась подготовка скандинавской экспедиции. Таким образом получилось, что франко-британские вооруженные силы в первне дни марта были готовы в отправке, причем, согласно заявляниям Гамелена, руководство намеченнными операциями в Скандинавии было передано британскому верховному командованию. В заключение Гамелен добавляет, что скандинавские планы надо было решительно осуществлять, чтобы спасти Финляндию (я цитирую) "или по крайней мере прибрать к рукам шведскую руду и северные порты" (Конец цитаты).

7 февраля лорд Галифакс сообщил норвежскому посланнику, что Англия желает создать для себя определенные опорные пункты на норвежском побережье, чтобы приостановить германскую транспортировку руды из Нарвика.

В середине февраля английские и французские офицеры генерального штаба вместе с норвежскими властями осмотрели места для высадки десанта. Согласно докладу миссии в Стокгольме от 16 февраля 1940 года, английские планы основывались на том, чтобы одновременно высадить войска в Бергене, Тронхейме и Нарвике.

21 февраля 1940 года Даладье сообщает французскому послу в Лондоне, Корбину, что оккупация важнейших норвежских портов и высадка первого десанта союзных

15967

вооруженных сил в Норвегии внушит Швеции чувство безопасности и при этом добавляет, что эта операция задумана"независимо от призываний Финляндии о помощи" и что ее нужно выполнить в течение кратчайшего срока. В случае, если этот демарш вызовет в Норвегии сопротивление, что вполне вероятно, то британское правительство должно будет констатировать отказ Норвегии и немедленно овладеть опорными пунктами, необходимыми для соблюдения своих интересов и причем путем "неожиданной операции". Неважно, откажится ли Швеция пропустить войска в Финляндию; напротив, подчеркивается следующее (я цитирую): "Преимущество заключается в том, что на севере можно завоевать по отношению к Германии господствующую позицию, приостановить морские перевозки шведской руды и включить шведские железо-рудные месторождения в сферу деятельности наших военно-воздушных сил" (Конец цитаты).

27 февраля 1940 года Черчилль заявил в британской палате общин, что он: "устал задумываться над правами нейтральных стран".

Интересно, что на шестом заседании высшего совета 28 марта 1940 года пришли к соглашению о следующем (я цитирую): "Всякая попытка советского правительства получить от Норвегии позиции на атлантическом побережьи противоречит жизненным интересам союзников и вызовет соответствующие контрмеры" (Конец цитаты).

15968

H1211-0033

H1211-0034

Таким образом, мнение высшего Совета с указанием на жизненные интересы союзников полностью совпадает с изложенными мною здесь юридическими идеями о "праве самообороны" и полностью противоречит изложению международного права, сделанному здесь обвинением.

Окончательное проведение операции в Норвегии, т.е. высадка десантов и создание опорных пунктов, было намечено на 28 марта 1940 года и причем по договоренности между руководящими британскими и французскими инстанциями. Эта дата была названа на заседании французского военного комитета французским премьер-министром, а генерал Гамелен добавил, что 29 марта он обратил внимание генерала Айронсайда на необходимость иметь все наготове для быстрой оккупации норвежских портов. О том же самом он сообщил также господину Уинстону Черчиллю во время его пребывания в Париже.

Днем позже, 30 марта Черчилль заявил по радио (я цитирую): "Было бы несправедливо, если бы западные державы в борьбе не на жизнь, а на смерть придерживались бы легальных соглашений". (Конец цитаты).

2 апреля 1940 года в телеграмме, направленной из Лондона в Париж, в 19 часов, 12 минут сообщалось, что первые транспорты должны "отбыть в день И.1" и что днем "И.1" должно явиться в принципе 5 апреля.

5 апреля граф де Лавар констатирует, что ни Германия, ни нейтральные страны не должны полагаться на то, что "Англия

15969

даст связать себя по рукам, следуя букве закона.

6 апреля 1940 года английский министр труда Эрнест Броун заявил, что ни Германия, ни нейтральные страны не могут рассчитывать на то, что западные державы будут придерживаться буквы международного права.

В тот же день, это было через день после минирования британскими вооруженными силами норвежских прибрежных вод, был издан секретный английский оперативный приказ "относительно подготовки для оккупации железно-рудного бассейна Северной Швеции, начиная с Нарвика". В этом приказе устанавливается, что задача передовых сил прежде всего состоит в том, чтобы (я цитирую): "обеспечить безопасность порта Нарвика и железной дороги, ведущей к шведской границе". Затем добавлялось, что командующий намерен "продвинуться до Швеции и занять железо-рудный бассейн в Гелливаре и важнейшие пункты этой территории, как только к этому представится возможность"; Эта формулировка, напоминающая прямо-таки слова из документа обвинения Л-79: "При первой подходящей возможности напасть на Польшу".

Первоначальный план отправить первый транспорт в Норвегию 5 апреля был изменен, так как вечером 5 апреля британское главное командование сообщило главнокомандующему французскими военно-морскими силами о том, что (я цитирую): "первый английский караван судов сможет выйти не ранее 8 апреля, что в рамках составленного расписания создает такое положение, что первый французский десант должен покинуть свою базу 16 апреля".

15970

H1211-0035

H1211-0036

Точности ради следует еще указать на то, что норвежская операция с союзной стороны имела кодовое обозначение "Стратфорд-план", в то время как германская норвежская операция разрабатывалась под кодовым обозначением "Везерубунг".

Приводящиеся выше факты показывают следующее:

С осени 1939 года принимались подготовительные меры на случай возможной операции против Норвегии путем исследования возможностей высадки десантов и тому подобное. С января - февраля 1940 года грозила опасность оккупации опорных пунктов в Норвегии союзниками. В марте 1940 года было принято окончательное решение об осуществлении этого плана и отправка первого каравана судов была назначена на 5 апреля. Одновременно произошло минирование норвежских территориальных вод; в то же самое время в британских и французских отправных портах концентрировались войска для норвежской операции. Тем самым имелась налицо отличительная черта, определяющая состав преступления в соответствии с международным правом и обусловленная нарушением нейтралитета, намечавшегося в ближайшим будущем, частично нарушение нейтралитета уже состоялось (минирование). Это был момент, когда Германия в соответствии с понятием самообороны, содержащимся в международном праве, могла прибегнуть к эквивалентным контрмерам, то-есть могла оккупировать Норвегию, чтобы предотвратить грозившую оккупацию Норвегии другой воюющей стороной. Как оказалось, это

15971

произошло даже в последний момент, ибо Германия предупредила союзников только потому, что британское верховное командование перенесло срок отплытия первого каравана судов, назначенного на 5 апреля. Германское мероприятие против Норвегии должно поэтому рассматриваться, как справедливое, согласно принципам международного права. Я твердо убежден, что Высокий суд, учитывая описанные обстоятельства и ныне действующие положения международного права, констатирует, что гросс-адмирал Редер в отношении оккупации Норвегии действовал из чисто стратегических соображений, соблюдая нормы международного права и, согласно этому, оправдает его от выдвинутых против него обвинений.

По вопросу о Норвегии Обвинение вменяет в вину Редеру, а также Деницу то, что нарушение международного права заключалось также в том, что, согласно приказу от 30 марта 1940 года военно-морские корабли до высадки десанта должны были следовать под английским военным флагом.

Это представляет собой также заблуждение Обвинения, относящегося в международном праве к разделу о войне на море. Гаагская конвенция о правилах ведения сухопутной войны, правда, категорически запрещает злоупотребление флагом. Однако в морской войне на этот вопрос, согласно существующему международному праву, можно ясно ответить, таким образом, что суда до начала военных действий могут следовать под своим вражеским или нейтральным флагом или даже без флага.

15972

H1211-0037

H1211-0038

В этом отношении разрешите мне сослаться на юридические аргументы доктора Мозлера в его экспертном заключении, § 7, и в частности, на места, приводящиеся им из научной литературы, в соответствии с которыми использование чуждого флага повсюду рассматривается, как справедливая военная хитрость и в соответствии с которым британская практика также допускает использование фальшивого флага; между прочим об этом свидетельствует исторический прецедент, согласно которому Нельсон во время наполеоновских войн шел на широте Барселоны под французским флагом, чтобы заманить испанские суда.

Да к тому же в данном случае этот спор излишен, ибо в действительности только что упомянутый приказ относительно следования судов под английским флагом был отменен, согласно документальным доказательствам 8 преля, то-есть до выполнения норвежской операции.

В заключение я хотел бы в связи с темой о Норвегии подчеркнуть, что Редер и германский военно-морской флот сделали все после оккупации Норвегии, чтобы превратить отношения с Норвегией в дружественные, а также достойно и хорошо обращаться со страной и народом во время оккупации и не возлагать на него ненужных тягот. Редер и командующий флотом в Норвегии генерал-адмирал Бем далее старались заключить мир с Норвегией при соблюдении норвежских национальных интересов. Этим усилиям противостояла назначенная Гитлером и Гиммлером так называемая, гражданская

15973

H1211-0039

администрация имперского комиссара Тербовена, которая, в противоположность вооруженным силам, находилась в связи с партией, СС, СД и гестапо. Редер, как подтверждает Бем в своих письменных показаниях, все время выступал перед Гитлером за осуществление общих идей, призывающих к хорошему обращению с норвежским народом и к быстрому заключению мира и вместе с Бемом вел решительную борьбу с Тербовеном. Но и здесь налицо то трагическое обстоятельство, что вооруженные силы, несмотря на величайшие усилия, не могли достичь своего из-за диктатуры Гитлера, а также диктатуры, которая с ведома Гитлера осуществлялась таким незначительным имперским комиссаром как Тербовен. Норвежский народ, который должен был страдать от оккупации, знает, - и это единственное утешение для Редера - что в этих страданиях виновен не военно-морской флот. С другой стороны, любопытно заметить, что именно разногласия, возникшие из-за Норвегии между Гитлером и Редером, были одной из главных причин, побудивших Редера в декабре 1942 года потребовать своей окончательной отставки. Другие причины заключались в том, что у Редера с Гитлером были разногласия также из-за Франции, так как Редер также и в данном случае требовал заключения мира, тогда как Гитлер при своем отсутствии чувства меры отрицательно относился к тому, чтобы в какой-либо степени пойти навстречу оккупированным областям, а также у него были разногласия с Гитлером из-за России, так как он выступал за соблюдение германо-русского договора

15974

и высказывался против нарушения договора и войны с Россией.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас Трибунал об"являет перерыв.

(Перерыв на 10 минут).

Тем самим я перехожу к обвинению, выдвинутому представителями Обвинения, относительно агрессивной войны против России. Представителя Обвинения в этой области нельзя как следует понять. Речь идет о сухопутной войне, так что военно-морской флот не должен был делать каких-либо приготовлений за исключением небольшой подготовки на Балтийском море. Сверх того обвинение само заявило, что Редер был противником войны против России. Единственно, что может остаться от этого обвинения, это утверждение, что Редер в принципе был за войну с Россией и противоречил Гитлеру лишь в отношении срока. Обвинение, ссылаясь на документ С-170, говорит, что Редер лишь рекомендовал оттянуть войну с Россией до победы над Англией. Согласно документу С-170, действительно может возникнуть такое представление. В действительности, однако, дело обстоит иначе и истинное положение вещей было выяснено с помощью представления подробных доказательств. Свидетель адмирал Шульте-Ментинг ясно показал - и при чем ему никто не возражал во время перекрестного допроса - что Редер выступил не только с возражением, обусловленным фактором времени, а что он в принципе спорил с Гитлером против похода на Россию и причем из моральных, международно-правовых соображений;

15975

H1211-0040

H1211-0041

просто потому, что он считал, что как договор о ненападении с Россией, так и торговый договор должны выполняться при всех обстоятельствах. Военно-морской флот в особенно больших масштабах принимал участие в осуществлении договоров о поставках, заключенных с Россией и постоянно старался точно выполнять эти договоры. Наряду с этим принципом верности договору, то-есть наряду с соображениями общего порядка, Редер защищал также то мнение, что война против России явится наверным шагом и в стратегическом отношении. Его собственные показания и показания Шульте-Ментинга показывают, что Редер в сентябре, ноябре и декабре 1940 г. постоянно старался отвлечь Гитлера от мысли о войне против России. Это верно, что в документе С-170 изложено только стратегическое обоснование возражений. Да это и неудивительно, ибо в бумагах командования военно-морских сил, естественно, записывались только те обоснования, которые имели значение в военно-техническом и стратегическом отношении, но не политические аргументы. Я уже показал, что Гитлер в принципе не допускал того, чтобы Редер, как главнокомандующий военно-морскими силами, вмешивался в вопросы внешней политики, то-есть в дела, которые не имели отношения к его ведомству. Если все-таки Редер, наперекор воле Гитлера, пытался это сделать и при чем в особо важных случаях, то он мог решиться на это лишь наедине с ним и соответственно этому не мог записывать содержание этих бесед в дневник военных действий; но он всегда рассказывал о них начальнику

15976

его штаба, как своему самому доверенному лицу. Вследствие этого Шульте-Ментинг мог отчетливо подтвердить, что Редер в этом случае возражал Гитлеру из соображений международного права и морали, ссылаясь, кроме того, на стратегические причины в надежде, что он сможет таким образом лучше повлиять на Гитлера, так же как и Редер. Шульте-Ментинг даже заявил, что Редер в ноябре после одного заседания думал, что он отговорил Гитлера от его планов. Я думаю, что тем самым дело выяснено и также и здесь остается только то трагическое положение, что Гитлер так же мало слушал политические возражения Редера относительно России, как и относительно Норвегии и Франции.

Также обстоит дело с обвинением в отношении агрессивной войны против Америки и в отношении нарушения нейтралитета Бразилии. Оба обвинения в рамках представленных доказательств в достаточной мере доказывают неправильность, мне остается лишь коснуться этого совсем кратко.

Прежде всего обвинение представило все таким образом, будто Редер как-то способствовал тому, чтобы вовлечь Японию в войну против Америки. В действительности же не имели места какие-либо переговоры между Японией и Редером по вопросам морской стратегии. Редер придерживался всегда той точки зрения, что надо избегать войны с США, а также с Россией. Эта установка также понятна, так как, более того, он придерживался той точки зрения, что Гитлер ни при каких обстоятельствах не должен воевать с Англией.

15977

H1211-0042

H1211-0043

После того, как дело все же дошло до войны с Англией, он должен был в качестве главнокомандующего военно-морским флотом приложить все свои усилия для успешной борьбы с Англией. Редеру была известна степень боеспособности военно-морского флота и поэтому совершенно исключается, что он содействовал расширению морской войны, так как он уже войну с Англией считал слишком тяжелой. В представленном Обвинением документе С-152 говорится лишь о предложении, заключающимся в том, что Япония должна выступить против Сингапура, исходя из того, чтобы не допустить участия Соединенных Штатов в войне. Пожелание высказанное по адресу Гитлера относительно того, что Японии следовало бы напасть на Сингапур, в любом отношении является вполне корректным. Мы уже находились в состоянии войны с Англией и Редер должен был попытаться сконцентрировать все силы против Англии.

В этом отношении он имел право предложить Японии, как союзнику, напасть на Англию. Впрочем это совещание Редера датировано только 18 марта 1941 г., в то время как Гитлер в своей директиве № 24 от 5 марта 1941 г. указал, что Японии следовало бы напасть на Сингапур, как ключевую позицию Англии. Я разрешу себе включить в этой связи одно предложение:

Из заявления генерала Маршалла следует, что не было общего плана, составленного Японией и Германией.

Как подтверждает так же и Шульте-Ментинг, Редера так же ошеломило неожиданное нападение Японии на Пирл-

Харбор, как и всякого немца. Попытка Обвинения поколебать во время перекрестного допроса утверждение Шульте-Ментинга, путем пред"явления телеграммы, отправленной марионеточным атташе из Токио в Берлин от 6 декабря 1941 г., не имела успеха. Вероятно, Редер получил эту телеграмму тогда, когда нападение Японии на Пирл-Харбор уже состоялось 7 декабря 1941 г. и кроме того Пирл-Харбор совсем не упоминается в телеграмме.

Еще более реальным опровержением Обвинения, пред"явленного в связи с вопросом о Бразилии, является то, что обвинители после моего выступления во время представления доказательств ни в одном из перекрестных допросов Редера, Шульте-Ментинга и Вагнера не возвращались к этому вопросу.

Речь идет об обвинении в том, что, согласно дневнику Иодля, военно-морское командование уже за 2 месяца до начала войны Германии с Бразилией ØØØØ просило дать разрешение на то, чтобы начать военные действия против бразильских военных и торговых судов и это разрешение было получено. Помимо показаний свидетелей, это обвинение документально опровергнуто, а именно полной выдержкой из дневника Иодля, которую я пред"явил как доказательство "Редер № 115", а также и последующими документами, "Редер № 116-118)".

15979

H1211-0044

H1211-0045

Из этих документов явствует, что Бразилия нарушала нейтралитет тем, что разрешила Соединенным Штатам пользоваться бразильскими аэродромами для того, чтобы можно было оттуда совершать налеты на немецкие и итальянские подводные лодки. Помимо того бразильское министерство авиации официально сообщило, что бразильские военно-воздушные силы предприняли налеты. При такой позиции, нарушавшей нейтралитет ходатайство военно-морского командования относительно того, чтобы начать военные действия против бразильских судов было оправданным. И в этом случае Обвинению не удалось доказать пред'явленное Редеру Обвинение в преступлении, затрагивающем международное право или установить хотя бы маленькую погрешность в отношении международного права.

Весьма старательно Обвинение пред'явило невероятно обширный материал и многие детали вынудили меня в деле Редера к большой точности в предоставлении доказательств. Я пытался рассмотреть все пункты обвинения либо во время представления доказательств либо в моей защитительной речи и пытался также как можно яснее показать, что все пункты Обвинения, частично на основании фактов и частично на основании юридических положений, не соответствуют составу преступления, предусматриваемому настоящим Уставом.

В тех случаях когда я, несмотря на мое стремление к большой точности, не затрагивал некоторых документов, то значит они казались мне документами, имеющими небольшое

значение или не относящимися к уголовному праву. Например многочисленные случаи, в которых Редер упоминается лишь потому, что он, не участвуя официально, по формальным причинам получал копии документов. Было бы утомительно углубляться в эти повторяющиеся подробности, хотя Обвинение и повторяло неутомимо эти формальные данные так, что иногда ~~приходилось~~ хотелось вспомнить слова Наполеона, что повторение является тем словесным приемом, который действует всего убедительней.

Далее, я считаю возможным в защитительной речи по делу гросс-адмирала Редера отказаться от аргументации относительно действительных военных преступлений или от преступлений против человечности, ибо я не мог установить связи между Редером и материалом Обвинения, представленным по этим преступлениям. Против Редера не возбуждено также никакого специального обвинения в этом отношении, за исключением обоих случаев, связанных с приказом о командах, а именно расстрела двух солдат в Бордо и расстрела британского солдата Эванса, который был захвачен СД на шведской границе после того, как он перед этим участвовал в партизанском нападении на "Тирпиц". В этом отношении Обвинение, поскольку оно касается военно-морского флота, было опровергнуто во время представления доказательств. Об этих двух случаях военно-морское командование/вовсе не/ узнало или узнало лишь задним числом - как раз перед уходом Редера в отставку, - в обоих слу-

15981

H1211-0046

H1211-0047

чаях действия были предприняты на основании приказа о командах, изданного самим Гитлером или СД, без ведома и желания военно-морского командования, и самое главное - в обоих случаях документы Обвинения показали, что вышеупомянутые сол-даты были в штатском, т.е. не могли претендовать на то, что они будут находится под охраной Женевской конвенции.

Весь прочий состав преступления, который Обвинение отдельно изложило в связи с Востоком, мне не нужно разбирать, ибо Редер не принимал в этом участия. Я также надеюсь в этом отношении на то, что Суд согласится со мной, если я напомню ему рассмотрение Катынского дела, во время которого Суд указал на то, что Редер не замешан и отклонил поэтому мое участие, как защитника, в рассмотрении дела, я считаю, что я должен сделать отсюда юридический вывод, что Редер, даже если признать, что существовал заговор, не может считаться виновным в этих деяниях, так как он ничего не знал об этих событиях и ничего общего не имел с этими событиями.

Система доказательства обвинения основывается на желании добиться победы и признания ее основной теоретической идеи, а именно той идеи, что так много преступлений не могут исходить от воли одного/единственного человека, а что в основе их должен, напротив, лежать заговор, охватывающий многих лиц. Логически этими лицами могли быть прежде все

го только соратники Гитлера, т.е. действительные национал-социалисты. Однако, так как Гитлер хотел достичь и достиг существенных достижений в военной и экономической областях, произошло нечто своеобразное: среди национал-социалистов не оказалось специалистов в этих областях. Большинство национал-социалистових сотрудников не имело профессий со специальным образованием. Поэтому Гитлер, несмотря на свое желание иметь вокруг себя только национал-социалистов, призвал на руководящие посты в известные ведомства, прежде всего, специалистов, которые не были национал-социалистами, например, в экономической области - Шахт, в политической области - Нейрат и в военной области - Фрич, и в военно-морском флоте - Редер.

Обвинение, следуя своему вышеупомянутому желанию, в интересах своей теории заговора, не учитывало, что названные лица не были национа-л-социалистами, следовательно, совсем не могли принадлежать к заговору и не учитывали, что Гитлер пользовался этими людьми, не являвшимися национа-л-социалистами, лишь как специалистами в совершенно определенной области, и лишь только до тех пор пока он видел в этом необходимость и поэтому он соглашался на уход этих людей, который в конце концов духовно были ему чужды, как только разногласия с ними становились неразрешимыми, что, в зависимости от рода ведомства, должно было произойти с каждым в какой-то определеный момент.

15983

H1211-0048

H1211-0049

Этим широким толкованием понятия заговора и этим распространением своей борьбы на национал-социалистов Обвинение отошло от основной мысли, которая прежде пропагандировалась за рубежом, а именно идеи борьбы против национал-социалистов, а не Германии в целом, - два понятия, которые нигде и ни в какое время не были действительно идентичными, как пытается утверждать теперь Обвинение. Я думаю, что Обвинение этим самым также отказалось от основной идеи президента Рузвельта.

Но еще и второй фактический и юридический момент не учло Обвинение. Я подразумеваю понятие разделения на сферы компетенции в государственном праве, т.е. разделение на отдельные ведомства. Это разделение на сферы компетенции носит, основываясь на идее разделения труда, по своей природе разграничивающий характер; оно распределяет сферы деятельности с местной функциональной и деловой точки зрения. С одной стороны это распределение на сферы компетенции устанавливает в положительной форме ту сферу, внутри которой должны действовать отдельные ведомства; однако, в то же время оно устанавливает в негативной форме границы этой деятельности, определяя ту область, в которой данные органы не имеют отношения, и в которой они уже не имеют права развивать официальной деятельности.

В демократическом государстве связь осуществляется совместными заседаниями кабинета или через посред-

15984

ства премьер-министра, президента империи или канцлера империи. Иначе обстоит дело при диктатуре, особенно тогда, когда диктатор такого типа, как Гитлер, ловко использует разграничение отдельных ведомств в национал-социалистском государстве и заботится о том, чтобы отдельные ведомства по возможности были разобщены и чтобы решение каждого вопроса зависело от него как от диктатора, натравливающего даже одно ведомство на другое. Строгое проведение разграничение отдельных ведомств в национал-социалистском государстве особенно сильно противоречит понятию заговора и затрудняет одному ведомству вмешиваться в полномочия другого, в какой бы то это форме не проявлялось.

Значение этого положения можно продемонстрировать на следующем примере.

Такие дела, как установление политических связей с другими государствами, заключение с ними договоров и союзов или расторжение их, об'явление войны или установление мира относятся к компетенции органов, занимающихся внешнеполитическими вопросами, а не к компетенции тех учреждений, в задачи которых входит решение внутриполитических вопросов страны. Как например, вопросы финансов империи, права, армии.

Из этого следует вывод: так как решение вопроса о

15985.

H1211-0050

H1211-0051

том, быть войне или миру не является делом военного ведомства, то последнее должно следовать решениям, принятым политическим руководством, решениям, имеющим обязательную силу для военных инстанций. Военный начальник на основании этого решения делает соответствующие выводы для своего ведомства. После об'явления войны военные люди должны воевать. Ответственности за войну, возникновение которой решилось не ими, они не несут.

Поэтому для армии агрессивная война существует только в стратегическом смысле. Во всем остальном любая война, которую она должна вести, является для нее вообще войной, независимо от того, как она юридически квалифицируется. Каждое ведомство несет ответственность за свою работу по нормам государственного и уголовного права. Но если в соответствии с этим главнокомандующий одной из составных частей вооруженных сил несет ответственность только за ведение войны, но не за ее возникновение, то и в деле стратегического планирования он может быть ответственным только за планирование, как таковое, но не за возможное возникновение той войны, планы ведения которой набрасывались в проекте.

Это разделение функций между ведомствами, важное с точки зрения государственного и уголовного права, проводилось Гитлером очень четко во всех областях в интересах укрепления его собственной власти, именно этим об'ясняется учреждение должности "уполномоченного по четырехлетнему плану", функции которого относятся собственно

15986

говоря к функциям министерства экономики, учреждение должности рейхскомиссара по делам оккупированных областей, функции которого относятся к функциям военной администрации, и, наконец, факт, интересующий нас в связи с делом Редера, факт строгого разграничения трех составных частей вооруженных сил и расформирование министерства рейхсвера или военного министерства, которое об'единяло и связывало эти три составные части, вооруженных сил. Чем больше создавалось ведомств и чем больше они раз'единялись, тем сильнее становилась власть Гитлера как диктатора, единственного человека, которому были подчинены все эти бесчисленные ведомства. Но вместе с тем как с точки зрения государственного, так и с точки зрения уголовного права уменьшилась ответственность за стратегические планы, разрабатываемые в отдельных ведомствах, в том числе и в военно-морском.

Главнокомандующий составной части вооруженных сил, в данном случае военно-морского флота, может быть ответственным только за планы, разрабатываемые по линии военно-морского флота; общие планы оставались ему неизвестными. Общие планы нигде не обсуждались совместно. Гитлер руководил в политическом и военном отношении их разработкой так как только у него сходились нити всей работы отдельных ведомств.

Я хотел бы в этой связи включить еще одну фразу и напомнить, что Геринг, например, узнал об операции в Норд

15987

H1211-0052

H1211-0053

вегии лишь в марте 1940 года, что является доказательством того, как были резко разграничены отдельные ведомства и в вооруженных силах.

К этому следует добавить, что составление стратегических планов - само по себе не может считаться наказуемым потому, что оно имеет место в любой стране и потому, что в любой стране командующий одной из составных частей вооруженных сил не знает и не может знать, с какой целью политическое руководство когда-нибудь использует разработанный им план, т.е. будет ли он использован для агрессивной или для оборонительной войны.

Документы, представленные в моих книгах документов, убедительно доказывают, что военные учреждения союзников подобно тому, как и военные учреждения Германии, разрабатывали стратегические планы таким же образом, в одной и тойже области и в одно и то же время. Это были планы относительно Бельгии, Норвегии, Голландии, Греции, Румынии и кроме того, союзники разрабатывали планы по разрушению румынских нефтяных промыслов и, в первую очередь, нефтяных промыслов на Кавказе. Правильность этих раз'яснений

15988

подтверждается как раз разработкой планов относительно Кавказа, которая велась в высшем совете, т.е. в об'единенном английском, французском генеральном штабе. Безусловно, высший совет откажется нести политическую ответственность за составление этих стратегических планов, хотя во время их составления Советский Союз поддерживал нейтралитет и, как подтверждают документы, осуществление этих планов затронуло бы не только Германию - страну, являвшуюся противником, но и нейтральный Советский Союз.

Сходство документов относительно этих планов очень убедительно и показывает определенную параллель. В этом отношении я могу сослаться на то, что я говорил здесь раньше по поводу крупных дебатов относительно важности представленных мною документов и относительно допустимости их; я хотел бы дополнительно сослаться на документ "Редер №130", представляющий собой письмо министерства иностранных дел Англии, в котором содержится отказ в представлении в мое распоряжение документов английского адмиралтейства, но в котором, однако, признается, что планы относительно Норвегии и Скандинавии составлялись, причем дополнительно указывается на то, что эти планы не были проведены в жизнь, факт, имевший место лишь вследствие того, что Германия предвосхитила проведение этих планов в жизнь.

Можно быть пацифистом и вследствие этого быть на-

15989

H1211-0054

H1211-0055

строенным принципиально против всего военного. Но тогда надо быть последовательным и протестовать не только против всего военного в Германии, но и во всякой другой стране. Можно осуждать то обстоятельство, что армия является исполнительным органом, разрабатывающим военные планы и можно требовать, чтобы в будущем составление подобных планов рассматривалось, как наказуемое действие. Но тогда наказуемым должно быть признано не только составление военных планов в Германии, но и в других странах.

Вышеизложенное показывает, что Обвинение игнорирует фактическое и юридическое положение дел, когда оно привлекает Редера к ответственности за политические решения хотя он не имел к ним никакого отношения, а действовал всегда только как солдат. Точно также как 130 лет тому назад не могло возникнуть мысли о том, чтобы предать суду адмирала диктатора Наполеона, так и теперь нельзя осудить адмирала диктатора Гитлера. Как раз при диктатурах не только уменьшается власть и влияние военного начальника, но также и снижается его ответственность, что игнорируется Обвинением, ибо диктатор держит всю власть в своих руках, поэтому он берет на себя всю ответственность. Это положение особенно верно по отношению к Гитлеру, который как диктатор обладал исключительной волей и чудовищной властью. Представитель Обвинения от Франции в своей речи от 7 февраля 1946 года здесь на процессе совершенно верно сказал:

"Гитлер был на деле воплощением воли".

Вытекающую отсюда власть Гитлера Обвинение совсем не принимает в расчет и во всяком случае игнорирует ее, описывая состав преступления и делая юридические выводы, насколько велика была его власть, показывает Густав ле Бон в своей известной книге "Психология масс" в главе "Вожди масс". Я цитирую:

"Внутри класса вождей можно произвести довольно резкое разграничение. К одной группе принадлежат энергичные, волевые лица, но без выдержки; к другой - люди, встречающиеся реже, с сильной волей и выдержкой ... - Вторая группа вождей, включающая людей с сильной волей и выдержкой, несмотря на отсутствие внешней импозантности, оказывает гораздо большее влияние" (конец цитаты).

К этому второму классу вождей относится Гитлер, который в соответствии с приведенной цитатой имел огромное влияние и, с другой стороны, внешне в своей коричневой военной форме не производил впечатления.

Густав ле Бон говорит дальше. Я цитирую:

"Настойчивая воля, которой они обладают, является исключительно редким и исключительно сильным качеством, подчиняющим себе все. Не всегда можно даже себе представить, на что способен человек с сильной волей. Ничто не противостоит ей: ни природа, ни боги, ни люди" (конец цитаты).

Учитывая эти слова, можно понять, что и Редер не мог противостоять этой воли.

15991

H1211-0056

H1211-0057

Остается еще один вопрос: является ли долгом солдата выступать с протестом, открыто восставать? На этот вопрос каждый военный начальник во всем мире и вообще всякий человек даст отрицательный ответ; исключение может составить только приказ диктатора, заставляющий совершить преступления, причем командующий, получивший этот приказ, должен ясно осознать его преступный характер. В соответствии с этим Редер мог бы быть привлечен к ответственности только за военные преступления, но не за политические, ибо за политические отвечает диктатор.

Если по делу Редера Обвинение пришло к другому выводу, то как я уже подчеркнул в своей вступительной части, это случилось потому, что оно, игнорируя фактическое и юридическое положение дел, рассматривало Редера как политического деятеля и солдата. На самом деле он был только солдатом. Он жил исключительно интересами военно-морского флота, за который он и теперь решительно выступает и готов нести ответственность. Он руководил военно-морским флотом и при поддержке своего офицерского корпуса он воспитывал личный состав честно мыслить и честно драться, как того требует принцип человечности от солдата. Недопустимо, чтобы офицеры и солдаты этого военно-морского флота дискредитировались действиями какого-то Гитлера и его национал-социалистами, чтобы старший офицер этого флота был об'явлен преступником. Перед историей Ре-

15992

может быть виновен потому, что он, как и многие другие в самой стране и заграницей, не распознал Гитлера и не имел достаточной силы для того, чтобы выступить против необыкновенной энергичности Гитлера; но бездействие не является преступлением. Все, что Редер в своей жизни делал или чего он не совершил основывалось на убеждении, что он поступает верно и что он должен так поступать, будучи солдатом, сознающим свой долг. Редер - офицер, пользующийся большим авторитетом. Он не является преступником и не может быть им потому, что он провел всю свою жизнь честно и по-христиански. Человек, который верит в бога, не может совершать преступления, а солдат, который верит в бога, не может быть военным преступником.

Поэтому я прошу Высокий Суд признать Гросс-адмирала почетного доктора Эрика Редера невиновным по всем пунктам пред'явленного ему обвинения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Предоставляю слово доктору Заутеру - защитнику подсудимого Шираха.

ЗАУТЕР. Господа Судьи, я представляю дело Бальдура фон Шираха.

Бальдур фон Ширах, будучи имперским руководителем молодежи, в 1936 году приветствовал гостей, присутствовавших на олимпийских играх в Берлине, следующими словами:

"Молодежь преодолевает все преграды и моря. Я взываю к молодежи всего мира и в ее лице к миру".

15993

H1211-0058

H1211-0059

Будучи гаулейтером Вены, Бальдур фон Ширах обратился в 1940 году к Гитлеру: "Вену можно завоевать не штыками, а только музыкой".

Два приводящихся выше высказывания являются характерными для этого подсудимого.

Задачей защиты является рассмотреть результаты представленных на этом процессе доказательств с тем, чтобы установить/ действительно ли этот самый Бальдур фон Ширах, провозглашавший такие программные тезисы, совершил те преступления против права и человечности, которые ему Обвинение вменяет в вину.

Ширах самый молодой подсудимый на этом процессе. Он является также тем подсудимым, который при своем вступлении в партию был намного моложе всех прочих; ему тогда не было и 18-ти лет. Уже одни эти факты являются в известной мере достаточными для того, чтобы судить о его деле. Еще на школьной скамье ~~подсудимых~~ поддался он обаянию нараждавшегося национал-социализма, прежде всего его неудержимо привлекала идея социализма, в соответствии с которой в государственном воспитательном институте не делалось никакого различия между сыновьями самых различных сословий и профессий; эти юноши, группировавшиеся вокруг Шираха надеялись, что народное движение 20-х годов в Германии возродит наше отечество, избавив от последствий проигранной первой мировой ~~войны~~ войны и обеспечит ему более счастливое будущее. и судьбе было угодно, чтобы уже в

15994

1925 году в городе Гете - старом Веймаре Ширах лично установил контакт с Гитлером.

Личность Гитлера произвела на молодого Шираха, по его собственному признанию, чарующее впечатление; програм ма народной общности, намеченная Гитлером в то время, сильно увлекала его, потому что он думал найти в ней в большом масштабе то, что он в малом масштабе сам наблюдал на примере товарищества, которое существовало в государственном институте и в его организации молодежи.

Гитлер казался ему и его товарищам человеком, который приложит молодому поколению дорогу в будущее. От этого человека молодое поколение ожидало получить работу, обеспеченное существование, жизненное благополучие .

Таким образом юноша стал убежденным национал-социалистом; он стал им благодаря среде, в которой он провел свои юношеские годы, среде, которая представляла собой слишком благоприятную почву для возникновения того мировоззрения, к которому примкнул молодой Ширах, потому что он считал его в то время правильным. Эта среда, в которой он провел свои молодые годы, и одностороннее чтение политической литературы, которую глотал молодой человек в своей ненасытности к образованию, превратили его, молодого и неопытного в антисемита, разумеется в антисемита не в духе тех фанатиков, которые затем создали Освенцим и убили миллионы евреев, а в такого умеренного антисемита, который

15995

H1211-0060

H1211-0061

желал бы ограничить еврейское влияние в управлении государством и в культурной жизни, в остальном же хотел предоставить свободу и право так же и еврейским согражданам и никогда не думал об истреблении еврейского народа.

Так по крайней мере представлял себе в те годы молодой Ширах антисемитизм Гитлера. Тот, что таковы были действительно взгляды Шираха, свидетельствует заявление Шираха, которое он сделал на процессе во время утреннего заседания от 24 мая 1946 года и в котором он прямолинейно назвал преступления, совершенные Гитлером, позорным пятном нашей истории, о вызывающим стыд у каждого немца. Это то заявление, в котором он открыто высказывается в том духе, что Освенцим должен явиться концом всякой расовой политики и всякого антисемитизма.

Это показание Шираха здесь в зале заседания было чистосердечным, оно явилось результатом страшных разоблачений, о которых он узнал на процессе и Ширах сделал здесь это заявление перед лицом широкой общественности для того, чтобы вывести немецкую молодежь с дожного пути, по которому она идет, на путь справедливости и терпимости.

Господа судьи, я хочу рассмотреть важнейшие пункты Обвинения, выдвинутые против Шираха и существенные результаты возникшие в ходе представления доказательств по отдельным пунктам.

15996

Во-первых, подсудимому Шираху вменяется в вину то, что он до прихода национал-социалистов к власти, т.е. до 1933 года активно содействовал национал-социалистской партии и примыкающей к ней организации молодежи и тем самым способствовал приходу партии к власти. Как говорится в судебных выдержках "он был покорный и преданный приверженец Гитлера, он слепо верил в Гитлера и в его национал-социалистские идеи, и как руководитель союза студенческой молодежи он приобщил студентов политически и идеологически к национал-социализму и завоевал их для служения ему".

Все это Ширах никоим образом не оспаривает все, что ему в этом отношении вменяется в вину, он совершил, в этом он открыто сознается и это он защищает и сегодня.

Единственное, что он категорически отвергает, как не имевшее место не в упомянутый период не позже, это обвинение в том, что он принимал участие в заговоре. Ширах сам указал на то, что принцип фюрерства и диктатура по своей сущности, как ему кажется, безусловно несовместимы с понятием заговора, заговор в его представлении логически с точки зрения представляет собой нелепость, если в нем принимают участие миллионы сообщников, и если его цели известны внутри страны и за ее пределами.

15997

H1211-0062

H1211-0063

Из результатов этого процесса мы знаем, что Гитлер, кроме Бормана и Гиммлера, не имел других друзей и советников, которых бы он посвящал в свои планы и цели, напротив, он осуществлял принцип фюрерства до крайних пределов Он не признавал ни обсуждений, ни высказываний, которые имели бы какое-либо влияние на его волю; он принимал самостоятельно все свои решения, не выслушивая мнение людей, его окружавших. Он признавал лишь только свои приказы с одной стороны и беспрекословное повиновение с другой.

Так в действительности выглядел этот "заговор", я не хочу делать дальнейшие высказывания в этой связи, мы все присутствовавшие на этом процессе никогда бы не считали возможным такое радикальное безудержное внедрение принципа фюрератва, если бы не все подсудимые и все свидетели, которые в курсе этого, не рисовали бы нам все в один голос без единого исключения, одну и ту же картину.

Ширах не отрицает, что он совсем молодым человеком всецело поддался обаянию Гитлера, что он все свои молодые силы отдал на служение этому делу и что, как говорится в обвинительном акте в то время он был беспредельно предан Гитлеру.

Если это было преступлением молодого Шираха, преступлением, которое вместе с ним совершали миллионы старших по возрасту, испытанных и зрелых немцев, то вы, как судьи, можете его за это осудить, если наше судопроизводство дает на это правовое основание.

Это было бы следующим разочарованием из числа тех многих других, которые уже пережил в течение ряда лет подсудимый Ширах; сегодня Ширах знает, что он был до конца верным спутником человека, который того не заслуживал, и он также сегодня знает, что идеи, которые его воодушевили

в его молодых годах и которым он принес себя в жертву, на практике служили целям, о которых он сам никогда не думал. Но даже Ширах до сегодняшнего дня, очищенный от скверны в результате своего горького опыта, не может увидеть уголовного преступления в деятельности, которую он в свои молодые годы с доброй надеждой развивал вместе с миллионами других немцев из народа, служа Гитлеру и партии, ибо партия казалась ему тогда вполне законной. Ширах никогда не смоневался, что партия законным путем пришла к власти. Приход партии к власти, назначение президентом фон Гинденбургом Гитлера на пост рейхсканцлера и большинство голосов, поданных за партию во время повторных выборов и т.п. все больше и больше являлось для молодого Шираха подтверждением законности движения, к которому он присоединился. Если сегодня он должен нести наказание за то, что своим фюрером он считал Гитлера, которого миллионы немцев и все государства мира признали законным главой государства, то, конечно, Ширах никогда не сможет рассматривать такое решение справедливым и не сможет согласиться с ним. Несмотря на жестокий приговор, который он сам вынес Гитлеру, в этом зале суда, и который он должен был произнести, следуя своему убеждению, он почувствует себя жертвой своих политических убеждений, если его осудят за то, что он, будучи молодым восторженным человеком, примкнул к национал-социалистской партии, помогал создавать ее и способствовал приходу этой партии к власти. Тогда он не считал это преступлением и с своей точки зрения рассматривал это как долг перед Отечеством.

15999

H1211-0064

H1211-0065

Второе, гораздо более серьезное обвинение, которое пред'является подсудимому Шираху, заключается в том, что он, будучи имперским руководителем молодежи с 1932 по 1940 г.г. (я дословно здесь цитирую обвинение): "отравлял мировоззрение молодежи нацистской идеологией и в частности подготавливал эту молодежь к агрессивной войне".

Ширах с самого начала со всей категоричностью оспаривал это утверждение и в ходе представления доказательств это утверждение не подтвердилось.

Закон о "Гитлеровской молодежи" от 1936 г. гласит о задачах Шираха, как руководителя "Гитлеровской молодежи", следующее. Я цитирую: "Вне родительского дома и за пределами школы организации "Гитлеровской молодежи" и ее руководитель Ширах должны воспитывать молодежь физически, духовно и нравственно в духе национал-социализма для служения народу и идеи народной общности". Такова эта программа. Эта программа дословно повторяется в инструкции от 1939 года, которая была издана тогда так поздно, а именно через три года, потому, что Ширах хотел ввести обязательное членство только тогда, когда организация "Гитлеровской молодежи" практически уже охватывала ~~идеи~~ в результате добровольного вступления всю германскую молодежь и поэтому обязательное членство на будущее время существовало лишь только на бумаге. В программе "Гитлеровской молодежи", сформулированной Ширахом, в его речах и сочинениях, ибо нет другой программы "Гитлеровской молодежи", нельзя найти ни одного слова, которое

16000

бы свидетельствовало о военном воспитании молодежи, не говоря уже о подготовке молодежи к агрессивной войне. Но и воспитание молодежи на практике по мнению Шираха, не указывает на то, что проводилась военная подготовка молодежи с такой целью. В этой связи ссылались на то, что "Гитлеровская молодежь" была разделена на различные "отделения и подразделения", как сказано в обвинительном заключении. Это верно, хотя приведенные Обвинением обозначения являются неправильными и не имеют ничего общего с военными формулами. Но ведь каждый союз молодежи во всем мире делится на большие и малые подразделения; ведь каждая из этих единиц должна, естественно, иметь обозначения, а также ответственного руководителя и также как и в других странах, так и в германской "Гитлеровской молодежи" руководитель каждого подразделения должен был выделяться каким-либо образом с помощью документа, звездочки, или какого-либо отличительного значка. С военным характером воспитания молодежи это, конечно, не имеет ничего общего. Шираху точно известно на основании его знакомства с другими странами, что и иностранные организации молодежи, как в Швейцарии, так и во Франции, как в Англии, так и в Америке, в Чехословакии и в Югославии имеют подобные подразделения и отличительные значки, но нам до сих пор не приходило в голову из-за этого называть иностранные организации военными формациями молодежи.

Далее указывалось на то, что молодежь Германии, а именно формации, об'единявшие юношей, обучались стрельбе. Это правильно, но по мнению Шираха также и это обстоятв

16001

H1211-0067

льство мало что доказывает, так как гитлеровская молодежь обучалась стрельбе лишь только из так называемых мелкокалиберных винтовок, следовательно из своего рода штутцеров, которые нигде на земном шаре не рассматриваются как военное оружие и которые даже в Версальском договоре не причисляются к видам военного оружия. Гитлеровская молодежь Германии во время своего существования не имела ни одного вида военного оружия, ни одной винтовки пехотного образца, ни одного пулемета, никаких моторизированных самолетов, ни одной пушки, ни одного танка.

Если говорят о военном воспитании, то это воспитание должно производиться в первую очередь при помощи военного оружия, т.е. оружия, которое употребляется в современной войне. Правда, как было установлено во время перекрестного допроса подсудимого Шираха референт доктор Штельрехт, который был ответственен за обучение стрельбе, пытался придать именно этой области воспитания молодежи большое значение потому, что он хотел выставить свою должность как особенно военную; Ширах смог убедительно показать, что у него именно из-за этого были противоречия с этим своим референтом и он наконец расстался с этим д-ром Штельрехтом, потому что он (Ширах) не признавал такого воспитания, которое преследовало бы военную подготовку молодежи своей целью. Даже сам дер Штельрехт, которого обвинение вызвало в качестве свидетеля, который должен был давать показание против Шираха, в свое время должен был признать, что ни один мальчик в Германии не тренировался в стрельбе из военного оружия, ни одному не давалось оружие в руки. Так дословно гласит показание доктора Штельрехта.

Для рассмотрения всех этих вопросов имеет значение тот факт, что Ширах принципиально отказался от того, чтобы офицеры, состоящие на действительной службе и офицеры в отставке воспитывали молодежь, так как он считал, что эти люди совсем не подходят для воспитания молодежи в том духе, который он рассматривал как цель своей деятельности.

Кроме того, ни Ширах, ни его ближайшие сотрудники не были до войны офицерами. Это также относится к подавляющему большинству высших и младших руководителей "Гитлеровской молодежи", которые подчинялись Шираху.

16002

Все эти факты установлены свидетельскими показаниями самого подсудимого Шираха, а также показаниями допрошенных здесь свидетелей Лаутербахера, Густава Хепкен и Марии Хепкен. Эти свидетели были в течение долгих лет ближайшими сотрудниками Шираха, им точно известны его взгляды и принципы, и они единогласно подтвердили, что нельзя было говорить о военной или допризывной подготовке в организации "гитлеровской молодежи".

Господа судьи, я хотел бы сделать здесь дополнительное замечание. Я только что назвал имя свидетеля Лаутербахера. Во время перекрестного допроса Обвинение сделало попытку усомниться в правильности показаний свидетеля Лаутербахера, спросив его во время допроса, 27 апреля 1946 года, сколько людей Лаутербахер приказал публично повесить, обвинив его в том, что Лаутербахер распорядился, чтобы 400 или 500 человек из тюрьмы Хамельн были отравлены или расстреляны. В этой связи американский обвинитель представил семь аффидевитов (документ США-814) и в том числе аффидевит Иосифа Кремера, который действительно утверждал в своем аффидевите, что свидетель Иосиф Кремер, дававший показания в пользу Шираха, будучи гаулейтером Ганновера, издал приказ об убийстве заключенных. Я на заседании Трибунала 27 мая 1946 года опротестовал этот аффидевит Крамера и представил Вам господа судьи, газетное сообщение, в котором говорится, что 2 мая 1946 года этот самый Крамер был осужден Трибуналом -5 дивизии американской армии к семи годам тюремного заключения. Кроме того, несколько дней

16003

H1211-0068

H1211-0069

тому назад, я представил в качестве доказательства сообщение из "Рейн-Неккар Цайтунг" от 7 июля 1946 года, в котором сказано, что свидетель Герман Лаутербахер был оправдан британским военным Трибуналом в Ганновере. Отсюда следует, что подозрение высказанное в свое время Обвинением относительно правдивости показаний свидетеля Лаутербахера и ссылка Обвинения на аффидевит Кремера является необоснованным.

Я хочу далее продолжать мою речь на странице 8-й.

В качестве контрдоказательства Обвинение указало на то, что члены гитлеровской молодежи" носили военную форму. Это правильно, но это еще ничего не доказывает, так как также молодежные организации других стран имеют обыкновение носить нечто вроде военной формы, но их не называют военными или полувоенными соединениями. И Ширах, как и различные его сотрудники сообщали мне, что в некоторых демократических странах, которые, безусловно, не замышляют никакой войны, а тем более агрессивной, молодежь обучается владеть настоящим военным оружием и организует ежегодно соревнования по стрельбе из военных винтовок.

Почему же Ширах ввел для членов "гитлеровской молодежи" военную форму и не только для молодежи мужского пола, но и для девушек? Ответ на этот вопрос мы слышали здесь от многих свидетелей. Ширах видел в этой единой форме мальчиков и в форменном платье девушек "Одеяние социализма". Ребенок богача-промышленника "Костюм олицетворяющий товарищество", должен носить такую же одежду, что и сын шахтера. У сына милионера должна быть

16004

такая же одежда, как у безработного, говорил в свое время Ширах. Форменная одежда гитлеровской молодежи, как писал Ширах в своей книге "Гитлеровская молодежь" еще в 1934 году, должна была являться выражением неклассовой принадлежности или состоятельности, а выражением трудовой деятельности". Форменная одежда, гитлеровской молодежи не являлась для Шираха, как он это далее замечает в своей книге, выражением какого-либо милитаризма, но являлась символом выражающим идею гитлеровской молодежи, т.е. идею бесклассовой общности в духе того девиза с которым он обратился к молодежи в 1938 году. "Через социализм - к нации". Этому основному принципу, витекающему из проводящихся ~~всех~~ цитат, Ширах всегда оставался верен. Так, например, в 1937 году в официальном журнале "Гитлеровской молодежи" он писал, я цитирую: "Форменная одежда не является выражением воинственного духа, а выражением товарищества", она уничтожает сословное различие и превращает сына самого незначительного рабочего в равноправного члена общества; в нашей новой Германии юное поколение должно стать неразделимым коллективом". Здесь конец цитаты. Я цитировал из журнала "Гитлеровская молодежь".

Об этой дружбе и об этом социализме мечтал Ширах, когда он в своей книге "Гитлеровская молодежь" в 1934 году писал о том, каким он себе представляет этот социализм, я цитирую опять дословно: "Социализм не значит - взять плоды работы одного человека и дать от этих плодов понемногу всем. Нет. Каждый должен работать и пожинать

16005

H1211-0070

H1211-0071

плоды своей работы. Один не должен богатеть за счет нужды тысячи других. Кто сам эксплоатирует своих рабочих и грабит общество для того, чтобы наполнить собственные сундуки, является врагом германского народа" Здесь конец цитаты, показывающей позицию подсудимого фон Шираха.

В своих многочисленных сочинениях, статьях и речах, которые собраны в книге документов и пред"явлены суду, Ширах все вновь и вновь указывал на то, что он не желает какой-либо псевдо-военной муштры, которая бы уничтожила у молодежи любовь к их новому движению". Обучение молодежи стрельбе из мелкокалиберного оружия происходило наравне с тренировкой по всем видам спорта и отвечало наклонностям юношей, которые, безусловно, во всех странах мира проявляют интерес к стрельбе, как к спорту. По своему об"ему и значению этот вид спорта заметно уступал место тем великим целям, которые преследовал Ширах в организации "Гитлеровской молодежи" и о которых не только Ширах, но так же и другие допрошенные свидетели дали нам такое же ясное представление, как речи и статьи, автором которых является Ширах. Эти цели воспитания гитлеровской молодежи нужно здесь кратко изложить в такой форме, в какой они были установлены в ходе представления доказательств. Шираху, конечно, не пред"являют обвинение в связи с этими целями воспитания молодежи, но все-же их необходимо учесть, если вы хотите составить себе общее

впечатление о его личности, деятельности и о его планах. Наряду с уже упомянутым стремлением Шираха воспитать у молодежи чувство товарищества в духе социалистического классового равенства Ширах, как он здесь сам заявлял, преследовал главным образом, четыре цели:

Во-первых, обучение молодежи всем видам спорта и уходу за здоровьем и, причем эта область воспитания являлась значительной частью в воспитании гитлеровской молодежи, когда немецкая молодежь в 1936г. так неожиданно на олимпийских играх добилась такого большого успеха, это было до некоторой степени заслугой руководства гитлеровской молодежи совместно с имперским спортивным руководителем фон Тшаммер Остеном.

2. Следующей целью было требование повышения профессиональной квалификации и развития трудящейся молодежи, улучшение условий работы молодежи, именно трудящейся молодежи и, в частности, запрещение работы в ночных сменах, увеличение свободного времени у молодежи, представление оплачиваемого отпуска, запрета детского труда путем определения возраста, начиная с которого юнона может приниматься на работу и т.д. Требование повышения профессиональной квалификации пред"являлось Ширахом настолько строго, что в конце-концов ежегодно больше миллиона юношей и девушек проводило так называемое, соревнование на лучшее овладение своей профессией и что от года к году давало молодежи возможность очень заметно увеличивать свою производительность.

16007

H1211-0072

H1211-0073

Третьей целью Шираха было воспитание в молодежи любви к природе, с которой они знакомились, уезжая из душных городов, совершая путешествия и останавливались в туристских базах.

Тысячи молодежных домов отдыха и туристских баз было построено в течение этих лет по инициативе Шираха на собственные средства "Гитлеровской молодежи" для того, чтобы вырвать молодежь из больших городов с их соблазнами и пороками и приобщить их к сельской жизни, чтобы показать им прекрасные пейзажи их родины и дать детям самых бедных родителей возможность провести каникулы.

И, наконец, четвертая цель, которой Ширах уделял самое большое внимание, это - тесное содружество немецкой молодежи с молодежью других народов и именно,

Эта деятельность Шираха является как раз самым подходящим пробным камнем для того, чтобы установить, можно ли подсудимого фон Шираха обвинять в том, что он участвовал в составлении планов агрессивной войны и в преступлениях против мира. В своих свидетельских показаниях Ширах заявил, что систематически как зимой, так и летом, каждый год в гости к немецкой молодежи приезжали группы иностранной молодежи, а из материалов книги документов по делу Шираха, явствует, что, например, уже в 1936 году не менее, чем 200 тысяч молодых людей, иностранцев, останавливалось в немецких туристских базах. Каждый год немецкие молодежные делегации ездили за границу и особенно в Англию и Францию для

того, чтобы молодежь узнала друг друга, научилась уважать друг друга. Как раз эти установки Шираха совершенно не совпадают с ~~утверждением о том~~ намерении подготовить агрессивную войну и именно эти установки полностью признавались в довоенное время за рубежом.

В специальном номере журнала "гитлеровской молодежи, "Вилле унд Махт (воля и власть), посвященном только этой деятельности по созданию ~~взаимопонимания~~ взаимопонимания с молодежью за границей от 1937 года, изданном так же и на французском языке приводим мной здесь только в качестве примера, французский премьер-министр Шотан, будучи главой французского правительства, выразил свою готовность и в дальнейшем способствовать развитию этих мирных встреч. "Я желаю, - писал Шотан, - чтобы тысячи молодых людей этих обеих наций ежегодно ездили друг к другу и таким образом, узнавали друг друга, понимали и ценили друг друга".
И дальше он пишет: "Оба наши народа знают, что взаимопонимание наших обоих народов будет одним из важнейших факторов, который обеспечит мир во всем мире. Поэтому обязанностью тех, кто живет как по эту, так и по ту сторону границы и имеет ясный взгляд на вещи и человеческую интуицию, - является - трудиться над тем, чтобы достичь взаимопонимания и сближения обоих народов. Никто, однако, не сможет сделать это с большей искренностью и рвением, чем руководители нашей молодежи, французской и немецкой. Если они - эти руководители ~~молодежи~~ молодежи, ~~обоих~~ обоих наций смогут привести молодежь к единению, то этим все как будущее Европы так и культура человечества окажется в их руках". В таком же духе писал и тогдашний мэр города

16009

H1211-0074

H1211-0075

...аля Шираху. Он в то время закончил свой призыв в ежемесячном журнале немецкой "Гитлеровской молодежи" следующими словами. Я цитирую дословно: "Воспитание молодежи в этом духе - одна из важнейших задач политических деятелей наших стран". Французский посол Франуа Понсе в том же журнале в своей статье под заголовком "Молодежь как связующее звено" также всем сердцем признает эти установки Шираха и заканчивает свою довольно большую статью следующими словами. Я цитирую дословно: "Французское сотрудничество обогатит немецкую землю. Немецкое влияние оплодотворит французский дух... Пусть этот обмен процветает и дальше. Пусть те поколения, которые когда-либо из этого извлекут пользу, помогут тому, чтобы обе половины империи Карла Великого сблизились друг с другом, научились друг друга уважать, стали бы жить в дружбе и согласии, потому что инстинкт им подсказывает, что от этого зависит существование европейской культуры, потому что они знают, что у них гораздо больше причин к тому, чтобы уважать друг друга и восхищаться друг другом, чем друг друга ненавидеть" (Я кончаю цитату).

В следующем номере своего ежемесячного журнала Ширах сам на это отвечает пылкой статьей под заголовком "Привет Франции!", которая также опубликована на французском языке. В этой статье он пишет (я цитирую): "Сближение наших обоих народов является такой важной европейской задачей, не терпящей отлагательства, что для решения ее молодежь не должна терять времени", пытаясь выполнить ее. Фон Ширах

16010

пишет дальше: "Молодежь - лучший посол в мире, она непосредственна, прямодушна, лишена извечного подозрения, от которого дипломаты часто не могут исцелиться, ибо оно является до некоторой степени их профессиональной болезнью. Конечно, добавляет Ширах, этот обмен молодежными делегациями не должен служить каким-либо целям пропаганды...."

Он пишет - я считаю своей непосредственной задачей организовать встречу немецкой и французской молодежи, которая не должна остаться красивой фразой сказанной мною, но должна протекать в виде многочисленных личных бесед, в которых будут участвовать тысячи молодых немцев и тысячи молодых французов. В молодежь надо верить, потому что она действительно в силах создать настоящее взаимопонимание наших народов". И под конец Ширах напоминает о том, что все высшие руководители немецкой гитлеровской молодежи незадолго до этого во имя молодого поколения Германии возложили на могилу неизвестного солдата под триумфальной аркой во Франции венок и при этом он заканчивает следующими словами: " Воины великой войны погибли, выполняя свой патриотический долг и принося себя в жертву делу свободы, но немцы, как и французы, всегда уважали своих храбрых противников. Если мертвые уважали друг друга, то пусть живые попробуют протянуть друг другу руку. Если возвратившиеся домой фронтовые солдаты обеих наций смогли стать друзьями, почему же их сыновьям и внукам не быть друзьями." Это, господа судьи, слова этого Бальдура фон Шираха, которого обвинение хочет заклеймить как сознательного участника

16011

H1211-0076

H1211-0077

гитлеровского военного заговора. Этого неутомимого пророка содружества народов и мира Обвинение хочет превратить в военного преступника, который милитаризировал молодежь, готовя ее физически и морально к агрессивной войне, и который, якобы, работал против мира. Но доказательств этого Обвинение не могло до сих пор привести. Ширах писал для молодежи различные идеологические книги, которые затем в судебных выдержках были обращены против него, он опубликовал многочисленные сочинения в различнейших проблемах воспитания молодежи, его приказы и инструкции, которые он издавал для молодежи, находятся в Вашем распоряжении и в распоряжении защиты, но нужно констатировать, что среди всех этих выступлений не найдется ни одной строчки из всего написанного им, в течение всей его деятельности, которая бы призывала к войне или к агрессии против других стран. Правда представители Обвинения утверждали, что Ширах в своей книге "Гитлеровская молодежь", которую уже неоднократно упоминал, говорил о жизненном пространстве, сделав якобы тем самым этот лозунг гитлеровской внешней политики своим собственным. Это утверждение, однако, абсолютно неправильно, ни в книге "Гитлеровская молодежь" и ни в его остальных речах и сочинениях, это слово вообще не употребляется. Прана Ширах в своей книге"Гитлеровская молодежь", которая была издана в 1936г. в двух местах говорит о восточном пространстве, но это слово у него относилось не к Польше и не к Советскому Союзу, а к восточным провинциям, принадлежавшим и раньше к Германии, как известно и мало населенным

пригодным для размещения немецких контингентов населения из перенаселенных местностей.

Я хотел бы, заключая эту главу, сказать, что Ширах в течение всего времени, вплоть до начала второй мировой войны нигде не заявлял о том, что ему хочется, чтобы Германия завоевывала другие страны, он никогда не произносил презренных слов о расе господ, которыми якобы являются немцы о низших людях, представленных в лице других народов, напротив он всегда высказывался за сохранение миролюбивых отношений с соседними народами. Он всегда вступал за мирное решение возникавших конфликтов и за мирное урегулирование противоречивых интересов. И, если бы Гитлер испытывал хотя бы малейшую любовь к миру, которую неустанно проповедывал Ширах, то быть может, мир был бы избавлен от бича войны.

(Об"является перерыв до 10 час. утра 18 июня, 1946 г.)

Ис-лт.

16013

H1211-0078

H1211-0079

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от I8 июля I946 г.

/Утреннее заседание/.

КОМЕНДАНТ СУДА: Господа судьи, сегодня на заседании суда отсутствуют подсудимые Гесс, фон Риббентроп и Фриче.

ЗАУТЕР:/защитник подсудимого Шираха/: Господа судьи! Я вчера окончил свои раз'яснения о пункте обвинения относительно того, что Ширах воспитывал молодежь Третьей империи в военном духе и подготавливал ее к ведению агрессивных войн, а также участвовал в заговоре против мира.

Теперь я продолжаю со страницы I5-й текста моей речи, где я обращаюсь к дальнейшим обвинениям, выдвинутым против подсудимого Шираха Обвинением.

Ввиду того, что Обвинение не смогло доказать, что подсудимый Ширах когда-либо до начала войны в чем-либо помогал военной политике Гитлера, - его хотят обвинить в том, что он различными путями был связан с СС и СА, в частности, что СС и СА, а также число руководящих работников в партии пополнялись именно из числа членов организаций "Гитлеровской молодежи".

Да, последнее утверждение действительно правильно, но оно все же не доказывает, что Ширах принимал участие в военной политике Гитлера или что он принимал какое-либо участие в военном заговоре Гитлера, ибо, если учесть, что 90 - 95% или даже еще большее число молодых немцев были членами организации "Гитлеровской молодежи", то становится ясным, что из ее числа из года в год пополнялись вышеуказанные организации и партия, так как другой молодежи в Германии фактически больше не существовало. Если же обвинение укажет в данном случае на соглашение между имперским руководством молодежи и рейхсфюрером СС о "Службе патрулирования", которая была введена в "Гитлеровской молодежи" с октября I938 г. /документ 2396-ПС/, то оно все же увидит, что каких-либо выводов для себя оно сделать

в «Гитлеровской молодежи»

все же не сможет, ибо "Служба патрулирования" была введена только для того, чтобы иметь возможность контролировать дисциплину членов организации на случай их показа широкой общественности. То-есть "Служба патрулирования" была ничем иным, как родом общественной полиции, которая имела власть только в отношении членов "Гитлеровской молодежи" и только в отношении их. Но для того, чтобы по данному вопросу не получилось каких-либо осложнений с общей государственной полицией, было необходимо этот вопрос урегулировать соглашением с рейхсфюрером СС - Гиммлером, ибо он был начальником всей германской полиции в Германии и мог воспрепятствовать осуществлению "Службы патрулирования".

Лишь это было единственной причиной, заставившей в октябре 1936 г. подписать вышеуказанное соглашение, которое с пополнением для СС в действительности имело так же мало общего, как с подготовкой войны. О том, как Ширах противился тому, чтобы какие-либо подразделения партии имели влияние на "Гитлеровскую молодежь", очень хорошо видно из того факта, что он в 1938 г. самым решительным образом протестовал против того, чтобы молодежь 2-х последних возрастов, т. е. с 16 до 18 лет переходила в ведение СА. Он решительно отверг этот план и путем личных переговоров с Гитлером добился того, что этот приказ не был проведен в жизнь. Что же касается его отношения к СС, то об этом известно из показаний свидетеля Густава Хепкена 28 мая 1946 г. и аффидевита свидетельницы Марии Хепкен /Ширах/ книга документов № 3/, которые говорят, что Ширах в Вене всегда опасался того, что за ним следят и шпионят эсэсовцы. С тех пор, как ему к началу его венской деятельности по должности имперского наместника и имперского комиссара обороны дали постоянного заместителя в лице одного из высших руководителей СС д-ра Дельбрюгге, который, как Ширах знал, был близок к рейхсфюреру СС,

16085

H1211-0080

H1211-0081

т.е. к тому человеку, который предложил в 1943 г. Гитлеру арестовать Шираха за пораженческие настроения и судить в народном суде, - это фактически означало для Шираха виселицу. Уже одни эти факты показывают действительное отношение подсудимого фон Шираха к СС. Из них видно, почему Ширах отказывался от т.н. "охраны", данной ему полицией, и решился вверить охрану своей личности одному из подразделений вооруженных сил, которое не подчинялось Гиммлеру /сравни аффидевит Марии Хепкен, 3 книга док. Шираха/.

Данной предыдущим изложением характеристики подсудимого фон Шираха, как выяснилось в ходе представления доказательств, соответствует его позиция в вопросе церкви, которая также составляет часть обвинения. Хотя этот пункт играет в обвинении относительно второстепенную роль, однако, он имеет немалое значение при оценке личности Шираха.

Сам Ширах и его жена всегда оставались членами церковной общины. Возможно, иностранному судье это обстоятельство покажется второстепенной мелочью, но нам, немцам, известно какое давление высшие партийные чиновники испытывали как раз в таких вещах, и что только немногие, находясь на таком посту, решались на оказание противодействия такому нажиму. Ширах был одним из немногих.

Он был тем высшим партийным руководителем, который постоянно и без исключения со всей строгостью вмешивался в тех случаях, когда до его сведения доходили враждебные акты по отношению к церкви и эксцессы со стороны гитлеровской молодежи. Правда, ему было поставлено в вину то, что гитлеровская молодежь распевала различные песни, содержавшие отвратительные замечания относительно церкви и ее обрядов, но Ширах мог здесь со спокойной совестью под присягой подтвердить, что он не имел понятия о многих из этих песен, впрочем это совершенно об'яснимо при наличии 7 или 8 миллионов членов его организации. И, далее, что некоторые, вызывающие

сейчас возмущение песни исходят из средневековья и уже входили в книгу песен "Перелетные птицы" - бывшей организации молодежи, которую Обвинение определенно не будет осуждать.

Но прежде всего Ширах указал на то, что в 1933-1936 гг. в гитлеровскую молодежь пришли миллионы юношей и девушек из совершенно другого духовного мира и что в первые годы революции, т.е. в период бури и натиска этого движения, было совершенно немыслимо узнавать обо всех этих перегибах и предотвращать их.

Там, где Ширах получал сведения о таких происшествиях, он всегда вмешивался и устранял этот непорядок, который с самого начала представлял собою выпады отдельных элементов но не мог компрометировать организацию молодежи в целом. Пред'явленные доказательства по убеждению Шираха, не оставили никаких сомнений в том, что в вопросе об отношении к церкви он занимал примирительную позицию и прилагал усилия в направлении установления нормальных отношений обоюдостороннего уважения между церковью, с одной стороны, и третьей империей и, в частности, имперским руководством молодежи, с другой стороны, стараясь добиться взаимного уважения прав и компетенций.

По своей собственной просьбе Ширах в свое время, в 1934 г., был привлечен имперским министром внутренних дел к руководству переговорами относительно договора между государством и католической церковью, так как он надеялся личным влиянием облегчить достижение соглашения с католической церковью; он честно прилагал усилия к такому разрешению вопроса о молодежи, которое бы дало возможность установления единства с католической церковью, его уверенность и добрая воля в этом вопросе тогда уже открыто признавались представителями католической церкви; но все это в конце концов потер-

1003

H1211-0082

H1211-0083

пело неудачу из-за противодействия Гитлера и из-за осложнений в переговорах, вызванных событиями 30 июня 1934 г., вследствие путча Рема.

Наоборот, что касается протестантской церкви, то Ширах добился единства с имперским епископом д-ром Мюллером, так что союзы протестантской молодежи без всякого нажима вошли в гитлеровскую молодежь путем обоюдостороннего соглашения, т.е. не путем "разгрома этих союзов", со стороны государства или партии, как полагает Обвинение, а по инициативе главы протестантской церкви и с полного его согласия.

При этом следует указать, что благодаря политике Шираха, руководство молодежи не ограничивало богослужения для молодежи ни в то время, ни в более поздний период. Наоборот, Ширах, как показал он сам и как подтвердил свидетель Лаутербахер в 1937 г. определенно заявил, что он предоставляет церквям воспитывать молодежь в духе их религий и одновременно приказал не назначать работы для гитлеровской молодежи по воскресным дням, во время богослужения; он дал руководителям отрядов гитлеровской молодежи строгое указание ни в коем случае не мешать воскресной службе в церквях назначением на эти часы каких-либудь занятий гитлеровской молодежи. Если даже такая помеха в отдельных случаях и имела место и если на это жаловались церковные учреждения, как видно из перекрестного допроса, то это не должно быть поставлено в вину подсудимому фон Шираху и ничего не меняет в добром намерении, которое он имел.

Во всем ходе процесса нельзя было установить ни одного случая, когда бы он вел травлю против церкви или когда бы он высказывался против церкви; напротив того, в своих многочисленных выступлениях, представленных Трибуналу в книге документов по делу Шираха, он не только неоднократно опровергал обвинение в

том, что гитлеровская молодежь враждебна церкви или безбожна, но он постоянно напоминал руководителям и членам гитлеровской молодежи о необходимости выполнять свой долг перед богом; он не потерпит в молодежи тех, кто не верит в бога; каждый истинный воспитатель должен одновременно быть воспитателем религиозного чувства, которое является основой всего воспитания; служба гитлеровской молодежи и религиозные убеждения прекрасно совместимы и могут существовать рядом друг с другом; руководитель гитлеровской молодежи не должен вносить в среду своих последователей никаких конфликтов с совестью. Для прохождения религиозного обучения, упражнений и т.п. члены гитлеровской молодежи должны получать освобождение от своей службы.

Тот, кто дает такие указания своим подчиненым и все время повторяет их, тот может претендовать на то, чтобы его не считали врагом церкви и врагом религиозной жизни. В этом отношении, между прочим, интересно то, что писало такое авторитетное лицо, как Невиль Гендерсон в своей, так часто цитировавшейся книге "Провал миссии" об одной речи, которую он слышал из уст Шираха на имперском партийном с"езде в 1937 г. /книга документов "Ширах"/. Гендерсон, который, будучи послом в Берлине, хорошо знал условия, существовавшие в Германии, очевидно, ожидал, что Бальдур фон Ширах на имперском партийном с"езде выступит против церкви и окажет враждебное церкви влияние на молодежь, как это можно было часто слышать от других руководителей партии. Гендерсон писал: /я цитирую эти два предложения дословно/: "В этот день самое сильное впечатление на меня произвела, однако, речь Шираха, хотя она была очень краткой. Одна часть этой речи особенно поразила меня, когда он, обращаясь к молодежи, заявил: "Я не знаю, кем вы являетесь: католиками или протестантами, но я знаю одно, что вы верите в бога". И Гендерсон до-

1007.9

H1211-0084

H1211-0085

бавляет: "Раньше у меня сложилось впечатление, что в рядах гитлеровской молодежи ликвидированы всякие отношения с религией, но это высказывание Шираха, казалось, опровергало мое предположение".

Истинные религиозные взгляды Шираха и направление его влияния на молодежь подтверждаются не только его высказываниями, которые он однажды сделал в своей речи перед воспитателями школ Адольфа Гитлера в Орденсбурге-Сонтхофене и которые сводились к тому, что Христос является величайшей фигурой вождя во всей мировой истории, но и в равной степени пред"явленной Вам книгой под заглавием "Рождественские подарки службы помощи фронтовикам"; эту книгу, посланную в большом количестве экземпляров на фронт, Ширах посвятил фронтовикам, вышедшим из гитлеровской молодежи в 1944 г., т.е. в то время, когда в Германии во всех областях радикализм достиг своего кульминационного пункта. И здесь Ширах представлял исключение: ни свастики, ни портрета Гитлера, ни песен СА вы не найдете в этой книге рейхслейтера фон Шираха, но вы встретите в ней чисто христианское стихотворение собственного сочинения Шираха, портрет Мадонны, рядом с ним репродукцию ван Гога, который, как известно, был строго запрещен в третьей империи, и вместо травли, мы находим призыв к христианскому мышлению и копию вассобрунской молитвы, к как известно, древней христианской молитвы на немецком языке.

Борман, увидев книгу, взбесился, но Ширах оставался твердым и отказался из"ять что-либо или каким-либо образом изменить эту книгу.

Подсудимого Шираха обвинили в том, что он однажды совершил враждебный акт против церкви и тем самым участвовал в преследовании церкви. Из письма министра Ламмерса от 14 марта 1941 г. / документ Р-146/ вытекает, что Ширах внес предложение передать конфискованное имущество областям, а не империи. Один этот

16020

случай не может ни в коем случае быть поводом к обвинению подсудимого фон Шираха в преследовании церкви. В приведенном Обвинении случае речь идет не о церковном имуществе, а о конфискованном имуществе князя Шварценберга, которое было взято в его венском дворце. Это дело не имело ничего общего с церковью и это точно подтверждается письмом министра Ламмерса от 14 марта 1941 г. / Р-146 /, который упоминает только /я цитирую/ об "использовании народного имущества и имущества врагов народа" / конец цитаты /, в то время, как сопроводительное письмо Бормана от 20 марта 1941 г выдает далеко идущее личное намерение Бормана и его враждебную церкви тенденцию, так как он говорит о "церковном имуществе / имуществе монастырей и прочем /". Между прочим, конфискация имущества князя Шварценберга была произведена не по инициативе Шираха, он не давал в этом направлении никаких директив, никаких советов и никаких указаний гаулейтеру. Она сама по себе не касалась Шираха, но Ширах с согласия других гаулейтеров Остмарка и по их ходатайству обратился лично к Гитлеру с просьбой не отправлять такое имущество в империю и не использовать его в интересах империи, а оставить его в Вене. Это предложение имело успех, Гитлер удовлетворил его просьбу, и благодаря этому Ширах добился того, что при дальнейшей отмене конфискации имущество могло быть возвращено его законному владельцу, в то время, как обычно он терял его навсегда. Ширах поэтому без сомнения имеет заслуги как перед областью Вена, так и перед лицом, владевшим этим имуществом. Итак, этот случай не может быть поставлен в вину Шираху, он, наоборот, свидетельствует в его пользу, точно также, как и другой случай, когда он в присутствии Бормана заступился за австрийских монахинь и добился того, что непосредственным приказом Гитлера в один день по всей империи была прекращена кампания конфискации имущества церквей и монастырей.

16021

H1211-0086

H1211-0087

Обвинение хочет поставить подсудимому в вину то, что в 1941 г. венские власти, подчинявшиеся ему, намеревались перевести одну школу Адольфа Гитлера в монастырь Нейбург. Следует указать, что еще до конфискации этого монастыря совершенно независимо от Шираха, венская полиция и различные венские суды установили в этом монастыре значительные уголовные дела, далее, что частичная конфискация монастыря казалась подсудимому Ширахе справедливой, так как очень большие помещения монастыря оставались неиспользованными. Наконец, следует указать, что монастырь не подал никакой жалобы имперскому министру внутренних дел против этой конфискации, т.е. признал конфискацию законной, хотя в заключении о конфискации была точно оговорена возможность подачи жалобы. Между прочим, впоследствии конфискованные помещения были использованы не для создания школы Адольфа Гитлера, а отданы для нужд музея по истории искусств / т.е. непартийной организации/, что также свидетельствовало за то, что решение о конфискации ни в коем случае не было следствием антицерковной тенденции Шираха. Если бы Ширах у нужно было задеть монастырь, так как он являлся церковным учреждением, то он подверг бы конфискации также те помещения, где проводилось богослужение. Он же категорически исключил их из списка подлежавших конфискации помещений. При оценке этого случая необходимо, впрочем, учесть, что основания решения о конфискации от 22 февраля 1941 г. были характерно сдержанными: решение о конфискации ограничивается основанием, что, с одной стороны, город Вена очень нуждается в помещениях, и что, с другой стороны, конфискуемые помещения являются для монастыря излишними; ни одним словом не упоминается, что в этом монастыре имели место уголовные преступления, о которых сообщает полицейский отчет от 23 января 1941 года, представленный Трибуналу. Если бы конфискация произошла вследствие враждебно-

16022

H1211-0088

го отношения к церкви, то следовало бы предположить, что в основании о конфискации имелась бы ссылка на эти преступления. По распоряжению Шираха духовенству, использовавшему некоторые из этих помещений, была выплачена месячная арендная плата, хотя государственные законы не обязывали к этому.

И из остального поведения подсудимого Шираха нельзя сделать вывода о его враждебном отношении к церкви, а именно, если при оценке его поведения учесть, что в те годы рейхсляйтер также находился под сильным давлением со стороны партийной канцелярии и Бормана и что нужно было обладать большим мужеством, чтобы сопротивляться этому нажиму и проводить политику, противоречащую политике Берлина.

Венский свидетель Вистофер, имевший возможность наблюдать деятельность Шираха, подтвердил нам, что и в Вене Ширах всегда прилагал усилия к установлению нормальных отношений с церковью, всегда выслушивал жалобы кардинала Вены и энергично боролся против эксцессов отдельных членов и руководителей гитлеровской молодежи. Следовательно, в Вене он проводил совершенно иную политику в отношении церкви, чем его радикальный предшественник Бюркель, и нельзя подвергать сомнению, что духовенство Вены и все венское население с благодарностью отзывались об отношении Шираха к католической церкви. Это подтверждается свидетелем Густавом Хеккен, который по поручению Шираха имел регулярные совещания с венским теологом, деканом профессором Энс с тем, чтобы довести до сведения подсудимого Шираха желания церкви и возникавшие разногласия с учреждениями церкви. Больше подсудимый Ширах не мог ничего сделать при той политической обстановке, которая создалась в то время и которая описана в аффидевиде Марии Хеккен /книга док.Шираха № 3/, если он не хотел ставить себя под удар.

Теперь я перехожу к дальнейшему пункту - к вопросу о концлагерях.

16023

Обвинение, правда, не в обвинительном акте, а при представлении доказательств связало имя подсудимого Шираха с концентрационными лагерями, и допрошенный здесь свидетель Алуа Хелльригель у свидетельского пульта был спрошен о том, был ли когда-либо Ширах в концлагере Маутхаузен. Следует отметить; подсудимый фон Ширах упомянул об этом посещении Маутхаузена во время допроса, проводившегося американским обвинителем задолго до начала процесса. Поэтому было совершенно излишним доказывать это посещение лагеря путем допроса свидетеля Хельригеля. Он посетил концлагерь Маутхаузен в 1942 году, а не в 1944 году, как ошибочно показал свидетель Марзалек; год посещения 1942 г. был подтвержден свидетелями Хелльригелем, а также свидетелями Хепкен и Висгофер, от которых мы слышали, что после 1942 года или в какое-либо другое время Ширах не посещал больше никаких концлагерей. Но посещение Маутхаузена в 1942 году не может служить поводом к обвинению подсудимого Шираха в том, что он будто-бы знал о положении и о зверствах в концлагерях, одобрял или даже поддерживал их. В 1942 году он не видел в Маутхаузене ничего такого, что могло бы указывать на такие преступления. В 1942 году в Маутхаузене не было еще газовых печей, в то время еще не проводилось массовых казней в Маутхаузене. Показания подсудимого фон Шираха о его впечатлениях в этом лагере кажутся, без сомнения, правдоподобными, так как показания многочисленных свидетелей, заслушанных на этом процессе, все время подтверждали, что во время таких официальных визитов, о которых сообщалось заранее, все готовилось так тщательно, чтобы показать посетителям только то, что не боялось света общественного мнения. Издевательства и пытки во время таких официальных визитов, само собой разумеется, скрывались, точно также, как самовольные казни или жестокие эксперименты. Так было в 1942 году в Маутхаузене, так было и в Дахау, где Ширах и другие посетители

16024

H1211-0090

видели только нормальные условия, казавшиеся при поверхностном наблюдении почти лучшими, чем условия в некоторых обычных тюрьмах. Вследствие этого Ширах знал только то, что в Германии с 1933 года имелось несколько концлагерей, в которых, по его мнению, содержались неисправимые рецидивисты и политические заключенные, но Ширах и сейчас еще не может поверить, что только знание о существовании концлагерей само по себе является уголовным преступлением, подлежащем наказанию после того, как он никогда не способствовал распространению концлагерей, никогда не одобрял их создание и никого не заключил в концлагерь, но и не имел никакой возможности изменить что-либо в этом учреждении или предотвратить существование концентрационных лагерей. Для этого влияние Шираха было слишком незначительным. Будучи имперским руководителем молодежи, он, естественно, с самого начала не имел ничего общего с созданием концлагерей и счастье Шираха, что в его области, в Вене не было ни одного концлагеря.

Все его отношение к концентрационным лагерям ограничивалось, вследствие этого, тем, что он беспрерывно прикладывал старания для того, чтобы выпустить из концентрационных лагерей отдельных лиц, причем очень показательно, что он свое единственное посещение концентрационного лагеря в Маутхаузене использовал для того, чтобы вступиться за венских граждан, которые находились в заключении в Маутхаузене, и добиться их освобождения.

Господа судьи, многие детали, которые освещались во время представления доказательств по делу Шираха и которые играли более или менее значительную роль, сейчас мной подробно освещаться не будут. В интересах экономии времени я не буду рассматривать вопроса, якобы, существовавшей связи между Шираком и Розенбергом или Штрейхером, я также не намерен затрагивать, якобы, существовавшего сотрудничества подсудимого

по осуществлению программы рабского труда, так как не было приведено ни малейших доказательств его соучастия. Я также не собираюсь обсуждать здесь того разговора по телефону, который, якобы, имел какой-то венский чиновник с штандартенфюрером СС относительно трудовой повинности для евреев, о чем Шираху вообще не было ничего известно. Мне хотелось бы сделать здесь попутное замечание по теме, которая, в частности, разбиралась в связи с делом Розенберга, а именно, высказать точку зрения на так называемое мероприятие "Сено". Это, как известно, было мероприятием, во время которого тысячи юношей и девушек концентрировались в восточных районах военных действий и затем направлялись частично в Польшу, частично в Германию. Главной целью этой акции, как мог заключить Ширах из представленных здесь документов, являлся вывоз молодежи, потерявшей своих родителей, из непосредственной зоны военных действий и направление их для изучения ремесла в целях предотвращения их физического и духовного разложения.

Подсудимый Ширах сомневается, можно ли рассматривать это под углом зрения преступления против человечности или военного преступления. Но установлено, что об этих делах подсудимый Ширах ничего не знал, он тогда не был компетентен в этом вопросе. Этим комплексом вопросов занималась группа армий "Центр" при содействии министерства по делам Востока. И мне кажется вероятным, что как восточное министерство, так и группа армии "Центр" не обращались к гауляйтеру Вены для того, чтобы получить его согласие на эту акцию или даже для того, чтобы лишь сообщить ему об этом. Единственно, что стало известно подсудимому Шираху в этом направлении значительно позже, что, может быть, связано с этой акцией "Сено", то это - случайное сообщение тогдашнего

160216

H1211-0092

имперского руководителя молодежи Аксмана о том, что он столько-то тысяч молодежи разместил в Дессау в качестве учеников. Подсудимый Ширах придавал значение выяснению этого положения дела, так как он ранее был имперским руководителем молодежи и потому что он хотел выяснить, что и после его ухода с этого поста он не делал ничего против молодежи.

Разрешите сделать еще одно промежуточное замечание, а именно, о письме, которое подсудимый Ширах послал из Вены после убийства Гейдриха рейхслейтеру Борману и в котором он предлагает рейхслейтеру Борману осуществить репрессалии в форме террористического налета на английские культурные центры. Это письмо подсудимый тогда действительно направил Борману, и он не отказывается от этого, и я должен с самого начала указать, что к счастью, эта инициатива осталась только на бумаге, и не была осуществлена. Подсудимый, однако, рассказал нам, что тогда под впечатлением покушения на Гейдриха ему было ясно, что восстание населения в Богемии ведет к катастрофе германской армии в России и он, как гаулейтер Вены, считал своим долгом сделать что-либо, чтобы защитить тыл германской армии, находившейся на востоке. Таким образом, об"ясняется это письмо Борману от 1942 г. документ 3877-ПС, которое, как я подчеркивал, к счастью, не имело последствий.

Господа судьи, разрешите продолжать с середины страницы 26. Я также не намереваюсь рассматривать вопроса о школах Адольфа Гитлера, которые были основаны Ширахом. Еще меньше я намерен заняться вопросом 5-ой колонны, которая, по утверждению обвинения, имеет какое-то отношение к "Гитлерюгенду", я знаю лишь одно, что никаких определенных доказательств подсудимому пред"явлено не было. Я не стану также задерживаться на вопросе неоднократных стараний Шираха, направленных к заключению мира, и его друга Колина Росса.

16027

H1211-0093

Я также не задержусь на заслугах подсудимого в отправке детей в сельские местности, когда он во время войны перевез миллионы детей из областей, которые подвергались воздушным налетам, в более спокойные области и спас им жизнь и здоровье. По всем этим вопросам подсудимый фон Ширах достаточно подробно высказался сам во время выступления и вследствие этого я хотел только сослаться на его собственные показания. Но я хочу, как защитник подсудимого Шираха, еще подробно остановиться на одной проблеме, а именно на отношении Шираха к еврейскому вопросу.

Выступая в качестве свидетеля по собственному делу, Ширах заявил, что он с ранней юности был убежденным национал-социалистом и тем самым также антисемитом. Он нам также разъяснил, что он себе представлял под антисемитизмом в те молодые годы; он имел в виду выключение евреев с государственной службы и ограничение еврейского влияния в области культуры и, может быть, до определенной степени в экономической жизни. Вот это составляло все то, что, по его мнению, должно было быть предпринято против евреев. Это его мнение вполне совпадает с предложением, которое он сделал, будучи руководителем студенческого союза для введения numerus clausus /нумерус клаузус/ в среде студентов. Для оценки позиции Шираха в этом вопросе имеет определенное значение, например, его указ об обращении с еврейской молодежью, который я представил в книге документов Шираха под № 136, где он со всей категоричностью распоряжается о том, чтобы еврейские союзы молодежи имели право и возможность свободно действовать в своих рамках; их собственная жизнь не должна была нарушаться. "Еврейская молодежь должна уже сейчас занимать то замкнутое, но свободное само по себе особое положение, которое займет когда-либо все еврейство в германском государстве и в германской экономике". Вот - дословная цитата из высказываний

16028

H1211-0094

подсудимого. Ширах совершенно явно не думал ни о каких погромах, ни о каком-либо кровавом преследовании евреев и т.д. Наоборот, он считал, что антисемитское движение с помощью антиеврейских законных мероприятий в 1933-34 г.г. достигло своей цели; ему казалось, что еврейское влияние в той степени, в какой оно было нездоровым, было устранено. Поэтому он был очень поражен, когда в 1935 г. были изданы нюрнбергские законы, которые говорили об об"явлении еврейского населения почти совершенно вне закона и которые были осуществлены с варварской жестокостью. Ширах не принимал никакого участия в подготовке этих законов; он не имел ничего общего с содержанием и формулировкой этих законов. Это было доказано здесь.

Его возмущение по поводу еврейских погромов и грубых эксцессов 10 ноября 1938 г., которые были инсценированы Геббельсом и его фанатичной кликой, стало известно всей молодежи и подтверждено представлением доказательств.

Мы слышали от свидетеля Лютербахера /стр. 10302/, как реагировал Ширах на сообщение об этих эксцессах: он тотчас же созвал своих сотрудников и дал им самые строжайшие указания о том, чтобы гитлеровская молодежь ни при каких обстоятельствах не принимала участия в этих мероприятиях. В этом дже заставил он проинформировать всех руководителей гитлеровской молодежи в германских городах по телефону, он угрожал всем низшим руководителям, что он привлечет их к личной ответственности, если со стороны гитлеровской молодежи будут предприняты какие-либо бесчинства в этом направлении, но также и после ноября 1938 г. Ширах никогда не мог думать о том, что Гитлер планирует уничтожение евреев. Наоборот, он все время слышал о том, что евреи должны быть эвакуированы из Германии в другие государства, в частности, что они должны быть отправлены в Польшу, где они должны быть поселены в худшем случае в гетто, но более вероятно в изолированном поселенческом районе. Когда

H1211-0095

Ширах в июле 1940 г. получил от Гитлера приказ взять на себя руководство венским гау, Гитлер сам лично говорил с Ширахом по этому вопросу в том же духе, т.е. в том смысле, что он прикажет эвакуировать евреев из Вены в генерал-губернаторство. Ширах и по сей день не сомневается, что в то время Гитлер сам /1940 г./ не думал о так называемом "окончательном решении" еврейского вопроса, т.е. об уничтожении евреев. На основании записей Госбаха и других доказательств, которые пред"являлись на этом процессе, мы можем заключить, что Гитлер уже в 1937 г. планировал выселение евреев и причем кажется в Польшу, но решение об уничтожении еврейского народа он принял лишь в 1941-42 г.г.

С эвакуацией евреев из Вены, с которой Ширах связывается по утверждению обвинения, он вообще ничего не имел общего. Проведение этих мероприятий находилось исключительно в руках главного имперского управления безопасности и венского филиала этого управления. Известно, что венский СС штурмфюрер доктор Бруннер был, между тем, приговорен к смерти. Единственное поручение, которое Ширах получил в связи с вопросом о венских евреях и которое он выполнил, заключалось в том, что в 1940 г. он должен был доложить Гитлеру, сколько евреев еще осталось в Вене. Этот отчет был помещен в письме от декабря 1940 г., где он сообщил о численности венских евреев на 1940 г. /60 тыс. человек/. Как известно, на это письмо подсудимого Шираха министр Ламмерс послал ему ответное письмо от 30 декабря 1940 г./ ПС-1950/, из которого со всей ясностью следует, что не Ширах был тем лицом, которое распорядилось о переселении венских евреев в генерал-губернаторство. Этим лицом был сам Гитлер. Из этого письма также ясно вытекает, что не Ширах был тем лицом, которое провело эти мероприятия. Эти мероприятия были проведены рейхсфюрера СС Гиммлером, поручившем их непосредственное выполнение

своему венскому филиалу. Таким образом, со всей решительностью следует констатировать, что Ширах никоим образом не несет ответственности за изгнание евреев из Вены; эти мероприятия были проведены не по его инициативе; непосредственное руководство ими возглавил также не он; когда он летом 1940 года прибыл на должность гаулейтера в Вену, значительная часть венских евреев уже сама добровольно покинула Вену или была в принудительном порядке эвакуирована оттуда, что, впрочем, здесь было также подтверждено подсудимым Зейсс-Инквартом. 60.000 евреев, пребывавших в Вене к началу деятельности Шираха в должности гаулейтера, были вывезены оттуда СС без какого-бы то ни было участия последнего. И, несмотря на это, Ширах все-таки выступил со своей известной венской речью от сентября 1942 года, в которой он заявил: любой еврей, который действует в Европе, представляет собой опасность для европейской культуры; далее Ширах заявил в этой речи: если его упрекнут в том, что он выселил из этого города /Вена/, который когда-то был метрополией еврейства, десятки и сотни тысяч евреев в восточные гетто, то он должен будет ответить: "Он видит в этом активный вклад в дело процветания европейской культуры". Ширах совершенно откровенно и мужественно признал здесь, что он действительно высказался тогда в таком духе. Здесь в раскаянии он заявил: "Я не могу из"ять этого злого слова, поэтому я должен признать, что я произнес это слово, о котором я сейчас искренне сожалею". Если Трибунал усмотрит в этих словах законно наказуемое преступление против человечности, то Ширах должен взять на себя ответственность за это единственное антисемитское высказывание, которое могло быть здесь доказано,

1.1031

H1211-0096

H1211-0097

хотя все дело ограничилось только словами и хотя эти слова не имели никакого вредного воздействия. Но эта точка зрения Шираха, которую занимает он здесь, не освобождает Трибунал от обязанности тщательно проверить, что Ширах действительно сделал, какие обстоятельства обусловили это единственное высказывание и, наконец, выступал ли Ширах с какими-нибудь другими ненавистническими выражениями против евреев и совершал ли он какие-либо злонамеренные действия против еврейства.

В первую очередь следует выяснить следующий вопрос: что же Ширах сделал в действительности ? Ответ на этот вопрос может звучать на основании результатов представления доказательств следующим образом: если оставить в стороне это его единственное антисемитское замечание в сентябре 1942 года, то он вообще ничего преступного против евреев не совершил. За вывоз евреев из Вены он не был ответственным, он ни в коей мере не принимал участия в проведении этого вывоза, он не мог бы своими слабыми силами воспрепятствовать проведению его. Как утверждало обвинение, дело обстоит следующим образом: он хвастливо приписал себе тогда действие, которого он в действительности не совершил и которого он в силу своих взглядов не мог совершить вообще.

Но почему же Ширах все-таки высказался подобным образом в своей венской речи ? Каким образом произошло, что он должен был взять на себя, вследствие этого, ответственность за действие, которого он вовсе не совершил ? Ответ и на этот вопрос также вытекает из представления доказательств: мы знаем, что Ширах в Вене находился в чрезвычайно тяжелом положении; Гитлер сместил его с должности имперского руководителя молодежи, не сообщив ему причину, вероятно он это сделал потому, что он ему больше не верил; он с каждым годом все больше боялся, что за Ширахом будет стоять молодежь, которая ему, Гитлеру, будет

чужда в такой же степени, в какой черная стена его СС отделяла его от народа. Может быть Гитлер видел в своем руководителе молодежи олицетворение будущего поколения, которое будет мыслить в мировых масштабах, будет гуманным и будет более связанным с понятием нравственности, которые Гитлер и его государственное руководство давно выбросили за борт, так как для него они и не были больше понятиями истинной морали, а лишь избитыми словами пропаганды. Очевидно, это чувство Гитлера было истинной причиной того, что он летом 1940 года сместил Шираха совершенно неожиданно, без единого слова об"яснения, с должности руководителя молодежи и послал его на особо тяжелую должность гаулейтера в Вену, в тот город, который ненавидело сердце Гитлера, в то время, как уста его говорили об "австрийской родине". Положение Шираха в Вене было очень тяжелым: за ним следили и шпионили ежечасно, ежеминутно, его административная деятельность подвергалась непрерывно самой резкой критике, его упрекали в том, что он не проявляет в Вене никакой заботы о партии, что его почти никогда нельзя видеть на партийных собраниях, что он не выступает с политическими речами и т.д. Здесь я указываю на аффидевит Марии Хепкен, книга документов Шираха № 3. Каждая жалоба, которая исходила от венских членов партии относительно нового гаулейтера и направлялась в партийную канцелярию в Берлин, охотно подхватывалась. Вот этим и можно об"яснить, почему Ширах выступил в сентябре 1942 года с той несчастной речью, которая находилась в полной противоположности с позицией Шираха, которую он занимал в течение всей своей жизни по еврейскому вопросу. После опроса свидетеля Густава Хепкина, не может быть никаких сомнений о причине, побудившей его произнести такую речь. Из его показаний ясно вытекает, что Ширах сам поручил тогда своему референту по

26853

H1211-0098

H1211-0099

вопросам печати Гюнтеру Кауфману при представлении отчета о его венской речи германскому информационному бюро в Берлине особенно подчеркнуть этот пункт, так как они/Ширах/, я дословно цитирую: "должен сделать уступку Борману в этом пункте. Во время своего допроса Ширах выразил эту же мысль следующими словами: "Из чувства фальшивой лояльности я заявил о своем полном согласии с этими мероприятиями Гитлера и Гиммлера". Эта злосчастная речь Шираха от сентября 1942 года в другом направлении может служить в пользу Шираха: в ней он говорит о переселении евреев в гетто на востоке". Если бы Ширах тогда знал, что евреи вывозятся из Вены, чтобы быть убитыми в лагере уничтожения, он в этой речи, несомненно, не говорил бы о восточном гетто, куда были отправлены евреи и в таком случае он сообщил бы об уничтожении венских евреев, но и тогда т.е. осенью 1942 года у него не могла появиться и тень мысли, что Гитлер хочет уничтожить евреев.

Он никогда бы не согласился с этим и не признал бы такой постановки вопроса; так далеко его антисемитизм никогда не заходил.

Ширах здесь совершенно откровенно высказался в том, что в то время план Гитлера - поселить евреев в Польше он считал правильным, но не потому, что он был антисемитом, не из ненависти к евреям, а на основании вполне понятного соображения, что при тогдашних условиях евреям в их собственных интересах было бы, может быть, лучше покинуть Вену и переселиться в Польшу: ведь евреи на то время, пока существовал гитлеровский режим, не могли спокойно продержаться в Вене, они бы все время подвергались еще более жестоким преследованиям; по показаниям Шираха, данным 24 мая 1946 года, он считал / я дословно цитирую/ что " с темпераментом Геббельса" такие мероприятия, как в ноябре 1938 года, могли неожи-

данно начаться вновь. При таком неустойчивом правовом положении он не мог себе представить, чтобы еврейское население могло остаться жить в Германии. Он думал, что евреи, будучи поселены в замкнутой черте оседлости, будут находиться в генерал-губернаторстве в более выгодных условиях, чем в Германии и Австрии, где их существование зависело от "каприза министра пропаганды", - главного представителя радикального антисемитизма в Германии. Это было Шираху совершенно ясно. Он не мог не замечать, что в третьей империи политика в отношении евреев с каждым днем явно становилась все более и более радикальной, фанатичной и насильственной. Правильность такого восприятия венской речи от сентября 1942 года и настоящей причины ее возникновения полностью подтверждается заявлением, с которым выступил подсудимый Ширах на заседании членов ратуши города Вены 16 июня 1942 года / документ номер 3886-ПС/. Он сказал, что поздним летом или осенью 1942 года все евреи будут удалены из города. Правильность такого понимания речи подтверждается также заметкой, сделанной рейхслейтером Борманом 2 октября 1940 г. / документ СССР-142/, где говорится о том, что Ширах на беседе в квартире Гитлера заявил, что у него в Вене осталось еще 50.000 евреев, которых у него должен будет забрать польский генерал-губернатор. Это заявление Шираха об"ясняется стесненным положением, в котором он находился; с одной стороны, Гитлер все сильнее настаивал на отправке евреев из Вены; с другой стороны, генерал-губернатор д-р Франк противился брать к себе в генерал-губернаторство венских евреев; этот разлад, очевидно, послужил причиной того, что Ширах на упомянутой встрече 2 октября 1940 года коснулся этого пункта, чтобы не подвергаться упрекам со стороны Гитлера. Он сам никоим образом не был заинтересован в

10035

H1211-0100

отправке венских евреев, как это также доказывает упомянутый свидетелем Густавом Хеккеном разговор между Ширахом и Гиммлером от ноября 1943 года. Следует добавить, что Ширах во время этого разговора выступил за то, чтобы евреи спокойно остались в Вене, покуда это будет возможно. Эти высказывания Шираха во время этого разговора были подверждены здесь свидетелем Хеккеном. Я продолжаю. Но Гитлер требовал этого и Гиммлер настаивал на выполнении. Обвинение полагает, что оно вправе пред"явить подсудимому Шираху в качестве доказательства еще одно антисемитское высказывание, а именно речь, которую он, якобы, произнес в конце 1938 года, т.е. перед началом 1939 года на собрании студентов в Гейдельберге. Он показал тогда рукой через Неккар на старый университетский город Гейдельберг, где сожженные синагоги были немыми свидетелями антисемитской деятельности гейдельбергских студентов.

Обвинением дословно было сказано. Я цитирую из аффидевита Цимера: "Маленький полный имперский руководитель студентов воспевал тем самым еврейские погромы от 9 ноября 1938 года, как геройство". Это заявление основывается на письменных показаниях некоего Грегора Цимера, которые были здесь представлены. Однако, не может быть никакого сомнения в том, что это утверждение Цимера неправильно. Цимер никогда не был участником студенческого движения, он также никогда не был членом гитлеровской молодежи. Он, очевидно, также сам не присутствовал на вышеупомянутом собрании студентов. На какие источники опираются его сведения в письменных показаниях - не говорится. Но то, что его утверждение является неправильным, доказывает уже одно внешнее описание, в котором он говорит о "маленьком, полном руководителе студентов". Это описание не имеет ничего общего с Ширахом.

16026

Может быть, оно в какой-то степени подходит к его последователю, который в конце 1938 года был имперским руководителем студентов, во всяком случае, и это совершенно определенно, что этим лицом был не Ширах. Как известно, он уже в 1934 году оставил должность имперского руководителя студентов в руки заместителя фюрера после того, как он был назначен имперским руководителем молодежи, Ширах никогда не произносил речи перед гейдельбергскими студентами ни в 1938 г., ни позже. С помощью аффидевита свидетельницы г-жи Марии Хепкен /книги документов Шираха № 3/ доказано, что Ширах в то время вообще не был в Гейдельберге. Ширах под присягой также заявил об этом. Его показания могут уже потому считаться достоверными, что он, признавая свою ответственность, ничего не приукрасил, ничего не отрицал в пользу несправедливости, а наоборот, он мужественно и правдиво признал все свои действия. Самым решающим моментом для опровержения утверждений Цимера, в частности, его утверждений относительно личности Шираха, является также следующий факт. Случайно в процессе представления доказательств было установлено, как реагировал Ширах на погромы в ноябре 1938 года.

Свидетель Лаутербахер показал здесь, как я уже упоминал в другом месте, что Ширах самым резким образом порицал события 9 ноября 1938 г. перед своими сотрудниками, заявив, что ему стыдно за других и за всю партию. "9 ноября 1938 года, - сказал Ширах, - войдет в историю Германии как единственный в своем роде позор германской культуры. Это позорное пятно мы вообще никогда не сможем смыть. Такие вещи могут лишь происходить у нецивилизованных народов, а не у нас, немцев, поскольку мы, немцы, считаем себя народом, высокостоящим по сравнению с другими".

Руководители молодежи, продолжал тогда Ширах, должны при всех обстоятельствах препятствовать таким бесчинствам;

16033

H1211-0102

H1211-0103

впредь он не желает ничего слушать от своей организации о подобных вещах. "Гитлеровская молодежь" при всех обстоятельствах должна держаться вдали от подобного рода событий, как гласит показание под присягой свидетеля Хепкена. После этого Ширах из Берлина дал в таком же духе указание по телефону всем учреждениям по руководству "Гитлеровской молодежи". Таким образом, если Ширах в ноябре 1938 г. так резко осуждал события от 9 ноября 1938 г., то совершенно исключается возможность того, что он в то же самое время воспевал эти кровавые деяния и подстрекал тем самым гейдельбергских студентов. Непроизвольно встает вопрос: почему вместо того, чтобы заслушать какого-нибудь участника собрания гейдельбергских студентов, удовлетворились свидетелем, который по наслышке делает здесь такие утверждения.

Между прочим, обвинение во время перекрестного допроса не касалось этой гейдельбергской речи, признав тем самым утверждение Шираха по этому вопросу правильным.

Большое значение также имеет тот факт, что гитлеровская молодежь не принимала сама участия ни в событиях 9 ноября 1938 г., ни в каких-либо других эксцессах в предыдущее или последующее время. В то время гитлеровская молодежь была сильнейшей организацией партии, она охватывала около 7 - 8 миллионов членов. Несмотря на это, ни один единственный случай не может быть указан, где бы гитлеровская молодежь участвовала в преступлениях против человечности, хотя члены этой организации в большинстве своем были в таком возрасте, когда, как известно, слишком велико искушение участвовать в различных эксцессах и грубых действиях. Единственное исключение, которое до сих пор стало нам известно, относится к показаниям француженки Иды Васси, которая, якобы, была руководителем дома для престарелых во Львове и которая, по сообщению комиссии /документ СССР-6/, якобы, утверждает, что "Гитлеровская

16028

молодежь получала от львовского гетто в подарок детей и использовала их в качестве мишеней для стрельбы". Но этот единственный исключительный случай, о котором здесь говорилось, не мог быть выяснен и в особенности не могло быть выяснено то, шла ли здесь речь действительно о молодых людях - членах организации гитлеровской молодежи. Но если даже среди 8 миллионов членов на протяжении 10 - 15 лет и имел бы место подобный единственный случай, то такой случай ни в какой мере не доказывает того, что Бальдур фон Ширах подстрекал на это молодежь, причем я хочу добавить, что в то время он вообще не был руководителем гитлеровской молодежи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об'является перерыв.

/Перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

ЗАУТЕР: Господа судьи, я позволю себе продолжить свою защитительную речь на странице 36-й.

Следует, наконец, проверить все речи и статьи, которые написал Ширах, будучи имперским руководителем молодежи и которые представлены Трибуналу в книге документов; эти статьи и речи произносились и писались в течение многих лет, но ни в одном месте нет ни одного слова, которое бы возбуждало расовую ненависть, проповедывало бы ненависть к евреям и призывало бы молодежь к насильственным действиям или же извиняло бы такие действия. Если удалось миллионы членов организации гитлеровской молодежи удержать от подобных эксцессов, то этот факт говорит за то, что руководство старалось вселить в молодежь дух терпимости, любви к ближнему и уважение к человеческому достоинству.

Взгляды Шираха на еврейский вопрос, ясно характеризуются сценой, имевшей место весной 1943 г. в Оберзальцберге. Эта сцена описывается также в аффидевите свидетельницы Марии Хепкен /книга документов фон Шираха № 3, пункт 5/.

16039

H1211-0105

Я здесь имею в виду тот случай,когда жена Шираха,по просьбе мужа,сообщила Гитлеру в его квартире в Оберзальцберге о том как она собственными глазами из окна отеля в Амстердаме ночью видела,как гестапо угоняло сотни голландских евреек.

Сам Ширах в то время не посмел бы докладывать Гитлеру о подобных вещах,указ Бормана категорически запрещал гаулейтерам делать это.Поэтому Ширах договорился со своей женой,чтобы та попыталась добиться от Гитлера некоторого смягчения в обращении с евреями.Это ей не удалось,Гитлер оборвал госпожу Ширах резкими словами: "Это все - проявление сентиментальности".Он сказал,что госпожа фон Ширах в этом ничего не понимает.

Из-за этого заступничества за голландских евреек положение покушимого фон Шираха сделалось таким критическим,что он предпочел на следующее же утро немедленно уехать из Оберзальцберга и с этого времени Ширах уже не мог вообще говорить больше с Гитлером.

Это выступление Шираха за более мягкий подход к еврейскому вопросу,может быть,привело к тому,что Гитлер несколькими месяцами позже,летом 1943 г.,совершенно серьезно стал думать о том,что Шираха следует арестовать и отдать его под суд только потому,что он взял на себя смелость в письме к рейхслейтеру Борману сказать,что война является для Германии национальным бедствием.

Во всяком случае,это все показывает,что Ширах изо всех сил старался добиться умеренности в еврейском вопросе,при чем он делал это,подвергая опасности свое собственное положение и существование.Он хотя и был антисемитом,но именно поэтому достоин внимания то,что он оказывал сопротивление давлению из Берлина и отклонил предложение выпустить антисемитский номер официального журнала гитлеровской молодежи,в то время,как он издал специальные номера,с целью добиться взаимопонимания с Англией и Францией,о гуманном отношении к восточным народам.В такой же мере следует учитывать то,что Ширах вместе со своим

160140

другом доктором Колин Росс старался добиться эмиграции евреев в нейтральные страны, чтобы они могли избежать эвакуации в польское гетто.

Обвинение старалось обосновать определенную ответственность подсудимого фон Ширака за еврейские погромы, имевшие место в Польше и в России, тем, что оно пыталось обратить против него так называемые "Оперативные отчеты", которые Ск регулярно посылала имперскому комиссару по вопросам обороны в ХУП военном округе. Действительно надо сказать: если Ширах - я подчеркиваю: если Ширах в то время знал об этих регулярных "оперативных отчетах айнзацгрупп полиции безопасности и СД на Востоке", это является, при всех обстоятельствах, тяжким морально-политическим обвинением, и тогда его неминуемо должно упрекнуть в том, что он из этих сводок мог бы сделать вывод, что наряду с военными операциями на Востоке имели место чрезвычайно жестокие массовые убийства коммунистов и евреев. Личность Ширака, как она была обрисована до сих пор, а также и то что Обвинение назвало Ширах "человеком культуры", личность эта была бы покопеблена, если бы Ширах действительно видел и читал эти сообщения. Тогда бы он знал, что в Латвии и Литве, в Белоруссии и в Киеве имели место массовые убийства и совершенно очевидно без всякого суда и приговора.

Что же в действительности было доказано в процессе представления доказательств?

Упомянутые сообщения посылались в управление "Имперского комиссара по вопросам обороны в военном округе ХУП", так же, как и в десятки других учреждений, причем с указанием "вручить правительственному советнику доктору Гофману" или "вручить правительственному советнику доктору Шпееру". То, как это было адресовано и как затем управление "имперского комиссара по вопросам обороны" регистрировало эти сообщения, безусловно,

H1211-0106

H1211-0107

показывает, что Ширах не получал этих сообщений и не получал также никаких сведений о них.

Как известно, Ширах занимал в Вене три ответственных поста: будучи имперским наместником и комиссаром по обороне империи, он являлся начальником всей государственной администрации, будучи обербургомистром, он являлся главой общинной администрации и, будучи, наконец, гауляйтером Вены, он являлся руководителем местного партийного аппарата. Совершенно ясно, что Ширах не мог один решать эти три задачи, тем более, что он в 1940 году пришел сюда с другой работы и должен был сначала ознакомиться с государственной, а также и с общинной администрацией. Поэтому для каждого из этих трех учреждений у него имелся постоянный заместитель, таким заместителем в государственной администрации был правительственный комиссар Вены доктор Дельбрюгге. Этот доктор Дельбрюгге должен был совершенно самостоятельно вести текущие дела государственной администрации. Ширах занимался вопросами государственной администрации только тогда, когда его постоянный заместитель доктор Дельбрюгге представлял ему какие-либо документы или же тогда, когда доктор Дельбрюгге или один из его референтов устно докладывали ему.

Если это имело место и в случае с упомянутыми "оперативными отчетами", то это было бы отмечено на этих документах, но на представленных "Оперативных отчетах" СС нет ни одной такой пометки, на основании которой можно было бы сказать, что эти сообщения представлялись подсудимому фон Шираху или что о них ему докладывали. Это само собой разумеется, так как для венской администрации опыт, полученный полицией и СД в борьбе с партизанами в Польше и России, не имел никакого значения. Поэтому не было ни малейшего повода для того, чтобы представлять эти

сообщения подсудимому фон Шираху, который и так был перегружен работой по администрации.

Такой вывод, в первую очередь, опирается не только на показания подсудимого, но и на показания свидетелей Хепкена и Висгофера, которые - первый из них, - как начальник "Центрального бюро", а второй, как адъютант подсудимого, могли дать точные показания о положении в Вене. Установлено, что эти сводки никогда не поступали в "Центральное бюро" в Вене, а направлялись непосредственно правительственному комиссару, доктору Дельбрюгге и что Хепкен, будучи начальником "Центрального бюро", а также и Висгофер, будучи адъютантом подсудимого, ничего не знали об этих "Оперативных отчетах". Они увидели эти сводки только здесь на заседании Трибунала во время допроса.

Оба эти референта подсудимого Шираха, доктор Фишер и др. совершенно о них не знали.

Во всяком случае установлено, что, судя по пометкам, имеющимся на документах, Ширах ничего не знал об этих сводках и он не является ответственным за те зверства, которые там описываются и поэтому он не может быть обвиняем в уголовном порядке на основании этих сообщений.

Для оценки поведения Шираха является также важным его поведение в последние недели в Вене: для Шираха было само собой разумеющимся то, что не следовало выполнять те сумасшедшие приказы, которые поступали в то время из Берлина, он решительно отклонил линчевание вражеских летчиков, которое приказал проводить Борман, так же, как и приказ вешать пораженцев независимо от того, были ли это мужчины или женщины; его полевой суд вообще никогда не собирался и не вынес ни одного смертного

16013

H1211-0108

H1211-0109

приговора, его руки не запятнаны кровью. Он, напротив, делал все для того, чтобы, например, защитить летчиков, совершивших вынужденную посадку, от возбужденной толпы и, как мы слышали от свидетеля Виссофера, он, Ширах, сейчас же послал грузовик для того, чтобы спасти спустившихся на парашютах американских летчиков. Таким образом, он совершенно сознательно действовал не в соответствии с приказом Бормана, в котором говорилось, что таких летчиков не следует защищать от раз"яренного гражданского населения, от линчевания. Он также не выполнял распоряжения, в котором говорилось, что Вену надо оборонять до последнего человека и что следует разрушить в Вене мосты, церкви и жилые кварталы. Он резко отклонил приказ об организации партизанских отрядов в гражданской одежде и о ведении бесполезной и преступной борьбы с помощью "Вервольфа". Он отклонил подобные намерения, сознавая свой долг и сознавая то, что он, таким образом, нарушил бы международное право.

Характеристика подсудимого фон Шираха останется незавершенной, если мы в этот момент не вспомним того заявления, которое было им сделано здесь на утреннем заседании 24 мая 1946 г. Я имею в виду то заявление, в котором он говорит о Гитлере, как об убийце миллионов, говорит здесь перед всем немецким народом и перед всей мировой общественностью.

Ширах еще в прошлом году давал показания, которые доказывают его чувство ответственности и его готовность отвечать за свои действия и за действиях своих подчиненных в полной мере. Это, например, имело место 5 июня 1945 г., когда он прятался в Тироле и по радио услышал, что все руководители партии должны предстать перед судом союзников. Ширах без промедления доложил о себе и в своем письме местному американскому коменданту он

1044

писал, что он делает это для того, чтобы избежать привлечения к ответственности других людей за действия, которые совершил он сам, которые лишь выполняли его приказы. Он добровольно дал о себе знать, несмотря на то, что английское радио в то время уже сообщило о его смерти и несмотря на то, что Ширах мог надеяться, что его не найдут в его убежище. Такое поведение заслуживает внимания при оценке личности подсудимого. Ту же самую готовность отвечать за свои действия показал Ширах осенью 1945 г., когда его допрашивало обвинение. Он в то время думал, что его преемник Аксман погиб, ведь было об"явлено о его смерти несмотря на это Ширах не пытался свалить свою вину на преемника; наоборот, он заявил, что берет на себя полную ответственность за время правления своего преемника и за все то, что произошло при его преемнике в области руководства молодежью.

Заключительным моментом в этой области является то заявление Шираха, которое было сделано им здесь 24 мая 1946 г. и которое из этого зала разнеслось по всему миру, по всем немецким гау до последнего крестьянского двора, до каморки рабочего.

Господа судьи! Каждый человек может ошибаться, он может даже совершать такие ошибки, которые он впоследствии не может понять. И Ширах ошибся; он воспитывал молодежь для человека, которого он долгие годы считал неприкосновенным и о котором он сегодня должен говорить как о дьявольском преступнике. Он в своем идеализме и исходя из своей лойяльности сдержал присягу на верность человеку, который разочаровал и обманул его и немецкую молодежь и который, как мы узнали здесь от Шпеера, до последнего дыхания преследовал свои собственные интересы,

16045

H1211-0110

H1211-0111

ставя их выше существования и счастья 80 миллионов людей.

Ширах, может быть, и является тем подсудимым, который не только ясно видит совершенные им ошибки, сегодня их можно рассматривать как угодно, но который честно признает свои ошибки и который своими открытыми заявлениями предотвратил возникновение легенд о Гитлере в будущем. Такому подсудимому надо засчитать в заслугу то, что он старается исправить по возможности тот вред, который он нанес, будучи преисполнен верн.

Ширах попытался открыть народу глаза на "фюрера", в котором он, вместе с миллионами немцев, в течение многих лет видел спасителя родины и человека, гарантирующего их будущее. Он здес перед лицом общественности сделал отчет, который германский народ, после самоубийства Гитлера, может требовать от каждого низшего руководителя третьей империи; это он сделал хотя бы для того, чтобы иностранные государства поняли, как Германия могла дойти до того положения, в котором она оказалась в последние 6 лет, и кто за это ответственен.

Бывший имперский руководитель молодежи, прежде всего, хотел открыто сказать немецкой молодежи, что он бессознательно и будучи преисполнен хорошими намерениями, вел эту молодежь по неправильному пути и что она должна теперь выбрать другой путь, если не хочет, чтобы немецкий народ и немецкая культура были бы погребены. Ширах при этом не думал о себе, он думал о молодежи сегодняшнего дня, которая стоит не только перед развалинами городов и жилищ, но и бродит по развалинам своих прежних идеалов. Он думал при этом о германской молодежи, которой нужно теперь переориентироваться и которая должна поставить свою будущую жизнь на новый базис. Ширах надеется, что вся германска

V00446

молодежь слышала его слова. Особенно ценным в его признании от 24 мая 1946 г. является то, что он утверждает, что один он отвечает за германскую молодежь и ответственен за это как и за те приказы, которые он издавал. И, если эта точка зрения будет признана правильной и будут сделаны необходимые выводы, то для нашей германской молодежи это явится ценнейшим результатом процесса.

Господа судьи! Сейчас я перехожу к заключению рассмотрения дела Бальдура фон Шираха. При рассмотрении этого дела я ограничился лишь описанием личности самого подсудимого Шираха, его действий и мотивов, которые обусловили эти действия и хотел бы сейчас добавить следующее: Это рассмотрение и оценка со стороны защиты данного лица доказали, что подсудимый фон Ширах не является виновным в духе обвинения и не может быть осужден, так как он не совершил никакого преступления, которое могло быть наказуемо в уголовном порядке. Что касается политических ошибок, то здесь не судят за эти ошибки, здесь рассматриваются лишь преступные действия, которые караются уголовным правом.

Я прошу вас позволить мне сделать несколько заявлений общего порядка, которые выходят за границы описания личности Шираха, но которые для немецких защитников на этом процессе являются весьма важными.

Господа судьи, вы являетесь верховным судом нашего времени. Мощь всего мира стоит за вашей спиной, четыре сильнейших народа земного шара выступают здесь в Вашем лице. Сотни миллионов людей не только в побежденных странах, но и в странах -победительницах, прислушиваются к Вашему мнению и

16047
H1211-0112

H1211-0113

напряженно ожидают вашего приговора, чтобы следовать за вашим советом и учиться у вас. Этот ваш авторитет дает вам возможность вашим приговором и обоснованием его сделать много хорошего для того, чтобы и из теперешней катастрофы можно было бы найти путь к лучшему будущему, на пользу ваших народов и на благо германского народа.

Сегодня Германия повергнута ниц, бедный народ, он беднее всех: немецкие города разрушены, немецкая промышленность разбита, на плечах немцев лежит тяжелым бременем государственный долг, который во много раз превышает все народное достояние и который означает для целого ряда поколений германского народа нужду и нищету, голод и рабство, если ваши народы не помогут нам. Для этой помощи нам в этом критическом положении решающее значение будет иметь аргументация Вашего приговора. Конечно, Вам трудно учесть это и отдать должное этому положению в душе, когда вы думаете о том несчастьи, которое принесли вашим странам последние шесть лет, вдвойне труднее сделать это после того, как на этом процессе, длившемся многие месяцы, здесь были выявлены такие преступления, которые в течение долгих лет совершал один тиран, злоупотребляя немцами во имя того же самого германского народа, о будущем которого Вы, как судьи, теперь должны подумать.

Господа судьи, Гитлер умер и с ним погребены его орудия, которые в эти годы совершили необозримые бесчисленные преступления и которые тиранизировали Германию и почти всю Европу и осквернили слово немец на много поколений вперед. Но германский народ живет и должен жить, если не хотят, чтобы полмира было превращено в развалины.

26098

На этом процессе, в настоящее время германский народ переносит тяжелую операцию, она не должна принести с собой смерть, она должна принести исцеление. Этому исцелению должен помочь и ваш приговор, для того, чтобы мир в будущем не видел бы в каждом немце преступника, а напротив - возвратился бы к точке зрения профессора Арнольда Наш из Чикагского университета, который несколько дней тому назад, когда его спросили о целях его нынешней поездки в Германию, ответил: "У каждого ученого две родины, - его собственная и Германия".

Это должно было быть предостережением для тех безответственных критиков, которые и по сей день видят свою задачу только в том, чтобы всевозможными средствами пропаганды выступать против всего немецкого и внушать миру, что минимум каждый второй немец является преступником. Но вы, беспристрастные судьи, не забывайте одного, что всегда существовала и существует теперь другая Германия. Германия трудолюбивая и бережливая, Германия Гете и Бетховена, Германия верности и чес ности и еще других добродетелей, которые в прошлые столетия превратились в пословицы, определяющие характерные особенност немецкого народа. Поверьте, нам теперь - в это время, когда Германия просыпается от тяжкой болезни и приступает к строительству своего лучшего будущего, уходят от развалин злого прошлого, к будущему для своей молодежи, которая не участвовала в этих преступлениях; в это время 70 или 80 миллионов немцев смотрят на вас и надеятся, что Вы вынесете приговор, который откроет путь к восстановлению германской экономики, к воскресенью немецких сердец и истинной свободы. Вы действи-

H1211-0114

H1211-0115

тельно суверенные судьи, вы не связаны с письменными законами, вы не связаны ни с какими параграфами, Вы отвечаете только перед своей совестью, и призваны судьбой, дать миру такой новый правовой порядок, который обеспечил бы мир для будущих поколений, тот мир, который в прошлом не мог быть сохранен. Освещая эту вашу великую и тяжелую задачу, известный демократ старой Германии бывший министр д-р Китц недавно писал в своей статье о Нюрнбергском процессе: "В монархическом государстве справедливость осуществляется от имени короля, в республиках суд выносит приговор от имени народа, а вы, Нюрнбергский Трибунал, должны вынести приговор от имени человечности".

Вынести приговор! Действительно замечательная мысль для суда, идеальная цель, если он сможет считать, что его приговор осуществит заветы человечности и сможет навсегда предотвратить преступления против нее. Но в некотором отношении это все же не совсем устойчивый фундамент для вашего приговора. Ибо представления о том, что от каждого требует и каждому человечность запрещает человечность, могут быть очень различны в зависимости от времени, от народа и даже от позиции, с которой принимается решение.

Я считаю, что вы найдете надежный фундамент для своего приговора в том случае, если вы вернетесь к старому положению, которое проповедывали еще древние римляне, к положению, которое пережило тысячелетия и которое будет действительно и в будущем: "Юстициа эст фундаментум регнорум".

Германский народ и с ним весь мир ожидает от вас, - господа судьи, - такого приговора, который не только сегодня будет приветствоваться державами-победительницами, как последняя победа над Германией; но и в будущем историей будет

21050

признан правильным, - приговора во имя справедливости!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я вызываю доктора Серватиуса, защитника подсудимого Заукеля.

СЕРВАТИУС /защитник подсудимого Заукеля/. Господин председатель, господа судьи! Защита подсудимого Заукеля должна, в первую очередь, рассмотреть вменяемый подсудимому в вину "рабский труд".

Что такое рабский труд? Это понятие нельзя рассматривать как константное понятие и относить под эту рубрику все моменты, которые в запутывающем изобилии вменяются подсудимому Заукелю в вину под названием рабский труд.

Как раз эти моменты нужно сначала рассмотреть с правовой точки зрения. Правовой основой этого анализа является устав. Этот устав, однако, не указывает на то, что нужно понимать под "рабским трудом" и под "угоном". Следовательно, эти понятия нужно раз"яснить путем интерпретации. В статье 6-й устава в двух местах в различных аспектах речь идет об "угоне" и о "рабском труде".

Угон квалифицируется как военное преступление и как преступление против человечности, а принудительный труд появляется как под рубрикой военных преступлений, под обозначением "рабский труд", так и под рубрикой преступлений против человечности, под обозначением "порабощение".

К какой рубрике можно отнести использование рабочей силы Заукелем, имеет решающее значение. Если речь идет о военном преступлении, то его нужно рассматривать в соответствии с военным правом. Если же налицо преступление против человечности, то оно предполагает совершение военного преступления

16051

H1211-0116

H1211-0117

или преступления против мира. Из этого следует, что угон упомянутый в ст. 6/б/ не может быть тем же самым, что угон упомянутый в ст. 6/с/ и в такой же малой степени принудительный труд, о котором говорится в стр. 6/б/, может быть идентичным принудительному труду, рассматриваемому в ст. 6/с/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На странице 2-й английского текста вашей защитительной речи во втором параграфе сказано: "Из этого следует, что депортация, о которой упоминается в статье 6/б/ означает не то же самое, что означает депортация согласно статье 6/с/...". Трибуналу все это непонятно. Можете Вы это разъяснить?

СЕРВАТИУС. В § 6-б идет речь о преступлениях против человечности, а в § 6-С - о военных преступлениях. При расследовании нужно будет точно установить и определить это понятие. Мне кажется, что далее в моей защитительной речи это понятие будет полностью выяснено, господин председатель. Я как раз сейчас перехожу к терминологии устава. Таким образом, я говорил о разнице, существующей между этими двумя видами рабского труда и угона.

Разницу между двумя видами нужно искать в том, что понятие военных преступлений е должно включать еще что-то, что является преступлением против человечности. Правильность этой точки зрения вытекает из терминологии устава, хотя эта терминология и довольно расплывчата. Так, например, в русском тексте выбирается для понятия "депортация" в смысле военного преступления слово "увод", которое означает лишь только эвакуацию /абтранспорт/, а для аналогичного понятия преступления против человечности употребляется в смысле депортации, технический термин "ссылка", под которым понимается ссылка

как наказание при царском режиме. Из всего этого можно сделать тот вывод, что обыкновенный увод /абтранспорт/ жителей из оккупированных областей на работу следует рассматривать как военное преступление, но что эта эвакуация становится преступлением против человечности...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об"являет перерыв.

КОМЕНДАНТ СУДА: Трибунал возобновит заседание без четверти два.

Считали и внесли поправки: Архипова и Домницер.

"21" августа 1946 года.

16053

H1211-0118

H1211-0119

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 18 июля 1946 г.

Вечернее заседание.

Встать! Суд идет!

СЕРВАТИУС. Я говорил о терминологии и о значении слова "депортация" в русском тексте. Я привел разницу между термином "увод", как "увоз", "отправка", и термином "ссылка", как отправка, являющаяся мерой наказания.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что обыкновенный увод жителей из оккупированных областей на работу следует рассматривать только как военное преступление, но, что этот увод становится преступлением против человечности, если он принимает характер отправки заключенных в целях отбытия имисвоего наказания.

Спрашивается, не является ли согласно Уставу наказуемым действием вообще всякая отправка населения, рассматриваемая как военное преступление, без учета того, производится она в целях использования населения на работе или по каким-либо другим причинам.

В соответствии с текстом Устава на первый взгляд кажется, что так оно и есть, ибо согласно Уставу наказуемым является "угон населения на рабский труд или с какой-либо другой целью".

Но при более подробном рассмотрении предмета выясняется что это положение можно истолковывать и по другому, потому что имеются случаи, когда отправка, увод населения не только допустимы с точки зрения норм международного права, но они

даже обуславливаются последними.

Поэтому данное положение Устава можно понять лишь в том смысле, что наказуемым действием является не просто "угон", а "угон на рабский труд" и "угон с какой-либо другой целью".

Формулировка "угон с какой-либо другой целью" может быть, однако, истолкована лишь таким образом, что эта цель - запрещенная и соответствует рабскому труду. Если наказуемым является всякий увод, то ограничивающее дополнение "на рабский труд или с какой-либо другой целью" излишне.

Выяснение этого обстоятельства является важным при рассмотрении дела подсудимого Заукеля, т.к. в противном случае наличие военного преступления, заключающегося в депортации населения, могло бы считаться уже доказанным на основании признаний им фактов.

Об"яснение различия между разными видами депортации, точно так же, как и различия между разными видами принудительного труда, нужно искать в Уставе.

Критерием толкования является опять-таки терминология, имеющаяся в текстах на различных языках, но не вследствие своей ясности и последовательности, а как раз наоборот.

В английском тексте говорится о "slave labor" /рабский труд/ как о военном преступление и о "enslavement" /порабощение/ как о преступлении против человечности; во французском тексте для выражения этих понятий употребляется "travaux forcés" /принудительная работа/ и "reduction en slavage" /обращение в рабство/. Русский текст соответственно употребляет слова "рабство" и "порабощение". Трудно сказать, в чем состоит

16055

H1211-0120

H1211-0121

существенное отличие этих понятий друг от друга.

Если исходить из того, что труд, противоречащий принципам человечности, должен выполняться при более тяжелых условиях, чем обычный, что "рабский труд" является трудом, выполняемым при самых тяжелых условиях, то тогда ясно, что с помощью терминологии, применяемой в Уставе, нельзя дать событиям оценку с точки зрения морали и соответственно заклеймить их.

Фактическое деление труда на различные его виды не должно зависеть от существующей терминологии, оно должно быть произведено только с учетом того, насколько тяжелы условия труда. Пытаясь расчленить применяемые термины, мы находим, что вид труда, при котором нарушаются принципы человечности, обозначается как " esclavage " и "порабощение", в то время как вид труда, не находящийся в противоречии с принципами человечности, обозначается как " forced labor ", " travaux forcés " и "принудительный труд". Следовательно, понятие " slave labor", "travaux forcés " и "рабский труд" является универсальным понятием, охватывающим оба вида труда.

Какое значение имеет констатация этого для защиты подсудимого Заукеля?

Подсудимый Заукель признает, что он участвовал в привлечении населения к "принудительному труду", как и обязательному. Этот вид труда обозначен общим термином "рабский труд". Но он оспаривает тот факт, что он настаивал на применении "рабского труда", который может рассматриваться, как труд, нарушающий принципы человечности, следовательно,

16056

как порабощение.

Для обоих составов преступления в данном случае так же, как и в случае с депортацией, определяющими являются различные критерии; обязательный труд считается только военным преступлением и поэтому должен рассматриваться лишь только с точки зрения военного права; преступление против человечности имеет дополнительные признаки, как уже указывалось выше в связи с определением депортации, рассматриваемым с точки зрения преступления против человечности, оно имеет общее с военными преступлениями и преступлениями против мира.

Если может быть доказано, что мобилизация и использование рабочей силы в той форме, в какой они производились по указаниям Заукеля, допустимы с точки зрения военного права, то эти же действия не могут одновременно рассматриваться как преступления против человечности.

Обвинительное заключение сделало различие в отношении видов труда. Мобилизация и использование рабочей силы, которыми руководил Заукель и которые я хотел бы охарактеризовать, как "организованное использование рабочей силы", рассматривается в Обвинительном заключении в пункте 3 раздела УШ как особое военное преступление. Пункт озаглавлен "Принудительная вербовка гражданской рабочей силы", в нем идет речь в английском тексте о " forced labor " /принудительный труд/, во французском тексте о " travaux forcés " /принудительная работа/; притом употребляются такие выражения, как " les obligrent à travailler " /они заставили работать/ и " mis en obligation " /они принудили работать/; русский текст следует тому же и также говорит о "принудительном труде", но не о рабском труде.

16057

H1211-0122

H1211-0123

Подсудимый Заукель не оспаривает тех обстоятельств, которые взяты за основу обвинения, но я приведу юридические доказательства, которые оправдывают это использование рабочей силы. Я докажу, что самый факт использования рабочей силы не заключал в себе военного преступления, противоречащего нормам международного права.

При решении вопроса о том, являлось "организованное использование рабочей силы" военным преступлением или нет, нужно руководствоваться принципами международного права. То, что допускается во время войны нормами международного права, не может запрещаться Уставом. Международное право зафиксировано в конвенциях, в соглашениях и в общих правовых принципах и обычаях, которые признаются различными государствами.

Обвинение, рассматривая использование рабочей силы как военное преступление, опирается на положения Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны, на военные соглашения, на военные обычаи, а также на общие принципы уголовного права цивилизованных наций и уголовные кодексы соответствующих стран. Если использование рабочей силы допустимо с точки зрения международного права, то рассмотрение его с точки зрения уголовного права оказывается излишним. Гаагская конвенция о правилах ведения сухопутной войны может считаться основой рассматриваемого здесь военного права. Вопрос о том, признавалась ли эта конвенция всеми заинтересованными здесь государствами, является вопросом, имеющим практически второстепенное значение, т.к. если она кем-то и не признавалась или кто-то не мог ее непосредственно применить, то в международном праве образовывалась брешь, которая ликвидировалась в соответствии с той необхо-

димостью, которая возникала для воюющей стороны, и в соответствии с обязанностью придерживаться принципов человечности. Принципы международного права, изложенные в Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны, во всех случаях представляют собой положения, которыми следует руководствоваться.

Обвинение цитировало в первую очередь 46 статью Гаагской конвенции, согласно которой должны охраняться основные права населения. Типичным в факте использования рабочей силы является ограничение свободы, но как раз это основное право не гарантируется этой статьей. Изучая Гаагскую конвенцию с целью выявления какого-либо принципа о депортации и использовании рабочей силы, приходится констатировать, что такого принципа в ней нет. Точно так же, как Гаагская конвенция не могла заниматься вопросами воздушной войны и применением новых видов оружия, точно также она не могла рассматривать вопросы, которые в момент ее подписания были чужды пониманию тех, кто ее подписывал.

Первая мировая война началась как война между двумя армиями, уже располагавшими изготовленными материалами, после израсходования которых военная кампания должна была прекратиться. Мысль о затяжной войне, являющейся войной, успех которой решается техникой и которая требует постоянного производства новых военных материалов, на что нужна рабочая сила, не была для Гаагской конвенции проблемой, которую можно было бы обсуждать.

Статья 53-я Гаагской конвенции, в основном рассматривающая право на реквизицию имущества, затрагивает эту спорную область, но только в масштабе потребностей войсковых ча-

16059

H1211-0124

H1211-0125

стей, имеющих все необходимое на вооружении и испытывающих потребность в дополнительных материалах, потребность, которую можно покрыть за счет местных ресурсов. Характерным в данном случае является то обстоятельство, что право на реквизицию материалов предоставлялось командирам частей, в то время, как 51-я статья Гаагской конвенции допускает наложение какой-либо повинности только командиром отдельного корпуса. Литература по международному праву к вопросу о праве на реквизицию приводит примеры только такой реквизиции местного значения.

Если статья 52 непосредственно и не применима, то применение ее основных положений необходимо для воюющих сторон.

Основная мысль заключается в том, что практически войска могут требовать все, что им нужно для удовлетворения своих потребностей. Имеются лишь только два ограничения: войска не имеют права брать больше, чем им нужно, и не больше, чем может дать данная страна.

Применим к современной войне принцип наложения повинности на местное население.

Гаагская конвенция предусматривала использование кузнецов и тележников, необходимых для поддержания в порядке снаряжения войсковой части. Но, вследствие неразвитости средств сообщения, она не могли учесть работы, производимые на территории государства-оккупанта. Об этом никто и не думал.

Теперь необходимые работы не могут производиться в прифронтовом районе, они должны производиться только на собственной территории воюющих стран. Нужно создать условия, при которых можно было бы требовать, чтобы работы производи-

лись там, где они только и могут производиться и где в них есть необходимость.

Выполнение этих работ необходимо для покрытия возникающей потребности в предметах систематического снабжения войск, что может быть обеспечено только путем массового производства их. Выдвигаемые требования должны быть целесообразными, а целесообразность обуславливается временем. Раньше, в соответствии с принципом "война питает войну", оторванные от родины и не имеющие с ней сообщения войска в самых широких масштабах снабжались за счет оккупированной страны. Теперь снабжение войск обеспечивается путем переброски рабочих на предприятия, находящиеся на территории воюющей стороны. Развитие военного права соответствует потребностям, которым это право служит.

Вместе с принципом трудовой повинности, возлагаемой на местное население, нужно перенять и основную идею об ограничении ее в соответствии с изменившимися условиями.

Установление трудовой повинности само по себе справедливо. Но оккупационные власти не могут требовать выполнения большей работы, чем та, выполнения которой они требуют от населения в своей стране. Нужно учитывать интенсивность войны, являющейся тотальной войной. В связи с этим трудовая повинность может приобрести довольно большой масштаб.

Смысл и цель Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны несомненно заключается не в том, чтобы поставить граждан побежденного государства в лучшие условия, чем граждан государства-победителя, оккупировавшего данную страну. Но таков был бы результат, если бы Гаагскую кон-

16061

H1211-0126

H1211-0127

венцию продолжали истолковывать в соответствии с ее старым текстом. Если бы выдвигалось такое требование, то Франция, безоговорочно капитулировавшая, точно так же, как и другие оккупированные государства, могла бы спокойно наблюдать, как Германия, стесненная блокадой, исчерпывает свои силы в неустанной борьбе, неся потери в людях и технике.

Можно ли действительно требовать, чтобы пленный жил в осажденной крепости лучше, чем тот, кто ее защищает.

Если бы сегодня Германии была предоставлена привилегия Гаагской конвенции, то ее следовало бы предпочесть тому бремени, которое возложит на Германию ожидаемый мирный договор.

Фактически Гаагскую конвенцию уже не ~~интересуют~~ истолковывают по-старому, если соответствует действительности то обстоятельство, что уже до заключения перемирия Советский Союз, являясь оккупационной властью, вывозил в большом масштабе население из восточных районов Германии на работу вне Германии. Контрольный совет Германии мог бы дать Трибуналу официальную справку по этому вопросу.

До меня дошли сведения о том, что интернированные германские гражданские лица в настоящее время используются во Франции на работах. По этому вопросу Трибунал тоже может получить официальную информацию.

Второе ограничение трудовой повинности заключается в том, что нельзя требовать от рабочих, чтобы они участвовали в военных операциях, направленных против их родины. Косвенно всякая работа, производимая в интересах оккупационных властей идет на пользу войны, которую они ведут. Поэтому подобное запрещение распространяется на участие непосредственно в операциях действующих войск. Литература

по международному праву противопоставляет участие в военных операциях допустимому участию в работах по подготовке операций.

Ни от одного рабочего не требовали участия в военных операциях в вышеупомянутом смысле; напротив, преследовали цель отправлять рабочих подальше от района военных действий, туда, где они могли бы спокойно работать. Значит, запрещалось использовать рабочих там, где их деятельность была бы направлена против их собственного отечества. Тут следует учесть чувство каждого в отдельности. Но, с другой стороны, никто не ставит себе целью защиту государства противника. Поэтому, если кто-то отказывается от своего отечества и в борьбе мировоззрений становится во враждебную по отношению к правительству своего отечества позицию, вышеуказанное ограничение отпадает. В качестве примера можно указать на большое количество иностранцев, которые заняли такую позицию и еще по сегодняшний день проживают в Германии.

Это положение действительно и в том случае, когда государство, подданными которого являются рабочие, больше не находится в состоянии войны.

Значение данного вопроса особо велико для тех, кто обязался работать в области производства оружия. Положения Женевской конвенции об использовании военнопленных на работах всем хорошо известны. Ее основная идея, заключающаяся в том, что никого нельзя заставить производить оружие, которое будет направлено против его собратьев, полностью применима и к гражданским рабочим.

К моментам, сводящим на-нет это ограничение, относится момент, когда отечество ведет незаконную борьбу или, когда отечество, юридически еще находящееся в состоянии войны,

16063

H1211-0128

H1211-0129

фактически уже не участвует в бою и, следовательно, не является об"ектом военного наступления. Наличие союзников, боровшихся заодно с отечеством, не может служить основанием произвольного увеличения этого ограничения, а граждане такого государства не обязаны защищать своих бывших союзников и принимать участие в политике своего правительства. Призрачные правительства не могут изменять действительности. Только после того, как они, имея у себя во главе своего руководителя, выступят как самостоятельные страны и будут остальными признаны как таковые,—только тогда они могут пользоваться своим старым правом.

Эта точка зрения равно относится ко всем государствам, которые были выведены Германией из боя.

Ко времени использования иностранных рабочих, активными борцами против Германии были только Англия, США и СССР. Англичане и американцы не использовались в качестве рабочей силы. В качестве таковой для производства вооружения использовалась часть граждан СССР. Но правовое положение граждан Советского Союза принципиально иное.

Обвинение пред"явило указ Совета Народных Комиссаров от 1.УП.1941 г. как документ ЕЦ-338, СССР-356.

В этом указе говорится об использовании военнопленных в качестве рабочей силы, а также об использовании в качестве рабочей силы интернированных гражданских лиц.

По этому указу не запрещается использование как тех, так и других в целях производства вооружения. Более того, ~~в целях~~ и этим указом предусмотрены только два ограничения, а именно:

Использование на работах в районе боевых действий и в качестве денщиков.

16064

Поэтому никаких возражений относительно использования граждан Советского Союза на работах по производству вооружения быть не может. Допрошенный Трибуналом свидетель генерал Паулюс подтвердил, что в СССР военнопленные работали на заводах, а эти заводы, находясь в государстве с плановым хозяйством, во время войны производят только вооружение. Занятые в них рабочие использовались для производства вооружения. Это само собой разумеется, судя по вышеназванному указу.

Значение нарушения запрета участия военнопленных в производстве оружия заключается в его последствии, ~~сводятся~~ сводящемся в свою очередь к невозможности установить общее всеми признанное правило использования рабочей силы. Германия свободно могла использовать рабочих Советского Союза, а также и рабочих всех других стран для производства вооружения.

Таким образом, организованное использование рабочей силы не противоречит правилам Гаагской конвенции. Оно допускается и другими нормами международного права. Первое - это согласие правительства оккупированного государства. Франция дала такое согласие. Приведенное здесь возражение о том, что правительство маршала Петена было незаконным правительством, не имеет значения, т.к. это правительство было законным преемником временного правительства, созданного после перемирия.

Решающим в данном случае является то, что оно представляло французское государство за-границей. Его право на это подтверждается тем обстоятельством, что Соединенные Штаты, даже после своего вступления в войну, признали его,

16065

H1211-0130

H1211-0131

ведя с ним переговоры в Виши через одного из своих послов. И Великобритания заключила в Сирии в 1941 г. с одним генералом правительства Виши договор о перемирии.

Это признанное правительство не могло потерять своего юридического значения оттого, что другое правительство в этой стране заявило об юридической несостоятельности первого и оттого, что оно было признано союзниками. Старое правительство теряет свои юридические права только после того, как оно фактически передало всю власть новому правительству.

Второе возражение, состоявшее в том, что правительство маршала Петена не могло действовать свободно и что договор, заключенный с Германией относительно использования рабочей силы, был составлен по принуждению и, следовательно, не имел законной силы, с точки зрения международного права, совершенно не обосновано.

Перемирие, как и договор о мире, почти всегда заключается под сильным нажимом. Согласно нормам международного права, неоспоримо, что это обстоятельство не делает их недействительными. Так всегда отвечали на требование Германии пересмотреть Версальский договор. То же самое относится и ко всем договорам, заключенным в период между прекращением военных действий и заключением мирных договоров. Это в равной мере относится и к договору с Францией об использовании рабочей силы. Если все же, в противоположность показаниям подсудимого Заукеля, переговоры по вопросу использования рабочей силы велись в ультимативной форме, то и тогда здесь не было нарушения норм международного права. Кроме того, влияние Заукеля не было настолько велико, чтобы вообще иметь возможность оказывать непомерный нажим. Вопрос о том, считать такие соглашения действительными или

нет, может ставиться под сомнение лишь в самых исключительных случаях, так, например, тогда, когда этими договорами заставляют брать на себя чрезмерные обязательства, совершенно явно нарушающие основы гуманности, или, например, тогда, когда Фглашение возлагает обязательство работать в рабских условиях.

Смыслом же договора с Францией было предоставление французским рабочим, работавшим в Германии, хороших условий труда и хорошей заработной платы, как возмещения за их согласие работать в Германии.

Причины военного характера могут заставить эвакуировать часть населения с оккупированной области и использовать его в качестве рабочей силы в другом месте. Этот тот случай, когда население вместо того, чтобы, как это надлежит, вести себя мирно, участвует в партизанской борьбе и группах сопротивления, угрожая тем самым безопасности. Это может быть и тогда, когда в так наз. партизанских районах партизаны заставляют население, вопреки его желанию, участвовать в партизанской борьбе.

Противники Германии организовывали подобные вещи, как меру борьбы, в широких размерах, вначале на востоке, а затем на западе. Теперь они превозносят их как патриотические подвиги. Однако, не нужно забывать, что переброска рабочих явилась следствием этих вещей и с точки зрения международного права была совершенно законна. Эвакуация должна была быть произведена в интересах обеспечения безопасности, а перевод рабочих на другое место работы был необходим для поддержания порядка. Оккупировавшая страна имело право использовать их в своем плановом хозяйстве так, как ей это казалось целесообразным.

16067

H1211-0132

H1211-0133

Необходимость в подобных мероприятиях могла встретиться также в районах, оставляемых войсками, если устанавливали, что при отступлении мужская половина населения незаконно участвовала в боях, на что ее подстрекал противник, иногда снабжал ее оружием.

Эвакуация, предпринимаемая в целях обеспечения безопасности действующих войск, находится в полном соответствии с нормами международного права , а перевод эвакуируемых на новое место работы является не только правом, но и долгом оккупационных властей. Вину за такую эвакуацию несет государство, призвавшее своих граждан к борьбе и вследствие этого обострившее ее. Поэтому все необходимые контрмеры следует считать вполне закономерными.

Когда проведение такой эвакуации становится необходимым ее нужно организовывать, не причиняя населению излишних страданий. Для этого эвакуацию необходимо заранее подготовить что является обязанностью властей, предусмотренной 43 статьей Гаагских правил ведения войны. В порядке выполнения этой обязанности, Заукель внес предложение об эвакуации тыловых районов Франции на случай вторжения /док.1289-ПС/. Предложение Заукеля не претворено в действительность и потому не может ему инкриминироваться.

В порядке выполнения этой же обязанности может быть выдвинуто требование о переброске рабочих на новое место работы, чтобы спасти их от безработицы и [illegible] голода. В частности так было в занятых нами индустриальных районах Советского Союза, где не было никакой возможности использовать рабочих, а также и прокормить их, и где в результате избранных советским правительством форм борьбы

в этих районах оставалась лишь голая земля, а население было обречено на безработицу и голод.

Эти военные и административные принципы международного права опровергают ряд пунктов Обвинения, хотя они и не затрагивают основного вопроса, заключающегося в следующем: независимо от Гаагских Правил, допустимо или нет использование труда рабочих оккупированной страны с тем, чтобы государство, за их счет увеличив производительность труда и освободив своих рабочих для использования их в качестве солдат на фронте, получило возможность устоять в войне.?

Конечно, критическая военная обстановка не может служить основанием для нарушения положений международного права. Победу не следует добывать путем нарушения в критические моменты правил ведения войны, ибо они существуют как раз для определения допустимости тех или иных военных действий, связанных с критическими моментами.

По-иному решается международным правом вопрос о применении мероприятий, необходимых для спасения государства. Это-право самосохранения, признанное за каждым государством и применяемое им, когда нет инстанции, которая могла бы охранить его от гибели.

А в этой войне речь шла именно о существовании государства; это неоднократно подтверждалось всеми участниками войны. Для Германии это стало очевидным после роковых сражений зимой 1941-1942 г.г. на восточном фронте.

До того времени можно было обойтись без мобилизации всей иностранной рабочей силы. Но потом необходимым стало производство нового вооружения; в то же время 2 миллиона рабочих должны были быть взяты на фронт. Применение труда

16069

H1211-0134

H1211-0135

необученных женщин и подростков не означало выхода из положения.

Последующее развитие военных событий и особенно воздушная война пред"явили к технике еще большие требования, которые ни в какой мере нельзя было удовлетворить за счет даже самого широкого использования труда женщин и подростков. Все средства были исчерпаны.

Официальные данные, приведенные подсудимым Заукелем в своей речи, произнесенной им в Познани в феврале 1943 г. /док.1739-ПС/, показывают, что в 1939 году, к началу второй мировой войны, труд женщин применялся в два раза больше, чем к началу первой мировой войны, и что к концу второй мировой войны число занятых на производстве женщин возросло на два миллиона, составив в общем 10 миллионов человек. Это число превышает общее число мужчин и женщин, занятых на военных предприятиях в конце первой мировой войны.

И все же этой рабочей силы было недостаточно. Это подтвердил свидетель, вызванный по делу подсудимого Шпеера, Роланд /документ Шпеер-56/, согласно показаниям которого, подсудимый Шпеер заявлял, что применение рабочей силы иностранных рабочих необходимо при всех обстоятельствах.

16070

Главная трудность состояла не в применении женского труда, очень распространившегося в форме "надомной работы", а в нехватке квалифицированной рабочей силы и рабочих для выполнения тяжелого и сверхтяжелого труда.

Среди I0 миллионов работавших немецких женщин находились жены воюющих на фронте офицеров и подобные им по своему общественному положению.

Неправильно мнение, что в Англии женский труд применялся в большем масштабе, чем в Германии. В Германии работали женщины до 45 лет, а затем и до 50 лет, причем они действительно работали у станков на фабриках и заводах, а не занимали какие-то несуществующие общественные посты. Даже школьники с I0-летнего возраста привлекались к работам, а с I6-летнего возраста они были обязаны работать. Семьи были разобщены. Школы и университеты закрыты, учащиеся работали на военных предприятиях. Даже инвалиды войны не могли продолжать учебу. За каждого работоспособного человека шла упорная борьба. У Шпеера никакого резерва рабочих уже не было. Какие усилия делались в этом направлении, видно из второго приложения к Вартбургскому документу /РФ-8I0/.

Другим моментом, демонстрирующим необходимость применения дополнительной рабочей силы, является то, что колониальные державы пополняли состав своих рабочих из колоний. Так, Франция, как видно из документа РФ-22, стр. I7, привлекла из Северной Африки и Индо-Китая около 50 тысяч рабочих, которые работали под присмотром и руководством офицеров и унтер-офицеров.

16071

H1211-0136

H1211-0137

Германия, которой в колониях было отказано и которая была окружена блокадой, не могла прибегнуть к тому же. В борьбе за свое существование она должна была иметь возможность брать рабочих из оккупированных областей, где они пребывали без дела.

Такова в общих чертах та международно-правовая основа, опираясь на которую можно рассматривать факт организованного использования рабочей силы как военное преступление.

По некоторым вопросам можно придерживаться другого мнения, что хорошо видно именно на вопросах международного права, где очень трудно достичь единых взглядов. Главную роль играют интересы различных государств, а эти интересы не всегда совпадают. Часто одно из государств не желает признать какое-нибудь положение, потому, что оно не хочет официально отказаться от своих прежних действий или потому, что оно хочет сохранить за собой свободу действий на будущее.

Я, как защитник, могу прямо говорить.

С точки зрения защиты подсудимого Заукеля, приводимые мною соображения важны потому, что наряду с об"ективной стороной дела они доказывают, что подсудимый Заукель, планово используя рабочую силу, суб"ективно имел все основания полагать, что он действует правомерно, и не видел в своих действиях ничего, что шло в разрез с нормами международного права.

Подсудимый Заукель был убежден в допустимости организованного использования рабочей силы. Это убеждение складывалось у него на основании отношения к этому со стороны вышестоящих инстанций.

16072.

Когда Заукель вступил на свой пост, иностранные рабочие уже работали, и, хотя они были завербованы во время отдельных вербовочных кампаний, Заукель мог думать, что государство вправе использовать их труд.

Ни одна из вышестоящих инстанций не обвинила Заукеля в нарушении законов. Вышестоящие инстанции, в первую очередь, министерство иностранных дел и высшие гражданские и военные власти в оккупированных странах, поддерживали его мероприятия, как нечто само собой разумеющееся. Никакого сомнения в их правомерности с точки зрения международного права у него не возникало.

Особо авторитетным в данном случае для подсудимого Заукеля должно было быть мнение заинтересованных инстанций соответствующих оккупированных стран, в частности, французов и бельгийцев, которые для обсуждения этого вопроса специально приезжали в Берлин. Этим об"ясняется хорошее состояние работы, проводимой вместе с местными учреждениями в оккупированных областях, каким оно было до того, как началась пропаганда противника.

Не будем обсуждать вопрос о том, что деликтом можно считать действие, совершенное при знании того, что оно совершается в нарушение норм права.

Суб"ективная сторона состава преступления подсудимого Заукеля, а, следовательно, и его уголовная ответственность в вопросе организованного использования рабочей силы не может быть доказана.

Подсудимый Заукель не должен быть наказан и по другим соображениям правового характера, даже в том случае, если бы организованное использование рабочей силы действи-

16073

H1211-0138

H1211-0139

тельно было нарушением норм международного права. Согласно Гаагским правилам ведения сухопутной войны, в данном случае нет места индивидуальной ответственности. Гаагские правила различают два рода военных преступлений: преступления, совершенные отдельным лицом, как-то: убийства и издевательства, и преступления, совершенные одной из воюющих сторон.

Плановое использование рабочей силы - это процесс, который может быть организован только государством. В то время как, согласно уголовному кодексу всех государств, индивидуальное преступление наказуемо, преступления одной из воюющих сторон наказываются соответственно положению 3-й статьи вводной части Гаагских правил, в которой предусматривается только возмещение убытков.

Эта вводная часть Гаагских правил действительна еще и в настоящее время, ибо она не может быть отменена решением одних союзников. Устав, предусматривающий непосредственную уголовную ответственность государственных органов или исполнителей, не действителен в том пункте, в каком он противоречит Гаагским правилам.

Излишне указывать на то, что Германия, являясь одной из сторон, подписавших Правила, должна была бы дать свое согласие на отмену 3-й статьи; имеются 4 другие мотивы, по которым она должна по-прежнему оставаться в силе.

Гаагские правила ведения сухопутной войны можно было бы изменить в духе устава на основании обычного права или общепринятого обычая. Предпосылкой к этому должен был быть отказ государств, подписавших договор, от своего суверенитета, так как только в таком случае возможно осуществление наказания государственных органов. Однако, насколько

16074

мне известно, от права на суверенитет отказались не в такой степени, которая бы сделала допустимым такое наказание.

В этой связи я ссылаюсь на общие положения, выставленные здесь Трибуналу г-ном профессором Ирайсом.

Перехожу к рассмотрению вопроса об использовании рабочей силы, как преступления против человечности.

Мы установили, что "организованное использование рабочей силы" допустимо с точки зрения международного права. Остается открытым вопрос о методах его проведения, т.е. вопрос о том, в каких пределах использование рабочей силы можно считать плановым, организованным и когда нарушается допустимая граница.

Устав не говорит о том, что следует подразумевать под "человечностью". В международном праве это понятие может быть взято только из практики отдельных государств. Если мы хотим определить границы допустимого с точки зрения международного права, то для сравнения мы должны привлечь: бомбардировку крупных городов, использование атомной бомбы, депортацию и эвакуацию, которые и сейчас еще не прекращены. Все эти события, которые разыгрались на глазах у всего мира, рассматривались государствами, проводившими их, как допустимые.

Мы снова наталкиваемся на понятие необходимости и видим, что оно истолковывается очень широко. Это следует учитывать при рассмотрении проблемы об использовании рабочей силы с точки зрения его противоречия принципам гуманности. Целью этого мероприятия являлось не убийство сотен тысяч людей, хотя оно и поставило многих в очень тяжелые условия; было много ошибок, возникших непроизвольно или

16075

H1211-0140

H1211-0141

вследствие неумения отдельных лиц организовать свое дело. Следует ответить на вопрос, не весит ли преднамеренное убийство значительно больше, чем нанесение прочих преходящих страданий.

К этому надо добавить, что устав предусматривает наказание не за всякое действие, противоречащее принципам гуманности, а только за такое, которое совершено в порядке какого-нибудь преступления или в связи с ним,— преступления, рассмотрение которого входит в компетенцию Трибунала.

Трибунал компетентен рассматривать преступления против мира и военные преступления.

Что касается преступлений против мира, то надо сказать, что негуманное действие может быть допущено при обороне, в то время как оно является преступлением, если его совершает нападающий. Или должно иметь место военное преступление. Дело обстоит иначе, когда речь идет о делах отдельных граждан, так как нормы военного права их не защищают. Наказание за бесчеловечный поступок, направленный против этих граждан, налагается только в том случае, если с ним одновременно связано преступление против мира.

Об"ективно говоря, использование рабочей силы стимулировало войну, которую Обвинение квалифицировало как агрессивную войну или войну, начатую в нарушение существовавших договоров.

В случае, если это будет установлено и, кроме того, окажется, что использование рабочей силы проводилось не гуманными методами, тогда состав преступления в духе устава налицо. Перед нами будет преступление против че-

лочевности, независимо от того, являлся сам факт использования рабочей силы допустимым с точки зрения военного права или нет, так как в таком случае это использование рабочей силы производилось в связи с преступлением против мира.

Однако, подвергнуть преступника наказанию можно только в том случае, если он сам суб"ективно знает, что война, которая ведется, запрещенная, и что своими действиями он работает на нее. Подсудимый Заукель заявляет, что он не знал этого. Требуется доказать, что он знал это.

Другая возможность доказательства наличия состава преступления состоит в том, что бесчеловечные действия служат цели совершения военного преступления или находятся в связи с ним. Из примеров о нарушении военного права, приведенных в уставе, к вопросу об использовании рабочей силы могут прежде всего относится: убийства, угон гражданского населения и издевательства над ним.

Как вытекает из этого перечисления, вышеназванные военные преступления, несмотря на всю их тяжесть, сами по себе не являются еще преступлениями против человечности. К ним должно быть присовокуплено еще что-то отягчающее, что придало бы действию характер преступления против человечности. Как следует из примера об "уничтожении" и "порабощении", приведенного в качестве негуманного действия, об"ективно это должно быть действие, проводимое в особо широких размерах, или особой жестокостью. Суб"ективно должны иметься антигуманные мотивы действия преступника и его знание о бесчеловечности своих действий, то

16077

H1211-0142

H1211-0143

есть он должен знать о размерах осуществляемого им мероприятия или о жестокости методов его осуществления.

Вопрос о том, в какой степени такие предпосылки имеются в деле подсудимого Заукеля, будет разобран позднее.

Допустимое по международному праву "организованное использование рабочей силы", как таковое, никогда не может быть преступлением против человечности. Правда, его проведение может происходить такими методами, что оно приносит с собой убийства и издевательства, которые со своей стороны могут быть признаны военными преступлениями.

Такие издевательства могут основываться на распоряжении высшей инстанции, которая тем самым несет за них ответственность. Они могут проводиться подчиненными учреждениями на основе своих полномочий без ведома вышестоящих инстанций.

В таком случае ответственным является руководитель самостоятельно действовавшей инстанции. Наконец, может иметь место чисто индивидуальное действие, совершенное вопреки существующим положениям. За него несет ответственность данное лицо.

Из этого следует, что подсудимый Заукель в первую очередь ответственен за общие распоряжения и директивы, изданные им, а не за самостоятельные действия высших, ему не подчинявшихся, учреждений в оккупированных областях или правительственных учреждений в самой империи, как-то начальника СС и полиции.

Распоряжения и директивы подсудимого Заукеля перед нами. На основании их следует установить, действительно ли

16078

использование рабочей силы, на которое он давал директивы, было организованным, или оно представляло собой "издевательство" над населением.

Помимо вербовки добровольцев, использование рабочей силы происходило на основании трудовой повинности, которая по приказу Гитлера властями на местах была введена в качестве закона. Для издания таких законов подсудимый Заукель не имел полномочий, он даже не мог требовать издания их. Но он согласился с ними и положил их в основу своих действий.

Содержание этих законов соответствовало основной идее германских законов о трудовой повинности. За этими законами стояло принуждение.

Применение средств принуждения до тех пор излишне, пока население признает законные права оккупационных властей; только с потерей оккупационными властями своего авторитета такие методы принуждения становятся необходимыми.

В этом смысле подсудимый Заукель неоднократно требовал сохранения так называемых исполнительных органов для проведения мероприятий по очищению целых районов от партизан и для борьбы с движением сопротивления.

Юридически его нельзя обвинять за то, что он требовал использования предусмотренных на такой случай государственных средств. Несправедливо применяют к нему выражение "СС и полиция", которое обвинением было связано с понятием преступления. Такое отягчающее обстоятельство было бы оправдано только в том случае, если бы был доказан преступный характер полиции и если бы в свое время подсудимому Заукелю была известна ее преступная деятельность.

16079

H1211-0144

H1211-0145

Нечего оспаривать, что в случае неподчинения распоряжениям оккупационных властей допустимо принуждение. Вопрос состоит в том, где граница допустимого принуждения и существуют ли вообще законные и незаконные, гуманные и негуманны, допустимые и недопустимые меры принуждения.

Если даже внутри страны при об"явлении осадного положения могут отменяться основные права граждан, то тем более они могут отменяться при наличии оккупационной власти во время войны. Всякий, кто отказывается выполнять распоряжение оккупационных властей, сознательно принимает участие в борьбе, на которое он не имеет права, и он должен отвечать за последствия. Он обязан повиноваться оккупационным властям и в противоречии между патриотизмом и долгом повиновения побеждает последний.

Мера налагаемых наказаний сама по себе может быть как угодно велика, но угроза наказания, об"являемая оккупационными властями, по большей части чрезвычайно преувеличена так как ее преследуется цели запугивания населения. Вопрос в том, имеется ли граница гуманности, которая бы запрещала то, что выходит за рамки наказания преступления, и потому совершенно излишне.

С этой точки зрения и следует рассматривать распоряжения самостоятельно, изданные подчиненными учреждениями в порядке проведения мобилизации рабочей силы, как например, распоряжение о поджоге домов.

Рассмотреть этот вопрос и принять по нему решение не легко, если учесть особые обстоятельства и подумать о том, что мы имеем дело с открытой борьбой между оккупационными властями и населением, которое официально поддерживалось противником.

16080

Неизбежно возникает мысль, что во время восстания и организованного всеобщего сопротивления можно действовать с таким же правом, с каким действуют войска на фронте.

Международное право установило для насильственных мероприятий только одно ограничение, запретив в 50-й статье Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны налагать коллективные наказания на население за действия отдельных лиц, за которые оно не может отвечать. Ответственность всего населения должна быть установлена на основании фактов, а не сконструирована особыми распоряжениями.

В чем должны состоять коллективные наказания - там не говорится. Их границы определяются вышеупомянутым: это - границы гуманности. Но во время войны это понятие меняющееся: обычно руководствуются в первую очередь мотивами необходимости и целесообразности.

Наряду с издевательскими методами мобилизации рабочих издевательскими могут быть условия их труда, что может рассматриваться как военное преступление.

Принципиально издевательства вряд ли вероятны, если с иностранными рабочими в общем обращались так же, каки и с собственными рабочими.

Другое обращение допустимо лишь тогда, если его оправдывают особые обстоятельства.

В то время как повсюду все иностранные рабочие были приравнены к рабочим - немцам, так называемые восточные рабочие были поставлены в худшие условия.

Самым разительным здесь было ограничение свободы. Если бы оно основывалось на произволе, то одного этого факта было бы достаточно для того, чтобы квалифицировать его

16081.

H1211-0146

H1211-0147

как издевательство. На самом деле, ограничение свободы обуславливалось не произволом, а интересами обеспечения государственной безопасности. Во время войны пребывание граждан враждебного государства на территории своего государства всегда чревато опасностью, и как раз по этой причине в первое время отказывались от использования иностранных рабочих. Но, когда тяжелое положение потребовало использования иностранцев, надо было одновременно обеспечить безопасность государства.

Какие мероприятия здесь следует проводить? Этот вопрос разрешается в зависимости от той опасности, которая, смотря по поведению иностранцев, бывает совершенно различной. В то время, как с французами мероприятия полицейского порядка носили незначительные размеры, с восточными рабочими с самого начала они вылились в форму надзора за ними в закрытых лагерях.

Естественный интерес государства заключается в обеспечении безопасности путем завоевания иностранцев на свою сторону, так как оно ему нужно их содействие. Лишая их свободы, этого не достигнешь.

Строгий контроль за иностранцами необходим до тех пор, пока не выяснено их отношение к нам, в особенности, если они, как например, граждане Советского Союза, воспитаны на соответствующей пропаганде. Однако этот контроль не должен превращаться в длительное заключение, а максимум быть своего рода карантином; длительное лишение свободы без всякого проступка недопустимо, так как оно равносильно запрещенному коллективному наказанию.

Одного предположения наличия опасности недостаточно для лишения свободы, налицо должны быть действия, которые

16082

бы свидетельствовали о том, что данные иностранные рабочие являются опасными даже при нормальных условиях труда.

Содержание восточных рабочих за колючей проволокой и запрет выходить оттуда, на что имелось распоряжение Гиммлера, следует рассматривать как издевательство, если это продолжалось в течение длительного времени.

Подсудимый Заукель, чувствуя, что здесь перешли границы допустимого, немедленно предпринял соответствующие шаги и в упорной борьбе с Гиммлером добился снятия колючей проволоки и отмены запрещения выходить, как это явствует из последовавших затем распоряжений. Это - документ "Заукель-IO",/США-206/.

Там, где, несмотря на принятые меры, полиция применяла старые методы, Заукель всегда вмешивался, если он узнавал об этом. Это неоднократно подтверждали свидетели. Я указываю на документ "Заукель"IO", показания свидетеля Гетца.

Другим спорным пунктом являлся вопрос о ношении рабочими значка "восток", что практиковалось до 1944 г., когда этот значок был заменен другим с указанием названия страны, откуда рабочие прибыли. Это обозначение восточных рабочих, которые могли вращаться среди населения, было необходимо по причинам полицейского порядка. В этом нельзя усматривать "издевательства". Отрицательное отношение восточных рабочих к этому обозначению их об"яснилось в первую очередь той пропагандой, которую вел в этом отношении противник. Подсудимый Заукель всегда стремился к тому, чтобы изменить этот значек и заменить его значком, указывающим на национальность, какой добровольно носили остальные иностранцы. И в конечном итоге он добился успеха, ведя борьбу с тем же Гиммлером. Это - документ РФ-8IO, стр. I2.

16083

H1211-0148

H1211-0149

Требования трудовой дисциплины принципиально должны быть одинаковы как в отношении к собственным рабочим, так и к иностранцам.

Война поставила перед всеми воюющими государствами одну и ту же проблему, а именно проблему о том, как следует поступать с рабочими, которые не выполняют своих трудовых обязанностей, то-есть с прогульщиками, лодырями и саботажниками. Обычная в мирное время форма наказания путем увольнения во время войны неприменима; однако ни одна из воюющих держав не может терпеть дезертиров труда. Поэтому борьба с саботажем шла по линии полицейских и уголовно-правовых мероприятий, самым важным из которых было кратковременное помещение в трудовые воспитательные лагери; в исключительных случаях могла итти речь о заключении в концентрационные лагери.

Документ I063-ПС, РФ-345 свидетельствует о применении равных положений по отношению к немцам и иностранцам.

Полицейское мероприятие, вызванное противозаконным поведением рабочего, является справедливым мероприятием. Варгбургский документ РФ-8I0 (донесение специального референта доктора Штурма) показывает, что такие мероприятия проводились в очень ограниченном масштабе и что таким способом наказывались только I-2% рабочих.

Из этого следует, что распоряжения, отдаваемые с целью поддержания дисциплины, сами по себе не являются "издевательством", которое бы могло служить основанием для обвинения в преступлении против человечности.

Такое издевательство могло иметь место во время экоцессов, разбирательство которых не входило в компетенцию

подсудимого Заукеля. За них он может быть привлечен к ответственности только тогда, когда будет доказан субъективный состав преступления и то обстоятельство, что он знал о подобных извращениях и одобрял их, хотя он мог их предотвратить.

Обобщая, можно констатировать, что "организованное использование рабочей силы" допускается международным правом и что ограничения рабочих в рамках необходимого по соображениям государственной безопасности должны быть разрешены.

В противоположность этому эксцессы, возникавшие при проведении распоряжений в жизнь, можно рассматривать, как издевательства, они могут означать преступления против человечности. За них несет ответственность тот, кто был их инициатором, или тот, кто не предотвращал их, имея на то право и будучи обязанным это делать. Сравнивая только что изложенные правовые идеи с тем обширным комплексом преступлений, которые инкриминируются подсудимому Заукелю, надо, в первую очередь, отделить вопросы, за которые он, судя по результатам представления доказательств, не может нести ответственности.

Во-первых, не доказано, что подсудимый Заукель имел отношение к биологическому уничтожению населения. Наоборот, выяснилось, что все его стремления были направлены как раз в обратную сторону; он был заинтересован в том, чтобы сохранять людей в качестве рабочей силы. К переселению и к применяемым при этом методам он не имел никакого отношения.

Подсудимый Заукель совершенно не занимался вопросом об использовании труда заключенных концентрационных лагерей.

16085

H1211-0150

H1211-0151

Из речи Гиммлера, произнесенной им в Познани в октябре 1943 года /документ 1919-ПС, стр.21/, следует, что СС создали огромные собственные военные предприятия. Мы знаем, что Гиммлер покрывал потребность своих заводов в рабочей силе самовольными и произвольными арестами людей в оккупированных областях. Даже в Германии он под ничтожными предлогами арестовывал рабочих и, обманывая учреждения, ведавшие использованием рабочей силы, заключал их в концентрационные лагери. Это ясно показывает документ 1063-ПС, отношение от 17 декабря 1942 года, а также отношение от 25 июня 1943 года, представляющее собой заявку на 35.000 заключенных. Вся корреспонденция относительно труда заключенных в концлагерях никогда не проходила через аппарат Заукеля; в качестве примера я сослался на документ 1584-ПС, содержащий переписку между учреждениями Гиммлера. Фамилия подсудимого Заукеля никогда и нигде не упоминается в связи с использованием труда заключенных, и свидетели единодушно подтвердили, что подсудимый Заукель не занимался этим. То же подтверждают показания руководителя бюро по использованию рабочей силы при министерстве вооружения Шмельтера, который получал необходимых заключенных непосредственно от Гиммлера.

Другой вопрос, который надо исключить из обвинения, выдвинутого против Заукеля, - это использование евреев.

Еврейский труд является частью труда заключенных концлагерей; все это было тайное полноправное владение Гиммлера. Это следует, например, из документа Р-91, в котором содержится приказ одного из учреждений Гиммлера произвести по "еврейскому сектору" арест 45.000 человек и использовать их как заключенных концлагерей на работах.

Обвинение, пред"явив документ Л-61, хотело доказать виновность подсудимого Заукеля в этой области. Этот документ является отношением от 26 ноября 1942 года, направленным из аппарата Заукеля председателям управлений труда провинций. Согласно этому отношению, еврейские рабочие, еще находящиеся на предприятиях, с согласия начальника полиции безопасности и СД должны были быть из"яты с предприятий и отправлены в Польшу. Это отношение подтверждает, собственно, что Заукель не имел никакого отношения к использованию труда евреев, заключенных в концлагерях, ибо еврейские рабочие ~~[illegible]~~ забирались из его сферы деятельности под предлогом эвакуации. Эта чисто служебная переписка в действительности, об из"ятии рабочих-евреев и замене их поляками - процесс, который не мог проходить без участия аппарата Заукеля.

Это отношение является продолжением переписки, которая была начата еще до того, как Заукель занял свой пост. Документ Л-156, составленный позже, посвящен тому же техническому процессу. Это дело казалось маловажным, само отношение было написано не в центральном учреждении подсудимого Заукеля в Тюрингергаузе, а подчиненной инстанции на Саарландштрассе. Подсудимый Заукель оспаривает тот факт, что он знал об этой переписке, и указывает, что на бумагах нет его подлинной подписи; по обычной в его аппарате практике они подписывались его фамилией именно потому, что имели второстепенное значение.

Если соответственно канцелярскому стилю в отношении говорится "с согласия" начальника полиции безопасности, а

16087

H1211-0152

H1211-0153

не "по договоренности" с ним, то это значит, что никакой специальной договоренности с ним нет, это указывает лишь на то учреждение, которое занимается данным вопросом.

Далее в документе говорится об "уничтожении с помощью работы". Однако документы 682-ПС и 654-ПС от сентября 1942 года ясно показывают, что Гиммлер, Геббельс и министр вотиции Тирак предприняли здесь секретный маневр. Подсудимый Заукель непричастен к нему.

Вопрос об использовании рабочих в рамках организации Тодта также не входил в компетенцию подсудимого Заукеля. Поэтому к нему совершенно не относится обвинение, пред"явленное на основании документа УК-58, относительно методов использования рабочей силы на островах в Ла Манше. Документы не показывают, что подсудимый Заукель знал об этих вещах или что он мог воспрепятствовать их проведению.

Выделение организации Тодта из круга деятельности подсудимого Заукеля подтверждается документом Л-191, представляющим собой доклад международного трудового бюро в Монреале.

Особой областью является вербовка рабочей силы гражданскими и военными учреждениями; частично она осуществлялась нелегально, "дико" и держалась в секрете от подсудимого Заукеля, так как последний боролся с ней и старался при всех обстоятельствах пресечь ее. Иногда распоряжения о проведении ее давались через голову Заукеля. Вербовку рабочих проводили эсэсовские органы, такую нелегальную, дирекция железных дорог, строительные батальоны, военно-воздушные силы, транспортные подразделения Шпеера, штабы подразделений по строительству укреплений, саперные части и иные учреждения.

Исключение этих вопросов из обвинения, пред"являемого Заукелю, должно вократить инкриминируемые ему преступления, ибо в этих вопросах распоряжения Заукеля не имели решающего значения.

Документ 204-ПС показывает положение в Белоруссии при вербовке "подсобных рабочих на транспорте".

Об аналогичном явлении свидетельствует документ 334-ПС, говорящий о необходимости организации самостоятельной кампании по мобилизации подсобных рабочих для военно-воздушных сил, что никак не может быть поставлено в вину Заукелю. Использование молодежи, которое известно как пункт обвинения под названием акция "Сено" (документ 031-ПС от 14 июня 1944 года), находилось вне сферы деятельности Заукеля. Инициатором этой акции было командование 9-й армии совместно с министерством по делам восточных оккупированных областей.

Письмо сподсудимого Розенберга имперскому министру Ламерсу от 20 июля 1944 года (документ 345-ПС) ошибочно ссылается на "согласованность" с генеральным уполномоченным

H1211-0154

H1211-0155

по использованию рабочей силы, но зато подтверждает, что подсудимый Заукель не имел никакого отношения к кампании по вербовке вспомогательных рабочих для СС и отказался от участия в ней.

Согласно документу 1137-ПС от 19 октября 1944 года в министерстве Розенберга существовал особый отдел по вербовке молодежи, который выполнял эту задачу с помощью своего собственного персонала. Без ведома подсудимого Заукеля рабочих привозили непосредственно на военные предприятия.

Через голову всего аппарата подсудимого Заукеля проводились мероприятия, на которые Гитлер непосредственно давал приказ местным военным инстанциям и инстанциям гражданской администрации; так было, например, с использованием рабочей силы, рекрутировавшейся в оккупированных областях, для строительства укреплений в Крыму. Это явствует из документа УК-68.

Другим примером является опротестованная управлениями по труду вербовка рабочей силы, проведенная военными учреждениями в Голландии; об этом свидетельствует документ 3003-ПС, доклад лейтенанта Хаупта. Подсудимый Зейсс-Инкварт подтвердил этот факт.

Важной областью, лежащей вне пределов ответственности подсудимого Заукеля, являются все те мероприятия, которые были осуществлены в качестве мер наказания партизан и групп сопротивления. Это были самостоятельные мероприятия полиции; об их юридической оценке я уже говорил выше. Допустимы они или нет, должны они быть одобрены или нет, - это зависит от обстоятельств. Но из обвинения против Заукеля

должны быть исключены, например, изложенные в документе УК-78, мероприятия, осуществленные в порядке подавления движения сопротивления во Франции, — мероприятия, непосредственная ответственность подсудимого Заукеля, за которые отпадает.

По этой же причине подсудимого Заукеля нельзя сделать ответственным за отягощающие вину обстоятельства, перечисленные в 3-м пункте УШ раздела Обвинительного заключения под заголовком"Депортация", целью которой было заключение в концлагери.

Подсудимый Заукель не отвечал за депортацию, проводимую по политическим и расовым соображениям, о чем говорится в разделе УШ (В) обвинительного заключения,за высылку французов в концлагери и за упомянутое там же в пункте В(2) выселение словенов из Югославии.

Из упомянутых там приблизительно 5 миллионов советских граждан лишь часть была использована по линии Заукеля, как это говорит Обвинительное заключение в разделе УШ, пункт П.2; остальные были увезены по линии других учреждений, где меры подсудимого Заукеля не были действительны. Это разделение важно не с той точки зрения, что увезено в общем большое количество людей, а с той, что безобразное положение, о котором здесь говорили, имело место именно в другом секторе, ибо там опасность некорректного обращения с людьми была значительно больше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не удобное ли сейчас время об"явить перерыв?

(Об"является перерыв на 10 минут)

16091

H1211-0156

H1211-0157

Встать! Суд идет!

СЕРВАТИУС (продолжая). Вопрос о военнопленных также отпадает из сферы ответственности подсудимого Заукеля. Эту рабочую силу нечего было вербовать, ее надо было только распределять, что делали особые организации, находившиеся при лагерях военнопленных и работавшие вместе исключительно с военными инстанциями. Их задача состояла только в том, чтобы использовать военнопленных там, где это было нужно.

Подсудимый Заукель мог лишь подавать заявки о переводе военнопленных на работу в такое-то и такое-то место. Об этом говорит документ обвинения 1296-ПС от 27 июля 1943 года, в третьем пункте которого указывается на рост использования военнопленных, происходящий по согласованности с командованием сухопутных войск.

Направление военнопленных на предприятия производилось только под контролем военных организаций, которые наблюдали за выполнением положений Женевской конвенции. Заукель ни коим образом не связан со смертью сотен тысяч военнопленных Советского Союза в 1941 году, о которых говорит Гиммлер в своей речи в Познани (документ 1919-ПС) и для замены которых должны были быть получены рабочие.

Если, несмотря на это, в документе СССР-415, в официальном советском отчете о лагере Ламсдорф, устанавливается связь подсудимого Заукеля с теми фактами истязаний военнопленных, которые там имели место, то это происходит лишь на основании того утверждения, что ему по служебной линии, якобы, сообщалось о состоянии в лагере. Это обвинение неверно. К тому же в документе нет подробных указаний

на время после 1941 года.

Подсудимый Заукель сверх своих служебных обязанностей заботился о нормальном обслуживании военнопленных, так как он был заинтересован в том, чтобы они работали охотнее и лучше. Он издавал общие директивы. Так, документ "Заукель-36" показывает, что он требовал для них удовлетворительного продовольственного снабжения, равного с тем, какое имели остальные рабочие. Из документа "Заукель-39" следует, что он требовал для военнопленных такой же продолжительности рабочего дня, как и для немецких рабочих; он свидетельствует также о запрете предприятиям налагать на них какие бы то ни было дисциплинарные взыскания.

Выставленные пункты Обвинения надо различать во времени. Подсудимый Заукель вступил на свой пост 21 марта 1942 года. Таким образом, его мероприятия могли сказаться лишь через некоторое время.

Каково было положение вещей до этого - ясно из нескольких документов, относящихся к 1941 году. Руководящие инстанции предлагали использовать для питания лошадиное и кошачье мясо (документ 1206-ПС) и выпекать хлеб очень низкого качества (документ СССР-177). Совсем незадолго до вступления подсудимого Заукеля на свой пост Гиммлер в строгом указе приказал разместить рабочих за колючей проволокой. Можно сказать, что тогда обращение с иностранными рабочими было хуже, чем когда-либо в стране. Представление, существовавшее относительно невзыскательности и производительности труда русских, прямо-таки трагично.

Со вступлением на пост подсудимого Заукеля произошло коренное изменение положения, которое систематически

16093

H1211-0158

H1211-0159

улучшалось. Заслуга в том, что был создан перелом, согласно представленным документам, полностью принадлежит подсудимому Заукелю. Это показывает, в частности, документ ЕС-318, который является записью беседы, состоявшейся 15 апреля 1942 года между подсудимым Заукелем и имперским министром Зелдте и его референтами по случаю вступления Заукеля на пост. Там записано, что подсудимый Заукель поставил свое вступление на пост в зависимость от того условия, что продовольственное снабжение иностранных рабочих будет приравнено к продовольственному снабжению немцев, и что Гитлер, Геринг, министр питания Даре и его статс-секретарь Вакке обещали ему выполнить это требование.

Далее там записано, что подсудимый Заукель потребовал убрать колючую проволоку, установленную вокруг лагерей, и добился этого и, наконец, что он предпринял шаги, чтобы повысить зарплату восточных рабочих.

Подсудимый Заукель немедленно приступил к осуществлению своих основных требований и с упорством добился своего, несмотря на сопротивление, оказываемое ему всеми учреждениями. Согласно этому, в программе использования рабочей силы от 20 апреля 1942 года (документ 016-ПС) Заукель высказывался против жестокости и требовал корректного и человеческого обращения с иностранными рабочими; он даже выразил надежду, что хорошие методы обращения с рабочими сыграют определенную пропагандистскую роль в пользу Германии, - мысль, которую он высказывал неоднократно.

Программа требовала экономного использования рабочей силы, запрещала ее разбазаривание, как это делали многие влиятельные учреждения.

Через год, 20 апреля 1943 года, подсудимый Заукель вновь обратился с программным заявлением ко всем учреждениям, занимавшимся вопросами использования рабочей силы. Это - часто упоминавшийся здесь Манифест (документ "Заукель-94"), направленный в качестве призыва во все учреждения, подрывавшие всю ту серьезную работу, которую взял на себя подсудимый Заукель. Геббельс выступил против манифеста под предлогом того, что его заглавие слишком громкое, что он носит пропагандистский характер и что в своих требованиях он идет слишком далеко. Другие учреждения, получив Манифест, положили его под сукно, не передали его дальше. Тогда Заукель сам разослал его непосредственно соответствующим предприятиям. Как относились к этому манифесту противодействующие ему учреждения, показывает тот факт, что на заседании бюро центрального планирования от 1 марта 1944 года (документ Р-124, стр.1779) его назвали без возражений с чьей-либо стороны "пресловутым манифестом". Подсудимого Заукеля упрекали в том, что он слишком старается в интересах рабочих. Я ссылаюсь на замечание допрошенного на заседании Трибунала генерала Мильха, который в бюро центрального планирования высказался против якобы слишком мягкого обращения с лодырями и заявил, что, если начинаешь что-нибудь предпринимать, то в Германии тотчас же находятся учреждения, защищающие "бедного парня" и вступающиеся за человеческие права других. (Документ Р-124, стр.1913).

Установки подсудимого Заукеля были всем известны и подтверждаются различными документами. Так, все учреждения обращались со всеми жалобами и недостатками к подсудимому Заукелю, но не для того, чтобы возложить на него ответствен-

16095

H1211-0160

H1211-0161

ность за них, а для того, чтобы просить его помощи, так как каждый знал, что он серьезно и ревностно боролся за их устранение.

Документ 084-ПС, доклад доктора Гуткельха из центрального управления по делам народов Востока при министерстве Розенберга от 30 сентября 1942 года, разосланный различным учреждениям, подчеркивает влияние подсудимого Заукеля и рекомендует установить с ним тесную связь.

Подсудимый Розенберг в документе 194-ПС, в письме от 14 декабря 1942 года имперскому комиссару Украины Коху, указывает на старания Заукеля.

21 ноября 1943 г. подсудимый Франк обратился к подсудимому Заукелю (Документ 908-ПС), чтобы добиться коренного изменения юридического положения поляков в империи.

В какой степени действительное положение дел соответствует тому, что было здесь пред"явлено?

Прежде всего, следует рассмотреть вопрос о мобилизации, вербовке рабочих, которая практически совпадает с вопросом о депортации, и затем перейти к вопросу об обращении с рабочими, обращении, которое квалифицируется как "рабский труд".

В процессе представления доказательств опровергнута ошибочное утверждение, заключающаяся в том, что подсудимый Заукель, якобы осуществлял вербовку и мобилизацию иностранных рабочих под собственную ответственность силами своей собственной организации. Установлено, что высшие инстанции оккупированных областей выполняли законы о трудовой повинности, которые они издавали по распоряжению Гитлера. Все эти инстанции имели собственный административный аппарат и защищали свои ведомства от посягательств других.

16096

Их административное право никем не нарушалось. Это доказывает письмо министра по делам восточных оккупированных областей Розенберга, адресованное имперскому комиссару Украины Коху, от I4 декабря 1942 года /документ I94-ПС, стр. 7/, в котором подсудимый Розенберг особенно подчеркивает право самостоятельно решать вопросы, связанные с мобилизацией и использованием рабочей силы, для чего у него были свои собственные учреждения, начиная с министерства и вплоть до бирж труда на местах. Интересно сравнить документ 3012-ПС, приказ командующего сухопутными силами о трудовой повинности в районе операций на востоке, и документ РФ-I5, приказ от 6 октября I942 года.

Давая этим учреждениям указания, как специалист, подсудимый Заукель мог требовать от них только представления установленного числа рабочих с целью перевозки их в Германию. Этим ограничивались его полномочия, за рамки которых он никогда не выходил. Он уважал право других учреждений выполнять приказы, право, которое противостояло праву отдавать приказы. Для выполнения приказов в каждую область был назначен уполномоченный. Этот последний, согласно распоряжению от 30 сентября I942 года, хотя и подчинялся непосредственно подсудимому Заукелю, однако, не принадлежал к его аппарату, а был сотрудником областных учреждений. Вызванный по делу подсудимого Розенберга свидетель Байль подтвердил это, назвав в качестве главного уполномоченного на востоке государственного советника Пойкерта, который был сотрудником штаба министерства Розенберга.

16097

H1211-0162

H1211-0163

Государственный советник Пойкерт одновременно был референтом экономического штаба ОСТ, который примыкал к области гражданской администрации; лишь по совместительству он осуществлял функции уполномоченного подсудимого Заукеля. Это показывает документ 3012-ПС, протокол совещания от 10 марта 1943 года об использовании рабочей силы, где в списке присутствовавших указана должность Пойкерта. Областные власти, создав подобную должность, делали невозможным всякое самовольное вмешательство подсудимого Заукеля.

В документе 018-ПС, в письме подсудимому Заукелю от 21 декабря 1942 года, подсудимый Розенберг жалуется на методы мобилизации и использования рабочей силы на востоке. Это следует расценить как жалобу министра, который видит, что он не в состоянии добиться своего от своих подчиненных и обращается к предполагаемому источнику трудностей, которые встают перед ним.

Верно, что эти трудности могли бы быть немедленно устранены, если бы подсудимый Заукель отказался от выполнения своего задания. Но выполнение этого задания как раз и составляло его задачу, которую согласно приказу о его назначении, надо было выполнять "при всех условиях". Он должен был побороть слабость и ведомственный эгоизм и следить за тем, чтобы местные инстанции не бездействовали, а своевременно представляли необходимое количество рабочей силы и чтобы другие инстанции не задерживали ее в своих целях. "Всеми средствами" и "несмотря ни на что" - это выражения, повторяющиеся во всех указаниях, направленных на борьбу с такими явлениями.

Главноначальствующий в Бельгии и Северной Франции, ге-

нерал Фалькенгаузен на допросе не верно заявил, что подсудимый Заукель с помощью своей "организации" принуждал его проводить мобилизацию рабочей силы. И он признал неверность своего заявления, когда ему пред"явили подписанное им распоряжение о введении трудовой повинности.

Это положение подтверждено показаниями свидетелей Тимм и Штотфанг.

Во Франции мобилизацию рабочих производили французские административные органы. Стоящая над ними немецкая инстанция совсем не подчинялась подсудимому Заукелю, она подчинялась главноначальствующему во Франции, где Заукель имел лишь своего уполномоченного. Переговоры, которые подсудимый Заукель вел в Париже и протокол которых предоставлялся здесь как доказательство, не имели отношения к этой деятельности его; это были переговоры дипломатического характера между германским и французским правительствами, в которых Заукель принимал участие. Они велись в германском посольстве.

Положение в остальных областях было таким же.

Вербовочные комиссии, которым в тылу фронта и в районе операций соответствовали штабы по мобилизации рабочей силы, ни в коем случае не были учреждениями, подведомственными подсудимому Заукелю, как это полагает подсудимый Розенберг. Подсудимый Заукель лишь потому соприкасался с этими вербовочными комиссиями, что они комплектовались из специалистов, набранных из германских управлений труда, относившихся к ведомству Заукеля. Указания по работе они получали от своих вышестоящих инстанций, чем обеспечивалось единообразное применение всех положений о вербовке. Основным является здесь распоря-

16099

H1211-0164

H1211-0165

жение № 4, документ "Заукель-I5".

Это распоряжение от 30 сентября I942 года, изданное в виде указа еще 7 мая I942 года, устанавливает исключительную ответственность военных и гражданских властей оккупированных областей. Упомянутые там уполномоченные, которым передавались такие же функции, являлись уполномоченными при германских миссиях в дружественных иностранных государствах.

Обвинение не поняло этого и сделало неверные выводы в неблагоприятную для подсудимого Заукеля сторону относительно его ответственности за вербовку и перевозку иностранных рабочих.

Также неверно истолковано положение, состоящее в том, что вся техническая и административная сторона мобилизации рабочей силы в оккупированных областях находилась в ведении и под ответственностью исключительно подсудимого Заукеля.

Указ от 7 мая I942 года говорил исключительно о функциях подсудимого Заукеля в империи и обосновывал права и полномочия генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, управлений труда провинций и бирж труда. Это следует из документа 0I6-ПС /последний раздел/.

Поэтому нельзя говорить о непосредственной ответственности подсудимого Заукеля за мобилизацию рабочих. Ответственность подсудимого Заукеля в том, что он знал о непорядках, понимал, что они не могут быть устранены, и несмотря на это, продолжал требовать рабочих.

Но здесь следует сказать следующее: Из письма подсудимого Розенберга от 2I/XП-I942 года /документ 0I8-ПС/ подсудимый Заукель впервые узнал о методах вербовки, которые

названы здесь массовой депортацией. При состоявшейся в начале января 1943 года встрече подсудимый Розенберг, заявил, что он лично занялся этим делом и что он не потерпит в дальнейшем ничего подобного. Это подтверждается его предыдущим письмом от 14 декабря 1942 года, адресованным рейхскомиссару Украины Коху /документ 194-ПС/, где он напоминает последнему о его обязанностях действовать законными методами.

Меморандум Коха от 16 марта 1943 года /документ РО-13/, с которым подсудимый Заукель познакомился впервые здесь, на процессе, раз"ясняет вопрос относительно упомянутых Розенбергом отдельных случаев, которые оправдывались необходимостью проведения некоторых мероприятий с целью восстановления авторитета оккупационных властей.

В документе сказано ясно, что вербовка рабочей силы должна происходить законными методами и что в случае произвола следует принимать самые строгие меры /документ № РО-13, страницы 11, 12/.

Не исключено, что в этих случаях преувеличения и махинации имели пропагандистское значение, на что Кох обратил особое внимание. Такая вещь во время войны вполне вероятна, пропагандистская роль нот Молотова /документ СССР-151/ лишь подчеркивает правильность такого предположения.

У подсудимого Заукеля оно нашло себе поддержку в результатах расследования дела "охоты на людей", о котором ему сообщал генерал-фельдмаршал Клюге в Минске. Расследование установило, что одна фирма по случаю отступления собирала своих рабочих.

Насколько тяжело определить истинное положение вещей в

16101

H1211-0166

H1211-0167

случаях, используемых в качестве боевого средства, в качестве средства пропаганды, показывает случай с Катынью.

Как подтвердили свидетели из ведомства подсудимого Заукеля, им неизвестны другие случаи перегибов. Случаи, о которых им сообщалось, являлись, очевидно, теми же случаями, сообщения о которых поступали с различных сторон.

Однако они не говорят о стремлении одобрять такие вещи, они били тревогу с тем, чтобы прекратить неполадки и улучшить положение вещей.

Можно ли верить подсудимому Заукелю, когда он заявляет, что он не знал о том положении, о котором здесь говорило обвинение?

/см. след.стр./

16102

То, что поступало к нему официальным порядком, недостаточно для доказательства того факта, что он знал о ~~них~~ нем; свидетели подтверждают, что ему были неизвестны так называемые методы вербовки. Здесь представлены документы учреждений оккупированных областей, из которых ясно вытекает, что рейхскомиссар Украины приказал сжигать дома для подавления сопротивления, оказываемого администрации. Существуют распоряжения, которые предусматривают такие мероприятия.

Сообщения относительно этих событий, поступавшие в министерство по делам восточных оккупированных областей, не говорят о том, что виновные в этих событиях подвергались уголовному преследованию; они говорят о том, что такое преследование прекращалось; так, например, дело Рааба /документ 254-ПС/ и дело Мюллера /документ № 290-ПС/.

Всем сомнениям следует противопоставить следующее: Практикуемые мероприятия не были санкционированы верховной инстанцией и применялись низшими инстанциями тайно. Поэтому у них были все основания ничего о них не разглашать. Как раз из документов по расследованию дела Рааба и Мюллера вытекает, что существовавшие распоряжения не были известны в министерстве.

Подсудимый Заукель объездил Украину, но, конечно, местные инстанции не сообщали ему ничего такого, что могло бы принести им неприятности. Позиция подсудимого Заукеля была известна; с другой стороны, между учреждениями рейхскомиссара Коха и учреждениями имперского министра Розенберга существовали вечные споры. Внимательно прочитав предоставленные документы, исходящие из этих двух инстанций, можно ясно увидеть, что обе стороны собирали материалы друг против друга и никто не хотел

16103

H1211-0168

H1211-0169

делать друг другу уступок. Подсудимый Заукель сам не имел никаких непосредственных полномочий. Поэтому понятно, что он оставался в неведении о существовавшем фактически положении.

Еще одна точка зрения должна быть рассмотрена. В различных документах говорится о том, что при мобилизации рабочих оказывалось определенное давление, так как эти рабочие руки должны были быть получены "при всех обстоятельствах".

Значит ли это, что могли применяться любые методы? Посмотрим, что же делали в действительности?

Командование сухопутных сил в одном случае приказало мобилизовать всех рабочих, допустив коллективную мобилизацию и запретив коллективное наказание. Об этом говорится в документе 3012-ПС /радиограмма экономического штаба "ОСТ" генералу Штапфу от 11 марта 1943 года/.

Особенно ясная картина создается на основании заметки, сделанной в том же самом документе /3012-ПС/ относительно совещания от 10/Ш-1943 г. Генерал Нагель требовал ясных директив, государственный советник Нойкерт настаивал, чтобы командование сухопутных сил, как ответственная за это дело инстанция, издало указание о разумных методах вербовки. Далее, интересен документ 2280-ПС, единственный документ, содержащий заявление самого подсудимого Заукеля по этому вопросу, сделанное им в Риге 3/У-1943 года. Он заявил, что разрешается применить только допустимые средства вербовки.

Следует еще упомянуть документ 3010-ПС, изданный инстанцией по экономическим вопросам на ите 17/УП-1943 г. и допускавший применение всех годных средств.

Издавались распоряжения, в которых содержались указания о принятии строгих мер за неисполнение трудовой повинно-

ти: лишение продовольственных и промтоварных карточек, арест членов семьи и взятие заложников.

Допустимы ли такие меры?

Лишение продовольственных карточек стало теперь обычным средством принуждения, которое покоится на системе рационирования и которое находит свое полное обоснование в существующем положении. Такая мера наказания легко применима и не требует никаких особых инстанций для приведения ее в исполнение; с другой стороны, она очень эффективна.

Что касается ареста членов семей, то и по сегодня можно наблюдать тяжелые нарушения индивидуальной ответствен - ности. Гаагские правила ведения сухопутной войны охраняют население от коллективного наказания, но они не охраняют членов, которые могут рассматриваться как сообщники в случае отказа от работы одного из членов семьи. Предъявленный в качестве документа РФ-30 французский закон от 11.6-1943 г. предусматривает такую ответственность только при наличии сознательного содействия.

Наконец, остается еще случай, когда подсудимый Заукель потребовал расстрела префекта. Не говоря уже о том, что это требование с уголовно-правовой точки зрения не является существенным, поскольку оно не было претворено в жизнь, юридически оно означает лишь требование применить существующий французский закон. Этот закон был представлен обвинением под № РФ-25 - распоряжение главнокомандующего во Франции от 31.I-1943 года, в статье 2-й которого предусматривается смертная казнь.

Обвинение превратно поняло предъявленное подсудимому

16105

H1211-0170

H1211 - 0171

Заукель высказывание, согласно которому он якобы требовал накладывать на рабочих кандали /документ РФ-816, стр.10, беседа Заукеля в Париже от 27.8.1943 г./.

Как явствует из общего контекста, здесь противопоставляются грубые полицейские меры вежливой манере французов, причем накладывание оков совсем не превозносится как метод вербовки: работа должна была производиться по-прусски, чисто, корректно, с одной стороны, и вежливо,—с другой стороны.

Я хочу также указать на уже известное Трибуналу предложение "панхаирования", содержащееся в документе К-124, стр.1770. Показания, которые дал подсудимый Заукель, вполне разъясняют эти факты. Это была предварительная вербовка, которая должна была склонить рабочих согласиться подписать обязательство, взятое в официальном бюро по вербовке.

Все эти моменты: расстрел префекта, накладывание оков и "панхаирование" можно толковать по-разному, но к полному пониманию субъективной стороны этого вопроса можно притти, лишь учтя обстоятельства, при которых эти высказывания были сделаны, и что послужило поводом к ним.

Основной причиной всех этих высказываний явилась борьба с сопротивлением и саботажем, которые принимали во Франции все более острые формы. Это не заявления, свидетельствующие о жестокости и цинизме,—это высказывания, которые означали призыв к борьбе с нерешительностью соответствующих учреждений.

Следующий вопрос, который должен быть здесь затронут, заключается в следующем: не исчерпал ли подсудимый Заукель своими мероприятиями источники рабочей силы страны в такой

степени, что дополнительно рабочую силу можно было получить только с помощью применения нечеловеческих методов, и знал ли об этом подсудимый Заукель?

Здесь важны цифры. Установлено, что цифры были очень высокими, но также установлено, что они были не произвольными, а определялись в результате тщательной работы управления статистики. Лишь незначительный процент населения был фактически мобилизован. Главным было не отсутствие возможности добиться выполнения намеченных планов, а то, что эти планы срывались.

В оккупированных восточных областях имелись большие людские резервы, в особенности большие резервы подрастающей молодежи, которые не были заняты соответствующим образом. Сильно поредевшие германские войска во время своего отступления видели деревни с большим количеством населения, которое они вскоре почувствовали как пополнение в войсках противника.

Во Франции также было большое количество людей, которые примыкали к движению "Маки" или шли на предприятия, представлявшие бронь от всякой мобилизации. Это подтверждает не только французский правительственный отчет /документ РФ-22/, но и выступление Керля в бюро центрального планирования 1.3.1944 г., свидетеля, вызванного по делу подсудимого Шпеера /документ Р-124, стр.66/. Керль заявил, что во Франции имеется большое количество рабочих рук.

Особое значение приобретает в данном случае документ 1764-ПС, стр.6, отчет посланника Геммена от 15.П-1944 года, в котором говорится о "программе восстановления" маршала

16107

H1211-0172

H1211 - 0173

Петэна и который ссылается на незатронутое войной население, увеличивающееся ежегодно на 300.000 молодых людей.

Если в этой связи число мобилизованных рабочих имеет какое-то значение, то оно должно быть сравнено с общей численностью населения. С другой стороны, следует учесть, что Германия не требовала ничего такого, чего она не требовала бы еще в бальней степени от самой себя.

Подсудимый Заукель был убежден в том, что если что-то не делали, то не потому, что невозможно было сделать, а потому, что не хотели. В борьбе с этим нежеланием с обеих сторон началась пропаганда и соревнование в угрозах наказания, что привело население оккупированных областей в состояние душевного конфликта, оказавшегося для многих роковым.

Подсудимый Заукель легко мог объяснить необходимость применения насилия, вызванную пропагандой противника и ухудшающимся военным положением; но на основании поступавших к нему материалов он не мог убедиться в том, что ресурсы стран настолько исчерпаны, что больше ничего нельзя было добиться, не применяя нечеловеческих методов. Подсудимый Заукель думал, что он сможет достичь своей цели не с помощью применения силы, а с помощью создания особых условий труда.

В качестве примера я хотел бы указать на обещания, которые дал сам Заукель в Риге 3.5-1943 г. /документ 2228-ПС/.

Существует еще одна особая область мобилизации рабочих, которая сюда не относится. Это - освобождение военнопленных после того, как они работали в Германии.

Во французском документе /РФ-22/ оба вида поставки рабочей силы считаются недопустимыми.

16108

В отчете говорится, что такой обмен равнялся закабалению троекратного числа французских рабочих. В связи с этим следует заметить, что новые рабочие прибывали на работу сроком на полгода один за другим. Спустя полтора года все рабочие становились свободными; пленные становились свободными тотчас же.

Никакого насилия для проведения этого обмена не оказывалось. С юридической точки зрения такое предложение замены одних рабочих другими не может вызвать никаких возражений. Освободить из плена можно в любую минуту; освободить совсем можно при выполнении определенных условий. Французский отчет преувеличивает отрицательную сторону этого мероприятия с моральной точки зрения, ссылаясь на цитату председателя информационного бюро Соединенных Штатов; там говорится "об ужасном выборе":- "или работать на своего исконного врага, или лишить сына своего отечества возможности быть освобожденным из плена".

В противовес этому я хочу привести пример здорового восприятия. Так в русской литературе подобная замена во время войны со Швецией воспевалась как великий патриотический поступок. Ни шведский король, ни Петр Великий не рассматривали ее как поставку новых рабов.

"Облегченный устав" содержится в документе "Заукель-101". Здесь говорится об освобождении французов из плена при условии, что они возьмут на себя выполнение другой работы, но за освобождение каждого пленного в Германию должен был быть прислан другой рабочий, в соответствии с правилами замен.

16109

H1211-0174

H1211-0175

К такому изменению своего правового положения не принуждали ни одного военнопленного, но целые лагери заявляли о своем добровольном согласии. Военнопленный, воспользовавшись представившейся ему возможностью, тем самым отказывался от особой охраны его со стороны Женевской конвенции. Это происходило с согласия его правительства и никакого нарушения норм международного права здесь нет.

Военнопленные, получавшие в связи с изменением своего правового положения/отпуск/, во время которого они могли ехать на родину, превратили его в повод не возвращаться назад, как это сделали уже первые отпускники. В самом французском отчете /документ РФ-22, стр.69/ сказано, что из 8.000 отпускников, находившихся в одном эшелоне, 2.000 не вернулись обратно.

Отчет констатирует, что "несчастные" были поставлены перед дилеммой: "возвратиться или их братья умрут". Но эта мысль не особо угнетала их, Их не останавливало данное ими слово, и они сейчас же присоединялись к движению "Маки".

Поэтому отмена отпуска на родину не являет собой примера произвола, чинимого над рабочими-рабами. Ознакомление с французским отчетом только усиливает такое впечатление.

Таким образом, в этой особой области подсудимый Заукель не мобилизовывал рабочих в разрез с положениями правил ведения войны и никаких нечеловеческих методов мобилизации не применял.

Я перехожу к вопросу об обращении с рабочими. Чтобы облегчить рассмотрение этого вопроса, необходимо выделить отдельные области/ответственность/, за которые несли разные инстанции.

За общие условия труда на предприятиях отвечали руководители предприятий.

16110

За общие условия жизни вне предприятий отвечал "Германский трудовой фронт".

Это разграничение ответственности довольно ясно очерчено в самом обвинительном заключении, где названо два представителя: Крупп и д-р Лей.

За деятельность в этих областях подсудимый Заукель отвечает лишь постольку, поскольку она основывалась на его директивах, или поскольку он, не выполняя свой служебный долг, не осуществлял должного надзора и в случае необходимости не предпринимал нужных мер.

Областью непосредственной ответственности подсудимого Заукеля была заработная плата.

К моменту начала его деятельности в этой области уже имелись установленные правила и он не мог их самостоятельно изменять; на это он должен был получать разрешение вышестоящей инстанции /т.е. управления по четырехлетнему плану/ и согласие соответствующего имперского министра.

Собранные в моей книге документов № 2 в разделе "заработная плата" законы показывают, что основные распоряжения были изданы не подсудимым Заукелем, а Советом Министров по обороне империи /документы "Заукель-50, Заукель -17" и „Заукель-58"/ и имперским министром финансов /документ "Заукель-52"/.

Подсудимый Заукель мог только в этих поставленных ему пределах устанавливать тарифные сетки и аккордную заработную плату, учитывая при этом интересы соответствующих министерств.

Подсудимый Заукель добивался улучшений и делал все, что было в его силах; Ряд распоряжений, подписанных им, сви-

16111

H1211 – 0176

H1211 - 0177

детельствует о том, что он ввел поощрения в виде премий, компенсации и прочее / см.документы "Заукель 54" и "Заукель- 58-а"/.

Вся деятельность подсудимого Заукеля в общем и целом была направлена на повышение заработной платы рабочих путем оказания влияния на соответствующее учреждение. Об этом свидетельствует документ № 021-ПС от 2 апреля 1943 г., содержащий полное статистических данных приложение к предложению о значительном повышении заработной платы рабочих с Востока.

Изучив тарифные сетки оплаты восточных рабочих в различные периоды времени, можно сделать вывод, что средняя заработная плата рабочих в период деятельности подсудимого Заукеля выросла в несколько раз.

В ведение подсудимого Заукеля входило установление рабочего времени, но опять-таки в пределах уже имевшихся директив имперского министра труда Зельдте. Об этом свидетельствует директива от 25 января 1944 года, в 3-м параграфе которой Зельдте определяет рабочее время для восточных рабочих /документ "Заукель-67"/.

Продолжительность рабочего дня в принципе была такой же, что и для немецких рабочих, в соответствии с темпами работы предприятий.

Это подтверждает отчет французского правительства /УК-78-3/; приведенные в нем на 580 странице случаи сверхурочной работы находятся в противоречии с декретами подсудимого Заукеля, но так как дата не указана, то нельзя определить, это - отдельный случай или система.

16112

Та же неясность имеется и во французском отчете, представленном как доказательство РФ-22, стр.101. В качестве минимального рабочего время там указано 72 часа, которое увеличилось до 100 часов. Возможно, имеется ввиду труд заключенных концлагерей. Неясно.

Порядок, имевшийся в отношении рабочего времени, был изменен Геббельсом, который на основании своих полномочий ответственного за руководство тотальной войной ввел 10-часовой рабочий день для немцев и иностранцев, хотя на практике это не везде могло быть осуществлено. Продолжительный рабочий день нерационален. Его нельзя долго выдержать и он ведет к обратным результатам.

Я добавлю, что Заукель достиг того, чтобы эти переработанные часы оплачивались особо, как сверхурочные.

Особое внимание обвинение уделило вопросу о продолжительности рабочего дня домашних работниц, девушек, привезенных с Востока, которых насчитывалось в Германии всего 13.000 вместо первоначально назначенной Гитлером цифры в 400-500 тысяч человек.

Обвинение предъявило в качестве документа СССР-383 положение о работе этих домашних работниц. В нем в пункте 9 сказано, что им не предоставляется свободного времени. Цель издания этого положения заключалась в том, чтобы предоставить урегулирование вопроса относительно свободного времени домработниц на усмотрение их хозяев. Вряд ли можно придать этому положению другой смысл, так как обычно домашних работниц брали в дом на длительное время, стараясь создать им возможность остаться в Германии. Выбирали особо надежных девушек,

16113

H1211-0178

H1211 – 0179

которые добровольно заявляли о своей готовности служить в качестве домашних работниц. В соответствии с некоторым приобретенным опытом, эти положения были изменены специально изданным распоряжением /док."Заукель-26",которым одновременно были отменены все другие ограничения.

Распорядок рабочего времени для детей был введен в соответствии с германскими законами об охране труда; речь идет о детях, которые вопреки распоряжениям подсудимого Заукеля незаконно прибыли в Германию вместе со своими родителями.

Труд детей использовали только в сельском хозяйстве, так же как труд немецких детей. Здесь необходимо указать на то, что во время войны в Германии дети школьного возраста с 10 лет могли привлекаться к труду, согласно указу имперского руководителя молодежи от 11 апреля 1942 г. /документ "Заукель 67-а"/.

Относительно всего комплекса вопросов о заработной плате и рабочем времени, как он был разрешен окончательно, лучше всего можно судить по итоговой статье д-ра Блумензата, документ "Заукель-89".

Подсудимый Заукель не может отказаться от непосредственной ответственности, если он знал и терпел вещи, которые по утверждению обвинения накладывали особый отпечаток на способ вербовки рабочих и их жизнь в лагерях и на фабриках. Его обязанность состояла в осуществлении надзора, притом и в тех областях, за которые он и не нес непосредственной ответственности. За размещение и продовольственное снабжение рабочих отвечали предприятия, где они работали.

В отношении организации лагерей иностранцев действо -

16114

вали те же принципы, что и для лагерей немецких рабочих, согласно распоряжениям имперского министра труда Зельде, ведавшего этими вопросами /документ "Заукель-42", "Заукель 44"/.

Нельзя оспаривать, что вследствие тяжелого положения, вызванного войной, в особенности воздушными налетами, размещение рабочих оставляло желать много лучшего, но в меру сил старались устранить недостатки. Положение иностранных рабочих в этом смысле ничем не отличалось от положения германского гражданского населения.

Продовольственное снабжение страдало от блокады и тяжелого состояния транспорта. Однако, вопреки известным заявлениям русских, согласно таблице от 24 ноября 1941 г. /документ СССР-177/, установленные продовольственные нормы для советских военнопленных составляли 2540 калорий. Другая таблица была представлена вместе с аффидевитом свидетеля Гана в качестве доказательства по делу Заукеля № 11. Согласно этой таблице, продовольственная норма для рабочих с Востока, работавших у Круппа, составляла 2156 калорий, для рабочих, занимавшихся тяжелым физическим трудом, - 2615 калорий; был установлен контроль за своевременным предоставлением им положенной нормы.

За продовольственное снабжение отвечало имперское министерство питания.

Обвинение выдвинуло по обоим пунктам тяжелые обвинения. Однако инкриминируемые преступления мыслимы только в тех случаях, если не соблюдались существовавшие распоряжения. Вполне вероятно, что в течение лет в этой большой области работы могли быть ошибки. Но общая картина составляется не

16115

H1211-0180

H1211-0181

из ошибок, и на основании их нельзя составить себе суждения. Действительные условия на данном процессе не были настолько выяснены, чтобы можно было сказать, что недопустимые условия носили настолько общий характер и были настолько очевидными, что подсудимый Заукель должен был о них знать или даже знал о них.

Неуверенным показаниям свидетеля д-ра Егера противостоит аффидевит свидетеля Гана, который в значительной степени опровергает их. Аффидевиты свидетелей д-ра Шаррмана и д-ра Фосса /доказательства "Заукель-17" и "Заукель- 18"/ подтверждают, что в их области работы никаких безобразных явлений не отмечалось.

Кроме руководителей предприятий, об иностранных рабочих заботился Германский трудовой фронт /документ "Заукель 16"/. В круг его задач входили между прочим также перевозка рабочих и обеспечение их медицинским и прочим обслуживанием. Разносторонняя деятельность, которую развила эта весьма большая организация, на данном процессе не была освещена. Принципы работы Германского трудового фронта отражены в документе "Заукель - 27", представляющем собой "Указание Германского трудового фронта о положении иностранных рабочих на предприятии". В качестве цели устанавливается поддержание трудового энтузиазма путем соблюдения условий договора, справедливого обращения и разностороннего обслуживания и обеспечения.

16116

Германский трудовой фронт ведал перевозками рабочих, действуя в соответствии с распоряжением № 4 /документ "Заукель - 15"/, в котором содержатся указания Заукеля. Задача трудфронта состояла в перевозке рабочих вплоть до их места работы. Свидетели Тим, Штотфанг и Гильдебрандт давали показания по этому вопросу и ничего не могли сообщить о связанных с этим безобразных условиях.

Те факты, которые приведены в ноте Молотова /документ СССР-51/ не могут относиться к перевозкам, проводившимся организованно под руководством ответственных за это лиц; они могут относиться только к так называемым "диким" перевозкам. То же относится к перевозкам, местом назначения которых были, по обвинительному заключению, концентрационные лагери.

Подсудимый Заукель с самого начала проявлял большую заботу об условиях перевозок. Это вытекает как раз из предъявленного обвинением документа 2241-ПС, указа, запрещавшего использовать неприспособленные железнодорожные составы.

16117

H1211-0182

H1211 - 0183

Случались ошибки, Так, в частности, упомянутый в документе № 054-ПС случай с обратной транспортировкой рабочих: они были направлены в империю перед тем, как Заукель приступил к исполнению своей должности, в противовес его принципам. Речь идет об одном единственном случае, по которому немедленно были предприняты необходимые меры. Перевозка больных, состояние которых не позволяло перевозить их, была запрещена и в их распоряжение был предоставлен курорт Франкенгаузен. Это - документ 084-ПС, страница 22. Были отданы распоряжения о сопровождении этих эшелонов санитарным персоналом из Красного креста /документ "Заукель-99"/.

Хорошо организованный аппарат медицинского обслуживания, работавший при участии работников страхкассы, несмотря на величайшие трудности, справлялся с работой. Более того, следует отметить как большой успех тот факт, что не возникло никаких эпидемий и тяжелых заболеваний.

Случаи, упомянутые обвинением и имевшие место в некоторых из 60 лагерей фирмы Круппа, могут быть об"яснены только необычным сплетением обстоятельств. Эти случаи не были типичны и они не могут свидетельствовать о существовании несносных условий вообще.

Далее был пред"явлен документ РФ-9I. Это - медицинский отчет доктора Феврие из французской делегации германского трудового фронта, который был составлен после того, как началось вторжение союзных войск I5 июня I944 года. Кроме недостатков, которые автор отчета стремится устранить, он показывает также и хорошие стороны; так, с особой признательностью там говорится о начальниках лагерей для молодежи, о

систематически производимых рентгеновских снимках, о поддержке оказываемой областной администрацией, и т.п.

Действительно верное представление о существовавшем положении можно составить себе только на основании изучения имеющихся в большом количестве медицинских отчетов отделов здравоохранения Германского трудового фронта.

Для защиты подсудимого Заукеля здесь имеет значение только одно обстоятельство, а именно, что человек, не имевший к этому отношения, каким был он, не мог создать себе ясного представления о существовании недопустимых условий.

Одобрение таких условий находилось бы в резком противоречии со всей деятельностью и заявлениями Заукеля. Подсудимый Заукель не примирялся, если какой-либо гаулейтер заявлял: "Если кто-нибудь и должен мерзнуть, то в первую очередь русские". В таких случаях он сам брался за устранение недостатков, открыто выступал против них в своем официальном справочнике по использованию рабочей силы. Это - документ "Заукель-19".

Подсудимый Заукель прилагал усилия к тому, чтобы улучшить продовольственное снабжение рабочих, что собственно не входило в его функции. Это подтвердили свидетели, в том числе свидетель Гец /доказательство по делу Заукеля № 10/; это вытекает также из протокола заседания Бюро Центрального планирования /документ Р-124, стр.1783/.

Подсудимый Заукель не давал событиям развиваться самотеком; он создал себе личный штаб, сотрудники которого ездили по лагерям и на месте устраняли недостатки. Он прилагал усилия к тому, чтобы обеспечить восточных рабочих одеждой и

16119

H1211-0184

H1211 - 0185

заставлял многие фабрики в большом масштабе производить эту одежду для них.

Все свидетели, которые были заслушаны по этому комплексу вопросов, единодушно подтвердили, что основным принципом подсудимого Заукеля в его отношении к рабочим была забота о них.

Я сошлюсь на заявления и речи подсудимого Заукеля, в которых он всегда выступал за хорошее обращение с ними. Я не буду перечислять каждый документ в отдельности, я назову только "манифест" об использовании рабочей силы, документ - "Заукель-84", в котором он указывает на свои основные принципы, требуя, чтобы о них постоянно и настойчиво напоминали.

Я сошлюсь также на речи, произнесенные им на совещаниях председателей областных управлений труда от 24 августа 1943 г. /документ-"Заукель-86"/ и от 17 января 1944 г. /документ "Заукель-88"/.

Подсудимый Заукель в конце концов достиг того, что даже Гиммлер, Геббельс и Борман признали его идеи правильными. Об этом свидетельствует документ 205-ПС от 5 мая 1943 года, памятка об общих принципах обращения с иностранными рабочими, в которую включены основные принципы организованного использования рабочей силы.

Что же говорит Обвинение, утверждая, что с рабочими обращались плохо, как с рабами?

Нужно точно установить, о ком в действительности идет речь в пред"явленных случаях плохого обращения: о рабочих, мобилизованных обычным порядком, или о депортированных заключенных.

16120

Нужно выяснить - не было ли это перегибами и злоупотреблениями, вызванными слабостью и другими особенностями человеческой натуры. С моей точки зрения суть этих явлений еще до сих пор не выяснена, а в печати появляются такие описания их, которые усиливают сомнения в ~~том~~ установившемся представлении о жизни иностранных рабочих.

В плане, представленном как документ "Заукель-3", предусмотрены многочисленные инспекции, которые должны были контролировать работу органов, ведающих мобилизацией и использованием рабочей силы. Они ничего не сообщали в учреждения подсудимого Заукеля о каком-то особо безобразном положении дел.

Возможно, что слабым местом была как раз многочисленность инстанций. Можно предположить, что ведомства не выносили своих ошибок за пределы своего учреждения и случаи нарушений не доходили до подсудимого Заукеля потому, что контролирующими органами, как правило, были учреждения, которые стояли рангом выше, чем подсудимый Заукель.

Это нужно особенно иметь в виду, говоря об отношении германского трудового фронта, которым руководил рейхслейтер доктор Лей, и гаулейтера Заукеля.

Пред"явленное за № I903-ПС соглашение о создании "Главной инспекции по обслуживанию иностранных рабочих" при ближайшем рассмотрении оказывается ни чем иным, как ширмой, предусмотрительно поставленной ~~от~~ перед подсудимым Заукелем. Документ исходит от доктора Лея, подписавшего его 2 июня I943г. и передавшего его Заукелю на подпись. Заукель подписал его

16121

H1211-0186

H1211-0187

20/IX-1943г. Возможно, что доктор Лей составил этот документ, не желая наживать себе неприятностей. Но нельзя предположить, что безобразия творились повсюду и все знали о них, ибо тогда подсудимый Заукель тоже знал бы о них в первую очередь из сообщений своих собственных контрольных инспекций. 6 апреля 1942 года подсудимый Заукель собрал работников своего штаба и всех гаулейтеров, являвшихся уполномоченными по использованию рабочей силы, и обязал их следить за выполнением данных им директив. Это подтверждается пред"явленным документом за № 638-ПС от 14 марта 1943 г., а также документом "Заукель-9", пункт 5.

Многие гаулейтеры, прошедшие перед Трибуналом в качестве свидетелей, подтвердили, что они действительно следили за выполнением директив Заукеля и что последний проверял их, посылая на места работников своего штаба. Ни о каком безобразном положении ему никогда не сообщали.

Чему верить?

Тому ли, что налицо - преувеличенные жалобы, или фактам, говорящим противоположное?

Нет свидетельств тех французов, которые, согласно документу УК-78/3, часть III, содержались в условиях настоящих рабов, нет свидетельств тех русских, которые, согласно документу № СССР-51, были проданы за 10-15 марок.

Во всяком случае, один факт безусловно говорит в пользу подсудимого Заукеля, а именно, что, как это подтвердили все свидетели, рабочие выполняли свою работу охотно и прилежно и что после поражения Германии не произошло никакого восстания, во время которого рабочие должны бы были отом-

стить своим мучителям за то, что последние обращались с ними как с рабами.

Я кратко изложил действительное положение вещей и подверг его рассмотрению с юридической точки зрения.

Но перед лицом той ответственности, которая возлагается на подсудимого Заукеля, все это-юридическая игра.

Здесь было сказано, что нельзя обвинять мелких руководителей предприятий, ибо моральную ответственность за все случившееся несут высшие правительственные инстанции; именно они должны были разрешить общие, возникавшие в связи с обстановкой, трудности.

Это относится к тем служебным инстанциям, которые имели в своем распоряжении средства и власть для ликвидации трудностей. Подсудимый Заукель, включенный со своим маленьким личным штабом в уже ранее существовавшее министерство, такими средствами не располагал. Его полномочия состояли в очень ограниченном праве давать распоряжения по вопросам распределения рабочей силы, что он и делал неутомимо.

Руководители военной промышленности были об"единены своим управлением, что давало им возможность замкнуться от так называемых бюрократов. Если иностранные рабочие нуждались в помощи, которая должна была обеспечить им их безопасность или улучшить их положение, то оказание этой помощи было делом самих предприятий или министерства вооружения, в ведении которого они находились.

Инстанции подсудимого Заукеля ничего сделать не могли, ибо они тоже подчинялись министерству вооружения. Это ясно видно из документа 4006-ПС, который содержит приказ от

16123

H1211 – 0188

H1211 – 0189

22/УI-1944 года; это подтверждают и дружеские, очень близкие отношения министра вооружения с Гитлером, министра, который был самым влиятельным лицом в области военной промышленности. За ошибки, допущенные на предприятиях, должны отвечать те, кто об этих ошибках знал и имел в своем распоряжении средства их исправить.

Нужно рассмотреть еще один правовой вопрос Устава, состоящий в том, как квалифицировать положение генерального уполномоченного по использованию рабочей силы: по статье 6 или по статье 8, то-есть являлся подсудимый Заукель правительственным чиновником, имевшим самостоятельнуя власть, или он действовал лишь согласно приказам.

Требования на рабочую силу выдвигались каждый раз на основе особого приказа Гитлера, как программное требование. Заукель должен был только распределять ее. Этим об"ясняется то обстоятельство, что подсудимый Заукель в своих действиях всегда ссылался на "приказы и задания" Гитлера. Так было в его манифесте /документ "Заукель-84", пункт 7/, так было в его циркулярах, направленных гаулейтерам /документ "Заукель-83" и др./.

Этому соответствует и другой факт, состоящий в том, что подсудимый Заукель во всех случаях специально докладывал о выполнении приказов, а также о своем отбытии в служебную командировку и о прибытии из нее /документ 556-ПС от 10/I-1944 года и 23/УП-1943 года/. Заукель не имел самостоятельной власти, об этом говорит и то, что после приказа о его назначении, он должен был подчиняться непосредственно уполномоченному по четырехлетнему плану и был включен в

состав министерства труда, которое сохранилось в прежнем виде со всеми своими стато-секретарями. В его ведение было передано только два отдела.

Таким образом, ответственность Заукеля может быть установлена только в рамках 8-й статьи Устава.

На этом я заканчиваю рассмотрение специального вопроса об использовании рабочей силы.

Подсудимому Заукелю пред"явлено обвинение по всем пунктам Обвинительного заключения, причем отдельные преступления не вменяются ему лично в вину.

Во время процесса более точно определилось обвинение в отношении концентрационных лагерей. Данные под присягой показания свидетеля Фелькенхорста /доказательство № 23/ и аффидевит Дитера Заукеля показали, что никакого приказа об эвакуации заключенных из лагеря Бухенвальд при приближении американских частей не давалось.

Из двух случаев посещения Заукелем лагеря, состоявшихся до 1939 года, когда в лагере еще не делалось того, о чем говорило Обвинение, нельзя сделать вывод, что он знал и санкционировал это.

Территориальная близость гаулейтера Заукеля с лагерем совсем не свидетельствует о его тесных отношениях с руководством СС, которое находилось обычно в Касселе и Магдебурге.

И, наконец, гуманные взгляды подсудимого Заукеля, сложившиеся в процессе его развития, несовместимы с установками Гиммлера.

Какую роль мог играть подсудимый Заукель в заговоре?

16125

H1211-0190

H1211-0191

Он был гаулейтером в Тюрингии и ничем не выделялся из числа всех прочих гаулейтеров. Его деятельность и цели, которые он преследовал, видны из его речей, которые пред"явлены здесь в качестве документа "Заукель-95". Они показывают настойчивую борьбу за "свободу и хлеб", а также желание действительного мира.

За все ~~свое~~ долголетнее пребывание подсудимого Заукеля в партии его основным путеводителем была программа партии, которая не требовала ни уничтожения евреев, ни ведения войны. Лишь практическое проведение в жизнь этой программы могло дать предоставление о действительности. Для убежденного члена партии официальное изображение событий было истиной, не подлежащей сомнению.

До своего назначения на должность генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, то-есть до марта 1942 года, подсудимый Заукель не принадлежал к узкому кругу тех, которые в какой-то мере могли знать о планах Гитлера. Он знал только то, что передавали по радио и печатали в прессе, то-есть то, что знал каждый. Никаких связей с руководящими лицами у него не было. Это видно из поступка подсудимого Заукеля, когда он пустился в боевой рейс на подводной лодке в качестве простого матроса.

Так не участвуют в заговорах.

Будучи верным приверженцем Гитлера, подсудимый Заукель оставался одиноким в кругу людей, знавших многое. Понятно, что эти люди не делились с Заукелем своими взглядами. Он не был посвящен в секреты тех людей, которые хотели быть одновременно и друзьями и убийцами Гитлера, как он не был

16126

осведомлен/о той группе людей, которые были врагами Гитлера, но держали свое истинное отношение к нему в строжайшем секрете.

Еще и сегодня подсудимый Заукель не может охватить всего случившегося. Что же он, как еретик, должен признать какую-то вину для того, чтобы за нее найти себе прощенье?

Ему недостает связи с действительностью, которая могла бы ему дать возможность признания ее.

Зависит приговор от того, чему в неведении он служил - хорошему или дурному?

Не существует хорошего или дурного',-определение зависит от того, с какой точки зрения к нему подходить.

Одно является всегда и при всех обстоятельствах хорошим - это желание делать хорошее, а это желание было у подсудимого Заукеля.

Поэтому я прошу оправдания подсудимого Заукеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Прошу доктора Экснера, защитника подсудимого Иодля.

ЭКСНЕР /защитник подсудимого Иодля/. Господин председатель, господа судьи!

На этом единственном в своем роде процессе установление истины стоит перед единственными в своем роде трудностями. В период, когда раны войны еще кровоточат, возбуждение, вызванное событиями последних лет, еще не улеглось, во время, когда архивы одной стороны еще закрыты,-с беспристрастной об"ективностью должен быть вынесен справедливый приговор. Перед нами развернут материал, охватывающий четверть столетия мировой истории и события в четырех

16127

H1211-0192

H1211 – 0193

частях света. На основании этого огромного материала одновременно обвиняются 22 человека. Это чрезмерно затрудняет рассмотрение вины и ответственности каждого, ибо здесь были выявлены бесчеловечные факты, размеры которых трудно себе представить, и возникает опасность, что густая тень, которая падает на одну часть подсудимых, затмит и другую. Я опасаюсь, что, находясь в данном обществе, кое-кто кажется совсем в другом свете, чем он казался бы, если бы сидел на скамье подсудимых один.

Обвинители еще увеличили эту опасность тем, что, смешивая правовые и нравственные положения, обвиняют сразу всех: все подсудимые обогатились за счет оккупированных областей; нет ни одного, который бы не восклицал "Евреи издохни!", и т.д. Вообще не было даже попытки доказать, что это относится к каждому в отдельности, но уже одно это утверждение настраивает против всех.

К такой линии поведения представителей обвинения, которая затрудняет выявление индивидуальной ответственности, относится также и то, что подсудимые Кейтель и Иодль рассматриваются как неразрывные близнецы: общее обвинение против них выдвинуто со стороны английского обвинителя, общие изобличительные документы французского обвинения. И, наконец, советские обвинители, очень мало сказавшие об индивидуальной виновности каждого подсудимого, излили потоки обвинения на всех, сидящих на скамье подсудимых. Очевидно, все это должно было сократить процесс, но вряд-ли послужит выяснению виновности каждого в отдельности.

Обвинительное заключение идет еще дальше: сверх этих 22-х подсудимых оно задевает судьбу миллионов, выдвигая

обвинение против организаций, которое вместе с законом № 10 приводит к тому, что за действие одних ответственность несут другие.

В данный момент намного важнее форма огульного рассмотрения дел всех подсудимых. Обвинение употребляет понятие "заговор", чтобы снова придти к выводу, что отдельные лица будут нести индивидуальную ответственность за то, что совершили другие. На этом пункте я должен остановиться подробнее, потому что он касается и моего подзащитного. Из выступлений моих коллег, я думаю, следует, что в действительности никакого заговора с целью совершения преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности не существовало, но я хочу сказать одно: если бы такой "заговор" действительно и существовал, то, во всяком случае, Йодль в нем не участвовал.

Обвинитель согласился, что нельзя доказать участие Йодля в заговоре в период до 1933 года. И в самом деле: кто с таким недоверием относился ко всему национал-социалистскому движению и с такой скептической сдержанностью говорил о захвате национал-социалистами власти, тот не мог участвовать в заговоре, направленном на то, чтобы помочь Гитлеру укрепиться у власти.

Но обвинение, кажется, считает, что к мнимому заговору Йодль присоединился в период до 1939 года. В действительности же в то время для него никаких значительных изменений не произошло.

Правда, его отношение к Гитлеру стало вполне лояльным, так как к власти призвал его уважаемый Йодлем фельдмаршал

16129

H1211-0194

H1211 – 0195

фон Гинденбург, и немецкий народ подтвердил это решение, отдав за Гитлера более чем 90% своих голосов. К этому надо добавить, что в глазах Йодля, и не только одного Йодля, авторитет Гитлера должен был сильно возрасти ввиду его достойных удивления успехов, как во внешней, так и во внутренней политике, следовавших одни за другим. Но лично у Йодля не устанавливается никаких отношений с Гитлером. Он не участвовал ни на одном из больших собраний, на которых Гитлер излагал свою программу. Книгу Гитлера "Моя борьба", это евангелие национал-социализма, он читал лишь отрывками. Йодль остался аполитичным человеком, соответственно своим личным наклонностям, которые были далеки от партийной политики, и соответственно традициям старого офицерского рода, из которого он происходил. Будучи внутренне настроен либерально, он питал мало симпатии к национал-социализму. Формально ему, как офицеру, запрещалось быть членом партии. Как офицер, он не имел права избирать и участвовать в политической жизни страны. Если, как говорит Обвинение, партия об"единяла заговорщиков и была "инструментом сцепления" отдельных подсудимых, то тогда напрасно спрашивать, какая связь существовала между Йодлем и, скажем, Заукелем, или между Йодлем и Штрейхером. До начала войны из всех подсудимых, за исключением офицеров, он знал лишь одного Фрика по одному или двум служебным совещаниям в министерстве внутренних дел.

Он был далек от НСДАП, а к ее организациям относился в определенном смысле враждебно. Его самой большой заботой в те годы - как и позже до самого конца - была опасность

16130

партийного влияния на вооруженные силы. Йодль делает все, что в его силах, чтобы предотвратить "вырастание" СС в побочные вооруженные силы, воспрепятствовать передаче охраны таможенных границ Гиммлеру и, торжествуя, заносит в свой дневник, что после ухода генерал-полковника барона фон Фрича Гитлер назначил главнокомандующим сухопутных сил не связанного с партией генерала фон Рейхенау, как этого опасался Йодль, а не занимающегося политикой генерала фон Браухича и т.д. Если бы Йодль состоял в национал-социалистском заговоре, то во всех этих случаях он реагировал бы как раз противоположным образом.

Йодль не присутствовал ни на одном из так называемых "заседаний заговорщиков": ни 5/XI-1937 года /завещание Гитлера осталось ему неизвестным/, ни в Оберзальцбурге в феврале 1938 года, ни на заседании 23/V-1939 года, ни на заседании от 22/VIII-1939 года. И ничего удивительного! Йодль был тогда слишком маленьким человеком, чтобы его привлекали к решениям вопросов государственного значения: подполковника или полковника генерального штаба не привлекают к участию в заговоре, ему просто говорят, что он должен делать, и на этом для него лично вопрос исчерпывается.

Неопровержимым доказательством того, что Йодль не мог принадлежать ни к какому заговору, имеющему своей целью развязывание агрессивной войны, является его 10-месячное отсутствие как раз перед началом войны.

В октябре 1938 года Йодль ушел из ОКВ и был переведен в Вену в качестве начальника артиллерии дивизии. В то время, по его мнению, так мало было оснований думать о начале

16 131

H1211 – 0196

H1211 – 0197

войны, что прежде, чем покинуть Берлин, он по своей инициативе набросал план наступления с целью обороны страны во всех направлениях. При этом главные силы германской армии он перебазировал в центр империи, так как он не видел какого-то определенного противника, против которого надо было бы готовить план стратегического развертывания войск /немецкая стенограмма, страница 10856/. Как раз за год до начала наступлений этот мнимый заговорщик, преследующий цель развязывания агрессивных войн, сделал теоретическую разработку по организации обороны страны. Он точно знал, что в случае войны он должен возвратиться в Берлин, но этот случай казался ему таким далеким, что он со всем своим имуществом переехал в Вену. Более того, так как он желал, наконец, снова уйти от канцелярской работы, он просил с I октября 1939 года вверить ему командование горной дивизией в Рейхенгалле. И, наконец, в июле месяце он заготовил себе билеты на пароход для многонедельной поездки по морю, которая должна была начаться в сентябре месяце. Настолько он был уверен в мирном развитии событий.

В течение 10 месяцев, предшествовавших приезду в Берлин, незадолго до начала войны, Йодль не имел никаких служебных или личных связей с ОКВ. Единственным письмом, которое он в то время оттуда получил, было письмо, в котором ему обещали к I октября перевести его в Рейхенгалле. Представьте себе: в самое критическое время, как раз в то время, когда мнимые заговорщики обсуждали и разрабатывали польский план, в то время в течение 10 месяцев Йодль стоял в стороне, не поддерживая никакого контакта с руководящими

липами, и о всем происходящем знал не больше, чем какой-либо из его лейтенантов.

Когда в то лето фюрер по делам приезжал в Вену, Кейтель не потрудился даже представить ему Иодля, хотя в случае войны Иодль должен был быть призван в качестве советника верховного главнокомандующего по стратегическим вопросам, связанным с проведением так называемого общего плана агрессии. Можно себе представить, как удивлен был Иодль, прочитав в Обвинительном заключении, что он являлся участником заговора, ставившего своей целью развязывание войны.

Господин председатель, я дошел до одного из абзацев. Может быть, сейчас время сделать перерыв?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, очень хорошо.

/Об"является перерыв до I9/УП-1946 года I0.00/

16133

H1211 - 0198

H1211 – 0199

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 19 июля 1946 года.

(УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

Встать ! Суд идет !

ЭКСНЕР: Господин Председатель! Господа Судьи ! Я продолжаю свою речь на странице девятой в середине. Напоминаю о своем вчерашнем указании на то, что во всяком случае до 1939 года Иодль не был и не мог быть участником заговора. Возможно, будут утверждать, что Иодль присоединился к заговору лишь после 1939 года.

Как показал один из моих коллег, выступавших до меня, офицер, работающий на указанном ему месте над выполнением военного плана, никогда не может рассматриваться как заговорщик. Правда, у него есть план, общий с его начальником, но он сделал этот план своим недобровольно, он не заключал никаких "соглашений", В рамках нормального служебного распорядка он делает просто то, что требует занимаемая им должность.

Как раз Иодль в этом отношении может служить характерным примером. Он едет в Берлин не по собственной воле. То, что в случае войны он должен будет работать в штабе фюрера, было давно решено. Это определялось порядком, установленным на текущий мобилизационный год. Этот мобилизационный год заканчивался 30 сентября 1939 года. На следующий год начальником штаба оперативного руководства уже был назначен генерал фон Зоденштерн. Если бы война началась на 6 недель позже, то Иодль принял бы участие в войне в качестве командира своей горной дивизии. Тогда бы, по всей вероятности, он не сидел бы здесь на скамье подсудимых. Надо признать, что вся его деятельность во время войны предопределялась порядком, который был установлен

заранее, независимо от его воли. Уже один этот факт, по моему мнению, убедительно говорит против его участия в заговоре, ставящем своей целью ведение агрессивных войн.

23 августа 1939 года Иодль прибыл в Берлин. Начало военных действий было назначено на 25 августа. Однако, по неизвестным ему причинам, начало войны было затем отложено на 6 дней. План польской кампании был уже готов. Для его составления ему не надо было участвовать в заговоре. Если тогда и существовал заговор против Польши, то участники его сидели, как мы теперь знаем из германо-русского тайного договора, где-то в другом месте.

Фюреру Иодль был представлен 3 сентября 1939 года, т.е. уже после начала войны, тогда, когда решения уже были приняты.

Его служебное положение приблизило его к Адольфу Гитлеру. Необходимо добавить, что эта близость была только территориальной, действительно же близко он никогда к нему не стоял. Но и тогда он не узнал планов и намерений Гитлера. Каждый раз его посвящали в них лишь в такой мере, в какой этого требовала его работа. Иодль никогда не был доверенным лицом Гитлера, и между ними никогда не было душевных отношений. Эти отношения всегда оставались чисто служебными, а зачастую имели место конфликты.

Вообще Иодль оставался чужым партии. Не может быть и речи о том, чтобы он хотя бы, например, в Вене искал связей с местными партийными руководителями, что сделать было довольно легко.

С большинством партийных руководителей и большинством подсудимых он познакомился лишь во время их посещений главной ставки фюрера. Никакой связи с ними, за исключением офицеров, он не поддерживал. Партийная клика в главной ставке бы-

16125

H1211 - 0200

H1211-0201

ла для него ужасом и неприятным инородным телом в военном отношении. Он никогда не прекращал борьбы против партийного влияния в армии.

Ни в каких мероприятиях партии он не участвовал. Он не принимал участия в обще-германских с'ездах партии, если не принимать во внимание, что однажды в силу приказа по службе он был на военном параде. В Мюнхенских торжествах 9 ноября, состоявшихся каждый год, он никогда не принимал участия.

Обвинитель все время ссылался на его речь перед гауляйтерами, стараясь доказать, что Иодль, несмотря на все, отождествлял себя с партией и ее устремлениями, что он был не только солдатом, но и политиком, что он был воодушевленным приверженцем Гитлера.

Здесь необходимо, во-первых, констатировать следующее: документ Л-172, который нам был представлен как речь перед гаулейтерами, является не манускриптом его речи, а составленным в его штабе сборником материалов, на основании которых Иодль и написал свою речь. Кроме того, эта речь была произнесена не по написанному; ни одно слово данного документа не свидетельствует о том, что Иодль действительно говорил это.

Далее надо принять во внимание обстоятельства, послужившие поводом для этой речи. После 4 суровых лет войны, после совсем недавнего выхода из нее Италии и перед лицом новых невероятных трудностей, когда народ по воле Гитлера должен был напрячь свои последние усилия, - в этот критический момент все зависело от того, будет ли народ готов к

дальнейшим испытаниям. Поэтому партия попыталась, дав информацию специалиста о военном положении, поднять падающий дух. Для выполнения этого фюрер назначил генерал-полковника Йодля... (Господин Председатель, я нахожусь сейчас на странице 13-й). Йодль являлся, несомненно, единственно компетентной личностью. Другой бы приветствовал такую возможность приобрести популярность среди партийных руководителей. Но Йодль принял это задание нехотя. Доклад назывался: "Военное положение в начале 5 года войны". Его содержание является чисто деловой информацией о военном положении на различных фронтах и описанием того, как оно создалось. Доклад начинается и заканчивается, по крайней мере, согласно данному документу, хвалебной песнью фюреру, из чего обвинители делают не совсем верные выводы. Если оратор, прежде всего хочет завоевать доверие своих слушателей, в данном случае, доверие партийных руководителей, и его задача состоит в том, чтобы внушить им доверие к высшему военному командованию, то подобного рода риторические украшения являются само собой разумеющейся вещью.

Впрочем, Йодль, ведь, не оспаривает, что он действительно восхищался некоторыми чертами и способностями фюрера. Но его доверенным он никогда не был, никогда не участвовал с ним в заговоре и, работая в главном штабе вооруженных сил, он оставался аполитичным человеком, таким, каким он был всегда.

Таким образом, Йодль не состоял в заговоре. Никакое понятие заговора не может сделать его ответственным за действия, которые он совершал не по своей вине.

Теперь я перехожу к тем отдельным действиям, которые вменяются Йодлю в вину.

10137

H1211-0202

H1211 – 0203

Согласно стстье 6-й Устава, Суд разбирает известные преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, которые перечислены в Уставе и за которые установлена индивидуальная уголовная ответственность отдельных виновных лиц. Отвлечемся сначала от преступлений против человечности, в отношении которых надо сказать нечто особое. Существуют две предпосылки, влекущие за собою индивидуальное наказание подсудимых.

1. Должно иметься налицо нарушение международного права, за которое они несут соответствующую ответственность. Смысл всего этого процесса и смысл Устава заключается именно в том, что нормы международного права должны быть подкреплены путем наложения на виновных уголовно-правовых санкций. Таким образом, если имело место определенного рода нарушение международного права, то ответственность за это должна быть возложена не только на государство, как это было до сих пор, но помимо того должны быть наказаны в будущем и отдельные виновные в этом лица.

Из вышесказанного следует: если нет нарушения международного права, то не должно быть и наказания.

2. Но не для всех случаев нарушений международного права предусмотрена подобная ответственность отдельных лиц, а только лишь для случаев, указанных в Уставе. Статья 6-а перечисляет преступления против мира, статья 6-б - преступления против законов и обычаев войны. Другие действия, пусть они даже нарушают нормы международного права, сюда не относятся.

Процесс был бы сокращен не на один день, если бы Обвинение с самого начала учло эти два пункта, ибо, как это еще следует доказать, появляется тенденция распространить на подсудимых ответственность также и за те случаи нарушения международного права, которые не указаны в Уставе;

1k138

Но это мало! также и за действия, которые вообще не противоречат нормам международного права, хотя могут считаться аморальными.

В дальнейшем я буду придерживаться ясного порядка англо-американского досье и дополнительно остановлюсь на том, что было сказано против Иодля также двумя другими обвинителями.

1.

Пункт 1. Содействие в захвате власти национал-социалистами и консолидация ее. Этот пункт, как уже было отмечено, я выпускаю.

Пункты 2 и 3 касаются вооружения и занятия Рейнской зоны. К введению всеобщей воинской повинности и вооружению Иодль не имел никакого отношения.

В дневнике Иодля нет ни одного слова о вооружении. Он был членом Имперского комитета обороны, но последний не занимался вопросами вооружения. В его функции входило лишь определение мер, которые должны были принять гражданские учреждения в случае мобилизации. В этом нет никакого нарушения норм права. Мобилизация, например, на случай нападения противника не была нам запрещена. Подготовительные мероприятия в демилитаризированной зоне, предложенные Иодлем на комитете, затрагивали также только гражданские учреждения и состояли исключительно в подготовке к эвакуации Западно-Рейнского района с тем, чтобы в случае французской оккупации защищать линию по Рейну. Эти мероприятия носили чисто оборонительный характер.

Иодль рекомендовал держать их в строгом секрете, но это не свидетельствует о преступности их, а является вполне

H1211-0204

H1211 – 0205

понятным фактом. На самом деле, следовало быть особо осторожным, так как память о французской оккупации Рура была еще свежа.

Модль не имел никакого отношения и к занятию Рейнской зоны, а узнал об этом лишь за пять дней до выполнения приказа фюрера.

Дальнейшие раз'яснения излишни, ибо, согласно Уставу, статье 6-й, ни вооружение, ни занятие Рейнской зоны, пусть они даже идут в нарушение норм международного права, не относятся к наказуемым действиям.

Только в том случае, если бы в них усмотрели подготовку агрессивной войны, они могли бы подпасть под статьи Устава. Но кто в то время думал об агрессивной войне? В 1938 году, вследствие недостатка в обученном рядовом составе, мы не могли выставить и шестой части тех дивизий, которые могли выставить против нас наши предполагаемые противники - Франция, Чехословакия и Польша. Первая ступень вооружения должна была быть достигнута в 1942 году, западный вал должен был быть готов в 1952 году, тяжелой артиллерии не было совсем, танки проходили стадию испытания, положение с боеприпасами было катастрофическим.

В 1937 году у нас не было ни одного линейного корабля Даже в 1939 году у нас было не более 20 океанских подводных Лодок, что составляло меньше одной десятой того, что имела Англия и Франция. Что касается военных планов, то существовал лишь план пограничной охраны на Востоке. Очень характерно описание нашего положения, данное на заседании имперского комитета обороны: никто не мыслил себе будущей войны иначе, как только происходящей в нашей стране, т.е. речь могла итти толь-

ко об оборонительной войне. Следует заметить, что об этом говорили на тайном заседании комитета. О возможности наступательных действий вообще не упоминалось Да мы и не были тогда способны к серьезному наступлению. Поэтому при занятии Рейнской области генералы казались игроками, играющими ва-банк. Но что кто-либо из них мыслил настолько утопически, что мог подумать о наступлении, нет даже и тени доказательств

В пунктах 1У-У1 досье значится участие в планировании и осуществлении нападения на Австрию и Чехословакию.

а) Плана наступления на Австрию вообще не существовало. Обвинители представили в качестве такового документ С-175. Однако, здесь явное недоразумение. Это - программа разработки различнейших военных планов, т-е.,например, войны против Англии, против Литвы, против Испании и так далее. Среди этих теоретических разработок упоминается также план "Отто", т.е. интервенция против Австрии в случае попытки реставрации Габсбургского дома. Этот план не нужно было даже разработать, а лишь только "продумать", - так сказано в этом документе. Но, поскольку никаких симптомов подобной попытки со стороны Габсбургского дома не было, то не было проведено и никаких предварительных работ.

На заседании 12 февраля 1938 года в Оберзальцбурге Иодль не присутствовал. Через два дня было приказано представить проект известных демонстративных маневров, очевидно, для того, чтобы оказать давление на Шушнига и заставить его придерживаться Оберзальцбургского соглашения. В этом нет ничего противоречащего нормам права, даже если обвинитель и говорит о "преступных методах". О решении фюрера относительно введения войск в Австрию Иодль узнал совершенно неожиданно за два дня до его осуществления. Это

1141..

H1211-0206

H1211-0207

свое решение в виде приказа фюрер передал по телефону. Письменный приказ Йодля являлся только изложением последнего в письменной форме. Если бы это был основным приказом, то он пришел бы слишком поздно. Он был издан 11 марта в 9 часов утра, а ввоз войск начался на следующее утро. Нам излагали здесь, как он протекал. Войска имели вооружение мирного времени. Австрийцы с приветствиями шли им навстречу, переходя границу; австрийские войска влились в их колонны и вместе с ними направились к Вене. Это было триумфальное шествие с ликованием и цветами.

б) Затем операция в Чехословакии. Еще в начале 1938 года Гитлер заявил, что он не намерен "в ближайшее время нападать на Чехословакию." После неспровоцированной частичной чешской мобилизации он изменил свою точку зрения, решив с 1 октября 1938 года заняться решением чешского вопроса, а не решить его уже 1 октября 1938 г., поскольку не угрожало вмешательство западных держав. Йодль должен был провести ряд подготовительных мероприятий в рамках штаба. Делая это, он был убежден, что его работа останется чисто теоретической, так как, учитывая желание фюрера при любых обстоятельствах избежать конфликта с западом, следовало ожидать мирных соглашений. Поэтому Йодль заботился только о том, чтобы его план не был нарушен какой-либо чешской провокацией. И на самом деле получилось так, как он ожидал. После расследования, произведенного лордом Ренсименом и выявившего шаткость Чехословакии в национальном отношении и справедливость позиции Германии, с великими державами было заключено Мюнхенское соглашение.

Йодлю ставится в вину то, что он в одном из своих

тезисов доклада предложил "организовать" инцидент, чтобы иметь повод к началу наступления. Причины этого он нам об'яснил здесь. Однако дело не дошло до какого-либо инцидента.

Нарушением норм международного права этот тезис доклада не является уже потому, что дело идет о внутренних делах, которые остались без всякого значения в отношениях Германии с другими странами. И даже если бы этот тезис был проведен в жизнь, то ведь такие хитрости с тех пор, как греки построили своего троянского коня. Одиссей, автор этой идеи, потому и восхвалялся античными поэтами, как "многохитрый", а не заклеймен ими как "преступник". Я не вижу в поведении Иодля также ничего аморального. Наконец, в отношениях между государствами действуют другие моральные принципы, чем в воспитательных институтах христианских девиц.

в) Занятие Судетской области само по себе протекало также мирно, как и занятие Австрии. Сердечно приветствуемые освобожденным населением, войска вступили в германскую область, эвакуированную чешскими войсками до установленной линии.

Эти выступления не являются наказуемыми действиями, согласно Уставу. Они не были нападениями (в таких случаях имеет место применение силы), еще меньше это были войны (для этого необходимо наличие вооруженной борьбы), не говоря уже о том, что они не являлись агрессивными войнами. Рассматривать подобные факты мирного ввоза войск как "агрессивные войны", означало бы перещеголять пресловутые аналогичные заключения национал-социалистского уголовного законодательства. Четыре державы, подписавшие этот Устав, могли бы включить в статью 6-ю пункт относительно этих фактов, еще свежих в памяти. Однако они этого не сделали, очевидно, как раз

16143

H1211-0208

H1211-0209

потому, что хотели ограничить наказания отдельных лиц наказаниями за военные преступления, и не налагать наказания за подобные невоенные действия. В общем следует сказать: так расширять положения Устава о наказании недопустимо. Здесь верно старое правило: "privilegia stricte interpretenda sunt" (Привилегию следует толковать недвусмысленно") Пожалуй, еще не существовало более подходящего примера privilegium odiosum, чем одностороннее судебное преследование только членов держав оси.

Осталось еще только притти к мысли возложить ответственность на Иодля за то, что он составил проект плана наступления на Чехословакию в тот момент, когда мирное решение еще не было обеспечено. Иодль рассчитывал на мирное решение вопроса и имел на то основания. У него не было намерения подготавливать агрессивную войну.

К этим фактическим данным, исключающим всякую вину Иодля, следует добавить еще соображения юридического порядка; мы установили это, и в этом не может быть никакого сомнения: - не может быть наказания за преступления против мира, если нет нарушения норм международного права. Устав, предусматривая наказание за подготовку агрессивных войн, имеет, очевидно, в виду следующее: лицо, подготовившее агрессивную войну, которая действительно была осуществлена, должно быть наказано. Но планы войны, которые остались только планами, сюда не относятся. Это не противоречит нормам международного права. Международное право не заботится о том, что происходит в головах и в кабинетах. То, что не имеет международного значения, не противоречит международному праву. Агрессивные планы, оставшиеся не выполненными, так же, как и агрессивные

намерения, могут быть аморальными, но не противоречащими праву и потому не подходят под статьи Устава.

А здесь речь идет как раз о невыполненных планах, ибо основанное на международном соглашении мирное занятие Судетской области не было агрессивной войной, и, между прочим, происшедшая также без сопротивления и войны, и окку-пация остальной территории страны не была связана с планами Иодля.

Эта оккупация остальной части чехословацкой территории в марте 1939 года не нуждается в более подробном обсуждении, ибо Иодль был тогда в Вене и не участвовал в этой операции. Он не имел никакого отношения и к ее планированию, ибо оно совершенно не связано с его работой в генеральном штабе. С тех пор военная обстановка совершенно изменилась: Судетская область с ее пограничными укреплениями находилась теперь в руках немцев. Ввоз войск, последовавший без всяких боев, был осуществлен по абсолютно иным планам, если таковые вообще существовали. Во всей операции Иодль лично участия не принимал.

Пункт 7-й досье касается планирования войны с Польшей. По этому поводу основное уже сказано: Когда Иодль выехал из Берлина, никакого плана наступления на Польшу не существовало. Когда 23 августа 1939 года он вернулся, существовало намерение 25 числа выступить против Польши. План операции был, конечно, готов, но Иодль к нему непричастен.

В обвинении упоминается еще о том, что 3 сентября Иодль был в поезде фюрера в Польше и что это, якобы, является доказательством его участия в войне. Но разве это обвинение против солдата?

11145

H1211-0210

H1211-0211

Пункт 8-й досье говорит о нападении на семь государств, начиная от Норьегии и кончая Грецией. Досье об'единяет эти войны в одном пункте. Правильно. Они образуют единое целое, так как все они продиктованы военной необходимостью и являются логическим следствием войны и вмешательства Англии. Именно поэтому для характеристики Иодля так важно, что он не имел никакого отношения к развязыванию войны с Польшей.

Историкам придется долго исследовать прежде, чем они установят, как все в действительности было. Для характеристики поведения Иодля решающим моментом является только то, как он лично в каждом отдельном случае расценивал положение, считал ли он на основании того, что было ему известно, военные решения Гитлера справедливыми и какое влияние он оказывал на весь ход событий. Только это интересует нас.

а) Норвегия и Дания.

В этом отношении, господа судьи, я могу сослаться на позавчерашние высказывания доктора Зиммерса. Я выпускаю последующий материал из моей рукописи, но хотел бы сделать лишь одно дополнение международно-правового характера, которого нет в ней. Принимая во внимание высказывания доктора Зиммерса, сделанные им позавчера по этому вопросу, я хотел бы, во избежание недоразумений, добавить следующее.

1. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что торговые суда воюющей державы могут совершать плавания в территориальных водах нейтральных государств. Если противник с целью предотвращения подобного плавания заминирует эти воды, то это является типичным нарушением нейтралитета.

Военные суда также имеют право проходить через эти воды, пребывая в них не более установленного срока и не ведя в них боевых действий. Если это относится к военным судам, то тем в большей степени к тем, которые перевозят

16146

военнопленных.

2. Тот факт, что война является агрессивной, ни в коем случае не влияет на существующее право нейтралитета и правила ведения войны. Противоположные утверждения привели бы к абсурдным результатам и явились бы пагубными для общих правил ведения войны. Тогда не существовало бы нейтральных государств, а в отношениях воюющих стран господствовали бы принципы голой силы: каждый выстрел был бы убийством, каждый случай взятия в плен - преступным посягательством на свободу, каждая бомбардировка - криминальным преступлением с нанесением материального ущерба. В всяком случае ни одна из сторон не руководствовалась в этой войне подобными принципами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минутку, г-н Экснер (Суд совещается). Продолжайте, пожалуйста.

ЭКСНЕР: Обвинение стоит на той же точке зрения, иначе оно не могло бы инкриминировать подсудимым совершенно определенные факты, как преступления против действующего права нейтралитета и правил ведения войны. Все обвинительное заключение в пункте 3-м было бы непонятным. Впрочем, проф. Яррайс подробно осветил этот вопрос на стр.32-35 своей защитительной речи.

Теперь я продолжаю на странице 30, последний абзац. В ноябре 1939 года Йодль впервые, причем от самого Гитлера, услышал об опасениях военно- морского флота, состоявших в том, что Англия намеревалась проникнуть в Норвегию. Несколько позже он получил сведения, которые не допускали сомнения относительно того, что эти опасения в основном правильны. Затем начали систематически поступать донесения, согласно которым Англия во все возрастающей степени приобретала господство в норвежских прибрежных водах, так что Норвегия фактически пе-

16447.

H1211-0212

H1211 – 0213

рестала быть нейтральной. Иодль был твердо убежден, в чем он убежден и сейчас, что германские войска в последнюю минуту воспрепятствовали высадке англичан. Как бы ни расценивалось решение Гитлера с юридической точки зрения, Иодль не повлиял на него, считал его правомерным и не мог не считать его таковым. Итак, даже если признать решение Гитлера нарушением нейтралитета, то все равно нельзя рассматривать деятельность Иодля в штабе как наказуемое сотрудничество.

б) Бельгия - Голландия - Люксембург. Иодль, как всякий военный специалист, знал: если Германия должна вести войну на западе, то для нее нет другого пути, кроме пути военного наступления. Учитывая недостаток в вспомогательных средствах германского вооружения в то время, а также мощность линии Мажино, с военной точки зрения не было иной возможности наступления, как наступление через Бельгию.

Таким образом, Гитлер, по чисто военным причинам, стоял перед необходимостью вести операцию через Бельгию. Иодль, как всякий немец, переживший август 1914 года, хорошо знал какое это было тяжелое политическое решение, поскольку Бельгия была нейтральной, т.е. хотела и была в состоянии стоять в стороне от войны.

Сообщения, которые получал Иодль и относительно правильности которых не могло возникнуть никаких обоснованных сомнений, показывали, что бельгийское правительство в нарушение нейтралитета уже сотрудничало с генеральными штабами стран-противников Германии. Этого можно здесь при защите Иодля и не затрагивать. (Судьи совещаются)

~~Экснер~~: Достаточно знать, и это неоспоримо, что западные противники Германии во все большей степени использовали Бельгию для своих военных целей, летая над ее территорией. Может быть, в еще большей степени это относится к Голландии . С первого дня войны английские самолеты в любое

1148

время летали над голландской и бельгийской территорией. Только ~~по некоторых из~~ части бесчисленных случаев германское правительство заявляло протест. Оно заявляло протест 127 раз.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я прошу вас сказать, какие доказательства у вас имеются для подтверждения этого заявления?

Д-р ЭКСНЕР: Какие доказательства?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что имеется 127 случаев протеста.

ЭКСНЕР: Я сослался на свидетельское показание фон Риббентропа, он сказал, что имеется 127 случаев протеста.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте.

ЭКСНЕР: Обвинение неверно ставит правовой вопрос. Прежде чем воздушная война приобрела свое современное значение, положение было таково: государство, желавшее остаться нейтральным, могло воздержаться от предоставления своей территории для постоянного и в любой форме выражающегося военного использования ее одной из воюющих сторон. В противном случае наступал конец нейтралитету. При теперешних возможностях воздушной войны, государство может предоставить одной из воюющих сторон право перелетать над своей территорией или может считать себя обязанным это сделать, и при этом внешне остаться дипломатически нейтральным. Защитой нейтралитета, по сути дела, может пользоваться только то государство, чья государственная территория об'ективно остается вне границ театра военных действий.

Голландия и Бельгия в действительности уже задолго до 10 мая 1940 года не были нейтральными, ибо над их территориями с их согласия или против их воли практически летала авиация противника Германии. Всякий знает, какую помощь в укреплении военной мощи оказывали они тем самым Англии, т-е. именно одной из воюющих сторон. Достаточно подумать лишь об

161.49

H1211 - 0214

H1211-0215

"ахиллесовой пяте" Германии, о Рурской области. Наши противники, очевидно, стояли на следующей точке зрения: поскольку барьер Голландии и Бельгии защищал их промышленные районы от авиации, нейтралитета этих стран можно было бы не уважать, но, поскольку он защищал Францию и Англию, нарушение его является преступлением.

Йодль, конечно, понимал это положение, хотя его мнение об этой правовой стороне вопроса Гитлера совершенно не интересовало.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту, пожалуйста. Доктор Экснер, утверждаете ли вы, что если одна из воюющих держав летает над территорией нейтральной страны, то другая воюющая сторона может вторгнуться в пределы этого нейтрального государства без всякого предупреждения об этом, и что такое поведение будет соответствовать нормам международного права?

ЭКСНЕР: В этом отношении я хотел бы сказать, что эти систематические перелеты над нейтральными государствами в целях агрессивных действий (самолеты совершали рейсы для бомбардировок Германии) составляли нарушение нейтралитета, которое давало Германии право не считать Бельгию в дальнейшем нейтральной страной. Поэтому с точки зрения пакта Келлога, с точки зрения данных прежде заверений в соблюдении нейтралитета Германии нельзя пред'являть обвинения. Вопрос о том, можно ли ей пред'являть обвинение в том, что она не об'явила войны заранее - я оставляю открытым. Наконец, о перелетах английской авиации, повидимому, также нужно было об'явить заранее.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо, значит вы не отвечаете на вопрос который я вам задал?

ЭКСНЕР: Вопрос заключался в том, было ли необходимо заранее об'являть об этих действиях, не так ли, господин председатель?

11150

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Можно ли напасть на нейтральную страну без предварительного предупреждения, т.е. не будет ли нарушением норм международного права нападение на нейтральное государство без предупреждения? Вот мой вопрос.

ЭКСНЕР: Мое утверждение состояло в том, что они не представляли собой нейтральных государств в момент, когда мы выступили против них.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит вы отвечаете утвердительно; вы говорите, что можно совершить нападение без всякого предупреждения. Правильно это?

ЭКСНЕР: В международном праве существует положение о том, что необходимо заранее об'являть войну. Германия обязана была бы тоже заранее об'явить войну, но раз перед нею были не нейтральные государства, мне кажется, она могла и не соблюсти подобную обязанность. Я не понимаю, почему она должна была ее соблюсти по отношению именно к государству, которое когда-то раньше было нейтральным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Хорошо. Итак, вы говорите, что существует общее обязательство об'являть войну до того, как фактически вторгнешься в пределы страны. И вы не говорите, что тот факт, что Голландия являлась нейтральным государством, давал право не выполнять это обязательство.

ЭКСНЕР: Нет, этого я не хочу сказать. Но я не думаю, что существовало особое обязательство, данное в связи с тем, что Голландия и Бельгия были когда-то нейтральными. Я не знаю, как можно было бы его обосновать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Продолжайте.

ЭКСНЕР: <u>в) Греция.</u> Гитлер не собирался вовлекать Балканы в войну, но в начале октября 1940 г. Италия вопреки его воле напала на Грецию. Когда итальянцам пришлось туго, они попросили у Германии помощи. Йодль рекомендовал отказать,

H1211-0216

H1211 - 0217

ибо в противном случае придется считаться с возможностью вмешательства Англии в дела на Балканах и тем самым потерять всякую надежду на локализацию итало-греческого конфликта. Гитлер приказал подготовить все на случай, что все-таки возникнет необходимость оказать помощь Италии в ее войне с Грецией. Это - приказы от 12 ноября и 13 декабря 1940 г.

Локализовать греко-итальянский конфликт не удалось. Было ясно, что Греция будет втянута в войну Германии и Англии Вопрос заключался лишь в том, под чьим военным контролем будет находиться Греция, под контролем Англии или Германии, как Норвегия, Бельгия и Голландия, которые уже до начала открытой войны частично находились под влиянием Англии. По крайней мере об'ективно, Греция уже не была нейтральной, может быть, уже не могла быть нейтральной. Греческое обвинение констатирует, что 3 марта 1941 года английские войска высадились в Греции, тогда как Крит некоторое время до того уже находился под контролем Англии. Лишь 24 марта 1941 года Гитлер начал воздушные налеты в районе Крита, а только 6 апреля приказал наземным войскам перейти в наступление.

И в данном случае Йодль не оказал никакого влияния на решение Гитлера, для него было несомненно, что решение Гитлера неизбежно при том состоянии войны мировых держав, каким оно было на самом деле. Выбора не было: греческая территория все более и более переходила бы в сферу влияния Англии и превратилась бы в плацпарм бомбардировочных эскадр в их операциях против румынских нефтеносных районов, если бы Германия не воспрепятствовала этому . Кроме того, пугал опыт первой мировой войны: тогда из Салоник был нанесен смертельный удар.

г) Югославия. Гитлер не хотел втягивать в войну и Югославию. Германские войска на Балканах имели строжайшую

директиву пунктуально соблюдать ее нейтралитет. Гитлер даже отклонил ходатайство начальника штаба сухопутных сил о том, чтобы просить у югославского правительства разрешения на провоз через югославскую территорию запломбированных немецких эшелонов с военными материалами.

Путч Симовича в Белграде в ночь после присоединения Югославии к пакту трех держав Гитлер воспринял как коварное предательство. Он считал, что смена правительства в Белграде, которая изменила курс внешней политики на 180 градусов, оказалась возможной только благодаря тому, что Англия или Советский Союз обеспечили тыл. С этого момента ему стало очевидно, что Балканы целиком будут вовлечены в перипетии войны. Для него было ясно, что германские войска в Болгарии подвергаются серьезной угрозе, также, как и германская коммуникационная линия, проходившая вблизи югославской границы.

При таком положении Гитлер на утро после белградского путча принял решение начать войну, к которой не было проведено ни малейшей подготовки. Предложения Иодля, а позднее также и Риббентропа, заключавшиеся в том, чтобы, пред'явив ультиматум, окончательно выяснить положение вещей, даже не обсуждались. Гитлер хотел обеспечить германский контроль над Югославией и Грецией, не не допустить такового со стороны Англии. Полученные на следующий день сведения о телеграмме, посланной Москвой новому белградскому правительству, пришедшему к власти в результате путча, и о уже начавшейся концентрации югославских войск (подтверждено показаниями генерала фон Грайфенберга, книга документов III, АИ-12; аффидевит № 12 по делу Иодля - примечание переводчика) и, наконец, русско-югославский договор о дружбе были для Иодля неопровер-

11153

H1211 - 0218

H1211-0219

жимым доказательством того, что Гитлер правильно оценил обстановку.

Решение о войне принял Гитлер и только Гитлер.

Пункт 9-й касается войны с Советским Союзом. Сегодня еще не установлено, чего хотели достичь оба правительства, берлинское и московское, заключив договор от 23 августа 1939 года. Но одно ясно: эти, до тех пор враждебно друг к другу настроенные стороны, заключили брак не по любви. Советский Союз был для германского партнера совершенно загадочной величиной. Так это и осталось. Тот, кто не учтет этих фактов, тот вообще не сможет оценить решение Гитлера о военном нападении на Советский Союз и прежде всего не сможет решить вопрос о виновности Иодля.

Если когда-нибудь Гитлер и действовал иначе, то в данном случае он принял свое решение, не выслушав ни от кого ни малейшего совета, не говоря уже о том, что бы последовать последнему. В течение многих месяцев он колебался в своем мнении о намерениях Советского Союза.

Отношения войск обеих сторон по демаркационной линии с самого начала изобиловали инцидентами. Советское правительство немедленно перебросило несоизмеримо на территорию прибалтийских государств и Польши несравненно крупные силы.

В мае и июне 1940 года, когда на Востоке находилось лишь 5-6 германских дивизий прикрытия, по данным Канариса, русские начали наступление против Бессарабии силами, по крайней мере, в 30 дивизий. Это, как и наступление в Прибалтике, вызывало большое беспокойство. 30 июня 1940 года все снова утихомирилось, так что Иодль думал даже, что он может расчитывать на Россию как на помощника в борьбе против Британской

1454

мировой империи, что явствует из документа ПС-1776. Но в июле- новые беспокойства. Русское влияние интенсивно проникало на Балканы и в Прибалтику.

Гитлер начал опасаться агрессивных намерений со стороны русских, как он говорил Йодлю 29 июля.

Правда, переброска нескольких дивизий с Запада, где они больше не были нужны, не имела к этому никакого отношения Эта переброска была произведена по ходатайству командующего войсками на Востоке, который слабыми силами, имевшимися у него в распоряжении, не мог решить задачи безопасности. Гитлер беспокоился, главным образом, за румынские нефтяные промыслы. С большим удовольствием он устранил бы эту угрозу еще в 1940 году путем внезапного нападения. Йодль возражал на это, указывая, что, ввиду неблагоприятных условий для развертывания войск в восточных районах Германии, до зимы об этом не стоило бы и думать. Гитлер потребовал проверки этого заключения, и на одном совещании штаба в Рейхенгале, неправильно квалифицированном русским обвинением, Йодль отдал приказание о проведении необходимой разведки. 2-го августа Гитлер приказал улучшить условия развертывания войск на Востоке, - мероприятие, так же необходимое для обороны, как и для наступления.

В конце августа (директива от 27 августа) 10 пехотных и 2 танковых дивизии были переброшены в генерал-губернаторство на тот случай, что возникнет необходимость проведения молниеносного наступления с целью защиты румынских нефтепромыслов. Немецкие войска всего численностью в 25 дивизий должны были казаться сильнее, чем они были в действительности, чтобы сделать вообще излишним это наступление.

Таков смысл указаний Йодля о проведении контрразведки (ПС-1229). Если бы в то время имелись агрессивные намерения,

16155

H1211-0220

H1211 - 0221

то лучше было бы сделать так, чтобы силы казались меньше, чем они были на самом деле.

Кажется, в то же самое время Гитлер, без ведома Иодля поставил перед штабом сухопутных сил задачу на всякий случай составить план операций. Начиная с осени 1940 года, штаб сухопутных сил разрабатывал планы подобных операций (генерал Паулюс).

После решения Венского арбитража от 30 августа 1940 года начали поступать неблагоприятные вести. Гитлер, если Иодль должен верить его высказываниям, все больше приходил к убеждению, что Советский Союз твердо решил напасть на Германию и уничтожить ее, когда ~~та~~ все ее силы будут заняты в войне с Англией. Командование Красной Армии (по сообщению от 18 сентября) заявило, что германо-русская война неизбежна (документ С 170). Кроме того, поступали сообщения о лихорадочной подготовке русских вдоль демаркационной линии. Гитлер рассчитывал, что русское наступление начнется летом 1941 г. или зимой 1941-42 г. Таким образом, он решил, что, если переговоры с Молотовым не раз'яснят обстановки в положительном смысле, он может перейти к превентивным мероприятим, так как единственным шансом для Германии была активная оборона. На этот случай 12 ноября 1940 года Гитлер приказал провести подготовительные мероприятия (ПС-444).

Безуспешные переговоры с Молотовым явились решением этого вопроса. 18 декабря 1940 года Гитлер приказал начать военные подготовительные мероприятия. Если последующие месяцы внесли бы ясность, тем лучше. Но на-готове нужно было быть для того, чтобы не позднее начала лета 1941 г. нанести удар. Этот срок был последним и в то же самое время самым ранним

16156

сроком, так как для развертывания сил было необходимо более четырех месяцев.

Иодль, как специалист, со всей решительностью указывал Гитлеру на огромный военный риск, на который можно было бы решиться только в том случае, когда действительно исчерпаны все возможности предотвращения русского наступления политическим путем. И Иодля в то время создалось впечатление, что Гитлер использовал все возможности.

Положение все ухудшалось. По донесениям, поступавшим в штаб сухопутных сил, в начале февраля 1941 года были двинуты к германской границе 155 русских дивизий, т.е. две трети всех известных нам русских сил. Германские силы начали развертывание лишь первого эшелона.

Телеграмма Советского правительства с выражением дружественных чувств, направленная белградским участникам путча 27 марта 1941 года, лишила Гитлера последней надежды. Он решил перейти в наступление, которое, правда, из-за войны на Балканах пришлось отложить более чем на месяц. Развертывание проходило таким порядком, что подвижные германские соединения, без которых вести наступление вообще невозможно, начали прибывать на фронт лишь в последние две недели, а именно начиная с 10 июня.

Настоящая превентивная война является одним из необходимых средств самообороны. Она, безусловно, была разрешена пактом Келога-Бриана. Все страны, подписавшие его, так понимали право обороны.

Немецкое военное командование нельзя судить, если оно неправильно поняло создавшееся положение. У него были достоверные сообщения относительно подготовки русских, которая не могла быть мыслима иначе, как подготовка агрессии.

18157

H1211 – 0222

H1211-0223

Сообщения эти позднее подтвердились. Когда немецкие войска нанесли удар русской армии, у немецкого командования на фронте создалось впечатление, что этот удар был нанесен по войскам, которые были подготовлены к гигантскому наступлению на Германию. Генерал Винтер в дополнение к показаниям Иодля подробно изложил этот факт и в особенности подчеркнул огромное количество новых аэродромов, расположенных близ демаркационной линии, указав на то, что в русских штабах имелись карты областей Германии. Фельдмаршал фон Рундштедт, допрошенный в комитете в качестве свидетеля, подтвердил это. Позднее этот материал будет представлен Трибуналу.

Иодль твердо верил в то, что Гитлер никогда бы не начал войны против России, если бы он не был совершенно убежден в том, что иного пути нет. Иодль знал, что Гитлеру хорошо известно, на какой риск он идет, ведя войну на два фронта, и только крайняя нужда заставила его поставить на карту, как ему тогда казалось, завоеванную победу над Англией.

Иодль лишь выполнял свои задачи офицера генерального штаба. Он был убежден и продолжает оставаться при этом убеждении и сейчас, что мы вели настоящую превентивную войну.

Наконец, пункт 10 досье касается войны против США.

То, что Иодль не хотел увеличить число наших врагов на еще одну державу мирового значения, является само собой разумеющимся фактом. Это подтверждается документами. Я ссылаюсь на немецкую стенограмму, стр. 10 894 и следующие.

Как же обстоит дело с ответственностью за эти военные кампании? Об'явление войны является вопросом внешнеполитического характера, важнейшим вопросом всей внешней политики.

Кто должен нести ответственность - политическую, уголовную, моральную - это зависит от структуры права данного го-

сударства, от того, как в соответствии с его конституцией осуществляется выражение воли во внешнеполитических вопросах. Профессор доктор Яррайс говорил об этом. В государстве, построенном по принципу фюрерства, один только фюрер принимает решение. Тот, кто дает ему советы, не может быть ответственным, ибо если то, что приказывает фюрер, правильно, то нельзя допустить, что лицо, оказавшее влияние на это решение или приказ, поступило неправильно. Устав, очевидно, считает, что люди, которые как-то содействовали принятию фюрером определенного решения или оказывали влияние на это решение, являются также ответственными. Если мы примем эту точку зрения, то главным в вопросе ответственности станет проблема полномочий.

В каждом государственном аппарате задачи его органов должны быть разграничены, должно быть известное подчинение, определяющее, что должен и чего не должен делать каждый сотрудник. Во всех государствах упорядочено отношение между военными и гражданским управлениями, в свою очередь внутри военного, как и внутри гражданского управлений разграничиваются задачи и упорядочиваются отношения между тысячами учреждений этого управления. Если бы дело обстояло иначе, царил бы полнейший хаос. Во время войны проблема разделения полномочий и функций между политическим руководством и военным командованием приобретает особую важность, ибо армия является самым значительным орудием политики. Очень часто создается опасность, состоящая в том, что помощник старается стать господином и военные учреждения начинают вмешиваться в политику. Немецкая традиция не допускала этого . Империя Бисмарка со всей последовательностью стремилась к отстранению офицеров от решения политических вопросов. Они были лишены избирательных прав. Им было запрещено посещать политические собрания, на каждое

16159

H1211-0224

H1211 – 0225

их политическое высказывание смотрели косо, потому что его ра рассматривали как поддержку какой-либо партии, что запрещалось под угрозой самых суровых наказаний. Армия должна была быть слепой в политическом отношении, должна была быть совершенно нейтральной, она должна была придерживаться лишь единственного принципа, а именно законности, т.е. подчинения законному властителю. Так в годы военной опасности 1866 и 1870 гг. не Мольтке, а Бисмарк давал советы королю в отношении того или иного политического решения . В последние годы первой мировой войны это положение изменилось. Генерал Людендорф, будучи человеком с сильной волей, при слабости своих политических противников стал самым могущественным человеком в империи. Охотно говорят о немецком милитаризме. Для того периода времени, когда солдат взял в свои руки политическую власть, - это утверждение было справедливо. Веймарская республика изменила все самым коренным образом. Начали резко подчеркивать аполитичный характер рейхсвера; военные люди снова получили свой ограниченный круг задач. Дело дошло до того, что на пост военного министра, который должен был быть политическим представителем армии в рейхстаге, было назначено гражданское лицо. Долгое время это был министр либерально-демократического направления, который всеми силами старался не допустить политического влияния генералов.

Адольф Гитлер, создавая армию (вермахт), сохранил эту резкую границу между политикой и армией; даже известным образом подчеркнул ее. Он, желавший приобщить весь народ к политике, хотел иметь армию, не имеющую никакого отношения к ней. Солдат был лишен всех политических прав. Он не мог избирать, не мог быть членом партии, даже НСДАП, пока действовал старый военный закон. Последовательно Гитлер устранил своих генералов и главных советников по военным вопросам от решения политических проблем. Он остался верен этому прин-

28160

ципу и по отношению к своей собственной партии. Когда после ухода Фрича нужно было назначить нового главнокомандующего сухопутными силами, казалось бы естественным назначить на этот пост Рейхенау, человека, настроенного в духе национал-социализма. Но Гитлер назначил Браухича. Он не хотел иметь как-то политически настроенных генералов, он не хотел иметь даже национал-социалистски настроенных генералов. Его точка зрения была следующей: он - фюрер, он-политический деятель; генералы должны заботиться о своих собственных делах, в политике же они ничего не смыслят.

Он не терпел никаких советов, если дело касалось политики. Правда, генералы неоднократно брали на себя смелость высказывать свои опасения относительно его политических планов, но при этом они должны были строго ограничиваться военными соображениями.

Это резкое разграничение политических и военных полномочий не является характерным только для Германии. Если я правильно понимаю, оно действует и в англо-саксонских демократических странах; там его придерживаются особенно строго.

Во всяком случае при Гитлере дело обстояло так: он принимал политические решения, генералы могли оказать влияние только на их проведение в жизнь с военной точки зрения. В их функции входило проведение военной подготовки, необходимой для разрешения тех или иных политических задач. Гитлер являлся тем человеком, который нажимал кнопку, чтобы машина начинала работать. "Что именно и когда именно следует делать, - решал фюрер. Они (генералы) не могли решать вопрос о целесообразности того или иного мероприятия, о политических возможностях или допустимости в правовом отношении.

Психологически этот принцип фюрера все более и более обострялся в силу того едва уловимого недоверия, которое он питал к своим генералам. Это странное явление и тот, кто его

H1211 - 0226

H1211 - 0227

не учитывает, никогда не поймет атмосферы, создавшейся в главной ставке фюрера. Это было недоверие к офицерскому корпусу, который, как считал Гитлер, был реакционно настроен. Он никогда не забывал того, что в 1923 г. Рейхсвер стрелял в национал-социалистов. Это было естественное недоверие диллетанта в военных вопросах, который все же хотел быть стратегом, к военным специалистам и ,пожалуй,также недоверие политического деятеля к диллетантам в политических вопросах, одетым в офицерский мундир.

Это недоверие к умению военных людей, окружавших его, разбираться в политической обстановке ни в коем случае не было совсем уж необоснованным. Именно генералы хотели остановить его в его планах вооружения. Они хотели удержать его от занятия Рейнской области, они высказывали опасения относительно вступления в Австрию, относительно занятия Судетской области. И, несмотря на это, все эти мероприятия прошли успешно, без кровопролития. Генералам казалось, что они идут на риск, а Гитлер был уверен в успехе. Разве после этого можно удивляться тому, что политические суждения не имели особого веса для Гитлера, и тому, что его видимая безошибочность в политических суждениях получала все большее и большее признание?

Гитлер не терпел вмешательства в свои политические планы. Результатом явилось то, о чем здесь уже говорили: если генерал высказывал сомнения относительно политических решений Гитлера, его, правда, не расстреливали, но начинали сомневаться в его умственных способностях.

Выслушивать советы вообще не входило в планы этого ~~самого~~ властолюбивого человека. Так, например, перед началом

20162

какой-либо военной операции план этой операции почти никогда не обсуждался на общих совещаниях. С 1938 г. ни одно важное решение не было принято в результате обсуждения его. Наоборот, часто решения Гитлера казались военному командованию совершенно неожиданными. Так, например, о решении относительно вступления в Австрию Йодль узнал за 2 дня до начала этой операции. Более того, решение о наступлении на Югославию было принято Гитлером за несколько дней и проведено в жизнь без всякой подготовки. Так называемые "совещания" у фюрера, ход которых наглядно описал свидетель фельдмаршал Мильх, были ничем иным, как сообщениями приказов. Само собой разумеется, что и внутри военного ведомства полномочия отдельных учреждений были строго разграничены. Интересен метод, который применялся Гитлером, чтобы сделать эти границы по возможности непреодолимыми. Это был метод соблюдения секретности. О нем здесь уже много говорилось, в особенности в связи с так называемым "приказом о шорах", который запрещал каждому вмешиваться даже поверхностно в работу другого. Так дело дошло до того, что каждое учреждение постепенно изолировалось и ограничивалось только лишь своим кругом задач. Очевидно, Гитлер хотел этой системой добиться такого положения, при котором он один получал бы информации и, будучи единственным осведомленным лицом, держал бы все в своих руках.

Более того, он укреплял эту систему, часто натравливал друг на друга отдельных лиц, целые группы и учреждения для того, чтобы предотвратить сговор или создание какого-либо заговора между ними.

Господин председатель, я как раз подошел к соответствующему абзацу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас мы об'явим перерыв.

(Перерыв на 10 минут)

26163

H1211-0228

H1211-0229

Встать! Суд идет!

Методы изоляции, о которых я говорил, интересны потому, что они должны были притти в противоречие с основным принципом национал-социализма, с принципом фюрерства, и даже проникли в последний. Так, например, обстояло дело, когда на одну и ту же территорию распространялись полномочия двух учреждений, скажем, полномочия главноначальствующего в оккупированной области и полномочия Гиммлера. То, что приказывал один, не должно было касаться другого, несмотря на то, что выполнение этого приказа нарушало, может быть, порядок, за который ответственным был как раз другой. Таким образом, можно сказать, что главноначальствующий в оккупационной области не являлся господином в ней. То же самое имело место и в гражданском управлении: наряду с ландратом - представителем государства - существовал крейслейтер, представитель от партии: имперский наместник, с одной стороны, и гаулейтер, - с другой. Повсюду двоевластие, приводившее к расщеплению полномочий. К этому и сводился весь метод, он не допускал чрезмерного укрепления власти подчиненных органов и гарантировал власть высшему руководству. Подчеркивая это положение, можно сказать, что принцип фюрерства нашел свое полное выражение только лишь в самом фюрере.

Как же обстоит дело с полномочиями Иодля во всем этом водовороте?

Он был начальником штаба оперативного руководства вооруженных сил, этот штаб являлся управлением ОКВ, которое, в свою очередь, подчинялось Кейтелю. Главная задача Иодля, как показывает название его управления, состояла в оказании помощи верховному главнокомандующему в деле оперативного руководства вооруженными силами. Он был советником фюрера по всем оперативным вопросам в известном смысле, следователь-

но,—начальником генерального штаба вооруженных сил. Задачей этого начальника генерального штаба во всех странах, которые имеют подобную организацию, является не издание приказов, а консультация, помощь и выполнение принятых решений. Уже только из этого следует, что положение Иодля часто понимали на этом процессе неправильно.

1) Он не был начальником штаба Кейтеля, он был начальником важнейшего управления ОКВ, но не имел никакого отношения к остальным учреждениям и отделам ОКВ.

Сейчас я хочу несколько отступить от написанного текста речи. Иодль не был заместителем Кейтеля. В Берлине Кейтеля замещал самый старший из начальников управлений. Это был адмирал Канарис. В главной ставке фюрера находился только штаб оперативного руководства, о деятельности которого Иодль докладывал непосредственно фюреру. К другим управлениям ОКВ он не имел никакого отношения.

2. Направильным является также и то, что Иодль в обвинительном заключении именуется главнокомандующим в той или иной кампании. Он не имел права приказывать, не говоря уже о том, что он не был полководцем.

3. Неправильным является далее неоднократно повторяемое здесь утверждение о том, что на совещании 23 мая 1939 года Варлимонт присутствовал, как "представитель" Иодля, как его помощник. Варлимонт работал в ОКВ, Иодль в октябре 1938 года ушел из ОКВ и в мае 1939 года уже не имел никакого отношения к Варлимонту.

Какой же вывод следует сделать из всего этого относительно ответственности Иодля за действительные и мнимые агрессивные войны?

16165

H1211 – 0230

H1211 - 0231

Если говорить вообще, к ответственности можно привлекать только за то, что было совершено с сознанием своей виновности, и зная, что этого не следовало делать, и за то, что не было сделано с сознанием виновности и зная, что это следовало сделать. Вопрос о том, что следует или чего не следует делать офицеру или чиновнику, является вопросом полномочий. Таким образом, именно здесь проблема полномочий для нас приобретает особое значение. Рассмотрим ее более подробно.

Йодлю пред'является обвинение в том, что он планировал и готовил войны, которые противоречили нормам международного права. Это обвинение справедливо лишь в том случае, если в его функции входила проверка правомерности поставленных перед ним задач, например, подготовки какой-то войны, и если его участие в их выполнении определялось результатом этой проверки. Ничего подобного не было. Вопрос о том, следует вести войну или нет, является вопросом политическим и он должен решаться политическими деятелями. Единственно лишь вопрос о том, как вести войну, является вопросом, подлежащим разрешению военных. Военные могут высказать свою точку зрения о том, что в виду численности войск противника война слишком рискованна, что ее нельзя начинать в данное время года. Но окончательное решение принадлежит политическим деятелям.

Я мог бы еще себе представить, что начальник штаба оперативного руководства виновен, по крайней мере, морально, в развязывании агрессивной войны, если бы он в решающем месте подстрекал к войне или, указывая на военное превосходство своих войск, советовал политическому руководству использовать

момент для проведения в жизнь крупных завоевательных планов. В таком случае его можно бы было назвать соучастником, так как он, выходя за границы своих военных задач, вмешался в политику с целью провокации войны. Если же он в соответствии с независящим от него решением политического руководства о начале войны составляет проекты планов этой войны и выполняет их, то он не делает ничего иного, как только выполняет свой естественный долг.

Следует подумать, какие необычайные выводы можно сделать, если стать на противоположную точку зрения: соответствующая инстанция об'являет войну, начальник же генерального штаба, который считает ее противной нормам международного права, отказывается принимать в ней участие. Или если взять другой случай: начальник генерального штаба, к счастью, придерживается той же точки зрения, что и глава государства, но один из его полководцев возражает и отказывается от выступления, а другой сомневается и должен сначала все как следует обдумать.

11167

H1211 - 0232

H1211-0233

Допустима ли тогда вообще война,будь она войной оборонительной или агрессивной? Подобное толкование права могло бы привести в будущем к результатам,за которые нельзя было бы отвечать.Комитет безопасности об'единенных наций принял решение сформировать мировую полицию,задачей которой должна явиться защита мира во всем мире против агрессии.Высказывались соображения относительно создания мирового генерального штаба, который должен был бы планировать ведение войны с агрессией и руководить ею.Теперь представим себе следующее:комитет безопасности принимает решение вести такую репрессалью войну,начальник же генерального штаба возражает: по его мнению,никакой агрессии нет.Не будет ли тогда весь аппарат безопасности зависеть от суб'ективной точки зрения отдельной личности,к тому же не занимающейся политикой ?Не превратится ли он тогда вообще во что-то иллюзорное ?

Между прочим,следует заметить,если бы эта точка зрения восторжествовала,кто бы из порядочных людей решался стать офицером,так как,достигнув высокого поста,он рисковал в случае поражения оказаться перед судом за преступление против мира?

Впрочем,уже по чисто фактическим соображениям совершенно бессмысленно возлагать на генерала обязанность рассмотрения вопроса,насколько та или иная война правомерна.Генерал лишь в редком случае сможет правильно определить,нарушило ли государство,против которого он должен выступить,свой нейтралитет и следует или нет ожидать с его стороны агрессии.И далее,понятие агрессивной и противозаконной войны,как об этом уже говорил профессор Яррайс,еще не совсем ясно определенно практикам и теоретикам международного права и является спорным.Так должен ли генерал,стоящий далеко от всех этих толкований, взять на себя обязанность проверки этих вопросов с юридической точки зрения ?

18168

Но если бы даже он и признал войну противоречащей нормам права, то ~~легко~~ легко представить себе то трагическое положение, в котором может оказаться генерал. С одной стороны, его прямой долг по отношению к своему государству, особо подкрепленный им, как солдатом, присягой, с другой стороны, - долг не поддерживать агрессивной войны, который принуждает его к государственной измене, дезертирству и нарушению присяги. Так или иначе он должен превратиться в мученика.

В действительности же положение вещей таково: до тех пор, пока не существует надгосударственной власти, которая беспристрастно определяла бы обязанности отдельных лиц в каждом конкретном случае, до тех пор, пока не существует надгосударственной силы, которая могла бы защитить человека, исполнившего свой долг, от наказания за государственную измену и дезертирство, - офицер не должен нести уголовной ответственности за нарушение мира. Между прочим, здесь следует указать на одно противоречие: с одной стороны, Обвинение инкриминирует генералам, что они были не просто солдатами, а политиками, с другой стороны, - оно требует от них, чтобы они выступали против политического руководства, саботировали решения последнего; короче говоря, требует, чтобы они были не просто солдатами, но и политиканами.

Впрочем, обвинители признают это в некоторой степени. Они говорят, генералов хотят наказать не за то, что они вели войну - в конце концов, это их задача, - их обвиняют в том, что они способствовали развязыванию войны.

В качестве второго аргумента, к которому здесь неоднократно возвращались, приводится следующий: без генералов, которые были помощниками Гитлера, он не мог бы вести войн. Это обстоятельство делает генералов также виновными. Эта аргументация противоречит сама себе. Так как содействие, оказываемое генералами Гитлера, заключалось в планировании и осуществлении военных операций, то-

26169

H1211-0234

H1211-0235

есть в ведении войны, то, по мнению самих обвинителей, они не могут нести уголовно-правовую ответственность.

Рассмотрим этот вопрос более подробно: утверждают, что Йодль способствовал делу развязывания войн. Он не принимал участия в развязывании войны с Польшей, это было уже в полной мере доказано. А ведь как раз эта война была походом, который со стратегической необходимостью повлек за собой все остальное.

Впрочем, нет никакой надобности расследовать предисторию отдельных войн, чтобы после всего того, что мы теперь знаем, быть в состоянии сказать следующее: это утверждение таит в себе чудовищное преувеличение власти Йодля в гитлеровском государстве. Он не мог оказывать какое-либо влияние на вынесение решений об об'явлении войны. К советам генералов как раз в этом пункте не прислушивались. Самое большее, они могли выступать с соображениями чисто военного порядка. Норвежская кампания является единственной из всех кампаний, провести которую военный лидер советовал фюреру как стратегическую необходимость. Но этим военным лидером был не Йодль. Что касается Йодля, то утверждение, что он способствовал делу развязывания войн, не имеет под собой никакой почвы. Покажите протокол, записи совещаний или какой-нибудь другой документ, из которого можно было бы увидеть, что Йодль подстрекал к войне или рекомендовал принять решение об об'явлении войны. Здесь в ход пускается его речь, произнесенная перед гаулейтерами. Йодль, оглядываясь назад, показывает в ней, как развивались события. Так, например, там говорится, как в результате присоединения Австрии были облегчены условия наступления на Чехословакию, как с помощью занятия Чехословакии были облегчены условия наступления на Польшу. Надо быть плохим психологом для того, чтобы делать из этого вывод, что с самого начала существовал общий план проведения всех этих кампаний. Если я покупаю себе какую-нибудь книгу и прочитанное мною

16170

обращает мое внимание на какую-нибудь другую книгу,после чего я покупаю и эту последнюю,то разве можно сделать из этого вывод,что,покупая первую книгу,я уже имел намерение купить и вторую?Если у Гитлера с самого начала и существовали самые широкие планы,то Иодль их никогда не знал,я уже не говорю,не одобрял. Его чисто оборонительный план выступления в 1938 г. сам по себе является вполне достаточным ~~свидетельством~~ доказательством этому.

Конечно, всякий раз,когда принималось решение относительно проведения военной кампании,он,со своей стороны, делал все для его успешного выполнения. Его пособническая деятельность ограничивается тем,что имеется в виду во втором из вышеупомянутых аргументов.

Правильно,без своих генералов Гитлер не мог бы вести войн.Но лишь профан мог бы построить на этом утверждение об их ответственности.Если генералы не делают своего дела,то войны не может быть; но здесь следует добавить: если пехотинец не марширует,если его ружье не стреляет,если ему нечего есть и одевать, то войны также не может быть.Следует ли поэтому считать солдата,оружейника,сапожника,крестьянина также виновными в войне?В основе этого документа лежит смешение понятий виновности и причинности.Все эти лица и многие другие эффективно помогали ведению войны.Но можно ли считать их за это виновными?Разве Генри Форд причастен к тысячам несчастных случаев,которые ежегодно происходят из-за его автомобилей ? Если мы ответим на этот вопрос утвердительно,то это еще не значит,что мы также утвердительно отвечаем и на вопрос о виновности.Обвинение даже и не задает этого вопроса.К вопросу о виновности я возвращусь позднее.Здесь же следует предпослать следующее:

Преступное участие в планировании и ведении агрессивной войны определяется двумя моментами :

26171

H1211 – 0236

H1211-0237

1) Данное виновное лицо знало,что эта война является агрессивной войной,противоречащей нормам международного права.

2) Зная это,оно было обязано отказаться от участия в ней.

Последнее близко подходит к вышесказанному.

Йодль,в силу своего положения,был обязан составлять проекты планов;применялись ли они или не применялись,это от него не зависело.Характерно то,что Йодль разработал целый ряд планов выступления,которые не были претворены в жизнь. Все работы генерального штаба составляются на случай возможной войны,то-есть на тот случай,когда политическое руководство "нажмет на кнопку".Часто политическое руководство делало это, часто не делало.

Но это уже не было делом офицера генерального штаба.

Другим моментов пред'явления обвинения является следующее обстоятельство:Данное лицо должно признать эту войну агрессивной.Таким образом, речь идет о том,как оно представляло себе положение вещей.Каким оно было в действительности, - это интересует историка.Специалиста по уголовному праву интересует, какие сведения имел Йодль о поведении противника?Можно ли было из этих сообщений заключить,что противник действует в нарушение своего нейтралитета,что он готовит агрессию,и т.д. ?

Решающим является не то ,были ли эти сообщения правильны. Важным является то,считал ли их Йодль правильными.Я должен это подчеркнуть,поскольку здесь в суде было заявлено:

"Была ли война агрессивной, - это решает Трибунал."

Само собой разумеется,это правильно,так как,если Трибунал не признает войну агрессивной,то с самого начала отпадет вопрос об осуждении за ведение агрессивной войны.Если Трибунал решит,что война была развязана действительно противозаконно, то тем самым не дается еще положительного ответа на вопрос о том,чья это вина.Если кто-нибудь забирает чужие часы,думая, что эти часы его собственные,то он еще не вор.Здесь не суще-

ствует вины,так как,будь это действительно его часы,~~то~~ он не подлежал бы наказанию.Так что,если Иодль предполагал наличие фактов,которые, - если бы они на самом деле имели место,-сделали бы войну допустимой с правовой точки зрения,то вопрос об осуждении его за преступления против мира отпадает.

Обвинители неоднократно задавали генералам иронический вопрос: каким образом может быть совместимо с кодексом чести офицера то обстоятельство,что они оказывали содействие ведению войны,которую они признавали незаконной.[2]

Предположим,что Иодль был убежден в том,что война является незаконной и,побуждаемый причинами,подсказанными ему его совестью,он отказался бы делать свое дело.Какая разница была бы тогда между ним и солдатом,который на поле битвы бросает свое оружие и бежит ? Оба заслуживали бы смерть за отказ от повиновения во время войны.Правда,я знаю,что Соединенные Штаты достаточно великодушны,чтобы воздавать должное уважение солдату, который по религиозным причинам отказывается стать под ружье, и обращаться с ним в этом случае не так,как мы.Однако не может быть подобного отношения к тому,кто,руководствуясь принципами международного права,не желает принимать участия в войне,решение о начале которой принято политическим руководством. Такому бы человеку возразили:это не его дело,это не дело его совести проверять вопрос о допустимости той или иной войны, - это обязанность соответствующих инстанций.Согласно континентальному праву,такая мотивировка отказа в повиновении не подлежит никакой дискуссии.

Впрочем,в том ироническом вопросе,который задавался генералам,я вижу только лишь попытку морально унизить их,а отнюдь не обвинение,имеющее отношение к данному процессу.Международный Военный Трибунал не является судом чести,разбирающим вопросы

16173

H1211-0238

H1211-0239

поведения,оскорбительные для чести того или иного подсудимого. Международный Военный Трибунал является уголовным судом,который должен судить за определенные действия,признанные Уставом наказуемыми.Мне кажется,что обвинители все время упускают из виду этот момент.

Прежде чем перейти к последнему - 11-му пункту английского и американского досье - к военным преступлениям и преступлениям против человечности,- я должен сказать еще несколько слов.

Я выпускаю страницы 70-ю и 71-ю и начинаю с 72-й сверху.

Мы должны опять заняться следующим вопросом:каков был круг компетенции Иодля,как начальника штаба оперативного руководства вооруженных сил ?

Как мы знаем, Иодль прежде всего был советником фюрера по вопросам оперативного руководства вооруженными силами.Его штаб,наряду с оперативными управлениями трех частей вооруженных сил,имел также и другие управления.Когда зимой 1941-1942 г.г. оперативные задачи очень сильно возросли,произошло разделение работы между начальником ОКВ и Иодлем,после чего Иодль должен был заниматься военно-оперативными вопросами и составлением военных сводок;начальник же ОКВ вместе с управлением квартирмейстера и организационным управлением занимался всеми остальными вопросами.Из всего этого следует: Иодль не имел никакого отношения к военнопленным,которыми занимался особый отдел ОКВ; он не имел никакого отношения к администрации оккупированных областей,ни к заложникам,ни к массовой депортации.Иодль не имел ничего общего с полицейскими задачами в зоне операций или в тыловых районах армии.Штаб оперативного руководства вооруженных сил не имел права издавать приказы,однако,существует много приказов,которые Иодль или подписал"по поручению" или завизировал своим инициалом "И" (Иот).

Сейчас мы должны рассмотреть эти приказы и тот вопрос, кто является ответственным за них.

1874

1) Это - приказы, которые начинаются словами: "Фюрер приказал..." и которые подписаны Йодлем или подписаны Кейтелем и завизированы Йодлем. Это - отданные фюрером устно Йодлю с поручением оформить их письменно и обработать стилистически. что касается вопроса об ответственности за них, то в принципе Йодль ответственен за них так же, как и за приказы, подписанные непосредственно Гитлером. Для установления ответственности следует поставить следующий вопрос: какова была задача человека, которому было отдано такое поручение, что он должен был делать, что было его правом и долгом ?

Если содержание того или иного распоряжения было по всем существенным пунктам уже определено, то задача Йодля была чисто формальной: он должен был сформулировать то, что было уже решено, придать этому обычную форму военного приказа, не имея при этом права изменять что-либо в содержании. Нельзя оставить без внимания тот факт, что наказуемый момент приказа может заключаться лишь в его содержании; подчиненный же как раз не имел никакого влияния на это содержание. Причины, не позволяющие возлагать на него ответственность, заключаются не в самом приказе начальника действовать так-то, а в отсутствии у подчиненного права изменить что-либо в этом приказе. Если Обвинение усматривает в факте формулировки приказа наказуемое содействие, то с этим нельзя согласиться, во-первых, потому, что это приказ фюрера, который создает право и участие в составлении которого не может быть наказуемым действием. Но, если это даже и не признавать и рассматривать приказ фюрера, как противозаконный и наказуемый, все-таки нельзя уйти от того факта, что в задачу Йодля не входило проверять его правомерность, в его задачу входило лишь правильное оформление приказа, т.е. в соответствии с волею приказавшего. Если он делал это, и только это, то он не

16175

H1211-0240

H1211 – 0241

может нести ответственности за них.Начальник,по сути дела, сам отдал приказ,подчиненный лишь сформулировал его.

Я выпускаю все до предпоследней строки на этой странице.

Конечно,нужно различать,кому дается подобное поручение- записать приказ - писарю или генералу.У последнего есть,если не юридический,то моральный долг высказать начальнику свои соображения.Иодль это делал постоянно;это было,по крайней мере, одним из его различнейших методов предотвращения беззакония,о чем будет итти речь позднее.

Во-вторых,очень часто Иодль подписывал приказы,ставя перед подписью буквы "I. A.", что значит "По поручению", или визировал приказы,подписанные Кейтелем,ставя свой инициал"И". Как обстоит дело с ответственностью за эти приказы?Здесь мы должны различать ~~между~~ военную и уголовно-правовую ответственность.В военном отношении за приказ отвечает начальник,по поручению которого этот приказ был подписан.Уголовное право акцентирует внимание на действительно виновном,а не на ответственном с военной точки зрения.В большинстве случаев тот,кто проставляет свои инициалы,или тот, кто подписывает"по поручению",является автором документа.Возможно,что именно он несет уголовно-правовую ответственность,хотя с военной точки зрения он и не ответственен за них.

Поэтому в каждом отдельном случае следует установить фактическое участие обоих подписавших и после этого уже решать вопрос о виновности.

В-третьих,если Иодль проставлял свой инициал не справа под последним словом документа,а на первой странице справа наверху,то это значит,что этот документ был представлен ему лишь для ознакомления.Но это еще не говорит,что он действительно читал этот документ и одобрил его.Проставление инициалов само по себе не возлагает на человека,таким образом завизи-

ровавшего данный приказ,какую-либо уголовно-правовую ответственность за его содержание.

В-четвертых, в качестве уличающих документов по делу Иодля были представлены отдельные записи Иодля,так называемые"Заметки к докладу",а также замечания,сделанные им от руки на планах (и других документах.Как могут быть расценены с юридической точки зрения такого рода замечания и записи ?

Останавливаясь на плане "Грюн" в связи с предложением при случае устроить инцидент,я показал,что эти заметки к докладу содержат соображения,донесения о фактическом положении дел, мнение автора или других лиц и т.п.Это не приказ,это лишь материал,на основании которого начальник может придти к решению,будет он издавать приказ или нет, и если да,то какой именно. До тех пор,пока эти записи остаются в таком виде,они представляют собой документ,лишенный всякого значения с международно-правовой точки зрения,документ,который не может означать никакого нарушения законов и обычаев войны,что,согласно статье 6-й "б" Устава,составляет предпосылку для наказания.

То же самое можно сказать и о замечаниях на полях,которых очень много в документах ОКВ.Это-замечания следующего характера: "да", "нет" или "это невозможно" и т.д.

Такие заметки к докладу или замечания на полях могут все же приобрести юридическое значение.Если в них содержится какое-либо предложение,противоречащее положениям международного права,и если это предложение повлияло на решение начальника таким образом, что он издал приказ подобного же содержания,то в определенных случаях эти записи могли бы служить доказательством соучастия автора их в международном деликте.Если же такой приказ не издается совсем или же приказ издается,но он противоречит этому предложению,то это предложение остается

26177

H1211-0242

H1211-0243

невыполненным,оно остается частным делом,ненаказуемым при всех обстоятельствах.Далее,такие заметки и замечания на полях выдают настроение автора.Из них можно заключить,настроен он миролюбиво по отношению к другим народам или он не считается с соображениями,которые вытекают из положений международного права.Для оценки его личности этот момент может иногда иметь важное значение.Но за убеждения и настроения мы не наказываем. Намерение совершить убийство бросает плохой свет на данный суб'ект,но оно ненаказуемо.Конечно,при оценке таких замечаний следует быть осторожным: очень часто эти замечания делаются весьма небрежно,без особого раздумывания над ними,расчитаны на то,что их будет читать определенное лицо, и т.д.Если мы все это примем во внимание,то уже с самого начала отпадают отдельные моменты обвинения,выдвинутые против Йодля:

1)Отпадает вопрос о виновности Йодля в вопросе относительно летчиков,совершавших бреющие полеты (ПС-731, ПС-735). Было предложение отдавать летчиков,действительно преступным образом все чаще и чаще растреливавших гражданское население с бреющего полета,на самосуд народа.Йодль был против этой мысли,так как она должна была привести к массовому убийству всех летчиков,выбросившихся с парашютом.В форме замечаний на полях Йодль выставлял свои возражения.Так,ему удалось саботировать приказ. Командование вооруженными силами так никогда и не издало подобного приказа.Это следует приписать Йодлю как заслугу.Но,очевидно,к нему имеются претензии за то,что он не нашел слов морального возмущения отказаться от выполнения этого приказа.При тогдашнем положении это,вероятно,было бы нецелесообразно.Во всяком случае,здесь никакого преступного деяния нет.

2) Приказ о комиссарах, (ПС-884).На этом ужасном проекте приказа,а это был еще только проект,составленном еще до начала

26178

войны с Россией,Йодль сделал следующее замечание: Этот приказ вызовет месть по отношению к нашим солдатам,лучше представить все это дело как репрессалии,то-есть выждать,как комиссары будут себя вести на самом деле,чтобы затем в случае необходимости принять соответствующие контрмеры.Ему не ставится в заслугу тот факт,что он выступал против этого приказа,но его обвиняют в том,как он это сделал.С юридической точки зрения все это не имеет значения.В последующее время Йодль больше не занимался этим вопросом.Он даже не знал ничего о том ,как были приняты его возражения.

3) Женевская конвенция (Д-606).По этому вопросу Йодль пред'явил Гитлеру не только заметки к докладу,но и очень подробное заключение,так как он ни за что не хотел допустить осуществления планов последнего,предусматривающих расторжение конвенции.Йодль привел все доводы против расторжения и успокоил Гитлера словами,что и без расторжения конвенции можно не выполнять ее отдельных положений.Это-тоже не уголовно-наказуемое деяние,а в крайнем случае оно свидетельствует лишь о настроении,идущем вразрез с нормами международного права.Вернее говоря,это так кажется.В действительности это было ничто иное, как испытанная тактика,преследуемая с целью заставить Гитлера отказаться от его позорного плана.Конвенция не была расторгнута. Йодлю ставят в вину аморальность его аргументации.Но тут не учитывают того,что Йодль,имея 5-ти летний опыт работы со своим начальником,лучше чем мы знал,какими аргументами можно было убедить его.

4)Приказ о Ленинграде (Ц-123).

7 октября 1941 г.Йодль сообщил командующему сухопутными силами, - и это было ничем иным,как сообщением, -что Гитлер повторил уже ранее изданный им приказ,согласно которому воспре-

10179

H1211-0244

H1211 – 0245

щалось принимать предложения о капитуляции ~~в~~ Москвы, ~~и~~ Ленинграда. Однако такое предложение никогда не делалось, поэтому и приказ вообще не мог быть выполнен. Все это дело осталось только на бумаге и уже поэтому не может служить поводом для обвинения в нарушении международного права. Самое большее, - оно может рассматриваться как нечто характерное для взглядов его автора, но не инкриминироваться как наказуемое действие.

Для выяснения этого дела необходимо, однако, добавить:

В своем письме Иодль изложил бесспорно тяжелое положение, которое побудило Гитлера издать этот приказ:

а) Если бы предложение о капитуляции было сделано, это была бы только проформа. Ленинград был заминирован, его защищали бы до последнего человека, как об этом уже ранее заявляло русское радио. Печальный опыт, приобретенный в Киеве, Одессе и Харькове, где наблюдались планомерно подготовленные взрывы мин замедленного действия, показал германскому командованию, что таких ошибок не следует допускать.

б) К тому же существовала серьезная опасность возникновения эпидемий, которая стала бы реальной, если бы эти города действительно капитулировали. Уже только поэтому немецкие войска ~~ими~~ не должны были вступать в город.

Таким образом, принятие предложения о капитуляции с технической точки зрения было вообще неосуществимо.

в) Далее необходимо учесть то, что для немецких войск было просто невозможно взять на себя дополнительное снабжение продовольствием полуголодного миллионного населения города. Железнодорожные пути еще не были перешиты на немецкую колею, даже снабжение собственных войск представляло собой большие трудности. Наконец, существовала военная опасность в проведении операций немецких войск, на которую фельдмаршал Лееб жаловался подсудимому Кейтелю.

16180

Все это привело к тому,что население городов,пытавшееся бежать,не пропускали через линию фронта на запад и юг,направляя его на восток.Поэтому и было дано распоряжение оставлять проходы на восточном участке линии фронта.

В военные соображения не входили планы Гитлера относительно использования им стесненной в военно-техническом отношении обстановки для осуществления его замыслов на Востоке, которые не имели ничего общего с самим приказом.Важно установить,диктовался этот приказ военной необходимостью или нет. Да, он действительно был вызван вышеизложенными обстоятельствами. Был ли этот приказ повторно передан Йодлем или нет,это не могло изменить положения.

Далее я хочу остановиться на отдельных военных преступлениях,которые ставятся Йодлю в вину:

а) Приказ о "командос".

Два приказа,от начала до конца составленные Гитлером и подписанные им 18 октября 1942 года,сыграли на процессе особую роль:так называемый приказ войскам о"командос"(ПС-498) и приказ командующим,идущий в дополнение к первому приказу (ПС-503) и раз'ясняющий его.

Эти приказы по своему содержанию находятся вне поля деятельности Йодля.Йодль должен был заняться этими вопросами по особой причине: эти приказы являлись инструктивными распоряжениями к приказу,изданному Гитлером за 11 дней до этого, также лично им составленному и опубликованному в виде приложения к оперативной сводке от 7 октября 1942 года.Обычно Йодль составлял эту оперативную сводку.Он же должен был составить дополнение о предистории приказа,который Гитлер приказал поместить в качестве заключения в конце сводки.Затем Гитлер поручил ему составить проекты.Йодль этого не сделал; он даже не предложил на утверждение Гитлеру проекта,составлен-

16181

H1211-0246

H1211 – 0247

ного его штабом по его собственной инициативе.Наоборот, он просил передать Гитлеру,с которым он тогда находился в весьма натянутых отношениях,что он не в состоянии выполнить его требование.Тогда Гитлер сам составил эти два приказа.

Йодлю вменяются в вину два обстоятельства:

Он передал по инстанции составленные Гитлером приказы - распоряжением и на втором приказе,являющемся инструктивным (к первому и адресованном командующим,он поставил гриф секретности.

Этот приказ явился результатом того возмущения,которое вызвали у Гитлера два фактора,ознаменовавшие собою обострение военных действий и отмеченные почти одновременно осенью 1942 г.Первым фактором был роковой успех прекрасно вооруженных диверсионных групп,высаживавшихся с моря или спрыгивавших с парашютами.Вторым фактором было особое ожесточение методов боевых действий противника,который действовал поодиночке или небольшими группами.

Йодль,давая свидетельские показания,описал,как выглядели эти методы,судя по донесениям и аэрофотоснимкам частей.Практика показала,что применялись методы,представлявшие собой нарушение всех солдатских обычаев;особенно характерны они были для диверсионных групп.Гитлер хотел нанести удар по этим несолдатским методам войны и прекратить диверсионную деятельность,столь опасную для немецкой армии.Однако он знал,что диверсия,совершенная обычными солдатами,не могла быть осуждена с точки зрения международного права.

Таким образом,первый приказ Гитлера,тот самый,который был помещен в оперативной сводке,можно об'яснить очень просто: нечего церемониться с солдатами противника,которые действуют в составе диверсионных групп и ведут себя как "бандиты",т.е. своими действиями ставят себя в положение,когда солдатские обычаи к ним не применимы.

16182

Инструкция должна была бы уточнить понятие "солдатские обычаи". Но инструкция Гитлера не дает такого уточнения, она вообще не содержит точных определений, что позволяло применять приказ в духе его основной идеи, которая, безусловно, справедлива, и не применять его, если возникали сомнения относительно того, с кем имеешь дело - с "бандитами" или нет.

Судя по всем донесениям о действиях противника, Йодль считал понятной основную тенденцию приказа Гитлера, опубликованного в сводке верховного командования вооруженных сил. Приказ Гитлера о "командос" от 18.10.42г., являвшийся в некоторых своих пунктах не совсем ясным, он считал частично приемлемым, частично вызывавшим сомнения с точки зрения норм международного права. Сегодня он знает так же мало, как и тогда, в какой степени этот приказ противоречил нормам международного права и противоречил ли он им вообще. Ясно лишь, что неточная формулировка приказа дала командующим возможность применять его только по отношению к людям, которые просто нарушали солдатские обычаи.

Йодль надеялся, что приказ будет применяться именно так и, насколько мог, способствовал этому, что следует из представления доказательств. По мере сил, он содействовал тому, чтобы применение на практике приказа о "командос" оставалось в пределах безусловно допустимого. Он заботился о том, чтобы в некоторых районах, например, в большей части Италии, - этот приказ совсем не применялся, поскольку Гитлер вообще указал районы, где он должен был применяться (ПС-551).

Требование Йодля о сохранении приказа в тайне истолковано как признак сознания Йодлем своей вины. На самом деле для сохранения приказа в тайне имелись важные причины другого порядка. Противник не должен был знать, какой большой ущерб наносили его диверсионные группы, действовавшие бандитскими

1.1183

H1211-0248

H1211 – 0249

методами.Поэтому было дано особое указание о соблюдении секретности только в отношении приказа ПС-503,в котором содержатся сведения о причиненном нам ущербе,в то время как основной приказ,помещенный в оперативную сводку,стал известен всеми миру.Правда,Йодль дал указание о хранении второго приказа,изданного с целью раз'яснения первого,в тайне еще и по другой причине.Он не хотел,чтобы стала известной заключительная его часть,согласно которой пленённых участников диверсионных команд после их допроса надлежало расстреливать. Независимо от того,соответствовало это нормам международного права или нет,исходя из гуманных соображений ,ему казалось недопустимым лишать бойцов,действовавших вопреки солдатским обычаям,защиты Женевской конвенции.Йодль надеялся,что в каждом конкретном отдельном случае сумеют,правильно истолковав приказ, избежать бесчеловечных поступков.А те,кого это не касалось,не должны были ничего знать о нем.

Основной принцип,от которого нельзя было отступать на практике,соответствовал нормам международного права,которое берет под свою защиту только людей,воюющих по-солдатски.В этом как раз и состоит общая тенденция военного права,имеющая в виду рыцарские методы борьбы.На самом деле нужно было что-то предпринять,чтобы сделать для противника рискованным применение таких диких методов.В отношении диверсионных групп,которые действовали по-солдатски,совершенно нечего сказать.Нужно было добиться только того,чтобы противник отказался от тех методов,которые в корне противоречили нормам международного права.

В остальном необходимо подчеркнуть следующее:рассылка приказа не является основанием для того,чтобы считать лицо, разославшее приказ,ответственным за его содержание.Здесь дело обстояло не так,как в других случаях,когда Йодль советовал

7618Ч

издать такой-то приказ или сам составлял его.Наоборот: данный приказ Йодль отказался составить.Выполняя указание начальства,он только разослал его обычным порядком.Он не должен быть наказан не потому,или лучше сказать, не только потому,что ему было дано указание разослать приказ по инстанциям,но еще и потому,что он не имел права изменять его. Проверка его содержания выходила за пределы его компетенции. Его функция была чисто технической,независящей от содержания документа.Теоретически он даже не был обязан читать его. Предположим,что Гитлер,подписав этот приказ,сказал бы какому-нибудь лейтенанту,чтобы он передал его по телефону командующим.Входило ли бы тогда в права и обязанности этого лейтенанта проверять содержание документа с точки зрения соответствия его правовым нормам и мог бы он сказать: "Я этого не сделаю" или "сначала надо просмотреть Гаагские правила ведения сухопутной войны,чтобы убедиться в том, вправе ли я это сделать?" Так можно притти к самым неожиданным заключениям.А в данном случае генерал-полковник являлся ничем иным ,как курьером,который передавал то,что ему вручили.

Характерным для понимания военной ситуации является ответ Йодля на мой вопрос,гласивший: что бы произошло,если бы он отказался от передачи приказа. "Тогда бы меня немедленно убрали и были бы совершенно правы."

б)Борьба с партизанскими бандами.

Что касается борьбы с партизанскими бандами,то можно бы было только в двух случаях выдвинуть обвинение против Йодля:...

РУДЕНКО. Господин председатель,защитник называет бандами патриотическое движение,охватившее,как известно,миллионы патриотов,восставших на борьбу с поработителями - немецко-фашистскими захватчиками.Я считаю,что такое выражение защитника следует расценивать,как оскорбительный выпад против ~~пар-~~

10285

H1211 – 0250

H1211 – 0251

партизан,внесших огромный вклад в дело разгрома гитлеровских захватчиков,и я заявляю в связи с этим протест.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Возражение,как видимо,основано на неправильном употреблении русского слова,которого я,конечно,сам не понимаю.Я думаю,что нет возражения против употребления в данном случае английского слова"партизан".Я не знаю,какое существует соответствующее немецкое слово.Мне кажется, что Трибунал ничего поделать здесь не может.

ЭКСНЕР.Г-н председатель,никто из нас не сомневается в том,что среди этих так называемых"банд" были сотни тысяч или даже миллионы действительных патриотов.Я употребляю это выражение потому,что оно официально употреблялось во всех германских приказах,имелось "Наставление по борьбе с бандами", и т.д. Мы употребляем выражение "банды" не в дурном смысле этого слова.Отнюдь нет.Говоря слово"банды",мы не вкладываем или не должны вкладывать в него наше отношение к патриотам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Существует в немецком языке разные слова для английских слов "бандит" и "партизан"?

ЭКСНЕР.Мы употребляем также и слово "партизан".Это для нас иностранное слово,но мы его употребляем.Говоря "банды", мы не придаем слову отрицательного смысла,хотя "бандитами" у нас называются преступники.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.Почему Вы не ограничитесь тогда употреблением слова "партизан" ?

ЭКСНЕР.Я могу с таким же успехом употреблять слово"партизаны",господин председатель. Я сказал "банды" только потому, что у нас имеется "Наставление по борьбе с бандами" и этот термин является официальным.Но я ничего не имею против—говорить "партизаны".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Конечно,если Вы цитируете приказ,Вы должны цитировать его дословно.

ЭКСНЕР.Хорошо.Итак, борьба с партизанами...

Что касается борьбы с партизанами,то обвинение против Йодля можно было бы выдвинуть только в двух случаях:

1)Если бы он допускал,чтобы борьба велась неорганизованно и"хаотично",как утверждал один из свидетелей,или

2)если бы он издавал наставления,которые противоречили нормам международного права.

Ни одно из этих обвинений несправедливо.Йодль лично не ведал этим делом,но он должен был заинтересоваться им, когда движение партизан приняло такие масштабы,что начало ставить под угрозу срыва проведение военных операций.В 1942г. он издал наставление по борьбе с партизанскими бандами, которое в 1944 году было заменено новым наставлением.Не может быть и речи о том,что эта борьба не регулировалась никакими правилами.

По второму пункту Йодлю никакого обвинения также пред'явить нельзя.Хотя Гитлер хотел вести борьбу с этим опасным противником,невзирая на существовавшие нормы морали и международного права,Йодль издал без его ведома памятку о борьбе с партизанами,которая находится в полном соответствии с нормами международного права.Он пошел даже так далеко,что потребовал обращаться с партизанами в гражданской одежде так же,как с военнопленными,и разрешал сжигать деревни только по приказу командира дивизии,что должно было и могло предотвратить нарушения 50 статьи Гаагских правил ведения сухопутной войны.(Я ссылаюсь на документ РФ-665, в моей книге документов т. 1-Йодль -44).

Нельзя обвинять Йодля в том,что,несмотря ни на что,

16187

H1211-0252

H1211 – 0253

борьба с партизанами приняла такой характер.В задачи начальника штаба оперативного руководства вооруженных сил не входит контроль за выполнением своих постановлений на четырех театрах военных действий.

в)Сожжение домов в Норвегии (ПС-754).

Во время перекрестного допроса Обвинение инкриминировало Иодлю приказ ~~на~~ разрушении деревень в Норвегии.Имеется в виду телеграмма от 28.10.1944 года командующему 20-й горно-стрелковой армии.Обвинение не признает той роли,которая выпала при этом на долю Иодля.

Военная обстановка в то время была таковой: немцы отходили на еще недостаточно оборудованные позиции в районе Линген. Существовала опасность,что Красная Армия еще зимой начнет наступление и уничтожит значительно уступавшие ей по силе германские соединения,если она во время своего наступления, которое можно было осуществить по единственно доступному в это время года шоссе (№50), найдет дома и хорошо знакомое с местностью население.Без этих домов,как места для отдыха,и без поддержки со стороны населения наступление русских было невозможно.Эвакуация населения и уничтожение домов сократили бы опасность и,кроме того,сделали бы невозможной борьбу партизан с германскими войсками.Эвакуация населения была также и в интересах самого населения.

В этой обстановке Гитлер не по предложению генералов,а по предложению имперского комиссара по делам оккупированных областей Норвегии,издал приказ,который Иодль по его поручению передал командующему 20 горно-стрелковой армии со всеми комментариями Гитлера как военного,так и морального порядка.Ясно чувствуется резкий язык Гитлера.Иодль,который из телефонного разговора со штабом генерала Рендулича знал,что горно-стрелковые

войска не нуждались в таком приказе и поэтому не хотели его, тоже был против него и,будучи не в силах воспрепятствовать его появлению,стремился найти правильный путь,который практически привел бы к должному результату.Он хотел,чтобы этот приказ выполнялся войсками только в рамках военной необходимости и допустимого с точки зрения Гаагских правил ведения сухопутной войны (23 статья).Он знал,что его брат,командовавший войсками на севере,думал точно так же,как и он.Он вообще знал солдатский дух горно-стрелковых войск и чувствовал,что этот приказ уведет их слишком далеко.Для того,чтобы с самого начала его правильно поняли во всех инстанциях,он не только указал в начале телеграммы,что это "приказ фюрера"(во втором абзаце это совершенно ясно сказано),но он дал генералам понять,что фюрер издал этот приказ не по предложению кого-нибудь из них,а по предложению имперского комиссара.Они поняли это и действовали соответственно.Не было произведено ни единого разрушения,не оправданного военной необходимостью.Так,между прочим, остались неразрушенными три города: Киркенес,Хаммерфест и Алта.При дословном выполнении приказа они должны бы были быть разрушены.

г) Депортация евреев из Дании (УК-56).

Обвинение хочет возложить на Йодля ответственность за депортацию евреев из Дании.При этом оно опирается на телеграмму, которую Йодль по поручению послал командующему германскими войсками в Дании.Это утверждение Обвинения особенно трудно понять,ибо из различных представленных Обвинением документов ясно видно,что решение о депортации евреев из Дании было принято Гитлером по предложению доктора Беста,т.е. гражданских властей и вопреки возражениям командующего германскими войсками,а выполнение решения передано рейхсфюреру СС.

16189

H1211 – 0254

H1211 – 0255

ОКВ вообще пришлось иметь дело со всем этим только потому,что тогда в Дании было об'явлено чрезвычайное военное положение и командующий германскими войсками - высшая исполнительная инстанция в стране,во избежание трений между германскими властями в Дании,должен был быть информирован своей вышестоящей инстанцией о самом приказе Гитлера и о том,что выполнение его поручено Гиммлеру.

20 сентября 1943 года Кейтель и Иодль из телеграммы командующего германскими войсками получили первые сведения о переговорах Гитлера с министерством иностранных дел и Гиммлером.Иодль хотел лишь одного - не втягивать в это дело вооруженные силы.Об этом говорит его смелое замечание на телеграмме генерала фон Ганнекена от 3 октября 1943 года(Д-647): "Нам это совершенно безразлично"(т.е.сообщит ли рейхсфюрер СС о количестве арестованных евреев или нет).Само собой разумеется, что никакого отношения к соображениям морального порядка это не имеет ни в положительном,ни в отрицательном смысле.

Все это дело не касалось вооруженных сил.Но акция,проводимая Гиммлером,могла вызвать трудности,так как военные власти отвечали за спокойствие и порядок в Дании.Эти трудности нужно было предотвратить.Вооруженные силы ничего не могли изменить в решении,принятом Гитлером по этому полицейскому делу.Они не смогли бы ничего изменить и тогда,если бы оно входило в их компетенцию.

Телеграммой УК-56 Иодль информировал командующего о решении,которое принял Гитлер по линии полиции.Одновременно Иодль довел об этом до сведения рейхсфюрера СС,министерство иностранных дел и командующего армией запаса.Возможность трений между германскими властями была исключена,а только это и составляло заботу ОКВ.Нельзя сказать,что доведение Иодлем приказа до

16120

сведения других облегчало выполнение этого приказа, отданного Гитлером совершенно независимо от вооруженных сил. Тот, кто имеет хотя бы малейшее представление о властности Гитлера, поймет, что трения между германскими властями отнюдь не помешали бы выполнению этого приказа, а, по всей вероятности, только затянули бы его, и, конечно, не облегчили бы положение затронутых лиц.

Господа судьи ! Старым принципом уголовного права, принципом, применяемым в решениях суда многих стран, является : „actus non facit reum nisi mens sit rea".....

Преступление включает в себя две вещи: actus ,об'ективную сторону преступления - действие и mens rea — суб'ективную сторону: вину.

Обвинение находится в странном противоречии: в одних случаях оно делает ударение на mens rea и не замечает отсутствия преступного actus..... На упомянутых заметках на полях я показал, что они не свидетельствуют о противозаконных действиях, а, самое большее, позволяют сделать заключение о противозаконном убеждении. В других случаях Обвинение видит только actus..., не спрашивая о наличии mens rea . Вторая ошибка опаснее, так как внешняя сторона преступления видна всем, и часто только точное психологическое исследование позволяет сделать вывод, что действию (.actus) не соответствует никакая вина (.mens rea) . Об этом будет речь ниже.

Что касается действия, то имеется в виду действие, об'явленное Уставом наказуемым. Такое действие может быть активным или выражаться в бездействии. Если отец видит, что его ребенок во время купания тонет, и ничего не предпринимает для его спасения, хотя и мог бы это сделать, то мы в зависимости от характера его

16191

H1211 – 0256

H1211-0257

поведения об'являем его виновным в убийстве или в преступной небрежности,повлекшей за собой смерть.

Совершение преступления,заключающееся в пассивном наблюдении,приобретает значение и на этом процессе.Обвинение постоянно подчеркивает,что Иодль присутствовал при произнесении той или иной речи.Лишь на одной странице англо- американского досье 6 раз повторяется:"Иодль присутствовал на... " Что означает это юридически ? Присутствие где-либо и слушание чего-либо может иметь большое значение для оценки будущих поступков в том смысле, что тогда совершивший поступок не сможет сказать: " я этого не знал",если он,например, присутствовал при обсуждении данного плана. Но присутствие само по себе не делает данное лицо виновным. Согласно английскому праву, присутствие даже непосредственно при совершении преступления лишь тогда делает данное лицо виновным,если оно"подбадривало" к совершению преступления.Так обстоит дело и у нас.Но,поскольку никакого подбадривания не было, подчеркивание факта присутствия,например,на совещании,где обсуждались явно преступные намерения,может означать лишь следующее обвинение: он это знал и относился к этому терпимо.

Это обвинение мы теперь часто слышим.И не только в этом зале суда.Весь германский народ упрекают в том,что он терпимо относился к преступному режиму,что он допустил уничтожение миллионов евреев.Несомненно,преступление может быть совершено также в результате терпимого отношения к окружающему.Но для того,чтобы на этом основании инкриминировать кому-либо тяжелое уголовное преступление,например,преднамеренное убийство,должны иметься две предпосылки :

1.суб'ективная сторона: он заранее знал ,что,если он не вмешается,жертве грозит смерть;

70192

2. на него возложена обязанность и он имеет возможность предотвратить смерть.

Господин председатель, мне кажется, сейчас подходящее время об'явить перерыв ?

(Об'является перерыв до 14.00).

24193

H1211 - 0258

H1211 – 0259

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 19 Июля 1946 года.

/Вечернее заседание/

Встать! Суд идет!

КОМЕНДАНТ СУДА: Господа судьи! Подсудимый Гесс отсутствует на заседании Суда.

ЭКСНЕР: Мы сейчас говорили о преступлениях, обусловливаемых терпимостью и попустительством. Я продолжаю:

Относительно Кольца можно сказать следующее: все, что офицер или чиновник обязан по закону делать или препятствовать, зависит от данных ему полномочий. Мы знаем, как строго следил Гитлер за тем, чтобы каждый занимался своим участком работы, и как строго он отделял политическое руководство от военного, а армию от СС. Это не было причиной того, что Кольц при каждой возможности выступал против планов расширения компетенций СС, ибо то, что однажды становилось сферой влияния СС, больше не подчинялось приказам вооруженных сил. Поэтому, например, не следует придавать такое большого значения присутствию Кольца при разговоре Гитлера с д-ром Вест, во время которого, между прочим шла речь о террора в Дании и о борьбе с ним, /РФ-90/. Разговора о так называемых "ответных убийствах", если только об этом действительно говорилось, Кольц не слышал, ибо он не все время присутствовал на беседе. Его присутствие на этой беседе не может иметь большого значения, потому что во все время беседы, речь шла исключительно об оккупированных областях, что к начальнику штаба оперативного руководства ни в коей мере не относилось. Кольца вызвали на эту беседу по другим вопросам. Таким образом, если бы даже Кольц тогда и услышал о чем-

либо поразительном, как это могло иметь место в данном случае, он все же как-либо вмешался бы в разговор. Однако, он не имел на это возможности, ибо его вмешательство было бы немедленно отклонено.

Обвинение в попустительстве имеет в виду возможность предотвращения преступлений путем недопущения преступлений. Йодль подчинялся в первую очередь приказам фюрера. Как же он мог предотвратить издание этих приказов? О невозможности оказания влияния на решения фюрера здесь говорилось достаточно. Пока его решение было еще не окончательно созревшим, при благоприятных условиях и веским аргументам, это решение можно было как-либо изменить, но, если оно уже было принято Гитлер оставался непоколебимым. Всякое иное мнение говорит о незнании/действительности имеющее место. Правда, с течением времени Йодль изыскал методы для того, чтобы влиять на решения фюрера или, во всяком случае, на их практические последствия. Он применял тактику затягивания: выжидал, чтобы дело по возможности было предано забвению, создавал трудности для выполнения приказов, изыскивал возражения, причем характер контраргументов он приводил в соответствие с образом мысле? Гитлера, /приказ о комиссарах/. Иногда он делал запросы различным органам, прося дать экспертизу по тем или иным вопросам, для того, чтобы выиграть время, /как это было с приказом о летчиках-штурмовиках/. На издаваемых приказах он часто писал, по чьему указанию эти приказы издавались. Это делалось для того, чтобы показать командующим, что он в составлении тех или иных приказов участия не принимал /так было с норвежскими деревнями/. Иногда он старался показать это тем, что не высказывал неудовольствия тогда, когда другие не подчинялись приказам /приказ о командос/ и т.д.

16125

H1211 – 0260

H1211 – 0261

Если думать, что он мог бы просто отказаться от составления проекта аморального приказа, то будет уместным сослаться на приказ о "командос", когда он, именно составлением проекта этого приказа добился противоположного тому, что было задумано.

Теперь я перехожу ко второй части процитированного латинского изречения: поступок сам по себе еще не есть преступление: nisi sit mens rea.

Этот последний, самый трудный и важный пункт в современном уголовном процессе: "Без вины нет наказания" – этот принцип, начиная с периода ренессанса, нашел признание во всех культурных государствах, пусть кое-где и существуют различные взгляды на сущность вины.

Разрешите мне сначала сделать небольшое сравнение между англо-американскими и континентальными, в частности, германскими, взглядами на право. Это имеет значение для оценки некоторых моментов.

Один важный пункт проблемы вины я уже затронул при рассмотрении вопроса об агрессивных войнах. Если Иодля, работника генерального штаба, хотят вообще сделать ответственным за ведение этих войн, то необходимо выяснить его взгляды на общее положение дел, ибо если он на основании донесений, имевшихся в его распоряжении, думал, что ему приводились достоверные факты, оправдывавшие ведение войны, то тогда нельзя Иодля обвинять в том, что он сознательно вел противозаконную войну. Это остается в силе даже тогда, ~~если~~ когда его предположения основывались на заблуждениях. Это заблуждение исключает намерение. В решении по делу Грин фон Толзон говорится: "Согласно ~~общему~~ обычному праву, ~~разумное~~ имеющему под собой основание, убеждение в существовании обстоятельств, которые, если они действительно существовали, лишают действие,

16126

~~инкриминируемое~~ обвиняемого, ~~состава~~ преступления его характера всегда являлось веским аргументом в защиту обвиняемого. По другому делу Регины фон Принц говорится: "Мне кажется, что из этого следует, что правило mens rea применимо во всех тех случаях, когда факты, о которых хорошо помнят обвиняемые и в существование которых они имеют достаточные основания верить и верят, лишают, если эти факты действительно правильны, их действия преступного характера". И в третьем случае /то-американское судопроизводство/: в деле империи против фон Пресоби приводится хороший пример: часовой стреляет в своего командира, который подходит к нему, думая, что это враг. Этот последний пример имеет большое сходство с агрессивными войнами, которые здесь должны быть рассмотрены.

Незнание уголовного права не является, как правило, аргументом для оправдания подсудимого, согласно английскому праву. Однако мы находим достойным упоминания принцип:

"Если, тем не менее, существует сомнение в отношении вопроса о праве, то человека нельзя осудить и подвергнуть тюремному заключению в случае, когда его действия основывались лишь на неправильном истолковании закона". Далее, может, само собой разумеется, и заблуждение в частно-правовых вопросах исключить уголовное намерение: "если кто-либо берет то, что, по его убеждению, ему принадлежит, то нельзя сказать, что он повинен в уголовном преступлении". Это правило в нашей области также могло бы приобрести значение и с точки зрения заблуждения относительно норм международного права.

Однако в этой теории о заблуждениях я усматриваю определенные расхождения с германским правом, ибо в герман-

18197

H1211 – 0262

H1211 – 0263

ском праве любое заблуждение, если даже оно основывается и на халатности, исключает намерение. В английском праве, мне кажется, это касается только благоразумного заблуждения, не являющегося плодом халатности. Но, если бы, к примеру, тот же часовой стрелял поспешно, без достаточной ориентировки, то у нас его судили бы только за убийство по преступной халатности. В Англии и Америке на это заблуждение, основанное на халатности, если я правильно понимаю, вообще не обратили бы никакого внимания и вышеуказанный солдат был бы осужден за преднамеренное убийство. Одна эта разница в понимании права не должна играть какой-либо роли в данном случае, ибо иначе будут упрекать Иодля в том, что он к своему пониманию положения вещей пришел в результате поспешной и халатной проверки поступавших к нему донесений. Для сбережения времени я пропущу I абзац на стр. 110. Таким образом я перехожу к 3-му и самому главному пункту, по которому общее мнение полностью сходится.

Каждое тяжкое преступление совершается преднамеренно, однако, эта преднамеренность не всегда является сознательной, ибо не всегда можно осознать, что совершаешь что-либо противозаконное. Как правило, для того, чтобы существовало преступное деяние, должно наличествовать преступное намерение. Общее положение, сформулированное в сборнике "Хейльпли оф де Краун", гласит, что там, где нет стремления совершить дурной поступок, не может существовать преступления".

У нас долго спорили о том, должен ли преступник сознавать, что он действует против закона, или достаточно того, чтобы он сознавал, что делает что-то несовместимое со своим долгом. Господствующее мнение по этому поводу,

принятое также и проектом нашего германского уголовного кодекса, сводится к тому, что преступник должен сознавать, "что он действует, нарушая закон, или совершает несправедливое дело в общем смысле этого слова". Очень характерным является то, что я встретил эту же мысль, выраженную почти теми же словами, в решении английского суда по делу Грин фон Толзон: "По крайней мере должно наличествовать намерение совершить что-либо дурное. Один или другой из двух классов может иметь такого рода намерение, которое может состоять в желании совершить поступок, дурной по существу, вне зависимости от положений закона, либо поступок, запрещенный лишь кодексом или общим правом. Могут быть такие случаи, когда оба эти намерения сосуществуют в отношении какого-либо действия". Так, согласно английскому праву, преднамеренность также должна быть осознана преступником. Это решение допускает некоторые исключения из этого принципа, которые здесь не представляют интереса; они относятся к ~~преступлениям, связанным с многоженству~~ двоеженству и растлению, когда вступают в действие положения уголовного кодекса, а так же, ~~как~~ и ~~например~~, к некоторым нарушениям общественного порядка и др..

Наш вопрос состоит в том, сознавал ли Иодль, подписывая и передавая различные приказы и планы, которые сегодня являются обвиняющим его материалом, что он совершает какие-либо противозаконные действия? По-моему, нет. Единственное доказательство, которое приводит Обвинение для подкрепления своего утверждения, состоит в том, что Иодль не настаивал на соблюдении строгой тайны в некоторых делах, если бы его совесть была совершенно чистой. Но на это следует ответить, что в военных вопросах есть много такого, что не может быть передано огласке. Так было до

16129

H1211 – 0264

H1211-0265

войны, так должно было быть во время войны, так это имеет место и теперь, после войны, когда, например, хранится в глубокой тайне секрет атомной бомбы. Подобное сохране - ние тайны не имеет ничего общего с сознанием вины. И если Йодль говорит о том, что он велел - не говоря уже о других причинах - сохранить в тайне один из двух приказов о коман-дос, из-за заключительного пункта этого приказа, вызывавше-го у него отвращение, то он делал это, повидимому, ради чести германской армии, а не потому, что он понимал, что что делает что-то противозаконное, передавая приказ, кото - рого он сам не составлял и за который по своему убеждению, не нес ответственности.

Этот заключительный пункт следует особо выделить,ибо он имеет общее значение. Рассматривая все военные разработ-ки Йодля, были ли это военные планы, проекты приказов или наставления, важно учесть не то, знал ли Йодль о том, что эта война или его приказы незаконны с точки зрения уста - новленных правовых норм, а то, насколько он сознавал, что своим участием и своей работой он совершает нечто незакон - ное. Совесть Йодля была чиста. Это совершенно ясно доказы - вает то, что до момента пленения в распоряжении Йодля было три недели времени, в которые он мог бы уничтожить большин-ство компромитирующих его документов, но он не сделал это-го именно потому, что он был убежден в том, что нет необхо-димости что-либо скрывать.

Составляя эти приказы, он не испытывал чувства, что он совершает что-то противозаконное. Он не мог это чув - ствовать уже по двум причинам: во-первых, потому что чув-ствовал себя связанным приказами фюрера, а, во-вторых, пото-му, что он был убежден, что, занимая пост начальника штаба оперативного руководства, он был обязан действовать имен -

16200

но так.

Рассмотрим этот вопрос детальнее.

Я не хочу долго говорить о данном приказе и о его правовом значении. Я остановлюсь только на одном пункте. Мистер Джексон цитировал здесь 47 параграф немецкого военного уголовного кодекса в доказательство того, что и немецкое право не оправдывает подчиненного, если он исполняет противозаконный приказ начальника. Нужно заметить, что, говоря здесь о заговоре, Обвинение основывается на англо-американском праве, а, говоря о приказе, основывается на германском праве, т.е. каждый раз на том, которое в том или ином случае менее всего выгодно для подсудимого. Я не знаю, стал бы мистер Джексон ссылаться на 47 параграф военного уголовного кодекса, если бы он знал о том, как этот параграф трактовался высшим военным трибуналом в Германии и каковым в действительности было правосудие в Германии.

Прежде всего, следует установить, что параграф 47-й начинается со следующего положения: "Если в результате выполнения приказа по службе нарушается закон, то ответственность за это несет только начальник, отдавший такой приказ". Затем следует исключение, которое в значительной степени ограничивает применение этого положения в армии на практике в интересах поддержания военной дисциплины. Подчиненный несет ответственность, как соучастник, только в том случае, если выполнение приказа для него не является обязательным /например, если содержание приказа не соответствует задачам, которые обязаны выполнять военнослужащие. Кроме того, подчиненный несет ответственность и в том случае, когда ему известно, что он выполняет преступный приказ, ибо таким образом лицо, отдавшее приказ,

16201.

H1211 – 0266

H1211 – 0267

совершает преднамеренное преступление, а подчиненный преднамеренно идет на выполнение преступного приказа. То, что подчиненный должен был сознавать и мог сознавать преступность своих действий, не является достаточным для его осуждения, ибо даже в том случае, когда подчиненный совершает какое-либо преступное действие, но его вина не слишком велика, он может быть оправдан.

Изложенное положение безусловно является спорным, но отсюда видно, как ограничили суды свою юрисдикцию для того, чтобы оправдать повинующихся и дисциплинированных солдат. На деле за подобные действия наказывают, конечно, чрезвычайно редко. Во всяком случае, за 30 лет службы Иодль не помнит ни одного такого случая.

В связи с тем, что несколько дней тому назад мистер Джексон дополнительно представил документ, имеющий отношение к этому вопросу /ПС-3881/, я хочу добавить, что в данном случае речь идет о высказываниях доктора Фрейслера, председателя народного Трибунала, на процессе по делу о покушении имевшем место 20 июля 1944 года. Фрейслер всегда считался в Германии карикатурой на судью; его недостойный крик на упомянутом процессе демонстрировали нам несколько месяцев тому назад в этом зале в звуковом фильме обвинители. Этот эксперт по вопросам права /насколько можно понять смысл его замечаний, вырванных из общего текста/ хотел сказать, что тех, которые покушались на жизнь Гитлера, не извиняет даже приказ, полученный ими в этом отношении от их начальника. Фрейслер не может служить авторитетом по данному вопросу. Если и существовал когда-либо военный приказ, который ~~был издан помимо~~ не входил в сферу задач ~~ведения~~ вооруженных сил и, следовательно, не был для них обязателен, он потому и не мог служить оправда-

16202

ним, то это был только один приказ - приказ, предписывавший убийство верховного главнокомандующего вооруженных сил. Но, как можно сравнить приказ какого-то офицера об убийстве главы государства с приказом главы государства совершить действия, несовместимые с нормами международного права, - это мне непонятно.

Я больше не буду останавливаться на этой мысли.

Нельзя понять положения Йодля и правильно оценить его действия, не представив себе силу обоих, стоящих друг перед другом людей.

Обвинение пошло по линии наименьшего сопротивления. Если бы Гитлер был жив, он, как самый главный военный преступник, сидел бы на первом месте скамьи подсудимых и рассматривался бы, как основной источник всего происшедшего. Но, так как он мертв, всю вину сваливают на всех остальных подсудимых, преуменьшая значение его личности. Этот человек-титан, эта демоническая личность, как его назвал Йодль, не может быть обойдена, как нечто несущественное, если хотят действительно справедливо оценить поступки окружавших его людей. В последние месяцы мне неоднократно приходилось думать о связи между гениальностью, безумием и преступлением, которую однажды раскрыл дальновидный Цезарь Ломброзо. В истории значение или ничтожность человека определяются его достижениями. Поэтому приговор истории Гитлеру, может быть, будет уничтожающим. Однако не следует забывать о его первых успехах. Если сравнить положение Германии в конце 1932 года и в конце 1938 года, то нельзя будет удивляться тому колоссальному авторитету, которым пользовался Гитлер в то время, когда Йодль начал с ним работать.

Такому человеку противостоял Йодль, прямолинейный

16203.

H1211-0268

H1211 – 0269

солдат, исключительно способный человек,не претендующий ни на что другое, как только на то,чтобы быть честным солдатом, трезво реалистически мыслящим, чуждым всякой дипломатии, всякой политики. Иодль был воспитан на 100-летних традициях германского генерального штаба,на традициях и идеалах храбрости, верности и повиновения. Он знал только верность своему долгу, самозабвенный,самоотверженный труд и еще раз труд.

Само собой разумеется, что такой человек, работая с Адольфом Гитлером, попал под его влияние. Нужно,однако, учесть время,когда это случилось. Взаимного доверия между ними не установилось, ибо Иодль не был человеком,который покорно соглашается со всем,о чем бы ему ни говорилось. Было немало столкновений и разладов. Иодль считался человеком, который больше всех остальных осмеливался противоречить фюреру. Как показал Кессельринг,Иодль мог выступать против Гитлера с такой настойчивостью, которая граничила с недопустимым для военного человека поведением.

Именно поэтому я не думаю, чтобы в эти годы приказ и повиновение были главными характерными чертами поведения Иодля.

Мне кажется,что он руководился исключительно выполнением своего долга. Он отдавал все свои силы для того,чтобы выполнить то, что было на него возложено в критический для государства момент. Нужно представить себе то положение,в котором находился Иодль: борьба его родины за существование, требования войны, принимавшей все более страшные формы, и одновременно установки верховного главнокомандующего, отличавшиеся от всего,что было ранее известно о том, что допустимо на войне,а что нет.По-

нятно,что при таких обстоятельствах Йодль должен был вступить в конфликт, в конфликт с Гитлером и самим собой".

Разрешите мне сделать сравнение. Вы, господа судьи, как вы сами заявили нам, чувствуете себя связанными Уставом настоящего Трибунала. У некоторых из вас,вероятно, возникали сомнения в том, все ли положения этого Устава соответствуют действующим нормам международного права и общепризнанным юридическим принципам. Но вы отвергли эти сомнения, отвергли их потому,что вы, являетесь судьями, связанными такими постановлениями, которые были приняты вашими четырьмя правительствами.

Так же и Йодль. Будучи офицером генерального штаба, получая указания своего главнокомандующего, он,может быть, иногда сомневался в допустимости их с точки зрения международного права, но он чувствовал себя по долгу службы обязанным разрабатывать военные планы, не подвергая проверке того,при каких условиях они проводятся в жизнь и будут ли они проводиться в жизнь вообще. Он должен был составлять и издавать тысячи приказов, хотя с некоторыми из них он, может быть, и не был согласен. Если ему не удавалось доказать их нецелесообразность или оттянуть срок их выполнения, он должен был выполнять эти планы. Как офицер генерального штаба, он был обязан оказывать необходимую помощь. Но ему не приходило в голову, что,выполняя свои обязанности по мере сил, он в связи с этим совершает что-либо незаконное.

Говорят, Йодль не должен был соглашаться с тем-то и тем-то. Но как же он мог это сделать?

Если кто-нибудь обвиняет другого в том,что тот действовал как-то неправильно,то первый должен быть также в

16205

H1211 – 0270

H1211 – 0271

состоянии сказать, как следовало бы действовать второму в данном положении.

Говорят, он должен был уйти в отставку. Конечно, это был бы самый простой выход. В мирное время им можно было бы воспользоваться, но во время войны обстоятельства были иными. Модль безуспешно пытался уйти из ОКВ и уехать на фронт. Заявление об отставке было бы бесполезно, так как такие люди были нужны фюреру, как это было с фон Браухичем и Леебом. Во время войны он самым строжайшим образом запретил своим генералам подавать прошения об отставке; он рассматривал такие прошения как измену родине, как дезертирство; он говорил, что даже боец не имеет права уйти с передовой линии, когда ему не нравится обстановка. Генерал, по его мнению, должен был быть на том месте, куда его поставили. В 1944 году этот приказ был переиздан и вторично обоснован. Этот приказ говорил о том, что если генерал хочет уйти со своего поста по соображениям совести, то пусть он знает, что полную ответственность за свои приказы несет только сам Гитлер. Генерал отвечает только за то, чтобы приказы фюрера возможно точнее выполнялись. Подача прошения об отставке, по вышеуказанным причинам является наказуемым действием.

Таким образом Модль не мог уйти в отставку. Мог ли он симулировать болезнь? Нет, ибо это во время войны рассматривается так же, как дезертирство и преступление, которое карается смертной казнью. Разве можно требовать от офицера, воспитанного в духе добрых старых традиций, чтобы он, как трус, оставил в беде свою родину, которой он посвятил всю свою жизнь? Ведь в этом случае он не мог бы прямо смотреть в глаза даже самому последнему рекруту, вступающему в армию. Итак, остается еще один, третий

H1211-0272

выход: убийство и революция. В мирное время это означало бы гражданскую войну. Во время войны это означало бы катастрофу на фронтах и гибель империи. В таком случае он должен был бы воскликнуть: *fiat justitia - pereat patria.*

Обвинение, повидимому, на самом деле стоит на той точке зрения, что от подсудимого можно было требовать подобного поведения. Удивительная мысль! О том, можно ли оправдать убийство с моральной точки зрения, пусть спорят моралисты и теологи. Для юриста этот вопрос бесспорен. Под угрозой наказания чувствовать себя обязанным убивать главу государства? И при этом быть солдатом и еще во время войны? С давних пор наказывают людей за то, что они совершали такие преступления, но наказывать за то, что они их не совершили? - Это нечто совершенно новое.

Конечно, для юристов также существуют границы юридических обязанностей, но конфликты, которые могут быть разрешены только одним и именно таким способом подпадают под старую формулу: *Ultra posse nemo obligato.*

Йодль не был мятежником, его совесть говорила ему: отчизна в беде, каждый должен стоять на своем посту! Пост Йодля был во главе штаба оперативного руководства вооруженных сил. Он получил этот пост не по своей воле, не по своей воле он сохранял его за собой. Это была горькая необходимость. Он выполнял ту задачу, которую возлагал на него этот пост, выполняя ее на совесть, как мог, до горького конца.

Господа судьи! Разрешите мне в конце своей речи привести личную реминисценцию, бросающую дополнительный свет на личность Йодля.

Я познакомился с Йодлем 20 лет тому назад в доме его дяди философа Фридриха Йодля в Вене. Там у нас состоялась с ним беседа относительно воспитания кадровых

1620-7

H1211 – 0272

H1211 – 0273

офицеров. То,что мне тогда говорил молодой капитан,было так серьезно, чисто и так далеко от всего того,что называют милитаризмом, что я навсегда запомнил наш разговор. С тех пор я не встречался с ним до тех пор, пока совершенно неожиданно этой осенью не получил приглашения защищать его здесь,на Суде. Моей первой мыслью было: "Этому храброму солдату надо помочь". Но я колебался,так как я не являюсь профессиональным защитником. Когда я, однако, увидел его в здании суда в первый раз,он мне сказал такие слова, которые рассеяли все мои колебания; он сказал: "Будьте уверены, господин профессор, если бы я чувствовал хоть каплю вины, я бы не взял вас себе в защитники".

Господа судьи, я думаю, так может говорить только джентльмен,но не преступник.

Я прошу оправдать генерал-полковника Йодля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я вызываю д-ра Штейнбауэра, защитника подсудимого Зейсс-Инкварта.

Защитительная речь по делу подсудимого
Зейсс-Инкварта

ШТЕЙНБАУЭР: Милорд,высокий Военный Трибунал! Развалины Нюрнберга, древнего,достойного уважения, кайзеровского города, подарившего не только немецкому народу,но и всему миру одного из самых крупных художников Альбрехта Дюрера, непревзойденного резчика по дереву Вейта Штосса и мейстерзингера Ганса Закса, служит теперь ареной для ведения величайшего уголовного процесса из всех процессов известных истории права. Стены Нюрнберга видели не только древнее величие кайзеров, в его стенах год за годом проходили также партийные съезды НСДАП,служив-

шие частью той системы пропаганды, которая сумела осуществить огромное и дьявольское дело: под лозунгом достижения равенства в правах для немцев, со знаменами, флагами, барабанами и фанфарами повести вперед миллионы людей для того, чтобы в конце концов в результате неограниченности своих стремлений привести к краю бездны этот народ, давший человечеству так много хорошего и красивого.

Мы выслушали здесь Обвинение, которое стремится в широком масштабе доказать, что существовал заговор, направленный на завоевание всего мира, путем ведения агрессивных войн. При ведении этих войн были нарушены не только соглашения, воспрещавшие ведение таких войн и негуманное поведение во время войны, - сами основные права человечества попирались ногами. Мы видели, как в течение месяцев целые горы документов и длинная вереница свидетелей должны были подтвердить выдвинутые обвинения, а защита со своей стороны, являясь поборником и слугой правосудия, старалась помочь Суду в установлении истины. В зале присутствовали представители всех частей света и очень часто весь мир затаивал дыхание, когда разрывалась густая завеса тумана и его взгляду открывались все новые бездны неслыханных преступлений. За воротами суда же стоит глубоко потрясенный германский народ, взорами которого являлись подсудимые. Однако, как бы ни закончился процесс, у защиты нельзя будет отнять одной заслуги перед германским народом, а именно той, что уже никогда в дальнейшем при обсуждении вопроса о вине германского народа, нельзя будет говорить о коллективной вине или соучастии германского народа в преступлениях, а, может быть, лишь о коллективном позоре, так как люди, под руковод-

4209

H1211 – 0274

H1211 – 0275

ством которых совершались возмутительные преступления, были немцами!

И вот, в заключение этой мировой трагедии занавес поднимается еще раз для того, чтобы выслушать защиту, вслед за чем последует приговор, который должен соответствовать не только основным принципам права, но и содействовать тому, чтобы преступления, о которых говорит Обвинение, никогда не могли более совершаться.

20 ноября 1945 года, в начале процесса, господин председатель заявил, что этот процесс будет иметь огромное значение для миллионов людей во всем мире. Поэтому всякий, кто принимает в этом процессе участие, должен торжественно взять на себя обязанность выполнять свой долг без страха, без пристрастия к кому-либо и руководствуясь только основными принципами права и справедливости. Для защиты эта обязанность иногда становилась почти непосильным бременем. Не из-за количества предоставленных на процессе материалов, не вследствие об'ема этих материалов и совершенно новых правовых вопросов, возникающих в связи с этими материалами, но потому, что здесь были вскрыты ужасные факты, свидетельствующие о такой бездне падения, что нормальному человеку трудно поверить в возможность всего происходившего. При этом я имею в виду не препарированную человеческую кожу, не куски мыла из человеческого жира, которые нам показывали, но ту методичность, с какой мучили, пытали, убивали, расстреливали, вешали и отравляли газом миллионы невинных людей. Я думаю о многих отдельных захватывающих картинах, которые произвели глубочайшее впечатление как на меня лично, так и на всех остальных.

Три с половиной миллиона человек - мужчин, женщин и

16210

H1211 – 0276

детей было уничтожено в одном лишь Освенциме. Самое страшное оружие Обвинения заключается именно в том, что призраки всех этих невинных людей стоят рядом с обвинителем, угрожая и требуя мщения. Но и я также не одинок. На моей стороне стоят многие невинные жертвы войны с германской стороны, женщины и дети, погибшие во Брейбурге, Кельне, Дрездене, Гамбурге, Берлине, Вене и почти во всех остальных немецких городах во время террористических налетов. Рядом со мной стоят сотни тысяч моих товарищей по армии, молодых и старых, которые оставались верны своему знамени и с честью пали жертвами за отечество.

Однако, если бы даже их не было и подсудимый стоял бы один перед судьями, моим долгом, как адвоката, было бы защищать его и помогать ему. И, несмотря на обилие обвинительного материала, моим долгом является сказать вам, многоуважаемые господа судьи: "не судите во гневе, а лучше ищите ту идеальную истину, о которой написал в альбом одному молодому судье наш австрийский поэт Вильдганс, сам бывший судья: "Ищите эдельвейс, цветущий под терновником".

Прежде чем перейти к отдельным пунктам обвинения, я хотел бы вкратце обрисовать облик подсудимого. К нему применимы слова: "В истории осталася его образ, вызывающий любовь и ненависть различных партий", сказанные Шиллером в "Валленштейне". Обвинение описывает его, как прожженного, хладнокровного, расчетливого политического авантюриста, преследовавшего свои личные цели. Обвинение считает абсолютно очевидным и, его злоупотребления своим положением министра в целях ведения двойной игры для того, чтобы выдать Австрию заговорщикам. В Польше и Нидерландах он хладнокровно совершал жестокости, не заботясь о международных обязательствах, и попирал ногами право малых наций

1621

H1211 – 0276

H1211 – 0277

на их религиозную и политическую свободу. Такое же суждение высказывает и Георг Мессерсмитт в документе № 1760-ПС. Он говорит, что д-р Зейсс-Инкварт, которого он лично почти не знал, а сам Зейсс-Инкварт заявляет, что вообще никогда не видел Мессерсмитта, согласно надежной информации, не был предан и верен своему другу австрийскому канцлеру Шушнигу. Странно говорить о дружбе Зейсс-Инкварта и Шушнига, между ними не было дружбы. Мессерсмитт покинул Вену в 1937 году. К тому времени, как это подтвердили все свидетели, Зейсс-Инкварт только что еще познакомился тогда с Шушнигом. Но даже сам Мессерсмитт дословно говорит, что единственно, что можно сказать положительного о Зейсс-Инкварте, - это то, что он желал блага Австрии и верил, что немцы сохранят ее независимость.

Его политическая программа состояла в идее аншлюсса. Это понятно, если вспомнить о том, что его родиной является старый промышленный город Иглау, островок немецкого населения в Славянском море. Он рано познакомился с партизанской борьбой между двумя враждующими нациями. С глубоким волнением выслушал он известие о том, что буря времени пронеслась в прошлом году и над его родным городом, и что Иглау, который в течение 800 лет был германским городом, отныне перестал им быть. Поэтому, составляя суждение о подсудимом, мы никоим образом не должны забывать о том, что он родился на пограничной земле Германии, где национальные нужды всегда ощущались особенно остро, и мысли о великом германском отечестве были особенно прочны, не так, как у подданных остальной части империи, которые самовольно убаюкивали себя из чувства самосохранения. Поэтому не случайно, руководители борьбы за аншлюсс, имена которых упоминались в моих документах,

16212

H1211 – 0278

происходят именно из Судетской области. Доктор Отто Бауэр, покойный руководитель социалистов, происходил из унтертанновица в Моравии, следовательно, также из Судетской области.

Поскольку я с осени 1938 года более не встречался с подсудимым и увидел его снова лишь здесь, в тюрьме, я обратился к одному из его сотрудников, уважаемому в Нидерландах человеку, который не был национал-социалистом и поэтому заслуживает доверия и, кроме того, раньше занимал пост судьи, с просьбой дать мне об'ективную оценку личности доктора Зейсс-Инкварта. Он пишет:

"По службе мне особенно бросались в глаза следующие его качества: ясный, проницательный ум и методичность, с которой он полностью применял свои разнообразные способности для выполнения возложенных на него обязанностей... Большой трагедией в его жизни и деятельности являлось то, что он в лице Гитлера и некоторых его ближайших людей встретился с силой, превосходившей его собственную силу..." Как интеллигентный и культурный человек, он, безусловно, казался подозрительным наиболее влиятельным лицам из числа приближенных фюрера или партийной бюрократии /Борман/, а также руководству СС /Гиммлеру/, несмотря на то, что он носил золотой почетный знак партии и имел высокое почетное звание в СС. Он оставался молодым членом партии из интеллигентной среды, к которой всегда относились с неверием. Для этих властей он был "слишком мягким". Путем приобретения все большего доверия фюрера, он надеялся нейтрализовать влияние имперских учреждений в сфере его деятельности. Его отношения к фюреру были предопределены судьбой. В его отношении к фюреру заключена, как я уже говорил, его судьба. Я, однако, глубоко убежден в том, что он, как и большая

16213

H1211 – 0278

H1211 - 0279

часть нашего народа, являлся скорее бессознательной жертвой, чем сознательным орудием демонической силы Гитлера..."

Это оценка беспристрастного и справедливого немецкого судьи.

Обвинение сделало основой этого процесса понятие о заговоре для того, чтобы этим кольцом окружить всех обвиняемых и привлечь их к общей ответственности. Мои коллеги уже достаточно говорили на этом процессе о понятии заговора и его действии. Повторять эти высказывания, значило бы-нести сов в Афины.

Но, так как это является основой данного процесса, на основании которой прежде всего моему подзащитному инкриминируется ответственность за потрясшие мир события, я все же выскажу Суду еще несколько мыслей по этому вопросу.

Перелистывая страницы истории, мы часто встречаемся с тем, что несколько людей об'единяются для того, чтобы свергнуть ненавистного им правителя или систему и захватить власть в свои руки. Все такие случаи поверхностно называются одним словом "заговор". Итальянец Малапарте в своей книге "Техника государственного переворота", опубликованной в Париже, пытается обобщить технические методы, которыми пользовались участники заговоров и революций от Катилины до Гитлера и Муссолини. Но при одном лишь обзоре этих технических методов уже становится ясным, насколько неправильным является обозначение всех этих действий заговором, если этим словом вообще можно определять конкретные уголовно-наказуемые действия. Во всяком случае несомненно то, что обвинение вкладывает неправильный смысл в понятие заговора. Настоящим загово-

ром можно, пожалуй, назвать так называемый пороховой заговор, когда Гай Фокс и его сообщники при Якове I пытались взорвать английский парламент. Английский народ и сегодня празднует 5 ноября каждого года и отмечает фейерверками и сожжением соломенного чучела тот день, когда было благополучно предотвращено это преступление. Однако нельзя называть заговором всякую совместную деятельность, направленную на достижение политических целей, потому, что неточность разговорного языка делает возможным употребление слова "заговор" для того, чтобы в ходе политической борьбы, даже при отсутствии достаточных правовых оснований, оправдать преследование и уничтожение политических противников, которые в свете истории возможно предстанут как носители положительной идеи.

Французскому обвинителю мне хотелось бы привести пример недоказанного обвинения, связанного с заговором, имевшим место в пределах его страны, Франции. Людовик XVI был обвинен в заговоре против народа и признан виновным. Его защиту осуществлял гражданин Десез в суде национального конвента 26.12.1792, т.е. в первый год существования республики.

Это была, пожалуй, одна из самых захватывающих речей в суде, которые когда-либо произносились, - речь, в которой защитник должен был выступить против еще одной опасности - правосудия по политическим мотивам или на основе политического пристрастия, а именно - против нарушения юридического принципа: *nullum crimen et nulla poena sine lege.*

Смело и бесстрашно он заявил:

"Там, где не имеется закона, который бы служил правилом, и судьи, который выносил бы приговор, нельзя ссылаться на всеобщую волю. Всеобщая воля, как таковая, не может

10215

H1211 – 0280

H1211 - 0281

толковать об одном человеке, а также об одном факте. Если нет закона, по которому можно выносить решение, то нет и возможности произнести приговор, следовательно, невозможно представить себе и осуждение". И еще сегодня мы находим основы принципа: *nullum crimen et nulla sine lege*, прочно укрепившимися почти во всех сводах законов.

Мы находим его в немецком и австрийском своде уголовных законов, мы находим его в § I нидерландского свода законов, а также во французском праве, в 4-й статье уголовного кодекса, в котором написано: "Ни одно нарушение, ни один проступок, ни одно преступление не могут быть подвергнуты наказанию, которое не предусматривал закон, действовавший до того, как эти проступки, нарушения и преступления были совершены".

То, что и сегодня для данного процесса это законоположение еще не потеряло своего значения, а напротив сохранило всю полноту своего действия, видно из того, о чем я снова хотел бы напомнить господину французскому обвинителю, что французская конституция, представленная 19 апреля 1946 г. национальному собранию, в 10-й статье о правах человека говорит о том, что "Закон обратной силы не имеет". Никто не может быть осужден и наказан без об'явленного и опубликованного закона, существовавшего до наказуемого действия. Каждый человек, которому пред'явлено обвинение, рассматривается с точки зрения права условно невиновным до тех пор, пока он не об'явлен виновным. Никто не может быть дважды подвергнут наказанию за один и тот же проступок". Если существуют человеческие права для французов, - они должны существовать и для немцев.

Когда в 1936 году зародилась мысль аналогии в немец-

ком законодательстве, это нововведение подверглось строгой критике в юридических кругах и за пределами Германии. Второй международный конгресс по вопросам сравнительного права, происходивший в Гааге в 1937 г., отнесся отрицательно к аналогии в уголовном праве. В этой же резолюции, однако, к принципу nulla poena sine lege конгресс отнесся положительно.

Из сказанного следует, что с точки зрения права на данном процессе нельзя применять положения, которые не имеют законной основы. Континентальное право не знает понятия заговора. Австрийское право, право родины моего подзащитного, которое могло бы быть применено к моему подзащитному, также не знает этого понятия.

В крайнем случае, можно найти лишь очень отдаленную аналогию, если мы будем ссылаться на то, что закон о взрывчатых веществах от 27 мая 1885 г., Рейхсгазетцблатт 134, параграф 5, об'являет наказуемым соглашение о совершении преступления при использовании взрывчатых веществ. Параграф 174, раздел I, пункт "Е" уголовного кодекса считает воровство преступлением в том случае, если вор совершает кражу как соучастник банды, которая об'единилась для совместных краж. Германское право знает следующие формы уголовной ответственности за ~~содеянное~~ преступление, совершенное другим лицом: ~~только как~~ соучастие ~~ника~~, подстрекательство и пособничество.

Во французском праве имеются положения, близкие к этому. Ради краткости мы ограничимся тем, что сошлемся на статьи 56,60,89 и 265 уголовного кодекса.

С тем, что этот вопрос неясен и по меньшей мере сомнителен, соглашается выдающийся русский специалист по международному праву профессор международного права А.М. Трайнин в своей книге "Уголовная ответственность гитлеровцев". На стр. 131 он указывает, что "Проблемы

16217

H1211 – 0282

H1211 – 0283

международного уголовного права, к сожалению, очень мало изучены и недостает теоретического, очень ясного определения основного понятия " международного деликта" и чтр необходимо создать стройную систему этого права".

Согласно заявлению, сделанному Обвинением, главной целью заговора являлись преступления против мира, против обычаев войны и против человечности. О наказуемости отдельных лиц за нарушение мира между государствами уже подробно говорил профессор Ярра'е, описавший состояние теории международного права вне Германии и давший ему оценку. В виду того, что и германские юристы занимались этим вопросом, мне хотелось бы дать некоторые дополнительные об'яснения.

Известный австрийский международник Альфред фон Верросс в своей книге "Международное право" констатировал, что "По ныне действующему принципу совершать преступления с точки зрения международного права могут только государства, а также и другие об'единения, созданные на правовых началах и связанные международным правом, но не отдельные личности..."

После этих кратких дополнительных замечаний о правовых основах этого процесса я перейду к рассмотрению обвинения, пред'явленного моему подзащитному в том, что он, как заговорщик, участвовал в захвате Австрии и, кроме того, что он в Польше и в Нидерландах якобы совершал военные преступления, а также и преступления против человечности.

Итак, первый акт разыгрывается в Австрии, второй в Нидерландах после краткой интермедии, имевшей место в Польше.

Восточнее Берхтесгадена расположен Оберзальцберг.

1211.8

Погруженный в свои мысли, Адольф Гитлер стоит у широкого окна своей дачи и его взор скользит по полям и долинам к покрытым снегом горам, которые загораются пурпурно-красным светом в лучах заходящего солнца. Страна, которую охраняют эти горы, - Австрия, его родина.

Это - германская земля, свободная и независимая, не подчиненная его воле, воле, единовластно господствующей над германской империей. Когда он создавал труд своей жизни в Ландсбергской крепости, на первой же странице книги он писал:

"Германская Австрия должна вернуться в лоно своей великой немецкой родины!"

Из глубоких долин медленно поднимаются ночные тени, и его мысли скользят через горы к старому кайзеровскому городу Вене на Дунае, который он одновременно любит и ненавидит. Это - город его безрадостной юности, имя которого для него связано с воспоминаниями о нужде и лишениях. В своей книге "Моя борьба" он сравнивает этот город с Мюнхеном и говорит о последнем: "Мюнхен - германский город; как он отличается от Вены; мне становилось не по себе, когда я думал об этом "расовом Вавилоне"!

И все-таки по этому городу он тоскует. Он называет в мартовские дни 1938 г. Вену жемчужиной, которой он хочет дать такую оправу, которую заслуживает ее красота. На его столе лежит книга: "История германской Австрии". Гитлер постоянно читал эту книгу, это - история его родины. Мы попытаемся, насколько позволяет время, перелистать эту книгу. Мы читаем: "Австрия в течение многих столетий являлась одним из сильнейших фундаментов, составлявших основу германской жизни. Австрия была и остается частицей германской души, германской славы и германских страданий. Австрия получила в наследство от старой импе-

76219.

H1211 – 0284

H1211 – 0285

рии неизмеримую силу, но она и сама также создала огромные ценности для развития всеобщей культуры".

Священная Римская империя германской нации в 1806 г. распалась. Империя умерла, но идея империи осталась жить. У Лейпцига боролись в 1813 г. плечом к плечу прусские и австрийские солдаты, они боролись вместе также и под водительством Шварценберга, Шарнгорста, Гнейзенау и Блюхера для освобождения от ига корсиканского тирана.

II января 1849 года во Франкфурте на Майне собрались депутаты всех германских провинций на конституционное национальное собрание. Австрийский депутат - асессор горного ведомства Карл Вагнер из Штейра в Верхней Австрии сказал тогда знаменательные слова: " Оставьте для нас одно отверстие, через которое мы сможем пройти, и мы придем, к сожалению, возможно, не все, но мы - германские австрийцы - придем, как и когда,- это сказать никто не может, ибо прочитать то,что написано в книге судеб, нельзя. Но мы придем!"

За год до этого в церкви Павла, где встретились представители всех германских провинций и городов, депутат поэт Людвиг Уланд произнес знаменательные слова: "Если Австрии даже суждено быть светочем для Востока, то все же ее ближайшая и высшая задача заключается в том, что она должна стать главной артерией в сердце Германии". Но на полях сражения в Кенигреца было в 1866 г. уничтожена тысячелетняя общность Австрии и Германии и Австрия была вынуждена выйти из германского союза. И еще раз, тем не менее перед тем, как двойной орел Габсбургов был навеки свержен, в 1914-18 гг. плечом к плечу немцы и австрийцы боролись, связанные клятвой верности Нибелунгов, за свободу родины.

11220

Почти тысячелетняя общая история, главным же образом общий язык и общее происхождение, общие традиции и общие формы жизни обуславливали тесное сотрудничество и единство во всех областях духовной культуры, литературы и научных исследований. Но разве не символом духовной общности является то, что так же как и северо-германский писатель Геббель, Бетховен и Брамс избрали город искусства - Вену - в качестве постоянного места своего творчества. Нет немецкой музыки без Австрии. Однако, не только в области искусства, но и в области науки и техники Австрия сделала свой вклад в культурную жизнь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мне кажется, что Трибунал может ознакомиться с историей Австрии без того, чтобы вы ее здесь оглашали, представляя ее как часть вашей речи. До сих пор на протяжении 20 страниц вашей речи вы знакомили нас только с историей Австрии.

ШТЕННБАУЭР: Господин председатель, я считаю необходимым изложить здесь те основы, из которых исходил мой подзащитный при рассмотрении австрийской проблемы. Но я уже закончил сейчас, господин председатель, и перехожу к фактическому материалу.

Единственным желанием двух великих людей 3-й Империи, являлось присоединение Австрии в удобный момент, это - ключ к решению вопроса об аншлюссе. Для этого не нужно создавать заговор. Те, кто участвовал в выполнении этой воли, были не больше, как фигуры на шахматной доске или статистами в большом мировом театре.

Однако вернемся к Австрии.

Я уже во время представления доказательств указал на то, что, по моему мнению, к "аншлюссу" привели три причины. Свое мнение я пытался подтвердить представленными

16221

H1211-0286

H1211 – 0287

документами, на которые я сейчас сошлюсь.

I. Экономическая нужда,

2. Возникшая отсюда рознь между демократическими партиями и

3. Отношение великих держав к Австрии, в особенности в критические дни марта 1938 года.

Доктор Карл Ренер, президент Австрийской республики, пользующийся доверием 4-х оккупационных держав, на которого с почтением смотрит также и весь австрийский народ, потому что он во второй раз в тяжелое и критическое время берет в свои руки кормило государственного корабля, в своем меморандуме от 1945 г. очень метко отобразил историю "аншлюса" Австрии. "Политическая причина того, что к концу первой мировой войны идея аншлюса захватила почти без исключения всю Австрию, заключалась в неоднократных заявлениях держав-победительниц, что война велась за "право наций на самоопределение".

"Однако, эта политическая причина не являлась решающей для масс. Австрия - горная страна, в которой слишком мало пахотной земли, страна совершенно односторонней экономической структуры, в столице которой проживает около одной трети всего ее населения. Промышленность этой страны кормит значительную часть населения лишь тем, что работает для соседей, получая за это от них сырье, хлеб. Поэтому Австрия не могла прокормить себя, чему еще более содействовало внезапное отделение ее главных пахотных земель, которые до того времени входили в единую таможенную территорию Дунайской монархии. Кроме того, протекционистские мероприятия 1918 года со стороны лоскутных государств также отобрали у страны в одно и то же время как источники питания, так и рынки сбыта. И вот опасения

относительно того, что рабочие будут не в состоянии прокормить себя и обеспечить себе на родине работу, из-за внезапного сужения рабочего рынка, заставляли почти каждого в 1918 г. считать аншлюс единственным мыслимым выходом из создавшегося положения. О каком-либо национальном шовинизме у рабочего класса Австрии не могло быть и речи, тем более, что он в большей своей части ~~ведет~~ по своему происхождению не ~~от немцев~~ принадлежит к немецкой национальности, и почти не чувствует своей связи с родиной. Перед рабочими всех отраслей стояла угроза непреодолимой конкуренции германской имперской, а также и чехословацкой промышленности, конкуренция, с которой маленькая, отрезанная болотами и бедная сырьем страна не могла бороться. Только осознав это экономическое положение, можно понять движение за аншлюс и то, каким образом заявление Гитлера об уничтожении безработицы произвело столь глубокое впечатление на австрийских рабочих, и почему воля к сопротивлению внутри этого рабочего класса была вначале столь незначительной..."

Решением от 5 сентября 1931 г. постоянный международный Трибунал в Гааге большинством голосов /8 за, 7 против/ об'явил запланированную между Германией и Австрией таможенную унию несовместимой с положениями Женевского протокола от 4 октября 1922 г.

Это было последней официальной обоюдной попыткой правительств установить более тесные государственно-правовые отношения, основанные на согласии держав-победительниц. Эта попытка провалилась. Не должно ли было тогда в головах фанатических сторонников аншлюса пробудиться убеждение, что эта высокая национальная цель может быть достигнута лишь собственными силами?

Через год после этого пассив австрийской внешней тор-

76122

H1211 – 0288

H1211 – 0289

говли достиг 613 миллионов шиллингов. 15 июля 1932 г. д-р Дольфус заключил в Лозанне соглашение о займе при условиях отсрочки вопроса об аншлюсе еще на 10 лет. Ратификации произошла на заседании национального совета 30 августа 1932 г. большинством 82 голосов против 80. В союзном совете социал-демократ Кернер, бывший бургомистр Вены, заявил протест против этого закона, имея в виду, что его следствием будет более тесная общность с германской империей. Через год после этого Гитлер пришел к власти. Социал-демократы с самого начала поняли истину и отреклись от аншлюсса, ибо они увидели в самом начале, что их партия разгромлена, профсоюзы распущены, рейхстаг положен и что началось преследование евреев. Католические круги, которые путем аншлюсса хотели усилить влияние католической церкви в империи, также отреклись от аншлюсса в виду начавшегося в империи преследования церкви, за аншлюсс выступали только национал-социалисты, число которых за короткое время возросло в 10 раз. Так как д-р Дольфус отрезал нац.-социалистам путь к власти с помощью выборов в парламент, они под руководством государственного инспектора Тео Хабихта стремились к власти в государстве всякими другими путями. Наступают кровавые события 1934 г. Д-р Дольфус умирает от руки убийцы. Его преемник д-р Шушниг пытается снова привести в порядок глубоко потрясенную государственную систему. Социалисты, имея в виду февральские события 1934 г., ухмыляясь, стоят в стороне. Меняется также и внешнеполитическая ситуация. Если в 1934 г. Италия еще стояла на стороне Австрии, и Муссолини угрожающе придвинул свои дивизии на север к Бреннеру, то абиссинская авантюра привела Италию на сторону Гитлера. Австрия вынуждена участвовать в изменении внешнеполитиче-

16224

ского курса для того,чтобы улучшить экономическое положение, она заключает II июля 1936 г. соглашение, по которому Германия признает ее независимость и прекращает экономическую войну. Однако,ценой всего этого являлся ряд мероприятий, которыми национал-социалисты обеспечивали упрочение своего положения в Австрии. Для того,чтобы расширить узкую платформу своего правительства и достичь действительного удовлетворения, канцлер д-р Шушниг об'являет о привлечении так называемых националистов к сотрудничеству. Среди этих лиц находится также подозримый, который затем в мае 1937 г. становится австрийским государственным советником. Как уже упоминалось выше,его политической программой была идея аншлюса,он никогда не делал из этого секрета. Нельзя забывать,что подозримый происходит из рядов национальной оппозиции. Аншлюс приближал его к национал-социализму. Я не буду заниматься исследованием, когда он формально стал членом партии. Среди изъятых при его аресте документов находилась также его членская карточка с номером превышающим 7 миллионов. Эти данные о принадлежности к партии подтверждают также свидетели гайлейтеры Райнер и Аберрейтер. Когда новый государственный советник в связи со своим назначением в Берлине нанес визит заместителю фюрера Гессу, последний был очень вежлив, но холоден. Он выразил сожаление,что Зейсс-Инкварт не является ветераном борьбы.

В задачи доктора Зейсс-Инкварта входил контроль за проведением в жизнь июльского соглашения, он должен был быть посредником между австрийским правительством и национальными кругами,с одной стороны, и с империей, - с другой. Эта задача была очень трудной и неблагодарной. Круги,сохранившие верность отечеству, не могли забыть

10225

H1211 – 0290

H1211 – 0291

террора национал-социалистов во времена Дольфуса. А национал-социалисты, руководителем которых стал капитан Леопольд, были недовольны методами работы национального представителя Зейсс-Инкварта при правительстве. Между этими людьми беспрерывно возникали разногласия, которые зашли так далеко, что Зейсс-Инкварт хотел отказаться от поручения способствовать достижению взаимопонимания. Для краткости я сошлюсь на документы № 44 /письмо государственного секретаря Кепплера генералу Боденшатцу/, № 45 /телеграмма Геринга Кепплеру/ и № 46 /США-704/ из моей книги документов. Постоянно имели место нарушения июльского соглашения. Австрийская полиция обнаружила известный теперь под именем плана Тавса план переворота, целью которого было коренное изменение формы правления. Министр Гидо Перматто говорил, что подсудимый стоял в стороне от всех этих планов. Последовало совещание от 12 февраля 1938 г. в Оберзальцберге. Ход этого совещания известен. То, что подсудимый накануне этого совещания имел беседу не только с Перматто, заместителем и доверенным лицом канцлера в правительстве, но также и с национальными руководителями, становится понятным, если не забывать той роли посредника, которую играл подсудимый в то время. Он должен был знать требования, предъявляемые оппозиции на случай, если бы при встрече обоих государственных деятелей в Берхтесгадене были урегулированы все противоречия.

То обстоятельство, что национал-социалистская партия стремилась использовать эту ситуацию в своих целях, и то, что она действовала более оперативно, послав Мюльмана, чем ничего не подозревавший канцлер Шушниг, не может служить подсудимому Обвинением в том, что он вел двойную игру в целях заговора. Я и здесь сошлюсь на заявления умершего

11226

в эмиграции министра Дернатто, который сказал, что у него сложилось такое впечатление, что Зейсс-Инкварт не имел никакого представления о достигнутом в Оберзальцберге соглашении. На основе этого соглашения Зейсс-Инкварт стал министром внутренних дел и министром безопасности. В качестве такового он едет в Берлин, чтобы там нанести официальный визит главе Германской империи и развить перед ним свою политическую программу о взаимоотношениях обоих государств, известную Трибуналу по представленной протокольной записи. Показания подсудимого в качестве свидетеля о содержании этой беседы кажутся вполне правдоподобными. В то время Гитлер, очевидно, по различным причинам, еще не принял решения произвести аншлюс Австрии. Здесь следует сослаться на показания подсудимого Геринга, который во время допроса 14 марта заявил: "Я не присутствовал в Верхтесгадене и не был согласен с этим соглашением, ибо я был против всякого соглашения, которое продолжало состояние неопределенного положения". Благодаря берхтесгаденскому соглашению нацистам в Австрии была дана широкая возможность деятельности и ведения пропаганды. Выпущенные из тюрем, согласно закону об амнистии, 2.000 членов партии частично возвратились из империи в Австрию и стали там работать и вели пропаганду, особенно в провинциях, за вступление в партию. В частности, они использовали речь Гитлера в рейхстаге от 20 февраля в качестве сигнала к антигосударственным демонстрациям для того, чтобы в кратчайший срок захватить правительственную власть в свои руки. Не только Шушниг, но и широкие массы рабочих поняли теперь всю опасность ситуации. Навислая опасность заставила забыть прошлые разногласия, и Шушниг начал вести переговоры с социалистиче-

16227.

H1211 – 0292

H1211-0293

скими вождями рабочих и с христианскими профсоюзами, которые должны были путем создания единого фронта обороны всех демократических сил дать возможность отразить предстоящее нападение нацизма. Было необходимо быстро действовать, и Шушниг об'явил о народном голосовании. Вся страна очнулась от летаргического сна. Рабочих и крестьян призывали к обороне, и под руководством Цернатто в кратчайший срок была проведена подготовка к выборам на фабриках и в отдаленных горных селениях. Было совершенно ясно, что эта попытка канцлера Шушнига в последний момент повернуть руль и изменить курс должна была вызвать не только сопротивление национал-социалистов в Австрии, но и сопротивление в империи. Гитлер был в бешенстве и Муссолини был, к сожалению, слишком прав, когда он предостерегал Шушнига от назначения выборов, указав, что они будут бомбой, которая разорвется в его собственных руках.

Возвратимся к подсудимому. Он был не только членом правительства, он был также доверенным лицом национальной оппозиции и ответственным за соблюдение Берхтесгаденского соглашения по отношению к империи.

Если Обвинение говорит здесь о том, что он не сдержал своего честного слова, данного им Шушнигу в отношении выборов, то это является неверным. Я укажу речь, произнесенную гаулейтером Райнером II марта 1942 года перед членами партии в Каринтии. На двенадцатой странице этого документа / ПС-400/ говорится, что секретарь Цернатто была тайным членом НСДАП и что она узнав о плане голосования, немедленно передала его своим товарищам по партии. Райнер говорит, что уже в II часов 30 минут того же вечера они знали весь план голосования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас мы об'явим перерыв.

/Об'является перерыв на 10 минут/.

Встать! Суд идет!

ШТЕННБАУЭР: Протест, заявленный Зейсс-Инквартом от имени национал-социалистов против народного голосования канцлеру, был с формально-юридической стороны совершенно обоснован. Не говоря уже о том, что вследствие недостатка времени не было никаких гарантий в том, что выборы будут проведены организованно, - они также не были обоснованы и существовавшей конституцией, ибо статья 65-я австрийской конституции от I мая 1934 года точно определяет, при каких обстоятельствах выборы могут быть проведены. Поэтому доктор Шушниг при об'явлении голосования ссылался лишь на 93-ю статью конституции, в которой об этом говорится лишь в общих словах: "Канцлер дает основные установки в области политики". Проведение выборов было поручено Отечественному фронту, т.е. политической организации. Дальнейшее развитие событий известно, особенно события II марта 1938 года. Главным моментом для об'явления Зейсс-Инкварта участником заговора является его телеграмма о мнимых беспорядках, которая будто бы дала толчок вступлению немецких войск в Австрию. Мы встречаем эту историческую ложь, принесшую подсудимому имя "Иуды Австрии", в описаниях событий, связанных с аншлюссом, например, в книге Рафаэля Лемкина "Господство Оси в оккупированной Европе" /стр. 109/. Но, кроме того, мы встречаем это имя во вступительной речи главного американского обвинителя старшего судьи Джексона, несмотря на то, что представление записи телефонных разговоров Геринга /ПС-2949/ - в связи с показаниями, которые Геринг давал в качестве свидетеля, неопровержимо доказало, что эта телеграмма не была послана, а была продиктована третьему лицу в тот момент, когда немецкие войска уже

10229

H1211 - 0294

H1211 – 0295

получили приказ перейти границы. В связи с этим, указанные телефонные разговоры Геринга представляют собой важнейший исторический документ. Речь Райнера в Каринтии и его свидетельские показания Трибуналу опровергают обвинение, касающееся участия Зейсс-Инкварта в захвате власти. Как показывает документ 4005-ПС, человеком, который воспользовался телефоном канцлера, был Глобочник, который сделал это с целью поднять по тревоге провинции. Став, вследствие вынужденной отставки Шушнига, канцлером, подсудимый обсуждает создание министерства, призывает министров ко вступлению в кабинет и привозит уходящего в отставку главу правительства домой в своем собственном автомобиле. Если к этому добавить некоторые факты из показаний свидетелей Штукерта и Глайзе-Хорстенау, о том, при каких обстоятельствах вышел в свет закон об аншлюсе, тогда мы с уверенностью можем сказать, что Дернатто был прав, когда он писал, что Австрия была захвачена, по его мнению, даже вопреки воле Зейсс-Инкварта и его правительства! /Доказательство № 63/. Поэтому всякий, кто беспристрастно проследит за всеми событиями мартовских дней 1938 года относительно аншлюсса и, в частности, проследит за ролью подсудимого, должен притти к выводу о том, что не может быть и речи о тщательно взвешенном "плане заговора" и о точно рассчитанном совершении преступления. Что касается Австрии, то англичанин Гейд прав, говоря, что со вступлением германских войск в Австрию опустился занавес в "Австрийской трагедии". Однако вскоре он должен был снова подняться для новой пьесы, называемой "Мученичество Австрии".

15 марта 1938 года Адольф Гитлер прибыл в Вену. Здесь, в зале суда, мы видели фильм, показывающий, как он там

16230

был встречен. С чувством внутреннего волнения, подсудимый положил ему: "Сегодня завершено то,за что сотни лет боролась германская история, за что истекли кровью и умерли бесчисленные миллионы лучших немцев,что во время жаркой битвы было конечной целью, что во время горьких минут являлось последним утешением. Остмарк возвращен рейху! Империя воскресла,создана германская народная империя". Таким образом, Зейсс-Инкварт высказал свою политическую цель, которая была путеводной звездой его действий и ею и осталась.

Вместе с фюрером в Вену прибыл Иосиф Геббельс,пустивший в ход свою гигантскую машину пропаганды с наивысшим напряжением. Митинги следовали один за другим. Проводились торжества. По всей стране нельзя было найти ни одного дома, который бы не был украшен флагами. Руководитель социалистических рабочих сказал: "Я голосую за". Епископы призывали к выполнению национального долга: "Отдавай богу божеское, а кесарю - кесарево!" Но и тем и другим было суждено разочароваться,так как вместе с Геббельсом прибыл и Гиммлер со своими гестапо и СС. Уже в ночь на I2 марта в Вене началась большая кампания арестов. Она коснулась бывших членов союзов обороны,выдающихся руководителей социалистического союза "шуцбунд",а также занимавшихся политикой и участвовавших в общественной жизни евреев, коммунистов,монархистов, духовенства и масонов, Она коснулась даже руководителей бойскаутов и австрийской организации молодежи. Только в одной Вене было произведено 76.000 арестов. А уже 2.IУ-I938 года с Западного вокзала отошел первый транспорт в Дахау,в котором находилось I65 бывших руководящих деятелей, среди которых находились также теперешний канцлер

16231

H1211 – 0296

H1211 – 0297

фигль, министр просвещения Хурдес и министр юстиции доктор Герё. 21 мая был отправлен следующий транспорт, в конце мая - третий и так продолжалось и дальше. Ровно раз в 7 дней отбывали транспорты в Дахау, Бухенвальд и Заксенхаузен. 10 мая 1946 года Венский народный суд приговорил к смертной казни Антона Бруннера, инициатора отправки 49.000 человек, большинство которых составляли евреи, в лагери уничтожения Терезиенштадт, Освенцим, Минск и Рига.

А подсудимый? Он был лишен влияния и прижат к стенке. Имперским комиссаром воссоединения Австрии с империей был назначен победитель в саарской избирательной борьбе Йозеф Бюркель, который получил диктаторскую власть. Полномочия подсудимого были едва ли больше полномочий обер-президента в империи, то-есть он обладал административной властью второй инстанции. Перед ним стоял Бюркель, который под предлогом осуществления присоединения вмешивался во все и требовал для себя всего, в частности, он взял под свой контроль также и разрешение вопроса о церкви и разрешение еврейского вопроса. Это доказывают НН 67, 70, 91. Подсудимый был против методов Бюркеля. 8 апреля 1938 года он по поводу происшествия в Граце заявил протест самому Гитлеру. Это известно из свидетельских показаний Нейбахера, Шираха и Штрикера, а также из документов, пред'явленных защитой. Но Бюркель, которого Черчилль в своей книге "Шаг за шагом" назвал "губернатором" Вены, остался все же победителем, а неудобный, вечно предостерегающий Зейсс-Инкварт был переведен в Южную Польшу на пост комиссара провинции. Уже одно это отношение со стороны его мнимых созаговорщиков слишком ясно доказывает, что Зейсс-Инкварт, которым руководило воодушевление по поводу ан-

плюсса, не мог быть заговорщиком. Он был не руководителем, но руководимым, или, по-моему, правильнее сказать, обманутым, хотя, возможно, и добровольным орудием в руках обоих великих деятелей Гитлера и Геринга. Его политическим идеалом был аншлюсс, конечно, без всякого намерения ведения агрессивной войны.

Конечно, после аншлюсса в Австрии имелся своего рода экономический под'ем, однако, чисто этот под'ем был лишь видимым и об'яснялся ростом вооружения. Но что вообще разыгралось там, это не было аншлюссом в том смысле, как это представляли себе воодушевленные приверженцы аншлюсса в Австрии и в особенности это стало ясно тогда, когда война дала повод и предлог для беспощадной нивелировки и подавления любого критического мнения.

Австрия не прекращала надеяться на свое освобождение и бороться за него. Было много горя и много мертвых! 6.000 человек были казнены в Австрии. В одном только венском областном суде погибло на гильотине 1.200 человек, среди которых 800 человек было казнено только лишь вследствии их антинацистских настроений. В последние дни войны прекрасные постройки Вены обратились в развалины, собор Стефана, один из величайших памятников немецкой готики, погиб в пламени. Так исполнились обещания Гитлера, данные им 15 марта 1938 года: "Всякая женщина имеет право, которую заслуживает ее красота".

Но идея аншлюсса, т.е. желание национального об'единения народа, была преступлением. Преступным было введение той системы, которая сделала навеки невозможным осуществление идеи аншлюсса, а этого подсудимый определенно не желал. В заключение моих рассуждений по австрийскому вопросу, я перейду к краткому изложению рассмотрению, с точки зрения права, обвинения, пред'явленного моему под-

10833.

H1211-0298

H1211 – 0299

защитному.

С целью выяснения его правовой ответственности, я коротко обрисую его действия в следующем обзоре. Вначале о его политической деятельности:

I. После соглашения, заключенного II июля 1936 года, австрийский канцлер доктор Шушниг привлек подсудимого Зейсс-Инкварта к сотрудничеству в качестве представителя национальной оппозиции, а не как политического единомышленника и представителя партии, как, например, свидетеля Гвидо Шмидта.

2. Зейсс-Инкварт все время - и в первый раз доктору Дольфусу в июле 1934 года - заявлял, что теперь национальная оппозиция состоит только из национал-социалистов, которые руководствуются только волей Гитлера и, во всяком случае, никогда не выступят против воли Гитлера.

3. Зейсс-Инкварт заявил о том, что он является национал-социалистом, т.е. что он всегда будет представлять интересы австрийских национал-социалистов. Это подтверждает не только свидетель Скубль, но и высказывания заслуживающих доверия лиц, которые я ранее цитировал.

4. Для избежания военного или международного конфликта Зейсс-Инкварт преследовал цель вести деятельность в интересах австрийских национал-социалистов, независимых от имперской партии, при тесном сотрудничестве Австрии и Германии.

5. Зейсс-Инкварт заявлял, что эта цель может быть достигнута лишь в том случае, если с нею согласен Гитлер, который даст разрешение австрийским национал-социалистам встать на путь вышеуказанной политики. Этого он хотел добиться.

6. Своего кульминационного пункта усилия Зейсс-Ин-

кварта достигли во время беседы с Гитлером 17 февраля 1938 года. Будучи произведенным в министры, так сказать, по милости Гитлера, Зейсс-Инкварт защищал свою австрийскую программу.

Здесь заключается заблуждение Зейсс-Инкварта. Он думал, что Гитлер и Берлин будут определять политику, то-есть говоря словами Бисмарка, будут учить искусству возможного. Но Берлин не хотел проводить никакой политики. Поэтому политика Зейсс-Инкварта II марта потерпела неудачу. Подлежит ли такое заблуждение наказанию, если и австрийские государственные руководители хотели итти тем же путем к соглашению, и доктор Шушниг, зная его программу, предоставил ему действовать самостоятельно?

Если учесть эту принципиальную позицию подсудимого, деталям его политической тактики до марта 1938 г. следует придавать лишь второстепенное значение.

Перехожу к деятельности подсудимого в качестве министра внутренних дел и министра безопасности.

7/ Нельзя найти следа какого-либо нацистского влияния на органы исполнительной власти в Австрии. Свидетель Скубль подтвердил это с достаточной ясностью. Зейсс-Инкварт запретил полиции придерживаться какой-либо точки зрения /документ 51/, он запретил национал-социалистские демонстрации /документ 59/, он избегал таких возможностей /документ 59/, он призывал австрийских нацистов к легальной деятельности /документ 52/.

8/ II марта 1938 года Зейсс-Инкварт выполнял обязанности "связного" по берхтесгаденскому соглашению. Вместе с Глейзе-Хорстенау он изложил доктору Шушнигу утром II марта совершенно откровенно создавшееся положение. В частности, он указал на угрожающие национал-социалист-

11835

H1211-0300

H1211 – 0301

ские демонстрации и на возможность вступления германских войск. В полдень он передал Шушнигу требование Геринга, а затем его ответ - Герингу.

9/ После того,как доктор Шушниг подал в отставку, Зейсс-Инкварт держался в стороне от дел. Он ни в коей мере не выполнял требования Геринга способствовать передаче поста канцлера в его руки или захвату власти. Как известно, ультиматум, содержавший угрозу вступления германских войск, был передан советником посольства фон Штейном, и генералом фон Муфф, под давлением которых президент Миклас, наконец, сдал свои позиции. Это видно из показаний президента Микласа /ПС-3697/ и свидетелей Райнера и Шмидта.

10/ Только после прощальной речи доктора Шушнига, Зейсс-Инкварт выступил перед общественностью с призывом к поддержанию порядка. Он назвал себя не временным правительством, а министром внутренних дел и безопасности, как это подтвердил свидетель Шмидт. Призыв не оказывать сопротивления германским войскам он взял из прощальной речи доктора Шушнига.

11/ Зейсс-Инкварт, поскольку это было возможно, стремился сохранить независимость Австрии, что, например, видно из его телефонных разговоров с Герингом /документ № 58/. Это подтверждается также и обращением к Гвидо Шмидту, которого он просил войти в свой правительственный кабинет в качестве министра иностранных дел, как это подтверждает свидетель Шмидт. Это же подтверждается показаниями свидетеля Скубля; это вытекает также из отказа от отправки требуемой телеграммы /документ № 58/; из ходатайства перед Гитлером не отдавать приказ о вступлении войск, как это подтверждает Геринг; из ходатайства

перед Гитлером разрешить также и австрийским войскам вступить в империю.

12/. Согласно Ш-й статье австрийской конституции от I мая 1934 года 13 марта 1938 года был издан закон об аншлюссе. Психологическая ситуация для Зейсс-Инкварта была такой же, как и для всех остальных австрийцев, которые 10 апреля на тайных выборах 4.381.070 голосами "за" при, примерно, 15.000 голосов "против" высказались за аншлюсс.

Между прочим, Зейсс-Инкварта обвиняют еще и в том, что он, во-первых, будто бы использовал свои различные посты и свое личное влияние для помощи нацистским заговорщикам при захвате власти во время аншлюсса, а также при контроле над Австрией;

а, во-вторых, что ~~по мнению Обвинения, что в качестве~~ интегральной составной частью его преступного намерения, понимаемого в духе обвинительного заключения, является его участие в составлении политических планов, в подготовке нацистских заговорщиков к агрессивным войнам и войнам в нарушение международных договоров, соглашений и заверений.

К I. Что касается этого обвинения, то я сошлюсь на ранее сделанный обзор и могу ограничиться следующим ответом:

Никогда не считалось, что в основе присоединения Австрии к Германской империи лежал преступный политический замысел, а это присоединение было единственной целью подсудимого. Здесь, как впрочем и в других пунктах, обвинение выходит за рамки, обозначенные уставом.

К 2. Что же касается второго обвинения в том, что подсудимый Зейсс-Инкварт будто бы участвовал в преступном заговоре против мира, то это обвинение следует также рассматривать с точки зрения раздела 2/А § 6 Устава, в

16337

H1211 – 0302

H1211 - 0303

котором,между прочим, в качестве преступления предусмотрено совместное планирование, подготовка или проведение агрессивной войны или войны, связанной с нарушениями международных соглашений, ведущие к нарушению мира.

Сейчас я предоставляю Суду решить вопрос о том,можно ли вступление в Австрию совместить с положением, изложенным в § 6,несмотря на то, что дело здесь не дошло даже до войны. Устав говорит,что поводом для наказания является именно война, так как этим нарушается мир. Я и с такой интерпретацией согласиться не могу, ибо немыслимо считать совершенным преступлением планирование войны,которое затем было прекращено, или,наконец, войну,которая не требовала человеческих жертв. Я заявляю со всей решительностью, что до сих пор не пред'явлено доказательств о том, что мой подзащитный ,желая аншлюса Австрии с Германией, имел в виду это достигнуть каким-либо немирным путем. Наоборот,его решение заняться политикой после событий 25 июля 1934 г. было продиктовано стремлением не допустить превращения вопроса о присоединении в причину военных или международных осложнений. Ему не верилось, что Гитлер или окружавшие его люди могли серьезно рассматривать возможность такого рода последствий. Исход австрийской кампании оправдал эти его взгляды. Германские войска при вступлении в Австрию были встречены ликованием и цветами.

Что касается великих держав, то Франция и Англия 12 марта 1938 года, правда,заявили протест против аншлюса, но этот протест был очень мягким и платоническим.Военной поддержки Шушнигу оказано не было, никто не обратился и к гаранту независимости Австрии, Лиге наций.

14 марта 1938 года английское правительство заявило в

палате общин, что оно со своими друзьями из Женевской Антанты обсудило создавшееся положение и что на этом обсуждении все пришли к единодушному выводу о том, что обсуждение этого вопроса в Женеве не приведет к какому-либо желаемому результату.

Когда германское министерство иностранных дел поставило Лигу Наций в известность об аншлюссе, Лига наций приняла это сообщение без возражений и вручила австрийскому представителю Пфлюглю паспорта.

Гаагский третейский суд вычеркнул из списка своих судей представителя от Австрии, венского профессора Вердросса. Дипломатические представители были отозваны, в других случаях представительства были превращены в консульства Германской империи.

Прошло совсем немного времени, и, уже несколько месяцев спустя после занятия Австрии и присоединения этой малой страны, с мнимым агрессором 29 сентября 1939 года в Мюнхене был заключен договор в отношении второго малого государства.

Французский обвинитель де Ментон в своей обвинительной речи воскресил память великого политика и государственного деятеля Политиса. Я также хочу здесь напомнить его слова. Незадолго до своей преждевременной кончины он писал в своей книге "Международная мораль" следующее: "Тот, кто угрожает малым нациям, угрожает всему человечеству".

Державы - члены Лиги наций, после случая с Австрией не сочли нужным учесть это положение.

Они не посчитали себя обязанными также применить и другой принцип международного порядка в отношении аншлюсса Австрии.

11239.

H1211 - 0304

H1211 – 0305

Я имею в виду тот принцип, который вошел в теорию международного права и в язык дипломатов под наименованием доктрины Стимсона.

И,наконец, я хочу возобновить в памяти Трибунала заявление совета Лиги наций от 16 февраля 1932 г.,в котором доктрина Стимсона, поднятая на принципиальную высоту,нашла следующее выражение: "Ни одно нарушение территориальной целостности и нарушение политической независимости членов Лиги наций, совершенное вопреки 10-й статье /Устава Лиги наций/, не может быть признано законным со стороны государств - членов этой Лиги".

Несмотря на это,все государства земного шара признали присоединение Австрии к германской империи,не вспомнив даже доктрины Стимсона.

Этим опровергается основное утверждение Обвинения, предъявленное Германии, о том, что она будто бы нарушила три договора; во-первых, германо-австрийское соглашение от от II июля 1936 г., во-вторых, 88-ю статью Сен-Жерменского договора и,наконец, 80-ю статью Версальского договора.

Здесь следует указать на то, что все государства-члены Лиги наций не только согласились с нарушением договора, но и сверх того, своим поведением молчаливо одобрили это нарушение. В этом заключается,по крайней мере,отказ от соблюдения норм международного права, и державы, подписавшие этот договор,лишились тем самым всех прав на санкции против государства,нарушившего договор,которые противоречили бы существующим понятиям права.

Что касается,в частности, 88-й статьи Сен-Жерменского договора, то нарушение этого договора не может быть поставлено в вину германскому правительству, а тем самым

1.02.40.

и подсудимому Зейсс-Инкварту, как мнимому соучастнику заговора, хотя бы потому, что Германия не подписывала этот договор, а тем самым и не была им связана, поскольку он был для нее: *res inter alios acta* /делом, касающимся других/.

Далее идет германо-австрийский договор от 11 июля 1936 г. Этот договор являлся для других держав, кроме Германии и Австрии, *res inter alios acta*, т.е. здесь заявить протест против нарушения договора могла только Австрия. Кроме того, в этой связи я должен обратить внимание на то, что возрожденная Австрия не подписывала Лондонского соглашения от 8 августа 1945 г. Соответственно этому четыре государства - основатели Международного Военного Трибунала - неправомочны представлять на этом процессе интересы Австрии.

Что касается 80-й статьи Версальского договора, то я противостою искушению разобрать этот вопрос с точки зрения законности этого положения, в частности, я не буду останавливаться на значении, которое могли бы иметь противоречия, имеющие место между этой статьей и так называемыми 14 пунктами Вильсона с точки зрения права.

Но совершенно отказаться от высказываний даже общих мыслей в заключение моих рассуждений по правовым вопросам и, в частности, об австрийском вопросе, я не могу. Одним из величайших международных принципов, выработавшихся в муках, борьбе и в заблуждениях в течение XIX и XX веков и во все большем масштабе претворяющихся в жизнь, является принцип права на самоопределение народов. Этот принцип права на самоопределение народов так сильно укоренился в международном праве нашего столетия, что я склонен думать о том, что его следует причислить к общим принципам

1.6241

H1211 – 0306

H1211 – 0307

международного права, т.к. это такая мысль, которая близка демократическому мышлению. Поэтому этот принцип, наряду с Уставом, обычным международным правом и наряду с договорным правом должен стать основной нормой для вынесения приговора Нюрнбергским Международным Военным Трибуналом, который при решении других вопросов также должен руководствоваться этой же основой. Особое внимание на этот принцип следует обращать при разрешении вопросов, связанных с договорным правом.

Ряд государств обязан своим существованием этому благородному выражению демократической идеи. Австрийцам после первой мировой войны в этой милости было отказано. Несмотря на то, что народы Австрии и Германии в 1918 г. единодушно стремились к одной цели, Австрия была вынуждена из-за искусственного отторжения ее от Германии влачить жалкое существование, как противоестественное государственное образование, которое не могло ни жить, ни умереть.

Как горько звучат слова Энциклика "Ubi arcano ", произнесенные 23 декабря 1922 года: "Мы надеялись на мир, но он не принес нам благополучия; мы надеялись на исцеление, а наступил ужас; мы надеялись на покой, но наступила сумятица. Мы ожидали свет, а наступила тьма".

В 1938 г. народы Австрии и Германии также стремились к одной цели, цели об'единения, которая на этот раз им и удалась.

С точки врения мировой истории, аншлюс Австрии означает ни что иное, как необходимое интегрирование могучего, ~~живущего~~ действующего в настоящее время международного принципа - "права народов на самоопределение". Динамика этого принципа прорвала искусственные и противоестественные положения договора.

1.02.42.

Кто может здесь говорить о вине?

По вопросу о Чехословакии мне нечего сказать, а по вопросу о Польше я могу сказать лишь немногое, так как мой подзащитный ни с какой стороны не проявил себя по отношению к полякам в течение того короткого времени, пока он находился в Польше, где он главным образом занимался организационными вопросами, связанными с созданием германского административного аппарата. В данном случае будет достаточно указать на те результаты, которые показали пред'явленные показательства. То же нужно сказать и о его почетном звании в СС. Я добавлю только, что человек, имевший почетное звание в СС никогда не подчинялся Гиммлеру, как в отношении отдачи приказов, так и в дисциплинарном отношении. Люди, имевшие почетное звание в СС каких-либо функций в СС никогда не имели. Что касается его работы в качестве министра без портфеля, то значение этой его деятельности будет разбираться в связи с рассмотрением вопроса об организациях по делу "имперского правительства".

Поэтому я спешу перейти от интермедии, ко второй части рассматриваемого судебного дела - к Нидерландам.

Нидерланды

Многие знают Нидерланды, как страну ветряных мельниц, деревянных башмаков и пароваров, построек из красного кирпича, имеющую крупный рогатый скот, который пасется на горных лужайках и на обширных пестрых полях. Я знаю Нидерланды, как страну, которая подарила человечеству Рембрандта и многих мастеров нидерландской школы живописи, великого ученого в области международного права де Гротиуса. Я знаю Нидерланды, как страну, которая вела крова-

11243.

H1211 – 0308

H1211 – 0309

вую борьбу за свою свободу с Филиппом II, королем Испании, и которая породила великого героя флотоводца де Рютера, который 21 августа 1673 года выиграл одно из величайших морских сражений истории. И здесь,на процессе, мы узнали, что из всех оккупированных стран Нидерландцы оказывали наиболее целеустремленное, самое упорное, становившееся все более эффективным политическое сопротивление и что этот народ в течение нескольких лет не терял надежды на то, что в один прекрасный день для него опять восторжествует свобода!

Девиз ~~одной из~~ голландской провинций Нелланд: "Я ~~сражаюсь~~ борюсь и ~~остаюсь свободным~~ одерживаю верх" стал лозунгом всей страны.

Вот в эту страну в мае 1940 г. в качестве верховного начальника гражданской администрации прибыл Зейсс-Инкварт. Чего бы он ни думал и что бы он ни планировал, его трагедией оставалось то,что он приехал в эту страну в качестве представителя Адольфа Гитлера, т.е. как представитель одной из самых ненавистных систем в мире. Сотни законов,постановлений и указов имели его подпись,и,как бы они ни были правильно оформлены с точки зрения законодательства, они являлись в глазах народа мероприятиями врага, а Зейсс-Инкварт - угнетателем. Мой подзащитный не добивался этой должности. Наоборот,он просил разрешения отправиться в качестве солдата на фронт,но Адольф Гитлер не разрешил ему этого. Зейсс-Инкварт никогда не оспаривал своей ответственности, он сам передал себя в руки властей после поражения. Поэтому при рассмотрении его административной деятельности в случае, если юридическая точка зрения защиты в отношении значения приказов,отдававшихся свыше, не будет разделяться Трибуналом,необходимо, имея в виду § 8 Устава, учесть всеобщее построение

16244

империи, с одной стороны, и отношение нидерландского народа к этой империи, с другой стороны. Каким образом Зейсс-Инкварт справлялся со своими противоречивыми задачами в отношении соблюдения интересов империи и заботы о населении в духе Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны, явствует из той позиции, которую он занял в этой связи, и о которой я сейчас буду говорить. Я укажу на принципы, которыми руководствовался мой подзащитный в деле управления Голландией. Развитие военной техники, в частности в области воздушной войны, необычайное расширение масштабов экономической войны, превращение войны в "тотальную" и "всеобъемлющую", возникновение понятия тотальной блокады, изменили международное право по сравнению с той формой, которую оно имело в 1899 и 1907 гг., после подписания Гаагской конвенции, ибо оно в результате *clausula rebus sic stantibus* отчасти стало беспредметным, а отчасти в результате возникших потребностей и условий в нем открылось большое количество пробелов и оно оказалось непригодным. Лишь немногие принципы международного права, относящегося к старому времени, остались пригодными во время второй мировой войны.

Это изменение международного права особенно ярко видно на примере воздушных налетов на жилые кварталы, которые стали возможными только в результате невероятного развития авиационной техники и взрывчатых веществ, которые, согласно старому международному праву, не были допущены к применению, и которые, если их вообще можно допустить к применению, стали допустимыми лишь вследствие возникновения нового понятия о тотальной войне. Это развитие, не без влияния англо-американского понятия о войне, вовлекло в качестве об'екта в войну отдельный индивидуум.

11245

H1211 – 0310

H1211-0311

Ибо тем самым гражданское население противника, а также учреждения оккупированных областей превратились в военный об'ект оккупирующей державы, которая и использовала этот об'ект, конечно, с учетом тех норм, которые устанавливаются понятием о человечности.

Принципами международного права устанавливаются также и другие нормы, нормы, согласно которым, эти средства можно использовать в целях ведения войны, конечно, используя их в соответствии с установленными в этом отношении нормами.

Понятие тотальной и всеобъемлющей современной войны, однако, не допускает того, чтобы использовать отдельные области разрозненно. Непозволительно, чтобы людские и экономические резервы определенной области использовались только лишь для ее частных потребностей. Это же отчасти предписывает и Гаагская конвенция о правилах ведения сухопутной войны. Теперь эти ресурсы должны находиться в распоряжении государства, ведущего войну, как целостной единицы, но они используются с учетом их принадлежности к целому.

Современное развитие техники, в частности, в области средств связи и средств сообщения ставит в зависимость от новых сложнейших задач решение другой проблемы ведения войны, а именно проблемы о так называемых партизанах.

Партизанское движение приняло по сравнению с первой мировой войной прямо-таки невероятные размах и превратилось для воюющей воинской части в чудовищную опасность, которую можно было бы разве сравнить только с той изматывающей войной, которая велась партизанскими отрядами против Наполеона в Испании. Для устранения этой опасности в старом международном праве не содержится удовлетворительных правил.

16241

Доминирующим принципом при ведении такой борьбы,само собой разумеется, должна быть безопасность ведущей войну воинской части, безопасность, достигаемая любой ценой.

Это означает,что как для армии, так и для оккупационной администрации существует право и на них возложен долг проводить строжайшие репрессивные и превентивные меры с учетом тех пределов, которые устанавливаются понятием о человечности.

Мой подзащитный выполнял свои функции,не отклоняясь от вышеуказанных положений, сообразуя свои обязанности по отношению к высшему имперскому руководству с нормами международного права. При этом ему была чужда всякая мысль о том,что он действовал противозаконно или что он совершал какие-либо наказуемые действия.

Применение принципа,гласящего,что незнание действующего уголовного права не спасает виновное лицо от наказания,не имеет ничего общего с данным делом, так как здесь речь идет не о национальном уголовном праве, а о международном праве. Здесь речь идет не об юридической ошибке,а о суб'ективном истолковании долга, которое, может быть,было в том или ином случае ошибочным, но которое всегда основывалось на добрых помыслах.

Переходя после рассмотрения этих принципиальных вопросов к отдельным моментам управления, осуществлявшегося подсудимым, нужно указать на то,что там,как и повсюду, будь то оккупированные страны или Германия,национал-социалистская администрация была резко разграничена в свое" организации, однако,в общем зависимой от Берлина. Таким образом, в Нидерландах имелись следующие власти:

I. Рейхскомиссариат /гражданская администрация и со-

11247

H1211 – 0312

H1211 – 0313

блюдение интересов империи/.

2. Командующий войсками и различные начальники, включая специальные суды.

3. Полиция, о которой я буду еще говорить позже.

4. Управление по четырехлетнему плану, руководимое Герингом.

5. Оперативный штаб Розенберга.

6. Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы - Заукель.

7. Министерство вооружения Шпеера и

8. Не в последнюю очередь, НСДАП с ее учреждениями и организациями.

Рейхскомиссар, согласно приказу фюрера должен был действовать директивам этих учреждений. Он не имел права вмешиваться в мероприятия этих центральных инстанций. Может быть написанная впоследствии история осветит, с каким умением подсудимый препятствовал проведению некоторых мероприятий, или по крайней мере, как он, смягчил их действие. Что касается нидерландского населения, то оно, как уже упоминалось, относилось отрицательно к существовавшему порядку, а движение сопротивления, организованное, вооруженное и руководимое нидерландским правительством из Лондона, увеличивалось из года в год. Именно с этих двух позиций нужно рассматривать действия подсудимого для того, чтобы составить справедливый приговор.

Я перехожу к ~~тем~~ пунктам обвинения, ~~к~~, придерживаясь в общих чертах того деления, которое было ~~положено~~ дано французским обвинением.

Главное обвинение заключается в имевшем, якобы, месте нарушении суверенитета страны путем введения рейхскомиссариата с входившими в него четырьмя генеральными комис-

сариатами, отменой гражданских свобод, введения принципа фюрерства и роспуска законных союзов и политических партий. В этих мероприятиях нельзя видеть нарушение международного права, так как Германия, которая так же, как и Нидерланды, являлась одной из стран, подписавших Четвертую Гаагскую конвенцию от 1907 года, основывалась во время войны на правилах ведения сухопутной войны. В связи с этим, правила ведения сухопутной войны с учетом тех ограничений, о которых говорилось выше, распространялись также и на Нидерланды, несмотря на то, что после вступления Советов в войну, было нарушено условие, касающееся участия всех держав, ведущих войну, в подписанной конвенции. В виду того, что вся страна была оккупирована, а королева и министры бежали из страны, верховная правительственная власть в области гражданских дел перешла из рук короны и парламента в руки оккупационной администрации и, тем самым, в руки рейхскомиссара. Оставленный в стране с особыми полномочиями генерал Винкельман отказался от осуществления прав, предусмотренных в безоговорочной капитуляции от 10 мая 1940 года. Кроме того, признанным правом всякой оккупационной администрации является так налацить управление, как этого требуют ее нужды. Но при этом нельзя предпринимать ничего такого, что окончательно бы определяло судьбу страны. Это было также признано Высшим Трибуналом Нидерландов в постановлении от 12.I-1942 года, которое было мною пред'явлено. Предусмотренное в указе фюрера распределение полномочий между рейхскомиссарами и командующими войсками также является разделением сфер компетенций внутри оккупационной администрации. Это устанавливается британским кодексом военного права. То, что государственный парламент был запрещен, деятельность государственного со-

16249

H1211 – 0314

H1211 – 0315

вета ограничена изданием заключений по спорным вопросам в области администрации, а парламентские фракции распущены, не является нарушением международного права, так как во время оккупации оккупант принимает решения относительно того, насколько необходимо проводить законодательные мероприятия и изменять законодательство страны. За 150 мест в нидерландском парламенте во время каждых выборов боролось около 50 партий. Но так как эти воюющие против друг друга партии во время оккупации об'единились и не только не признавали оккупационную власть, но принимали активное, многостороннее участие в движении сопротивления, оккупационные власти были вправе запретить эти партии и распустить их. Это произошло лишь 5.УП-1941 года на основании специального постановления. Необходимо учесть, что страна находилась в полосе назревающих военных операций и ожидании вторжения. Это обстоятельство заставило сильно подтянуть административный аппарат, путем устранения всех препятствий, которые мог чинить парламентаризм, а также ликвидировать всякие возможности вражеской пропаганды в его институтах.

Если при этом ссылаются на то, что, якобы, оказывалась поддержка НСВ, на это нужно коротко возразить, указав на то, что рейхскомиссар отказался от предложения образовать правительство из членов этой партии. С точки зрения международного права, допустимы партии, имевшиеся в стране или вновь образовавшиеся и стоящие по своей идеологии близко к оккупационным властям; Так как НСВ не получила никаких официальных административных полномочий и так как политические организации не оказывали никакого влияния на администрацию, то не играет никакой роли то, что в 1943 году последовало об'явление этой партии

16250

выразителем политической воли нидерландского народа. И сегодня оккупационные власти имеют обыкновение способствовать развитию тех партий и поддерживать те партии, которые близки им по политическим убеждениям.

Обвинение в онемечивании /германизации/ Нидерландов является недопустимым, ~~ибо~~ Нидерландский народ ~~в силу~~ по своему происхождению всегда причислялся к германцам, ~~группе~~ и поэтому ~~отрицало желать того, чтобы нидерландский народ превратился в представителей германской группы.~~ нельзя стараться сделать его германским.

Если вы перелистаете нидерландскую историю, то вы увидите, что Нидерланды в течение столетий были составной частью Германской империи, а тот, кто совершит путешествие по стране, может еще и сейчас увидеть в Гронингене имперского орла на гербе, а в Амстердаме герб 1439 года, изображающий императорскую корону. В Утрехте умерли первые и последние короли солических франков Конрад 2-й и Генрих 5-й. То, что оккупационные власти хотели, чтобы страна, отрезанная блокадой от моря и от колоний, ориентировалась на Центральную Европу, было понятно, а какого-либо намерения, во всяком случае у рейхскомиссара, искоренить национальные особенности и самостоятельность нидерландцев никогда не было. В своей речи от 9.II. 1943 г. между прочим, подсудимый справедливо заявил в Утрехте /книга документов, стр. 102/: "Мы сами перестанем быть европейцами, если мы не будем видеть наше призвание в том, чтобы поддерживать и поощрять расцвет родственных и близких по крови культур европейских народов!"

Упрек французского обвинения в том, что делались попытки привлечь Нидерланды к участию в войне, является также необоснованным. Определение добровольцев-нидерландских граждан в германские вооруженные силы не явля-

16251

H1211 – 0316

H1211 – 0317

лось недопустимым. Статья 45 правил ведения сухопутной войны запрещает лишь только насильственное рекрутирование для участия в военных действиях против собственной родины. В связи с этим те положения нидерландского уголовного права, на которые ссылалось обвинение и которые стали более строгими в результате королевского указа во время войны, не запрещали гражданам добровольно браться за оружие. То же самое относится и к урегулированию вопроса о гражданском подданстве в отношении этих добровольных участников войны и в отношении вступления в брак с германскими подданными. Эти постановления рейхскомиссара имели законную силу только в рамках германской империи, поэтому можно с чистой совестью придерживаться той юридической точки зрения, что эти постановления не являлись нарушениями суверенитета, о котором говорили обвинители. Само собой разумеется, что пресса, которая занимала враждебную позицию по отношению к оккупационным властям, была запрещена. Кроме того, французское обвинение видит нарушение суверенитета в ущемлении прав на духовную жизнь и, в частности, в том, что закрывались университеты, причем указывается на университет в Лейдене. Лейденский университет был закрыт вследствие студенческих беспорядков, что с точки зрения международного права представляет собой мероприятие в целях безопасности оккупационной администрации. Требование лояльного отношения также не выходит за рамки Правил ведения сухопутной войны. Ст. 45 запрещает принуждать население оккупированной страны к присяге на верность. В тексте заверения говорится лишь о том, что населению запрещается совершать такие действия, которые направлены против германской империи и ее армии. Так как население оккупированных областей обязано

1252

проявлять повиновение по отношению к оккупационным властям, которые осуществляют государственную власть, ~~то~~ поэтому нельзя усматривать в этом даваемом населением заверении, которое не требует активного действия, ничего, что бы являлось нарушением международного права.

Почти полностью была сохранена система организации учреждений, несмотря на отрицательное, даже враждебное отношение с их стороны к оккупационным властям. В частности не была изменена система правосудия. Единственный упрек, который можно сделать в этой связи, это - смещение председателя суда Леувардена. Но в этом отношении подсудимый решительно заявил, что с полным правом ответственность он берет на себя. Оккупационная администрация имеет право вмешиваться в судопроизводство тогда, когда ставится под угрозу цель оккупации. Если судья отказывается осуществлять правосудие, тем более, когда поводы для жалоб с его стороны устранены имперским комиссаром, как это было в данном случае, оккупационные власти имеют право сместить с должности такого судью.

Далее, французское обвинение заявляет, что подсудимый совершил целый ряд террористических актов. Однако, мы во время представления показательств слышали, как в действительности обстояло дело с коллективными наказаниями, а с помощью свидетельских показаний каммергерихтсрата Рудольфа Фрича и председателя суда Топиха, было доказано, что подсудимый добросовестно осуществлял право на помилование, по возможности отменяя смертные приговоры. В отношении полицейских штандгерихтов подсудимый и свидетель Виммер показали, что речь шла о процессе, которым руководил судебный чиновник и на котором подсудимые могли, смотря по обстоятельствам, требовать для себя приглa-

11253

H1211 – 0318

H1211 – 0319

шения избранного ими защитника, являвшегося также нидерландцем. Такие процессы возбуждались в исключительных случаях. Данный процесс длился всего I4 дней. Мы встречаем такие особые суды и сегодня при отдельных оккупационных властях и при том с более жесткими правилами.

Замена нормальных судов и передача прав на осуждение саботажников и нелойяльных оккупационным властям людей последовали по прямому приказу фюрера в июле I944 г., вопреки протестам подсудимого.

Одним из самых тяжких пунктов обвинения является обвинение в связи с вопросом о заложниках, вследствие чего я на нем должен остановиться детально. Я упомяну о том, что уже в общем было сказано господином д-ром Нельте и, в частности, о правовой стороне этого вопроса. Обвинение выхватило из документа РФ-379 два случая: так называемый расстрел заложников в Роттердаме и покушение на высшего СС руководителя и полиции Раутера.

На своем предварительном допросе, производившемся обвинителем, подсудимый уже говорил о первом случае, - затребовании армейскими инстанциями 25 - 30 заложников. Свидетель Виммер доказал, что эти заложники были затребованы армейскими инстанциями и что число их в результате вмешательства подсудимого в конце концов было снижено до 5 человек и что расстрел был произведен по указанию высшего руководителя СС и полиции.

Отношение вооруженных сил к рейхскомиссару, так же, как и отношение их к полиции, регулировалось декретом от I8.5.I940 г. /"Рейхсгезетцблатт" I, стр. 778, I376-ПС, § 2 и 3/.

Для того, чтобы уличить подсудимого, обвинитель предъявил протокол допроса обвиняемого, а не свидетеля гене-

рала Христиансена. На допросе в качестве обвиняемого, давший показания не дает присяги говорить только правду. Из этого протокола явствует:

а/ Что приказ предусматривал случаи серьезного саботажа и исходил от вооруженных сил, причем он был издан по аналогии со ставшими известными приказами, изданными в Бельгии и Франции о "Праве на взятие заложников".

б/ Что аресты заложников последовали тогда по приказу главнокомандующего войсками в Нидерландах через германскую полицию. "Приказ есть приказ".

в/ Что ОКВ или командование Западного фронта настаивали на проведении этого приказа, несмотря на соответствующие предоставления.

д/ Что исполнение этого приказа производилось полицией.

е/ Что I-ую прокламацию составили в правовом отделе при командующем войсками в Норвегии, а II-ую - высший руководитель полиции и СС.

Теперь спрашивается, может ли суд на основании показаний генерала Христиансена считать доказанной виновность подсудимого.

Что касается второго, здесь упомянутого случая с заложниками, то там речь идет о последствиях покушения на высшего руководителя СС и полиции, обергруппенфюрера СС Раутера, - т.е. о начальнике полиции Нидерландов, в марте 1945 г., непосредственно подчиненном Гиммлеру. Если мы вспомним последствия убийства в мае 1942 года чешскими патриотами тирана Гейдриха, то мы можем себе представить, как старался Гиммлер на вершине своего могущества в 1945 году соответствующими наказаниями отомстить за удар, нанесенный одному из его ближайших и непосредственных сотрудников.

18255

H1211 – 0320

H1211 – 0321

Ясно и то, что после покушения на одного из своих ~~к~~ генеральных комиссаров, подсудимый, как представитель администрации, требовал в виде серьезного предупреждения устрашающих мероприятий. Он требовал не взятия заложников, а лишь наказания уголовного преступления. Из документа РФ-879 видно, что свидетели Шенгарт, Лагес, Колитц и Гербиг единогласно подтвердили правильность сказанного о том, что к смерти было приговорено не 200, а лишь 117 человек. Это подтверждает и комиссар по уголовным делам Мунт в разделе Д II доклада голландского правительства, а также и допрошенный судом в качестве свидетеля д-р Фридрих Виммер. Таким образом, речь идет не о заложниках, в буквальном смысле, но о наказании со стороны оккупационных властей саботажников, грабителей и т.д., что делалось для устрашения населения. То, что подсудимому удалось осуществить взятие вместо 500, как это было установлено вначале, 117 заложников, не может делать подсудимого ответственным за жестокости Гиммлера.

Далее Обвинение утверждает, что подсудимый, будучи рейхскомиссаром, проводил, поддерживал и одобрял угон очень большого числа нидерландских граждан в империю. В принципе вопрос об угоне иностранных рабочих уже обсуждался другими защитниками. Я позволю себе к этому пункту обвинения сделать лишь несколько замечаний. По справке статистического управления, безработица в Нидерландах достигала от 300 до 500 тысяч человек, при населении менее чем 9 миллионов. Перед войной в экономической жизни Нидерландов, признанных одной из богатейших стран Европы, это было хроническим явлением. При оккупации, когда власть перешла в руки рейхскомиссара, для поддержания спокойствия и порядка он был обязан ликвидировать безработицу.

10256

То,что это последовало не из либеральных соображений,бы- ло ясно, ибо страны с либеральным экономическим строем во время войны, также должны были подчинять свою экономику требованиям войны. До 1943 г. набор рабочей силы производился по принципу добровольности. Что в вышеуказанном мероприятии была крайняя необходимость,показал и сам подсудимый. Подсудимый пытался найти возможность возвратить рабочих на родину путем перевода их с работы в империи на работу в Нидерланды.Это стремление подсудимого нашло горячий отклик у министра Шпеера.

В 1943 году последовал призыв неженатых мужчин трех возрастов через отделы труда.Этот призыв не сопровождался никакими насильственными мерами.

Как подтвердил Ламмерс в 1944 г. рейхскомиссар отклонил требование империи выслать туда для работы 250.000 рабочих. А когда затем осенью 1944 г. среди работоспособного населения была проведена так называемая "акция по ловле людей", ~~то~~ как показали свидетели,Гирш-фельд, Швебель и Виммер, это мероприятие проводилось вооруженными силами, за приказ которых подсудимый не несет ответственности. Здесь нужно указать на то,что рейхскомиссар путем введения 1.000.000 резервных карточек и трудовой мобилизации, наоборот, смягчил жестокость этих мероприятий, причем нельзя не отметить,что значительно возраставшее сопротивление вооруженным силам и рейху заставляло опасаться, что люди,собранные в юго-западных провинциях, будут представлять серьезную угрозу для оккупационных властей. В общем здесь нужно справедливо заметить,что подсудимый был связан указаниями центральных учреждений и указаниями уполномоченного по четырехлетне-

V 257

H1211 – 0322

H1211 – 0323

му плану. Он лично, по своей инициативе никогда не посылал рабочих на работу в империю. Больше того, он протестовал против этого, считая эти мероприятия не соответствующими законам гуманности и человечности. В своих действиях подсудимый был вполне гуманным.

Что касается следующего пункта обвинения в так называемом хозяйственном и экономическом разграблении страны, то это также требуется пояснить. Конфискация сырья последовала тотчас за оккупацией, согласно установкам по четырехлетнему плану и проводилась при участии нидерландских властей, которые при проведении указанных мероприятий имели возможность смягчить ненужную жестокость. Проводя реквизиции, подсудимый настаивал на соблюдении всех правил, предотвращал возмещения за убытки, запрещал незаконный перевод учреждений в Германию, как, например, маргариновой фабрики в Дортрехте и холодильного института в Лейдене, и т. п. Под давлением рейхскомиссара от Геринга было получено обещание предоставить нидерландцам не худшие условия, чем те, в которых жили германские граждане. Это доказывает, что подсудимый полностью соблюдал положения, изложенные в 53 статье Гаагской конвенции.

Что приказ о конфискации исходил в первую очередь от вооруженных сил, в виду военного положения, видно из доклада офицера полевого экономического штаба при командующем войсками в Нидерландах от 9 октября 1944 г. /РФ-132/ и из доклада лейтенанта Гаупль /3003-ПС, 196-США/, из которых особенно последний доказывает, что трудность положения рейхскомиссара состояла в том, что он, хотя уже был еще находился в стране, однако лишен почти всех прав, это говорит о том, что подсудимый, поскольку это было в его власти, всегда решительно вступался за предотвращение перегибов. По международному праву вполне допустимо при тотальной войне вывозить сырье и

перевозочные средства после вторжения противника, при его приближении.

Создавшееся благодаря войне напряженное положение требовало восстановления нидерландского хозяйства по типу всего европейского континента. По официальной статистике 39% нидерландцев до войны было занято в ремесле и промышленности, 23% - занималось торговлей и 20% было занято сельским хозяйством. Из-за отрезанности от внешнего мира судоходство было полностью прекращено. В качестве примера можно привести то, что 60% грузов, проходивших через Роттердамский порт, были германскими грузами. Стоявшее на высоком уровне сельское хозяйство использовало искусственные удобрения из Южной Америки и Канады. Из показаний свидетеля д-ра Гирифельда мы узнали, как отразилась война на известном всему миру сельском хозяйстве, особенно животноводстве Нидерландов. Такие результаты были возможны только лишь благодаря согласованному сотрудничеству рейхскомиссариата с местными учреждениями и при поддержке последних подсудимым.

Восстановление хозяйства на великом европейском пространстве, которое во время войны почти полностью находилось во власти Германии и ее союзников, несомненно, предоставило нидерландской торговле и промышленности большие возможности для эксперта. Отсюда совершенно понятно, что и в финансовом отношении нидерландскую экономику следовало привести в соответствие с положением в германской империи, с учетом общеевропейской экономической кон"юнктуры. При упорядочении финансового хозяйства было необходимо принять во внимание политику цен. Обсуждение этого вопроса выходит за пределы компетенции этого процесса.
Я укажу лишь, в противовес утверждениям обвине -

H1211 - 0324

H1211-0325

ния, на то, что подсудимый не имел никакого влияния на уст
тановление размеров оккупационных платежей и даже никако
й возможности контроля над ними. Рейхскомиссариат при
участии империи осуществлял контроль лишь над бюджетом,
причем последний утверждался империей и контролировался
имперским казначейством. По согласованию с нидерландски-
ми учреждениями расходы на гражданские нужды составляли
3 миллиона гульденов ежемесячно, эта сумма не превыша-
лась и в результате этого в конце 1943 г. получились сбе-
режения в 60 миллионов гульденов, которые остались в Ни-
дерландах. Таможенная граница в междугосударственных
сношениях была установлена, согласно общей политике цен
и была лишь на пользу Нидерландам. Также был установлен
паритетный курс марки и гульдена. В этом вопросе мнения
быв. нидерландского генерального секретаря Трипа и гене-
рального комиссара Фишбека разошлись. Подсудимый, кото-
рый, в конце концов, вовсе не являлся ~~специалистом по~~ финансистом, ~~вопросам, в конце концов~~ представил этот важный вопрос на разрешение
центральных имперских органов. ~~При~~ В ходе представления докла-
да Гарельсу, подсудимый Геринг заявил, что он возражал про-
тив мнения министра хозяйства Функа, соглашаясь со взгля-
дами д-ра Фишбека. Поэтому подсудимому не может вменять-
ся в вину *culpa in eligendo*, т.е. что он вместо возвра-
тившегося генерального секретаря Трипа вызвал Рост ван
Тонингена, который будучи комиссаром Лиги наций, безусловно являлся прекрасным специалистом по финансовым вопро-
сам. Подсудимый Функ здесь также сообщил, что он всегда
считал клиринговые долги настоящими долгами. В докладе
Нидерландского правительства указывается, что финансовые
требования империи во всех оккупированных западных обла-
стях достигли одинакового уровня и что различны были

лишь методы их достижения. В успешном для Германии исходе войны Нидерланды имели бы от империи доходы в 4,5 миллиона гульденов. Поэтому этот вопрос нужно разбирать не не уголовном процессе,но путем мирных переговоров. Всему, кроме того, велся точный учет. Так можно ~~~~ заметить, что кондукторы нидерландского трамвая тщательно отмечали всегда, даже бесплатные трамвайные билеты представителей германской армии.

Что касается из'ятия ценностей,не имеющих военного значения, как например: памятников искусства, библиотек и т.д., то подсудимый к этому отношения не имел.Немногие купленные им для Вены картины он приобрел на свободном рынке. Относительно королевского имущества он давал такие распоряжения, что это из'ятие должно быть лишь видимым. Это подтверждает и доклад нидерландского правительства. Неоднократно упоминаемая библиотека Розенталиана не была послана в империю, так как подсудимый настоял на перевозке ее в Гронинген. Также обстояло и со случаем,о котором говорили здесь свидетели д-р Гиршфельд и Виммер, документ № 81.

Еврейский вопрос связан до некоторой степени с экономическим вопросом. Но прежде, чем перейти к этому пункту я должен обязательно сказать о роли полиции в Нидерландах. Обвинение старается доказать,что полиция и,в частности, немецкая полиция, особенно полиция безопасности была подчинена подсудимому в Нидерландах. Этой попытке противоречит тот факт, что у всех подписавших соглашение держав, за исключением СССР, полиция фактически является частью гражданской и особенно внутренней администрации. В Германии дело обстояло так де-факто, а не де-юре. Гиммлер имел большее влияние,чем любой министр, хотя номи-

H1211 – 0326

H1211-0327

нально он являлся стате-секретарем министерства иностранных дел. Как рейхсфюреру, ему подчинялись в дисциплинарном и централизованном порядке СС. Подсудимый Кейтель показал 5 апреля 1946 года, что с начала войны СС становились все более самостоятельным фактором власти в империи. Подсудимый и его сотрудники не проверяли действий Гиммлера и поэтому Гиммлер и Гейдрих разрешали вопросы о жизни и смерти в оккупированных странах самостоятельно, согласно неоднократно упоминавшемуся здесь приказу фюрера.

Каково было, наконец, положение в Нидерландах?

I. Уже из декрета фюрера от I8 мая I940 г. явствует, что немецкая полиция не являлась частью учреждений рейхскомиссара и ему не подчинялась. В декрете указано: "Германская полиция находится в распоряжении рейхскомиссара". Я подчеркиваю - "в распоряжении", - чего бы не нужно было указывать, если бы она являлась учреждением рейхскомиссара.

Таким образом, если рейхскомиссар обладал высшей гражданской правительственной властью, то она все же не распространялась на полицию.

2. В декрете № 4 рейхскомиссар определил функции административных органов, а именно таким образом, что нидерландцы могли ясно увидеть, к кому им следует обращаться, причем на них не распространялась деятельность развертывающихся имперских инстанций. Что касается полиции и, в частности, германской и нидерландской, то был назначен второй генеральный комиссар государственной безопасности /высший руководитель СС и полиции/, согласно § 5 декрета, он именовался высшим руководителем СС и полиции.

а/ Немецкая полиция и войска СС /это назначение носило декларативный характер для нидерландцев, поскольку вы-

26261

ший руководитель СС и полиции был назначен фюрером по предложению Гиммлера, без ведома рейхскомиссара/.

Раутер представился рейхскомиссару, как уже получивший назначение, а для войск СС рейхскомиссар, также и по мнению Обвинения, никогда не имел права производить назначения на командные должности.

б/ Голландская полиция /этот вывод носит конститутивный характер, так как нидерландская полиция подчинялась рейхскомиссару/.

Свидетель из Голландии д-р Гиршфельд, который на протяжении всего времени оккупации являлся генеральным секретарем, совершенно ясно доказал, что Раутер непосредственно был подчинен Гиммлеру и что кажущегося единства полиции и администрации на практике не существовало.

Рафаель Лемкин в своей книге "Axis rule in occupied Europe" на стр. 21 описал в качестве задачи полиции ликвидацию нежелательных лиц и евреев, он же сказал, что в отношении учета и депортации рабочей силы в оккупированные области главную ответственность несет полиция.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас мы об'явим перерыв.

/Перерыв до 10 час. 22 июля 1946 года/.

вж

26263

H1211 – 0328

H1211 - 0329

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 22-го июля 1946 года

Утреннее заседание

Встать. Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Насколько Трибунал понимает, британское обвинение от имени всех обвинителей будет выступать по поводу документов по организации СС и по организации политических руководителей, которые предназначены для перевода. Мы прежде всего и займемся этим вопросом.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС. Милорд, я сейчас буду говорить о документах, связанных с организацией политических руководителей, а мой друг, г-н Эллвин Джонс выступит по поводу документов по организации СС. Возможно, для Трибунала будет удобнее заслушать сначала выступление по поводу документов, по организации политических руководителей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС. Милорд, я говорил по этому поводу с доктором Серватиус, который защищает организацию политических руководителей, и мы пришли к соглашению относительно тех документов, которые он представит в своей окончательной книге документов. У меня имеются напечатанные списки тех документов, которые мы решили включить в книгу документов. Первоначально он представил шесть книг документов, в которых имелось более 250 документов, некоторые из которых были значительно пространными. Мы пришли к соглашению относительно того, что в окончательную книгу документов будет включено 90 с лишним документов, и из которых должны быть переведены только определенные выдержки. У меня имеется экземпляр книг документов, в которых отмечены те выдержки, относительно которых мы пришли к соглашению, остальная часть документов

будет, конечно, исключена.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не можете ли вы сказать, каков будет об"ем этой книги документов?

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС. Там будет, примерно, 100 документов, большинство из которых являются очень короткими документами. Самый длинный документ, я думаю, будет занимать не больше двух страниц, остальные документы представляют собой очень короткие выдержки, состоящие из одного или двух параграфов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС. Я хочу добавить следующее: доктор Серватиус включил в свои книги ряд письменных показаний, данных под присягой, которые мы исключили из книг, так как, насколько мы поняли, Трибунал желает, чтобы письменные показания были заслушаны на комитете. Он также включил в книги ряд цитат из "Майн кампф". Эти цитаты, если Трибунал не возражает, мы также исключим, так как Трибунал уже имеет экземпляр книги "Майн кампф" и это в свою очередь, избавит бюро переводов и машинное бюро от излишней работы. Что касается остальных документов, то они в большинстве случаев носят кумулятивный характер, и я думаю, что доктор Серватиус вполне согласен с тем, что все изложенное нами в графе "А" отвечает его цели. Насколько я понимаю, с д-ром Серватиус беседовали сегодня до начала утреннего заседания Трибунала и установили, что имеется ряд исправлений, которые он желает внести в список документов. Он желает включить в графу "А" документы №№ 68, 69, 50 и 162, которые в настоящее время исключены. Милорд, возможно будет удобнее, если мы с доктором Серватиус обсудим далее этот вопрос, и с Вашего разрешения, решим какие из этих документов следует включить или исключить из окончательной книги документов.

16265

H1211-0330

H1211 – 0331

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, конечно.

Г-н ГРИФФИТ ДЖОНС. Я не знаю, желает ли д-р Серватиус сказать что-либо по этому поводу.

Д-р СЕРВАТИУС. Господин председатель, я согласен с этим решением вопроса, и эти небольшие вопросы, которые необходимо еще раз"яснить, я их раз"ясню с господином представителем обвинения. Уменьшится количество книг с шести до двух. Останется две книги документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю Вас. Сейчас, пожалуйста, г-н Эльвин Джонс.

/К микрофону подходит г-н Эльвин Джонс/

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Милорд, д-р Пелькман и представители обвинения достигли соглашения в отношении 99 документов по организации СС. Из этого числа было решено исключить 22 документа. Что же касается остальных документов, то некоторые из них должны быть включены в книгу документов полностью, а из некоторых документов будут включены только определенные выдержки. В отношении документов 21 и 22 доктор Пелькман заявил, что он пересмотрит свое ходатайство об истребовании этих двух документов и, возможно, после этого он лично сам сделает какие-либо замечания по поводу их. Однако, в отношении шести документов, обвинение и защита не смогли притти к соглашению. Доктор Пелькман настаивает на том, что эти документы необходимы для его защиты, и поэтому, возможно, будет удобнее, если я изложу Трибуналу возражения обвинения против представления этих шести документов. Первым из этих документов является документ № 69, который представляет собой отрывок из речи, произнесенной социал-демократическим лидером Уэллсом перед первым заседанием рейхстага, после захвата вла-

H1211-0332

сти нацистами. В этом отрывке говорится о том, что партия, которую возглавлял Уэллс, поддерживала идею национального единства и отрицала виновность Германии в ведении войны. Я, от имени обвинения, заявляю, что этот отрывок полностью носит кумулятивный характер. Трибуналу уже было представлено много подобных доказательств. И я считаю, что этот отрывок не имеет никакого отношения к делу защиты СС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. О виновности Германии в ведении какой войны Вы говорите?

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Я говорю о Первой Мировой Войне. И наконец, я предлагаю, что если этот документ всеже будет принят Трибуналом, то в интересах сохранения исторических фактов, следует включить и остальную часть этой выдержки, где г-н Уэллс подвергает жестокой критике нацистскую партию.

Следующим документом является документ № 85, который представляет собой выдержку из "Фелькишер беобахтер", в которой содержится цитата из заявления, с которым Вильям Рандольф Херст обратился к подсудимому Розенбергу 3 сентября 1934 года. В этом заявлении говорится о том, что когда этот выдающийся джентльмен три года тому назад был в Германии, то там существовал большой беспорядок, в то время, как сейчас, т.е. 3 сентября 1934 г. Германия, руководимая Гитлером, стала страной, где был восстановлен порядок. Как Трибунал помнит, это имело место 9 недель спустя после событий, 30 июня 1934г., которые даже Гиммлер описал, как ужасные убийства. Я считаю, что эта выдержка вновь носит кумулятивный характер, является неотносящейся к делу и не имеет доказательной силы.

Следующим документом является документ № 86, который представляет собой выдержку из "Фелькишер беобахтер", в кото-

H1211 – 0332

H1211 – 0333

рой, якобы, говорится о впечатлениях, сложившихся у одного американского спортсмена, в результате его поездки по Европе в 1934г. Он заявляет, что он вполне удовлетворен тем, что он видел в Германии. Я считаю, что эта выдержка носит кумулятивный характер, не относится к делу, и не имеет доказательной силы.

Следующий документ, относительно которого, еще не было принято окончательного решения - это документ № 96, представляющий собой выдержку из книги одного американца, при этом очень важно подчеркнуть, что эта книга была издана в Германии в 1935г. Это очень большая выдержка, в которой говорится о концентрационных лагерях. Здесь описывается посещение автором концентрационного лагеря в Ораниенбурге, где спальные бараки были ничем не хуже спальных бараков американских солдат; заключенные получали такое же питание, какое получали коменданты лагеря и охрана "СС". Автор заявляет, что заключенные в концентрационных лагерях получали пищу три раза в день, правда, не изысканную, но вполне приличную и в достаточном количестве, далее автор продолжает описание этого лагеря в том же духе. Я считаю, что эта выдержка абсолютно лишена какой-либо доказательной силы.

И наконец, еще два документа 101 и 102.

Документ № 101 представляет собой отрывок из американского журнала, в котором описывается результат некоторых опытов с иммунизирующими вакцинами, проведенных американскими учеными.

Документ № 102 представляет собой отрывок из книги "Одиссея американского доктора", в котором говорится о дальнейших опытах, связанных с иммунитетом и с болезнью "бери -

бери". Обвинение, конечно, не считает, что все факты изложенные в этих отрывках, соответствовали действительности, а я считаю, что даже если бы они и были правдоподобными, то они все равно не имели бы прямого отношения к делу и их не следует включать в книгу документов по организации СС.

Что касается остальных документов, то защита и обвинение достигли соглашения относительно их и мне нечего больше добавить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал хотел бы заслушать по этому поводу доктора Пелькмана.

/К микророну подходит доктор Пелькман/

Д-р ПЕЛЬКМАН. Господин председатель, я должен коснуться целого ряда документов, в отношении которых обвинением были пред"явлены возражения. Прежде всего, документы № 31 и № 32. Документы №№ 31 и 32 относятся к вопросу о том, требовали ли СА и СС, чтобы студенты вступали в организацию СС и СА. Это - вопрос, который в первую очередь относится к СА. Однако, защитник СА еще не составил своей книги документов. Я полагаю, что эти документы будут пред"явлены защитником организации СА. Поэтому я оставляю этот вопрос открытым.

Спорными являются, собственно говоря, только остальные шесть документов, и, в первую очередь, документ № 69. В отношении этого документа я хочу высказать несколько принципиальных соображений. Речь идет сейчас не о том, является ли содержание этого документа об"ективно правильным. Этот документ пред"является только для того, чтобы показать, что у тех, кто читал его, создавалось впечатление, что в нем изложены под-

16269

H1211 – 0334

H1211-0335

линные факты, а на основании этих фактов формировались мнения как германского народа в целом, так и членов СС, которые представляли собою значительную часть германского народа, а также складывались убеждения, как членов партии, так и беспартийных. Я полагаю, что при рассмотрении документов, освещающих позицию иностранных государств или положение внутри стран, нам следует подходить к этим вопросам несколько иначе, чем в отношении отдельных подсудимых.

В отношении отдельных подсудимых позиция отдельных государств не может иметь отношения к делу, так как обвинение утверждает, что в отношении подсудимых доказано, что именно главные подсудимые вводили иностранные государства в заблуждение. Что же касается основной массы населения, а к ней относятся также и члены СС, нужно сказать, что поведение иностранных государств являлось решающим фактором, определявшим собою мнение, сказывавшееся у этой части населения, независимо от того, был ли национал-социалистский режим преступным, или нет.

Первый документ, - № 69, представляет собой речь, о которой уже говорил представитель Обвинения. Это речь социал-демократического депутата Вельса и достаточно сказать, что этот социал-демократический депутат даже после прихода Гитлера к власти был согласен с Гитлером в том, что необходимо вести борьбу против Версальского договора.

Я не хочу говорить об об"ективной справедливости или несправедливости Версальского договора, я хочу лишь показать, как расценивало его население в своей массе и в особенности приверженцы Гитлера, только что пришедшего тогда к власти, если даже социал-демократ был согласен с этим пунктом национал-стской партийной программы. Поэтому я считаю это доказательство относящимся к делу, особенно же к обвинению организации

СС, так как он оказал влияние на формирование взглядов членов СС, также как и всех остальных немцев.

Документ № 86 ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Пелькман, хотите ли Вы сказать, что против Версальского договора следует бороться путем войны или же следует попытаться изменить условия этого договора путем ведения переговоров?

Д-р ПЕЛЬКМАН. В нем отнюдь не говорится, что надо бороться против договора путем войны.

Далее, документы 85 и 86: выдержки из "Фелькишер беобахтер".

Всемирно известный американский издатель Херст, который, если я правильно информирован, по крайней мере в то время имел большое влияние в Америке, говорит, как весьма правильно отметил представитель Обвинения, даже через несколько месяцев после кровавых событий 30 июня 1934 года, а именно - в сентябре 1934 года, что он, находясь в Германии три года тому назад, застал там полный хаос, а теперь, при управлении Гитлера, Германия является страной порядка. Мне кажется, что следует еще раз отметить, не утверждая, что так и было в действительности, но подчеркнуть, что именно так высказывались в прессе компетентные иностранные круги относительно положения в Германии, такие отзывы распространялись тогда за границей и с помощью обширной системы национал-социалистской пропаганды преподносились германскому народу.

Таким образом германский народ, а также и широкая масса членов СС не могли предполагать ничего иного, чем то, что

H1211 – 0336

H1211 – 0337

преподносилось им печатью, и что укрепляло тогдашнюю искреннюю веру в то, что в Германии действительно было сделано многое для водворения порядка, а вместе с тем, и мира во всем мире.

Второе высказывание - это документ 86 - выдержано, примерно, в том же духе. Это сообщение от 27 сентября под заглавием "Америка принимает участие в олимпиаде". Руководитель организации американских легкоатлетов детально рассмотрел вопрос о том, должна ли Америка принимать участие в олимпиаде и затем сделал доклад в Америке. Побывав в различных частях Германии, он высказался весьма положительно о своих впечатлениях и продолжал решительно выступать за участие Соединенных Штатов в олимпийских играх. Как и следовало ожидать, комитет принял решение об участии Америки в олимпийских играх.

Для германского общественного мнения, а следовательно и для широкой массы членов СС это послужило новым и весьма веским подтверждением того, что иностранные государства,по крайней мере в некоторых вопросах, относятся к новой Германии абсолютно положительно; при этом я прошу учитывать, что эти факты относятся к различным годам и к различным периодам.

При обсуждении высоким Трибуналом основных вопросов, относящихся к обвинению организаций, которое имело место с 28-го февраля по 2-е марта, указывалось уже на то, что по всей вероятности придется иметь дело с членами организаций, вступившими в них в разное время. Мне кажется исключительно важным, что как-раз в 1934г., то-есть именно тогда, когда после 1933г. количество членов СС чрезвычайно возросло, для лиц, вступавших в СС имело большое значение то обстоятельство, что иностранные государства как-раз в годы после прихода Гитлера

к власти, различными способами, - я привел лишь несколько примеров, - давали понять, что они согласны с режимом Германии.

Я сожалею, господин Председатель, что я говорю об этом несколько подробнее, чем можно было ожидать, но я считал это необходимым потому, что принципиальная линия защиты организаций еще не затрагивалась в Суде.

Затем следует документ № 36. Здесь также приводится отзыв из-за границы. Это американский журналист; я, разумеется, не могу установить, какой вес он имеет в Америке, однако, об"ективно важно то, что это голос американского журналиста; его статья напечатана в книге, которая была издана известным немецким издательством огромным тиражом. Этот американский журналист описывает на тех страницах, которые я цитирую, условия жизни в Германии и между прочим условия в концентрационных лагерях. В общем он не считает эти условия неудовлетворительными, и я придерживаюсь того мнения, что опять-таки в 1935г. эти высказывания имели значение для вопроса о том, что ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. /перебивает/. Не можете ли Вы сообщить Трибуналу фамилию этого журналиста?

Д-р ПЕЛЬКМАН. Да, его фамилия Дуг-Бринкли.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Повторите, пожалуйста, эту фамилию еще раз по буквам.

Д-р ПЕЛЬКМАН /расшифровывает фамилию по буквам/: Дуг - Бринкли.

Я уже сказал, что я, конечно, еще меньше, чем господа судьи, знаю эти имена. Однако необходимо исходить из того,

16273

H1211 – 0338

H1211 - 0339

что его книга была издана в Германии и средний немец безусловно не мог знать, является ли этот журналист известным в Америке или неизвестным. Во всяком случае он подробно написал об условиях в концентрационных лагерях и о том, что знали немцы вообще и в частности члены СС о концентрационных лагерях. Такое высказывание является относящимся к делу. Я на заседаниях комиссии уже доказывал и докажу еще в дальнейшем, что сведениями о действительных условиях в концентрационных лагерях располагал только весь ма незначительный круг ведавших ими лиц.

Наконец, документы 101 и 102. Здесь речь идет о медицинских опытах с живыми людьми. Я хотел бы предварительно сказать, что я не стою целиком на той точке зрения, что медицинские опыты, производившиеся в концентрационных лагерях, соответствовали принципам гуманности. Я не могу судить об этом без подробного ознакомления с большим количеством доказательств по этому вопросу. Однако я укажу на то, что научные труды, изданные в последнее время показывают, что вопрос о том, можно ли и нужно ли производить над живыми людьми опыты, которые могут привести к смерти, для того, чтобы спасти жизнь десятков и сотен тысяч людей, по крайней мере в науке, является спорным. Как я это покажу на основании моих документов, весьма видные английские и американские ученые отвечают на этот вопрос положительно.

При этом я исхожу из того, что заключенные из концентрационных лагерей, как я пытался доказать на заседаниях комиссии и что я попытаюсь доказать и здесь, добровольно предоставляли себя в распоряжение для этих опытов. Я представлю доказательство того, что такие опыты производятся и за границей. Я считаю, что текст этого показания указывает на то, что они производились над лицами, также не добровольно предоставившими себя для производства таких опытов. В частности документ 101 ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не можете ли Вы задержаться на этом немного? Я думал Вы сказали, что эти люди добровольно согласились на эти эксперименты.

Д-р ПЕЛЬКМАН. Я сказал, что эти документы не доказывают с полной достоверностью, что опыты, которые производились за границей, всегда бывали абсолютно добровольными. Наряду с этим я утверждаю и должен утверждать на основании свидетельских показаний, собранных до сих пор, что опыты, происходившие в концентрационных лагерях, производились над добровольцами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я хотел спросить Вас только о содержании документа 101 и 102, говорилось ли в них о том, что люди добровольно соглашались на то, чтобы над ними производились опыты?

ПЕЛЬКМАН. Нет, я сказал, господин председатель, что это бывает по разному и нельзя точно установить это на основании того или другого документа довольно трудно. Из одного документа видно, что лица, подвергавшиеся опытам, не были добровольцами. Я считаю, что более важным считается...

(К микрофону подходит представитель британского Обвинения г-н Эльвин Джонс).

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Милорд, я не думаю, чтобы это заявление защиты явилось ответом на утверждение обвинения. В документе 101, представляющем собой отрывок из статьи, напечатанной в журнале "Тайм", который не является научным журналом и статья которого не представляет собой научной работы, ничего не говорится о том, что люди, подвергавшиеся опытам, давали свое добровольное согласие, в то время, как во второй части документа 102 ясно указывается на то, что лица с добровольного согласия подвергались опытам.

ПЕЛЬКМАН. Да, это совершенно правильно. Второй документ говорит о добровольном согласии людей на производство над ними опытов, а первый документ, напротив, оставляет этот вопрос открытым. Во всяком случае из обстоятельств, изложенных в этом документе, я заключаю, что добровольность не являлась обязательным условием. Это выдержка из недавнего номера журнала "Тайм" от 24 июня 1946 г. В ней говорится о новом средстве борьбы с туберкулезом. Американские ученые производили опыты с противотуберкулезными прививками, которые были сде-

H1211 - 0340

H1211-0341

лены 3.000 индейцев. Половина этих людей перенесла отравление от этих прививок. Другая половина получила безвредную инъекцию. 40 человек заболели туберкулезом, в 185 случаях прививки не дали никаких результатов. 38 случаев дали смертельный исход. Над индейцами, не заболевшими туберкулезом, производились дальнейшие опыты.

Другой документ - это немецкий перевод американской книги "Одиссея американского врача", автором которой является американский врач, в ней описывается как опыты с известной болезнью "бери-бери" производились над заключенными в Билибиде и, как подчеркивал представитель обвинения, этим заключенным предоставлялись незначительные льготы, а в тех случаях, когда опыты удавались, им уменьшался срок наказания. Эти же опыты производились над больными, содержавшимися в доме умалишенных в Лвала Лумпу. Опыты заключались в том, что одну часть душевно больных ~~умалишенных~~ кормили очищенным рисом, а другую часть - неочищенным, причем эти группы менялись между собой. После этого больные выздоравливали, а здоровые заболевали. Последствия этих экспериментов и болезнь сама по себе весьма серьезны. Под конец больные не могли больше вставать с постели и часто умирали от сердечной слабости. "Я не забуду того впечатления" - я цитирую из этой книги - "которое произвела на меня огромная больница в Сингапуре для неизлечимых больных "бери-бери", где эти несчастные ползали на руках"...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нас совершенно не интересуют эти подробности.

ПЕЛЬКМАН. Я хочу лишь сказать, что, повидимому, здесь идет речь о весьма спорной науке.

16276

(К микрофону подходит представитель британского Обвинения Эльвин Джонс).

Г-н Эльвин ДЖОНС. Прошу извинить меня, милорд, что я вновь вмешиваюсь. Но то вредное значение, которое защита придает этим выдержкам, заставляет меня немедленно высказать свои возражения. В этих отрывках говорится о симптомах болезни "берим бери", но совершенно не приводятся результаты этих экспериментов. Эти опыты заключались в том, что нескольких малайцев держали на обычной диете, состоящей из очищенного риса, который, как утверждают, вызывает заболевание болезнью "бери-бери", других заключенных держали на диэте, состоящей из неочищенного риса. И было доказано, что человек, находящийся на обычной для него диэте, состоящей из очищенного риса, заболевал болезнью "бери-бери". В этих опытах нет ничего с опытами д-ра Рашера.

ПЕЛЬКМАН. Я хотел бы в заключение указать также на суб'ективную сторону этого вопроса. Защита утверждает, что эти эксперименты были окружены исключительной тайной и что даже тогда, когда они становились известны ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Пелькман, нам уже ясна в основном эта сторона вопроса.

ПЕЛЬКМАН. Благодарю Вас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас мы заслушаем выступление представителя Американского Обвинения по поводу генерального штаба и Верховного командования, организации СД и гестапо.

(К микрофону подходит представитель американского Обвинения Додд)

16247

H1211 – 0342

H1211-0343

Г-н ДОДД. Господин председатель, в отношении документов по организации СД и гестапо мы пришли к полному соглашению с защитой и поэтому относительно их мне нечего говорить. В книге документов по организации гестапо насчитывается примерно 150 страниц, а по организации СД - 80 страниц, это касается верховного командования и Генерального штаба, то мы по нескольким документам не смогли притти к соглашению. Мы возражаем против перевода документа №5, находящегося в первой книге документов, так как здесь говорится о неком генерале Буссе и о политических взглядах ~~некоторых~~ отдельных генералов, на национал-социализм. Но все это является только его личным мнением и ничем иным. Содержание всех параграфов и глав, имеющиеся в этом документе, якобы основано на мнениях, о которых генерал Буссе узнал из частных бесед с другими лицами. Но здесь совершенно не указывается на то, что он мог знать об этих мнениях.

Мы также возражаем против документа №8, так как его содержание основано на мнении генерала Винтерса. В нем собраны мнения ряда других лиц. Мы можем сказать, что он произвел нечто вроде опроса ~~заявлений~~ своих коллег и затем их ~~мнения~~ заявления он собрал в письменное показание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Каков характер это документа? Является ли это заявлением, которое было опубликовано в печати?

Г-н ДОДД. Нет. Это - показание, данное под присягой генерала Винтерс.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Оно дано под присягой?

Г-н ДОДД. Да, сэр.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Итак, как показание Буссе, так и показание Винтерса даны под присягой, не так ли?

Г-н ДОДД. ~~Так~~. Да.

H1211 – 0344

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Каким числом датированы эти два документа?

Г-н ДОДД. Эти показания были даны совсем недавно, в июне 1946 года.

Документ №9 носит тот же характер. Он представляет собой заявление, основанное на мнениях других лиц. Лицо, которое дает письменное показание, учитывает это и использует высказывание других лиц.

Документ №11 представляет собой газетную статью относительно отчета генерала Маршалла Военному министру Америки. Этот документ уже был представлен защитой и наше возражение, которое и носит до некоторой степени технический характер, тем не менее является необходимым. Мы считаем, что газетную выдержку не следует использовать, так как сам документ уже был представлен в качестве доказательства. Это - доказательство 56 из книги документов Иодля. Но мы не могли раз'яснить этого защите.

Документ №13 представляет собой политические взгляды или заявление генерала Винтерс, основанное на другом опросе, проведенном им среди заключенных, вместе с которыми он находился, касательно их отношения к так называемому приказу о комиссарах; и кроме того, этот документ уже был представлен комитету, созданному Трибуналом. На Комитете были высказаны возражения по поводу этого документа. И мы сейчас также присоединяемся к этому возражению, ибо данный документ не имеет никакой доказательной силы.

Документ №20 представляет собой письмо генерала Зейдлера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Одну минуту, господин Додд. (Пауза). Продолжайте, пожалуйста.

Гйн ДОДД. Письмо д-ра Зейдлера, конечно, не представляет собой показания, данного под присягой. Это просто документ №20 и на этом основании мы возражаем против его. Кроме того, мы сомневаемся в том, что он имеет какую-либо доказательную силу.

В книге документов №2 имеется документ, против которого мы возражаем. Это документ №15. Это опять-таки не письменное показание, данное под присягой, а простое письмо, посланное генералом Гревенитс генералу фон Клейст 24 июня 1946 г., которое, как мы считаем, не имеет доказательной силы и не может оказать никакой помощи Трибуналу. В отношении остальных документов у нас нет разногласий с защитой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Господин Додд, не можете ли Вы сообщить нам об'ем тех документов, против которых Вы возражаете?

Г-н ДОДД. Я видел только немецкий текст этих документов. В каждом из них имеется примерно 2-3 страницы, кроме того к некоторым документам прилагаются их проекты. Вы имеете в виду все документы, вместе взятые?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, разберите их по порядку, начиная с документа №5.

Г-н ДОДД. В этом документе имеется 2 страницы. Это заявление вместе с прилагаемым проектом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сколько страниц в показаниях Винтерса - документе №8?

Г-н ДОДД. Семь страниц имеется в самом документе и 2 - в проекте. Всего 9 страниц.

16280

H1211 - 0345

H1211 - 0346

Об об'еме газетной статьи относительно отчета генерала Маршала я не знаю. До сих пор была только одна печатная страница.

В документе №13 имеется 10 страниц.В письме генерала Зейдлера - 1 страница. В документа №15,который также представляет собой письмо,имеется 1 страница.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю Вас,господин Доддд.

(К микрофону подходит защитник Латернзер).

ЛАТЕРНЗЕР. Остаются еще некоторые документы,которые являются спорными. Во-первых,в отношении документа №5. Таблица,пред'явленная под № миль-5,на странице 29 содержит/т лишь исторические известные факты,которые изображены здесь графическим образом для того,чтобы судить об их об'еме и наглядно показать,какое значение они имели для обвиняемого сейчас военного руководства.Прилагаемое письменное показание генерала Буссе имеет целью не доказывание общеизвестных исторических фактов,а лишь раз'яснение этой таблицы.Таким образом,речь идет не о личном мнении генерала Буссе,а потому против пред'явления этой таблицы не может быть выдвинуто никаких возражений.Я одновременно остановлюсь на документа МИЛЬ-8 и 9,поскольку возражения,выдвинутые против них,аналогичны. Списки,пред'явленные под вышеозначенными номерами,должны дать возможность суду лучше судить о том круге лиц,которым пред'явлено обвинение.Таким образом, это не письменные показания,а списки, и я сам охотно готов на случай,если это потребует слишком большого труда у технического отдела,предоставить эти списки в необходимом ко-

личестве.Оба эти списка составлены на основе документа № США-778,пред'явленного 2.III.46 года. Этот документ,предъявленный обвинением,содержит фамилии всех тех лиц,которым пред'явлено обвинение и указывает те периоды времени,в которые они занимали соответствующие посты.Этот документ обвинения США-778 сам не указывает источников,из которых были получены эти данные,таким образом,это лишь утверждение обвинения. Поэтому я,исходя из этого документа США-778,попросил генерала Винтерса тщательно и добросовестно составить эти списки.

В противоположность спискам,составленным Обвинением, Трибунал может проверить источник,на основании которого составлены эти списки,и это тем легче сделать,что генерал Винтер был допрошен в суде в качестве свидетеля по делу Иодля.

Список,представляемый под № миль-8,включает тех лиц, которые в настоящее время умерли,затем тех,кому пред'явлена индивидуальное обвинение и,наконец,тех,кто занимал соответствующие посты лишь временно. В итоге получается 56 человек, так что практически приговор может иметь значение лишь для этого количества лиц. В этом же списке приводятся многочисленные случаи,когда члены верховного командования в результате непримиримых разногласий снимались с постов.

В списке,относящемся к документу Миль-9,перечислены 31 человек,которые менее чем в течение шести месяцев занимали те посты,которые указаны обвинением.Этот список важен в связи с вопросом о заговоре.Таким образом,если Суд хочет составить правильное представление о составе обвиняемых лиц, то эти списки должны быть приняты. Список обвинения США-778,

16282

H1211 - 0347

H1211 - 0348

уже пред'явленный здесь, мог быть составлен лишь на основании таких же источников, как и мои списки, причем защита указала какие именно списки она использовала и достоверность их может быть проверена. Если бы я избрал такой же путь, как Обвинение, то я мог бы ограничиться представлением одних лишь списков, без приложения письменных показаний. Поэтому я прошу допустить и этот документ.

Что касается документа Миль-№11, то он уже был принят Судом в качестве документа Иодль-56, поэтому совершенно излишним было об'яснять это мне.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Насколько я понял, документа №11 представляет собой газетную статью относительно отчета генерала Маршалла?

ЛАТЕРНЗЕР. Когда мне возразили, то я заявил, что тот документ, на который я буду ссылаться, уже был пред'явлен во время рассмотрения дела генерала Иодля. Это доклад Маршалла. Поэтому я отказываюсь от представления документа №11.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Итак, Вы отказываетесь от представления этого документа?

ЛАТЕРНЗЕР. Да, потому, что аналогичный документ был уже пред'явлен. Я хотел представить его только для того, чтобы моя книга документов была полной. Я хотел бы только отметить, господин председатель, что попытки Обвинения раз'яснить мне это, не вызывались необходимостью, потому что я довольно легко воспринимаю такие доводы.

Что касается документа №13, то в нем, опять-таки, взят за основу документ США-778, в отношении круга участвующих лиц. Этот список также составлен генералом Винтером, и я хотел

еще раз подтвердить этим документом ту, уже частично доказанную, безукоризненную позицию, которую занял генералитет в связи с приказом о комиссарах. Так как этот список был составлен на основании списка, пред'явленного Обвинением, и приложенное к нему письменное свидетельское показание точно указывает источники, то ценность этого документа может быть проверена. Возражения обвинения могут относиться к доказательной силе этого документа, однако, они не могут отрицать документальный характер этого списка. Поэтому я считаю, что и этот список должен быть принят Судом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разве документ №13, касающийся отношения генералов к приказу о комиссарах, не рассматривался на комитете?

ЛАТЕРНЗЕР. Да, господин председатель. Однако, допросом свидетеля и пред'явлением письменных показаний нельзя достичь тех результатов, которых я хочу достичь пред'явлением этого документа. В этом документе перечислены фамилии генералов, которые попадают в состав этой группы, и я включил специальную графу: получили ли они этот приказ, и следующую графу: проводился ли этот приказ в жизнь. И факты, которые приводит в своем списке генерал Винтер, он подтверждает в своем письменном показании, которое приложено к этому списку. Кроме того, он приводит источники, на основании которых он дает эти сведения. Таким образом, я могу проверить эти источники и тем самым доказательную силу этого документа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Латернзер, вы ведь вызвали на комитет нескольких свидетелей, не правда ли?

16284

H1211 – 0349

H1211-0350

ЛАТЕРНЗЕР. Да,господин председатель,я допросил 8 свидетелей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я полагаю,что все они,или почти все,давали показания по этому вопросу.Вы представили также ряд письменных показаний,в которых освещался тот же самый вопрос,не так ли?

ЛАТЕРНЗЕР. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сколько письменных показаний было представлено Вами на комитет?

ЛАТЕРНЗЕР. Я не могу точно сказать какое количество.Я представил письменных показаний лишь по двум разделам...

Г-н ДОДД. Господин председатель,всего было 72 письменных показаний.И он представил все эти 72 письменных показаний,данных под присягой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разве это не является попыткой пополнить и сделать более исчерпывающим доказательство,которое вы представляете?

ЛАТЕРНЗЕР. Господин председатель,приказ о комиссарах являлся заведомо преступным приказом.Я хотел бы только показать суду на основании этого списка,как образцово действовал высший генералитет в отношении этого приказа и эту часть доказательств я суммировал в данном списке.

Этот список составил генерал Винтер,и Суд может сам установить,какое значение можно придавать этому списку. Я хотел лишь констатировать,что возражения Обвинения могут относиться только к доказательной силе этого документа,но не к вопросу о допустимости его в качестве доказательства. Я прошу принять этот документ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но, если вы представили 72 или 82 письменных показаний на комитете, то почему бы вам не представить и этого документа?

ЛАТЕРНЗЕР. Здесь речь идет не о письменном показании. До сих пор я предъявлял лишь письменные показания, в то время, как здесь в отношении документа №миль-13 основным являются списки, а два письменных свидетельских показания являются лишь приложением к этому списку и должны служить только для раз'яснения этого списка. Основное значение в этом документе представляют собой списки, а не письменные показания, которые имеют пояснительный характер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Латернзер, но это не означает, что данный документ не может быть представлен на комитет, только потому, что он представляет собой список. Этот документ мог бы быть представлен на рассмотрение комитета, и если бы он действительно был представлен, то об этом документе, как и о всех других документах, разбираемых на комитете, было бы доведено и до нашего сведения.

Все документы, о которых вы говорите, могли бы быть представлены на рассмотрение комитета.

ЛАТЕРНЗЕР. Нет, господин председатель, эта точка зрения направильна, до сих пор мы имели право пред'являть комиссии только аффидевиты, а не документы. Документы должны быть об'единены в книге документов, и об этом мы сейчас и говорим. Документ №13 представляет собой документ, а именно, список, в то время как аффидевит имеет лишь чисто пояснительное значение. Я прошу Суд принять решение по этому вопросу.

16286

H1211-0351

H1211 – 0352

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы слышали то, что вы здесь сказали, и при рассмотрении этого вопроса все это будет учтено.

ЛАТЕРНЗЕР. Я должен еще остановиться на документах Миль-15 и Миль-20. Оба документа представляют собой письма, предъявлению которых я придаю большое значение, тем более, что на этом процессе часто допускались простые письма в качестве доказательства. Я напомню, допустим, о письме Рейнера по делу Зейсс-Инкварта. Письму Генерал-полковника Цейтцлера от 8 июля 46 г. на мое имя я придаю большое значение, так как из него видно, что в результате усилий одного генерала, который также должен попасть в число обвиняемых, приказ о комиссарах был отменен. Поэтому для меня, как защитника этой группы, данное письмо имеет особое значение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не можете ли вы назвать даты этих писем?

ЛАТЕРНЗЕР. Это письмо датировано 8 июля 1946 г. Это письмо было направлено лично мне. Это - все, что я могу сказать по поводу возражений Обвинения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Благодарю вас.

/Обращаясь к Додду/. Господин Додд, итак на этом заканчивается рассмотрение всех аргументов, которые мы хотели заслушать сегодня утром, не правда ли?

Г-н ДОДД. Да, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал примет во внимание все ваши предложения.

Я вызываю доктора Штейнбауэра - защитника подсудимого Зейсс-Инкварта.

/К микрофону подходит доктор Штейнбауэр/.

ШТЕЙНБАУЭР. Высокий Суд! В пятницу я остановился на странице 72-й и, с разрешения суда, буду продолжать мою речь с этой страницы.

Из всего сказанного ясно, что рейхскомиссар нес лишь косвенную ответственность за действия германской полиции, т.е. поскольку он использовал ее для проведе - ния своих распоряжений в гражданской области. Полиция старалась в большинстве случаев, если рейхскомиссар запрашивал ее помощь, сначала связаться с Гиммлером по этому вопросу. Ни по каким вопросам, относящимся к компетенции полиции, рейхскомиссар не мог давать ей приказов или де-юре вмешиваться в ее деятельность. При обсуждении еврейского вопроса, вопроса о концентрационных лагерях и угона населения это надо особо учесть.

Допустимость специальных судов и полицейских арестов признается даже в Нидерландском правительственном отчете. Производство арестов, управление концентрационными лагерями, а также лагерями для военнопленных было делом полиции. Как это подробно объяснил сам под - судимый в своих свидетельских показаниях и удостоверили свидетели Виммер и Швебель, он всемерно старался прек - ращать те злодеяния, совершавшиеся в лагерях, о которых ему становилось известно. Укажу вкратце на обращение с так называемыми нидерландско-индусскими заложниками, о которых подсудимый проявлял большую заботу и, наконец, на тот факт, что ему удалось добиться для священнослу - жителей, содержавшихся в заключении в Германии, разре - шения вернуться обратно в Нидерланды.

16288

H1211 - 0353

H1211-0354

Обрисовав короткими штрихами значение полиции и огромный объем ее власти, я перехожу к одному из главных пунктов обвинения - вопросу о евреях.

В судебных выдержках обвинение утверждает, что всю ответственность за выполнение нацистской программы в отношении преследования евреев в Нидерландах несет рейхскомиссар Зейсс-Инкварт, потому что он сам, в своей речи, обращенной к членам НСДАП в Амстердаме 13 марта 1941 г., заявил: "Евреи не являются для нас надерланд - цами, евреи враги национал-социализма и национал-социалистской империи". Зейсс-Инкварт обосновывает в этой речи также и то, почему он, будучи хранителем интересов империи, считал необходимым занять такую позицию в отношении евреев. В евреях он видел тех, кто своим влиянием будет ослаблять дух сопротивления у немецкого народа и выступать везде в качестве его врага. Но как раз из этой речи видно, что Зейсс-Инкварт во всех мероприятиях,направленных против евреев, видел лишь меры безопасности, необходимые на время войны. Он говорит о том, что хочет провести лишь терпимые для евреев мероприятия на время переходного периода и что после окончания оккупации нидерландцы будут сами решать, какова должна быть судьба евреев. То, что евреи во время этой войны, независимо от их подданства, после того обращения, какому они подвергались в Германии, а позднее и в оккупированных странах, стали самыми ярыми противниками национал-социалистской Германии было вполне естественно и понятно. С этим должен был считаться каждый государственный чиновник, защищающий интересы империи в оккупированных районах. Это дает возможность понять ту вышеупомянутую речь, которую

16289

произнес Зейсс-Инкварт в Амстердаме, ибо когда Зейсс-Инкварт по приказу фюрера был назначен в Нидерландах представителем интересов империи, ему было необходимо занять какую-то позицию по еврейскому вопросу. В его намерениях входило удалить евреев с ответственных постов в государстве и экономике на время оккупации, не предпринимая, однако, никаких дальнейших мер. Фактически он и провел только эти мероприятия, причем находившиеся на государственной службе евреи были отпущены в отпуск, или переведены на пенсию. Тем временем, разрешение еврейского вопроса было возложено Адольфом Гитлером целиком и полностью на Гиммлера, облеченного обширными полномочиями, а также на Гейдриха. Полиция безопасности, недовольная той медлительностью, с какой рейхскомиссар разрешал еврейскую проблему, учредила, на основе указанных выше полномочий, в Амстердаме свое ведомство, чье вмешательство приводило к постоянным трениям между этим ведомством и уполномоченным рейхскомиссара в Амстердаме. Полиция безопасности утверждала, что не сможет гарантировать выполнения возложенных на нее обязанностей по безопасности империи, если не будут проведены дальнейшие ограничения, не допускающие участия евреев в экономической жизни и ограничивающие их личную свободу передвижения. Англичан и французов также собрали в отдельные лагери и выселили за пределы империи, а их имущество, как имущество врагов, было конфисковано, также как это делалось во вражеских странах в отношении людей немецкого происхождения. Полиция особенно указывала на то, что во всех имевших место серьезных случаях саботажа и попытках оказания сопротивления участвовало много

1629

H1211 - 0355

H1211 - 0356

евреев, которые очень часто бывали зачинщиками и руководителями этих актов. Многие голландские евреи, чьи предки эмигрировали сюда частично из гордой Испании, а главным образом из Германии и с Востока, еще до оккупации играли руководящую роль в той борьбе против национал-социализма, которая велась в области экономики и особенно в прессе. Когда враг пришел в страну, они, понимая, что это борьба не на жизнь, а на смерть, они, вопреки словам Шейлока из "Венецианского купца": "терпение - наследство моего племени", отдали не только свое имущество, но и свою жизнь в распоряжение возникающего движения сопротивления. Этот факт не мог укрыться и от рейхскомиссара. Обращаться с евреями, также как с англичанами и с французами, или другими подданными вражеских стран и собрать их в один лагерь было невозможно уже потому, что евреев было очень много.

Мероприятия по ограничению их личной свободы были проведены начальником СС и полиции, в качестве непосредственного подчиненного Гиммлера, или полицией безопасности по прямому приказу Гейдриха.

Введение еврейской звезды также было делом этих учреждений, хотя эта звезда не воспринималась нидерландцами как знак дискриминации евреев. Наряду с распоряжениями о лишении евреев свободы передвижения, было также конфисковано имущество, принадлежащее еврейским организациям и отдельным евреям. Рейхскомиссар назначил д-ра Бемкера своим специальным уполномоченным, поручив ему осуществлять, по мере возможности, надзор за мероприятиями, проводимыми полицией и не допускать перегибов.

16291

И действительно он неоднократно вмешивался и предотвращал злоупотребления со стороны полиции. Рейхскомиссариат занимался главным образом экономическими мероприятиями. Документ США-195, касающийся выселения евреев на родину, дает ясное представление о всей еврейской проблеме в Нидерландах. Эта таблица показывает, что рейхскомиссар почти в течение года затягивал проведение мероприятий против евреев и что лишь в феврале 1941 г. одновременно с образованием центрального управления по выселению евреев, созданного по приказу Гейдриха, и работавшего под руководством СС обергруппенфюрера де Фунте, начали предприниматься более строгие меры против евреев. Сравнение с мероприятиями, проводившимися против евреев в самой Германии и других оккупированных странах, показывает, что они были чрезвычайно сходны между собой, а это еще раз подтверждает, что эти единые мероприятия исходили не от рейхскомиссара, а от имперских органов, т.е. полиции. Рейхскомиссар принимал также меры к тому, чтобы секвестрирование еврейского имущества производилось с соблюдением необходимых правил. Когда позднее от Центральных учреждений из Берлина пришло распоряжение о ликвидации этого имущества, вырученные от ликвидации суммы не были конфискованы, а были отнесены на счет евреев-владельцев, так что в конце концов,в еврейском опекунском совете собралось около 500 миллионов гульденов. Для того, чтобы положить предел бесконечному нажиму и вмешательству полиции через посредство Гейдриха, рейхскомиссар совместно с высшим фюрером СС и полиции попытался стабилизировать еврейский вопрос в Нидерландах, для чего он собрал евреев, попа -

16292

H1211-0357

H1211-0358

давших под правила ограничения в два лагеря, находившиеся в двух районах города Амстердама, где они должны были жить, имея собственное самоуправление. Один лагерь назывался Вестерборг, в этом лагере имелась своя еврейская лагерная полиция; внешняя охрана лагеря осуществлялась нидерландской полицией. Когда весной 1945 года эту местность заняли канадцы, английское радио сообщило о том, что евреи находившиеся в этом лагере были найдены в хорошем состоянии, в отличие от евреев, находившихся в других лагерях, за пределами Нидерландов. Вторым таким лагерем должен был стать Фугт. Гиммлер сделал из этого лагеря концентрационный лагерь. Еврейской общиной в Амстердаме руководил ювелир Ашер. Еврейской общине выдавались денежные суммы, в частности на школьные нужды. С фирмами заключались соглашения об использовании на работе лиц, проживавших в еврейских кварталах. В начале 1942 года Гейдрих потребовал по приказу Гиммлера, чтобы всех находящихся в Нидерландах евреев перевели в сборные лагери, расположенные в самой империи. Оба сослались на полномочия, данные им фюрером и указали на то, что рано или поздно вторжение может произойти. Голландия является областью очень подходящей для этого, ибо порты Амстердама и Роттердама очень удобные базы для англичан. Это кратчайший путь к Рурской области, индустриальному центру Германии. Нельзя было оставить так много крайне враждебно настроенных по отношению к Германии людей в районе будущих военных действий против Англии, потому что это было несовместимо с требованиями безопасности. Полиция настаивала на своей точке зрения и рейхскомиссар мог вмешаться только для того, чтобы

16293

эта эвакуация была проведена полицией как можно более человечно. Все же ему удалось добиться того, чтобы тысячи евреев избегли эвакуации и остались в Нидерландах. Подсудимый посредством своего аппарата производил обследования лагерей для интернированных и устранял недостатки, привлекая на помощь христианскую церковь, поскольку это было в его власти. Приказ об эвакуации издал не подсудимый, а Гиммлер через Гейдриха, подсудимый даже не давал согласия на эту эвакуацию. Часть евреев после вмешательства подсудимого была перевезена в Терезиенштадт, лагерь, который считался находящимся под контролем таких международных организаций как Красный Крест и где евреям, будто бы, жилось хорошо. Благодаря распоряжениям, издания которых удалось добиться рейхскомиссару, большое количество евреев не было подвергнуто эвакуации. Доктор Бемкер, фамилия которого уже упоминалась, получил так же поручение контролировать перевозку евреев в Нидерландах, и ему неоднократно удавалось добиться от высших чинов СС и полиции, чтобы они не подвергались дурному обращению. Большая часть этих евреев направлялась в Польшу и вероятно одной из самых ужасных фраз, которые имеются в документах, предъявленных Обвинением, является та, которая содержится в документе США-195:

"Общее количество угнанных составляет 117.000. После того, как их вывезли из Голландии, всякие следы их были потеряны, они растворились в массе людей, вывезенных почти из всех оккупированных стран и нельзя было обнаружить этой группы".

16294

H1211 - 0359

H1211 – 0360

Теперь я перехожу к кардинальному вопросу всего обвинения, к драматическому кульминационному пункту дела данного подсудимого. Знал ли подсудимый о судьбе этого большого количества несчастных и невинных людей и одобрял ли он это сознательно, или преступно не прилагал усилий для того, чтобы предотвратить это?

Подсудимый неоднократно, и также в качестве свидетеля под присягой торжественно заявил, что он об этом ничего не знал и что он считал, что действительно евреи были переселы на время войны на Восток. Когда подсудимому в 1942 году или 1943 году однажы представилась возможность в связи с докладом Адольфу Гитлеру лично переговорить с ним, он заговорил о еврейском вопросе. Когда рейхскомиссар указал на то, что эвакуация евреев вызвала в Голландии большие беспорядки, Адольф Гитлер возразил на это, что он должен исключить евреев из состава германского народа как разлагающий элемент и хочет переселить их на Восток. Гиммлер, начальник СС и германской полиции, когда в начале 1944 года подсудимый обратился к нему, ответил на сомнения, высказанные рейхскомиссаром, что ему нечего беспокоиться о своих евреях, и что его голландские евреи являются его /Гиммлера/ лучшими рабочими.

16295

Представители правительственных органов, посланные в лагери, возвратились с отчетами, в которых говорилось, что евреям живется хорошо и что они довольны. Кроме того, в Голландию регулярно поступали сведения об угнанных, хотя постепенно они прекращались. Теперь, когда поднялась плотная завеса, за которой скрывались ужасы этих массовых убийств, мы знаем истинное положение. Именно благодаря добросовестным исследованиям, проведенным на данном процессе, установлено, что Гитлер и Гиммлер дьявольским образом умели скрывать свои преступные замыслы относительно окончательного разрешения еврейского вопроса. Я сам, когда я в первый раз читал голландский отчет,об участи евреев, был глубоко потрясен. На этот документ и на так называемое госбахское завещание Гитлера от 1937 года я обратил особое внимание моего подзащитного. Относительно госбахского документа, в котором требовалась эвакуация одного миллиона австрийцев, доктор Зейсс-Инкварт сказал мне, что он никогда не видел этого документа и никогда не слышал о нем.

"Если бы я знал о таком намерении, я бы никогда не принимал участия в его осуществлении".

Когда я ему далее показал документ относительно евреев, он убедительно заявил, что он ничего не знал об окончательном решении проблемы и о событиях в лагерях уничтожения. Когда я затем спросил его, почему он, когда он убедился в том, что ему не удается добиться осуществления своих намерений, в частности, по еврейскому вопросу в борьбе с Гиммлером и его сообщниками, не ушел в отставку, он сказал мне, что я ведь тоже был солдатом и знаю, что солдат во время войны не должен дезертировать. Он пришел к убеждению, что

16296

H1211-0361

H1211 - 0362

он, независимо от остальных возложенных на него задач, должен был остаться на своем посту также и потому, что в противном случае голландцев не ожидало бы ничего лучшего. Я, как защитник и юрист, могу добавить следующее: тех мероприятий по уничтожению, о которых говорить/ Обвинение нельзя было ожидать. Если они были проведены в том об"еме, в котором это утверждается, то это были действия особой группы палачей Гиммлера, вызванные безнадежным положением. В уголовном праве, однако, существует принцип, что причинная связь нарушается, если в нее включается новое самостоятельное уголовное преступление. Именно это имеется здесь налицо. Перед тем, как я закончу эту наиболее тяжелую главу из всего обвинительного заключения, я хотел бы еще рассмотреть вопрос о том, заслуживают ли доверия показания подсудимого относительно того, что он действительно ничего не знал о тех ужасных преступлениях, которые были совершены в лагерях уничтожения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Остановимся пока на этом. Сейчас мы об"явим перерыв.

/Перерыв на 10минут/.

ВСТАТЬ! СУД ИДЕТ!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я хочу сейчас сделать сообщение относительно всех этих документов.

Следующие документы, по делу организации СС, против которых было высказано возражение №№ 69,85,86,96,101 и 102. не допускаются к пред"явлению. Представление всех документов по делу организации гестапо разрешается, что касается документов по делу верховного командования, то Трибунал разрешил,

чтобы документы № 8 и № 9 были переведены и включены в книгу документов. Документ № 11 не будет пред"являться. Документы №№ 5,13,15,и 20 могут быть представлены на рассмотрение уполномоченных, но они не будут переводиться для книг документов. На этом я закончу. Сейчас, пожалуйста, д-р Штейнбауэр.

/К микрофону подходит защитник подсудимого Зейсс-Инкварта доктор Штейнбауэр/.

ШТЕЙНБАУЭР. Итак, я продолжаю.

В связи с этим я хотел бы прежде всего указать на свидетельство французского врача, который сам долгое время был в заключении в одном из лагерей уничтожения. Это - доктор медицины Гутбьен из Монжеро Сена и Уара, который пишет в документе РФ-107.

"Нормальному человеку трудно представить себе точную картину концентрационного лагеря, который по-немецки называется в просторечьи двумя буквами "КЦ".

Это трудно по различным причинам: прежде всего, человек, воспитанный по принципам нашей цивилизации, проникнутой элементарным христианско-гуманистическим учением, не может поверить рассказам жертв столь многих злодеяний. Садизм, невероятная утонченность мучений превышает нормальную способность человеческого восприятия. Кроме того, нацисты старались лицемерно маскировать свои преступления, так что на постороннего человека, который посетил бы два или три года назад концентрационный лагерь, произвели бы впечатление господствовавшие там порядок и чистота.

16298

H1211-0363

H1211 – 0364

Если бы юрист убедился в том, что там имели место казни, то во всех случаях ему были бы приведены причины, если не беспорные, то по крайней мере достаточные для их оправдания. И, наконец, если бы врач просмотрел медицинские свидетельства, то он очень легко мог бы заключить о естественных причинах смерти.

Так плотно было окутывавшее концлагери покрывало, которое СС-овцы заботливо и ревниво держали опущенным. СС пытались придать своим преступлениям внешнюю юридическую форму.

Здесь мы встречаемся с характерной чертой гитлеровского лицемерия".

В аналогичном духе высказываются также иезуитский священник Кюбле в своей книге "Концентрационные лагери, вопрос совести для немецкого народа". Он пишет:

"Страница 19:..." и он считал, что может предотвратить саморазоблачение путем абсолютно непроницаемого кольца молчания, которое он создал вокруг своего детища. Это кольцо было настолько тесно замкнуто, что немец должен был бы поехать заграницу, чтобы узнать что-либо конкретное об этих лагерях и там прочитать о "болотных солдатах". Дома таких книг не существовало, а по рассказам других можно было узнать очень мало. Из худших лагерей не выходил никто, а сами исполнители время от времени "устранялись" для того, чтобы они ничего не могли рассказать. Но те немногие, которые выходили из лагерей с более мягким режимом, были настолько запуганы, что они делали лишь общие туманные намеки что было вполне достаточно как раз для того, чтобы вызвать во всем народе общее чувство ужаса

перед этими таинственными местами".

Но даже и то немногое, что узнавали из рассказов других, никогда не доходило до сведения высших деятелей Третьей империи. Ибо если эти последние начинали расследование какого-либо дела, то об этом узнавала полиция и она заботилась о том, чтобы эти носители такой "пропаганды ужасов" молчали. Поэтому со временем перестали что-либо говорить таким деятелям.

Но лучшим свидетельством является свидетельство посвященного, одного из тех людей, которые сами принимали активное участие в ликвидации евреев. 25 июня 1946 года перед лицами, уполномоченными ~~этими Судом~~ этим Судом был допрошен в качестве свидетеля Дитер Вислицени, особый уполномоченный Айхмана, который ведал уничтожением евреев. Он показал, что в Терезиенштадт привозились комиссии Международного Красного Креста и иностранные дипломаты, которым обманным образом показывали нормальные условия жизни в легере. Евреев, которых привозили в Освенцим, перед тем как убить их, принуждали писать почтовые открытки; эти почтовые открытки затем через большие промежутки времени отсылались по адресу, чтобы создать видимость, как будто эти лица все еще живы.

Он приглашал различных представителей прессы. На категорический вопрос: "Кто ведал в оккупированных странах еврейским вопросом, начальник полиции охраны порядка, полиции безопасности или СД?" - он ответил" "Насколько я знаю, еврейский вопрос в оккупированных странах был делом высшего командира СС и полиции на основании особого приказа Гиммлера'

16300

H1211 - 0365

H1211-0366

Чтобы сделать обман более достоверным, со словацкого правительства, например, требовали 500 марок за каждого еврея в качестве взноса за поселение. Я указал на это подсудимому, он сказал мне, что Гиммлер потребовал также и от него 400 марок за каждого голландского еврея в качестве взноса за поселение, но что он, как имперский комиссар, учитывая недостаток сведений о действительном поселении евреев и указывая на то, что окончательное урегулирование будет произведено после заключения мира, отказался сделать это.

Подсудимый по своей инициативе во время своего допроса указал на отдельные случаи стерилизации. Письма Зейсс-Инкварта Гиммлеру, о представлении которых в Суд я ходатайствовал, вместе с показаниями подсудимого говорят о следующем положении дела:

Зейсс-Инкварт, в противоположность утверждению тогда 18-летней свидетельницы Хильдегарды Кунце никогда не докладывал Гиммлеру по служебной линии о еврейском вопросе.

Наоборот, Зейсс-Инкварт требовал от Гиммлера более не ухудшать еще более положения евреев в Нидерландах и при этом указывал на меры, принятые за это время против евреев, и выходившие за пределы мер, принимаемых в империи; при этом он сослался также на случаи стерилизации.

Зейсс-Инкварт немедленно выступил против стерилизации женщин и заявил христианским церквам, что нельзя оказывать давления и, действительно, в ближайшее время такие случаи больше не имели места.

Что касается этого дела самого по себе, то подсудимый может нести за него ответственность лишь в том

отношении, что он не сразу выступил против этого, не будучи уверенным, что он сможет воспрепятствовать его осуществлению. Причины поведения подсудимого становятся ясны из письма, которое я просил приобщить в качестве доказательства, - это было опасение, что положение евреев может быть еще больше ухудшено, и предположение, что если на этих евреев обратить особое внимание, то ими может заняться полиция.

Во всяком случае те меры, какие подсудимый принимал против евреев, являлись мерами против враждебно настро-енных иностранцев и выявались причинами упомянутыми подсудимым в его речи от 23 марта 1941 года в Амстердаме; все то, что выходило за пределы этих мер, производилось по прямому указанию имперских центральных инстанций, в частности, Гейдриха, причем главным образом, с помощью органов самих имперских центральных инстанций.

Следующим пунктом обвинения является утверждение о том, что подсудимый, как имперский комиссар, в ходе осуществления намеченной политики уничтожения и ослабления оккупированных стран, намеренно не заботился о питании голландцев, что, в конце концов, привело к катастрофическому голоду. Эти утверждения опровергнуты свидетельскими показаниями доктора Хиршфельда, фон дер Вензе и самого подсудимого. С самого начала, в интересах населения весь аппарат продовольственного снабжения оставался под руководством голландцев, хотя имперскому комиссару было известно, что именно в этой области образовались основные ячейки движения сопротивления. Питание в Голландии было, недомненно, не хуже, чем в Германии, откуда, в частности, подвозилось зерно. Еще в

H1211 – 0367

H1211 – 0368

1944 году питание составляло 1.800 калорий, а до этого - 2.500 калорий, к чему следует еще добавить дополнительное питание различного рода. Кроме того, имперскому комиссару удалось, правда только в 1943 году, путем обращения в имперское управление продовольственного снабжения, прекратить упомянутое в перекрестном допросе мешочничество, которым занимались военнослужащие. В какой степени подсудимый поддерживал нидерландское продовольственное хозяйство, например, с помощью развития хозяйства в Северо-восточной части Польдера, путем защиты от преувеличенных требований империи, подтверждает свидетель фон дер Вензе. То, что до сентября 1944 года продукция голландского производства химикалиев использовалась для голландского сельского хозяйства, является исключительно заслугой подсудимого.

С осени 1944 года положение в секторе питания значительно ухудшилось. Страна, после вторжения, в большей своей части стала театром военных действий, и транспорта был разрушен бесчисленными воздушными налетами. Это привело к тому, что в частности, на западе Голландии, где на небольшом пространстве в трех крупных городах скучены миллионы людей, создалось тяжелое положение с питанием. При небольшом количетве оккупационных войск было само по-себе огромной ~~ф~~ глупостью полкать посредством голода эти огромные человеческие массы к отчаянному сопротивлению.

16303

Когда в сентябре 1944 нода на железных дорогах и водном транспорте началась забастовка по инициативе лондонского эмигрантского правительства, которое рассчитывало на благоприятный исход сражения у Арнхейма и на быстрый крах германской армии, то, с точки зрения международного права, это было бедствие, в которое страна сама ввергла себя для борьбы с оккупантами. Естественно, что вооруженные силы для своей собственной защиты воспользовались всеми судами, которые можно было достать для того, чтобы обеспечить свое питание. Чтобы избежать повторений, сошлюсь на показания фон дер Вензе и доктора Хиршфельда, причем очень важно, что свидетель доктор Хиршфельд показал здесь о том, что имперский комиссар уже 16 октября 1944 года дал приказ об отмене запрета судоходства. Он мог рассчитывать на то, что запрет на четыре недели, задуманный не в качестве репрессивной меры, не повредит, так как имелось достаточно продовольствия или его можно было привезти в Голландию в ноябре и декабре месяцах.

16304

H1211 – 0369

H1211 – 0370

В действительности он уже раньше отменил эмбарго, распорядился о создании особой транспортной организации и осуществил подвоз продовольствия из северо-восточных провинций с помощью германских транспортных средств. Так как несостоятельность нидерландской транспортной системы, постоянные дневные и ночные налеты вражеских летчиков, диверсии, проводимые движением сопротивления и, наконец, большой недостаток в угле мешали проведению мер по снабжению, то трудное положение, вызванное забастовкой, не может приписываться подсудимому в качестве уголовного преступления. Во всяком случае представленная мной статистика показала, что во время всей оккупации, до середины 1944 г., население непрерывно возрастало и общий жизненный уровень, с учетом военного времени, не снизился в значительной степени. Поскольку вследствие вследствие войны положение с питанием все время ухудшалось, подсудимый позаботился о подвозе продовольствия с помощью германских товарных поездов и выделил из продовольственных запасов германских вооруженных сил продукты для детей. Он поддерживал кампанию помощи со стороны церкви и Красного креста, хотя движение сопротивления все время злоупотребляло значком женевского Красного креста. Шведский кронпринц, как президент шведского Красного креста выразил имперскому комиссару свою особую благодарность. В заключение имперский комиссар через доверенных лиц установил связь с нидерландским эмигрантским правительством и, таким образом, явился инициатором заключения соглашения с союзным верховным командованием, с помощью которого снабжение Голландии было обеспечено и фактически был положен конец

16305

оккупации. В союзных военных кругах тогда рассчитывали на возможность сопротивления еще в течение 60 дней. Это сопротивление германские оккупационные войска Нидерландов без сомнения смогли бы оказать, хотя при этом погибла бы страна и ее население.

Я перехожу к последнему пункту французского обвинения - к наводнениям и разрушениям, вызванным оккупирующей державой. Если бы обвинение не указало на этот пункт, то я, как защитник, обсудил бы это дело перед судом, так как именно оно показывает подсудимого в другом очень благоприятном для него свете. Указывая на показания свидетелей Виммера, Швебеля, доктора Хиршфельда и генерала фон Клефель, я хотел бы сказать коротко следующее: суду известно, что 40 процентов всей площади Нидерландов лежит ниже уровня моря. В вековой упорной работе у моря отвоевывается земля и превращается в плодородные поля. Огромные плотины защищают страну, шлюзы и насосные станции регулируют приток воды и внутреннее сообщение. Постоянная борьба против бурь и воды воспитала в голландцах гордый и свободолюбивый характер. "Бог создал землю, но мы сами создали нашу страну" говорит голландская пословица.

Когда канадские войска прорвались на север, имперский комиссар не направился, как этого многие ожидали из Гронингена в империю, а вернулся в Гаагу, чтобы до конца нести ответственность. Он опасался, что рушающаяся империя перейдет к катастрофической политике, которая в такой малозащищенной стране, как Нидерланды, где на квадратном километре живет 271 человек, могла привести к уничтожению.

16 206

H1211-0371

Битва готов, в которой погибает все, у некоторых превратилась в навязчивую идею. Геббельс ведь заявил хвастливо, что, если они будут вынуждены уйти, то они хлопнут дверью так, что услышит весь мир. Имперский комиссар предостерегал от таких идей. В действительности был получен приказ "сожженная земля", он означал бы разрушение всех технических сооружений, включая плотины и шлюзы в Голландии, уничтожение двух третей страны. Вместе с министром Шпеером и Деницем он воспрепятствовал всему этому. Это подтвердил в ответах на мой опросный лист командующий генерал фон Клефель, а начальник генерального штаба американской армии Бетель Смит признал это. Как показал Швебель, должны были быть разрушены также все исторические здания.

Защитник генерала Христиансена сообщил мне, что наряду с техническими войсками вооруженных сил, которне производили оправданные военным положением взрывы и затопления, появились также уполномоченные Гиммлера для того, чтобы производить разрушения за спиной вооруженных сил. Всему этому имперский комиссар воспрепятствовал, вмешавшись с полным сознанием своей ответственности и тем в большой степени спас страну от непоправимых разрушений. На конечной плотине, Цуидерзее, огромнейшем гидравлическом сооружении, какое когда-либо было создано, с мая 1932 г. находится простой памятник, на котором нет никаких имен, а только изречение: "Народ, который живе-т, строит свое будущее". Каков бы ни был исход этого процесса, может быть когда-нибудь настанет такое время, что под этим изречением будут написаны короткие слова: "Спасено

16307

H1211-0372

H1211-0373

от разрушения Зейсс-Инквартом".

Тем самым я окончил рассмотрение второго комплекса обвинения.

Медленно опускается занавес над сценой предполагаемого заговора. Но я спрашиваю вас: "Является ли человек, который в разгар борьбы своей нации не на жизнь, а на смерть был поставлен во главе администрации вражеской страны и все время старался предотвратить или уменьшить эксцессы, человеком, которого поэтому можно назвать жестоким деспотом и военным преступником?"

Но я не хотел бы закончить свою речь, не высказав некоторых общих мыслей о процессе. Я ценю Францию и ее старую культуру и считал честью как адвокат скрестить здесь, на процессе, свою шпагу с французами. Я с величайшим вниманием и внутренним участием слушал речь главного обвинителя от Франции Франсуа де Ментона.

Однако ее нельзя оставить без возражений. Де Ментон говорил о Германии как о вечном враге Франции и без всякого различия потребовал для всех подсудимых строжайшего наказания - смерти! Это выдвигает на передний план одну из слабостей этого процесса, а именно, что он всегда останется процессом победителей над побежденными. Это слишком сильно напоминает о Галле Бренусе, который с возгласом "Горе побежденным" бросает меч на неравную чашу весов. Тем самым Ментон, сам того не желая, закрывает путь к длительному миру. Преступление против духа является основной ошибкой национал-социализма и источником всех преступлений, говорит де Ментон. Национал-социализм основывается на расовой теории,

продукте германского духа. Ментон, однако, правильно раз"ясняет, что национал-социализм является заключительным этапом продолжительного развития доктрин. В истории нет непосредственных переходов, все основывается на предшествующих мыслях и течениях. Двадцатый век может быть об"яснен только в связи с процессом развития, происходившим в предыдущем веке. Крайний национализм господствовал в конце XIX века, причем важно констатировать, что не немцы, а французы впервые выступили с расовой теорией. Граф Гобино в своих "Очерках о неравенстве человеческих рас" и Жорж Сорель в своей книге "Рассуждения о насилии".

Господин де Ментон цитировал в конце своей речи упомянутую также и мною книгу Политисе "Международная мораль". Политис называет крайний национализм воистину международной болезнью, порожденной XIX веком. Он специально рассматривает дело француза Мориса Барро. Он видит в предложении: "даже если родина неправа, следует все же оправдать ее действия" отрицание всякого морального закона.

Я хочу привести господину де Ментону высказывания ещеодного француза. Он является малоизвестным профессором истории. Гестапо, германская и французская полиция преследуют его, он часто меняет свой облик и свою фамилию. Он появляется везде. Мы встречаем его в Центральном массиве, в Оверне, в горах Гренобля, на побережье, в Бордо и в Париже. Там, где он появляется, сходят с рельс военные эшелоны, взрываются склады боеприпасов и прекращают работу важные индустриальные предприятия. Перед его глазами всегда стоят слова Де-Голля: "Наша страна в смертельной опасности, соберитесь все вокруг нас, боритесь

16309

H1211-0374

H1211-0375

за Францию". Этот человек - Жорж Бидо. Когда враг был изгнан из страны, его первой заботой явилось посещение тяжело раненых бойцов в госпитале. Однако он идет не только к французам, он направляется также и в палату раненых немцев и говорит им: "Товарищи, я желаю вам скорого выздоровления и благополучного возвращения на родину".

Эти слова человека, являющегося сегодня руководителем Франции, показывают нам путь к миру в честном и открытом сотрудничестве народов и наций. Гитлер хотел создать новую Европу, однако, его методы помешали ему в этом. Германия лежит поверженная и беззащитная, ее города разрушены, ее хозяйство уничтожено. Поэтому Франция, одна из старейших стран христианского мира, - страна, которая в конце XVII века открыла нам глаза на права человека - сегодня несет особую ответственность и призвана сохранить культуру Запада. Для этого, однако, в первую очередь необходимо, чтобы исчезло недоверие, отравляющее жизнь народов. Это - те краткие и общие замечания, которые я хотел сделать в связи с процессом.

Итак, ~~я~~ с чувством доверия вручаю судьбу моего подзащитного Вам, уважаемые господа судьи. Я знаю, что Вы хорошо взвесите также и все те обстоятельства, которые говорят в пользу Зейсс-Инкварта.

Сам же я снова, как уже много раз за долгие месяцы процесса, пройду по улицам Нюрнберга и с разрушенного королевского замка взгляну на немецкую землю. Среди руин старого города возвышается почти неповрежденный памятник художнику Альбрехту Дюреру и географу Мартину Бегайму.

16310

Они олицетворяют собой германское искусство и германскую науку. Пусть оба эти имени будут символом для будущего поколения и как факелы выведут германский народ из тьмы, нужды к сияющим высотам длительного мира.

(П а у з а).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал об"являет перерыв на несколько минут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я вызываю доктора Бергольда, защитника подсудимого Бормана.

БЕРГОЛЬД. Господин председатель, господа высокие судьи! Дело подсудимого Мартина Бормана, защита которого была поручена Высоким судом мне, является необычным делом. Подсудимый жил в тени, когда национал-социалистская империя еще блистала, он остался в тени на этом процессе и пребывает, по всей вероятности, в царстве теней, как говорили про мертвых в античном мире. Он является единственным подсудимым, который не присутствует здесь и в отношении которого применяется параграф 12-й Устава. Кажется, как будто история захотела сохранить непрерывность "дейвоск" и увидеть, как именно в Нюрнберге обсуждается вопрос о том, служит ли препятствием для слушания дела в отсутствии подсудимого вероятность его смерти. Именно в Нюрнберге из средневековья сохранилась до наших дней поговорка, гласящая, что: "нюрнбержцы не повесят никого, кого они прежде не поймали".

Итак, еще в старые времена как раз в Нюрнберге подробно обсуждался вопрос о том, как можно вести уголовное

16311

H1211-0376

H1211-0377

преслелование против отсутствующего.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Бергольд. Насколько Трибунал понимает, вы сейчас, пытаетесь доказать, во-первых, то что Трибунал не имеет никакого права судить подсудимого Бормана в его отсутствии. И, во-вторых, что даже, если Трибунал и имеет это право, то подобные действия - нежелательны. Оба эти вопроса обсуждались 17 ноября 1945 г. а 22 ноября того же года ~~ххлх~~ после того, как вы были назначены защитником Бормана, были вынесены решения. Оба эти решения были за то, чтобы судить Бормана в его отсутствии. Иными словами, Трибунал имеет полное право в соответствии со статьей 12 Устава в интересах правосудия в данных условиях, слушать дело подсудимого Бормана в его отсутствии.

БЕРГОЛЬД. Да, Высокий Суд, это правильно. Это решение мне известно. Я хотел бы только указать на то, что может быть, в ходе процесса выявились такие обстоятельства, которые послужат к изменению Судом своего решения. Я исхожу из того, что Суд может пересматривать свои собственные решения. Поэтому я...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Бергольд, несомненно, что сейчас не подходящий момент для того, чтобы выдвигать этот довод. Когда мы уже начали судебное разбирательство дела подсудимого Бормана. В течение длительного периода времени Вам была предоставлена возможность ходатайствовать о пересмотре этого решения. Вы слышите, что я говорю?

БЕРГОЛЬД. Я не совсем понял вашу последнюю фразу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я сказал, что сейчас подавать подобное ходатайство слишком поздно. В вашем распоряжении были все месяцы, начиная с ноября, когда вы могли бы подать подобное ходатайство, о пересмотре решения Трибунала. Однако вместо этого, продолжали вести защиту подсудимого Бормана. Посмотрите, пожалуйста, на правильном ли номере поставлены ваши наушники?

БЕРГОЛЬД. Господин председатель. Я слышу перевод, но я не могу его понять, самый перевод слишком плох и слишком неясен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я буду говорить медленнее. Я сказал, что если вы хотели, чтобы Трибунал пересмотрел свое решение от 22 ноября 1945 года, то вы должны были бы обратиться с ходатайством по этому поводу ранее. Однако вы этого не сделали, и продолжали вести защиту подсудимого Бормана и Трибунал решил заслушивать дело подсудимого Бормана. Поэтому Трибунал не подготовлен сейчас к тому, чтобы заслушивать этот довод о пересмотре своего решения. Если вы считаете, что это в интересах вашего подзащитного, то Трибунал не возражает против включения в протокол этого документа или этих страниц вашей речи. Но Трибунал не собирается пересматривать свое решение.

БЕРГОЛЬД. Господин председатель, свидетельские показания, а именно показания свидетеля Кемпка, которые были даны лишь в конце слушанья дела, по-моему настолько очевидно подтверждают смерть Бормана, что вопрос о пересмотре решения может быть поставлен снова. Когда свидетеля Кемпка в конце допроса спросили...

16313

H1211-0378

H1211-0379

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я хочу сказать, что Трибунал не желает, чтобы вы зачитывали свою речь с 1 по 10 страницу. Вопрос о том, мертв ли Борман или нет является вопросом, который вы осветите в своих доводах позднее и Трибунал тогда заслушает вас по данному вопросу, а на страницах с 1 по 10 ничего не говорится о смерти подсудимого. Трибунал желает, чтобы вы начали чтение с 10 страницы, со слов: "Я не могу" - это последний абзац на 10-й странице.

БЕРГОЛЬД. Я должен подчиниться этому решению. Я не могу и не хочу критиковать Устав. Высказывая соображения правового порядка, которые Вы устраняете, я хотел лишь установить тот факт, что Устав создал нечто новое. Но я повторяю, что я придерживаюсь того скромного мнения, что перед лицом исключительного новшества, впервые встречающегося в истории права всех времен и государств, Высокий Суд должен очень тщательно проверить, следует ли при теперешнем положении процесса пользоваться представленным суду § 12 Устава правом вести процесс против отсутствующего.

По моему мнению, так как пересмотр приговора невозможен, процесс должен быть проведен лишь в том случае, если соответствующим образом, применяя прекрасные и ясные принципы русского права, во-первых, будет доказано, что подсудимый Мартин Борман намеренно и сознательно не является в суд и, во-вторых, если обстоятельства дела не будут вызывать никаких сомнений.

Так как в Уставе не установлено более подробно, когда и при каких предпосылках суд должен воспользоваться

16314

своим правом, Суду приходится действовать провотворчески.

Ответственность Высокого Суда, в следствие окончательности приговора, в этом случае очень велика. Мое мнение о том, что приговор является окончательным, является также мнением Высокого Суда, так как в официальном вызове в суд подсудимого Бормана в последнем предложении ясно указывается на то, что приговор в том случае, если подсудимый будет признан виновным, будет немедленно приведен в исполнение, как только он будет обнаружен.

По моему мнению, вовсе не доказано, что подсудимый намеренно не является на процесс. Допросом свидетеля Кемпка, по-моему, с большой вероятностью установлено, что подсудимый Борман умер.

Свидетель Кемпка показал, что в ночь с 1 на 2 мая 1945 г. он, вместе со статс-секретарем Науманом, подсудимым Борманом, штандартенфюрером Штумпфеккер пытался бежать идя с левой стороны движущегося танка через русские боевые порядки. При этом подсудимый Борман шел совсем близко от танка около его середины, так что у свидетеля создалось впечатление, что Борман одной рукой держался за танк. Свидетелю казалось, что он делал это для того, чтобы не отставать от движущегося танка. Этот танк, пройдя 30-40 метров, миновав немецкие противотанковые заграждения, очевидно, взлетел на воздух, в результате попадания "панцерфауста".

16315

H1211-0380

H1211-0381

Свидетель совершенно ясно видел, что именно там, где Борман шел около танка, во время взрыва из самого танка вырвалось пламя, и охваченные этим пламенем Борман, а также идущий впереди него статс-секретарь Науман упали на землю. Следовательно, Борман находился в центре этого взрыва, который был так силен, что свидетель уверен в том, что Борман при этих условиях несомненно должен был умереть. На основании того факта, что свидетель не был убит силой этого взрыва, нельзя делать вывод о том, что и Борман остался в живых. Надо учесть, что Кемпка бежал слева позади танка и поэтому находился, примерно, в 4-х метрах от места взрыва. Далее, следует учесть и то, что у него была некоторая дополнительная защита, так как перед ним бежал еще доктор Штумпфэккер, тело которого силой взрыва было отброшено на него и послужило ему укрытием. Кемпка показал, что Борман был одет в форму и носил знаки различия СС - обергруппенфюрера. Даже, если бы Борман и не был убит этим взрывом, он был бы, очевидно, так тяжело ранен, что не мог бы продолжать бегство. Он в таком случае неминуемо б попал в руки советских частей, которые, по показанию свидетельницы Крюгер, были уже совсем близко от имперской канцелярии и заняли имперскую канцелярию уже 2 мая 1945 г. ввиду бегства гарнизона. СССР, само собой разумеется, при той лойяльности, какую он проявляет на этом процессе, передал-бы Бормана суду Высокого Трибунала.

Имеются только две возможности, по крайней мере, насколько я могу судить, первая из них та, что Борман раненый попал в руки Советского Союза, но эта возможность,

как доказано, исключается, таким образом, остается вторая возможность, а именно та, что Борман погиб.

Поэтому я считаю, что я с достаточной очевидностью доказал, что Борман умер.

По моему мнению нельзя говорить о том, что до того, пока совершенно точно не будет установлена смерть этого человека, можно считать его безвестно отсутствующим и это предположение я, как защитник, должен опровергнуть. По закону понятие безвестного отсутствия во всех государствах земного шара существует только в гражданском праве и только в целях упорядочения наследственно-правовых или семейно-имущественных отношений. Однако судебные решения о безвестном отсутствии выносились очень редко и бывали спорными, как, например, это имело место в прусском праве. Французский гражданский кодекс вообще не знает такого понятия и допускает лишь заявления о том, что человек пропал без вести. В английском обычном праве нет института заявлений о смерти и понятия безвестного отсутствия. Русское право разрешает уже по истечении краткого времени подавать заявление о том, что человек пропал без вести, после чего может последовать признание этого лица умершим. Но и в этих узаконениях нельзя найти какого-либо предположения о том, что человек жив. Но как бы не обстояло дело с гражданским правом, во всяком случае, несомненно, что в области уголовного права ни одно государство не знает понятия безвестного отсутствия. А если в уголовном праве такого понятия не существует, то я и не должен опровергать такое предположение. В этом случае

16317

H1211-0382

H1211-0383

достаточно, чтобы защита доказала, что имели место такие обстоятельства, на основании которых, при разумной оценке всех условий, как я уже говорил, можно сделать вывод о том, что подсудимый умер.

Итак, я, прежде всего, считаю, что смерть подсудимого Бормана доказана с достаточной достоверностью, при чем эта смерть настолько очевидна, что на этом основании следует вообще навсегда прекратить дело, так как и в Уставе нет постановления о том, что можно вести дело против умершего. Иначе Обвинение в случае, если бы процесс против умерших преступников был бы разрешен, вполне логично и разумно должно было бы предать суду действительных главных руководителей национал-социализма. Но независимо от этого я считаю, что никоим образом не доказано то, что подсудимый Мартин Борман намеренно укрывается от суда до тех пор, пока существует возможность считать подсудимого мертвым. Правильно и то, что в Уставе нет каких-либо условий, которые бы разрешали вести дело против подсудимого, который не найден. Но Устав в этом отношении очень краток и я уже говорил о том, что, по моему мнению, после показаний свидетеля Кемпка Высокий Суд должен еще раз серьезно обсудить вопрос о том, надлежит ли Суду именно по делу Бормана пользоваться предоставленным ему правом. Мне кажется, что, учитывая окончательность приговора, было бы правильным и справедливым применить по делу Бормана общий правовой принцип всех цивилизованных государств, в соответствии с которым подсудимому после его ареста, должно быть обеспечено право быть выслушанным Судом; приостановив сейчас

рассмотрение дела удалось бы избежать впоследствии совершившихся фактов, поскольку не исключается, что отсутствие Бормана вызвано уважительными причинами. При этом я хочу указать на то, что ч.2 § 12 Устава, в интересах справедливости, обращает внимание Суда на то, что в подобном случае надо рассмотреть вопрос о том, следует ли в других случаях, кроме ненахождения подсудимого, рассматривать дело в его отсутствии. Однако интересы справедливости не односторонни и не направлены против одного лишь подсудимого. Во всех правовых системах мира она требует соблюдения интересов подсудимого настолько, насколько это возможно.

Действительная справедливость всегда разносторонна

Высокий Суд уже в случае с заболевшим подсудимым Круппом использовал свои полномочия, приняв решение не рассматривать дело в отсутствии подсудимого. Даже в том случае, если это дело нельзя сравнить с делом подсудимого Бормана, это решение все же необходимо принять во внимание.

Именно в связи с особенностями данного дела и с учетом показаний свидетеля Кемпка, ни в коем случае нельзя считать доказанным, что подсудимый Борман сознательно уклоняется от суда, так как при всех условиях нельзя игнорировать то, что подсудимый, даже если он был спасен и не попал в руки союзников, мог получить такое тяжелое ранение, что он по своему физическому и психологическому состоянию не может предстать перед судом; именно поэтому Высокому Суду, после моего тщательного исследования, следовало бы в интересах справедливости даже и теперь приостановить слушание дела подсудимого Бормана.

Такое решение будет оправдано также, если исходить из второго основного принципа, который предусматривается

16319

H1211-0384

H1211-0385

русским правом, а именно, что слушание дела, как правило, производится только в том случае, если обстоятельства дела не вызывают никаких сомнений.

Подсудимый Борман отсутствует. Он не мог лично защищаться против пред"явленных ему обвинений. Он не мог дать мне никаких раз"яснений и я не смог найти свидетелей, которые в достаточной степени знали бы обстоятельства дела и были бы в состоянии дать показания в пользу под-судимого в связи с пред"явленными обвинениями.

Образ Бормана и его деятельности остались невыясненными даже после этого продолжительного процесса в такой же степени, как они были неясными и раньше в силу особенностей характера подсудимого. Обвинения, которые многие подсудимые на данном процессе, выдвинули против него, возможно по каким-либо особым причинам и несомненно для облегчения своей собственной защиты и для оправдания своих действий, не могут быть положены в основу приговора без детального рассмотрения. Само Обвинение, в лице своих представителей, неоднократно заявляло, что подсудимые будут стремиться переложить основную вину за действия, которые рассматривает Высокий Суд, на мертвых или отсутствующих. Некоторые из моих коллег во время своих защитительных речей также придерживались этой тактики подсудимых. Возможно все это было сделано справедливо. Я не могу об этом судить. Я также не имею права выносить приговор.

Никто, однако, не знает, что подсудимый Борман ответил бы этим людям, если бы он присутствовал на процессе. Может быть он смог бы доказать, что вся его деятельность не находилась в причинной связи с действиями, которые рассматривает Обвинение и что он не имел такого влияния,

которое ему приписывают, как секретарю фюрера и партии. Повсюду в мире секретарям и начальникам центральных канцелярий также, как и камердинером абсолютных монархов, всегда приписывалось большое влияние на их начальников и господ, так как в связи с характером их должности, через руки таких секретарей проходит все, что решается в канцелярии. Что, однако, в современном государстве может ускользнуть от бюрократического Молоха?

Пред"явленные Обвинением книга документов и судебные выдержки не содержат никаких веских доказательств относительно того, что Борман оказывал существенное влияние при проведении действий и мероприятий в 3-й Империи, на национал-социалистскую партию или даже на деятельность Гитлера, и вообще каковы были размеры этого влияния.

В указе Бормана, помещенном во втором томе официального сборника "Распоряжения, инструкции и об"явления партийной канцелярии", на стр.228, пред"явленном в качестве доказательства № 11 по делу Бормана, в моей книге документов, раз"ясняется, что партийная канцелярия являлась ведомством Гитлера, которое он использовал для руководства НСДАП. В нем подчеркивается, что Гитлер с 12 мая 1941 года снова полностью и исключительно взял на себя лично руководство партией. Начальнику партийной канцелярии, которым был в то время Борман, было поручено постоянно информировать Гитлера о положении с партийной работой и сообщать ему о всех фактах, имеющих значение для принятия решений по партийным делам, причем эти решения должны были приниматься на основании принципиальных указаний Гитлера, который, в качестве главного руководителя партии, сохранял за собой право давать их, в частности, по политическим вопросам.

16321

H1211-0386

H1211-0387

В соответствии с этим распоряжением партийная канцелярия являлась центральной канцелярией для руководства государством по внутри-политическим вопросам, через которую направлялись все предложения и вся информация, адресованные Гитлеру низшими инстанциями, а также все распоряжения и директивы Гитлера низшим инстанциям.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас Трибунал об"являет перерыв.

(Перерыв до 14 часов)

нд-ап,
лт-вв-мс.

16322

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА от 22/УП-46г.

Вечернее заседание.

Встать! Суд идет!

БЕРГОЛЬД. Высокий Суд, я продолжаю с середины страницы 19-й.

Правильно, что человек, занимающий такой пост, может оказнвать большое влияние, если во главе государства стоит человек, доступный чуждому влиянию; однако, в такой же степени правильно, что человек в такой канцелярии, может играть чисто формальную роль, как начальник промежуточной инстанции, если во главе государства стоит диктатор - самодержавец, не доступный чужому влиянию и если начальник канцелярии не обладает особым честолюбием и никакими особыми способностями.

Заседания, продолжающиеся в этом зале много месяцев, показали, какая из этих двух альтернатив является более правдоподобной. То, что для низших инстанций также и при второй альтернативе начальник канцелярии кажется влиятельным человеком, так как все указания свыше проходят через его руки, так как все выговоры подчиненным проходят через эту инстанцию и так как ей докладывается обо всех ошибках, которые были совершены в стране другими сотрудниками, - является само собой разумеющимся. Эти сотрудники и подчиненные, независимо от их рангов, которые, может быть, даже боялись руководителя партийной канцелярии по причинам, которые нужно искать в их личностях или их личных неудачных действиях, не являются подходящими людьми, для того, чтобы раз"яснить нам, какая из двух

16323

H1211-0388

H1211-0389

приведенных альтернатив является правильной. До тех пор, пока самого Бормана нет и пока он не может быть заслушан лично, - его истинная роль всегда будет оставаться в полумраке. Никто, даже сам Высокий Суд, не сможет вынести безошибочного приговора. Обстоятельства дела в целом остаются под сомнением.

Но и отдельные обстоятельства его дела также остаются под сомнением. Я хотел бы это доказать с помощью нескольких примеров.

Мой уважаемый коллега по защите, доктор Тома, говорил здесь, что Борман препятствовал Розенбергу в проведении его политики. Он сослался при этом на меморандум доктора Маркулис, пред"явленный под № Р-36.Этот документ, однако, представляет собой ничто иное, как замечание относительно неизвестного и неимеющегося в настоящий момент письма Бормана. Маркулис заявляет буквально, что он переводил формулировки Бормана на простой язык служащего германской гражданской администрации, несколько заостряя их. Поэтому Борман мог бы раз"яснить нам в данном случае, хотел ли он, чтобы его письмо было понято именно так, не исказил ли Маркулис дух и смысл письма Бормана, - только Борман мог бы нам об"яснить, не означало ли это письмо, как почти все документы Бормана, которые были пред"явлены, лишь высказывание какого-нибудь другого рейхслейтера или Гитлера. Таким образом, и этот случай остается полностью под сомнением. Раз"яснения его едва ли можно ожидать.

16324

Далее следует указать на то, что почти все документы, которые были представлены Обвинением в его книге документов, как правило, представляют собой передачу и публикацию гитлеровских распоряжений и декретов. Борман препровождал эти распоряжения подчиненным инстанциям вместе с сопроводительным письмом, чтобы эти инстанции, которых те или иные дела касались, могли познакомиться с их содержанием. Эта деятельность представляет собой такую деятельность, которая должна производиться даже при самой худшей тирании, даже при существовании самого ужасного господства произвола, а тем более в таком современном государстве, каким являлась национал-социалистская империя. Кто-то должен препровождать все распоряжения и приказы подчиненным инстанциям. Это - чисто формальная работа. Она могла так же хорошо производиться скромным служителем канцелярии, как и блестящим рейхслейтером.

На основании такого препровождения распоряжений (в качестве примера я назову документы №№ 069-ПС, 1950-ПС, 058-ПС, 205-ПС, даже пресловутый документ 057-ПС), то есть на основании факта дальнейшей передачи гитлеровских указаний, нельзя сделать вывода, что лицо, осуществлявшее эту передачу, имело какое-то влияние на издание декретов, приказов и решений. Это возможно, но это не доказано со всей определенностью.

Однако этот вопрос о влиянии необходимо было бы полностью выяснить перед вынесением приговора, так как если самый факт выполнения канцелярской работы, заключающийся в препровождении приказа, вменялся бы в вину/причем

16325

H1211-0390

H1211-0391

в этом случае пришлось бы осуждать даже тех женщин, которые печатали на машинке эти приказы), то в справедливом приговоре мера и тяжесть наказания, которому подвергались бы эти лица, должны отличаться от меры наказания, назначаемой тому человеку, который своим влиянием и советами, даваемыми главе государства обусловил такие решения и содействовал изданию таких приказов. Все эти моменты в отношении Бормана не раз"яснены, они остаются под большим сомнением. Пустые слова других подсудимых, мотивы которых не могут быть никогда раз"яснены до конца, эти слова о большом, почти дьявольском, влиянии Бормана не являются доказательством.

Другие документы Обвинения показывают, что Борман, согласно распоряжению от 29 мая 1941 года (документ 2099-ПС) и распоряжению от 24 января 1942 г. (2100-ПС), посредничал в корреспонденции между отдельными рейхслейтерами и препровождал в соответствующие инстанции их требования и пожелания. В качестве примера я назову документы 056-ПС, 072-ПС, 061-ПС, 656-ПС, 205-ПС. Никто не может на основании этой посреднической деятельности, которая в любом бюро и канцелярии является необходимой, сделать точного вывода относительно размера и истинной природы влияния Бормана. Другие документы показывают, что Борман очень часто выступал в роли простого стенографа, который делал необходимые записи во время бесед Гитлера с отдельными подсудимыми. Об этом ясно говорится в документе Л-221 относительно аннексии восточных территорий и в русском

документе СССР-172.

Однако эти документы все же не раз"ясняют того вопроса, оказывал ли Борман и в какой степени влияние на решение политических вопросов и на вынесение на таких совещаниях решений об отдельных мероприятиях третьей империи. По всем правилам стенограф не имеет никакого влияния, он производит лишь автоматическую работу.

Я не хочу, чтобы меня здесь поняли превратно. Я далек от мысли оспаривать тот факт, что Борман в руководстве третьей империи занимал значительную должность. Но на этом процессе не было ясно установлено, какой весь имел Борман в действительности, насколько преувеличивается его значение другими лицами и, наконец, в чем состояло его влияние. Заявления других подсудимых, которне делались ими в целях их собственной защиты, не представляют собой доводов, имеющих доказательную силу. Книга же документов обвинения содержит почти исключительно документы такого рода, о чем я уже говорил подробно.

Борман со всей точностью всегда делал лишь то, что в Германии получило силу закона. Это доказывают пред"явленные мной документы, например, документы Борман № 2,3,5,7, где Борман неоднократно обращает внимание партийных инстанций на то, что какие-либо нелегальные действия против евреев являются недозволенными.

Для дела Бормана характерно, что в отношении этого подсудимого не доказано даже проведение мероприятий, против евреев. Он, в качестве секретаря партии, всегда

16327

H1211-0392

H1211-0393

передавал, доводил до сведения или опубликовывал лишь такие распоряжения, которые издавались законодательным путем. Даже такое совещание, которое состоялось 12.11.1938г. под председательством господина Геринга и на основании которого был издан целый ряд законов против евреев, связано с именем Бормана лишь постольку, поскольку именно Борман передал господину Герингу распоряжение Гитлера относительно созыва такого совещания. Каково было влияние самого Бормана по этим вопросам вообще не установлено. Как может справедливый суд вынести приговор, назначив соответствующее наказание, если не установлено, какое участие принимал отдельный подсудимый в том или ином преступлении? В этом случае никто не может сказать, что состав преступления не подлежит сомнению.

Из книги документов Обвинения явствует, что Борман бесспорно являлся одним из наиболее непримиримых в борьбе против христианской церкви. В судебных выдержках приводятся в этой связи цитаты из большинства документов. Безусловно правильно, что Борман с философской точки зрения и по своим личным убеждениям был ярым противником христианского учения, но такая идеология не является ни виной, ни преступлением перед человечеством, которое создало так много мировоззрений явлений и, возможно, создаст еще много новых.

В наше время живет очень много убежденных атеистов. Также и в других государствах земного шара имеются разрешенные организации, которые борются против христианского миропонимания, а на рубеже нашего столетия в различ-

16328

ных странах имелись общества, которые открыто в качестве сво программы признавали чистый материализм, как философскую систему и отрицали духовное начало. Поэтому никто не может наказываться за то, что он хочет прививать другим своим мировоззрения и обратить других в свою веру. Современный мир еще помнит тот ужас, который внушала инквизиция.

Поэтому Борман может быть наказан лишь тогда, если будет доказано его участие в действительном религиозном преследовании, а не в идеологической борьбе.

Оба важнейших документа, которые обвинение пред"явило как доказательство, а именно документы Д-75 и 089-ПС, по моему мнению, не доказывают, что подсудимый Мартин Борман предпринимал что-нибудь как официальное лицо, что было бы направлено против церкви, как религиозного института.

Квинт-эссенция документа Д-75 заключается в положении, которое гласит, что в следствие несовместимости национал-социалистского и христианского мировоззрения нужно сделать вывод о том, что партия не должна допускать укрепления существующих христианских вероисповеданий и поддержки вновь возникающих. Неважно, на основании каких резких аргументов Борман высказывает такую заключительную сентеецию. Нет необходимости доказывать, что не допускать усиления религиозного мировоззрения, против которого ведется борьба в области философии, не означает преследовать религию. Никто не обязан укреплять религиозные мировоззрения. Нельзя обращать внимание исключительно на резкие аргументы,

16329

H1211-0394

H1211-0395

путем которых доказывалось, что не нужно допускать укрепления религии одновременно упускать из виду, какие были сделаны выводы из данных рассуждений.

Затем весьма важно, что этот документ дошел до нас лишь в копии, которую изготовил для себя самого один протестанский священник по имени Эйхгольц. Вообще не доказано правильно ли передано содержание высказываний Бормана в этом документе. Во всяком случае, в такой форме документ не представляет собой настоящего доказательства.

Документ 089-ПС, который может быть признан подлинным, действительно свидетельствует об очень резкой позиции Бормана по отношению к церкви. Но этот документ - и это должно явиться решающим, - оканчивается так: ни одного национал-социалистского учителя нельзя упрекать за то, что он преподает христианскую религию и в таких случаях даже нужно использовать библию с ее неизменным текстом; всякое переиначивание, интерпретация или превратное истолкование текста библии недопустимы. Борман, следовательно, несмотря на свою философскую позицию, разрешает беспрепятственно распространять христианское учение. Можно ли требовать более лойяльного отношения от такого непримиримого противника этого учения?

Также и прочие документальные доказательства не свидетельствуют о действительных мероприятиях по преследованию церкви. То, что Борман по приказу Гитлера не разрешил принимать священников или членов определенных религиозных обществ в партию то, что он согласно приказу Гитлера запретил назначать священников на руководящие должности в партии в целях предотвращения раздора, не

является преследованием религии. То, что он во время войны потребовал, чтобы церковь делала те же денежные пожертвования, что и другие государственные организации, не является преступной мерой, вызванной религиозными причинами. То, что он, закрывая светские учебные заведения, чтобы лучше использовать людские резервы нации, также содействовал закрытию церковных институтов, то, что он, ограничивая тираж и об"ем страниц светских журналов, также хотел, чтобы были ограничены в тираже и церковные журналы, - не подпадает под параграф 6(в) Устава.

Правда, что он при этом руководился, между прочим, своими антицерковными установками. Но если вообще в Германии и в отношении других учреждений и журналов проводились такие же мероприятия, которые в качестве военных мероприятий, должны были явиться лишь временными, то говорить о преследовании религии в настоящем смысле слова, вообще нельзя.

То, что Борман хотя бы только содействовал преследованию священников - вообще не доказано.

Все документы говорят о том, что Борман всегда выполнял распоряжения, входящие в законную силу, поэтому несомненно, что он, всегда так ревностно следивший за исполнением приказов Гитлера, выполнил также указ Гитлера о прекращении проведения мероприятий в отношении церкви, который был издан в начале войны.

Таким образом, в заключение можно сказать, что и в этом вопросе, несмотря на многочисленные пред"явленные документы, не удалось достигнуть полной ясности. Одних документов недостаточно для того, чтобы уничтожить всякие сомнения относительно обстоятельств дела. В виду особой важности вопроса о преследовании Борманом церкви,

16321

H1211-0396

H1211-0397

необходимость его личного присутствия представляется очевидной. Таким образом и этот состав преступления остается не выясненным. Отсутствует основа для установления справедливого размера наказания.

Я не хочу отнимать времени у Высокого Суда обсуждением дальнейших деталей. Я думаю, что сказанного мною вполне достаточно для того, чтобы доказать, что даже пред"явленные Обвинением документы с бесспорностью подтверждают лишь одно, а именно, что Борман, "как это приказывал закон", будучи начальником партийной канцелярии и выполняя свои секретарские функции осуществлял связь между верхушкой государственного руководства и подчиненными ему инстанциями, а также между самими этими инстанциями.

Все остальное является только предположениями, не полностью доказанными, во всяком случае не доказанными с той бесспорностью, какой справедливость требует для того, чтобы определить меру наказания подсудимому, который не был выслушан и судится заочно. Вокруг облика Бормана, его деятельности и жизни, к сожалению, сложилась уже легенда. Но легенды с точки зрения юриста не являются достаточным основанием для вынесения твердого, неподлежащего сомнению приговора.

Ввиду того, что Уставом введено новшество, не знакомое до сих пор истории права всех времен и народов, заключающиеся в том, что можно заочно вынести подсудимому окончательный и не подлежащий обжалованию приговор, я еще раз прошу Высокий Суд использовать свое право на вынесение такого приговора, лишь с учетом существовавших до сих пор право-

16322

вых воззрений и в частности, с учетом тех предпосылок, которые особенно четко выражены в русском праве.

Поэтому я настойчиво ходатайствую о том, чтобы Высокий Суд либо прекратил дело в отношении Бормана ввиду доказанности его смерти, либо приостановил слушанием дело подсудимого Бормана до тех пор, когда его можно будет допросить лично и когда он лично сможет осуществить свою защиту, т.е. отказаться от права, предоставляемого Суду §-м 12-м.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я предоставляю слово доктору Кубушок, защитнику подсудимого фон Папена.

КУБУШОК. Прежде, чем я начну свою заключительную речь, я хотел бы представить Суду некоторые ответы на опросные листы, которые я получил за это время и которые частично уже переведены. Так как я ссылаюсь на них в своей заключительной речи, то я хотел бы передать их Суду уже теперь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это правильно.

КУБУШОК. Я сначала передаю ответы на опросный лист свидетеля Чирского, в качестве документа № 10. Вслед за этим, господа судьи, я представляю экземпляры на английском и французском языках.

Разрешите обратить внимание Суда на то, что Чирский был тем самым секретарем подсудимого фон Папена, который из Вены в свое время был вызван гестапо в Берлин и затем эмигрировал в Англию, где он находится сейчас и имеет английское подданство. Переписка по этому делу Чирского являлась предметом перекрестного допроса. Свидетель подробно отвечает на многочисленные вопросы, относительно деятельности фон Папена в качестве вице-канцлера, а также о его венской деятельности и во многих случаях

H1211-0398

H1211-0399

отвечает положительно.

Суд, вероятно, не сочтет нужным, чтобы я детально разбирал сейчас эти вопросы. Все они содержатся в представленном мною экземпляре. Я могу зачитать последний абзац из вопроса первого: "Об его отношении к НСДАП я могу показать, что фон Папен в то время, когда я работал вместе с ним, во всех отношениях отрицательно, даже враждебно, относился к партии".

Не менее важным кажется мне также ответ на вопрос № 3, в котором говорится о тех условиях, которые были выдвинуты при образовании правительства 30 января.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кубушок, Трибунал не желает, чтобы вы дважды комментировали этот опросный лист. Если вы хотите комментировать этот документ в вашей речи, то это очень хорошо. Вы комментируете его сейчас по мере представления документа, затем позднее вы, возможно, сделаете некоторые замечания в вашей речи.

КУБУШОК. Господин председатель, в своей речи я совсем кратко сошлюсь на некоторые из ответов на опросный лист, в остальном же я в своей речи больше не буду их касаться. Я делаю в заключительной речи только резюме по этому ответам, но не рассматриваю самих вопросов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кубушок, Трибунал считает, что вам следует сейчас представить эти ответы на опросные листы, а когда вы будете в своей речи касаться этих опросных листов, то вы тогда сможете сослаться на любую выдержку.

КУБУШОК. Ссылка в моей речи весьма краткая, она состоит, между прочим, лишь из одной фразы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда вы до этого места дойдете.-

КУБУШОК. Значит я смогу тогда остановиться на этом?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да.

КУБУШОК. Во всяком случае я уже передал Суду ответы на опросный лист в качестве документа № 103. Далее я передаю ответы на опросный лист архиепископа Гребера в качестве документа № 104.

16334

Гребер говорит о заключении конкордата. Далее я передаю опросный лист архиепископа Ронкалли в качестве документа № 105. И в заключение опросный лист польского посла Яна Гавронского в качестве документа № 106. Это те документы, которые я получил в переводе. Кроме того я хотел бы просить Суд о разрешении представить еще один документ, хотя, несмотря на все усилия, до сих пор не смог осуществить его перевода. Речь идет об аффидевите одного иностранного журналиста Редемахера фон Унна. Этот последний в письме от 29 мая, который был получен приблизительно три недели назад, представил моему коллеге д-ру Диксу письменные показания по делу Папена. В этом аффидевите меня интересует особенно один абзац. Я был бы благодарен Суду, если бы я мог зачитать перед микрофоном этот абзац, чтобы Суд смог создать себе ясность, относится ли это показание к делу или нет, и в случае, если он относится, разрешил бы его представление. Тогда я передам оригинал, а по изготовлении передам перевод.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы еще до сих пор не показали его обвинению, не так ли?

КУБУШОК. Я в свое время представил немецкий текст, но он лежит уже две недели в отделе переводов и я до сих пор перевода не получил. Я уже упоминал это документ при представлении доказательств и Суд мне сказал, что я должен представить его, когда речь зайдет об этом деле.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это большой документ?

16325

H1211-0400

H1211-0401

КУБУШОК. Весь документ составляет полторы страницы и я хотел бы огласить один небольшой абзац, менее чем в полстраницы; меня интересует, главным образом этот абзац.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Возражает ли обвинение против этого?

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Я не видел копии этого документа, но принципиально у нас нет возражений. Лично я не видел этого документа и поэтому до некоторой степени трудно высказать какое-либо мнение о том, будем ли мы возражать или нет, если у нас будет возможность ознакомиться с этим документом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Кубушок, возможно, лучше всего будет огласить этот документ с тем, чтобы Обвинение могло из"яв/ть его из протокола в случае, если оно будет возражать против его представления.

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Да, это будет более удобным для обвинения.

КУБУШОК. Таким образом из этого письменного показания Гадемахера фон Унна от 29 мая 1946 года, написанного в Майланде я оглашаю половину предпоследнего и последний абзац. Составитель аффидевита приводит такую оценку Папена:

"Однако он, Папен, никому бы не позволил удержать его от выполнения его миссии, в том смысле как он ее понимал, а именно быть посредником и поборником мира. Поэтому он указал бы на дверь всякому, кто захотел бы использовать его для достижения в Австрии своих темных целей.

В этой связи следует упомянуть, что один член австрийского правительства, статс-секретарь, имя которого я забыл, старался установить личный, но тайный контакт с германским чрезвычайным посланником, "чтобы предложить ему свои услуги в пользу Германии".

Господин фон Папен отклонил это предложение с тем обоснованием, что он отказывается участвовать в конспирациях, которые направлены против официальной политики австрийского министерства иностранных дел. Он до сих пор старался открыто и лойяльно сотрудничать с австрийским правительством и по другому пути он не пойдет".

В качестве раз"яснения я хотел бы указать, что в отношении упомянутого члена австрийского правительства, речь идет о некоем Штюрмере из Нейштадта.

Господин председатель, высокий Трибунал!

Папен обвиняется в участии в заговоре, направленном на совершение преступлений против мира. Излагая обстоятельства дела, Обвинение ограничивает его участие периодом времени до окончания его деятельности в Вене. Оно признает, что за последующий период, в частности, за время его пребывания послом в Анкаре, отсутствуют данные для поддержания обвинения. Таким образом, хотя Папен и участвовал в приготовлениях к агрессивной войне, которые, по утверждению Обвинения, начались уже в то отдаленное время, но он не принимал активного участия в непосредственной подготовке и совершении преступлений против мира.

Обвинение охватывает деятельность Папена в качестве рейхсканцлера последнего ненацистского кабинета, его участие, как вице-канцлера в кабинете Гитлера до 30 июня 1934 года и его деятельность в качестве чрезвычайного посланника в Вене. Обвинение столкнулось с необходимостью представить об"ективные доказательства того, что в этот промежуток времени уже велись подготовительные действия к совершению

16334

H1211-0402

H1211-0403

преступлений против мира и что Папен участвовал в них, ясно сознавая намеченную цель. Поскольку пунктами обвинения охватывается деятельность, сама по себе легальная, а преступность отдельных действий определяется преступными целями, суб"ективная сторона играет в деле Папена осно'вную роль.

Обвинение столкнулось с тем фактом, что зачастую высказываемые Папеном взгляды и проводившаяся им в действительности политика, не соответствует тому толкованию, какое придает им Обвинение. Поэтому оно считает, что он был двуличным оппортунистом, который свои искренние или, во всяком случае, открыто высказываемые убеждения приносил в жертву злободневным требованиям или желаниям Гитлера. Поэтому задача защиты состоит в том, чтобы осветить его личность и доказать, что действия и высказывания Папена представляют собой единое и последо-вательное целое и что вся его деятельность сама по-себе исключает всякую связь с преступлениями, предусмотренными Уставом; что его действия преследовали иные цели, чем те, которые Обвинение считает установленными.

Затем защита покажет законность политической деятельности Папена, в целом рассмотрит, в рамках этой деятельности, те действия, которые Обвинение считает преступными, и в заключение представит доказательства того, что он активно боролся с тем направлением политики, которое Обвинением рассматривается как преступное.

При этом к справедливому суждению можно придти лишь тогда, если оставить в стороне вопросы политической целесообразности и правильности и рассматривать политиче-

-кого деятеля таким, каким он/ является со своими воззрениями, созданными его происхождением и традициями. Кроме того существенным условием для справедливого суждения является исключение тех сведений, которые относятся к более позднему периоду и которые стали нам известны теперь, в ходе процесса.

Чтобы получить ясное представление о том, что Папен знал в свое время и чего он мог ожидать, мы должны полностью перенестись в то время, когда совершались эти действия.

Обвинение считает, что участие Папена в заговоре началось 1.VI.1932 года, т.е. с момента назначения его рейхсканцлером. Однако оно не может ответить на вопрос о том, какие данные свидетельствуют о присоединении Папена к преступному сообществу, которое, в то время, очевидно, уже существовало. Ответа на этот вопрос дать невозможно. Деятельность Папена в качестве рейхсканцлера ни в какой степени не может рассматриваться как деятельность участника гитлеровского заговора. Слишком очевидны его цели при создании кабинета, руководство правительством, осуществлявшееся за время пребывания его канцлером и, наконец, его отставка для того, чтобы можно было приписывать ему проведение нацистских идей, расчищение дороги для национал-социализма или же участие в, якобы, существовавшем уже заговоре.

Кабинет Папена был сформирован в период необычайной экономической, политической и парламентской депрессии. Уже предшествующему правительству пришлось прибегнуть к необычным средствам. Теперь приходилось

16339

H1211-0404

H1211-0405

их применение, зачастую совершенно новыми путями. Во времена серьезных кризисов парламентская законодательная деятельность всегда представлчет известные трудности. Поэтому еще со времени кабинета Брюнинга рейхстаг почти не издавал законов и законодательная деятельность практически осуществлялась рейхс-президентом путем издания чрезвычайных законов. Теперь все считали необходимым в корне изменить положение. Кабинет, состоящий из беспартийных министров, должен был устранить эти трудности. Поэтому, формирование кабинета было сознательно произведено без участия партий. Задачи, которые встали перед новым правительством, програм-ма, продиктованная необходимостью, все это с неизбежностью привело к тому, что оно заняло враждебную позицию по отношению к национал-социализму. Для того, чтобы искоренить депрессию, правительство должно было проводить политику, уничтожающую одновременно и благоприятную почву для роста национал-социализма.

Такой благоприятной почвой являлось недовольство экономическим и международным положением.

С другой стороны, думать о спокойной и успешной созидательной работе можно было лишь тогда, когда был бы найден какой-либо "модус вивенди" с национал-социалистской партией. Не только с чисто конституционной точки зрения партия имела в парламенте возможность парализовать всякую правительственную деятельность, но она, кроме того, при помощи своих средств пропаганды она одна располагала средством воздействия на широкие массы и успокоения внутри страны, что являлось необходимой предпосылкой для проведения дальнейших важных экономических мероприятий.

163.40.

С таким положением столкнулся Папен, когда он, неожиданно для самого себя, в конце мая 1932 года получил от Гинденбурга поручение сформировать кабинет.

Из области его правительственной деятельности я ограничусь, для опровержения обвинений, следующими деталями.

Кабинет был создан 1 июня 1932 г. и в нарушение существовавшего до тех пор парламентского обычая, не было предварительно установлено связи с национал-социалистской партией. Были изданы радикальные новые экономические законы, предусматривающие до тех пор невиданные финансовые затраты для борьбы с безработицей, а тем самым устранения постоянного источника для прироста национал-социалистской партии. Цели новых экономических мероприятий и ограниченные финансовые возможности вызывали необходимость длительных сроком для проведения этих законов. В будущем при успешном проведении этих мероприятий экономика должна была покрыть затраты, имевшие целью оживление рынка. Экономические законы основывались исключительно на таком использовании финансовых возможностей. Сознательно не прибегали к таким средствам, как непроизводительные общественные работы или сокращение безработицы путем заказов на производство вооружений. Эти дальновидные хозяйственные мероприятия могли иметь успех лишь при том условии, что правительственная политика долго будет оставаться неизменной и это придавало особую остроту проблеме терпимости со стороны рейхстага. В области внешней политики Папен продолжал курс правительства Брюнинга, настаивая в особенности на признании некоторых пунктов, касающихся достоинства Германии, что не причинило бы другим странам никакого ущерба, а национал-социалистскую

11341

H1211-0406

H1211-0407

партию лишило бы могущественного средства пропаганды и воздействия на широкие массы.

На конференции в Лозанне Папен открыто обрисовал внутри-политическое положение Германии. Он указал на то, что по-существу речь идет лишь о теоретических пунктах, отказ в признании которых даст желанное оружие национал-социалистам. Он подчеркнул, что его усилия являются последней попыткой буржуазного кабинета и что при неудаче его политики останутся в выигрыше одни национал-социалисты

Папен стремился привлечь национал-социалистскую партию к разделению ответственности, не давая ей, однако, возможности овладеть решающим простом рейхсканцлера. Такая совместная ответственность понудила бы эту политически-оппозиционную партию к признанию существующего положения вещей и тем самым исключила бы возможность ведения демагогической пропаганды.

Эти первые попытки Папена привлечь национал-социалистское движение к совместной работе с правительством рассматриваются Обвинением как прокладывание пути для национал-социализма.

В действительности, однако, это не что иное, как попытка найти основу для практической работы правительства, попытка учесть опыт кабинета Брюнинга и развитие национал-социалистской партии. Нельзя было пройти мимо того факта, что уже на президентских выборах в марте 1932 года Гитлер получил 36,8% общего количества голосов. Если вспомнить, что другим кандидатам был Гинденбург, чья личность несомненно побудила многих приверженцев НСДАП в этом случае отступить при голосовании от партийных установок, то ста-

-новится очевидным тот факт, что налицо имелась ~~из~~ пожалуй невиданная до тех пор оппозиция, в численном отношении намного превосходившая все остальные политически партии, враждебное поведение которой было способно заранее парализовать любую правительственную деятельность. Поэтому совершенно понятна попытка Папена вывести эту партию из состояния оппозиции. Это решение легко было принять тем более потому, что было совершенно ясно, что совместная ответственность за действие правительства должна была предотвратить радикализм оппозиционной партии и сильно ограничить ее дальнейшую деятельность.

О том, как национал-социалисты расценивали деятельность Папена в правительстве лучше всего можно судить на основании того факта, что именно национал-социалистская партия противилась важнейшему экономическому законодательству Папена и благодаря вынесенному ею - в союзе с коммунистической партией - вотуму недоверия кабинет Папена вышел в отставку.

Последующие переговоры рейхсканцлера еще оставшегося на посту, а особенно события от 1-го и 2-го декабря 1932 года снова показали его недвусмысленное отношение к НСДАП.

Папен предлагает Гинденбургу нарушить конституцию. Он хочет использовать последнее средство для того, чтобы помешать Гитлеру стать рейхсканцлером. Шлейхер воспротивился такому решению, указывая, что в ходе гражданской войны, которая тогда разразится, правительство, при наличных полицейских и военных силах не сможет остаться хозяином положения

18343

H1211-0408

H1211-0409

В свете этих очевидных исторических событий попытки Обвинения придать другой смысл этим неоспоримым фактам и побуждениям остаются тщетными.

Каковы же те пункты, которые Обвинение считает возможным противопоставить этим фактам?

Во-первых, то, что Папен во время своих первых переговоров с Гитлером, вскоре после сформирования кабинета, согласился отменить запрет на ношение формы, мероприятие, которое, согласно парламентарным правилам, являлось совершенно естественным, даже если бы оно было проведено исключительно как средство политической компенсации за проявление терпимости в отношении кабинета. НСДАП не только была сильнейшей партией в рейхстаге, но и явилась первостепенным фактором общественной жизни благодаря своей общей политической оперативности.

Поэтому тот, кто намеревался продолжительное время вести реальную политику и стать хозяином положения при проведении радикальной экономической программы, должен был позаботиться о том, чтобы не вызвать заранее оппозиции со стороны этой партии.

С другой стороны, отмена запрещания носить форму в данном случае оправдывалась тем, что это был односторонний запрет в отношении одной партии, в то время как другие об"единения не подвергались этому ограничению и сохранение этого закона лишь дало бы опасную пищу для пропаганды. Отмена запрета на ношение формы не означала санкционирования политических насильственных актов. Одновременно с этим указом было опубликовано предупреждение президента о том, что какие-либо насильственные акты повлекут немедленно запре-

26344

-щение организации в целом; это казалось вполне достаточным для предотвращения вредных последствий.

Утверждение Обвинения, что разрешение носить форму послужило основной причиной увеличения количества национал-социалистских мандатов при июльских выборах, полностью противоречит фактам.

Я ссылаюсь на упоминавшиеся уже результаты президентских выборов в марте 1932 года, хотя действительное положение и не было полностью выяснено благодаря тому, что второй кандидатурой являлся Гинденбург. Выборы, состоявшиеся 21. 7. 1932 года, принесли национал-социалистам 13.700.000 голосов, в то время, как во время выборов президента 10 марта 1932г. Гитлер собрал 13.400.000 голосов. Совершенно необоснованно утверждение, что появление формы, которая и во время действия запрета тайно заменялась ношением единообразной одежды, могло оказать решающее влияние на исход выборов.

Гораздо важнее и показательнее для исхода выборов, хотя и в обратном смысле, несомненно было общее запрещение демонстраций, опубликованное правительством Папена к началу избирательной борьбы. Для партии, занимающейся демогорией, народные собрания и демонстрации служат важнейшим вспомогательным средством. Для НСДАП потеря этого средства перед самыми выборами несомненно была настолько важна, что это не возмещалось разрешением носить форму.

Письмо от 13 ноября 1932 года, в котором Папен пытается склонить Гитлера к участию в правительстве, Обвинение расценивает, как недостойную по форме и предосудительную по содержанию попытку проложить национал-социалистам путь

26345

H1211-0410

H1211-0411

к власти. Оно забывает, что Папен провел ноябрьские выборы в резкой оппозиции по отношению к НСДАП, потому что он пытался не допустить преобладания этой партии, причем получить необходимый кворум без участия Гитлера для социал-демократов оказалось невозможным даже при участии крайне правых. Оно забывает, что перевес остался за Гитлером и при наличии 196 мест и что поэтому следовало сделать еще одну попытку привлечь Гитлера к участию в кабинете, возглавляемом каким-либо демократическим канцлером. Она игнорирует тот факт, что и здесь непременным условием предложений Папена являлось то, что пост рейхсканцлера не будет занят кандидатом от НСДАП. Для национал-социалистов кабинет, возглавляемый демократическим канцлером, определяющим, в силу конституции, направление политики, означал бы возможность влияния лишь на то или иное министерство и в то же время участие их в правитель-стве повлекло бы за собою разделение ими ответственности. Даже и сегодня с точки зрения противников национал-социазма мы, применительно к тому времени, не могли бы найти ничего лучшего, чем такая форма участия партии в правительстве при совместной ответственности и ограниченном влиянии. Конец оппозиционной политики, невероятно благоприятной для пропаганды, несомненно, явился бы концом развития национал-социалистского движения и выхода из нее наиболее радикальных элементов.

Рейхсканцлер обязан был придать внешне-вежливую форму своему письму к руководителю сильнейшей парламентской партии. Само собой понятно, что при такой форме и таком назначении письма автор его подчеркивал не отрицательные, а положительные стороны сотрудничества с правительством.

11341

Для того, чтобы найти в деятельности Папена, как рейхсканцлера, хоть какие-нибудь признаки идейной общности с национал-социализмом, Обвинение усматривает во временном органичении прусского местного правительства, проведенном распоряжением от 20 июля 1932 года, такие мотивы, которые совершенно не соответствуют действительному положению вещей.

"Государственный переворот" от 20 июля, как именует Обвинение проведение распоряжения от 20 июля, ничего общего не имеет с покровительством национал-социалистам. По мнению имперского кабинета и по авторитетному заключению рейхс-президента фон Гинденбурга, внутреннее положение в стране требовало, чтобы был положен предел все более явному попустительству, которое прусское правительство оказывало террористической деятельности коммунистов. Чрезвычайное распоряжение Гинденбурга от 20 июля явилось результатом такого положения. По заключению имперского суда, который в то время являлся еще вполне независимым, оно вполне соответствовало конституции и было продиктовано государственной необходимостью.

Если даже при исполнении этого распоряжения министру внутренних дел, временно отстраненному от этого поста, полиция предложила покинуть служебное помещение, то все же

16347

H1211-0413

обозначать это, как "государственный переворот" было бы сильным преувеличением. Рассматривая действие этого мероприятия, никак нельзя притти к выводу о том, что этим самым расчищался путь для национал-социализма. Назначенный рейхскомиссар Брахт принадлежал к партии центра. На важнейшую должность начальника полиции в Берлине был назначен человек, которого предшествующее правительство Брауна назначило на пост начальника эссенской полиции. Короче говоря, результатом преобразования явилось лишь то, что было обеспечено действенное сотрудничество с имперскими учреждениями и что некоторые политические посты, которые до тех пор являлись монополией социал-демократической партии, что не оправдывалось более с точки зрения паритета, теперь были заняты новыми людьми. Национал-социалисты неоднократно упрекали Папена в том, что он обошел их при этом.

18348

Таким образом, за все время своей правительственной деятельности, ПАПЕН отчетливо проводил реалистическую политику, с одной стороны, удерживая в своих руках руководство проведением всех необходимых, в том числе экономических мероприятий, а с другой стороны, пытаясь вовлечь в совместную работу многочисленную, почти превосходящую оппозицию. Отношение Папена к НСДАП проявилось еще резче, когда в конце ноября 1932 года рейхспрезидент привлек его к участию в формировании нового правительства.

В это время он оказался единственным, кто имел мужество до конца оставаться последовательным, и, понимая, что дальнейшее существование ненацистского правительства, основанного на конституционных принципах, более невозможно, он предложил рейхспрезиденту, не взирая на угрозу гражданской войны, нарушить конституцию и управлять при помощи вооруженной силы.

Хотя с точки зрения права и конституции такое предложение, несомненно, вызывает возражения, все же, оглядываясь назад, нельзя не признать, что это временное нарушение конституции было единственной возможностью для того, чтобы избегнуть того решения, которое пришлось принять 30.1.1933 г.

Никакое другое промежуточное решение не могло дать удовлетворительных результатов. Через больший или меньший период времени всякое национал-социалистское правительство неизбежно было бы свергнуто оппозиционной партией. Тем самым политические волнения со всеми их последствиями в общей экономической жизни перешли бы в скрытую форму. То-есть создалось бы такое положение, которое лишь способствовало бы новому усилению национал-социалистского движения и тем самым неизбежно привело бы к такому численному росту партии, в результате которого, в конце концов, осуществились бы их стремления к неограниченной власти.

16349

H1211-0414

H1211-0415

Какую роль играл Папен при формировании правительства 30 января 1933 года можно было бы оставить без рассмотрения. Достаточно того,что все усилия сформировать парламентское правительство без участия Гитлера,не могли увенчаться успехом уже по признаку численности и что такие старания найти компромисс с Гитлером парламентарным путем,потерпели крах в результате внутренних противоречий.

Мероприятие,продиктованное политической и конституционно-правовой необходимостью,не может по усмотрению Обвинения рассматриваться как косвенная улика,указывающая на преднамеренную подготовку преступления в духе Устава.Следует подумать над значением этого пункта обвинения. При соблюдении всех парламентских правил Гинденбург,как глава государства,формирует правительство,возглавляемое руководителем сильнейшей партии. Это правительство,когда оно является в парламент,находит преобладающее большинство сторонников.То, что вменяется в вину Папену,а именно значение прошлой деятельности национал-социалистской партии,относится в равной степени ко всем другим участникам к Гинденбургу и всем членам парламента,выразившим свое согласие.Пред'явленное Папену обвинение содержит в себя также обвинение самому Гинденбургу и всему парламенту,голосовавшему за.Уже по этим соображениям первая должна потерпеть неудачу эта впервые делаемая попытка пред'являть обвинение на основании совершенно нормальных,конституционно обоснованных действий суверенного государства.

26350

Если все-таки я разбираю эти события, связанные с формированием правительства, то я это делаю лишь для того, чтобы выяснить позицию Папена, который, с одной стороны, не хотел закрывать глаза на реальные факты, а, с другой стороны, хотел предпринять все, чтобы устранить опасности при формировании нового правительства.

Обвинение усматривает во встрече Гитлера с Папеном в доме Шредера, состоявшейся 4 января, первую попытку формирования правительства 30 января. В действительности же эта встреча у Шредера была ни чем иным, как обменом мнений о тогдашнем положении, при чем Папен и Гитлер продолжали придерживаться своих прежних взглядов; Папен указал на то, что Гинденбург, судя по высказанным им опасениям, ни в коем случае не согласится на то, чтобы Гитлер занял пост канцлера. Гитлер должен удовлетвориться постом вицеканцлера, так как Гинденбург стоит на той точке зрения, что следует себя предварительно хорошо зарекомендовать для того, чтобы дальнейшие шаги стали возможны.

Эта встреча в Кельне состоялась по желанию Гитлера. Я ссылаюсь здесь на опубликованное в печати коммюнике Шредера которое я пред'явил в качестве документа защиты №9 и относительно которого я во время перекрестного допроса по ошибке сообщил, что оно является совместным коммюнике Папена и Шредера. Шредер констатирует в нем, что инициатива организовать эту встречу принадлежала исключительно ему.

То, что эта встреча отнюдь не послужила основой для формирования правительства 30 января, вытекает из того факта что содержание беседы было тотчас же передано Папеном

16354

H1211-0416

H1211-0417

Шлейхеру и Гинденбургу и что Папен в течение всего последующего времени до 22 января никоим образом не занимался вопросом формирования правительства. Как Шлейхер, так и Гинденбург старались с помощью переговоров с руководителями партий добиться парламентской поддержки кабинета Шлейхера, но эти старания были разбиты действительностью. В первую очередь усилия были направлены на то, чтобы расколоть национал-социалистскую партию с помощью привлечения группы Штрассера к сотрудничеству в правительстве. Эти старания рухнули, когда положение Гитлера после исхода выборов в Липпе настолько укрепляется, что, несмотря на все попытки расколоть партию, она прочно остается у него в руках. Результаты выборов в Липпе от 15 января 1933 года рассматривались всеми как барометр политического положения. Все партии пустили в ход свой пропагандистский и организационный аппарат, поэтому на основании результатов этих выборов можно было сделать вывод, об общем настроении. Результаты показывали, что потери, понесенные во время ноябрьских выборов были почти полностью возмещены. Всем стало ясно, что упадок национал-социалистского движения прекратился и что при сохранении существовавшего в тот момент политического и экономического положения следовало опасаться его дальнейшего нарастания.

Необходимость в принятии решения стала еще более очевидной, когда совет старейших рейхстага 21.1.1933 года назначив на 31.1 созыв рейхстага, фактически ограничил этой датой срок существования кабинета Шлейхера, так как представленный левыми партиями и НСДАП вотум недоверия означал его

16352

немедленное падение.На основании этого и надо рассматривать встречу в доме Риббентропа от 21.1,когда Гинденбург хотел через своего сына и статс-секретаря канцелярии президента доктора Мейсснера узнать мнение Гитлера относительно политической обстановки.

Какую роль играл Мейсснер при формировании правительства Гитлера,трудно с точностью установить на основании имеющихся материалов. Во всяком случае он,как человек,принадлежащий к самому близкому окружению Гинденбурга,который, наконец,принял важнейшее решение,был заинтересован во всех этих вопросах.Оценка его личности является,по ~~крайней~~ меньшей мере, очень различной.Во всяком случае его нельзя рассматривать как классического свидетеля для оценки тогдашних событий в силу его собственной заинтересованности. Его показания в одном пункте совершенно определенно носят печать неправдоподобности.Он утверждает,что он не был согласен с решением Гинденбурга после того,как последний решился вручить канцлерство в руки Гитлера.Это говорит тот человек,который на заседании кабинета по вопросу об издании закона о предоставлении особых полномочий правительству не считал необходимым оставить за рейхспрезидентом право опубликования; это тот человек,который после событий 30.у1.1934 года совершенно явно принимал участие в том,чтобы изолировать Гинденбурга от всех тех,которые могли бы ему дать истинное представление о событиях.Я это упоминаю потому,что во время представления доказательств по делу Папена была оглашена часть письменных показаний Мейсснера.Конечно,оглашенная часть,согласно реше-

16353.

H1211-0418

H1211-0419

нию Трибунала,не будет положена в основу приговора,однако, во время перекрестного допроса на основании этих письменных показаний были заданы вопросы,которые могли бы дать повод к неправильной оценке. Решение Трибунала снимает с меня обязанность рассматривать более подробно содержание письменных показаний и выявлять многие неправильные моменты,которые могут быть легко опровергнуты.

Процесс представления доказательств выявил,что до 28.1 Папен не занимался никакой деятельностью,направленной на формирование правительства.В этот день в связи с предстоящим созывом рейхстага,Шлейхер должен был вынести решение.

1 декабря 1932 года он посоветовал Гинденбургу не начинать открытой борьбы против парламента,а также сказал,что использование военной силы в возможной гражданской войне является бесперспективным. Теперь ему казалось,что нельзя найти никакго другого решения кроме использования в своих интересах этих сил,которые он до этого считал недостаточными.Так как с того времени положение не претерпело никаких изменений,которые могли бы об'яснить эту перемену мнения Шлейхера,Так как положение НСДАП после выборов в Липпе лишь укрепилось,а общая политическая ситуация из-за поведения партии стала еще более застывшей. Гинденбург остался при своем решении от 2 декабря.Ввиду этого отставка всего кабинета Шлейхера стала неминуемой.Отныне надо было предоставить событиям итти своим неизбежным и логическим путем, для того,чтобы избежать возможной вооруженной борьбы.

Теперь было возможно лишь одно решение: переговоры с Гитлером. Гинденбург поручил Папену вести переговоры о фор-

16354

мировании правительства.

Что касается Гитлера, то было совершенно ясно, что он будет упорствовать в своем требовании о назначении его на пост рейхсканцлера.

Задача, ясно сознаваемая Папеном, состояла в том, чтобы ограничить политическую действенность этой новой партии, еще не проверенной в таком об'еме. Вначале следовало избежать изменения курса тех министерств, в которых радикализм был бы особенно вреден, - министерства иностранных дел и военного министерства.

Право назначения на эти два ключевых поста Гинденбург оставил за собой. Чтобы не предоставить новому рейхсканцлеру право назначения на остальные министерские должности, как это ~~было~~ обычно делалось до сих пор, эта задача была поручена Папену как homo regius. Ему удалось свести число национал-социалистских министров до минимума. Трем национал-социалистским членам правительства противостояли восемь ненационал-социалистов, которые в большинстве своем были членами старого кабинета и гарантировали проведение прежней политики в своих ведомствах. Но этого еще недостаточно: должность рейхсканцлера должна была в конституционных рамках быть ограничена в такой степени, как этого еще не бывало ранее. Папен получил пост вице-канцлера. Он не был связан ни с каким ведомством и, в основном он должен был служить в качестве противовеса рейхсканцлеру. Было решено, что Гитлер, как рейхсканцлер, будет делать доклады рейхспрезиденту фон Гинденбургу только в присутствии вице-канцлера. Таким образом, была создана инстанция для осуществления контроля при составлении рейхспрезидентом

16355

H1211-0420

H1211-0421

мнения относительно пожеланий, высказываемых рейхсканцлером.

Учитывая личные качества Гинденбурга, от которого с чисто человеческой точки зрения можно было ожидать оказания значительного влияния на Гитлера, такая контролируемая информация Гинденбурга создавала надежду избегнуть скатывания в радикальное русло. Вот в чем состояло участие подсудимого в формировании правительства Гитлера.

Обвинение усматривает в этом решающий сознательный шаг для передачи всей власти национал-социалистам. При об'ективном рассмотрении этих прошедших событий можно прийти к заключению, что при неизбежной необходимости передать руководство кабинетом национал-социалистской партии были исчерпаны все возможности для того, чтобы ограничить значение этой меры и ее последствия.

Представленный национал-социалистам пост рейхсканцлера и два министерства явились тем ограничением первоначально значительно более широких требований Гитлера, которого удалось добиться после долгих усилий.

76356

Для рассмотрения на этом процессе не является важным, было ли принятое 30 января решение единственно возможным или нет. Если даже придерживаться другого мнения, то в данном случае для установления преступности является важным только то, мог ли Папен рассматривать такое решение как необходимость или, вообще, как меру, целесообразную с политической точки зрения. Если даже его мнение, вопреки всем фактам, считать утопией, то с уголовно-правовой точки зрения следует учитывать, что о виновности речь может итти лишь тогда, если он знал о будущих последствиях и последующих агрессивных планах и, несмотря на это, помогал в формировании правительства. Только что приведенные факты доказали, что не может существовать и тени такого предположения.

При таком рассмотрении особенно важным является то обстоятельство, что два министерства, которые в связи с обвинением в нарушении мира являются самыми важными, т.е. министерство иностранных дел и военное министерство, были переданы доверенным лицам Гинденбурга, т.е. тем людям, которые не имели никакой связи с Гитлером и от которых можно было ожидать что они будут руководить своими министерствами, не поддаваясь никаким влияниям. В связи с этим немаловажным является вопрос о том, чего можно было ожидать лично от Гитлера и от его будущей политики.

Руководитель оппозиционной партии впервые обле - кается ответственностью, -руководитель партии, формирование и развитие которой могло, конечно, дать повод к

1635

H1211-0422

H1211-0423

некоторым опасениям и порицаниям; партии, которая развилась на основе полного отрицания существовавшего до того времени правительственного руководства; партии, чья шумная демагогия, несомненно, являлась известной уступкой составу ее членов; партии, которая выработала новую программу с пунктами, которые частично были да - леки от действительности и казались невыполнимыми и вызывали некоторые опасения, но которые, - а для нашего рассмотрения это самое важное, - не представляли собой ничего преступного.

С другой стороны, нельзя упускать из виду исто - рический и жизненный опыт, показывающий, что пропаган - да и ответственная работа являются совершенно различны- ми вещами, что партия, которая развивается из ничего, нуждается в отрицательной и шумной пропаганде больше, чем какая-нибудь давно существующая партия. Даже если кабинет от 30 января состоял бы исключительно из на - ционал-социалистов, если бы даже в лице Гинденбурга не существовал затормаживающий элемент, то все равно по правилам разума и опыта можно было бы предположить,что Гитлер, пришедший к власти с помощью пропаганды, будет на практической ответственной работе считаться с су - ществующими обстоятельствами и покажет себя на деле совершенно иным, чем во время пропагандистской подготов- ки к захвату власти. Незначительный пример уже раньше показал разницу между оппозиционной партией и ответст - венной правительственной деятельностью: те же самые национал-социалисты, с той же самой программой и той же самой пропагандой, которые 30 января заняли пост рейхсканцлера в империи, уже принимали участие в прави-

16258

тельственном руководстве в германских провинциях. Так, например, Фрик, руководитель национал-социалистской фракции в рейхстаге был ответственным министром в Тюрингии. В круг его компетенции входило даже осуществление полицейской власти, мы же видели, как в этих провинциях национал-социалисты иногда с усердием принимались за осуществление экономической программы. Но не было случаев, чтобы они принимали участие в бесчинствах или какой-либо неразумной политике, которая,хотя бы приблизительно, согласовывалась с их пропогандой. Разве нельзя было ожидать, что естественное чувство ответственности в связи с полученными большими задачами в имперских масштабах будет возрастать, и,что с учетом предпринятых мер предосторожности события не пойдут по опасному руслу?

Здесь не лишне коснуться личности Гитлера. Гитлер был, в особенности после неудавшейся попытки откалоть крыло Штрассера, неограниченным самодержцем в своей партии. Без сомнения, он в руководстве партией, в своих речах и т.д. не был особенно сдержанным, что казалось бы необходимым для руководителя такой большой партии. Все признаки говорили, однако, за то, что партия настолько находилась в руках у Гитлера, что он был в состоянии обеспечить успех даже непопулярным мероприятиям, которые, под давлением действительности, должны были быть проведены. В вопросах участия в правительстве он вопреки настоянням массы проводил часто непопулярную, но с его точки зрения тактически мудрую политику, так как он считался с фактами. Разве нельзя было ожидать,

16359

H1211-0424

H1211-0425

что этот человек, который добился, наконец, своей цели, а именно возглавил руководство кабинетом, расстанется со своими чуждыми действительности мыслями оппозиционера и подчинится реальным требованиям государственной и международной жизни?

Всем известный из опыта факт заключается в том, что человек, поставленный перед особенно большими целями и особенно большой ответственностью, растет как человек и как правитель вместе с этими целями и ответственностью. Учитывая этот общий исторический опыт нельзя было предполагать, что человек, облеченный ответственностью после начальной многообещающей деятельности вновь возвратится к идеям и своим старым оппозиционным тезисам, что этот человек, спустя несколько лет, выбросит за борт все положительное /я напоминаю о его высказываниях относительно христианской основы государства/, что он превзойдет все то отрицательное, что пропагандировал раньше, потеряет всякую сдержанность в методах, а цели его не будут знать пределов. Сейчас мы знаем весь путь пройденный Гитлером. Мы, может быть, склонны истолковывать его действия за последние годы, поскольку они представляют собой что-то чудовищное и поэтому особенно запечатлеваются, как вытекающие из всей его личности, предполагая, что в предшествующее время он был совершенно таким же, как и в последующее.

В пределах данного процесса невозможно на основании событий, речей, и в особенности действий Гитлера, понять его со времени начала его политической

16360

деятельности до его конца и сделать правильные психологические выводы. Его общеизвестный страх раскрываться перед другими и его все возраставшее недоверие почти ко всем лицам из его окружения, делают правильную оценку его особенно трудной. Однако отдельные, имевшие место факты, дают возможность сделать вполне определенный вывод, что и Папен, несмотря на возможность близко наблюдать Гитлера, в 1933 г. еще не мог предвидеть, что Гитлер будет таким человеком, каким он показал себя в последующие годы.

Если Папен, учитывая желание Гинденбурга, и во исполнение поручения последнего, как homo legius сделал все, чтобы воспрепятствовать возможности радикального развития, то он и независимо от этого поручения, со всей энергией делал все для достижения этой цели.

После формирования кабинета он не сложил руки и не пошел по удобному и оппортунистическому пути. Он, с помощью объединения правых буржуазных партий при выборах 5 марта 1933 года создал противовес национал - социалистам. Для каждого, кто разделял национал-социалистские идеи или был слепым приверженцем фюрера было бы легче всего покончить с оппозицией этих объединенных широких буржуазных слоев и предоставить им идти по казавшемуся тогда совершенно естественным пути, а именно присоединиться к партии, пришедшей к власти.

Папен вступил в предвыборную борьбу в качестве руководителя и организатора оппозиционного блока "черное - белое, - красное". Его речи, относящиеся к тому

16361

H1211-0426

H1211-0427

времени, выдержки из которых я представил в своей книге документов, дают ясное представление о его целях и намерениях. Он приветствовал национальную мысль, свободную от пропагандистской необузданности национал-социализма и его доктрин. Во всяком случае его программа находилась в непримиримом противоречии с тем, что возникло позднее, в результате непредвиденного расширения и бесконечного превышения писанных целей НСДАП.

Создание боевого блока "Черное-белое-красное" должно было гарантировать то, к чему стремился Папен, формируя кабинет 30 января: коалиционный кабинет, в котором как неизбежное следствие парламентских правил и общей политической ситуации пост рейхсканцлера был предоставлен руководителю самой сильной партии, который, однако, был вынужден править в рамках коалиционного кабинета со всеми вытекающими из этого обстоятельства ограничениями.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас удобное время для перерыва.

/Объявляется перерыв на 10 минут/.

Встать, Суд идет!

Д-р КУБУШОК. Мне кажется, что я, с помощью этих рассуждений, достаточно точно разъяснил, что участие Папена при формировании кабинета министров 30 января, не являлось с его стороны попыткой добиться того, чтобы национал- социализм обладал исключительной властью Обратное было доказано на основании фактов.

16362

В смысле защиты я сделал значительно больше, чем необходимо было для опровержения обвинения. Даже, если кто-либо на этой стадии содействовал тому, чтобы действительно обеспечить национал-социалистской партии исключительное влияние, то не следует видеть в этом акте действие по подготовке тех преступлений, которые являются наказуемыми, как утверждает обвинение.

Вообще можно сколько угодно и как угодно истолковывать запечатленную в документах программу национал-социалистской партии, а также заявления партийных руководителей относящиеся к той эпохе, заявления, которые объективно имеют меньшее значение, если учитывать, что они имели пропагандистские цели и можно, рассматривая последствия, вкладывать в них различный смысл, но все-таки нельзя видеть в них путь к тем преступлениям, которые изложены в Уставе.

Обвинение считает, что деятельность Папена как вице-канцлера в период с 30 января 1933 г. по 30 июня 1934 г. являлась продолжением его заговорщической деятельности, которая преследовала цель укрепления пришедшего к власти национал-социализма. В этой связи обвинение вменяет ему в вину участие в различных изданных в этот период правительством законах, которые по мнению Обвинения служили лишь тем целям, о которых здесь говорит Обвинение.

16363

H1211-0428

H1211-0429

В опровержение этого факта я изложу подробно как сложилась деятельность подсудимого и что он также и при этом не отклонился от своей первоначальной линии.

Обвинение рассматривает из первоначальной стадии деятельности кабинета министров определенное число законов, которые в политическом отношении следует рассматривать как своего рода компромисс, компромисс между требованиями национал-социалистов и буржуазными взглядами против членов кабинета. Мы видим, что были подняты проблемы, которые в течение многих лет дискутировались национал-социализмом и являлись об'ектом пропаганды. И вот члены кабинета министров, придерживающиеся буржуазных взглядов, оказываются перед лицом следующей ситуации: самая сильная партия и имперский канцлер не могут полностью обойти эти вопросы, они в какой-либо форме должны быть решены. Принцип создания любого коалиционного правительства всегда связан с уступкой, которую должны сделать обе стороны. При этом другая сторона не обязана изменять своей идеологии. Если, например, в каком-либо коалиционном правительстве, в котором рабочая партия доминирует, практически должна проводиться программа рабочего правительства, которое ставит своей целью всеобщее обобществление, то сотрудничество других членов правительства должно заключаться в том, чтобы воспрепятствовать тому, чтобы эти мероприятия широко проводились и ограничить их действие лишь теми случаями, которые, по их мнению, связаны с незначительным отклонением от прежней линии. Нельзя ожидать от самой сильной партии и от ее вождя, который

16364

на основании конституции занимает пост имперского канцлера, чтобы они проводили политику своих предшественников. Другие члены коалиционного правительства должны приносить жертвы для того, чтобы вообще могла осуществляться правительственная деятельность.

Так как мы в рамках этого процесса не должны судить о политической целесообразности и даже о моральных принципах, а лишь о том являются ли совершенные действия преступлением, предусматриваемым Уставом, поставленная перед защитой задача является сравнительно простой.

Мы видим, что те идеологические проблемы, которые были выдвинуты национал-социализмом, оказались разрешенными в различных областях. Мы должны признать в отношении членов правительства, не являвшихся национал-социалистами, что они при этом думали не о переходной стадии, а о конечном результате. Они основывались на своем прошлом опыте, на политической жизни других стран, считая, что проблема, урегулированная с помощью закона, является, таким образом, решенной. Они не могли предположить, так как это не было совместимо с обычной деятельностью правительства и с соблюдением авторитета законодательной власти, что после издания какого-либо закона в последующие годы опять с такой же последовательностью будут подниматься уже раз решенные проблемы и подвергаться новому и всегда более радикальному разрешению. Папен доказал, что он внимательно следил за тем, чтобы уступки, которые делались другой стороне, ограничивались более или менее терпимыми пределами. Тот факт,

1635

H1211-0430

H1211-0431

что в законах того времени сравнительно редко и в умеренной форме отражались национал-социалистские доктрины, с достаточной ясностью показывает, что существовавший тогда состав кабинета тормозил проникновение национал-социалистских идей.

Без этого влияния нельзя было бы понять, почему Гитлер, в ущерб своей популярности, ограничивал осуществление тех партийных целей, которые ранее пропогандировались.

Совершенно ясно видно тормозящую и вносящую исправление руку подсудимого при издании отдельных законов. Классический пример этого представляют собой приложенные им усилия при издании законов, дающего чрезвычайные полномочия правительству. В то критическое время это было технической необходимостью для законодательства. Предыдущие годы показали, что длительная процедура принятия решений в рейхстаге являлась неудовлетворительной в случае необходимости срочного издания законов. Поэтому уже во времена Брюнинга почти вся законодательная власть фактически была передана в руки президента империи, так как основные законы издавались в форме чрезвычайных постановлений путем односторонних законодательных актов президента империи. Если благодаря указанным причинам законодательство практически не могло быть оставлено в руках рейхстага, то передача в руки кабинета министров законодательной власти представляла собой компромиссный выход из положения.

Как показали результаты голосования относительно закона о предоставлении чрезвычайных полномочий правительству в рейхстаге, все партии, вплоть до партии центра, примкнули к этой точке зрения. Спрашивается, были ли ограничены права

16366

кабинета министров, в котором, согласно конституции, имперский канцлер должен устанавливать генеральную линию политики тем, что за президентом империи было оставлено право опубликования законов. Собственный статс-секретарь имперского президента заявил на заседании кабинета министров, что он не считает необходимым обременять Гинденбурга ответственностью за все законодательство, вытекающей из его права опубликования законов. Как показал свидетель Чирский, последовавшее затем личное обращение Папена к Гинденбургу осталось безрезультатным.

Господин председатель, будет ли уместным огласить сейчас основные пункты из ответов свидетеля Чирского на опросный лист?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы можете комментировать их, но ведь вы не собираетесь зачитывать документа полностью, не так ли?

КУБУШОК. Я изложу все это в обобщенном виде, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, пожалуйста.

КУБУШОК. Это документ №10з, который я уже пред'явил. Первый вопрос я уже зачитывал.

Вопрос третий рассматривает гарантии, о которых только что говорилось. Свидетель заявляет, что все эти мероприятия, несомненно, должны были помешать Гитлеру и НСДАП полностью проводить свою политику. Далее, свидетель отвечает утвердительно на вопрос о том, являлось ли это целью консервативного блока "черное-белое-красное".

В вопросе 5-м он подтверждает изложенное мною развитие тоталитарного правительства Гитлера.

Ответ на вопрос седьмой показывает, что Папен в кабинете оказывал большое сопротивление моим предложенным законом.

10367

H1211-0432

H1211-0433

Вопрос 10-й касается отношения Папена к церкви. Особенно важно последнее предложение:

"Фон Папен считал, что заключенный конкордат возложит на Гитлера и НСДАП настолько большие обязательства, что враждебная церкви деятельность должна будет прекратиться".

Ответ на 11-й вопрос: "Я не считаю возможным, чтобы Папен принимал личное участие в последующем нарушении этого конкордата или же чтобы он использовал свои политические убеждения для оказания политического давления.

Вопрос 12-й подтверждает то, что я еще буду говорить относительно Марбургской речи Папена.

Ответ на вопрос 14-й полон значения:

"Мне неизвестно, чтобы Папен высказывал когда-либо мысль о том, что правительство Гитлера должно достигнуть своих целей в области внешней политики с помощью войны и агрессии. Такое решение в 1933 и 1934 годы было совершенно абсурдным".

В таком же направлении идет и ответ на вопрос 15-й.

Ответ на вопрос 18-й подтверждает попытку Папена обратиться к Гинденбургу после событий 30 июня и добиться, чтобы он повлиял на ход вещей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какими словами начинается ответ на 14-й вопрос: "неизвестно" или "известно" ?

КУБУШОК. "Мне неизвестно".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В переводе стоит "известно".

КУБУШОК. Ответ на вопрос 16-й подтверждает заявление Папена о том, что он хотел во всяком случае воспрепятствовать выходу Германии из Лиги Наций.

H1211-0434

Вопрос 18-й я уже упоминал. Из ответа на вопрос 18-й может быть сделан вывод о том, что Папен после 30 июня безоговорочно настаивал на своей отставке.

Ответ на вопрос 23-й. Здесь особенно важно второе предложение: "Правильно, что фон Папен принял должность посла, выполняющего особую миссию в Вене только потому, что он надеялся воспрепятствовать проведению безумной политики Гитлера и НСДАП в Австрии. Правильно, что Папен согласился на выполнение задания в Вене лишь при условии, что Гитлер обязуется запретить партии всякое вмешательство в австрийские дела; немедленно сместить гаулейтера Хабихта и отказаться от каких-либо агрессивных действий. Правильно, что эти условия после длительной борьбы были, наконец, приняты Гитлером и оформлены письменно".

В ответе 25-м Чирский подтверждает, что Папен строго придерживался этой политики в течение всего периода, к которому относятся наблюдения свидетеля.

Ответ на вопрос 26-й содержит опровержение письменных показаний Мессерсмита и подтверждает, что Папен не проводил агрессивной политики на юго-востоке.

Ответ на вопрос 27-й - это обобщение, делаемое свидетелем, относительно того, что Папен не стремился к осуществлению аншлюса насильственным путем.

Затем я продолжаю на странице 22-й. Мы опять видим Папена на переднем плане, когда проблема антисемитизма впервые нашла свое отражение в законодательстве. Обстановка тогда была следующей: массы в течение многих лет обрабатывались в этом направлении; национал-социалистская фракция, которая являлась доминирующей, включила последовательный антисемитизм в свою программу. Мы видим влияние пропаганды на массы, влияние,

16369

которое проявилось в отдельных упоминавшихся здесь выступлениях, происходивших через несколько недель после создания гитлеровского правительства.

Последствия, вытекавшие из этой обстановки, были очевидными. Поднятая проблема, уже нашедшая свое пагубное выражение в практике, должна была быть решена с помощью законодательства. Было ясно, что проводимая национал-социалистами чрезмерная пропаганда налагала на них известные обязательства в этом вопросе по отношению к их приверженцам. Трудно было установить степень законодательных ограничений, которые при любых условиях, все-таки разочаровали бы людей разжигавшихся пропагандой. Выход можно было найти только в компромиссе. Решение вопроса было перенесено в такую область, в которой изменение существовавшего до этих пор положения можно было произвести менее резким образом.

Если на основании закона о профессиональных чиновниках с должностей смещались только те, которые заняли свои посты/не/на основании специальной квалификации, а благодаря принадлежности к политическим партиям, то помимо этого увольнялись все те чиновники-евреи, которые были назначены на должность после 1918 года. Право на пенсию, как правило, сохраня - лось. Папену удалось ограничить число чиновников-евреев, на ко торых распространялся этот закон. Он подал жалобу Гинденбургу, который особенно выступал в защиту участников войны. Благодаря личному влиянию Гинденбурга на Гитлера, на евреев, участников войны, и на родственников павших на фронте участников войны закон не распространялся.

Так как подавляющее большинство молодых чиновников, которые поступили на службу после 1914 года, были участниками

76370

H1211-0435

H1211-0436

войны, то это исключение распространилось на довольно большое число людей. Особенно наглядно это видно из официальных цифровых данных, относительно адвокатуры, которые приводятся в документе защиты под № 33.

Затем подсудимый обвиняется в действиях, направленных против профсоюзов. При этом нужно прежде всего учитывать, что данные мероприятия проводились не путем издания имперских законов. Существенным является также и то обстоятельство, что при происходившем общем преобразовании сохранение профсоюзов социал-демократического направления или профсоюзы, которые оказывали аналогичное влияние, показалось бы анахронизмом.

Позиция Папена по отношению к проблеме о профсоюзах явствует из его речи от 4.з.1933 , документ защиты №10.

И в данном случае нужно учитывать, что на основании проводившихся тогда мероприятий нельзя было предвидеть размаха, который приняли события в дальнейшем. Нельзя осуждать германский трудовой фронт в период его создания ввиду многих здравых идей, которые он проводил в жизнь для разрешения социальных вопросов, тогда как под конец германский трудовой фронт, благодаря своим бесчисленным насильственным мероприятиям, заслужил осуждения.

Представленными доказательствами установлено, что Закон об амнистии не/являлся каким-либо новшеством. В 1922 году, по окончании периода политических волнений, также был издан закон об амнистии, под который подпадали даже те преступления, за которые грозила смертная казнь. Учреждение особых судов

16371

было мероприятием, диктовавшимся мотивами целесообразности для быстрейшего осуждения политических преступлений, так как обычный, более длинный судебный путь не обеспечивал желанного устрашающего действия. Характерным является ~~то~~, что распоряжение о преступлениях, связанных с насилием, во время канцлерства Папена было впервые применено по делу убийца Потемпа (документ 1, стр. 6-7); т.е. против национал-социалистов. Таким образом неправильно усматривать в самой природе этого закона признание совершенных действий или стимулирование нацистских идей.

Если Обвинение в своей критики законодательной деятельности Папена за то время начинает рассматривать закон об унификации провинций от 31 марта 1933 года, то этот пункт прежде всего относится к вопросу внутренней политики, настолько далекому от рассматриваемого круга фактов, что упоминание о нем Обвинением ничем не оправдано.

16372

H1211-0437

H1211-0438

Если Обвинение преследует лишь одну цель, а именно показать, что Папен изменил свою прежнюю точку зрения, то в ответ на это следует указать, что политические воззрения вообще способны менять и зачастую даже должны меняться. Из самого факта измененного отношения к политическому мероприятию, продиктованному мотивами целесообразности, никоим образом нельзя делать вывода об изменении общего настроения. Действительно первый закон о наместниках был издан для того, чтобы устранить тот дуализм между империей и провинциями, к которому Папен всегда отрицательно относился. Папен всегда, и в особенности в вопросе о Прусской провинции, выступал за решение вопроса в духе Бисмарка, когда пост министра-президента Пруссии был соединен с постом рейхсканцлера.

Следовательно в этом, лишь поверхностно затронутом вопросе нельзя усматривать даже изменения мнения, не говоря уже об изменении идеологии.

В отношении законодательной деятельности кабинета министров, поскольку это касается подсудимого фон Папена, нужно учитывать следующее.

Он, занимая пост вице-канцлера, не располагал собственным ведомством. Он также не обладал вследствие этого тем влиянием в общих политических вопросах, которым пользуется руководитель министерства на заседаниях кабинета министров. Он мог лишь в общей форме выражать свои сомнения или протесты, не имея возможности подкреплять их доводами, в которых он сослался бы на свое ведомство.

16373

Учитывая то незначительное число протоколов заседаний кабинета министров, которыми мы располагаем, несмотря на все попытки мне не удалось раздобыть остальной части, невозможно документально доказать степень оппозиции Папена и прочих министров. То, что он высказывал оппозиционное мнение, следует из представленных доказательств. Но результат, нужно признать, был значительным. Поэтому обязанность защиты заключается в том, чтобы более подробно рассмотреть, по каким причинам постепенно усилилась власть Гитлера и сократилось влияние министров, которые не являлись национал-социалистами, т.е. короче говоря, по какой причине не были, в конце концов, выполнены те гарантии, которые были предусмотрены во время создания правительства 30 января.

Вначале заседания кабинета министров происходили обычным порядком. Возникавшие вопросы обсуждались в прениях. Гитлер не пытался при любых обстоятельствах провести свои предложения, связанные с изданием законов и отклоненные с обоснованием. Аффидевит бывшего министра Хугенберга (документ защиты № 88) наглядно отображает данное обстоятельство.

Выборы 5 марта, давшие национал-социалистской партии, подавляющее большинство голосов, привели к существенной перемене. Помимо того, что выборы оказали влияние на чисто парламентарные вопросы, Гитлер укрепился в своем представлении о том, что он является представителем германского народа. Он считал теперь, что наступил момент для того, чтобы полностью использовать предоставляемое ему статьей 56 Конституции право в качестве рейхсканцлера определять генеральную политическую линию, даже при наличии возражений со стороны министров.

263 74

H1211-0439

H1211-0440

Я ссылаюсь по вопросу конституционно-правового положения на документ 22-й, из которого явствует, что по вопросам генеральной политики большинство голосов министров являлось неэффективным по сравнению с решением имперского канцлера. Гитлер становился все менее податливым по отношению к различным советам. Если в кабинете министров высказывалось какое-нибудь существенное возражение, то он считал, что против него возникла оппозиционная фракция и скоро стало очевидным, что возражения в кабинете министров не могли изменить позиции Гитлера. Можно было только, как показал подсудимый фон Нейрат в качестве свидетеля, надеяться повлиять на Гитлера вне заседаний кабинета министров, в непосредственном разговоре с ним.

Наиболее существенными моментами на пути превращения Гитлера в самодержца являлись его упрочившееся положение по отношению к Гинденбургу и его все более усилившееся влияние на министра имперской обороны фон Бломберга.

Первые мероприятия Гитлера, которые казались Гинденбургу попытками создания прочного порядка, все более улучшали личные отношения между Гитлером и Гинденбургом. Гитлер умел очень ловко подделываться под личные качества и образ мышления Гинденбурга. Поэтому ему очень скоро удалось отменить первоначальное постановление об общем докладе. Вследствие этого практически Папен потерял основную возможность воздействовать на Гинденбурга.

Позиция военного министра фон Бломберга была вторым решающим моментом в карьере Гитлера.

16375

Вооруженные силы были фактором власти, Гитлер знал, что рядовой и офицерский состав в своем большинстве был аполитичным и ни в коем случае, в особенности в своей верхушке, не был склонен к национал-социалистским идеям. Вследствие этого далеко идущий радикальный курс правительства постоянно вызывал опасность сопротивления со стороны вооруженных сил. Сверх того, Гинденбург, в силу своих личных качеств всегда особенно внимательно выслушивал представления, исходившие от военных кругов. Итак, до тех пор пока Гитлер не сделал военного министра своим приверженцем, он должен был встречать препятствия при проведении в жизнь своих радикальных идей.

Сейчас еще очень трудно составить себе ясную историческую картину того, чем об"ясняется влияние Гитлера на Бломберга. Сейчас мы можем констатировать только тот факт, что Бломберг очень скоро превратился в горячего поклонника Гитлера и что с его стороны нечего было опасаться сопротивления даже самой радикальной и неумеренной политике Гитлера. Событиям 30 июня 1934 года суждено было доказать это позднее с еще большей ясностью.

Теперь, при позднейшем рассмотрении, эта последовательность развития становится совершенно ясной. На Гитлера могла произвести впечатление только власть. Вооруженные силы в их тогдашнем составе были, в особенности в связи с положением имперского президента фон Гинденбурга, таким фактором власти, с которым вначале не смогли бы состязаться даже Гитлер и его партия. Отсюда стремление Гитлера завоевать доверие Гинденбурга, отсюда во времена до смерти

16376

H1211-0441

H1211-0442

Гинденбурга относительно осторожные действия, которые ни в коем случае не давали повода предполагать о дальнейшем процессе развития. С момента смерти Гинденбурга Гитлер выступает в качестве диктатора, ничем уже не сдерживаемого и начинающего проводить свою беспощадную политику, по-крайней мере, внутри страны.

Кроме законодательной деятельности кабинета, Обвинение занималось вопросом о том, в какой степени Папен несет ответственность за подавление политических противников и за некоторые насильственные действия, происходившие в то время, которое по тогдашней терминологии называлось "национальной революцией".

Во время перекрестного допроса Папена спросили о том, знал ли он об арестах и издевательствах над некоторыми перечисленными по именам коммунистическими и социал-демократическими деятелями. Папен ответил на этот вопрос в основном отрицательно. Правда, он знал, что на основе закона имперского президента в целях защиты народа и государства были проведены мероприятия по лишению свободы большого количестве деятелей левого направления.

Этот закон был издан имперским президентом, т.е. помимо компетенции Папена, в порядке отмены соответствующих положений конституции. Он был издан под впечатлением пожара рейхстага, события, которое до сих пор еще не выяснено окончательно, при котором, однако, официальная версия о том, что инициаторами поджога являлись коммунистические круги, казалась весьма правдоподобной, тем более, что обыск дома Либкнехта, главной квартиры коммунистов,

16371

дал, по сообщению Геринга, много уличающего материала о намечавшихся актах против имперского правительства. Следствие велось судьей имперского суда, лицом, об"ективность которого не подлежала никакому сомнению. Поэтому Папен мог согласиться с законными мероприятиями по безопасности, которые, с точки зрения внутреннего управления, считались необходимыми.

Однако со знанием о факте ареста этих политических деятелей ни в коей мере не связано знание о деталях и размерах тогдашних мероприятий.

За время существования нацистского режима мы всегда сталкивались с тем, что о насильственных мероприятиях знал узкий круг непосредственно участвовавших в них лиц. Меры, которые принимались перед освобождением заключенного с целью заставить его молчать, были, по всей очевидности, очень успешными. Мы видим, что всегда лишь очень ограниченный круг лиц, состоявший из ближайших родственников освобожденного, знал о происшедшем с ним. Этим об"ясняется тот факт, кажущийся нам теперь удивительным, что широкие круги не были осведомлены о характере и размере произошедших эксцессов. Самого собой разумеется, что ближайшие родственники и единомышленники арестованных в то время политических

16378

H1211-0443

H1211-0444

деятелей, точнее знали о том, что случилось с близкими им людьми. О том, в какой степени эти события сохранялись в тайне, легче всего судить по тому факту, что свидетель Гизевиус считает, что чиновники Гестапо полностью узнали о положении в концентрационных лагерях только в 1935 году.

Поэтому,мне кажется, совершенно понятным, что Папен очень мало знал о тех мероприятиях, которые проводились в первые месяцы почти исключительно против политических противников национал-социализма из левых кругов. Во всяком случае, я уверен, что его знание не входило за пределы того факта, что в ходе проведения в жизнь "закона об охране народа и государства" имели место аресты.

Однако совершенно иначе дело обстояло с происходившими позднее перегибами в отношении церковных учреждений и организаций, которые очень часто обращались к нему и за которых он энергично заступался. То же самое относится к мероприятиям, проведенным в связи с 30 июня 1934 года, на которых я остановлюсь позднее.

Однако решающим в этом случае является то обстоятельство, что мероприятия, проводившиеся вне рамок этого закона, входили в компетенцию полиции и министерства внутренних дел. Сам закон является чрезвычайным распоряжением Гинденбурга. Он был издан легальным образом. Более широкое, чем прежде, истолкование понятия превентивного ареста не заключает в себе никакого преступления.

16379

Относительно мероприятий против евреев, Обвинение упрекает Папена в том, что он в своей телеграмме в газету "Нью-Йорк Таймс" от 25 марта 1933 года представил положение в Германии как совершенно спокойное и указал на то, что хотя отдельные действия и имели место, но они были запрещены распоряжением Гитлера.

Само собой разумеется, Папен слышал из доступных ему источников об отдельных эксцессах, которые совершались некоторыми членами СА в это время, когда политические отношения еще не были выяснены. Если Гитлер 12 марта 1933 года категорически запретил такого рода акты и распорядился о строгом наказании преступников в будущем, то он с вполне чистой совестью мог предполагать, что это приказ будет в дальнейшем в точности выполняться высшими инстанциями.

Небезинтересно, впрочем, указать на публикацию "Союза еврейских фронтовиков" от 25 марта 1933 года. В этом призыве тоже говорится о том, что положение в отношении еврейского населения в общем довольно спокойное и что эксцессы ограничились отдельными выпадами, которые теперь запрещены приказом Гитлера. Я представлю это воззвание союза в моей книге документов по делу имперского правительства.

На ту же самую точку зрения стала американская Торговая Палата в Кельне, опубликовавшая заявление от 25 марта 1933 года, которое я также пред"явлю в качестве доказательства по делу имперского правительства.

Бойкот евреев, об"явленный несколькими днями позже и проведенный 1 апреля 1933 года, был, в противоположность мнению Обвинения, не мероприятием правительства, а чисто партийным мероприятием, против которого Папен на заседании кабинета вместе с другими заявил решительный протест. Публи-

.....

16380

H1211-0445

H1211-0446

-кация в "Таймс", представленная вместе с документом № 9, по защите Нейрата, доказывает, что кроме того Папен по этому вопросу специально посетил Гинденбурга и добился обращения последнего к Гитлеру.

Впрочем, следует учесть, что бойкот евреев был об"явлен, как временное и относящееся только к деловой жизни ответное мероприятие. Было категорически об"явлено о запрещении всякого насилия и о том, что путем соответствующих мероприятий будут предотвращены всякие эксцессы.

Обвинение представило внутриполитические события только под таким углом зрения, что проводившиеся мероприятия должны были укрепить власть национал-социалистов с тем, чтобы создать возможность перейти к осуществлению намеченных целей агрессивной внешней политики. Поэтому еще важнее , чем выяснение внутриполитических отношений, является рассмотрение внешней политики империи в период, когда Папен был вице-канцлером.

Сохраненное за Гинденбургом право назначения министра иностранных дел и назначение на этот пост бывшего министра иностранных дел фон Нейрата, человека не бывшего национал-социалистом, заставляло предполагать, что внешняя политика пойдет по прежнему руслу.

Первые мероприятия Гитлера , казалось, не только оправдывали это ожидание, но шли значительно дальше. В своей первой речи по внешне-политическим вопросам, произнесенной 17-го мая 1933 года, он рассматривал отношение Германии к Польше, которое до этого времени никогда не было вполне миролюбивым. Передача больших территорий, ранее относившихся к германской империи вновь созданной Польше, принесло скрытое

обострение отношений между этими двумя государствами.[60] Гитлер был первым кто вплотную подошел к этой проблеме и после своего заявления в рейхстаге принял решение добиться политики дружбы с этой страной, путем признания польского государства и его потребностей. Если учесть, что мысль об отказе от ревизии вопроса о Польше была совершенно не популярна и принципиально противоречила предыдущей пропаганде, что трудно было предвидеть, тот оборот, который приняли события в позднейшие годы. Все были убеждены, что это внутренне-сильное осуществляет строительство в стране, опираясь на миролюбивую внешнюю политику.

Присоединение Германии к пакту четырех держав, возобновленное признание Локарно, должны были укрепить это убеждение.

В другой плоскости лежит внешнеполитическая борьба за моральные ценности. Вопрос об устранении оговорки Версальского договора о виновности одного государства и вопрос о равноправии великого государства, проводившего с 1918 г. последовательную политику мира, были требованиями, которые не возлагая на противную сторону непосильных жертв, в то же время способствовали тому, чтобы снять с германского народа моральное бремя.

Именно под этим углом зрения следует рассматривать выход Германии с конференции по разоружению. Он произошел после того, как длительные переговоры не дали никакого положительного результата, и со стороны других держав не было заметно склонности удовлетворить в будущем требования Германии. Заявление имперского правительства Гинденбурга о том, что этот шаг следует рассматривать как шаг, сделанный по тактическим соображениям, причем цели остались прежними, а именно сохранение мира при условии признания равноправия, должно было поэтому казаться правдоподобным и разумным.

16382

H1211-0447

H1211-0448

И Папен одобрил этот шаг по тем же соображениям. Одновременно последовавший выход Германии из Лиги Наций мог рассматриваться по разному. И здесь можно было считать, что этот выход является шагом протеста и что фактические усилия в этом деле доказывают желание продолжать мирную политику.

Папен принадлежал к числу тех лиц, которые считали себя обязанными отговаривать от выхода из Лиги Наций. Правда, он, будучи рейхсканцлером, наблюдал, что переговоры на большом и многостороннем пленуме Лиги Наций представляли известные трудности для разрешения некоторых вопросов. С другой стороны, он настолько верил в Лигу Наций, как в средство достижения соглашения и облегчения технических возможностей соглашения, что хотел избежать выхода из Лиги Наций. Он очень активно защищал эту точку зрения. Ввиду того, что он не мог переубедить Гитлера в Берлине, он поехал вслед за ним в Мюнхен, чтобы незадолго до принятия им решения, изложить ему свою принципиальную точку зрения по этому вопросу. Итак, мы видим, что Папен, активно стремился к такому разрешению вопроса в той области, за которую он сам, будучи вице-канцлером, не нес никакой ответственности, которое с точки зрения Обвинения на выход из Лиги Наций, нельзя рассматривать, иначе, чем шаг, направленный на сохранение мира.

В виду принципиального значения происшедшего выхода из Лиги Наций, по вопросу об этом мероприятии был устроен плебисцит. Перед этим плебисцитом Гитлер, правительство и Гинденбург опубликовали воззвания, в которых они подчеркивали, что этот выход ни в коей мере не означает изменения политики, а является только изменением метода. Также освещался этот вопрос и при подготовке к выборам перед плебисцитом.

16283

Обвинение ставит Папену в вину, что он в своей речи в Эссене восхвалял правительство Гитлера и призывал к безусловному положительному ответу на вопросы, поставленные на голосовании.

Если Папен и поступил таким образом, то его побудило к этому то, что решение уже было принято и его надо было оправдать перед иностранными государствами. Если ответственные руководители действительно не стремились ни к чему иному, как к изменению метода, то против этого нельзя было ничего возразить. Если бы народ во время плебисцита высказался против проведенного ме оприятия, это нанесло бы ущерб германской внешней политике. Поэтому совершенно понятно, что в торжественных публичных заявлениях эта политика должна была одобряться. Затем, нельзя не учитывать того, что при плебисците, касающимся мероприятий правительства нельзя было полностью миновать вопроса о доверии к внутренней политике.

Посмотрим, в какое время была произнесена эта речь. К ноябрю 1933 года Гитлер сделал значительный шаг вперед в вопросе, стоящем на переднем плане с точки зрения необходимости и интересов, в вопросе уменьшения экономической нужды и устранения безработицы. Его мероприятия были широко задуманы и вначале имели совершенно очевидный успех. И здесь нельзя подходить к вещам с той меркой, с которой мы подходим к ним сейчас на основании теперешнего представления о событиях. В те времена взятый курс, казалось, оправдывался успехом. Поэтому Папен считал себя обязанным признать эти положительные события в области внутренней политики в своей речи по случаю выборов, произнесенной в порядке демонстрации

16384

H1211-0449

H1211-0450

доверия правительству в целях признания его внешнеполитического шага.

Господин судья Джексон в своей вступительной речи следующими словами выразил свое признание описанных событий 1933 года: "В 1933 году мы видели, как германский народ после поражения в последней войне снова возвращал свое значение в торговле, промышленности и искусстве. Мы наблюдали за его успехами без недоверия, без коварства".

Из всех внешнеполитических проблем Папена возможно больше всего интересовали германо-французские отношения. Во время своего допроса он изложил свои взгляды на этот вопрос и сообщил о том, как он уже в 20-х годах сотрудничал в различных политических, а также , католических организациях, старавшихся разрешить вопрос о соглашении и сближении между Францией и Германией. Я ссылаюсь на документ № 92 и на описанную там встречу Папена с французским полковником Пико, которая была характерна для позиции Папена.

И в новом правительстве Папен, будучи комиссаром по Саарской области, особо занимался этим вопросом. Мы видим его усилия избежать в саарском вопросе всего того, что могло бы хотя бы временно омрачить отношения между обеими странами.

Этим вызвано его предложение отказаться от голосования, которое могло дать новый толчок политическому шовинизму в обеих странах. Сам Гитлер не только раньше , до прихода к власти, но и в качестве ответственного главы правительства, неоднократно заявлял, что Германия не собирается поднимать вопроса об Эльзасс-Лотарингии, и что единственной проблемой, которая должна быть урегулирована между обеими странами является саарский вопрос. При этом он, конечно, придерживался

16385

предложений Папена, целью которых было мирное урегулирование

Далее, Папена упрекают в том, что путем заключения конкордата в июле 1933 года он ввел в заблуждение своего партнера по договору, т.е. Ватикан. Папен будто бы стремился заключением конкордата только укрепить власть Гитлера и создать ему кредит в глазах заграницы.

Представление доказательств выявило, что конкордат по своему действию являлся двусторонним договором, и что правовые обязательства конкордата при последовавших затем нарушениях договора со стороны Германии предоставляли известную правовую защиту также и ущемленной стороне.

Я ссылаюсь на опросный лист, посланный архиепископу д-ру Конраду Греберу, в связи с вопросом о конкордате. Я позволю себе, таким образом, сослаться на документ 104, который я представил сегодня и вкратце сказать следующее.

Архиепископ Греде считает, что инициатива заключения конкордата исходила от Папена. Он далее подтверждает, что Папену удалось добиться от Гитлера на условия, которые были оставлены перед заключением конкордата [illegible]. Он также подтверждает, что образ действий подсудимого фон Папена во время заключения конкордата диктовался его положительным отношением к религии. И, наконец, в ответе на вопрос шестой он считает, что конкордат был правовой защитой и опорой против последующего преследования церкви. В ответе удостоверяется, что "трудовая община немцев католиков" не представляла собой организации подпадающей под ст. 31 конкордата,

10386

H1211-0451

H1211-0452

а потому не принадлежала к организациям, охраняемым конкордатам.

Во всяком случае, совершенно неверно предполагать, что Папен знал о намечавшихся в будущем нарушениях договора, и зная об этом, все-таки добился заключения такого договора. Если бы он хотел укрепить кредит Гитлера заграницей, то это было бы одним из самых неподходящих средств. Без конкордата борьба с церковью была бы, правда, неблагоприятно воспринятым заграницей, но все-таки внутренним делом Германии. Вследствие заключения межгосударственного договора преследование церкви стало одновременно нарушением международного договора со всеми вытекающими отсюда специальными последствиями для германского престижа. Нельзя заключать договора с целью завоевания авторитета, если тотчас же после заключения договора переходить к его нарушению.

Уже одно это соображение может поколебать предположение Обвинения. Кроме того упрек Обвинения имеет симптоматическое значение. Всякое действие Папена, истолковывается на основании теории о существовании заговора, во вред фон Папену, и самым простым рецепом для этого является выдвигать на передний план событий, происходивших позднее, приписывать Папену знание об этих событиях и влияние на них и называть противоположные высказывания фон Папена, двусмысленными и двуличными. Этот рецепт прост, если, оглядываясь назад, считать, что в то время надо было знать о позднейших событиях, если не постараться составить себе представления о действительном положении вещей в то время и, если, в первую очередь, не давать себе труда проанализировать, какова же логика этих первоначальных намерений, и дальнейшего развертывания событий. Только таким путем можно, как здесь, притти к такому выводу, который приближайшем рассмотрении, предполагает, что тот, кто в то время совершал эти действия, поступал совершенно бессмысленно.

Но, и независимо от этих соображений, отношение самого подсудимого к религиозным вопросам исключает хотя бы малейшее сомнение в честности его намерений. В процессе представления доказательств показано, что не только его ближайшие личные советники по вопросам церкви, но и носители высшего церковного сана, которые имели с подсудимым тесную личную и деловую связь, подчеркивают, что его поведение как католика, всегда было безупречным.

Поскольку опровергнуто утверждение Обвинения о том, будто бы Папен сам нарушил конкордат путем роспуска "Трудовой общины немцев-католиков", - я сослался при этом на ясные показания бывшего делопроизводителя "Трудового общества немецких католиков" графа Родериха Туна, документ защиты № 47, - доказана, собственно говоря, необоснованность всего обвинения по вопросу о церкви.

Однако необходимо отметить, что Папен не только сожалел о последующих нарушениях конкордата со стороны империи, но и активно стремился воспрепятствовать им. Вся деятельность "Трудовой общины немцев-католиков" практически представляла собой не что иное, как констатацию таких нарушений конкордата и сбор документов для постоянных представлений Папена Гитлеру. С отъездом Папена в Вену отпала практическая возможность такого вмешательства.

То, что обеспечение свободы вероисповедания, к которой стремился Папен, диктовалась не соображениями политической целесообразности того периода, а вытекало из его религиозного мировоззрения, можно установить на основании всех его речей. Действительно нет такой речи,

16388

H1211-0453

H1211-0454

в которой бы он не высказывался относительно этой проблемы и не подчеркивал бы, что только христианское мировоззрение - и тем самым христианское вероисповедание - может быть фундаментом для организованного управления государством. Он видел именно в этом христианском фундаменте лучшую защиту от партийной тенденции, выражавшейся в том, чтобы все более отдавать предпочтение чистой идее власти перед идеей права.

Обвинение стало жертвой очевидного недоразумения в отношении предъявленного во время перекрестного допроса доклада Папена Гитлеру от 10 июля 1933 г. /документ ПС-2248/.

Папен указывает в нем на благоприятные внешне-политические последствия в том случае, если бы удалось ликвидировать политический католицизм, но при этом не затронуть христианского фундамента государства. Папен при этом не дает оценки положению в прошлом и в настоящем, а только дает совет на будущее. Содержание этого совета в христианском смысле безусловно положительно. Из него следует: хотя и можно ликвидировать политический католицизм, однако, нельзя при этом колебать самих церковных основ, христианский фундамент государства. В этих предложениях, предназначенных для будущего, совершенно явно содержится также критика прошлого. Здесь мы видим, как в связи с внешнеполитической деятельностью ему удавалось высказывать Гитлеру соображения, которые по существу относились к другой области.

Папен в своих собственных показаниях остановился на выдвинутом против него обвинении в том, что он после издания энциклики папы "С горячей заботой" от 14 марта

16389.

1937 г., как добрый католик, должен был уйти в отставку. Папен здесь без всякой критики и с полным одобрением сослался на позицию самой церкви, которая всегда придерживалась того мнения, что необходимо сохранять за собой свой пост до тех пор, пока он дает хотя бы малейшую возможность для положительной деятельности. Церковь до конца, исходя из этого мудрого положения и сознавая необходимость заботы о немцах-католиках, не порвала окончательно отношения с третьей империей. Нельзя требовать от каждого католика в отдельности, чтобы он занял другую позицию. Это нельзя было сделать тем более, что Папен в своей чисто внешнеполитической деятельности ни в коей мере не вступал в конфликт со своей католической совестью.

Обвинение в том, что он осенью 1938 г. должен был протестовать перед Гитлером относительно обращения с кардиналом Иннитцером также лишено всякого основания. Сам Папен теперь уже не может припомнить, когда и в какой форме он вообще услышал об этих событиях.

Германская пресса ничего не публиковала по этому поводу, а из церковных кругов такие события ни в коем случае, как это предполагает Обвинение, не проникали в общественность. Во всяком случае Папен, будучи тогда лишь частным лицом и к тому же находясь в очень плохих отношениях с Гитлером, не имел никакой возможности вмешиваться.

Я уже рассматривал, каким путем Гитлер превратился в самодержца. Влияние Папена после того, как был отменен общий доклад Гинденбургу, сократилось до минимума. Протесты на заседаниях кабинета со стороны человека, который не мог обосновать их необходимостью, вытекавшей из деятель -

16330

H1211-0455

H1211-0456

ности его собственного ведомства, носили чисто декларативный характер. Между тем область применения нацистских доктрин на практике все увеличивалась. Стало ясно, что готовность к компромиссу, характерная для первого периода, что признание коалиции, постепенно отпадали и что национал-социалистские идеи постепенно приобретали господство во всех областях.

Для Папена было ясно, что он не может придерживаться этого курса. Также ясно было и то, что он в рамках своих служебных полномочий, хотя и мог оказывать большую помощь в отдельных случаях, но не мог ничего изменить в общей линии. С другой стороны, то положение, которое он еще занимал в качестве вице-канцлера, перед общественностью придавало ему некоторое значение. Поэтому перед ним встал вопрос, не следует ли ему публично выступить с критикой существующих недопустимых условий для того, чтобы сделать последнюю попытку оказать вияние на развивающиеся события, путем открытого обсуждения проблем. Если бы это не удалось, то по крайней мере удалось бы открыто заклеймить эти недопустимые условия хотя бы в результате, в качестве естественного вывода Папену пришлось бы отказаться от своей должности и вследствие этого он не был бы больше в состоянии оказывать помощь многим лицам.

В своей марбургской речи 17 июня 1934 г. Папен открыто заклеймил все те отрицательные стороны, которые были характерны для того периода. Другого случая такой всеобъемлющей критики мы не встрети в истории " Третьей империи".

1089

Он констатировал, что опасность нацизма основывается на том факте, что отдельные примеряе - мые доктрины переплетались между собой, образуя единую, замкнутую систему подавления общественной жизни. Если бы это кольцо было порвано даже только в одном месте, то тем самым была бы ликвидирована опасность всей системы. Если бы только один из поднятых вопросов был практически разрешен в положительном смысле, то это означало бы окончательный перелом в существовавших условиях. Система, против которой он протес - товал, не могла бы продержаться ни одного дня, если бы была разрешена свобода слова, которой требовал Папен. Она не могла бы удержаться, если бы принцип законности и равенства перед законом был признан. Она не могла бы удержаться, если бы была осуществлена свойственная всем вероисповеданиям идея равенства индивидумов.

/ см. следующую стр./

16322.

H1211-0457

H1211-0458

Каждое из этих обвинений, выдвинутых Папеном в его Маргбургской речи - относительно расового вопроса он уже высказался в своей речи в Глейвице - было обвинением против развивающейся общей нацистской доктрины. От руководящего представителя оппозиции в правительстве слушатели узнали, из каких пунктов складывается общее нетерпимое положение. Последствия, к которым это должно было привести, были ясны Папену. Либо Гитлер должен был принять во внимание эти вопросы, после того как они были поставлены на открытую дискуссию, либо Папен должен был уйти в отставку, так как продолжение его деятельности по указанному Гитлером пути не было совместимо с его взглядами.

Гитлер, при его положении в то время не считал, что ему нужно приносить жертву общественному мнению путем отхода от своей линии. Он попытался ликвидировать оппозицию, запретив опубликование этой речи и наказав тех, кто ее распространял. Папен подал в отставку. Гитлер не принял немедленно этой отставки, так как он, очевидно, считался с Гинденбургом и не хотел этого делать, не раз"яснив ему предварительно положение.

Между тем, наступили события 30 июня.

То, что первоначально должно было выпасть на долю Папена при осуществлении этих мероприятий, очевидно, никогда не будет окончательно выяснено. В частности, нельзя выяснить, каковы были намерения различных лиц.

Характер импровизации, свойственный этим мероприятиям, лучше всего виден из способа их осуществления в ведомстве вице-канцлера. Позже был первой жертвой в самом ведомстве вице-канцлера. Юнг, который был арестован вне

Берлина, был также расстрелян. Его судьба стала известна Папену и общественности, правда, значительно позже, так как первоначально надеялись, что он, будучи предупрежден мероприятиями против марбургской речи, не только уехал из Берлина, но и направился в Швейцарию. Другие сотрудники штаба, которых удалось обнаружить, были арестованы полицией и позже направлены в один из концлагерей. В отношении самого Папена, очевидно, колебались принять окончательное решение. Его тесная связь с Гинденбургом, очевидно, послужила причиной того, что было решено, не обременять список жертв 30 июня таким широко известным именем, тем более, что преступление против Шлейхера, которое было представлено Гинденбургу как действие, необходимое для самозащиты, и так уже налагало большую ответственность.

Для рассмотрения этого вопроса в духе обвинительного заключения достаточно в каждом отдельном случае констатировать, что какова бы ни была в конечном счете судьба Папена, мероприятия, направленные против него и его сторонников, безусловно, доказывают, что он находился в резком противоречии с Гитлером и нацистской политикой.

Обвинение во время перекрестного допроса пред"явило Папену письма, которые на первый взгляд представляют собой некоторое расхождение с его обычной позицией.

Папен заверяет Гитлера в этих письмах в том, что он является его сторонником и верен ему, и он облекает свои действительные стремления в этих письмах в такую вежливую форму, которая обычно была не свойственна ему в общении с Гитлером.

1639.

H1211-0459

H1211-0460

Может показаться удивительным, что человек, настроенный оппозиционно, преследуемый в виду его позиции, которому, особенно в лице его сотрудников, было принесено так много несчастий, придает своему письму такую форму. Для правильной оценки необходимо, однако, разобраться в существовавшем тогда положении. Оно характеризовалось состоянием беззаконности. Это положение было благоприятным для того, чтобы в ходе этих мероприятий избавиться от назойливых противников. Пример с Шлейхером и Клаузенером, а также другими показал это в достаточной степени. Никоим образом нельзя было предвидеть, когда и каким образом закончатся меры против лиц, уже запутанных в эти дела. Почти в каждом человеке иного мировоззрения видели участника заговора СА, которые, пожалуй, рано или поздно действительно хотели поднять мятеж против Гитлера.

В какой степени представители правых на основании своего оппозиционного отношения были в действительности связаны с СА, являвшимися в то время большой силой, это, пожалуй, до сих пор не установлено со всей ясностью. Во всяком случае, тогда нельзя было видеть, верны ли были утверждения Гитлера относительно лиц, не принадлежавших к СА.

16325

Для Папена положение тогда было следующее: он знал об убийстве Бозе, судьба Юнга была ему тогда еще неизвестна. Он надеялся, что тот бежал. Трое из его сотрудников были в концентрационном лагере. Их нужно было в первую очередь освободить оттуда. Кроме того, и на будущее надо было ликвидировать подозрение о том, что кто-либо из них, или сам Папен, находились в связи с кругами СА. Поэтому, если фон Папен хотел представить Гитлеру какие-либо протесты, то первым условием для какого-либо успеха было отделение от этих кругов СА. Поэтому Папен считал себя вынужденным заверить в этих письмах Гитлера в своей лойяльности и верности.

К тому же Папен годами был убежден, что за покушением на него стояли Гиммлер и Геббельс, что именно Гиммлер хотел его странить и только Геринг помешал этому, и что поэтому, чтобы защитить себя от них обоих, необходимо заверить Гитлера в своем безупречном поведении.

Важным для оценки этих писем является не форма, а содержание. Альфой и омегой этих писем являлось требование реабилитации его самого и его сотрудников. Он требовал судебного процесса. Он советовал Гитлеру не распространять действие закона об амнистии, который он намеревался издать на те действия, которые были направлены против лиц не принадлежавших к кругам СА.

16326

H1211-0461

H1211-0462

Что означают эти требования Папена? Они означают в действительности требования придерживаться законности в противоположность незаконным действиям от 30 июня. Он требует об'ективного судебного расследования относительно тех, которых надо осудить в связи с событиями 30 июня. При рассмотрении событий 30 июня следует учитывать то, что они делятся на две части. Во-первых, меры против руководителей СА, радикализм которого был давно известен, и которые были связаны в прошлом с актами насилия и отдельными действиями, за что они должны были понести наказание. Репрессии против этих людей можно было об'яснить как акт государственной необходимости против опасных и готовых к мятежу сил.

Другая часть состояла из мер против лиц, не принадлежавших к кругам СА. Судебное расследование повлекло бы за собой выяснение этих случаев и осуждение лиц, ответственных за них.

Я думаю, что если спокойно и критически представить себе события того времени, то можно притти лишь к тому убеждению, что Папен в своих письмах фактически стремился только к тому, что он предложил Гитлеру, т.е. к реабилитации незаконно преследуемых лиц с помощью судебного процесса и к отказу от огульного оправдания принятых мер с помощью закона.

Если, таким образом, рассмотреть основное в этом деле и то, к чему действительно стремились, то ни в коем случае нельзя придать форме писем тот смысл, который приписывает Обвинение.

То, что эта форма, в частности, не являлась признанием мер 30 июня, а была лишь обусловлена вышеупомянутой целью, лучше всего видно из письма от 17 июля. К этому моменту Папен, правда, добился освобождения своих сотрудников из концентрационного лагеря, но его дальнейшие требования Гитлер не выполнил. Теперь мы встречаемся с письмом, лишен-

ным малейшего оттенка вежливости. Только деловые констатации и деловые предложения. Письмо, подписанное только именем Папена, без всякой заключительной формулы.

Что касается существа дела, то Папен ни на минуту не отходит от своей линии: он настаивает на своей отставке и требует принять ее немедленно, как показывает письмо от 10 июля 1934 года (документ Д-1715). Он отказывается каким-либо образом далее принимать участие в правительственной деятельности. Он немедленно покидает Гитлера после того, как он вызвал его с заседания кабинета 3 июля.

Он не является на заседания рейхстага, на которых было принято решение о законе об амнистии. Он резко отказывается от приглашения занять удобный пост посла при Ватикане. Так выражается его отрицательное ~~отношение~~ отношение.

Что касается положительных мер, то он старался добиться вмешательства вооруженных сил. Он обращается к своему другу генерал-полковнику фон Фритч. О Бломберге, при его отношении, думать не приходилось. Фритч не желает действовать без категорического приказа имперского президента. Папен старается попасть к Гинденбургу. Окружение Гинденбурга не допускает его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Кубушок, Вы можете здесь остановиться. Сейчас мы об'явим перерыв.

(Об'является перерыв до 10 час. 23 июля 1946 года).

16298

H1211-0463

H1211-0464

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 23 июля 1946 г.

Утреннее заседание.

Встать! Суд идет!

/К микрофону подходит доктор Кубушок./

КУБУШОК. Вчера я остановился на том месте, где разбирался вопрос о том, что делал Папен при осуществлении мероприятий от 30-го июня. Я напомнил об его отставке и о его отказе оказывать какое-либо содействие. Я продолжаю на 46-й странице, последний абзац.

Что касается положительных действий, то он старался добиться вмешательства вооруженных сил. Он обращается к своему другу генерал-полковнику фон Фричу. О Бломберге при его отношении думать не приходилось. Фрич не желает действовать без категорического приказа имперского президента. Папен старается попасть к Гинденбургу. Окружение Гинденбурга не допускает его. Все дороги его к загородному имению Нойдек преграждены постами СС. Папен посылает своего секретаря Кеттлера к соседу по имению и старому другу Гинденбурга г-ну фон Ольденбургу, чтобы таким путем получить доступ. Но и эта попытка не удается. Он констатирует, что Гинденбург в такой степени подчиняется чужому влиянию, что одобряет поведение Гитлера 30 июня в телеграмме, опубликованной в печати.

Что должен был делать Папен, что хоть в какой-либо степени обещало бы успех?

В переговорах с Гитлером он попытался перевести все дело в плоскость законности. Попытки мобилизовать единственный фактор силы, вооруженной силы, не удалось. Гинденбург был недостижим и, очевидно, находился под влиянием своих

советников.

Обвинение считает, что Папен должен был бы открыто указать на преступные события 30 июня и что тем самым вызвал бы крушение всей нацистской системы. Это утверждение необоснованно. Кроме того, что Папен, как доказано, уже не имел никакой возможности высказаться перед общественностью, дальнейший ход событий в Германии показал, что подобный отдельный протест не оказал бы никакого действия на позицию Гитлера ни внутри страны, ни за границей. Престиж Гитлера в Германии уже тогда и тем более потом был настолько велик, что подобный протест, если бы он вообще смог достичь общественности, без сомнения не нашел бы отклика в массах народа. Широкие массы видели только экономический расцвет и укрепление положения Германии по отношению к иностранным государствам, и лишь численно небольшой слой действительно видел опасность этого развития. Заграницей о событиях 30 июня знали, пожалуй, лучше, чем их знал немецкий народ. И они не стали бы ему яснее благодаря высказываниям Папена. Выводов из этих сведений заграницей не сделали ни тогда, ни позже.

Обвинение даже считает, что подобный шаг мог бы привести к новой оккупации Рейнской области французами. Неизвестно откуда Обвинение берет основания для такого заключения. Этому противоречит тот факт, что последующие события, не являвшиеся внутриполитическим процессом, а в сильнейшей степени задевавшие иностранные государства, например, введение воинской повинности и оккупация Рейнской области - не вызвали никакой военной реакции.

Папен своей отставкой и своим демонстративным отсутствием на заседаниях кабинета и рейхстага показал общественности, что он враждебно относился к этому направлению политики. Его

16400

H1211-0465

H1211-0466

поведение являлось открытым протестом против мер 30 июня и против лиц, которые их осуществляли. Обвинение не может ничего поделать с этими внешними явлениями, которые ведь являются историческими фактами. Поэтому оно старается сконструировать противоречие между этим его поведением и его внутренним убеждением. Единственным вспомогательным материалом, имеющимся для этого в его распоряжении, являются письма Папена, написанные им в июле Гитлеру. Даже если бы суть писем и их цель не были бы ясны из их содержания, как это имеет место в действительности, эта попытка, явно недостаточными по своей природе средствами, оказалась бы несостоятельной на основе описанных фактов.

Вообще я хотел бы сказать по этому вопросу следующее:

По каким причинам должен был Папен во время своей деятельности на посту вице-канцлера и во время событий 30 июня внешне занимать враждебную Гитлеру позицию, а в действительности быть его верным последователем? По каким причинам Гитлер, который, согласно обвинению, был в заговоре с Папеном,- а это было бы лишь следствием заговора, - мог бы сам этого хотеть? Мог ли Гитлер хотеть, чтобы Папен в своей марбургской речи вскрыл все слабости и отрицательные черты нацистской системы? По какой причине мог бы Гитлер хотеть, чтобы Папен столь очевидно выступал против незаконных действий 30 июня? В его интересах могло бы быть лишь то, чтобы и внешне его вице-канцлер полностью разделял линию имперского канцлера.

Если подумать об этом, то можно притти лишь к одному выводу: то, что Обвинение рассматривает как внутренние убеждении Папена, лишено всякой логики.

Это утверждение о безусловной приверженности Гитлеру, несмотря на противоположные факты, якобы служащие целям маскировки, Обвинение затем вновь использует, говоря о назначении Папена на пост в Вене.

16401

Разрешите рассмотрение этого комплекса предпослать следующее короткое замечание.

По моему мнению, заключительное развитие австрийского вопроса, которое имело место после отзыва Папена и несомненно без его содействия, а именно вступление германских войск 12 марта 1938 года, не является преступлением в смысле Устава. Устав признает наказуемыми подготовку и ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров. В своих трех пунктах, определяющих наказуемые действия, Устав ограничивается тем, что признает наказуемым лишь то, что является тягчайшим преступлением и влечет за собой невероятно тяжелые последствия. Агрессивные и запрещенные войны, сами по себе, и преступления против правил ведения войны, преступления против человечности в своей ярчайшей форме, необозримые последствия этих тяжких преступлений оправдывают этот необычный процесс. Устав не ставит перед Трибуналом задачу наказать за все то, что было совершено несправедливого в ходе развития нацизма. В частности он не ставит задачу рассматривать всякое политическое мероприятие с точки зрения того, было ли оно необходимым и дозволенным. Подобная задача была бы невыполнима в рамках этого Суда уже по причинам отсутствия времени и по техническим причинам. Задачей Суда не является устанавливать, выполнялись ли международные договоры или нет. Этот вопрос имеет значение лишь в тех случаях, если это вызвало войны или же иные более конкретные преступления. Вступление в Австрию, как бы его ни рассматривали с точки зрения международного права, не было войной. Здесь решающим является тот факт, что не была применена сила и не было оказано ни малейшего сопротивления, что, наоборот, войска были встречены с восторгом. Вступление в Австрию нельзя также рассматривать в связи с более поздними агрессивными действиями. Это был исклю-

16402

H1211-0467

H1211-0468

чительный случай, обусловленный особыми положением, которое уже с 1918 г. выражалось в том, что как с австрийской, так и с немецкой стороны стремились к присоединению к Германии в какой-либо государственно-правовой форме едва жизнеспособного государства Австрии.

Поэтому фактические события необходимо рассматривать независимо от военных планов Гитлера или даже от планов военной подготовки, о чем я буду говорить позднее, как решение старшей актуальной государственно-политической проблемы, результат которой, независимо от Гитлера, был уже давно желателен обеим сторонам.

Деятельность Папена в Вене ясно характеризуется тремя моментами: обстоятельствами его назначения 26 июля 1934 г., его письмом к Гитлеру от 16 июля 1936 г. /документ защиты № 71/, написанным после заключения июльского соглашения, и его отозванием 4 февраля 1938 г.

Его назначение об"ясняется следующими причинами:

Произошло важное событие. Дольфус убит, отношения между Германией и Австрией не только напряжены, но даже достигли крайне опасного пункта развития. Международное положение угрожающее. Италия концентрирует войска у Бреннера. Следовало непосредственно опасаться окончательного присоединения Австрии к одной из заинтересованных групп держав. Тем самым создается угроза такого положения, которое навсегда сделало бы невозможным поддержание сносных отношений между Германией и Австрией.

При столь тяжелой ситуации Гитлер, очевидно, решил, отбросить в сторону свои сомнения относительно личности Папена и доверить ему пост в Вене. Папен был особенно подходящим лицом для проведения такой политики, при которой дела сдвинулись бы с мертвой точки, на которой они застыли в результате убийства

Дольфуса. На заседаниях кабинета Папен всегда выступал в вопросах, касавшихся Австрии, за дружественное отношение. В международном масштабе Папен был известен как человек, придерживающийся разумной политики соглашений.

Со стороны Папена, естественно, имелись большие сомнения относительно того, следует или не следует занять этот пост. Его опыт, его работы в области внутренней политики за последнее время, его личная оценка того обращения, которому подверглись 30 июня он и его сотрудники, его отношение к убийству Дольфуса, к которому он относился дружески со времен своей прежней деятельности, - все это говорило против вступления на этот пост. Поэтому решение было тяжело для Папена. Однако мысль о том, что только он один был в состоянии выполнить задачи в рамках истинного умиротворения, эта мысль преодолела все. Разве он мог полагать, что кто-либо другой обладает твердой волей и возможностью обеспечить сохранение избранного теперь пути умиротворения? Личной независимости, которой он сам обладал, он не мог предполагать ни у кого другого из министерства иностранных дел, ни тем более у кого-либо из партии. Папен имел опыт, приобретенный за время деятельности в качестве вице-канцлера. Он умел преодолевать трудности, знал, что от Гитлера можно было добиться чего-либо в деловом отношении только соблюдая соответствующую форму. Только он мог надеяться, что он с помощью своих усилий действительно сможет в будущем последовательно осуществлять мирную политику, несмотря на радикальность советчиков Гитлера. С другой стороны, его опыт сделал его осторожным. Он выставляет условия и требует установления ясной линии, основанной на фактах. Он требует отказа от влияния на австрийское нацистское движение, что с самого начала должно было быть обес-

16404

H1211-0469

H1211-0470

печено увольнением того человека, который прямо или косвенно участвовал в преступлении, а именно инспектора Хабихта. Он требует своего личного подчинения Гитлеру, чтобы сделать возможным осуществление выставленных им условий воспрепятствовать их затуманиванию в различных инстанциях. Он добивается обычно невозможного от главы государства: он требует, чтобы условия, при которых он вступает на пост посланника, были письменно оформлены. Они подписываются Гитлером. Он хочет всегда иметь возможность указать Гитлеру, на данное им в письменной форме слово.

Мы получили ясную картину этих событий из свидетельских показаний, в частности, из показаний свидетеля фон Чирского, человека, который согласно утверждению Обвинения, действительно не может быть заподозрен в том, что он излагает вещи суб"ективно, в благоприятном для подсудимого свете.

Обвинение утверждает, что Папен, как верный приверженец уже известных агрессивных планов Гитлера, охотно заявил о своей готовности вступить на этот новый пост.

Но можно ли эту форму принятия поручения, эту крайнюю предусмотрительность подсудимого как-либо связать с подобным отношением? Эти внутренние переговоры, этот неопубликованный и оставшийся в руках Папена подписанный Гитлером документ нельзя же рассматривать,- а это было бы логическим выводом из утверждений Обвинения,- как минимум уговорьбу с целью какого-либо обмана. Эти вещи ведь не были предназначены для общественности и никогда не были опубликованы.

Эти обстоятельства при вступлении на пост в Вене могут лишь привести к заключению, что Папен серьезно стремился к сохранению установленной политики умиротворения. Также совершенно невозможно говорить здесь об оппортунизме. Папен отка-

16405

зался занять пост посла в Ватикане. Положение посланника в Вене едва ли было заманчиво и почетно для бывшего рейхсканцлера и вице-канцлера. Собственное прочно обеспеченное имущественное положение Папена заранее исключало какие-бы то ни было мотивы материального характера.

Письмо Папена к Гитлеру от 16 июля 1936 г./ документ защиты № 71/ является сообщением об успехе его многолетних усилий в целях установления спокойных мирных отношений между обеими странами. Договор от 11 июля 1936 г. зафиксировал это.

Этот документ, о доказательной ценности которого не может существовать ни малейшего сомнения, ясно говорит о поставленных Папену задачах и их выполнении. Папен указывает на то, что теперь достигнута та цель, для осуществления которой он был 26 июля 1934 г. назначен в Вену. С заключением этого договора он считает свою задачу выполненной.

Это письмо служит самым очевидным доказательством правильности изложения Папеном своих задач и их осуществления.

Что же хотели с помощью сомнительных истолкований приписать его миссии? Он, якобы, как послушный инструмент агрессивных планов Гитлера, взялся выполнить задачу по подготовке и осуществлению насильственного присоединения Австрии. Он, якобы, был уполномочен изнутри подрывать правительство Шушнига и сотрудничать с нелегальным нацистским движением в Австрии, ради достижения этой цели. Все то, что он сделал для улучшения обоюдных отношений, - маскировка для того, чтобы он мог осуществлять свои истинные планы.

А здесь - не вызывающий никаких подозрений отчетный доклад лицу, давшему поручение.

Может быть и это тоже маскировка и это письмо должно дать описание, находящееся в абсолютном противоречии с фактами? Это письмо, которое было найдено союзными войсками

16406

H1211-0471

H1211-0472

в секретном архиве имперской канцелярии, предоставлено Обвинением в распоряжение защиты, за что мы ему очень благодарны.

Третий момент, который ясно характеризует деятельность Папена в Вене, это его отзыв 4 февраля 1938 г. Многочисленные отзывы и назначения этого дня ясно показывают, что было произведено переобразование важнейших военных и политических инстанций. Личности смещенных военных и дипломатов ясно говорят о том, какова была единственная причина произведенного тогда необычного и обширного преобразования. Если Гитлер тогда безо всякой видимой причины, совершенно неожиданно и не приведя никаких об"яснений, сместил также и Папена с его поста, то это ясно доказывало, что Гитлер, начиная радикальный внешнеполитический курс, не считал больше Папена подходящим лицом для Вены.

Эти три момента достаточно подтверждают мирную деятельность Папена за все время выполнения им его миссии в Австрии. Но, так как Обвинение и здесь старается истолковать отдельные события в неблагоприятную для Папена сторону, то я коротко остановлюсь и на этом периоде времени.

Мы видим Папена в постоянной борьбе с нелегальным движением. Обвинение в том, что он состоял в заговоре с ним, лучше всего опровергается тем, что по планам подпольного движения, подтвержденным министром иностранных дел Шмидтом, Папен должен был пасть жертвой покушения, организованного именно этим движением. Столь же недвусмысленным является документальное доказательство ввиде имеющихся налицо докладов, посланных Папеном Гитлеру. Они являются совершенно очевидным доказательством, так как доклады Гитлеру, регулярно посылаемые ему по официальному служебному пути, действительно исключают всякое предположение о намерении маскировки для общественности. Следует сожалать о том, что нельзя было найти все доклады, чтобы с их помощью

дать ясную и полную историческую картину деятельности Папена. У нас имеется лишь часть этих докладов. Но если Папен, как показало предоставление доказательств, в конце своей деятельности переправил за границу копии всех своих докладов, то он мог сделать это только для того, чтобы иметь историческое подтверждение проводившейся им политики мира. Тем самым со всей ясностью доказывается, что его политика, изложенная в его докладах, была политикой, противоположной той деятельности, которая в марте 1938 г. проводилась другой стороной.

Все свидетели, допрошенные в зале Суда и дававшие показания об условиях в Австрии, показали под присягой, что Папен проводил политику умиротворения и боролся со всяким вмешательством подпольного движения в политические события.

Что можно противопоставить этому на основании предоставленных Обвинением материалов?

То, что Папен в соответствии со своим положением германского посланника и в соответствии с договорами, заключенными с Австрией, должен был поддерживать известную внешнюю связь с членами австрийского нацистского движения. Связь, которая нисколько не скрывалась, которая лишь давала возможность наблюдений и была необходима для выполнения обязанности, состоявшей в том, чтобы докладывать в Берлин о фактическом положении дел в Австрии. Если бы он действительно сотрудничал с нелегальным движением, как это утверждает Обвинение, то это, без всякого сомнения, отразилось бы в его докладах в Берлин. Он не составляет с нелегальным движением тайных планов, наоборот, мы видим его участвующим в открытых переговорах с австрийским правительством об участии национальной оппозиции в правительственной работе, о чем было достигнуто соглашение в июльском договоре. И если, наконец, в докладе

16408

H1211-0473

H1211-0474

Райнера /ПС-812/ дается изложение истории нелегального движения, то мы видим, что деятельность этого движения в те годы происходила без малейшего сотрудничества или поддержки Папена. Какие неприятные для подсудимого выводы можно сделать на основании того факта, что он интересовался деятельностью австрийского союза свободы? Если установлено, что этот союз свободы как представлялся нацистским профсоюзным австрийским объединением, готовым сотрудничать с Шушнигом и поддерживать кабинет?

Что можно сказать в обвинение подсудимого на основании того факта, что он наблюдал за положением в правительстве Австрии и сообщал об этом в Берлин? И если при этом выражается желание, чтобы те или иные наблюдения были использованы для развития дружественных отношений с Австрией?

Обвинение при перекрестном допросе представило доклады разных заграничных инстанций, которые Папен пересылал в Берлин. Оно считает, что Папен использовал содержание этих докладов. Это предположение неверно. Совершенно ясно, что целью пересылки докладов заграничной службы разведки является информация. Кроме того, здесь следует констатировать также следующее. Папен передавал в Берлин в особенности те попадавшие в его руки доклады, в которых содержалась критика положения в Германии. Свидетели Гизевиус и Лахузен указывали на то, что Гитлер получал от своих ближайших сотрудников неверную или неполную информацию. Критические доклады из-за границы, которые Папен передавал непосредственно Гитлеру, могли и должны были обратить внимание Гитлера на отрицательные моменты и побудить его устранить их. Особенно часто это относилось к высказываниям о преследовании церкви в Германии. Сюда же относятся представленные и особенно часто упоминав-

16409

шиеся при перекрестном допросе доклады по делу Чирпского о деятельности гестапо. В регулярных сообщениях Папена Гитлеру частично обсуждалось положение в соседних государствах. Проверка содержания этих сообщений показывает, что здесь речь шла только о проблемах, которые находятся в непосредственной связи с внешне-политическим положением Австрии на Балканах, т.е. о проблемах, которые входили в круг задач аккредитованного посланника в Вене.

Наконец, я хочу еще коснуться аффидевита Мессершмитта. Он описывает события, которые произошли 10 лет тому назад, и по делу Папена, как мне кажется, его данные приводятся по памяти. Очевидно, время и опыт, полученные позднее, настолько стерли картину, что ~~он~~, например, ~~находим~~ высказывания Папена о его задачах на юго-востоке, приводятся в обоих аффидевитах, содержание которых в корне различно.

Моя критика могла бы вообще ограничиться тем утверждением, что содержание аффидевита противоречит всем правилам опыта и логики. Дипломат не может открыть тайные цели своей политики представителю другого государства, который с подчеркнутой сдержанностью обращается к нему. Невозможно, чтобы Папен, как это говорит в другом месте Мессершмитт, не только ему, но и вообще совершенно открыто огласил свой, якобы, существующий план свергнуть Шушнига, при правительстве которого Папен был аккредитован. Невозможно также и то, что подобные признания не имели никаких последствий и впервые нашли свое отражение в 1945 году в этом письменном показании.

Оба эти письменные показания ввиду этого не могут явиться основой приговора, не говоря уже о том, что их содержание опровергнуто предоставлением других доказательств, которые осветили как планы, так и действия Папена.

И снова возвращусь к ответам на опросный лист Габронского,

16410

H1211-0475

H1211-0476

который я зачитывал вчера. Это документ № 106. Полное опровержение показаний Мессершмитта содержится также и в ответах на опросный лист польского посланника Габронского. Эти письменные показания дипломата той страны, с которой Германия с сентября 1939 г. находилась в состоянии войны, кажутся особенно примечательными, Габронский имел возможность с 1935 по 1938 год, т.е. за весь период деятельности Папена в Вене, наблюдать за ним. В ответах на опросный лист по ошибке неправильно указан 1937 год, как начало деятельности Габронского в Вене, а не 1934 г., как это было на самом деле. Все обвинения, выдвигаемые Мессершмиттом: сотрудничество Папена с нелегальным нацистским движением, интриги и намерение свергнуть режим Шушнига, агрессивная политика на юго-востоке, разделение Чехословакии между Польшей и Венгрией, - все это опровергает в своих показаниях свидетель Габронский.

Я сослался, далее, на зачитанные мною вчера частично письменные показания Рademахера фон Унна. Если Папен отказывается войти в какие-либо тайные отношения с австрийским министром, то этим он ясно показывает, что он не занимался той деятельностью, о которой говорит здесь Обвинение, если он не использовал этой весьма удобной и благоприятной возможности для развертывания такого рода деятельности.

Я считаю, что я, таким образом, в достаточной степени осветил тот период времени, в который Папен был чрезвычайным посланником в Вене.

Обвинение, кроме того, касалось участия Папена в совещании в Берхтесгадене от 12 февраля. Созыв совещания в Берхтесгадене не является начальной стадией нового курса. Напротив, это был результат всего предшествовавшего развития. Еще на несколько месяцев до этого Папен и Шушниг во время переговоров рассматривали такую встречу обоих государственных

H1211-0477

денгелей в ближайшем будущем, как мероприятие очень желательное. Ирльский доклад, конечно, оставил открытыми многие спорные вопросы. Показания свидетеля Гвидо Шмидта ясно обрисовали нам положение: по своей численности очень мощная официально неразрешенная, но в силу обстоятельств, молча терпимая оппозиционная партия равнялась в своих мировоззрениях по своему идейному руководителю в Германии. Там вождь этой партии был в то же время и главой государства. С точки зрения внешней политики необходимо было разделение этих партий в обеих странах. Но внутренняя идеологическая общность неминуемо должна была привести к спорам. Поэтому вполне понятно, что австрийское правительство, все время старалось воспрепятствовать укреплению влияния этого движения в области управления и в правительстве. Этим интересам соответствовало на практике рассмотрение тех вопросов, которые возникли после ирльского доклада. Само собой разумеется, представители Австрии старались ограничительно толковать пункты договора. Совершенно естественным являлось и то обстоятельство, что Германия со своей стороны хотела использовать все возможности, предоставляемые ей этим договором. Поэтому непосредственная связь между ответственными руководителями обеих стран, которые в Германии являлись одновременно руководителями партии, могла быть рассмотрена только как разумная необходимость.

Отзив Папена 4 февраля являлся угрозой прекращения этих отношений. Может быть при установлении ожидаемого более резкого курса такая встреча с целью устранения имеющихся трудностей была бы отложена навсегда. По крайней мере, эта встреча позднее происходила бы в более напряженной атмосфере при участии какого-либо радикального преемника и, на-

16412

вернка, принесла бы другие результаты, чем те, на которые надеялись Шушниг и Папен.

Поэтому совершенно понятно то, что Папен во время своего продолжительного посещения Гитлера 5 февраля, когда разговор перешел на эту тему, несмотря на свою отговорку, все же принял задание установить срок предполагаемого совещания и сопровождать австрийскую делегацию в Берхтесгаден на это совещание.

Обвинение инкриминирует Папену то, что уже в то время была составлена программа переговоров. Папен во время своего допроса сказал, что он получил лишь задание договориться о совещании, целью которого было выяснение всех спорных вопросов на базе июльского договора. Свое противоположное утверждение Обвинение не смогло подтвердить доказательствами. Из того, что произошло 12 февраля, зная личность Гитлера, нельзя сделать вывод о том, что он сам думал, когда 5 февраля впервые возникла и подверглась обсуждению идея о подобном совещании и безусловно нельзя предположить, что именно из своих планов он, Гитлер, сообщил Папену.

Представлением дополнительных доказательств установлено, что обсуждаемые Гитлером 12 февраля пункты идентичны тем требованиям, которые были выдвинуты австрийскими национал-социалистами незадолго до совещания и которые их собственными путями были сообщены непосредственно Гитлеру. Отсюда следует, что тема разговора, избранная Гитлером на совещании 12 февраля, не была по крайней мере точно определена 5 февраля. Если австрийские нацисты поспешили со своими требованиями опередить Папена в Берхтесгадене, то это лишь опровергает мнение Обвинения о том, что Папен был в заговоре с Гитлером и с австрийской партией. В таком случае он был бы лучшим "связистом" между партией и самим Гитлером. Это подчеркивается также и в показаниях свидетелей

16413

H1211-0478

H1211-0479

зейсс-Инкварта и Райнера, которые заявили, что они в тот период не имели связи с Папеном. Райнер в свое сообщении указывает на то, что Папен считал, что сам факт договоренности о совещании держался втайне от австрийской партии.

Обвинение расценило не в пользу Папена утверждение о том, что он, якобы, встретив австрийскую делегацию на австрийско-германской границе, обратил внимание Шушнига на присутствие генералов. Предоставление доказательств не подтверждает, что это соответствует действительности. Единственными показаниями, которые это подтверждают, являются показания Шмидта. Шмидт не мог точно сказать, говорил ли Папен об одном генерале, т.е. о Кейтеле, который после назначения на новую должность постоянно находился в ближайшем окружении Гитлера, или он говорил о нескольких генерах. Сам Папен сейчас не помнит, говорил ли он об этом Шушнигу и, если да, то в какой форме. Он также не знает, было ли ему в то время вообще известно о присутствии генералов. Вполне возможно, что он узнал об этом, ночуя в Зальцбурге, где он остановился в другом отеле, отдельно от австрийской делегации. Во всяком случае, нельзя не учитывать того факта, что даже если Папен и сделал такое заявление, как это утверждает Обвинение, это сообщение было им сделано до посещения главной ставки австрийской делегации, т.е. он не участвовал в попытке запугать австрийских делегатов внезапностью.

Его участие в совещании выяснено в ходе предоставления доказательств. Руководил один Гитлер, который грубостью старался произвести впечатление на Шушнига. Эта грубость удивила даже людей, хорошо знавших его. Технические детали обсуждались с Риббентропом. Папен участвовал в совещании главным образом как наблюдатель, что было вполне естественно, поскольку он

уже не занимал никакого официального поста. Он, как это единогласно показали участники совещания, видел свою задачу, сложившуюся в результате стечения обстоятельств, в том, чтобы оказывать успокаивающее влияние. Нужно представить себе его положение: он видит, что его намерения потерпели крах в силу неожиданного для каждого разумного человека поведения Гитлера. Он видит, как человек, от природы вспыльчивый, в своем возбуждении упускает все то, что необходимо для разумного обсуждения вопросов на конференции государственных деятелей. Он слышит угрозы Гитлера и приходит к заключению, что Гитлер решится в случае, если конференция не увенчается успехом, почти по роковому пути.

Ввиду такого напряженного положения достижение определенных уступок /Гитлер уступил в вопросах, касающихся военного министра и экономических требований/ и достижение после долгой борьбы отмены окончательного решения до утверждения австрийского правительства и президента - все это означало благоприятное решение.

И если Папен по этому вопросу был согласен с австрийскими государственными деятелями, которые без сомнения только потому в данных условиях решились на временное подписание соглашения, что требования их государства были правильно оценены, то нельзя выдвигать против Папена обвинение в том, что он с самого начала приветствовал этот результат и еще до совещания намеревался добиться его.

То, как расценивал Гитлер деятельность Папена в Австрии и его участие в совещании в Берхтесгадене, показывает лучше всего тот факт, что после этого он не получал никаких заданий, связанных с официальной деятельностью в Вене. Тому, кто действительно участвовал в достижении результатов берхтесгаденского совещания, Гитлер, очевидно, дал бы задание в последо-

16415

H1211-0480

H1211-0481

вавшей затем решающий период. Его не заменили бы в таком случае другими людьми из Берлина и не отказались бы, находясь в таком затруднительном дипломатическом положении, от сотрудничества такого человека, который, благодаря своей долголетней деятельности, так хорошо знал всю обстановку. Безусловно бы воспользовались его связями с австрийскими государственными деятелями, что помогло бы Гитлеру плести свою паутину. Если встать на точку зрения Обвинения и рассматривать стремления Папена к установлению равновесия на совещании как ложный маневр, то в таком случае Папена наверняка бы оставили на его посту для того, чтобы он продолжал действовать в том же духе и не привлекали бы к разрешению этих вопросов других лиц более радикального направления.

Показательным в этом отношении является запись Папена о его прощальном визите Бундесканцлеру. Человек, который в своих комментариях сообщает в Берлин точку зрения Шушнига, о том, что он в Берхтесгадене действовал под определенным давлением, как обстоятельство, которое "надо учесть", - такой человек не мог быть соучастником в оказании этого давления.

Предоставление доказательств показало, что Папен после этого не занимал какой-либо официальной должности.

Руководство посольством принял новый поверенный в делах, барон фон Штейн, ярко выраженный национал-социалист. Его поддерживал Кепплер - доверенное лицо Гитлера. Папен делает прощальные визиты и отправляется в Китцбюль, где занимается зимним спортом.

Между тем обстановка становится все более и более напряженной. Проведенный Шушнигом плебисцит приводит к такому развитию событий, которое в таких масштабах, может быть, не было предусмотрено даже самим Гитлером. Посещение Зейсс-Инквартом и Райнером Папена 9 марта было случайной встречей,

16416

во время которой не велось никаких переговоров и не было принято никаких решений. Если Папен, как говорит Рейнер, считал, что при такой формулировке вопросов в анкете плебисцита честный австриец не может ответить "нет", т.е. должен последовать за паролем Шушнига, то уже это показывает, что Папен не был согласен с установками австрийских нацистов, а также с установками из Берлина, которые появились позднее.

И если я,наконец, разрешу себе коснуться пребывания Папена в Берлине 11 марта, то я даже и теперь, оглядываясь назад, не могу окончательно выяснить, чем об"яснялось желание Гитлера, чтобы Папен был в Берлине. Причины могли быть различного характера. Если Гитлер, в чем все-таки можно сомневаться, уже в то время решил привести дело к наступившему затем исходу, то причина могла заключаться и в том, что он не верил тому человеку, который находился теперь в Вене и проводил политику умиротворения; может быть, он предполагал, что австрийские правительственные органы обратятся в критический момент к нему и что при содействии Папена можно будут выдвигаться предложения относительно соглашения.

Напоминая при этом о подобном же положении, создавшемся перед началом польской кампании, когда Гитлер боялся, что "в последний момент какая-нибудь свинья предложит свое посредничество". С другой стороны, вполне вероятно и то, что Папен был вызван в Берлин по желанию Гитлера для того, чтобы можно было воспользоваться его советом, как знатока, на тот случай, если австрийское правительство пойдет на уступки.

Рассматривая это обвинение, нет нужды затруднять себя выяснением действительных скрытых причин такого поступка Гитлера. Решающим в конце концов является только то, что делал Папен во время своего пребывания в имперской канцелярии.

16417

H1211-0482

H1211-0483

Прибыв туда, он высказал Гитлеру свое желание отсрочить плебисцит для того, чтобы разрядить атмосферу. Свою точку зрения относительно дальнейших событий Папен выразил в своих высказываниях по поводу военной подготовки, а также и по поводу отмены приказа о вступлении в Австрию. Это подтверждено документально. Последовательное описание событий, имевших место в имперской канцелярии, содержится в стенограммах телефонных переговоров Геринга. Из этих записей в соединении с его показаниями, мы видим, что он, в основном, был движущей силой и частично, несомненно, даже превзошел намерения Гитлера. Он подчеркнул, что он всегда стремился к такому разрешению вопроса и считал, что теперь для принятия решения ему не надо больше размышлений и советов. Наконец, письменные показания Зеер-Тиссо передают ту позицию, на которой Папен стоял в тот вечер. В узком кругу он сообщил, что он не советовал предпринимать вступление войск в Австрию, но Гитлер, несмотря на этот совет, только что "совершил этот безумный поступок, дал приказ о вступлении..."

Кроме того, мы имеем еще ясное высказывание Папена по этому вопросу в разговоре со свидетелем Гвидо Шмидт, происходившем несколько лет спустя.

В то время присоединение Австрии давно уже было совершившимся историческим фактом и рассматривалось большинством немцев как большой политический успех. Папен, напротив, резко осуждал примененный Гитлером метод и вновь признавал себя сторонником принципа законности и выполнения договорных обязательств, который в данном случае, был нарушен, что нанесло ущерб самой же Германии.

16418

Итак, я перехожу к выводу, что, независимо от правового вопроса о том, можно ли вообще говорить о присоединении Австрии в пределах обвинения, установленных Уставом, защитой Папена приведены доказательства, которые показывают, что Папен не был инициатором вступления в Австрию и не проводил политики, преследующей эту цель и что его деятельность в Австрии была направлена лишь к достижению целей, которые были поставлены перед ним 26 июля 1934 года, при его назначении; цели эти были таковы: проводить политику, которая бы способствовала установлению мирных отношений между обеими странами, т.е. это была легальная цель, которая не имеет ни малейшего отношения к какой-либо особой или же общей агрессивной политике.

Сейчас, отклоняясь от письменного текста моей речи, хотел бы указать также на следующее. Принятая им на себя задача нисколько не противоречит тому, что Папен, как и подавляющее большинство немцев и австрийцев, уже с 1918 г. ожидал, что в конце-концов нормальное развитие событий приведет к об"единению обоих народов в едином государственно-правовом союзе. Было совершенно ясно, что для этого придется преодолеть некоторые трудности, об"ясняющиеся существующими условиями мирных договоров. Но разве Папен не мог вполне искренно считать, что стороны, подписавшие эти договоры, не смогут отказать обоим народам в удовлетворении их желания, желания, которое подкреплялось политической и экономической невозможностью поддержания и сохранения прежнего положения. Разве в то время не следовало реализовать право народов на самоопределение - великий принцип 20 века. Многие голоса, раздававшиеся в то время за границей, его разговор с послом Невиллем Гендерсоном, который упомянут в отчете Папена 1 июня 1937 года (документ защиты

16419

H1211-0484

№ 74), отношение соседних государств, также отраженное в этом отчете, и, наконец, достижение соглашения по вопросу о репарациях, - все это позволяло ему надеяться на то, что разрешение этого вопроса может быть найдено с помощью международного соглашения. Первым условием для этого была инициатива со стороны суверенного и независимого австрийского правительства. Необходимой предпосылкой для этого было действительно дружественное отношение к Германии. Поэтому задача Папена могла послужить основой для осуществления национального желания, которое открыто выражалось в обоих государствах.

Я снова обращаюсь к тексту моей речи.

Последующий период времени не рассматривался Обвинением. Но защита для приведения доказательств, опровергающих обвинение, должна коснуться этого периода. На основании фактов, имевших место в этот период, легко доказать, что утверждения Обвинения, относящиеся к более ранним периодам, являются неверными.

Обвинение рассматривает в деле Папена только период его деятельности в Вене и предшествующие периоды, но не об"ясняет, чем была вызвана пассивность Папена в последующие периоды. Нет причин, нет событий, которые могли бы об"яснить такую перемену в этом, так называемом, заговорщике. Мы переходим теперь к периоду непосредственной подготовки к войне и началу войны.

Бывший заговорщик Папен по предположению Обвинения в этот период, несмотря на несомненные возможности, все же покинул свое прежнее поприще. Эту перемену Обвинение должно было бы как-то раз"яснить, иначе истолкование всех более

16420

H1211-0485

ранних действий, с точки зрения преступных целей, должно считаться непоследовательным.

После присоединения Австрии Папен уехал в свое имение, где он провел вдали от общественной жизни более года, до апреля 1939 года.

Этот факт является важным, если учесть создавшееся тогда положение. 4 февраля 1938 года без сомнения привело к более резкому курсу во внешней политике Германии.

По мнению Обвинения Папен был послушным орудием Гитлера во время подготовительных мероприятий к проведению этой политики. Если бы это действительно было так, то после достижения поставленной цели Папена следовало бы рассматривать как дипломата, добившегося стопроцентного успеха. Однако этот увенчанный успехом дипломат и заговорщик не получает назначения куда-либо, где бы он мог продолжать эту деятельность, например, в Судетскую область, где также было необходимо провести соответствующую подготовку. Его не посылают туда, где сосредотачиваются основные нити европейской политики, его не посылают в Париж, в Лондон или в Москву, где он, ввиду его международного признания, несомненно оказался бы самым подходящим человеком для осуществления гитлеровской политики. Этот человек удаляется из общественной жизни в такое время, когда внешняя политика Гитлера, судетский кризис, присоединение Чехословакии и подготовка войны с Польшей, создали крайне напряженную политическую атмосферу. И если в то время Гитлер не учел его заслуг, то из одного этого ясно следует, что Папен не был заговорщиком, более того, не был приспешником Гитлера и не был человеком, способствовавшим первым успехам гитлеровской политики, т.е. присоединению Австрии.

16421

H1211-0486

H1211-0487

И в этом смысле характерно, что Папена призывали на помощь только при такой ситуации, когда не нужно было оккупировать какую-нибудь страну или вести подготовительную работу к подобным действиям. Папена привлекли тогда, когда политика экспансии итальянского союзника вызвала затруднения в Албании и когда опасались осложнений в отношениях с Турцией. Таким образом, Папену явно поручали задачу по сохранению мира.

Хотя Обвинение не может использовать для укрепления своих позиций деятельность Папена в Анкаре, оно все же не отказывается от того, чтобы факт назначения Папена на этот пост истолковать в неблагоприятном для него смысле. Поэтому надо остановиться на этом пункте.

Папен принял это назначение после больших колебаний. В более спокойные времена он всякий уклонялся от этого поста по соображениям общего порядка, потому что он вообще не хотел занимать официальной должности. Теперь имелись причины, из-за которых он более не мог оставаться в стороне. Перед ним была задача, за выполнение которой считал необходимым приняться.

Начиная с марта 1939 года, общее политическое положение было чрезвычайно напряженным. С любой стороны могла упасть искра, которая воспламенила бы пороховую бочку. Конфликт Италии с Турцией мог вызвать, в порядке выполнения существующих договоров, всеобщую войну. Папен думал, что если он своей работой сможет помешать возникновению войны, то это внутренне оправдывает принятие им на себя этой задачи. Он стоял перед проблемой, перед которой встает всякий, кому приходится сотрудничать с системой, с которой он внутренне не

H1211-0486

согласен. Самый легкий путь - это оставаться совершенно пассивным и стоять в стороне, в особенности, если никакие другие причины не побуждают человека принять определенный пост. Более трудный путь - это при несогласии с общей политикой взять на себя такую задачу, которая дает возможность стремиться к достижению определенной цели. Если, кроме того, эта задача имеет такое значение, что от ее решения зависит предотвращение войны, то согласие взять на себя подобное задание может быть об"яснено и оправдано. Если хоть в самой отдаленной степени существует возможность достижения подобной цели, то все личные интересы должны отступить на второй план.

Подводя итог тому, что Папен в действительности сделал во исполнение своего задания в Анкаре, учитывая, что благодаря его вмешательству весной 1939 г. немцам удалось смирить итальянцев и избежать опасности возникновения военного конфликта, приняв во внимание, что позднее Папен сумел успешно предотвратить распространение войны на Турцию и другие юго-восточные страны, можно сказать, что принятие этого задания, вопреки личной склонности, было правильным решением.

Во время представления доказательств мы видели, как Папен с самого начала, уже в 1939 году, прилагал огромные усилия для достижения мира любой ценой. Уже только поэтому мы должны одобрить факт принятия Папеном на себя этого задания, независимо от того, каков конечный результат имели его старания. Достаточно, что имелась минимальная надежда на успех в достижении поставленной им перед собой цели.

Наконец, принятие подобного поручения было бы морально оправдано даже тогда, если ему суждено было достигнуть успеха

16423

H1211-0488

хотя бы в одном таком вопросе, как, например, спасение 10.000 евреев от депортации в Польшу, что подтверждено аффидевитом Марчионини.

В этой связи я хотел бы остановиться на том недоразумении, которое могло возникнуть в результате допроса относительно этого аффидевита.

Марчионини указывает в своих письменных показаниях, что вмешательство Папена спасло этим евреям жизнь. Папен, на ххххххх заданный вопрос подтвердил правильность этого аффидевита. Это утверждение действительно соответствует фактам. Однако из этого не следует, что значение этой операции, как оно известно Марчионини, теперь и в связи с чем он упоминает об этом в своем аффидевите, было уже тогда известно. Само собой разумеется, Папен знал, что депортация евреев в Польшу с неизвестным назначением и неизвестной целью, представляет собой что-то очень тяжкое, поэтому он и вмешался в это дело. Но только теперь он, так же, как и Марчионини, совершенно ясно представил себе и понял, что путь этих людей вел не на принудительные работы, а прямо в газовые камеры.

Я хотел бы еще сослаться на документ 105. Это - ответы на опросный лист последнего апостольского нунция в Париже Роннкалли, который на основании личный сведений подробно освещает позицию и поведение Папена в церковном вопросе.

О деятельности Папена в Анкаре подробно говорили свидетели Кролль и барон фон Лерснер. Эта деятельность свидетельствует о том, что Папен придерживался мирной политики, которая независимо от военного и политического положения даже в период наибольших побед Германии была направлена на достижение мира любой ценой. Согласно показаний Розе и Кролля, воз-

16424

H1211-0489

никновение войны с Польшей потрясло Папена, и он с самого начала отнесся к ней резко отрицательно.

Как же можно согласовать такую позицию Папена и его деятельность с утверждениями Обвинения? Обвинение считает, что Папен, состоя в заговоре с Гитлером, способствовал возникновению войны. Обвинение считает возможным сделать вывод о преступности Папена на основании его действий, которые имели место за несколько лет до начала войны. Не приводится ни одного факта, который бы подтверждал, что заговорщик Папен содействовал возникновению войны. Обвинение строится на шаткой почве своеобразного толкования. Обвинители не проверили вопроса о том, можно ли согласовать пред"явление Папену обвинения со всей личностью подсудимого. Пред"являя подобное обвинение, нельзя удовлетвориться таким решением проблемы, как утверждение о двойственности характера и оппортунистической установке. Обвинение охватывает преступления колоссального масштаба. Такое обвинение должно основываться на личности преступника. Участие в таком заговоре мыслимо только при условии, что Папен полностью воспринял все доктрины в их крайней форме, которые рассматривались здесь и которые квалифицированы как "нацизм". Заговорщиком в духе обвинения может быть только человек, который полностью отдался этой цели. Это должен быть человек, который растерял последние остатки морали. Появление подобной личности не бывает мимолетным явлением. Готовность к таким преступлениям должна быть заложена в самой личности преступника.

В противоположность тому искаженному портрету Папена, который нарисовало Обвинение, его личность со всей четкостью представилась нам совершенно иначе в этом процессе. Перед нами человек, который по своему происхождению и воспитанию верен

16425

H1211-0490

традициям и консервативному образу мышления, человек с чувством национального самосознания, для которого именно в силу этого уважение к другим является само собою разумеющимся.

Его личное отношение к соседним западным странам, его знание мира, с самого начала исключают возможность рассматривать все вещи односторонне, под углом зрения собственных национальных интересов. Он знает, что жизнь требует от людей способности к взаимопониманию. Он знает, что международная жизнь также строится на честности и доверии друг к другу и что данное слово надо соблюдать.

Перед нами человек, который по своей глубокой религиозности, всегда являвшейся основой всех его действий, неизбежно должен находиться в противоречии с доктринами национал-социализма. Мы проследили его политическую карьеру и видели, что он твердо держался политической линии, основанной на этих элементах во все времена своей деятельности.

Ввиду принципиальности своего поведения он вполне сознательно не уклонился от поставленных перед ним задач. Если теперь, в конце концов, мы видим провал его надежд и устремлений, то это не может являться пробным камнем для чистоты его убеждения.

Вообще предъявить такому человеку обвинение в совершении преступлений в том смысле, как они изложены в Уставе, возможно было лишь потому, что обвинение в заговоре значительно облегчает правовую задачу Обвинителей. Совокупность обстоятельств по делу Папена делает несостоятельной даже и такую конструкцию обвинения.

Обвинение не смогло доказать, что Папен когда-нибудь имел какое-либо отношение к предполагаемому заговору. Этому

16426

H1211-0491

противоречит действительность. В порядке представления доказательств со стороны защиты установлены факты, которые не допускают связи его личности даже с мыслью о тех преступлениях, которые изложены в Обвинительном заключении.

Вывод ясен. Франц Папен не виновен в предъявленном ему обвинении!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сейчас удобное время для перерыва.

(Перерыв на 10 минут).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я предоставляю слово доктору Флекснеру - защитнику подсудимого Шпеера.

ФЛЕКСНЕР. Господин председатель, господа судьи!

Обвинение инкриминировало подсудимому Шпееру преступления по всем четырем разделам Обвинительного заключения, которые в основном соответствуют положениям пунктов а) - в) статьи 6-й.

Французское обвинение, которое детализировало отдельные обвинения, выдвинутые против подсудимого Шпеера, отказывается от инкриминирования подсудимому Шпееру преступления, предусмотренного пунктом а) статьи 6-й Устава и требует применения против Шпеера только пунктов б) и в) этой статьи. Так как, однако, во время судебных заседаний юридическое понятие заговора неоднократно упоминалось именно в связи с подсудимым Шпеером и было выдвинуто утверждение, что подсудимый Шпеер также виновен в преступлении, предусмотренном пунктом а) статьи 6-й Устава, необходимо детально рассмотреть этот вопрос.

Подсудимому, таким образом, инкриминируется планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны или войны, в ходе которой нарушались международные договоры, причем это утверждают, хотя в то время, когда подсудимый занял пост руко-

16427

H1211-0492

водителя министерства вооружения, которое лишь через 1,5 года было реорганизовано в министерство вооружения и военного производства, германская империя находилась уже в состоянии войны со всеми государствами, перед которыми она капитулировала в мае 1945 года. Следовательно, в то время, когда подсудимый занял свой пост в правительстве, обстоятельства, упомянутые в статье 6а), имелись уже налицо, и деятельность подсудимого Шпеера не внесла ни малейшего изменения в фактически существовавшее положение.

Подсудимый ничем не способствовал созданию этого положения.

Его деятельность до этого представляла собой деятельность архитектора, который исключительно занимался мирным строительством и своей деятельностью не способствовал ни подготовке, ни развязыванию войны, нарушавшей международные договоры. Я ссылаюсь на мою книгу документов, стр.29, документ 1435-ПС.

Если бы при оценке действий, которые статьи 6а) Устава с точки зрения материального права квалифицирует как преступление, руководствовались общими действующими нормами международного права, и индивидуальная ответственность лиц, совершавших эти действия, была бы признана с точки зрения общего международного права, то и тогда, как я полагаю, на подсудимого нельзя было бы возложить ответственность за эти действия, так как процесс не дал никаких доказательств того, что Шпеер в какой-либо степени способствовал их осуществлению.

При этом следует учесть, что для признания какого-либо действия преступным, необходимо, чтобы совершившее его лицо чем либо способствовало деятельности, признанной преступной, т.е. необходимо установить то, что послужило причиной для

16428

H1211-0493

H1211-0494

достижения преступного результата. Если, однако, как в данном случае, подсудимый Шпеер вошел в состав правительства, не способствуя чем либо так называемым преступлениям против мира, нельзя возлагать на него уголовную ответственность за них, даже если другие члены правительства должны нести такую ответственность.

Обвинение утверждало, что, войдя в состав правительства, подсудимый тем самым одобрил или выразил свое согласие с совершенными до этого преступлениями против мира. Такое понятие, заимствованное из гражданского права, не может быть применено в уголовном праве. Уголовное право охватывает только те преступления, которые состоят из действий, направленных на достижение результата, признаваемого преступным. В это не вносит никакого изменения введение юридического понятия заговора. В этом отношении можно сослаться на подобные высказывания г-на д-ра Штамера о заговоре. Изложенные им правовые соображения являются также предметом этой речи. Чтобы избежать повторений, я буду ссылаться на них так же, как на высказывания г-на проф. Яррайса. Таким образом, надо считать установленным, что подсудимому Шпееру не может быть инкриминировано так называемое преступление против мира.

Прямой допрос подсудимого и перекрестный допрос относительно его деятельности в партии показали, что Шпеер, в связи со своей специальностью архитектора, выполнял также и в партийном аппарате только архитектурно-художественные функции. Шпеер был уполномоченным по строительству в штабе Гесса; речь шла при этом о чисто технической задаче, которая не имела ни малейшего отношения к какой-либо подготовке к войне. Партия, которая стремилась охватить и подчинить своему влиянию

16429

все жизненные функции народа, учредив должность уполномоченного по строительству, создала инстанцию, которая должна была осуществлять единое руководство планированием и строительством зданий для партийных учреждений. Гауляйтеры и другие должностные лица партии должны были обращаться к этой инстанции за советом в тех случаях, когда они планировали строительство. Однако они делали это очень редко. Естественно, эта задача носила чисто архитектурный характер, т.е. когда партия выступала в качестве учреждения, финансировавшего строительство. Она стремилась придать своим зданиям единый представительный характер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вам следовало-бы, когда это вам будет удобно, доктор Флекснер, ~~Трибунал считает, что~~ рассмотреть вопрос о значении слов "ведение агрессивной войны" в статье 6-й а Устава. Я не хочу прерывать Вашу речь и просить Вас сейчас сделать это в данный момент, но Трибунал хотел бы, чтобы Вы в удобное для Вас время изложили нам свое толкование слов "ведение агрессивной войны" в статье 6а Устава.

ФЛЕКСНЕР. Хорошо, господин председатель. Может быть Вы мне разрешите вернуться к этому пункту после того, как я закончу этот раздел своей речи.

Естественно, что это была чисто художественная работа, причем хозяином этого строительства являлась партия, которая стремилась ~~имитм~~ придать своим постройкам единообразный характер.

Ввиду особенностей творчества архитектора, понятно, что каждый архитектор при решении поставленной перед ним задачи осуществляет свои собственные замыслы.

16430

H1211-0495

H1211-0496

Деятельность подсудимого в качестве уполномоченного по строительству была сравнительно ограничена и имела подчиненный характер, так как в его распоряжении не было даже собственного аппарата.

Делать на основании этой деятельности вывод о соучастии подсудимого в каком-либо преступлении против мира было бы неправильно. То же относится к остальным функциям подсудимого перед войной и во время ее до того, как он занял пост министра. Если подсудимому было поручено перепланировать города Берлин и Нюрнберг, то эта задача не имела ничего общего с преступлениями против мира, наоборот, его деятельность можно скорее рассматривать как известное препятствие в подготовке к войне, так как его задача требовала использования большого количества сырья и материалов, которые в противном случае непосредственно или косвенно могли послужить целям вооружения.

Кроме того, поручаемые Шпееру строительные задачи были рассчитаны и запланированы на длительный срок. Они могли произвести на Шпеера только такое впечатление, что Гитлер рассчитывает на долгий период мира. Таким образом, нельзя говорить о том, что подсудимый перед своим назначением на должность имперского министра косвенно или непосредственно участвовал в осуществлении

действий, которые, согласно статьи 6-а Устава, рассматриваются как преступления против мира.

Тот факт, что подсудимый с 1941 г. был депутатом рейхстага, также не может служить доказательством предъявленных ему обвинений, поскольку, как подчеркнуло само Обвинение, при тоталитарном режиме рейхстаг потерял всякое значение и стал учреждением, которое только выслушивало и формально утверждало решения фюрера.

В этом отношении его также нельзя считать виновным в развязывании войны, так как нельзя установить фактов какого-либо участия рейхстага в развертывании войны против Советского Союза и США.

Поэтому Обвинение от Франции с полным правом исключило преступления, предусмотренные статьей 6-а Устава, из инкриминируемого обвинения, предъявленного подсудимому Шпееру.

Обвинение далее инкриминирует подсудимому Шпееру участие в военных преступлениях, которые были совершены в период, когда он находился на посту министра, и выразились в том, что рабочие из оккупированных областей против их воли направлялись в Германию и использовались в целях ведения войны или изготовления военных материалов.

(см.сл.страницу)

16432

H1211-0497

H1211-0498

По этому поводу необходимо сказать следующее:

Обвинение вменяет подсудимому в вину нарушение статьи 52 Гаагских правил ведения сухопутной войны, согласно которой можно использовать труд государственных подданных оккупированной области лишь постольку, поскольку это необходимо для потребностей оккупационной армии; кроме того, этот труд должен находиться в соответствии с ресурсами страны и не должен включать в себя обязательство принимать участие в военных операциях против их родины. Гаагская конвенция о правилах ведения сухопутной войны предусматривает в статье 2, что все государства, участвующие в какой-либо войне, должны присоединиться к ней /так называемое условие о всеобщем участии/. К условиям, созданным в результате войны с Советским Союзом, конвенция о правилах ведения сухопутной войны, к которой Советский Союз не присоединился, могла быть применена только в том случае, если бы установленные ею правовые принципы рассматривались как общие нормы действующего международного права. Следовательно, во-первых, надо исходить из того, что должна быть применена различная правовая оценка для тех областей, которые принадлежат к государствам, являвшимся участниками гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны, и для областей, принадлежащих государствам, которых нельзя рассматривать как участников этой конвенции.

При рассмотрении вопроса необходимо исходить из того, можно ли считать допустимым вывоз рабочей силы из областей, которые были оккупированы во время войны противником, исходя из статьи 52 гаагских правил. Статья 52 представляет собой ограничение статьи 46 гаагских правил, в которой изложен принцип, предусматривающий, что население оккупированных об-

ластей и его собственность, как правило, не должны нести ущерба от войны, поскольку это позволяет военная необходимость. Исходя из этого принципа, необходимо проверить, запрещается ли на основании этого угон населения для использования его труда в хозяйстве страны, ведущей войну, на работах, необходимых для ведения войны. При этом необходимо учесть, что имеет значение тот факт, если угон населения осуществляется ведущим войну государством, оккупировавшим страну, в соответствии с соглашениями, заключенными с правительством оккупированной страны. Обвинение придерживается той точки зрения, что такие соглашения не имеют законной силы, так как они были заключены под давлением оккупации и потому, что правительство, существовавшее в период оккупации во Франции, нельзя рассматривать, как представительный орган французского народа.

Первое положение не может служить основанием для позиции Обвинения. Содержание международных договоров всегда подвергается влиянию в зависимости от соотношения сил договаривающихся сторон. В содержании любого мирного договора, заключенного между государством, одержавшим победу, и побежденным государством, проявляется это соотношение сил. Несмотря на это, это не лишает договор его законной силы.

Второе положение, на основании которого Обвинение отвергает ссылку на соглашения, заключенные между германским и французским правительством в тот период относительно предоставления в распоряжение первого рабочей силы, также несостоятельно. Существовавшее в тот период так называемое правительство Виши было единственным правительством, которое

16434

H1211-0499

имелось на территории французского государства; оно было законным преемником правительства, находившегося у власти перед оккупацией, и ~~имя~~ международное признание его выразилось в том, что государства, не находившиеся еще тогда в состоянии войны, поддерживали с ним дипломатические отношения.

Также нет оснований считать, что выраженное в этом соглашении желание французского правительства сотрудничать с германской империей, одерживавшей тогда победы в войне, противоречило действительным стремлениям французского народа. В этой связи я могу сослаться на документ P-124 на странице 34-й моей книги документов; в особенности надо учитывать то экономическое положение, в котором находилась тогда оккупированная Франция. После выхода Франции из войны вся французская метрополия была включена в тотальную блокаду. Из этого вытекало, что те виды сырья, которые не производились в самой Франции, больше не поступали, и производство было прекращено. Таким образом значительная часть производственных мощностей Франции была просто обречена на бездействие вследствие тотальной блокады, и в результате этого многие рабочие лишились хлеба. Далее, французское правительство не согласилось безоговорочно на поставку рабочей силы в Германию, а поставило это в зависимость от удовлетворения своих требований, как, например, освобождение военнопленных и т.д.

Вопрос о том, в какой степени были фактически осуществлены надежды, которые французское правительство возлагало на заключение этих соглашений, и были ли они осуществлены вообще, не имеет значения для решения вопроса о том, были ли эти соглашения, имевшие характер договоров, подлинными договорными соглашениями или нет. Договорный характер этих соглашений

16435

H1211-0500

H1211-0501

с правовой точки зрения не подлежит сомнению. Исходя из этого, нельзя утверждать, как это делало Обвинение, что вербовка рабочих из оккупированных областей Франции производилась против их воли и тем самым незаконно. Соглашения, заключенные между германским и французским правительствами, не могут применяться при оценке правового положения рабочих из Бельгии и Голландии, так как правительства этих стран покинули свои страны и вследствие этого там не было соответствующей политической инстанции; в частности, оставшихся там генеральных секретарей правительства нельзя было рассматривать как представителей правительства, и распоряжения, на основании которых производилась отправка рабочих в Германию, давались по указанию рейхскомиссаров или командующих оккупационными войсками.

О том, что для этих стран и для вербовавшихся в них рабочих должны были существовать особые правила, подробно говорил господин доктор Штейнбауэр в своей речи о деятельности подсудимого Зейсс-Инкварта в Голландии. Для того, чтобы избежать повторений, я ограничусь ссылкой на это место его речи.

Что касается восточных стран, то здесь необходимо исходить из того, что Советский Союз не был участником Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны. Поэтому необходимо рассмотреть вопрос о том, можно ли считать изложенный в статье 46 Гаагских правил принцип об обращении с гражданскими лицами во время войны и в случае оккупации территории одной из воюющих стран противником общезначимой нормой международного права, которая сохраняет свое действие и тогда,

H1211-0502

когда соответствующее государство, ведущее войну, не сделало иного заявления о своем присоединении к Гаагской конвенции. Рассмотрение этого вопроса покажет, что депортацию рабочих из оккупированных областей следует рассматривать как незаконное действие, за исключением тех случаев, когда имеется особое обстоятельство, придающее ей законную силу.

Таким обстоятельством можно считать вынужденное положение в международно-правовом понимании этого термина. Правда, в международном праве много ведется споров о том, в какой степени такое вынужденное положение может придать законную силу такому действию, противозаконному по своему характеру, и может ли оно это сделать вообще. Однако, надо признать возможность такого вынужденного положения в том случае, когда государство борется за самое свое существование.

После того, как союзники поставили себе целью добиться безоговорочной капитуляции Германии, для германского государства создалось такое вынужденное положение, так как не оставалось никаких сомнений в том, что противник намеревается разрушить германское государство в самой его основе.

Однако можно считать, что это вынужденное положение существовало в еще более ранний период, после того как стало ясно, что война не является более войной в духе Гаагских правил, то-есть конфликтом между двумя государствами, а превратилась в войну, которая была направлена не только против вооруженных сил воюющей стороны, но и в первую очередь против экономических ресурсов воюющих народов и тем самым также против так называемого военного потенциала. Гаагские правила исходят из представления о войне, которое устарело

16437

H1211-0503

уже ко времени первой мировой войны и в еще большей степени ко времени второй мировой войны. Если уже в период первой мировой войны воюющие стороны стремились нанести ущерб экономическому потенциалу путем блокады и контрблокады, то в гораздо большей степени они к этому стремились в период второй мировой войны, когда к действию блокады, носившему скорее косвенный характер, присоединилось прямое уничтожение противника путем разрушения его промышленных предприятий посредством воздушной войны. В понятии войны, которое было положено в основу Гаагских правил, произошел коренной перелом. Исходя из соображения о том, что страна только тогда в состоянии оказать военное сопротивление технически хорошо вооруженному противнику, когда она сама обладает неприкосновенным экономическим потенциалом, целью этой войны прежде всего являлось уничтожение производительных сил противника. Эту цель преследовала английская блокада не только Германии, но и всех стран, находившихся в сфере германского влияния.

По всем связанным с этим вопросам уже высказался господин доктор Кранцбюллер. В связи с этим я ссылаюсь на его речь.

Под этим углом зрения велась также и воздушная война, в первую очередь не только для того, чтобы охватить области, входящие в состав государственной территории Германии, но и для того, чтобы разрушить производственные мощности и производительные силы в других районах. Воздушная война в виде непрерывных воздушных налетов была направлена против промышленных об"ектов во Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Польши и Австрии, а также имела целью парализацию и прекра-

16.438

жение движения по всей транспортной сети не только на линии фронта и непосредственно за ней, но и в сотнях километров от нее, чтобы парализовать жизненные функции противника. Воздушные налеты союзников на Японию особенно ярко показывают это. Эта война вышла за пределы Гаагских правил. В ней не делается больше различия между государственной территорией противника и оккупированными областями, которые в одинаковой степени были охвачены блокадой противника. В этой войне, которая поставила своей целью уничтожить не только государство, но и экономический потенциал противника, можно говорить о подлинном вынужденном положении.

Когда подсудимый Шпеер был назначен министром, экономическая война в той форме, как она была описана выше, велась обоими сторонами в полном об"еме. Перед министерством Шпеера как раз и стояла задача разрешения проблем, вытекающих из этого для промышленности. Таким образом Шпеер оказался в центре этой экономической войны. Поэтому необходимо рассмотреть, в какой степени мероприятия, проведенные германской стороной, могли ликвидировать это вынужденное положение, если они вообще могли это сделать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Доктор Флекснер, я хочу задать Вам следующий вопрос: имели ли место какие-либо переговоры между государствами, проводившиеся через Лигу Наций или другим путем после войны 1914-1918 г.г., из которых можно было бы заключить, что Гаагские правила ведения сухопутной войны более не применимы. Может быть, Вы обдумаете этот вопрос и ответите нам тогда, когда сочтете наиболее удобным.

ФЛЕКСНЕР: Господин председатель, я могу уже в настоящий

16439

H1211-0504

H1211-0505

момент отрицательно ответить на этот вопрос. В период, проведший между двумя мировыми войнами, этими проблемами занимались очень мало. Насколько я знаю, обсуждались однажды вопросы, относящиеся к области морской войны, а также к ведению сухопутной войны, в отношении обращения с военнопленными. Сами Гаагские правила ведения сухопутной войны вообще не подверглись каким-либо изменениям или дополнениям, если не считать отдельных соглашений, касающихся некоторых специальных видов войны. В качестве такого дополнения я могу указать на то, что некоторые методы ведения войны были за это время запрещены путем таких договоров. Однако в принципе, и из этого я исхожу - в принципе, положенном в основу Гаагских правил, не произошло никаких изменений в результате соглашений, заключенных за этот период.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Таким образом, насколько я Вас понял, Вы утверждаете, что после войны 1914-18 г.г. между государствами не происходило никаких переговоров, из которых бы вытекало, что Гаагские правила ведения сухопутной войны более неприменимы.

ФЛЕКСНЕР: Да, совершенно верно.

Далее необходимо рассмотреть, в какой степени мероприятия, проведенные германской стороной, могли ликвидировать это вынужденное положение, если они вообще могли это сделать.

В ходе процесса Обвинение неоднократно утверждало, что ввезенные рабочие были предназначены для того, чтобы высвободить солдат для фронта. Несомненно, это было одним из тех соображений, которые послужили поводом к вербовке иностранной рабочей силы. Безусловно, однако, что оно не было единственным и даже не самым решающим из поводов. Является бес-

16440

спорным фактом, что проведенная противником полная блокада Германской Империи во все большей степени вынуждала к тому, чтобы строить заводы для производства заменителей материалов, необходимых для ведения войны в той форме технической войны, которую она уже приняла. Фактом является также и то, что вызванные воздушной войной нарушения экономической жизни вынуждали к усиленному использованию рабочей силы. В качестве примера здесь можно, в частности, упомянуть, какое огромное количество рабочей силы требовалось для устранения ущерба, причиняемого воздушными налетами. В этих условиях можно говорить о вынужденном положении в его чистом виде, так как без сооружения новых производственных мощностей ведение войны с целью самосохранения не было бы возможным.

Если на это возразить, что нельзя говорить о вынужденном положении, оправдывающем действия вопреки международному праву, вследствие того, что война была начата, как агрессивная война, и поэтому с самого начала была противозаконной, то на это можно ответить в той мере, в какой это касается подсудимого Шпеера, хотя бы то, что он верил в такое вынужденное положение и мог в него верить. Пред"явленные доказательства показали, что скрытые причины возникновения войны, поскольку они были здесь названы Обвинением, в большей своей части не были известны подсудимым, во всяком случае подсудимому Шпееру.

Поскольку отправка иностранных рабочих в империю была мероприятием, которое об"ективно нарушало нормы международного права, необходимо рассмотреть, в какой степени участие в нем можно инкриминировать подсудимому Шпееру. Подсудимый

16441

H1211-0506

H1211-0507

Шпеер во время своего допроса перед началом процесса 18 октября 1945 года признал, что ему было известно, что, по крайней мере, с сентября 1942 года иностранные рабочие не направлялись более добровольно в империю. Он был согласен с этим, потому что не было никакой возможности удовлетворить потребность в рабочей силе иным путем. Из этого заявления можно сделать вывод, что подсудимый был убежден в необходимости этого мероприятия в связи с вынужденным положением; таким образом, субъективно, в качестве довода в его защиту можно сказать, что он верил в наличие такого вынужденного положения, исключавшего незаконность таких действий. В первую очередь, однако, необходимо рассмотреть, в какой степени подсудимый Шпеер действительно содействовал вывозу рабочих в Германию. При этом надо исходить из того, что подсудимый Шпеер выполнял чисто техническую задачу, о чем он достаточно подробно говорил во время своего допроса, на который я ссылаюсь. Для выполнения своей задачи он подавал заявки на рабочую силу и, о том, как эти заявки выполнялись, показали свидетели Кибер и Шмельтер. В заявках указывалась общая цифра необходимой рабочей силы, предоставление которой входило в обязанность подсудимого Заукеля. Эти заявки подавались на рабочую силу вообще, и задачей подсудимого Заукеля было, по возможности и по своему личному усмотрению, удовлетворять их. Для этого в его распоряжении имелась возможность вылавливания местной рабочей силы, а также вербовки иностранной рабочей силы. О том, что подсудимому Шпееру для выполнения задач, поставленных перед ним государственным руководством, в первую очередь, было важно получить рабочую силу из Германии, показали свидетели Кибер, Керль и Шмельтер

/книга документов № 2, стр. 109, стр. 115, 117, 118 и 129/ во время их допроса. Показания свидетеля Заура /книга документов 2, стр. 146/ свидетельствуют о том, что удовлетворение потребностей Шпеера в рабочей силе для выполнения им задач по увеличению об"ема военной продукции, хотя и имело большое значение, но тем не менее не являлось решающим, причем количество рабочих, занятых в военной промышленности /по выпуску готовой продукции/, за период деятельности подсудимого на посту министра военной промышленности повысилась с 4 до 4,9 миллионов человек, в то время, как производство предметов вооружения возросло в 5 1/2 раз, а в некоторых областях - в 7 раз. Следовательно, необходимо исходить из того, что относимое за счет подсудимого Шпеера увеличение производства вооружения было достигнуто, в первую очередь, не путем увеличения количества рабочих, а путем организационно-технических мер. Из этого опять-таки вытекает, что потребность в рабочей силе была хотя и важной, но не решающей проблемой для подсудимого Шпеера при выполнении порученных ему задач. Подсудимый показал, что он требовал от Заукеля рабочих, однако, он одновременно подчеркнул, что в первую очередь ему нужны были немецкие рабочие. Увеличение количества рабочих в экономическом секторе, который контролировал подсудимый, по его мнению, можно было достичь в основном без привлечения такого большого количества иностранных рабочих, как это имело место. Мероприятия подсудимого, целью которых было помешать переброске рабочих с запада в империю, были обстоятельно освещены при пред"явлении доказательств. При проведении этих мероприятий, а именно при перебазировании производ-

16443

H1211-0508

ства изделий широкого потребления и дефицитных деталей вооружения, как, например, кованых деталей, железнодорожных материалов и т.д. в западные страны и создания там предприятий закрытого типа, Шпеер руководствовался тем, что он знал, что благодаря этому прекратится вывоз рабочих из Франции, а также Голландии и Бельгии. Результатом переговоров, которые он вел с французским министром Бишелоном, как показал подсудимый во время своего допроса, практически явилось прекращение отправки рабочих в Германию. Последствия этого подробно описал генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы на заседании управления по центральному планированию I марта 1944 года /сравни стр. 32 книги документов Шпеера/.

Несмотря на сопротивление, которое оказывалось этой политике /сравнить с письмом Заукеля Гитлеру от I7 марта 1944 года, док. № 3819-ПС/, Шпеер продолжал стремиться к своей цели. Протокол заседания у Гитлера от 4/X-1944 года, предъявленный Обвинением под № 556-ПС, содержит решение о том, что предприятия закрытого типа, которые Заукель предлагал закрыть попрежнему не входят в число тех, на которых Заукель имеет право вербовать рабочих. Шпеер хотел использовать французских рабочих во Франции для того, чтобы перенести производство предметов потребления и другой продукции, не имеющей военного значения, в оккупированные западные области, а освободившуюся в результате консервирования некоторых немецких предприятий немецкую рабочую силу использовать для работы на военных предприятиях. /Док. Р-I24, страница 33/34, книга документов Шпеера/. Таким образом Шпеер мог добиться повышения производительности, так как немецких рабочих было гораздо

16444

H1211-0509

H1211-0510

легче обучить новой профессии, ибо отпадали языковые трудности и кроме того отпадала проблема питания /см. напр. показания Керля, стр. 110, книга док. Шпеера/.

Результатом этой политики являлось то, что рабочие на западных областей использовались преимущественно на производстве предметов гражданского потребления, а не на производстве вооружений.

По вопросу об использовании иностранных рабочих на предприятиях закрытого типа нужно сказать еще следующее: Устав исходит лишь из двух фактов, а именно: депортации на принудительные работы и принудительного труда, как такового.

Трудовая повинность во Франции была введена по распоряжению французского правительства. Законность этого распоряжения французского правительства с точки зрения международного права несомненна, если не становиться на ту точку зрения, что французское правительство не было уполномочено на такие мероприятия и распоряжения. Как показал подсудимый Шпеер, соглашением с Виши французское правительство достигло независимости в управлении экономикой, хотя, разумеется, с теми ограничениями, которые были предусмотрены этим соглашением.

По утверждению Бермса, сотрудника подсудимого Заукеля /книга документов № I, стр. 38, документ 1289-ПС/, 20 процентов всех законсервированных предприятий и более 40 процентов предприятий, производящих предметы широкого потребления, были переданы в руки французских властей. Отсюда видно, что французская военная промышленность производила не оружие и не непосредственно военное оборудование, ибо иначе немец-

16445

ние власти не отдали бы этих предприятий в руки французских властей.

На заседании от 20/VI-1946 года Суд высказал свои доводы против подобного приведения доказательств, сказав, что вопрос целесообразности вообще не подлежит обсуждению, но защита все-же разрешает себе в противовес этому заметить, что этот вопрос рассматривается лишь для того, чтобы внести вопрос о законности. Если французское правительство имело право ввести трудовую повинность, и если заводы, на которых французские рабочие работали на основании этого распоряжения или по добровольно-заключенным соглашениям, выполняли немецкие заказы, то это было совершенно законно. Введение предприятий закрытого типа, препятствовавшее переводу рабочих на работу в Германию, а также перемещение отдельных отраслей промышленности во Францию, Бельгию и Голландию привело к тому, что потребности германской экономики удовлетворялись совершенно законно с правовой точки зрения. Если даже подсудимый Шпеер не добился окончательного прекращения вывоза рабочих, то он все-же добился того, что эта переброска значительно сократилась.

В отличие от других ведомств, проводивших политику отправки иностранных рабочих на территорию Германии, подсудимый Шпеер стремился использовать рабочих каждой страны для ее собственных нужд /Документ "Шпеер № 9", стр. 24 и документ "Шпеер № II", стр. 27 книги документов Шпеера/. Вследствие этого он старался препятствовать депортации рабочих с их родины.

В доказательство своего утверждения о том, что Шпеер

16446

H1211-0511

H1211-0512

интенсивно помогал проведению депортации иностранных рабочих с целью их применения на принудительных работах. Обвинение сослалось на документ № 556-ПС, представляющий собой заметку Заукеля об одном телефонном разговоре со Шпеером от 5/I-1943 года. Однако в противовес этому документу был представлен другой документ "Шпеер № 35", копия протокола заседания у фюрера от 3 до 5/У-1943 года, в котором излагается та же тема, которой касался этот телефонный разговор. И хотя в этом протоколе также приводятся разные замечания Гитлера, все-же из него видно, что отображенное в заметках Заукеля не соответствует действительности. Подсудимый Шпеер был уже тогда не в ладах с Заукелем. Содержащееся в этом протоколе поручение фюрера, данное Шпееру, об организации восстановления французской военной промышленности дало Шпееру возможность создания предприятий закрытого типа. Практически этим было достигнуто прекращение вывоза рабочей силы из Франции, то-есть как раз обратное тому, что желало бы доказать Обвинение. Нужно еще указать на документ № РФ-22, который констатирует, что по соглашению, заключенному Шпеером с Виколоне, вывоз рабочих в Германию с октября месяца 1943 года сократился до I/IO. /справки стр. 41 книги документов Шпеера/.

При обсуждении вопроса о том, насколько все это снимает вину с подсудимого, не имеет значения вопрос о том, руководствовался ли он в своих действиях целесообразностью, или же поступал так потому, что считал другое поведение противозаконным. Важным является лишь результат, то-есть, как это видно из цитированного документа № РФ-22, что он в действи-

тельности сумел достичь значительного сокращения переброски рабочей силы в Германию. Наконец, из протокола заседания фюрера от 19/22 июня 1944 года /документ "Шпеер № 12", стр. 19 книги документов Шпеера/ и показаний Зейсс-Инкварта от 11/VI-1946 года видно, что, несмотря на выход из строя целого ряда предприятий в западных областях и намерения других учреждений переправить освободившихся рабочих в Германию, Шпеер все-же сумел сохранить свои предприятия закрытого типа и таким образом дальнейший план применения труда иностранных рабочих в Германии окончательно провалился.

Нельзя вменять подсудимому Шпееру в обязанность проверять с точки зрения международного права те мероприятия, которые проводились Заукелем и именно по следующей причине.

Переброска иностранных рабочих на территорию империи практиковалась еще задолго до того, как Шпеер в 1942 году был назначен на свой пост. Он полагался на то, что законность этих мероприятий была проверена еще до их введения. Обязанность самостоятельной проверки законности этих мероприятий не была на него возложена; он мог положиться на то, что инстанции, занимающиеся вопросами распределения рабочей силы, имеют все законные основания к проведению своих мероприятий. За время его деятельности генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы несколько раз говорил ему о том, что переправка рабочей силы в Германию производится в рамках законности. Он мог полагаться на то, что уполномоченные правительством инстанции, занимавшиеся вопросами распределения рабочей силы, вполне удостоверились в том, что такие мероприятия допускаются законом. Если для сравнения

16448

H1211-0513

H1211-0514

деятельность подсудимого Шпеера из области государственного руководства перенести в рамки частного предприятия, то получится, что он был техническим руководителем предприятия, в котором подсудимый Заукель занимал должность, соответствующую должности начальника отдела кадров. В задачи технического руководителя не входит проверка того, насколько законны договоры, заключенные с рабочими, работающими на предприятии. Он должен следить лишь за тем, чтобы рабочая сила, предоставленная в его распоряжение для выполнения определенного задания, была распределена правильно и надлежащим образом. Однако нельзя сказать, что подсудимый Заукель считал себя лишь уполномоченным подсудимого Шпеера. Это не соответствовало бы тем заданиям, которые оба подсудимых получали от государственного руководства. Нельзя забывать, что из всех секторов экономики, направлявших свои требования на рабочую силу Заукеля, самыми важными в военном отношении были те предприятия, которыми ведал Шпеер, и поэтому им отдавалось преимущество. Но это, однако, не означает, что Заукель был обязан непременно выполнять все те требования, которые пред"являлись сектором, возглавлявшимся Шпеером, прежде, чем требования всех других организаций. Как показали пред"явленные доказательства, в частности показания свидетеля Кибера /книга документов II, стр. II4/ и Керля /книга документов I, стр.I06/, этого он не делал и не мог делать, так как требования всех остальных экономических секторов, которые именовались "потребителями", были столь же неотложны, как и требования его сектора, и имевшаяся рабочая сила была недостаточной для равномерного удовлетворения всех этих требований. Если бы Заукель

16449

был ничем иным, как только "уполномоченным Шпеера", то-есть представителем организации, которая должна была выполнять только указания, данные ему Шпеером, то между Шпеером и Заукелем дело не могло бы дойти до глубочайших разногласий.

Обвинение придало значение тому, что подсудимый Заукель был назначен генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы на тех заводах, которыми ведал Шпеер, и что поэтому Заукель в большей или меньшей степени был орудием в руках подсудимого Шпеера, и, во всяком случае, находился в зависимости от Шпеера. По этот взгляд не соответствует тому, что было в действительности. Заняв пост министра вооружения, Шпеер в скором времени установил, что существовавшая до тех пор система распределения рабочей силы министерством труда по предприятиям, не отвечала требованиям, которые к ней пред"являлись.

В рамках министерства труда эта деятельность являлась лишь небольшой частью всей работы министерства. Во время своего допроса подсудимый Шпеер показал, что министерство труда не могло бороться с тенденциями гаулейтеров, поскольку для каждого гаулейтера вопросом самолюбия являлось оказывать посильное сопротивление перемещению рабочей силы из своего гау куда бы то ни было. Чисто бюрократическая деятельность соответствующего отдела министерства труда показалась подсудимому Шпееру неподходящей для выполнения этой задачи и поэтому он внес предложение государственному руководству возложить ее на одного из гаулейтеров. На связанное с этим предложением требование Шпеера, подчинить ему того гаулейтера который будет ведать этим вопросом, государственное руковод-

16450

H1211-0515

H1211-0516

ство не согласилось и именно потому, что у него другая компетенция. Точно также и то лицо, которое предложил Шпеер, не было назначено на эту должность, а вместо него был назначен подсудимый Заукель. Таким образом, старания Шпеера добиться учреждения должности генерального уполномоченного по распределению рабочей силы являлись понятиями чисто организационного характера, имевшими целью преодолеть сопротивление гаулейтеров, о котором было сказано выше, мешавшее работе отдела по распределению рабочей силы министерства труда. Поэтому неверен вывод, что подсудимый Шпеер должен отвечать за те мероприятия, которые проводились затем подсудимым Заукелем.

Тот факт, что подсудимый в качестве члена управления по центральному планированию принимал участие в заседаниях этого управления, на которых рассматривалась проблема распределения рабочей силы, не может подкрепить утверждения Обвинения. Обвинение хочет использовать заседания управления по центральному планированию в доказательство того, что Шпеер был ведущим участником мероприятий по получению рабочей силы из-за границы. Но в противовес этому нужно заметить, что Обвинение пред"явило лишь протоколы заседаний управления, отражавшие лишь ход заседания, но не решения, принятые на основании этого заседания, в то время как именно это является решающим. В виду того, что подсудимый Шпеер все свои документы, в частности, документы о решениях управления по центральному планированию, в свое время передал в распоряжение союзных властей, Обвинению было бы легко пред"явить эти решения, на которых было бы видно, принимал ли подсудимый Шпеер решающее участие в изъятии рабочей силы. Но таких решений не

существует, а поэтому на основании одного лишь факта, что на заседаниях управления по центральному планированию обсуждались вопросы политики использования рабочей силы нельзя делать вывод о том, что это управление включило этот пункт в область своей компетенции. Под номером Шпеер-42 книги документов Шпеера представлено распоряжение о создании управления по центральному планированию. В этом документе очень четко обозначена компетенция этого управления. Ни доставка, ни распределение рабочей силы не должно было входить в компетенцию управления по центральному планированию, ибо для этой цели и было как раз создано новое управление генерального уполномоченного по распределению рабочей силы. Из пред"явленных доказательств также видно, что если подсудимый Заукель и ставил перед управлением по центральному планированию вопросы политики распределения рабочей силы, то он все же весьма решительно подчеркивал свою независимость от этого управления и придавал значение тому, чтобы нести ответственность за свои решения лишь перед самим фюрером, независимо от управления по центральному планированию. В связи с этим я сошлюсь на показания свидетелей Керле и Кибера /Шпеер - документы №№ 36 и 37/.

Нельзя отрицать, что в управлении по центральному планированию делались попытки повлиять на деятельность генерального уполномоченного по распределению рабочей силы. Эти попытки не привели ни к каким результатам.

Итак, надо в принципе исходить из того, что деятельность подсудимого Шпеера в управлении по центральному планированию не дает оснований считать его ответственным за переброску рабочей силы из оккупированных областей в Германию.

16452

H1211-0517

H1211-0518

Весьма сомнительно с правовой точки зрения пред"являемое Шпееру обвинение в том, что он использовал рабочую силу на подведомственных ему предприятиях, заведомо зная о том, что Заукель доставлял этих рабочих из оккупированных областей в Германию в большинстве случаев помимо их воли.

Если бы отправка рабочей силы в Германию была преступлением с точки зрения международного права, то состав этого преступления был бы законченным с того момента, как эта рабочая сила была бы доставлена в Германию. Тот факт, что доставленные в Германию люди посылались на работу, представляет собой новый состав преступления, для обозначения которого Обвинение применяет понятие "рабочий труд". При этом нужно иметь в виду следующее: специальным имперским законом и последующими распоряжениями введена была общая повинность, в силу которой каждый немец был обязан работать на военные нужды.

Государственное руководство имело право через управление по распределению рабочей силы, в качестве высшей инстанции, призвать на работу каждого гражданина и использовать его рабочую силу по своему усмотрению. Это проводилось в жизнь. Иностранные рабочие, направленные в Германию, также подчинялись этому порядку. Не подлежит сомнению, конечно, что распространение трудовой повинности, относящейся непосредственно к немцам, на жителей оккупированных областей, не соответствует тексту Гаагских правил ведения сухопутной войны. Гаагские правила ведения сухопутной войны составлялись на основе другого понимания войны и не могли предвосхитить условий, создаваемых экономической войной. На вопрос о том, пре-

16453

усматривают ли Гаагские правила всю сумму полномочий оккупационных властей, надо ответить отрицательно. Это показывает практика всех наций, участвовавших в этой войне. Для юридической оценки необходимо и в этом случае прибегнуть к понятию государственной нужды.

Можно согласиться с Обвинением, что оправдать применение закона о трудовой повинности к иностранным рабочим из оккупированных областей можно лишь в случае вынужденного положения. Но если все же согласиться с точкой зрения Обвинения о том, что причин, оправдывавших распространение закона о трудовой повинности на иностранных подданных с оккупированных территорий, не существовало, то все-же необходимо внести, насколько подсудимый Шпеер повинен в использовании вышеуказанной рабочей силы. Об этом можно сказать то же, что я уже говорил выше о депортации, а именно, что подсудимый Шпеер, несмотря на то, что не был ответственен за это, все же старался облегчить жизненные условия этих рабочих и предотвратить все ставшие ему известными нарушения, что подтверждается документами № 3, 4 и 5 книги документов Шпеера /стр. 7, 8, 9 книги документов/. Нужно еще указать на показания самого подсудимого, данные им как на прямом, так и на перекрестном допросе, где он рассказал о своей деятельности в этой области.

Главный обвинитель от США верховный судья Джексон при перекрестном допросе подсудимого Шпеера пред"явил целый ряд документов, свидетельствующих о плохом обращении с иностранными рабочими, работавшими в фирме Крупна в Эссене, но он сам заявил, что за такие отдельные случаи он не обвиняет под-

16454

H1211-0519

H1211-0520

судимого Шпеера /стр. 11861 немецкой стенограммы/.

Среди этих документов находится аффидевит доктора Егера, документ 288, о котором уже говорил доктор Сервациус; далее идет письмо паровозостроительного отдела фирмы Крупна, датированное февралем 1942 года, то-есть тем временем, когда подсудимый Шпеер только что вступил на должность министра. Условия, изложенные в этом документе, привели к разговору Шпеера с Гитлером в марте 1942 года /Шпеер, документ № 3, страница 7 книги документов Шпеера/.

Далее пред"явленный документ № Д-821 описывает обстоятельства, при которых в 1941 году русские рабочие были отправлены в Эссен, то-есть говорит также о том периоде, когда Шпеер еще не был министром. Документы, пред"явленные во время перекрестного допроса за № Д-258, США № 896, по словам судьи Джексона /стр. 11872 немецкого протокола/, также были пред"явлены не для обвинения подсудимого Шпеера, поэтому на них можно не останавливаться.

Все остальные пред"явленные документы говорят лишь о происшествиях, имевших место на заводах Крупна, относительно которых подсудимый, насколько мог, дал свои об"яснения. Из этих документов вытекает, что все нарушения, за которые можно было бы обвинить фирму, были следствием того, что жилища были разрушены воздушными налетами. Но даже если бы приведенные факты, имевшие место в этой фирме, соответствовали действительности, - защита не имеет возможности проверить этого, - то все же это не дает основания считать, что условия, в которых работали все иностранные рабочие в военной промышленности, повсюду были одинаковыми.

16455

На основании проверки единичной фирмы нельзя делать вывода о том, что вся система была такова. Необходимо, однако, было бы именно доказать существование такой системы.

Хотя эта деятельность подсудимого Шпеера не имеет принципиального значения для оценки его деятельности с точки зрения уголовного права, она имела бы решающее значение при определении степени его участия.

Когда подсудимый приступил к исполнению своих обязанностей, он застал уже существующую практику использования иностранной рабочей силы и военнопленных. Другими словами, он не может рассматриваться, как основоположник этой практики, что также должно быть принято во внимание при вынесении приговора, так как отойти от уже усвоенной практики было невозможно. Участие иностранных рабочих в германском хозяйстве не представляло собой ничего необычного. В мирное время также много иностранных рабочих было занято в сельском хозяйстве, горной промышленности и в угольной промышленности.

Во время войны, еще до назначения подсудимого Шпеера министром, иностранные рабочие привозились в большом количестве в Германию как с запада, так и с востока, и лишь часть из них работала в контролируемом Шпеером секторе.

Для разграничения ответственности подсудимых Заукеля и Шпеера необходимо показать, как осуществлялось распределение и направление рабочих на контролируемые в последнее время Шпеером предприятия. Министерством Шпеера через об"единения и отрасли каждому предприятию в отдельности давались производственные задания для выполнения программы по вооружению. Предприятие исчисляло требуемое количество рабочих. Далее оно передавало свои заявки высшей инстанции по вооружению и одновременно отделу труда, где сосредотачивались все требования руководителей

16456

H1211-0521

H1211-0522

предприятий на рабочую силу. Руководящие органы вооружения проверяли заявки всех подчиненных им предприятий и направляли их далее инспекции по вооружению. Отделы труда в свою очередь передавали поступавшие к ним требования на рабочую силу в окружные управления по труду. Инспекция по вооружению передавала требования в обобщенном виде министерству Шпеера, в отдел по использованию рабочей силы. Окружные управления по труду направляли свои заявки генеральному уполномоченному по распределению рабочей силы. При этом обращает внимание то, что министерство Шпеера в 1942 году контролировало лишь строительство и заводы, производившие вооружения для сухопутных войск. Предприятия, производившие вооружение для военно-морского и военно-воздушного флота, подавали заявки на рабочую силу самостоятельно.

Весной 1943 года вооружение военно-морского флота было передано министерству Шпеера, и с этого времени требования на рабочую силу проходили через отдел по использованию рабочей силы. Осенью 1943 г. к этому присоединилось и все остальное производство, причем промышленность вооружений военно-воздушного флота до августа 1944 года самостоятельно подавала заявки на рабочих генеральному уполномоченному по распределению рабочей силы.

Эти детали приводятся для того, чтобы опровергнуть мнение Обвинения, которое считает Шпеера главным потребителем рабочей силы у Заукеля. Показаниями свидетелей доказано, что наряду с министерством Шпеера важными потребителями являлись также: военное ведомство, связь и т.д. Генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы распределял имевшуюся в его распоряжении рабочую силу между соответствующими окружными управлениями по труду, последние распределяли ее по местным отделам труда, которые, со своей

сторони, распределяли рабочих по отдельным предприятиям на основании утвержденных органами промышленности вооружения заявок. Единственное исключение из этого сложного порядка было сделано при введении так называемых "красных карточек", предназначенных для выполнения особо срочных производственных задач/И ссылаясь на стр.12 книги документов Шпеера/. Генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы ежемесячно выдавал определенное число красных карточек в распоряжение министерства вооружения, которое передавало их подконтрольным ему предприятиям через органы самоуправления промышленности. Каждый отдельный завод предоставлял эти красные карточки отделу труда, который должен был удовлетворять эти заявки по красным карточкам, невзирая на требования других предприятий. Во всех случаях речь идет об основных требованиях на рабочую силу. Распределение рабочих находилось исключительно в распоряжении подчиненных подсудимому Заукелю органов труда, так что ни отдельные заводы, ни учреждение подсудимого Шпеера, ни он сам, не имели влияния на распределение. Предоставлять ли по заявкам отечественных рабочих, иностранцев или военнопленных и зависело исключительно от органов труда /книга документо, стр.8 и 9/.

В конце предоставления доказательств Обвинение пред"явило в качестве документа № 4006-ПС декрет, изданный Шпеером и Заукелем от 1.12.42 г. Из него так же, как и из пред"явленного одновременно декрета от 22.6.44 года, Обвинение пытается создать основу для суждения о взаимоотношениях между Шпеером и Заукелем, поэтому необходимо остановиться на них.

Из декрета от 1.12.42 г. явствует, что генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы имел право проверки заявок на рабочую силу, передаваемых ему от промышленности

16458

H1211-0523

H1211-0524

вооружения. Таким образом, когда один из заводов требовал дополнительную рабочую силу для выполнения своего производственного задания, генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы имел право проверять предоставление требование с точки зрения его обоснованности.

Цель этого было побудить каждое отдельное предприятие к наиболее рациональному использованию рабочей силы на самом предприятии. Далее, комитеты должны были проверять, могло ли данное предприятие, с учетом поставленных перед ним задач, передать часть рабочей силы другим предприятиям. Министерству вооружения и подчиненным ему учреждениям надлежало устанавливать очередность заявок на рабочую силу, поступавших с подчиненных заводов. Они также решали вопрос о том, в состоянии ли одно предприятие передать свою рабочую силу другому, поскольку оба они вырабатывали аналогичную продукцию для военных нужд. Если, например, фабрика, изготовлявшая запасные части к автомашинам, получала другую производственную программу, то высшие инстанции могли разрешить передачу рабочей силы, высвободившейся таким путем, другому предприятию, изготовлявшему одинаковую продукцию. Распределение рабочей силы в общем оставалось, как и прежде, в руках генерального уполномоченного по распределению рабочей силы.

Учреждениям Шпеера, таким образом, оставалось лишь руководство находившимися уже в хозяйственных отраслях рабочими, которые уже были ранее направлены на заводы генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы.

Предоставление новой рабочей силы попрежнему зависело от генерального уполномоченного по распределению рабочей силы, который, кроме того, имел решающий голос при решении вопроса о том, какое количество рабочей силы данное предприятие

16459

может передать другим заводам, так называемое "прочесывание". Компетенция генерального уполномоченного по использованию рабочей силы не была, таким образом, существенно ограничена его сотрудничеством с министерством вооружения и военного производства. Ему надлежало как до, так и после заключения этого соглашения, предоставлять рабочую силу заводам и даже было предоставлено право решать вопросы об использовании рабочих на подчиненных подсудимому Шпееру заводах и проверять, может ли известное количество рабочих быть передано на другие заводы. Декретом от 22 июня 1944 г. устанавливалось, что уже имеющиеся в наличии рабочие могут быть использованы по указанию центральных учреждений или председателя комиссии по вооружению. Здесь также нужно учесть, что речь идет не об использовании новых рабочих с необоронных предприятий, которые как и раньше, распределялись генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы, а лишь о так называемых "перемещениях", т.е. о переброске рабочих с одного оборонного завода на другой. Согласно этому декрету, учреждения Заукеля не могли больше проверять требования, поступавшие от предприятий, подчиненных министерству Шпеера, если председатель комиссии по вооружению признавал эти требования правильными. Этот приказ в принципе не изменил компетенции генерального уполномоченного по распределению рабочей силы в том отношении, что он продолжал направлять рабочих и руководить распределением этой рабочей силы. Если учреждения генерального уполномоченного по распределению рабочей силы направляли рабочих, то они по своему собственному усмотрению решали, будут ли это отечественные или иностранные рабочие. Полномочия органов министерства вооружения в отношении рабочей

16460

H1211-0525

H1211-0526

силы были сведены к так называемым "перемещениям", т.е. к переброске рабочих с одного военного завода на другой. Было бы ошибочно делать отсюда вывод об ограничении полномочий генерального уполномоченного по использованию рабочей силы и о значительном расширении полномочий Шпеера. В такой же степени было бы неправильно выводить отсюда заключение, что влияние министерства вооружения на компетенцию генерального уполномоченного по распределению рабочей силы увеличилось.

Обвинение, наконец, очевидно, для того, чтобы характеризовать взаимоотношения между Шпеером и Заукелем, пред"явило запись генерала Томаса, руководителя отдела военной экономики и вооружений ОКВ, о совещании между подсудимым Шпеером, им самим и руководителями управлений по вооружению трех родов вооруженных сил от 24 марта 1942 г., в котором Томас утверждает, что фюрер считает министерство Шпеера своим главным органом и видит в нем самом доверенное лицо по всем вопросам экономики. Эту запись можно понять лишь, рассмотрев ее вместе с отчетным докладом Томаса о его деятельности в качестве начальника управления военной экономики и вооружений /документ № 2353-ПС/.

До назначения Шпеера министром вооружений, Томас прилагал усилия к тому, чтобы должность генерального уполномоченного по вопросам экономики, которая была предусмотрена законом об обороне империи, была преобразована в орган руководства всей военной экономикой. Когда же перед промышленностью вооружения были поставлены большие задачи в связи с первой зимней кампанией в России и с понесенными там потерями, и Гитлер после смерти доктора Тодта назначил Шпеера его преемником в министерстве вооружения и боеприпа-

сов, Томас надеялся, что Шпеер будет тем лицом, которое получит широкую компетенцию, которой он добивался для генерального уполномоченного по вопросам экономики. Однако, этого не произошло. Как видно из пред"явленных доказательств, Шпеер ведал лишь вооружением сухопутных сил и строительством. Просьба подсудимого Шпеера о подчинении его министерству вновь созданного ведомства генерального уполномоченного по распределению рабочей силы, была отклонена Гитлером. Полномочия Шпеера, как министра вооружений, были определены распоряжением Томаса. Поэтому большие надежды генерала Томаса, возлагавшиеся им на назначение Шпеера, ни в коей мере не осуществились. Более широкие полномочия Шпеер получил лишь в 1943 году, когда из ведения министерства хозяйства в его ведение перешло руководство производством. Но и тогда пределы его компетенции были далеки от ожиданий генерала Томаса. Генерал Томас надеялся увидеть в лице Шпеера ставленника Гитлера, который будет решать все экономические вопросы В упоминавшейся записи генерала Томаса, носящей общий характер, высказывается лишь его мнение, которое не соответствовало фактическому положению дела. Этот документ не может служить основанием для ответа на вопрос, как должна распределяться ответственность за проведение политики использования рабочей силы, вменяемое подсудимому в вину.

Подводя итоги по этому пункту Обвинения, следует сказать следующее:

Шпеер не ответственен за методы вербовки иностранной рабочей силы так же, как и за отправку ее в Германию. Самое большое на него может быть возложена ответственность за использование части этой рабочей силы в Германии.

16462

H1211-0527

H1211-0528

В следующем пункте Обвинительного заключения подсудимому вменяется в вину то, что он использовал труд военнопленных в руководимом им секторе хозяйства, чем нарушил ст. 32 Женевской конвенции о правилах обращения с военнопленными от июля 1929 года. Подсудимый не отрицал, что на подчиненных ему предприятиях работали военнопленные, но это само по себе не является нарушением статей 31 и 32 названной конвенции. Выражение "промышленность вооружений" или "завод, производящий вооружение", непосредственно с понятием "промышленность" или "завод", задачей которых является производство оружия непосредственно для военных нужд. Выражение "завод, производящий вооружение" можно понять только проследив, как оно возникло. Когда с началом вооружения возникли трудности с сырьем, заводы, работавшие на вооружение, получали это сырье в первую очередь. Эти заводы подчинялись инспекциям вооружения, созданным вооруженными силами, и получили название "заводы, производящие вооружение". Сюда относились, в числе прочих, все заводы, вырабатывавшие железо, сталь и металлы так же, как и заводы, выпускавшие котлы, автомобили и аппаратуру, а также вся сталелитейная промышленность и заводы первичной обработки металлов - /литье, прокатка, кузницы/ и промышленность, изготовлявшая различные приборы, в том числе электротехнические и оптические, заводы шарикоподшипников, зубчатых колес и т.д. Это видно из показаний свидетеля Шибер /книга документов, страница 14, вопрос 9/.

Лишь от 30% до 35% общего количества железа использовалось для производства вооружения в том объеме, как это было изложено выше, а 60% шло на нужды других отраслей /железные дороги, строительство торгового флота, сельско-

ковяйственные машины, предназначенные для экспорта, оборудование для химической промышленности/.

В связи с этим, я ссылаюсь на показания свидетеля Керль, предоставленное в качестве документа Шпеер-36, в частности, на его ответ на 5-й вопрос. Поскольку в общее количество железа, предназначенного промышленности вооружений, входила также необработанная сталь, есть все основания считать, что из всех предприятий, подчиненных инспекции по вооружению лишь 20 или 30% изготовляли предметы вооружения в ~~смысле~~ духе Женевской конвенции. На этих деталях необходимо было остановиться для того, чтобы можно было ~~сделать~~ судить, в какой степени была нарушена ст.31 Женевской конвенции в связи с использованием труда военнопленных. Под №2520-ПС Обвинение пред"явило аффидевит американского статистика по экономике Деуса, чтобы доказать , какое большое количество военнопленных и иностранных рабочих работало в промышленности вооружения. Эти данные, которые в основном опираются на цифры, взятые из документов, бывших во владении подсудимого Шпеера, не дают представления о том, в каких отраслях промышленности вооружения работали отдельные военнопленные. Крупное предприятие, принадлежавшее к одной из вышеупомянутых категорий и поэтому в целом рассматривавшееся, как военное предприятие, могло производить лишь детали, или вообще не производить оружия или иных предметов, непосредственно связанных с военными действиями. Если на этом предприятии заняты военнопленные, то это не является нарушением статьи 31-й Женевской конвенции о военнопленных. Но в аффидевите Деуса идет речь именно о таком предприятии. Тем самым аффидевит теряет свою доказательную силу по вопросу о том, в какой степени ~~была~~ работа военнопленных

16464

H1211-0529

H1211-0530

на предприятиях, производящих вооружение, нарушала статью 31-ю Женевской конвенции.

Французское обвинение защищало ту точку зрения, что даже работа отпущенных из плена французских гражданских рабочих в промышленности вооружения должна рассматриваться как нарушение статьи 31-й. Это нельзя признать правильным. С момента своего освобождения бывшие военнопленные становились свободными людьми, совершенно не ограниченными в своей свободе передвижения и ограниченными только обязательствами, взятыми ими на себя по трудовому договору. К тому же ни одного французского военнопленного нельзя было принудить согласиться на освобождение с условием принятия на себя обязательства предоставить свою рабочую силу в распоряжение германской промышленности. Это было его свободным решением, если он предпочитал при таких условиях быть отпущенным из плена; с этого момента он больше не был солдатом, больше не подчинялся солдатской дисциплине, получал свою заработную плату, как всякий свободный рабочий, и не был подчинен никаким лагерным порядкам или иным подобным ограничивающим постановлениям. Тем военнопленным, которые предпочитали при таких обстоятельствах согласиться на свое освобождение, очевидно, эти преимущества казались более ценными, чем защита, которой они пользовались, как военнопленные. Если они делали это, то даже их использование на работах, запрещенных статьей 31-й соглашения о военнопленных, не может рассматриваться, как нарушение этой статьи.

Использование военнопленных в промышленности страны, захватившей их в плен, не запрещено женевским соглашением о военнопленных. Запрещается лишь использование на всякой работе, которая связана непосредственно с боевыми действиями, например, использование военнопленных на земляных работах,

16465

выполняемых для действующих войск. Такое использование не может ставиться в вину подсудимому Шпееру. Производство и транспортировка оружия всех видов, а также транспортировка военных материалов для действующих войск, также запрещается. В отношении военной экономики, находившейся под контролем подсудимого Шпеера, в качестве нарушения упомянутых постановлений могло бы рассматриваться только производство оружия и боеприпасов всех видов. Но до сих пор Обвинение вообще не привело конкретных фактов такого нарушения.

Далее следует рассмотреть, каким образом происходило направление военнопленных на предприятия. В принципе, согласно показаниям подсудимого Заукеля, это производилось таким образом, что офицеры военного ведомства, находившиеся при командующих военными округами, сообщали областным трудовым управлениям о количестве военнопленных, которых можно использовать на работе, а затем отправка военнопленных на предприятия производилась точно таким же образом, как и отправка обычной рабочей силы. Некоторая разница заключалась лишь в том, что лагерные офицеры-военнопленные были размещены в так называемых стационарных лагерях, и отвечали за то, чтобы выполнялись изданные ОКВ директивы об использовании и обращении с военнопленными. Эти лагерные офицеры отвечали за то, чтобы при использовании военнопленных не происходило нарушений статьи 31-й соглашения о военнопленных. Специально назначаемые комендатом лагеря офицеры должны были постоянно наблюдать за характером использования военнопленных, работавших на военных предприятиях, и следить за тем, чтобы военнопленных не заставляли выполнять запрещенных работ. Подсудимый Кейтель подробно изложил, каким образом производился контроль за работой военнопленных в Германии. Были также предоставлены

H1211-0531

H1211-0532

документы, свидетельствующие об обращении с военнопленными. Старшие офицеры по лагерю постоянно наблюдали за тем, чтобы использование размещенных в сборных лагерях военнопленных соответствовало статьям 31 и 32 Женевского соглашения о военнопленных. Что касается французских военнопленных, то в лице посла Скапина существовала особая инстанция, которая должна была передавать ОКВ все жалобы о случаях противозаконного использовании рабочей силы военнопленных.

Подобные жалобы посла Скапина немедленно расследовались и, если их обоснованность подтверждалась, то немедленно принимались соответствующие меры. Конечно, возможно, что при такой крупной организации, какая была необходима вследствие большого количества французских военнопленных, в тех или иных местах были сделаны ошибки. Меры к исправлению подобных ошибок предусматривает сама Женевская конвенция о военнопленных в своих постановлениях. Реальное значение этих постановлений подтвердилось во время последней войны. Представители держав-гарантов выступали против злоупотреблений, о которых им становилось известно на основании жалоб, и требовали и достигали их устранения. Если становилось известно о подобных злоупотреблениях, то немедленно принимались соответствующие меры. Было бы неправильно, на основании отдельных случаев, заключить о существовании преднамеренной системы. Защита военнопленных, которую они имели в лице старших офицеров по лагерю, даже критиковалась отдельными предпринимателями как слишком широкая, о чем они и говорили подсудимому Шпееру.

Что касается юридического положения подсудимого Шпеера в этом отношении, то, в первую очередь, надо рассмотреть, следует ли в принципе видеть в использовании военнопленных в промышленности вооружения нарушение международно-правовых

16467

норм. Согласно приведенному выше исследованию характера предприятий, которые об"единялись промышленностью вооружения, на этот вопрос следует ответить отрицательно. Лишь в той степени, в какой военнопленные фактически применялись бы для изготовления оружия и изготовления непосредственно военных материалов, можно было бы говорить о нарушении статьи 31-й. То, что в отдельных случаях это постановление могло нарушаться, нельзя оспаривать. Если, например, как показывают представленные американским Обвинением фотографии, военнопленные использовались для разгрузки поездов с боеприпасами вблизи линии фронта, то это, без сомнения, представляет собой нарушение статьи 31-й Женевского соглашения. Однако, такие случаи не могут инкриминироваться подсудимому Шпееру, так как они не относятся к его компетенции. На основании того факта, что производилось использование военнопленных в промышленности вооружения, нельзя делать обобщающего заключения о нарушении постановлений Женевской конвенции о военнопленных.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал об"является перерыв.

/Перерыв до 14 часов./

---o---

16468

H1211-0533

H1211-0534

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 23 июля 1946 года

/Вечернее заседание/

Встать! Суд идет!

Г-н ЛАНУАР. Господин председатель, я прошу Вас разрешить мне сделать краткое заявление от имени французского обвинения, несмотря на то, что не принято, чтобы обвинение брало слово во время произнесения защитительной речи. Но мне необходимо коснуться некоторых деталей, выявленных здесь защитой сегодня утром.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал считает, что обвинителям не следует прерывать защитительные речи защитников. Обвинители будут выступать позднее, и тогда они будут иметь полную возможность ответить на речи, произнесенные от имени подсудимых.

Г-н ЛАНУАР. Я буду следовать Вашему желанию, господин председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Доктор Флекснер, подождите одну минутку. Я хочу сделать одно об'явление. Трибунал ссылается на свое решение от 23 февраля 1946 года, - на § 8 этого решения, касающийся заявлений, которые подсудимые могут делать, согласно статье 24-й Устава.

Принимая во внимание подробные заявления, уже сделанные подсудимыми и их защитой, Трибунал считает, что если подсудимые желают сделать еще какие-либо заявления, то они должны касаться только тех вопросов, которые были ранее опущены. Подсудимым не будет разрешено произносить речи или повторять то, что уже было сказано или самими или их защитниками.

Они должны будут ограничиться краткими заявлениями, продолжительностью по несколько минут каждое и коснуться лишь тех вопросов, которые еще не затрагивались здесь в их свидетельских показаниях или в выступлениях их защиты.

На этом я заканчиваю.

ФЛЕКСНЕР. Господин председатель, господа судьи! Я продолжаю свою защитительную речь. Далее Обвинение указывает на нарушение статьи 32 Женевского соглашения об обращении с военнопленными, ввиду того, что военнопленные были вынуждены выполнять вредные работы, поскольку они работали в горной промышленности. При этом ссылаются на протокол заседания управления центрального планирования, где обсуждался вопрос об использовании русских военнопленных в горной промышленности. Использование военнопленных в горной промышленности не может вообще считаться запрещенным, и оно имело место во всех государствах с развитой промышленностью. Поэтому нельзя протестовать против использования русских военнопленных в горной промышленности, если соответствующие военнопленные находились в таком физическом состоянии, которое позволяло им выполнять тяжелые горняцкие работы. Обвинение не доказало того, что эти военнопленные по своему физическому состоянию не могли выполнять порученную им работу. Из одного того факта, что управление центрального планирования обсудило и одобрило вопрос об использовании военнопленных в горной промышленности, нельзя делать вывод о нарушении статьи 32 Женевского соглашения об обращении с военнопленными. Вообще вопрос об обращении с военнопленными в правовом отношении можно рассматривать с различных точек зрения. Германское правитель-

16470

H1211-0535

H1211-0536

ство считало, что в отношении советских военнопленных должны применяться другие правовые принципы, нежели в обращении с гражданами западных государств, которые подписали женевскую конвенцию о военнопленных в 1929 г., в то время как Советский Союз не присоединился к ней. Советское Обвинение представило в качестве документа доказательства ЕС-338, СССР-356 правовое исследование, составленное управлением разведки заграницей при ОКВ относительно законности предписаний, изданных по вопросу об обращении с советскими военнопленными и подвергло эти последние резкой критике. Существенно, что в этом отчетном докладе выражается мнение, что на советских военнопленных принципиально не могли распространяться положения женевского соглашения о военнопленных, так как Советский Союз не участвовал в подписании этого соглашения, и что в этой части доклада делается ссылка на указ Советского Союза об обращении с военнопленными ст. 1. УП-1941 г.,в отношении которого эксперти за ОКВ отдела ~~"Заграница/разведка"~~ разведки заграницей констатирует, что он в своих основных пунктах соответствует положениям женевской конвенции о военнопленных. Характерно, однако, что в этом указе предусматривается использование военнопленных офицеров и рядовых на работах в лагере и вне его, в промышленности и в сельском хозяйстве и что в качестве ограничения указывается лишь, что использование рабочей силы военнопленных запрещено: а/ в районе военных действий; б/ для личных нужд администрации, а также для личных нужд других военнопленных /так называемое прислуживание/, /это находится на стр. 12-13 моей книги документов/. Из процитированного приказа нельзя сделать вывода о наличии распоряжения, которое бы ограничивало использование рабочей силы военнопленных соответственно положениям

16471

ст.ст. 31 и 32 Женевского соглашения о военнопленных. И,наконец, следует рассмотреть вопрос о том, являются ли положения ст.ст. 31 и 32 Женевского соглашения о военнопленных выражением общих норм международного права, которые должны были бы выполняться даже в том случае, если бы не было особого договора, т.е. этого женевского соглашения о военнопленных.

В общей форме этого сказать нельзя. Вышеупомянутые положения договора не могут рассматриваться, как выражение общеправовой идеи, если такой важный член семьи народов, как Советский Союз, не признает этих правил.

Исходя из этой мысли, нельзя возражать против использования советских военнопленных на работах, которые запрещаются ст. 31 соглашения о военнопленных. Бывшие военнослужащие-итальянцы, которые после выхода Италии из войны были интернированы в Германии, не подпадают под положения Женевского соглашения о военнопленных в виду того, что Германия и Италия не находились в состоянии войны между собой. Эти военные интернированные лица при использовании их в качестве рабочей силы, также не подлежали ограничениям, упомянутым в ст. 31. Однако следует указать, что в перечислении, которое сделал мистер Деус, эти военные интернированные лица были отнесены к военнопленным, занятым в военной промышленности.

В качестве резюме по этому пункту следует сказать:

Распределение военнопленных по производствам происходило исключительно через учреждения генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Контроль над использованием рабочей силы в соответствии с соглашением о военнопленных, входил в обязанность оперативного офицера по труду при стационарном лагере военнопленных, который в конечном счете был ответственен перед генералом, ведавшим вопросом о военнопленн-

11472

H1211-0537

H1211-0538

ных в ОКВ:. Подсудимый Шпеер не был в состоянии оказывать какое-либо влияние на распределение военнопленных и на их использование. Обвинение также не смогло дать какого-либо доказательства, на основании которого можно было бы сделать вывод об участии подсудимого Шпеера в противозаконном использовании военнопленных. Эти утверждения Обвинения остались недоказанными. Далее Обвинение вменяет подсудимому в вину, что организация Тодт, главой которой после смерти доктора Тодта в феврале 1942 года был назначен Шпеер, использовала местную рабочую силу для выполнения строительных работ по укреплению французского побережья. Что касается организации Тодта, то она являлась чисто гражданским учреждением генерального инспектора по строительству дорог. Она работала на частно-экономической основе, т.е. она поручала постройки, которые она намеревалась выполнить, частным фирмам, а также иностранным фирмам, обосновавшимся в соответствующих странах, и сама осуществляла только контроль за выполнением строительства. Частные фирмы сами могли подбирать необходимый материал и рабочую силу. Как раз, благодаря использованию местных строительных предприятий, создавалась возможность устранять те трудности, которые иначе возникали при выполнении работ. Благодаря этому строительные конторы организации Тодта пользовались у местного населения известной популярностью, потому что существовала уверенность в том, что эти рабочие не будут вынуждены ехать в Германию для работы в промышленности, так как считалось, что эти строительные организации рассматривались как имеющие первостепенное значение. Рабочие добровольно шли в фирмы, работавшие для организации Тодта с тем, чтобы заручиться такой гарантией. Подсудимый

16473

Шпеер во время перекрестного допроса в качестве примера рассказал о том, как однажды для устранения ущерба, причиненного воздушными налетами двум укреплениям в Западной Германии, из Франции в Германию было вывезено 50 тысяч рабочих из организации Тодта и что это настолько неблагоприятно отразилось на рабочих, которые были заняты на остальных стройках организации Тодта, что не оставалось сделать ничего другого, как возвратить эти 50 тысяч рабочих организации Тодта во Францию. Именно в этот промежуток времени многие рабочие исчезли с остальных строек организации Тодта во Франции, так как они боялись, что рано или поздно они будут против своего желания направлены в Германию в то время, как до тех пор они рассматривали работу на предприятиях организации Тодта, как своего рода страховку от отправки в Германию. Только возвращение вышеупомянутых 50 тысяч рабочих во Францию, о чем распорядился подсудимый Шпеер после того, как выявились неблагоприятные последствия, восстановило прежнее доверие.

Здесь следует подчеркнуть, что все вышеуказанное подтверждает тот факт, что рабочие из организации Тодта во Франции были добровольцами. Во всяком случае, в отношении их не применялось никакого принуждения. Вследствие этого, при создании предприятий закрытого типа во Франции, все предприятия, работавшие на организацию Тодта, были включены в число этих предприятий и, следовательно, рабочих, занятых на этих предприятиях нельзя было использовать в других целях. Этот пример показывает, что представление Обвинения о том, что рабочих организации Тодта направляли на предприятия организации Тодта против их воли, является неправильным представлением.

11474

H1211-0539

H1211-0540

Поскольку установлено, что французское правительство было согласно с использованием французских рабочих, как на строительствах под руководством организации Тодта, так и на прочих военных предприятиях в Германии и оккупированных областях, всякое предположение о противозаконности исключается. Нельзя не упомянуть о том, что после заключения перемирия с Францией, последняя вышла из войны. Договор о перемирии не означал временного соглашения о перемирии, а фактически означал полное окончание военных действий и должен был служить целям подготовки к заключению мира. Это было состояние, которое уже не было войной, но и не было еще окончательным возвращением к мирным отношениям, регулируемым договорами. Во всяком случае, по убеждению обеих сторон, заключавших перемирие, возобновление военных действий не входило в их расчеты. Перемирие должно было только регулировать отношения впредь до окончательного заключения мира. В связи с этим, положения, изложенные в Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны, а также в соглашении об обращении с военнопленными, относительно ограничений, состоящих в том, что выполняемые работы не должны вынуждать к нарушению верности своему собственному государству, находящемуся в войне, отпадают, так как собственная страна в данном случае не вела войны. После заключения полного перемирия, изготовляемое вооружение и боеприпасы, не могли уже использоваться для борьбы против страны, прекратившей военные действия, а могли быть использованы лишь против других воюющих держав. Вышеупомянутый принцип уважения долга верности своему отечеству в этом случае уже не применяется.

16475

Кроме того, следует еще отметить, что организация Тодта не была военизированной организацией, как это неправильно утверждают. Очевидно, это неправильное представление подкреплялось тем фактом, что немецкие служащие управления организации Тодта за границей носили форменную одежду. Эти люди считались принадлежащими к вооруженным силам, в то время как навербованные фирмами рабочие и строительные рабочие фирм, а также технический персонал не имели к вооруженным силам никакого отношения. Итак, нельзя пред'являть обвинение в том, что будто бы эта местная рабочая сила косвенно входила в организацию вооруженных сил.

Дальнейшее обвинение против подсудимого Шпеера заключается в том, что в контролируемом им хозяйственном секторе были заняты на работах заключенные концентрационных лагерей. Подсудимый признает это. Однако привлечение к уголовной ответственности на основании этого факта неправильно с правовой точки зрения. Использование уголовных заключенных на хозяйственных работах было принято в Германии с давних пор. Оно происходило в различных формах: частично как использование внутри самого исправительного учреждения, частично вне его. В связи с недостатком рабочей силы, который выявился благодаря обострению экономической войны, возникла необходимость использовать трудовые резервы, находившиеся в концлагерях. Обвинение представило документы, из которых видно, насколько учреждения, подчиненные имперскому министру Гиммлеру, прилагали усилия использовать резервы рабочей силы, находившиеся в концлагерях, на строительстве своих собственных предприятий СС, а подсудимый Шпеер во время допроса 20-21 июня вскрыл

16476

H1211-0541

H1211-0542

перед Трибуналом стремления Гиммлера, сводившиеся к развитию строительства своей собственной, только ему подчинявшейся промышленности вооружения, что привело бы к невозможности осуществления какого-либо контроля над производством вооружения на этих предприятиях СС. Таким образом СС могла бы обеспечивать себя оружием без всякого контроля со стороны армии и прочих учреждений.

Подсудимый Шпеер обратился по этому поводу к Гитлеру с протестом, который имел успех. Он добился того, что Гиммлер предоставил часть заключенных из концлагерей для работы на предприятиях, изготовлявших вооружение. Благодаря этому положение заключенных улучшалось, так как они получали повышенные нормы продовольствия, которые полагались чернорабочим и рабочим с удлиненным рабочим днем, как об этом сообщил свидетель Рике; далее они выходили за пределы крупных концлагерей, во время работы они не находились под контролем СС, а на предприятиях они подчинялись старшим рабочим и мастерам. Во всяком случае, для устранения длинных перевозок и переходов вблизи предприятий, где они работали создавались специальные лагери, которыми ведало не учреждение Шпеера, а исключительно администрация, ответственная за управление концлагерями. Следовательно, ответственность за условия в подобных лагерях не может возлагаться ни на руководителей предприятий, ни на учреждения подсудимого Шпеера, даже если там имели место злоупотребления. Как видно из письма начальника управления Шибера от 7 мая 1944 года, направленного подсудимому Шпееру,/книга документов № 2, стр. 88/, заключенные сами предпочитали работу на подобных предприятиях той работе, которая предоставлялась администрацией концлагерей, и Шибер совершен-

16477

но определенно говорит в этом письме, что по этим соображениям было бы желательно использовать заключенных концлагерей на таких предприятиях в более широком масштабе, ибо это облегчило бы их судьбу. Далее он заявил, что количество занятых в промышленности вооружения заключенных из концлагерей достигло 36 тысяч и что это число постепенно уменьшилось. Поэтому данные, приведенные подсудимым во время его допроса о том, что количество занятых в промышленности вооружения рабочих из концлагерей составляло один процент к общему числу рабочих, занятых в промышленности вооружения, являются преувеличенными. При наличии 4,9 миллиона рабочих в промышленности вооружения число 36.000 составляет только 7 : 1000. Поэтому количество занятых в промышленности вооружения заключенных концлагерей составляет совершенно незначительную часть всех рабочих в промышленности вооружения, т.е. всех рабочих, которые были заняты на предприятиях, выпускавших готовую продукцию.

Эти цифры свидетельствуют о том, как неправильно было предположение обвинения, будто бы использование таких заключенных в промышленности вооружения привело к повышению требований на такого рода рабочие руки и что это требование было удовлетворено тем, что в концлагери направлялись лица, которые при нормальных условиях никогда бы туда не попали. Представление о том, что благодаря факту использования заключенных концлагерей в промышленности вооружения дело дошло до увеличения количества заключенных в концентрационных лагерях, опровергается уже упомянутым письмом Шибера /документ № 6, страница 88 книги документов/, а также его свидетельским показанием, представленным под № 37, книги документов № 51. Согласно этому документу привлечение заключенных из концлагерей

26478

H1211-0543

H1211-0544

в промышленность вооружения в первый раз имело место только осенью 1943 года и количество занятых в этой промышленности заключенных достигло своего высшего предела в марте 1944 года, дойдя до 36 тысяч человек и с этого момента оно больше не увеличивалось, а наоборот, снижалось.

Вывод Обвинения не выдерживает этого анализа. Также не было представлено доказательства о том, что Шпеер предпринимал попытки заключения людей в концлагери.

Во время своего допроса подсудимый согласился с тем, что в Германии повсеместно существовала боязнь быть заключенным в концентрационный лагерь. Этот страх населения перед концентрационными лагерями был вполне обоснованным, потому что заключение в концлагерь полностью зависело от усмотрения руководимых Гиммлером полицейских властей, а также потому, что не имелось никакой судебной инстанции, которая проверяла бы те обвинения, результатом которых явилось заключение в концлагерь и, наконец, что было самым главным, потому что срок заключения в концлагере всецело зависел от усмотрения администрации лагеря.

Обвинение далее заявило, что Шпеер продолжал использовать заключенных концлагерей в промышленности после того, как он посетил лагерь Маутхаузен и ознакомился с существовавшим там положением. То, что это было не так, показало заявление подсудимого по этому пункту. Ввиду того, что здесь речь идет только об очень кратком посещении, целью которого было лишь дать указание администрации лагеря о прекращении начатых ею, вопреки запрещению, работ, служивших чисто местным целям, и предоставить рабочую силу в распоряжение промышленности

вооружения, - подсудимый Шпеер мог получить только поверхностное впечатление об условиях жизни в концлагере. По этому вопросу можно сослаться на его показания.

Свидетели Обвинения подробно останавливались на том, что во время такого рода посещений концентрационных лагерей высокопоставленными лицами лагери показывались им только с самой лучшей стороны, и любые признаки жестокостей и т.п. очень тщательно скрывались, с тем, чтобы у посетителей не могло сложиться неблагоприятного впечатления о лагере /см. показания свидетеля Блаха от 14 января 1946 года/.

В связи с этим вопросом следует рассмотреть еще обвинение в том, что будто бы Шпеер одобрял использование венгерских евреев в качестверабочей силы на строительстве подземных авиационных заводов, которое производилось по приказу Гитлера. Тут надо сослаться на показания свидетеля Мильха и свидетеля Франка. Мильх показал, что Шпеер, который был в то время болен, энергично противодействовал этому строительству, но что Гитлер, который требовал проведения такого строительства, поручил его выполнение непосредственно руководителю организации Тодта Доршу. Для того, чтобы внешне прикрыть противоречия, существовавшие между Гитлером и Шпеером, Дорш формально остался в подчинении последнего, но на деле он был обязан вести перегоноры непосредственно с Гитлером и был непосредственно подчинен ему. Мильх также показал, что практически эта строительная программа осуществлена не была. Я представил под № 34, стр. 52 книги документов приказ Гитлера Шпееру от 21.1У.1944 года.

Из этого приказа видно, что Гитлер называет Дорша лицом, непосредственно отвечающим перед ним за это дело, так как

16480

H1211-0545

H1211-0546

положение Шпеера, в обязанность которого входило согласование этих задач по строительству с планированием строек, находившихся в его ведении, было чисто формальным. Это письмо подтверждает показание фельдмаршала Мильха. В целях подтверждения своей точки зрения о том, что подсудимый Шпеер содействовал заключению людей в концлагери, Обвинение приводит высказывания на одном из заседаний управления центрального планирования от 30.X.1942 г. по вопросу о борьбе с саботажниками. В этой связи следует рассмотреть показание подсудимого Шпеера, как свидетеля, где он заявил, что в ответ на эти высказывания ни со стороны управления центрального планирования, ни с его стороны не было сделано ни одного представления генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы с тем, чтобы искоренить это зло. Действительно, за этим заявлением ничего не последовало. Только в ноябре 1943 года Заукель издал приказ против саботажников. Под саботажниками подразумеваются те рабочие, которые, не желая выполнять свою работу, притворяются больными, или не являются на рабочее место, изобретая неосновательные причины, или даже без всякого повода. Нельзя при этом не упомянуть о том, что экономическая война отразилась и в этой области. Делались всевозможные попытки уничтожить желание рабочих трудиться. Для этого применялись листовки и разные виды извещений, в которых рабочим давались советы о том, как они должны представляться больными, какие средства они должны были использовать для того, чтобы успешнее обмануть врача при осмотре, их призывали работать медленнее и т.п.

Вначале такая пропаганда имела незначительный успех, но, ввиду того, что отдельные такие случаи могли легко ока-

11981

зать неблагоприятное влияние на трудовую дисциплину всего предприятия, подсудимый Шпеер обсудил возможность полицейского вмешательства. Однако Шпеер не проявил какой-либо инициативы с тем, чтобы побудить полицию предпринять практические меры. Только год спустя генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы издал распоряжение, которым вменил в обязанность работодателю сначала применять дисциплинарные взыскания, а в особо тяжелых случаях уполномоченные по труду могли подать заявление о наложении взыскания. На основании этого распоряжения мог произойти перевод в исправительные лагери для рабочих на срок в 56 дней. Только в особо тяжелых случаях нарушения рабочими своих трудовых обязанностей это распоряжение генерального уполномоченного по использованию рабочей силы предусматривало перевод в концентрационный лагерь. Следует упомянуть, что это распоряжение относилось как к своим, так и к иностранным рабочим, ибо в отношении своих рабочих не должно было иметь место другое обращение. Во время перекрестного допроса по делу подсудимого Заукеля французское Обвинение представило документ о заседании руководителей трудовых учреждений Заукеля в Вартбурге. На этом заседании референт по вопросам трудового права при генеральном уполномоченном по распределению рабочей силы д-р Штурм выступил с докладом о наказаниях рабочих и заявил при этом, что, наказаниям подвергся совершенно незначительный процент рабочих. Следовательно, из этого вытекает, что Обвинение не представило никаких доказательств в обоснование своего утверждения о том, что на основании распоряжения Заукеля о борьбе с саботажниками, концлагери были

10482

H1211-0547

H1211-0548

переполнени. И, таким образом, отсутствует главное доказательство того, что Заукель, а в данном случае подсудимый Шпеер, своими мероприятиями способствовали пополнению концентрационных лагерей. В своем выступлении на заседании управления центрального планирования от 22 мая 1944 года /стр. 49 книги документов/ Шпеер указал на то, что бежавшие военнопленные, задержанные полицией, должны по возможности скорее возвращаться на место своей работы. Из этого замечания следует принципиальная установка подсудимого Шпеера, который не хотел возвращать в концлагерь снова бежавших военнопленных, а требовал, чтобы они были включены по возможности скорее в процесс труда. Обвинение не смогло представить веского доказательства в обоснование своего утверждения о том, что будто бы Шпеер содействовал пополнению концлагерей с тем, чтобы получать оттуда рабочую силу.

Господин председатель, здесь я хотел бы коснуться того вопроса, или вернее ответить на тот вопрос, который был мне поставлен Вами, а именно о применении § 6-а Устава в отношении подсудимого Шпеера, в связи с термином "ведение агрессивной войны". Я хотел бы сказать следующее. Устав в пункте 6-а, в числе других наказуемых действий предусматривает ведение агрессивной войны. Я не должен здесь говорить о том, что такое агрессивная война и как она определяется. Об этом подробно говорил профессор Ярвайс. Здесь надо лишь уточнить понятие проведения агрессивной войны. Я в данном случае придерживаюсь мнения, что агрессивную войну может проводить только тот, кто облечен властью верховного командования. Все остальные участники подчиняются его руководству, независимо от того, велико ли их участие в войне или нет. Поэтому

в деле подсудимого Шпеера нельзя применять понятия "проведение агрессивной войны". Здесь нет состава такого преступления.

Я хотел бы еще добавить следующее. 28 февраля или 1 марта, я не помню уже точно, на заседании один из господ судей указал судье Джексону на то, что Обвинение в свое время придерживалось мнения, что состав преступления, определяемый понятием "агрессивная война" надо считать законченным с момента начала такой войны. Я могу лишь присоединиться к такому толкованию.

Во время представления доказательств я имел возможность подробно обрисовать деятельность подсудимого Шпеера в последней фазе войны, с июня 1944 года. Поэтому в дополнение к такому подробному хронологическому изложению я могу ограничиться указанием на то, что почти все показания Шпеера без исключения подтверждены показаниями других свидетелей и документами. Письменные показания свидетелей, от оглашения которых на суде я отказался, полностью совпадают, хотя эти свидетели принадлежат к совершенно разным направлениям и высказывались совершенно свободно.

С июня 1944 года подсудимый Шпеер исчерпывающе информировал Гитлера о положении в его промышленности и неоднократно настойчиво указывал ему на то, что при дальнейшем упадке производства война будет проиграна. Это подтверждают представленные Трибуналу под №№ Шпеер-14, 15, 20, 21, 22, 23 и 24 докладные записки Шпеера Гитлеру. Как показал свидетель генерал-полковник Гудериан, начальник генерального штаба сухопутных сил /см. вопрос 6, стр. 179/ книги документов Шпеера/, с конца января 1945 г. Гитлер рассматривал подобные

16484

H1211-0549

H1211-0550

совещания как государственную измену и назначил соответствующее наказание за это.

Несмотря на это, Шпеер, как видно из показаний Гудериана, все время ставил в известность Гитлера и самого Гудериана о своих взглядах на перспективы войны.

Гитлер, в частности, запретил сообщать третьим лицам об истинном военном положении. Несмотря на это, Шпеер, после того, как Гитлером был издан строгий приказ о разрушениях сообщил гауляйтерам и главнокомандующим различных войсковых групп о том, что война проиграна и добился этим того, что проведение гитлеровской политики разрушения было хотя бы частично приостановлено. Это вытекает из показаний свидетелей Хупфауэра, Кемпфа и Позера.

29 марта 1945 г. Гитлер заявил Шпееру, что, в отношении его будут сделаны обычные в таких случаях выводы, если он будет продолжать говорить, что война проиграна. Этот разговор передается в показаниях свидетельницы Кемпф. Несмотря на это, через два дня , 1 апреля 1945 г., Шпеер поехал в Зейсс-Инкварту с тем, чтобы заявить ему также, что война проиграна. Свидетель Зейсс-Инкварт и свидетель Швебель единодушно показали 14 июня 1946 года, что беседа со Шпеером 1 апреля 1945 года послужила толчком к началу переговоров Зейсс-Инкварта с начальником генерального штаба генерала Эйзенхауэра, генералом Смитом. Это в конечном счете привело к тому, что Голландия, без разрушений, была передана в руки союзников.

24 апреля 1945 г. Шпеер еще раз вылетел в Берлин, уже находившийся в окружении, для того, чтобы убедить Гитлера прекратить бессмысленную борьбу: это видно из показаний свидетеля фон Позер. 29 апреля 1945 года Гитлер в своем завещании

16485

снял Шпеера с его поста /док. 3569-ПС, стр. 87 книги документов Шпеера/.

Главный американский Обвинитель, верховный судья Джексон должен был поэтому подтвердить подсудимому Шпееру во время его перекрестного допроса, что он был единственным человеком, который говорил Гитлеру всю правду.

Что касается промышленности Польши, Балкан, Чехословакии, Франции, Бельгии, Голландии, то Обвинение не представило никаких доказательств о произведении разрушений в этих странах при отступлении германских войск.

Это является в первую очередь заслугой подсудимого Шпеера, который предотвратил разрушение промышленности этих стран, о котором распорядился Гитлер, частично при помощи неправильного истолкования имевшихся приказов. Тот факт, что еще летом 1944 г. Шпеер был убежден в необходимости предотвратить эти разрушения в интересах всей Европы, вытекает из показаний свидетеля фон Позер. При надлежащем проведении в жизнь этого приказа было бы легко полностью парализовать на два - три года высокоразвитую промышленность стран Центральной и оккупированной Западной Европы, а тем самым на много лет вперед сковать все промышленное производство и лишить эти народы цивилизованного существования и возможности осуществить восстановление собственными силами.

Как показал свидетель Зейсс-Инкварт, проведение подготовленного разрушения только 14 пунктов в Голландии уничтожило бы полностью жизненные возможности этой страны. Например, разрушение всех электростанций в этих странах вызвало бы последствия, сходные с теми, какие наступили после разрушения советскими войсками двух - трех электростанций в Донецком

10486

H1211-0551

H1211-0552

бассейне в 1941 году. Несмотря на все усилия, лишь летом 1943 г. там удалось восстановить самое необходимое производство.

Аналогичные и еще более тяжелые последствия были бы вызваны выполнением гитлеровского приказа на европейском континенте.

Шпеер, после удачного вторжения союзников в эти оккупированные области дал распоряжение не производить разрушений, что подтверждается свидетелями Позер, Кемпф, Шибер, Керл, Роланд, Зейсс-Инкварт, Хиршфельд и документом Шпеер-16, вопрос 12, стр. 112; /Шибер - относительно Верхней Италии, вопр. 25, стр. 119; Роланд - о Люксембурге и Лотарингии, вопр. 5, стр. 157; Кемпф - относительно Балкан, Чехословакии, Польской Верхней Силезии, Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга; Зейсс-Инкварт - о Голландии, стр. 11210 немецкого текста стенограммы; Хиршфельд - о Франции, Бельгии, Чехословакии, Северной Италии, Венгрии, Балканах, Польше/.

Немедленно после назначения подсудимого Деница преемником Гитлера, Шпеер представил ему на утверждение приказы, в которых запрещалось производство всяких разрушений в еще оккупированных районах Норвегии, Чехословакии и Голландии, а также запрещалась деятельность организации Вервольф, как это следует из показаний свидетелей Позера и Кемпф.

В то время, как в оккупированных областях Шпеер не ведал непосредственно осуществлением разрушения промышленных предприятий, то в пределах так называемой Велико-германской империи он должен был под собственную ответственность осуществлять эти задачи посредством подчиненного ему аппарата. Он

10487

должен был развернуть здесь особую деятельность для того, чтобы помешать полному уничтожению всех материальных ценностей, чего упорно требовал Гитлер. Об этой воле к уничтожению Гитлера и его гаулейтеров говорят показания свидетелей Гудериана, Роланда, Хупфауэра, фон Позера, Шталь и Кемпф.

Важнейшим документом в связи с этим является представленное в качестве документа Шпеер № 24 письмо Шпеера Гитлеру от 29 марта 1945 года, в котором Шпеер еще раз передает замечания, сделанные Гитлером на совещании 18 марта 1945 г. Этот документ ясно показывает, что Гитлер поставил своей задачей полное разрушение жизненных основ немецкого народа. Этот документ будет особенно ценным для тех, кто будет писать историю гитлеровского времени.

В связи с этим следует прочитать свидетельские показания генерал-полковника Гудериана, который подтверждает, что Гитлер в феврале 1945 года:

во-первых, смешивал свою неизбежную судьбу с судьбой немецкого народа;

во-вторых, хотел всеми средствами продолжать бессмысленную борьбу и что он при этом

в-третьих, приказал беспощадно разрушать все материальные ценности. /Показания Гудериана, страница 177 и 179 моей книги документов/.

Одновременно Суду были пред'явлены чрезвычайно красноречивые приказы Гитлера и Бормана о разрушениях и об эвакуации войск, которые были изданы ими на следующий день после совещания со Шпеером; это документы Шпеер № 25 - 28.

Шпеер уже с середины марта 1944 года принял решение делать все, чтобы ввиду неизбежного проигрыша войны сохранить

16488

H1211-0553

H1211-0554

для немецкого народа необходимые жизненные условия, что подтвердил свидетель Роланд. С возрастанием опасности он все настойчивее повторял своим сотрудникам это решение, как показывают свидетели Кемпф, фон Позер и Шталь относительно июля-августа 1944 г. и свидетели Шталь, Кемпф, фон Позер, Роланд и Хупфауэр - относительно критического времени, начиная с февраля 1945 г.

Можно представить Суду бесчисленные приказы Шпеера о сохранении промышленных сооружений, изданные в период с сентября 1944 г. до конца марта 1945 г. Частично они были изданы без полномочий со стороны Гитлера, но до февраля 1945 г., искусно используя надежды Гитлера на то, что эти области можно будет отвоевать, он частично получал одобрение Гитлера. То, что Шпеер сознательно использовал эту иллюзию Гитлера, не разделяя ее, однако, сам, для того, чтобы избежать разрушений, доказывают показания Роланда, Кемпфа и Позера и его многочисленные меморандумы относительно военного положения.

С начала февраля 1945 г. Гитлер больше не соглашался с подобной аргументацией. Введение к его приказам о разрушении от 19 марта 1945 года, напротив, показывает, что он считал необходимым противодействовать подобной аргументации. Шпеер в своих приказах, например, в приказе от 30 марта 1945 г. /Шпеер документ 29 на стр. 81 книги документов/ относительно всех промышленных сооружений и в приказе от 4 апреля 1945 г. для всех шлюзов и плотин дал указание не предпринимать разрушений промышленности, вопреки приказам Гитлера. Кроме того, это же подтверждают свидетель Кемпф, Позер и Роланд.

В марте месяце право издания приказов об осуществлении разрушений промышленных сооружений и других материальных

ім489

ценностей временно перешла от Шпеера к гаулейтерам.

В этот период Шпеер открыто действовал в противоположном направлении и с помощью поездок в угрожаемые области заботился о саботировании этого приказа. Так, например, он не отдавал имевшихся запасов взрывчатых веществ гаулейтерам, как это показали свидетели фон Позер, Кемпф и Роланд, а также распорядился о том, чтобы так наз. промышленные взрывчатые вещества, которые использовались для взрывов, больше не поставлялись, как это явствует из показаний свидетеля Керля, начальника сырьевого управления его министерства.

Важно также то, что Шпеер в письменной форме настойчиво обращал внимание Гитлера на последствия разрушений для будущего германского народа, что видно из памятной записки Шпеера от 15 марта 1945 года, представленной под № Шпеер-23. В ней Шпеер констатирует, что намеченные разрушения промышленных сооружений и мостов, например, в Рурской области, сделают невозможным восстановление Германии собственными силами после войны.

Таким образом Шпееру, без сомнения, принадлежит главная заслуга в том, что сегодня может быстро развиваться промышленное восстановление Западной и Центральной Европы и что во Франции, Бельгии и Голландии по новейшим данным уже сейчас почти достигнут уровень продукции 1938 года.

Шпеер был министром, ответственным за средства производства, т.е. за фабрики и их оборудование. Таким образом, он сидел у пульта, через который должны были осуществляться гитлеровские намерения о разрушении. На этом процессе мы видели насколько широко подобные пульты управления при системе диктатуры могут осуществлять волю главы государства. Это было

16490

H1211-0555

H1211-0556

счастьем, что в решающий момент той инстанцией, из которой должно было исходить разрушение промышленности, руководил такой здравомыслящий человек, как Шпеер.

Однако Шпеер и помимо этих задач все энергичнее принимал меры для того, чтобы облегчить немецкому народу переходный период и одновременно сократить войну.

Так, например, Шпеер пытался воспрепятствовать разрушению мостов. Всякий немец знает, что до последних дней войны и до последнего уголка германской империи производилось бессмысленным образом разрушение мостов. Несмотря на это, его усилия, без сомнения, увенчались частичным успехом. Многочисленные совещания, имевшиеся по этому вопросу у Шпеера с различными военными командующими, подтверждаются свидетелями Кемпфом и подполковником фон Позером. Этот последний свидетель, был офицером связи Шпеера при сухопутных войсках и сопровождал Шпеера во всех поездках на фронт. Эти совещания имели частичный успех. В конце концов, начальник генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник Гудериан и Шпеер пытались, по предложению последнего, в середине марта 1945 г. добиться от Гитлера изменения его приказа о разрушении мостов, как это подтверждает свидетель генерал-полковник Гудериан, однако, безуспешно. Так как Шпеер знал, какие необозримые последствия будет иметь это разрушение мостов, он, в конце концов, 6-го апреля 1945 года издал от имени генерала Винтера из ОКВ 6 приказов, которые должны были побудить к сохранению мостов на важнейших железнодорожных линиях в империи и во всей Рурской области. Издание этих самовольных приказов подтверждается показаниями свидетелей фон Позера и Кемпф.

16491

Когда Шпеер в конце января 1945 года констатировал, что обеспечение снабжения немецкого народа на длительное время и особенно весенний урожай 1945 года подвергаются угрозе, он подчинил требования вооружения и производства интересам питания. То, что это было произведено не только в интересах текущего снабжения, а именно для того, чтобы облегчить переходное время после оккупации союзными войсками, следует из показаний свидетелей Купфауэр, Керль, Роланд, фон Позер, Рикке, статс-секретаря в министерстве питания Мильха, Кемпф и Зейсс-Инкварта.

Когда Шпеер вновь стал опасаться того, что Гитлер, побуждаемый к этому своими ближайшими сотрудниками из партийных кругов готов был применить осенью 1944 г., а затем в начале 1945 года новый отравляющий газ, он энергично выступил против этого, что было установлено при перекрестном допросе его американским главным обвинителем Джексоном и подтверждено показаниями свидетеля Брандта. Это на странице 186-й моей книги документов. Показания Шпеера о том, что он на основании этого опасения уже в ноябре 1944 года прекратил производство в Германии отравляющих газов, подтверждается свидетелем Шибером. Одновременно Шпеер показал, что военные инстанции также были единодушно настроены против подобного плана.

В заключение подсудимый Шпеер с конца февраля 1945 года путем планирования восстания пытался ускорить окончание войны.

Как из показаний свидетеля Штайя, так и из показаний свидетеля фон Позера следует, что Шпеер планировал также другие насильственные мероприятия. Судья Джексон сказал во время перекрестного допроса Шпеера, что Обвинению известны

16492

H1211-0557

H1211-0558

также другие планы, которые должны были быть осуществлены под руководством Шпеера.

Политическая позиция Шпеера наряду со всеми этими действиями освещается двумя фактами.

Первое. В памятной запискеШпеера Гитлеру, представленной в качестве документа № 1, он констатирует, что Борман и Геббельс называют его чуждым и враждебным партии, и что он не может работать дальше, если его и его сотрудников будут измерять партийно-политическими масштабами.

Второе. 20 июля 1944 г. Шпеер был включен заговорщиками в список нового правительства в качестве министра вооружения, причем единственного министра гитлеровской системы, как это показали свидетели Олендорф, Кемпф и Шталь.

Возможно ли, что эти круги предусмотрели бы назначение Шпеера на пост министра, если бы он не был давно известен внутри страны и заграницей, как порядочный, аполитичный специалист? Разве этот факт, а именно, что он был предназначен на этот пост, будучи одним из ближайших сотрудниковв Гитлера, не является еще одним признаком того большого уважения, которое чувствовала к нему оппозиция?

Господа судьи! Разрешите мне высказать еще несколько принципиальнх соображений по делу Шпеера.

Когда подсудимый в возрасте 36 лет вступил на пост министра, его страна вела борьбу не на жизнь, а на смерть. Он не мог уклониться от порученной ему задачи. Он всю свою энергию использовал для решений этой задачи, которая казалась почти - что неразрешимой. Успехи, достигнутые им при этом, не мешали ему ясно видеть истинное положение вещей. Он слишком поздно понял, что Гитлер думает не о своем народе, а

16493

о себе самом. В своей книге "Моя борьба" Гитлер писал, что всякое правительство всегда должно сознавать, что оно не имеет права вести народ к гибели. Оно, в таком случае, обязано своевременно уйти со сцены, чтобы народ мог жить дальше. Подобные принципы для господина Гитлера, естественно, имели силу лишь в отношении тех правительств, в которых он сам не участвовал. В отношении же самого себя он стоял на той точке зрения, что если германский народ проиграет эту войну, то он окажется слабейшим и тем самым не будет иметь права на жизнь. В противоположность этому жестокому эгоизму, Шпеер сохранил чувство того, что он является слугой своего народа и государства. Не заботясь о самом себе, не думая о собственной безопасности, Шпеер действовал так, как он считал себя обязанным действовать перед своим народом.

Шпеер должен был предать Гитлера, чтобы сохранить верность своему народу. Никто не может отказать в уважении той трагедии, которая связана с его судьбой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я предоставляю слово доктору Людингхаузену, - защитнику подсудимого фон Нейрата.

/К микрофону подходит защитник Людингхаузен/.

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Достопочтенный лорд, господа судьи! "Никогда еще война не казалась мне такой отвратительной". Это писал Наполеон Бонапарт в 1799 году Директории в Париж, после победоносного взятия Яффы, когда он приказал расстрелять там две тысячи пленных турок. Это изречение одного из самых величайших полководцев всех народов содержит в себе не только полное осуждение самой войны, но и всех методов ведения войны, которые уже тогда считались неизбежными, но дозволенными. Заключающееся в этих словах осуждение войны с этической точки

16/24

H1211-0559

H1211-0560

врения высказано было не напрасно. Уже в середине прошлого столетия стремления людей, стоявших на высоком моральном и этическом уровне, были направлены на то, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить или устранить ужасы войны. Создание Красного Креста в Женеве было первым очевидным и многообещающим успехом этих стремлений, первым плодом наполеоновских слов. В то же время эти слова знаменуют собою, если можно так выразиться, истинный час рождения нынешнего процесса. Данный процесс был обусловлен и продиктован не только стремлением ограничить методы ведения войны и свободу применения военных средств и действий, но также и стремлением найти средства и пути к тому, чтобы из"ять войну вообще, как средство политики, из сферы взаимоотношений между народами. Кроме того, процесс преследует еще высокую цель создания такого международного права в жизни народов и сотрудничестве государств, которому подчинились бы все народы и государства, если они хотят считаться культурными государствами, которое связывало бы их так же, как связывает каждого отдельного гражданина государства изданный этим государством закон, регулирующий совместную жизнь граждан данного государства. И хотя вы, господа судьи, и весь мир поймет, как несказанно тяжело нам, немцам, сознавать, что именно та война, которую вели наше германское государство и наш германский народ, вызвала эту попытку создания такого международного права, то мой подзащитный, подсудимый барон фон Нейрат, и я можем лишь приветствовать лежащую в основе данного процесса попытку, так как руководящей нитью всей официальной деятельности моего подзащитного было стремление воспрепятствовать войне, служить миру.

10495

Я не буду особенно подчеркивать этот факт, несмотря на то, что мой подзащитный сегодня судится этим Трибуналом на основании совершенно нового правового принципа. Ведь впервые в истории должна быть претворена в жизнь мысль о том, что государственные деятели того или иного народа должны нести ответственность и наказание за вызванные ими агрессивные войны и за использование во время этих войн бесчеловечных и жестоких средств. Эта мысль, которую Высокий Суд должен претворить в действительность, как правовой принцип, представляет собой что-то совершенно новое в истории международного права. Но если нынешний процесс, вместе с Уставом, положенным в его основу не является процессом, рассчитанным лишь на разрешение вопросов, возникших в связи с только что закончившейся войной, если он рожден не только мыслью о возмездии за зло и ущерб, нанесенные победившим государствам и желанием удовлетворения, а действительно вызван волей и решимостью заставить нести личную ответственность государственных деятелей тех народов, которые вызвали эту войну, и из'ять тем самым войну с ее ужасами вообще из сферы международного общения государств, - то тогда это будет приветствоваться всеми сторонниками мира на основании их искреннего убеждения.

Имеются два момента, которые являются благоприятными для того, чтобы революционизировать все прежние методы руководства внешней политикой государств и поставить их на новую, с этической точки зрения, несомненно более высокую базу.

Уже издавна, со времени знаменитой речи Перикла и учения Платона о государстве, высшим, я хотел бы даже сказать, единственным постулатом для политики государственного деятеля и

16496

H1211-0561

H1211-0562

его оценки в истории было и есть стремление сделать все, что только возможно для того, чтобы обеспечить своему народу возможность существования, максимально улучшить его жизненные условия, и увеличить его значение среди других народов, независимо от того, какие средства при этом применяются. У каждого народа есть в его истории такие государственные деятели, которые с этой точки зрения почитались как герои, как образцовые примеры, и как таковые вошли в историю лишь потому, что они добились успеха, не занимаясь вопросом о том, совместимы ли были использованные ими для достижения своего успеха средства с этическими принципами не только христианского, но и всех других высокостоящих учений о нравственности. Этому основному принципу Устав высокого Трибунала противопоставляет новый принцип, заявляя о преступности агрессивной войны и о наказуемости государственного деятеля, ответственного за такую войну, совершенно независимо от того, была ли эта агрессивная война успешной или нет. Но это не означает ничего другого, как подчинение каждого, в том числе и самого успешного и победоносного руководства, нравственному закону о наказуемости любого применения насилия, как средства политики. Однако для того, чтобы это имело практический смысл и успех это одновременно должно означать также подчинение всякого государственного руководства контролю и осуждению со стороны других культурных государств мира, причем по Уставу высокого Трибунала этому контролю и возможному осуждению могут подлежать также внутриполитические мероприятия, в которых задним числом могут быть усмотрены подготовительные действия к такой войне. Это завело бы

164/97

слишком далеко, если бы я стал рассматривать все вытекающие из этого последствия, это вопрос государственного права и дальнейшего развития. Я же ограничусь тем, что укажу на одно последствие, а именно, на то, что приговору будущего Международного Суда и тем самым возможному наказанию будут подлежать государственные деятели, ответственные за планирование, подготовку и ведение агрессивных войн даже и в том случае, если война была победоносной. В этом, может быть, заключается основная, величайшая мораль новых, изложенных в Уставе положений и принципов.

Если я особенно подчеркиваю эти моменты, то я это делаю не потому, что мой подзащитный или я сомневаемся в том, что авторы данного Устава полностью сознавали эти последствия. То, что эта новая мысль в международном праве была выражена впервые союзными правительствами не в договоре продиктованном силой, а в облеченном всей необходимой об"ективностью и беспристрастностью судебном процессе открытом для мировой общественности, я и мой подзащитный расцениваем как доказательство того, что этот процесс был вызван в жизнь идеальными устремлениями освободить человечество от бича войны. И хотя мой подзащитный и я сам понимаем, что Устав и основанный на этом Уставе процесс в своем самом важном пункте, касающемся того, что наказуемыми являются отдельные действия, которые во время совершения не подлежали наказанию ни по закону, ни на основании прецедента, находится в самом резком противоречии с правовыми принципами всех демократических государств и с любым демократически-либеральным, правовым принципом, все же мой подзащитный и я убеждены в том, что этот Высокий Суд не будет основывать свой приговор на отдельных, не связанных между собой, дейст-

10498

H1211-0563

H1211-0564

виях, на отдельных голых фактах, а что он будет со всей тщательностью расследовать и разбирать все мотивы и намерения каждого отдельного подсудимого, которые обусловили эти действия. И тогда вы, господа судьи, ~~и~~ /в этом я убежден/ должны будете констатировать, что мой подзащитный с первого до последнего дня своей официальной деятельности на посту имперского министра иностранных дел и на посту имперского протектора был преисполнен лишь одним желанием и все его поступки диктовались единственным стремлением - избежать войны и всех связанных с ней ужасов и поддержать мир; оставаясь на своей должности, он руководствовался исключительно намерением, ~~нашим~~ воспрепятствовать с помощью своего влияния войне и всем связанным с ней ужасам. Он ушел в отставку лишь тогда, когда убедился, что все его старания были напрасны, что ~~его~~ воля и решимость верховного правителя государства, т.е. Гитлера, были сильнее, чем он. Поэтому самый факт его принадлежности к правительству до этого момента нельзя рассматривать как согласие, - я уже не говорю о содействии и соучастии в планировании, подготовке и ведении войн, - и возлагать на него ответственность за войну и тем более за совершенные во время этой войны ужасы и злодеяния.

Как раз применение правового положения, которое здесь впервые использется демократическими государствами в международном праве и суть которого состоит в том, что отдельное совершенное действие может впоследствии с помощью закона быть об"явлено наказуемым, - неукоснительно требует проверки и ответа на вопрос о суб"ективной вине подсудимого для его осуждения, то-есть, требует не только сознания им аморль-

ности и возможной наказуемости того или иного поступка, но и наличия воли к совершению этого действия или, по крайней мере, к активному содействию, вопреки этому сознанию. Если не считаться с этим основным постулатом, то весь процесс не только лишится своего высоко-этического значения, но и откроет широкие возможности для произвола и представится всему миру не как подлинный суд в самом истинном и глубоком значении этого слова, а как насилие, прикрывающееся судебной мантией.

Тем самым на Ваши плечи возложена неслыханная ответственность - такая ответственность, какой не знал еще ни один суд в мире. Вы, господа судьи, должны, согласно воле и идее отца нынешнего процесса - президента Рузвельта, слишком рано потерянного для всего мира, заложить фундамент храма мира для всех народов земного шара. Вы должны построить фундамент для достижения грезившегося ему идеала вечного мира. Будущие поколения должны будут продолжать строительство на основании Вашего приговора. Вы должны указать направление, по которому те, кто будут жить после нас, будут стремиться к осуществлению этой высокой цели. Ваша задача не в том, чтобы создать прецедент, не в том, чтобы на основании этого единичного дела наказать виновных, - Вы должны создать принципиальные положения нового международного права, которое будет господствовать в будущем. Уже это одно, то-есть, эта поставленная перед Вами задача, определяет собою значение данного Трибунала, его смысл и высокую этическую сущность, перед чем мы все преклоняемся. Однако одновременно это означает то, что приговор, который Вы

10500

H1211-0565

H1211-0566

должны здесь вынести над подсудимыми, не является обычным приговором над отдельными подсудимыми и их действиями, а представляет собой основной новый закон, на основании которого все позднейшие суды будут творить правосудие и выносить свои приговоры.

На Вас, господа судьи, лежит поэтому задача истолковать положения устава в принципиальной форме, создать правила и основные положения для практического применения Устава на будущие времена. Ответственность, которую Вы берете на себя тем самым перед историей, ставит Вас перед решением двух основных вопросов, ответ на которые тем более сложен, что содержащееся в Уставе правовое понятие заговора, которое является правовой основой всего обвинения, не только является чуждым большинству народов, и прежде всего европейским народам, но и возникновение его в той или иной стране было обусловлено лишь необходимостью борьбы с преступлениями против внутригосударственного правопорядка; это понятие применялось только в таких рамках. Отсюда неизбежно вытекает та основная предпосылка, что характер толкования и применения этого правового понятия в сфере международного права не может и не должно быть таким же, как при борьбе с бандами преступников, совершающих преступления против социального порядка того или иного государства и изданных для охраны этого порядка законов. В этом последнем случае речь идет обычно об отдельных личностях, в большей или меньшей степени аморальных или действующих из корысти, алчности или других безнравственных инстинктов и противопоставляющих себя существующему общественному порядку. В международном же праве, особенно, если дело касается

1650

агрессивной войны, речь идет, в конце концов, не столько об отдельных государственных деятелях, сколько о целых народах . Времена абсолютизма, когда воля властителя определяла судьбы и действия того или иного народа, окончательно прошли. Сейчас нельзя себе представить ярко-выраженного самодержца, всемогущего деспота, который действовал бы вопреки воле или во всяком случае хотя бы без молчаливого согласия его народа или, по крайней мере, его большинства. И здесь /это следует заявить перед всей мировой общественностью/ за подсудимыми незримо стоит наш бедный, разбитый и измученный германский народ, который поднял на щит и сделал своим фюрером человека,принесшего ему гибель. Совершенно невольно из этого вытекает требование, чтобы на данном процессе в отличие от того, что имеет место при заговоре обычных преступников, в первую очередь при применении понятия заговора в международном праве должен быть проверен и рассмотрен тот вопрос, каким образом оказалось возможным, что народ, стоящий так высоко в интеллектуальном отношении, народ, который подарил миру так много великих культурных и духовных благ, вообще смог приветствовать такого человека, как Гитлер, последовать за ним в самые кровавые войны и отдать ему все лучшее и даже последнее, что у него было.

Только тогда, если Вы, господа судьи, включите это в круг Ваших соображений и проверите этот вопрос, Вы сможете также и в отношении отдельных подсудимых, которые различны между собой, притти к справедливому приговору, который выдержит испытание истории. Поэтому я счел не только своим правом, как защитника подсудимого барона фон Нейрата, но и

16502

H1211-0567

H1211-0568

своим долгом немца дать в общих чертах об'яснения этому непонятному для людей не немецкой национальности факту нацистского господства, показать Вам, почему последствия Версальского договора, а также в значительной мере методы его претворения в жизнь с исторической неизбежностью привели к этому.

Ввиду краткости времени, представленного мне Судом, я должен воздержаться от изложения этой части моей речи, но , надеюсь, однако, что Суд найдет возможным ознакомиться с нею впоследствии, а также учтет эти соображения при вынесении приговора. Поэтому я продолжаю со страницы 44-й моей речи и хочу, прежде всего, кратко обрисовать Вам личность и образ мышления этого человека, стоящего перед Вами сейчас в качестве подсудимого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Господин Людингхаузен, сейчас мы должны об'явить перерыв.

/Об'является перерыв на 10 минут/

Встать! Суд идет!

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Будучи отпрыском старинного рода, который подарил своей маленькой родине Вюртембергу многих верных ответственных государственных чиновников, подсудимый фон Нейрат получил простое и строгое воспитание в семье, проникнутой не только духом истинного христианства и человеколюбия, но также и горячей любовью к германскому народу и к родине, он вырос в доме, в котором с самого детства и на всю его жизнь в нем было укреплено сознание священного долга, пронизывавшее все его мышление, все его действия, желания и волю, долга, состоявшего в том, чтобы все силы,

умение, качества и способности поставить на службу благу народа, подчинив этому благу свои личные интересы и даже пожертвовав ими. Но - и это надо подчеркнуть уже сейчас - наряду с этим стремлением в нем с равной силой постоянно жила глубокая и действительная религиозность, правдивость и любовь к людям, что всегда заставляло его быть противником всякого применения насилия по отношению к другим, не только в своей личной жизни и в своем отношении к людям, но одновременно определяло собою всю его служебную деятельность также и после Версальского договора и предписывало ему законы его служебной деятельности, как представителя империи в других государствах, как министра иностранных дел и, наконец, как протектора Богемии и Моравии. Не только с помощью своего прекрасного характера, своего поведения и обращения, естественного для человека такого происхождения и воспитания, но в первую очередь благодаря всем своим действиям, как дипломата и государственного деятеля, проникнутым любовью к миру и откровенностью он снискал повсюду в мире неограниченное и искреннее уважение и любовь всех людей, с которыми он соприкасался, даже своих политических противников. В качестве неоспоримого доказательства этого факта, правильность которого, господа Судьи, могут подтвердить вам ваши собственные дипломаты, достаточно указать на то, что, как вы знаете, из показаний, данных под присягой моим клиентом, никто иной, как король Георг У и король Эдуард УП английский приняли подсудимого по случаю его пребывания в Лондоне в 1933 и 1935 г.г. на личной аудиенции, что английское правительство летом 1937 г. и снова в 1938 г., когда он уже не был министром иностранных дел, приглашало его посетить Англию для политических переговоров и что, наконец, в день его 65-летия 2 фев-

26504

H1211-0569

H1211-0570

раля 1938 г. к нему явился весь дипломатический корпус в Берлине, чтобы поздравить его, и монсеньор Орсениго, бывший тогда главой дипломатического корпуса, выразил от имени дипломатического корпуса свою благодарность и свое признание за его руководство делами министерства иностранных дел, всегда направленное на установление взаимного понимания и согласия.

Считаете ли вы, господа Судьи, что ваши дипломаты и государственные деятели настолько мало понимают в людях, обладают настолько малым опытом и жизненной мудростью, что если бы было правильным утверждение Обвинения о том, что г-н фон Нейрат сознательно поставил себя и свое доброе имя на службу нацистам в качестве вивески и все его действия, высказывания и заверения, как министра иностранных дел, были лишь маскировкой, т.е. сознательным обманом всего мира, они не поняли бы этого в течение 6-летней деятельности подсудимого в качестве министра иностранных дел?

При этом само собой разумеется, что такие старые и опытные демократии, как Англия, Америка, Франция и Ватикан назначали тогда на важнейший пост посла в Берлине своих умнейших и опытнейших дипломатов. Я даже думаю, что Обвинение не совсем ясно сознает, какое свидетельство в бедности оно выдало своим собственным дипломатам своим вышеописанным утверждением о подсудимом, причем в подтверждение этого утверждения оно могло представить лишь достаточно фантастический доклад американского консула Мессерсмита. Вообще я твердо убежден в том, что вы, господа Судьи, на основании Вашего долголетнего судейского опыта обладаете достаточным знанием людей, чтобы понять с первого взгляда, что мой клиент по всему своему характеру совершенно неспособен к таким нечестным действиям, не говоря уже о том, чтобы приписать ему такое актерское искусство, чтобы в течение шести лет он мог водить за нос способнейших и опытнейших дипломатов всего мира. Человек, который 60 лет вел честную и порядочную жизнь, как подсудимый, никогда в конце своей жизни не смог бы подобным образом отказаться от всего того, что он раньше ставил так высоко. Это противоречило бы всякому жизненному опыту.

16505

На том же уровне находится утверждение Обвинения о том, что подсудимый фон Нейрат своим вступлением в кабинет Гитлера и своим пребыванием в правительстве действовал на консервативные круги Германии, как действует пятая колонна с ясной целью привлечь их на сторону национал-социализма. Эта клевета на подсудимого, которую Обвинение даже и не пыталось подкрепить каким-либо доказательством опровергается показаниями под присягой всех свидетелей и представленными аффидевитами, которые единодушно показывают, что отставка подсудимого с поста министра иностранных дел именно этими кругами была воспринята с большим огорчением и беспокойством, так как эти круги видели в выходе подсудимого из правительства признак того, что отныне его последовательная политика мира будет заменена другой, направленной на войну внешней политикой, которую с полным правом расценивали, как национальное несчастье. Ибо все они разделяли убеждение президента фон Гинденбурга в том, что господин фон Нейрат был представителем мирной внешней политики империи и гарантировал последовательное проведение этой мирной политики, вопреки всевозможным нежелательным агрессивным экспериментам Гитлера и нацистской партии и что по этой причине президент, при назначении Гитлера рейхсканцлером, категорически поставил условием пребывание подсудимого в его кабинете в качестве имперского министра иностранных дел. Этот факт доказан показаниями под присягой всех допрошенных по этому вопросу свидетелей, а также представленным мною письмом свидетеля доктора Кепке от 2 июня 1932 г. посланнику Рюмелину, книга документов I, № 3.

Но этот последний документ одновременно также показывает, после какого длительного сопротивления подсудимый решился принять этот пост, и тем самым подтверждает

H1211-0571

H1211-0572

собственные показания под присягой подсудимого о том,что он решил вступить на этот пост лишь после того,как высокопочитаемый им президент апеллировал к его любви к родине и напомнил ему об обещании, данном им два года назад президенту, не оставлять его, если он в нем будет нуждаться. Пожалуй,нет надобности в дальнейших доказательствах безосновательности и неправильности голословного утверждения Обвинения о том,что подсудимый использовал свое положение, свою репутацию,свои связи и свое влияние для того, чтобы помочь Гитлеру и нацистской партии притти к власти в империи. Мне едва ли нужно в этом отношении ссылаться на соответствующие показания подсудимого Геринга и других свидетелей, в частности доктора Кепке,из которых ясно видно,что тогда не существовало никакой связи между Гитлером и нацистами и подсудимым,не говоря уже о том, что подсудимый ни в коей мере не сотрудничал в переговорах,предшествовавших назначению Гитлера ~~рейх~~канцлером. Любовь к отечеству, сознание ответственности,величайшая забота о судьбе своего народа и е обещание не оставлять президента фон Гинденбурга в час нужды - были исключительными мотивами этого человека,побудившими его покинуть ставший ему милым пост посла в Лондоне и в этот критический и решающий час взять на себя тяжелые обязанности министра иностранных дел империи и вместе с этим возложенную на него президентом фон Гинденбургом задачу,заключавшуюся в том,чтобы сохранять мирное направление внешней политики империи хотя бы против воли Гитлера. Подсудимый фон Нейрат с полным правом может считать своей заслугой то,что он всегда продолжал служить этой задаче всеми своими силами также и после смерти президента фон Гинденбурга до того момента,когда он увидел,что эта задача превышает его силы,что Гитлер

больше не поддается его влиянию,а решил итти по таким внешнеполитическим путям, по которым подсудимый по своему внутреннему убеждению и взглядам не мог следовать за ним.

До 5 ноября 1937 года,до знаменитой речи Гитлера к командующим частям вооруженных сил,подсудимый фон Нейрат,честно выполняя свое обещание,данное президенту фон Гинденбургу, и после его смерти также оставался на своем посту и,благодаря этой верности умершему президенту,ему, в некоторых случаях,касавшихся внутренней политики Гитлера, приходилось,как члену имперского правительства,молча сносить вещи,которые не соответствовали его собственной позиции и взглядам, и даже прямо им противоречили.Воспрепятствовать этому было не в его силах. Поэтому он должен был ограничиться тем,чтобы,по возможности, в отдельных случаях ослаблять или устранять их последствия,как вы видели из аффидевита епископа доктора Вурма /книга документов I-я,документ № I/ и показаний остальных допрошенных об этом свидетелей. Упрек Обвинения в том,что он не использовал этих случаев как повода для своего ухода с поста министра, а,наоборот,своим пребыванием на посту сознательно одобрял их, совершенно неоснователен. Высшим законом его действий было выполнение задачи, возложенной на него господином имперским президентом фон Гинденбургом и заключавшейся в том,чтобы обеспечить проведение мирной внешней политики империи. Он нарушил бы данное самому себе слово,если бы покинул пост министра иностранных дел прежде,чем он выполнил бы эту задачу или прежде,чем ее выполнение стало бы невозможным. Разве может кто-нибудь, оставаясь об'ективным упрекнуть его на основании этого или даже,как это делает Обвинение, отождествлять его с нацистами?

16508

H1211-0573

H1211-0574

В этих воззрениях подсудимого заключается единственная причина, почему он не отказался, как это сделал министр Эльц фон Рубенах, от назначения почетным группенфюрером СС в сентябре 1937 года, а также от золотого партийного значка, который был вручен ему Гитлером на заседании комитета 30 января 1937 года, в чем Обвинение усматривает доказательство его мнимого национал-социалистского умонастроения. Ибо, как доказывают показания подсудимого Геринга, такой отказ со стороны подсудимого фон Нейрата так же как и со стороны Эльза фон Рубенаха, был бы воспринят Гитлером как оскорбление, и на него Гитлер бы ответил немедленным увольнением подсудимого в отставку. Этого подсудимый как раз не хотел и должен был избежать, ибо в то время он мог еще выполнять порученную ему президентом задачу - быть гарантом мирной внешней политики империи, так как тогда, по его справедливому убеждению, его влияние на Гитлера было еще достаточно большим для того, чтобы обеспечить согласие Гитлера с проводимой им мирной внешней политикой.

Представленными доказательствами с очевидностью установлено, что в обоих случаях речь не шла о действительном вступлении в СС и в партию; в первом случае дело касалось лишь формы и объяснялось желанием Гитлера блеснуть своими приближенными во время предстоявшего визита Муссолини; во втором случае это являлось очевидным выражением признательности за хорошую службу подсудимого в качестве министра иностранных дел и одновременно доказательством полного одобрения Гитлером, проводимой подсудимым миролюбивой внешней политик, т.е. о самом обыкновенном награждении орденом, как это принято во всех государствах. Награждение орденом в обычном смысле было тогда еще невозможно, так как тогда в Третьей империи ор-

денов еще не существовало. То,что подсудимый в обоих случаях,несмотря ни на что, немедленно заявил,что он ни при каких обстоятельствах не желает рассматривать получение от Гитлера этих почетных аттрибутов,как свое вступление или прием в СС или в партию, доказано показанием под присягой подсудимого.

Вообще же он никогда не приносил присягу, которая являлась условием вступления в СС, никогда не осуществлял никакой деятельности в СС, и за всю свою жизнь лишь два раза одел форму СС ввиду настойчивого желания Гитлера.Это также подтверждено его показаниями под присягой.

В действительности в обоих случаях речь идет о личной жертве подсудимого, принесенной им своему,данному Гинденбургу, обещанию. Если обвинение считает,что на основании этих двух случаев следует сделать заключение о национал-социалистском мировоззрении, о согласии подсудимого с идеологией и всей правительственной системой Гитлера, то оно находится на совершенно неверном пути. И еще в меньшей степени это утверждение Обвинения подкрепляется награждением подсудимого орденом Орла,ибо этим орденом он, как и подсудимый фон Риббентроп,были награждены не за достигнутые ими лично успехи, а,наоборот,награждение этим орденом было скорее связано с положением имперского министра иностранных дел или имперского протектора, как такового, чтобы придать этому ордену,который был предназначен только для награждения иностранцев, особое значение в глазах иностранных государств, что явствует уже из того,что подсудимый при своем уходе в отставку должен был его вернуть.

В процессе представления доказательств все допрошенные под присягой свидетели ясно показали,что подсудимый с самого начала и до конца отрицательно относился к на-

H1211-0575

H1211-0576

ционал-социалистской системе и ее доктринам, и поэтому определенные партийные круги относились к нему враждебно и вели с ним борьбу. Они хорошо знали,что подсудимый фон Нейрат,как это следует из его собственных показаний,а также из показаний свидетелей доктора Кепке и доктора Дикхоффа, до последнего дня очень энергично и успешно выступал против всяких попыток назначения членов партии в качестве чиновников в министерство иностранных дел для того,чтобы открыть в него доступ нацистскому влиянию и что,несмотря на многие интриги, его нельзя было отвлечь от проведения его явной мирной политики. Подсудимый сносил и эти враждебные действия и интриги благодаря своему неизменному сознанию ответственности и своей любви к отечеству,руководимый только стремлением вести германскую внешнюю политику по тем путям, которые по его убеждению, сложившемуся за долгие годы успешной дипломатической деятельности, были единственно правильными. Ему было совершенно ясно,что, если он уйдет со своего поста,то тем самым будет устранено последнее препятствие к проникновению в имперское министерство иностранных дел членов партийных и нацистского духа и опасность отхода от олицетворяемой им мирной политики станет вполне реальной,как это и получилось действительно вскоре после его отставки 4 февраля 1938 года.

Поэтому для подсудимого было одним из величайших,может быть, самым тяжелым разочарованием за время его служебной деятельности,когда он 5 ноября 1937 года понял из речи Гитлера, что все его стремления,вся его борьба,все его личные жертвы последних пяти лет были бесполезны,что его влияние на Гитлера окончилось и что Гитлер решил отказаться от него и от проводимой им политики мира и соглашения и,в случае нужды, для достижения своих,изложен-

ных в речи, более чем утопических планов и намерений воспользоваться также военными средствами. Это поразило его,как гром среди ясного неба, ибо до тех пор ничто не указывало на то,что Гитлер может быть не согласен с проводимой подсудимым политикой мира. Насколько тяжело поразил его этот удар, который, повидимому, уничтожил все его надежды и все его стремления предохранить Германию от внешнеполитических опасностей,от военных осложнений и возможной, если не обязательной катастрофы,показывает сердечный припадок,случившийся с ним на следующий день. Но из-за своего сознания ответственности,из-за жгучей заботы о будущем своего народа он, прежде,чем сделать последний, естественный для него вывод и подать в отставку, считал себя обязанным еще раз попытаться в подробной и серьезной беседе отговорить Гитлера от его несчастных планов и намерений.

Однако ,после того,как он вынужден был во время этой беседы констатировать,что решение Гитлера неизменно,он, ни секунды не колеблясь заявил Гитлеру, что он ни при каких обстоятельствах не намерен содействовать такой гибельной политике и что Гитлер для такой внешней политики должен найти себе другого министра иностранных дел.Гитлер удовлетворил это ходатайство об отставке своим письмом от 4 февраля 1938 года.

Я спрашиваю вас,господа судьи, существует ли более недвусмысленное и ясное доказательство,чем эта отставка, подтверждающее абсолютную неправильность и полную безосновательность выдвинутого на этом процессе против моего клиента обвинения в том,что он с помощью проводившейся им внешней политики содействовал или хотел содействовать планированию и подготовке агрессивных войн,которые после-

18512

H1211-0577

H1211-0578

довали через полтора года? Существует ли более недвусмысленное и ясное доказательство внутренней противоречивости применения принципов заговора к делам и действиям государственных деятелей и особенно подсудимого? Существует ли,наконец, более недвусмысленное и ясное доказательство абсурдности ретроспективного суждения о политике государства, что является здесь одним из краеугольных камней всего обвинения?

Вы,господа судьи, которые должны осуществить правосудие,знаете по вашей деятельности и опыту,по крайней мере,так же хорошо,как я, насколько опасно делать впоследствии заключения на основании действий какого-либо человека,совершенных им в прошлом,о мыслях,намерениях и делах этого человека,относящихся ко времени за несколько лет до этого. Времена меняются и мы вместе с ними.Каждый из нас,без сомнения, неоднократно убеждался по собственному опыту в правильности этого положения. Убеждения и мнения, намерения и решения, которые были у нас в определенное время и которыми мы руководствовались, мы с течением лет изменили и заменили другими частично вследствие изменения нашего "я", частично вследствие изменения внешних условий. Неужели же действительно хотят выдвинуть определенное положение и на основании ретроспективного рассмотрения сделать вывод, что прежние намерения,высказывания и действия были лишь маскировкой и человек уже тогда намеревался и решил сделать то,что он сделал через несколько лет при совершенно других обстоятельствах? Почему в отношении политика, государственного деятеля вы хотите применять другой масштаб, он ведь тоже является только человеком и его идеи,намерения и мнения, подвержены таким же изменениям,как и у всякого другого. Он даже в еще значительно большей степени подчинен внеш-

16513

ним влияниям, внешним условиям, известным неопределенным факторам и зависит от них, чем всякий другой человек. Один пример: что бы вы сказали о человеке, который бы серьезно отважился утверждать, что Наполеон Бонапарт в то время, когда он в великую революцию отправился в Париж, или позже, когда он взял на себя командование французскими армиями в Северной Италии, уже имел мысль или намерения или даже план сделаться в 1804 году императором французов, а в 1812 году пойти на Москву? Я думаю, что тот, кто выдвинул бы это утверждение, остался бы одинок в своем мнении. И все-таки искусный диалектик мог бы с такой же кажущейся логикой и справедливостью обосновать это утверждение историческим развитием вещей, как это делает Обвинение в отношении своего утверждения о том, что Гитлер уже в момент прихода к власти и даже уже при составлении партийной программы в 1920 году имел не только намерение, но даже план ведения своих позднейших агрессивных войн и что все то, что делал Гитлер и нацисты или их сотрудники с момента прихода к власти в области внешней и внутренней политики, являлось сознательной подготовкой этих агрессивных войн.

Господа судьи! Я думаю, что тот, кто последует за Обвинением и его в конце концов очень слабыми доводами в его ретроспективном рассмотрении фактов, тот чрезвычайно сильно переоценит не только духовные, но и политические способности не только его приверженцев, но и самого Гитлера. Потому что это несомненно доказывает известную духовную ограниченность, если человек, а особенно государственный деятель, основывает свою политику, как это бесспорно делал Гитлер на предположении, что правительства и государственные деятели остальных государств могут быть всегда обмануты одними и теми же методами, что они

16514

H1211-0579

постоянно будут сносить всегда одинаковые действия,расцениваемые ими,как нарушение договоров и будут спокойно наблюдать за всем этим, до того момента когда Гитлер решит,что теперь он в состоянии применить вооруженную силу против почти всего мира. И разве это не доказательство духовной ограниченности,если государственный деятель настолько недооценивает способности и ум, а также силу своего противника, как это делал Гитлер? К этому следует добавить,еще одно, что также нельзя недооценивать,это - скачкообразность собственного мышления Гитлера и вытекающих из этого его решений. Я думаю,что в отношении этого мне не надо представлять вам дальнейших доказательств. Это всем известно.Но Гитлер кроме того был человеком,не переносившим никакого противоречия, никакого сопротивления и,если он наталкивался на них и встречал противоречия, которые он не мог устранить своей властью, он немедленно менял свои планы и намерения и увлекался решениями,которые часто были прямо противоположны тому,что он до этого хотел, планировал и делал.

Все это говорит против приписываемого Обвинением Гитлеру намерения планировать и подготавливать войны с момента прихода к власти или даже за несколько лет до этого. Невозможность такого положения становится еще более ясна,если вспомнить о следующем: бесспорно,Гитлер,как это видно из представленных мною документов, со дня прихода к власти до 1937 года неоднократно в публичных речах, обращениях и дипломатических нотах не только заявлял о своей воле к миру, но и делал положительные предложения для практического осуществления ограничений вооружения всех государств, в том числе и Германии,из которых ясно видно,что в отношении германских вооруженных сил и их мощи он готов был удовлетвориться таким соотношением с

H1211-0580

14515

вооружениями западных держав,которое с самого начала исключало возможность всяких агрессивных войн против других государств. И,представьте себе, что одно из этих предложений Гитлера было бы принято остальными государствами, тогда агрессивная война, которую Гитлер якобы планировал и подготавливал долгие годы, была бы вообще невозможна. Все усилия,труды и издержки,пошедшие на ее подготовку, были бы бесполезны. Или вы,может быть, считаете мыслимым что Гитлер предвидел и считался с тем, что его предложения будут отклонены и что он делал их лишь сознавая это? Тогда он был бы действительно прямо-таки демоническим гением, ясновидцем высшей степени. Действительно ли вы хотите настаивать на- этом и тем самым подтвердить утверждение Обвинения о планировании агрессивной войны 1939 года,задуманной задолго до прихода к власти? И даже если вы ответите на этот вопрос положительно в отношении личности Гитлера, неужели вы припишете также и его сотрудникам, его сообщникам,даже всем членам партии подобный пророческий дар? Задать этот вопрос,значит ответить на него отрицательно. Но вместе с этим вопросом рушится все вымученное и искусственное обоснование обвинения. И с ним рушится также все утверждение относительно всего состава преступления и,в частности, совместной ответственности всех сотрудников Гитлера, об'единяемых в понятии заговора, по меньшей мере до того момента,когда широким кругам его последователей стало ясно,что Гитлер хочет войны и решил начать ее. Но тем самым становится очевидной безотносительная правильность выдвинутого мною в начале моей речи постулата о рассмотрении суб'ективной ответственности каждого отдельного подсудимого, и отказа от принципа совместной ответственности каждого из них лишь на основании факта его содействия рассматриваемым

16516

H1211-0581

H1211-0582

Обвинением,как подготовка к агрессивной войне, действиям в какое-либо время независимо от того,знало ли данное лицо о целям и намерениях Гитлера.

Это противоречило бы всякому, как примитивнейшему, так и самому высокоразвитому правосознанию всех народов земли,если,как это делает Обвинение, просто отбросить в сторону и не обращать внимания на этот постулат. Тогда "Сумма юс" /Summa jus /,к чему стремится этот процесс, превратилось бы в "сумма ин'юриа" (summa injuria)Лучшим доказательством правильности этого утверждения является сам подсудимый фон Нейрат. Разве это не явное безумие/ разве это не "сумма ин'юриа" обвинять в сознательном содействии планированию и подготовке агрессивных войн этого человека,видевшего свою единственную задачу,которой он принес многие личные жертвы в том,чтобы воспрепятствовать созданию военных осложнений,человека,который в тот момент,когда он должен был признать,что эта задача превышает его силы,немедленно ушел в отставку. Это чувствует,повидимому, также само Обвинение, ибо иначе оно не привело бы в качестве доказательства мнимой вины подсудимого его присутствие на речи Гитлера 5 ноября 1937 года и не замалчивало бы то,что подсудимый в результате этой речи, показавшей переход Гитлера от политики мира к политике войны, счел необходимым отказаться от дальнейшего сотрудничества и тем дал понять,что он ни в прошлом,ни в будущем не содействовал и не будет содействовать планированию,подготовке или ведению агрессивной войны или одобрять ее. Вместе с этим раз и навсегда отпадает всякая виновность подсудимого фон Нейрата в смысле обвинения. Ибо даже, если считать,что он, как ответственный руководитель германской внешней политики и нарушил международные договоры,то следует указать на то, что,согласно точному

тексту Устава нарушение международных договоров само по себе не является наказуемым преступлением, а становится таковым лишь в том случае, если оно служит подготовке агрессивных войн. То, что такое нарушение служит этой цели, этого должен хотеть или по крайней мере сознавать нарушитель.

То, что у подсудимого фон Нейрата отсутствовала такая воля и даже малейшее сознание этого, доказывает совершенно ясно его отставка с поста министра иностранных дел. Но я покажу вам, что даже это обвинение в нарушении международных договоров не обосновано.

Когда 2 июня 1932 года подсудимый фон Нейрат, по желанию Гинденбурга, взял на себя руководство министерством иностранных дел, существовало два вопроса, которые по своему значению далеко превышали все остальные европейские проблемы и требовали срочного разрешения. Это была проблема германских репарационных платежей и проблема разоружения держав-победительниц и неразрывно связанного с этим равноправия Германии.

Первый вопрос подсудимому и бывшему тогда рейхсканцлером фон Папену удалось через несколько дней после вступления подсудимого на должность привести к удовлетворительному решению на конференции держав в Лозанне, которая начиналась 10 июня 1932 года. На заключительном заседании конференции 9 июля 1932 года было постановлено, что Германия должна будет уплатить окончательную сумму в 3 миллиарда марок и после этого окончательно освободится от оков Версальского договора. План Юнга был отброшен и оставались лишь обязательства Германии по предоставленным ей займам. Тем самым с политической точки зрения Германия достигла того, что часть VIII Версальского договора, в которой были записаны репарационные обязательства на основании статьи 232-й, была устран

16518

H1211-0583

H1211-0584

на. Первая брешь была пробита.

Совсем иное положение было с проблемой разоружения. Я думаю,всем известно, что возникновение этой проблемы было обусловлено частью У-й Версальского договора,где говорилось о возложенном на Германию обязательстве о разоружении, и в преамбуле к этой части было сказано,что в случае выполнения этого обязательства сильно-вооруженные государства-победители обязаны также разоружиться. Германия разоружилась, она полностью выполнила свои обязательства уже в 1927 г.,что является бесспорным и было признано Лигой наций. Тем самым стало актуальным требование Германии о выполнении обязательств партнеров по договору, о которых говорилось в преамбуле к части У-й. И Германия уже задолго до вступления на пост подсудимого, выдвинула свое требование о разоружении высоко вооруженных государств и связанное с этим требование о признании равноправия Германии. Переговоры,начатые на так называемой конференции по разоружению, однако, нисколько не продвинулись до вступления подсудимого на пост министра иностранных дел, наоборот,как раз летом 1932 года они почти полностью зашли в тупик. Что касается подробностей, то я, учитывая краткость отведенного мне времени,позволю себе сослаться на находящийся в моей книге документов 2 под № 40 германский меморандум от 29 августа 1932 года и на находящееся там же под № 41 интервью моего клиента от 6 сентября 1932 г. представителю телеграфного агентства Вольфа. И,наконец,я разрешу себе сослаться на документ, переданный Трибуналу под № 45 моей книги документов № 2, это заявление подсудимого от 30 сентября 1932 года,сделанное немецкой прессе. Из всех этих заявлений,которые одновременно должны были служить подготовке начинающихся

16 октября 1932 г. переговоров на конференции по разору-
жению и которые должны были показать западным державам и
всему миру серьезность положения, ясно видно каков был
основной господствующий с самого начала принцип всей по-
литики подсудимого, принцип, который определял собою его
взгляды до самого его ухода с должности, принцип, опреде-
лявший собою его мышление и его намерения, как человека,
дипломата и министра иностранных дел. Этот принцип можно
выразить следующими словами: предотвращение применения
оружия как средства разрешения конфликтов, достижение
всех целей и выполнение всех задач германской внешней по-
литики одними лишь мирными средствами, исключение войны
как средства политики, одним словом обеспечение и сохране
ние мира среди народов. Это та самая тенденция, о которой
говорит бывший французский посол в Берлине Франсуа Пон-
се, в письме, которое я представил Трибуналу под № 157 в
моей У-й книге документов, где приводится характеристика
подсудимого, и это же было единогласно подтверждено все-
ми свидетелями и аффидевитами. Несмотря на то, что конфе-
ренция по разоружению началась с неприятного инцидента с
Германией, что побудило главу немецкой делегации заявить,
что при таких условиях немецкая делегация не будет при-
сутствовать на конференции, западные державы все же не
пожелали полностью игнорировать политики, пронизанной та
кой этической тенденцией; по инициативе британского пра-
вительства 11 декабря 1932 г. было заключено известное
соглашение пяти держав, в котором Англия, Франция, Ита-
лия и присоединившиеся к ним Соединенные Штаты Америки
признали равноправие Германии. В моей второй книге доку-
ментов это соглашение пяти держав помещено под № 47-а.
Главный комитет конференции по разоружению 14 декабря
1932 г. с удовлетворением принял к сведению это соглаше-

16520

H1211-0585

H1211-0586

ние и немецкий представитель заявил о своем согласии участвовать в последующих переговорах на конференции, причем он подчеркнул, что это признанное II декабря 1932 года равноправие Германии является обязательным условием для дальнейшего участия Германии в переговорах. Казалось, что был сделан большой шаг вперед на пути достижения соглашения по вопросам разоружения.

Но в дальнейшем получилось иначе: когда вскоре, а именно 2 февраля 1933 года опять начались переговоры на собравшейся в Женеве конференции по разоружению, дело дошло до крупных столкновений между немецкой и французской делегациями. Во время этих столкновений французский представитель Пауль Бонкур дошел до того, что заявил, что соглашение пяти держав, заключенное II декабря 1932 года не имеет должной силы, ибо оно заключено только пятью державами. Поводом для таких все время обостряющихся разногласий было то, что положенный в основу переговоров французский план от 14 ноября 1932 года к великому удивлению не только одной Германии, показывал значительное изменение позиции Франции по основному вопросу всей проблемы разоружения. В этом плане, противоречащем принципам Версальского договора и позиции самой Франции до сего времени, Франция внезапно стала поддерживать ту точку зрения, что армии, в которых служат сверхсрочники, т.е. солдаты-профессионалы, имеют агрессивный характер и представляют опасность для мира, и что только армии с коротким сроком службы имеют оборонительный характер. Учитывая имеющееся в моем распоряжении время, я, должен отказаться не только от изложения деталей этого французского плана, но и от изложения развития все обострявшихся разногласий между Германией и остальными державами.

Считая, что эти факты общеизвестны, я ограничусь лишь указанием на то, что новый французский тезис, положенный

26521

в основу конференции по разоружению, был направлен против Германии и против ее армии, созданной на основании условий, установленных Версальским договором. В случае воплощения в жизнь этого тезиса, который требовал преобразования имперской армии в армию милиции с краткосрочной службой, это привело бы к еще большему ограничению средств обороны, которые и без того были недостаточными для защиты от нападения. В то же время этот тезис ясно показывал, что Франция не хочет разоружаться, что было видно также из заявлений французского представителя. Этот новый план Франции, как и вся ее позиция, в особенности по вопросу о сокращении численности своей собственной армии, были ничем иным, как новым выражением ее старого тезиса: сначала безопасность, потом разоружение. Этим Франция не только сводила на нет все предшествующие переговоры, но и переговоры относительно нового плана посредничества, представленного Англией в целях предотвращения угрожающего прекращения переговоров, так называемого плана Макдональда. Указание Германии на то, что следует учитывать и ее безопасность, и ее требование всеобщего разоружения, которое вытекало из признания ее равноправия 11 декабря 1932 г., были восприняты противной стороной как вызов, и вина в том, что переговоры не увенчались успехом, была приписана Германии. В то время мой подзащитный, в интересах выяснения положения перед мировой общественностью счел необходимым в журнале "Лига наций", выходившем в Женеве, 11 мая 1933 г. опубликовать статью, в которой он раз'яснял результаты конференции, комментировал позицию Германии и в конце заявлял, что германские требования практически осуществить равноправие Германии путем разоружения хорошо вооруженных государств не увенчались успехом в виду нежелания этих государств провести

16522

H1211-0587

H1211-0588

разоружение. Он заявлял, что Германия вследствие этого,в интересах своей собственной безопасности вынуждена перейти к увеличению своего вооружения, если общие ограничения и разоружение в рамках английского плана Макдональда не будут достаточными для осуществления справедливого требования Германии на охрану ее безопасности /книга документов 2, док. № 51/.

В виду общего внешнеполитического положения эти требования в то время были вполне справедливыми, ибо события,приведшие к кризису на конференции по разоружению, были лишь незначительной частицей,в известной степени выражали то международное напряжение, которое наступило со времени прихода Гитлера к власти. Заграница сначала с удивлением,и с определенным непониманием наблюдала за внутриполитическими событиями в Германии.Вскоре после прихода к власти Гитлера 30 января 1933 г. по причинам, освещение которых здесь завело бы слишком далеко, за границей и не только во Франции и у ее союзников,но и в Англии, создалось впечатление,что эта так называемая немецкая революция представляет опасность для Европы.Страх перед этой революцией все в большей и большей степени выражался в поведении западных держав на конференции по разоружению,где совершенно обоснованный и всегда выдвигавшийся Германией принцип был воспринят теперь как вызов. Но эти опасения и неуверенность в отношениях к новой Германии привели к еще более значительным мероприятиям и угрозам. С согласия Англии,Франция в начале мая 1933 г. перешла к проведению военных подготовительных мер; она еще зимой привела в боевую готовность пограничные укрепления,усиленные людским составом,большие склады в Лотарингии, которая являлась районом развертывания ее Рейнской армии, и,кроме того, провела большую пробную мобили-

зацию между Вельфортом, Мюльгаузеном и Санкт-Людвигом, при которой лично присутствовал начальник французского генерального штаба генерал Вейган. Одновременно с этим французский министр иностранных дел Поль Бонкур в своей речи от I2 мая I933 г. в сенате демонстративно заявил, что в виду революционного "взрыва" в Германии, Италию следует держать в кругу западных держав и, отвечая на поведение Германии на конференции по разоружению, он добавил что если Германия хочет сохранить свою армию, то она должна строго придерживаться Версальского договора. Это заявление французского министра, которое могло быть воспринято только как угроза, было подчеркнуто и подкреплено подобными же заявлениями британского военного министра Хейльсхема и обычно так пацифистски настроенного лорда Сесиля в английской палате общин. Последний даже призывал Францию проводить в дальнейшем и другие военные мероприятия. Положение было настолько напряженным, что Европа, казалось, стояла непосредственно перед новой войной.

Такое обострение положения, такой очевидный кризис, который привел Европу к краю пропасти, является одной из основ всей дальнейшей политики подсудимого фон Нейрата в последующие годы. Поэтому необходимо по возможности кратко рассмотреть вопрос о том, какие последствия с точки врения Германии должны были иметь и имели эти события для внешней политики Германии. Одно совершенно ясно и неоспоримо: Германия в эту весну I933 г. вообще не была в состоянии вести войну, это было бы верхом безумия и самоуничтожением вести войну с хорошо вооруженной современным оружием многомиллионной армией Франции и ее союзников, имея маленькую армию, в сто тысяч солдат, не располагающую вообще наступательным оружием, не имеющую

H1211-0589

H1211-0590

танков, тяжелой артиллерии и военных самолетов. Следовательно, страх перед предстоящим военным нападением со стороны Германии, даже и с точки зрения западных держав ни при каких условиях не мог явиться причиной такой их позиции и такого поведения. Единственной возможной причиной могло быть отношение западных держав к вопросу о разоружении, т.е. могло быть их желание вообще не начинать разоружения, продолжать дискриминировать Германию, отказывать Германии в осуществлении ее равноправия и продолжать притеснять ее.

Только в этом руководитель немецкой внешней политики мог видеть причину всех последних предложений как Франции, так и Англиии, сделанных ими на конференции по разоружению, предложений, которые для Германии были неприемлемыми как по причинам правового характера, так и по причине сохранения своей собственной безопасности и своей национальной чести. Потому что вопреки признанию равноправия Германии западными державами, в заявлении пяти держав, ни французский план от I4 ноября I932 г., ни английский план от I6 марта I933 г. план Макдональда и принятые в связи с этим решения на конференции по разоружению, даже при самом об'ективном рассмотрении этих планов, не представляли возможности для практического осуществления этого равноправия Германии.

Какой же справедливо и об'ективно мыслящий человек может и захочет упрекать государственное руководство Германии в том, что оно сделало из всего этого свои выводы и пришло к заключению, что это поведение западных держав не только нарушает существующие договоры в том числе и Версальский договор в вопросе о разоружении, но и является ничем иным, как желанием западных держав в случае необходимости даже силою оружия заставить Герма-

16525

нию отказаться от своих, соответствующих договору, справедливих требований, желанием продолжать рассматривать Германию как второразрядное государство и лишить ее даже той безопасности, которая гарантировалась ей Версальским договором. Можете ли вы, господа Судьи, упрекать государственное руководство, сознающее свою ответственность перед своим народом, за то, что этот вывод отныне стал важным, если не решающим, для дальнейшего ведения внешней политики? Ибо высочайшим долгом каждого сознающего свою ответственность государственного руководства в области внешней политики является обеспечение и сохранение существования и независимости своего государства, обеспечение ему независимого и почетного положения среди других народов. Государственный деятель, не сознающий этого долга, грешит перед своим собственным народом. Сознание этого должно было стать тем более решающим, что Германия не сделала ничего, что могло бы быть рассмотрено западными державами как угроза. Напротив, еще в программной речи Гитлера в рейхстаге 23 марта 1933 г. он при единодушном одобрении всего рейхстага, выбранного по демократическим принципам, подчеркнул свое желание сохранить мир, установить взаимопонимание со всеми народами и в особенности с Францией. Он заявил, что он хочет мирного сотрудничества со всеми остальными народами мира, но при этом подчеркнул, что он считает необходимым условием для этого устранение дискриминации Германии, и разделения народов на победителей и побежденных. Однако, эти его заявления не были учтены западными державами, несмотря на то, что они полностью соответствовали существовавшим условиям и могли означать все, что угодно, но только не угрозу. К сожалению, эти заявления не привели к перемене позиции западных держав и не привели к устранению обострения кризиса.

16526

H1211-0591

H1211-0592

Заметная разрядка наступили лишь после того,как Гитлер,под влиянием подсудимого фон Нейрата в то время, когда кризис достиг своего наивысшего обострения,в своей большой, так называемой,мирной речи в рейхстаге от I7 мая I933 года /выдержки из этой речи помещены в моей второй книге документов под номером 52/ еще раз с максимальной убедительностью заявил миру о своем желании и о желании всего немецкого народа сохранить мир. В этой речи он также выразил свое убеждение в том,что,как он сказал дословно, "никакая новая война в Европе не сможет заменить неудовлетворительное положение,существующее сейчас,чем либо лучшим". Начало такого безумства,как он называл войну, должно привести к краху существующего общественного и государственного устройства.

Эта речь Гитлера, в честности и искренности которой после представления доказательств не может быть никакого сомнения, и перед силой убеждения которой не могли устоять даже западные державы, - эта речь привела к разрядке царившего напряжения. Опасность новой мировой войны была устранена, и весь мир вадохнул свободно. Но эта речь привела также к окончанию изоляции и одиночества Германии, которая воспользовалась своими внутренними преобразованиями, вызываемыми всякой революцией,и использовала свою внешнюю политику для того,чтобы искренне и активно вступить в политическую игру государств,приняв предложение Муссолини об об'единении четырех великих держав - Англии, Франции, Италии и Германии, так называемым пактом четырех. Этот пакт,который был составлен в Риме 8 июня I933 года,и который был подписан Германией в середине июня I933 года,в своей преамбуле ссылался также на соглашение пяти держав от II декабря I932 года. Этот пакт, в случае если дальнейшие переговоры больших масштабов,как например, на конференции по разоружению, не увенчаются усп

16527

хом,должен был об'единять эти державы для переговоров меньших масштабов за круглым столом. Для Германии важнейшим моментом было то,что она, таким образом, опять становилась активным членом всей европейской политики, участвуя на равных началах в международном договоре,который как по своему содержанию,так и по своей сущности противоречил дискриминации Германии. Правда, этот пакт был заключен в период возникновения и возрастания нового международного напряжения, которое было угрозой для Германии, так как могло привести вновь к ее изоляции. Теперь это напряжение исходило не из конференции по разоружению,переговоры которой после того,как они,несмотря на все старания,не привели к успеху, были 29 июня 1933 года перенесены на 16 октября 1933 года, оно исходило от международной конференции по экономическим вопросам,которая открылась 12 июня 1933 года в Лондоне и на которой нашли свое выражение все противоречия,имеющиеся между Германией и Австрией. Австрийский канцлер Дольфус использовал эту конференцию для того,чтобы обратить внимание держав на якобы возникшую угрозу для самостоятельности Австрии со стороны Германии. Он обвинил Германию в том, что она оказывает поддержку австрийским национал-социалистам в их борьбе против его правительства, то-есть правительства Дольфуса. Таким образом,он ставил австрийский вопрос в центр внимания всей европейской политики и призывал державы защитить независимость Австрии,которую называл одним из краеугольных камней во всем сооружении европейского соотношения сил,потому что ей, якобы, угрожала Германия. Итак, он опять обострял то настроение,которое лишь незадолго до этого было успокоено. Каково было это настроение летом 1933 года,показывают мои документы, помещенные в первой книге документов под номерами

16528

H1211-0593

H1211-0594

II и I2. Это сообщения подсудимого имперскому президен-- ту фон Гинденбургу и Гитлеру от I9 июня I933 года. Они у взяты также из речи подсудимого от I5 сентября I933 го-- да /книга документов 2, документ № 56/, произнесенной им- перед представителями иностранной прессы. В этой речи он сделал выводы из подобного настроения и осветил те последствия, в каким это приведет при предстоящих перего- ворах на конференции по разоружению, которая должна была собраться I6 октября I933 года. Он выразил это в следую-- щих словах: "Как можно заключить из определенных призна- ков, готовность хорошо вооруженных государств выполнить их обязательства по разоружению сейчас еще меньше, чем когда-либо. Существует, в конце концов, только одна альтер- натива: осуществление равноправия или же провал всей идеи разоружения, но за неизмеримые последствия этого Германия не будет нести ответственности".

Этот скептицизм подсудимого в вопросе о политичес- ком положении вообще и о перспективах конференции по ра- зоружению, в особенности, был очень обоснован. Ибо пред- ставленный после начала переговоров главой английской де легации сэром Джоном Симоном так называемый новый план Симона, который должен был явиться основой переговоров, а также и заявление, сделанном сэром Джоном, совершенно яс- но показывали, что позиция западных держав осталась та- кой же, как и весной I933 года, и что западные державы теперь еще менее хотели осуществления требований Германи и на равноправие. Сэр Джон сухо заявил, что существующее не выясненное положение в Европе и сильно поколебленная ве- ра в мир, сделали невозможным подписание такой конвен- ции даже и по образцу плана Макдональда, который Германия весной об'явила неприемлемым. Это было не только неспра- ведливым обвинением по отношению к Германии, которая не

делала ничего, кроме защиты своего собственного законного и обоснованного права, но и было явным отказом от осуществления равноправия Германии и от разоружения. Действительно, этот план Симона был еще дальше от осуществления справедливых требований Германии на равноправие и разоружение или установление соотношений в вооружении всех государств, включая и Германию, чем все другие планы. Опять-таки, учитывая имеющееся в моем распоряжении время я должен отказаться от более подробного изложения содержания этого плана и ограничиться только указанием на то, что он означал еще большее ограничение и уменьшение вооружения Германии в пользу остальных государств. Он предусматривал, что в первую половину восьмилетнего срока, предусмотренного для разоружения, только Германия путем реорганизации своей армии в армию с коротким сроком службы практически будет продолжать разоружаться и, кроме того, должна еще будет подчиниться контролю других держав, в то время как хорошо вооруженные государства должны будут начать разоружение только на пятом году этого срока и то только в области численности людского состава своих армий, а не в области вооружения. Эти правила яснее ясного показывали, что западные державы не только не хотели сами разоружаться, но хотели еще больше ослабить Германию и подчинить ее своим интересам. О признании равноправия Германии, которое было установлено в соглашении пяти держав от II декабря 1932 года, не было уже и речи.

То, что этот план с самого начала был неприемлем для Германии и лишал ее всякой возможности вести дальнейшие переговоры на конференции, должно было быть ясно и западным державам. Но после тех уроков, которые получила германская внешняя политика весной 1933 года, когда Германия стояла перед войной с западными державами, потому что она

11530

H1211-0595

H1211-0596

не хотела отказаться от своих справедливых требований, ей не оставалось ничего другого,как ответить на новую угрозу, несомненно содержавшуюся в этом плане,не только отклонением этого плана, но и уходом с конференции по разоружению,а также и выходом из Лиги наций. При таких условиях все дальнейшие переговоры на конференции были бы безуспешными и могли бы привести только лишь к еще большему обострению противоречий.

Удивительно,что западные державы не предусмотрели такой позиции Германии и были поражены ее уходом из Лиги наций и с конференции по разоружению. Гитлер еще в своей цитировавшейся здесь мирной речи от 17 мая 1933 года,совершенно ясно заявил, что германское правительство и немецкий народ,честно стремясь к миру и будучи искренне готовыми к дальнейшему разоружению,в случае возникновении враждебности,не потерпят унижения и не откажутся от своих требований на равноправие и на основании этих требований будут делать свои выводы. И еще более непонятным является то, как Обвинение могло со всей серьезностью на основании этого выхода Германии обвинять подсудимого фон Нейрата, как руководителя немецкой внешней политики и считать это сознательным подготовительным действием для будущих агрессивных войн. Это можно об'яснить только тем фактом, что Обвинение целиком умалчивает причины и события,которые привели к этому выходу и,таким образом,хочет создать впечатление, как будто выход Германии был совершенно необоснованным.

Насколько эта попытка Обвинения представить выход из Лиги наций и с конференции по разоружению как действие, подготавливающее войну, об'ективно противоречит истории, можно заключить уже из того факта, который также был обойден Обвинением,а именно,что германское правительство

одновременно с заявлением о своем выходе из Лиги наций не только в речи Гитлера от I4 октября I933 года,но и в речи подсудимого фон Нейрата от I6 октября I933 г./книга документов 2, документы №№ 58 и 59/ особо подчеркнуло свое неизменное стремление к миру и свою готовность вести переговоры относительно любого плана по разоружению, учитывающего равноправие Германии,но и претворило это в жизнь в меморандуме, который был составлен моим подзащитным и был передан державам I8 декабря I933 года /2-я книга документов, документ № 6I/. В этом меморандуме были изложены практические предложения по вопросу всеобщего разоружения. Тем же целям служило интервью,данное подсудимым 29 декабря I933 г. представителям нью-йоркской газеты "Таймс" в Берлине /2-я книга документов, документ № 62/. Правительство или министр иностранных дел,желающий подготовить агрессивную войну или даже только планирующий такую войну, вряд ли представил бы предложения,которые предусматривали ограничение и уменьшение вооружений также и своей собственной страны.

Последовавшие за этим меморандумом от I8.XII.I933 г. дипломатические переговоры между Германией и отдельными западными державами закончились общеизвестной, полагаю, нотой французского правительства английскому правительству от I7 апреля I934 года /3-я книга документов,документ № 70/,в которой это правительство, отвечая на английский меморандум от 29 января I934 года,а также и на следующий меморандум германского правительства от I3 марта I934 года, закрывало все пути для дальнейших переговоров,как это было подробно освещено в речи подсудимого фон Нейрата от 27 апреля I934 года / 3-я книга документов,документ № 70/.

Интересным в предшествовавших этому переговорах был,

11532

H1211-0597

H1211-0598

и должен быть здесь отмечен тот факт, что в ходе этих переговоров произошли неоспоримые изменения в отношениях между Францией и Россией. Развитие этих отношений в дальнейшем стало решающим не только для внешней политики Германии, но и для всей политики в Европе в последующие годы. В своей речи на бюро конференции по разоружению 10 апреля 1934 года русский представитель в противовес тому принципу, которого всегда придерживалась Россия а именно, что задачей конференции по разоружению является по возможности большое уменьшение вооружения, ибо только так можно будет лучше всего обеспечить безопасность, правда, заявлял, что попытки провести разоружение не увенчались успехом, но из этого не сделал заключения о провале самой конференции, но, напротив, заявил, что создание новых международно-правовых средств безопасности является единственной задачей конференции по разоружению. Эту точку зрения еще раз подчеркнул русский министр иностранных дел Литвинов 29 апреля 1934 года. Выдвигая этот тезис, Россия, таким образом, присоединилась к позиции Франции: сначала безопасность, потом разоружение и, кроме того, открывала путь для осуществления все увеличивающихся стремлений всех народов к новому вооружению. Каково было значение этого факта показывают события, происшедшие год спустя, приведшие к подписанию франзузско-русского пакта о взаимопомощи и восстановлению военного суверенитета Германии, вызванного увеличением вооружения всех остальных государств, ибо за этим заявлением русского министра иностранных дел последовали переговоры о проекте так называемого восточного пакта в течение лета 1934 г., подписание франзузско-русского пакта о взаимопомощи от 2 мая 1935 года и русско-чехословацкого пакта о взаимопомощи от 16 мая 1935 года.

16533

Французская нота от I7 апреля I934 года,с ее категорическим "нет",означала окончание одной эпохи и начало новой эпохи в международной политике. Франция окончательно дала понять,что она не согласна далее путем общей договоренности между всеми государствами разрешить вопрос о разоружении и безопасности и,напротив, решилась отныне итти другим путем. Прочина этого,очевидно, заключалась в том, что Франция убедилась или полагала,что основные заинтересованные державы - Англия и Италия - не хотят безоговорочно следовать за Францией и практически отказывать Германии в равноправии,которое теоретически было уже признано II декабря I932 года. Это выразилось в значительном сближении английской и итальянской позиций,которое нашло свое отражение в английском меморандуме от 29 января I934 года и в заявлении Муссолини,сделанном английскому министру Идену 26 февраля I934 года,в которых обсуждалась позиция Германии,ясно изложенная в немецких меморандумах от I3 марта и от I6 апреля I934 года. Меморандум так называемых нейтральных держав, а именно - Дании, Испании,Норвегии,Швеции и Швейцарии от I4 апреля I934 года и в особенности речь бельгийского премьер-министра графа Бруквилля от 6 марта I934 года /3-я книга документов, документ № 66/ также были пронизаны этой тенденцией.

Этой нотой от I7 апреля I934 года,свое отношение к которой подсудимый фон Нейрат подробно высказал в речи от 27 апреля I934 года /3-я книга документов,документ № 74/, произнесенной им перед представителями немецкой прессы, Франция, как это выявилось вскоре после этого, окончательно отошла от основ и принцип Версальского договора ,в преамбуле которого к 5-й части совершенно ясно устанавлива-

16534

H1211-0599

H1211-0600

ется, что разоружение всех государств,входящих в Лигу наций,является основой и контробязательством для разоружения Германии. Новая политика Франции,которую она начала проводить сразу же после ноты от I7 апреля I934 года, вскоре показала,что Франция теперь решилась делать как раз противоположное тому, что было положено в основу идеи разоружения Германии в Версальском договоре.

20 апреля I934 года французский министр иностранных дел Луи Барту поехал на Восток, посетив Варшаву и Прагу, как это вскоре выяснилось, в первую очередь для того,чтобы подготовить почву для восстановления не существовавших в это время дипломатических отношений между Россией и государствами так называемой Малой Антанты.Таким образом,Франция хотела расчистить этой крупнейшей военной державе Европы,до сих пор стоявшей в стороне, путь вступления в европейскую политику на стороне Франции.И это удалось. 9 июня I934 года Чехословакия и Румыния, два важнейших государства Малой Антанты, признали русское правительство и восстановили с этим правительством дипломатические отношения.

Этим самым Франция пробила первую брешь в существовавшем в то время идеологическом и психологическом отрицательном отношении европейских государств к Советской России и французский министр иностранных дел во время своей второй поездки на Восток не только смог добиться от всех государств Малой Антанты согласия на заключение восточного пакта, относительно которого Франция уже длительное время вела переговоры с Россией,но и мог сразу же после этой поездки, в начале июля,положить этот пакт на большой стол международной политики в Лондоне. Таким образом, как справедливо сказал чеховловацкий министр иностранных дел Бенеш в своей речи от 2 июля I934 г. /3-я

16525

книга документов, документ № 81/, началась перегруппировка европейских сил, которая, повидимому, должна была в известной мере изменить все существовавшие до сих пор отношения на континенте.

Англия, которая еще 18 мая 1934 года устами своего тогдашнего премьер-министра Стэнли Болдуина заявила в палате общин о том, что Англия стоит перед самым сложным решением в ее истории в виду возникновения вопроса о системе так называемого коллективного мира, которая несомненно должна предусматривать определенные санкции, /он особенно подчеркнул слова: санкции- это война/, теперь, в начале июля 1934 года, в связи с посещением Лондона Барту дала свое согласие не только на восточный пакт, но и на вступление Советского Союза в Лигу наций, инициатором которого являлась Франция. 18 декабря 1934 года Лига наций решила официально принять Россию в Лигу наций. Таким образом, Франция в общем уже достигла своей цели, т.е. втянула Россию - сильнейшую военную державу - в европейскую политику, причем на своей стороне, как это вскоре и выявилось.

Внешняя политика Германии, несмотря на изменившееся положение в Европе и после получения роковой ноты Франции от 17 апреля 1934 года, под руководством подсудимого неизменно и последовательно проводила не только свою мирную борьбу за практическое признание немецкого равноправия, но и мирную политику. В своей уже цитированной здесь 6 речи 27 апреля 1934 года, мой клиент вновь безоговорочно высказал желание Германии добиваться и в дальнейшем, даже путем договорного ограничения вооружений соглашения относительно всеобщего разоружения, если при этом будут учтены ее требования о равноправии. Но этим, однако, дело не ограничилось. Чтобы вновь оживить прерванные 17 апреля

16536

H1211-0601

H1211-0602

I934 г. французским "нет" международные совещания и переговоры о разоружении. Гитлер в середине июня I934 г. в Венеций встретился с Муссолини. Цель и содержание этой встречи, Муссолини выразил тогда в словах: "Мы встретились для того,чтобы попытаться рассеять тучи,омрачающие политический горизонт Европы". Я должен предварительно напомнить,что Италия тогда еще бесспорно стояла на стороне западных держав. Несколькими днями позже Гитлер использовал возможность вновь подчеркнуть свою и Германии непоколебимую волю к миру - в своей речи на окружном с'езде в Гере I7 июня I934 г. - книга документов 4-я, № 80, где он,между прочим,заявил: "Если кто-либо нам скажет: если вы национал-социалисты, желаете равноправия для Германии, то мы должны вооружаться; на это мы можем лишь сказать: что касается нас, то вы можете это делать,так как у нас нет намерения напасть на вас. Мы только хотим быть настолько сильными,чтобы у всех других пропала охота напасть на нас. Чем больше мир говорит о создании блоков, тем для нас становится яснее,что надо заботиться о сохранении собственной сиры".

Это была та же самая мысль,возникшая непроизвольно в связи со все более явной переменой обстоятельств и политических тенденций,положенная в основу английской программы воздушных вооружений, об'явленной I9 июля I934 г. перед палатой общин, которую французский министр-президент Думерг в своей речи у гроба убитого министра Луи Барту I3 октября I934 г. выразил следующими словами:"Слабые народы являются либо добычей, либо опасностью". Однако,несмотря на бесспорную правильность этой мысли, она была оставлена без внимания,как и все старания немецкой внешней политики возобновить переговоры по вопросу о разоружении и повторные заявления Германии о ее готовности

16524

к соглашению. Западные державы практически отказали Германии в признании ее равноправия. Этот факт, а также все яснее проявлявшаяся политика Франции к окружению, исключали для германской внешней политики возможность присоединения к восточному пакту. Основания к этому отклонению восточного пакта подробно изложены в коммюнике германского правительства от 10 сентября 1934 г. - 3-я книга документов, № 85. Кульминационной точкой этого коммюнике является утверждение, что Германия, ввиду своей явной военной слабости и подчиненного положения не может взять на себя никаких договорных обязательств в отношении хорошо вооруженных государств, в силу которых она будет втянута в возможные на востоке конфликты, а также может сама стать ареной войны. Не отсутствие готовности к участию в международных договорах или недостаточная воля к миру побудили Германию занять такую позицию, но в первую очередь ее явная военная слабость.

К тому же все явственнее выявлялся истинный характер политики Франции и восточного пакта, как орудия, созданного французской политикой и направленного против Германии. Этот характер стал ясен всему миру, когда на заседании военного совета французской палаты 23 ноября 1934 г. докладчик Аршимбо указал, что между Францией и Россией формально существует союз, на основании которого Франция будет готова в случае конфликта выставить хорошо вооруженную и снаряженную армию /книга документов 3, № 89/. Но особенно ясно и отчетливо этот факт был доказан заявлением французского министра иностранных дел Лаваля от 20 января 1935 г., сделанным представителю русской газеты "Известия" в связи с франко-русским протоколом от 5 декабря 1934 г. /книга документов 3, № 91/ и в заявлении по этому же поводу Литвинова от 9 декабря 1934 г. Для

H1211-0603

H1211-0604

людей разумных не могло остаться сомнений в существовани тесного франко-русского союза после того,как подписание окончательного текста произошло лишь 2 мая 1935 г.,после чего сразу последовало подписание русско-чехословацкого пакта о военном союзе от 16 мая 1935 г.

Что эта, таким образом, созданная Францией союзная система имела отчаянное сходство с той,которой Германия уж противостояла однажды в 1914 г. должно было каждому стат ясным. И как раз это невольное сравнение должно было при вести каждого государственного деятеля Германии к убеждению, что все эти союзы были направлены исключительно против Германии и во всяком случае означали угрозу для нее. Тем более,что эти союзы, это открытое окружение Германии не были единственным тревожным сигналом. Рука об руку с этим шло в течение последних месяцев усиление вооружения почти всех иностранных государств.Не только Англия нача- ла выполнение своей широко задуманной программы вооруже- ния,как это явствует из английской Белой книги от 1 март 1935 г., пред'явление каковой как официального историче- ского документа является излишним, но и во Франции начал расти стремления к усилению армии под руководством попу- лярнейшего в то время генерала, маршала Петэна; И Россия с радостного одобрения Франции предприняла увеличение сво- ей армии мирного времени с 600.000 до 940.000 человек. Чехословакия в декабре 1934 г. ввела двухгодичный срок военной службы /документ № 92 книги документов Ш/ и Ита- лия также длительное время умножала свое вооружение.

Все это после печальных событий последних лет, которы я представил вашему вниманию, господа Судьи, с точки зре- ния германской политики могло быть воспринято и расцене- но лишь как серьезная угроза,угроза,против которой Герма- ния была почти бессильна. Каждое мгновение, люди ответ- ственные за внешнюю политику должны были считаться с уг-

16529

розой, что эта непрерывно возрастающая мощь Франции и ее сообщников может обрушиться на Германию и раздавить ее. Ведь нет ничего опаснее, как сосредоточение силы в одной руке, так как это ведет, как показал опыт прошлого, к взрыву, направленному против ближайшего, рассматриваемого, как противник, государства. Таковым была и могла быть лишь Германия, ибо ни в ком другом, как в ней, Франция видела своего противника. И вот я спрашиваю вас, господа Судьи, разве не являлось поэтому вполне естественным требованием самообороны, вполне понятным велением простого инстинкта самосохранения, присущего каждому живому существу, - а народы ведь являются живыми существами, и в них тоже живой чувство самосохранения, - то, что германское правительство и германский народ сами вернули себе свой военный суверенитет, в котором ему беспричинно отказывали, и со своей стороны стали искать спасения от витающей над Германией опасности, начав создание военно-воздушного флота и восстановив на основе всеобщей воинской повинности армию мирного времени всего лишь в 36 дивизий, в силу закона от 16 марта 1935 г. о создании германских вооруженных сил. Я ссылаюсь при этом на призыв германского имперского правительства к восстановлению в Германии воинской повинности от 16 марта 1935 г./книга документов II, № 97/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трибунал об'является перерыв.

/Об'является перерыв до 10.00 24 июля 1946 г./.

вж

16540

H1211-0605

H1211-0606

СТЕНОГРАММА

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 24 июля 1946г.

Утреннее заседание.

Встать! Суд идет!

КОМЕНДАНТ СУДА. Господа судьи, подсудимые Гесс и Редер отсутствуют на заседании суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал заслушает ходатайства о вызове свидетелей по делам различных организаций. Вначале мы займемся ходатайствами по делу организации СС.

Г-н ЭЛВИН ДЖОНС. Господа судьи, что касается организации СС,- защитники ходатайствовали о вызове 7 свидетелей. 5 из этих свидетелей: фон Эберштейн, Гиндерфельд, Гаусер, Ридель и Рейнике были в числе тех 29 свидетелей организации СС, которые давали свои показания перед комитетом. Обвинение не возражает против вызова этих свидетелей, но указывает на то, что показания Эберштейна и Гиндерфельда во многом совпадают, и д-р Пелькман при допросе этих двух свидетелей должен постараться избежать повторений. Что касается других свидетелей, о вызове которых ходатайствовала защита, например, в отношении Роде, Трибунал увидит из ходатайства защиты, что аффидевит этого свидетеля был представлен Обвинением в качестве доказательства под № США-562. Д-р Пелькман сообщил мне о том, что он не предлагает и не хочет вызвать Роде для допроса перед Трибуналом, а что он вполне удовлетворится перекрестным допросом Роде на Комитете. Если Трибунал поэтому считает, что в интересах справедливости необходимо требовать возобновления допроса, в данном случае перед Комитетом, то

Обвинение не имеет никаких возражений против этого предложения д-ра Пелькмана, Чтобы быть справедливым по отношению к д-ру Пелькману, надо, пожалуй, добавить, что я понимаю, что Роде приехал в Нюрнберг всего несколько дней тому назад.

Последний свидетель - это Герман Раушнинг, бывший президент вольного города Данцига и автор книги "Голос разрушения", отрывки из которой включены в документ № СССР-378, представленный в качестве доказательства Обвинением. Обвинение никогда не представляло какой-либо аффидевит Раушнига. Насколько я понимаю, сам Раушнинг находится сейчас в США, и Обвинение возражает против того, чтобы он вызывался в Нюрнберг в качестве свидетеля по следующим причинам: если Трибунал обратится к ходатайству защитника о вызове Раушнинга, то Трибунал увидит, что защита хочет вызвать этого свидетеля с тем, чтобы он дал показания по трем вопросам. Если какой-либо из этих трех вопросов действительно относится к делу и имеет доказательную силу, то можно просто обратиться к книге Раушнинга "Голос разрушения" и, по-моему, нет никакой необходимости вызывать в качестве свидетеля самого Раушнинга. Обвинение, конечно, не будет возражать против того, чтобы защита представила в качестве доказательства по делу СС новые выдержки из этой книги.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Обвинение возражает против того, чтобы Раушнингу был послан опросный лист?

Г-н ЭЛЬВИН ДЖОНС. Нет, милорд, мы не возражаем против этого. В первых двух параграфах ходатайства защиты о вызове свидетеля Раушнинга указываются некоторые факты, имеющие отношение к Раушнингу. Я согласен с тем, что первый параграф, в котором Раушнинг делает заявление в духе Кассандры о том, что с его предостережениями не считались до 1939 г., не имеет

H1211-0607

H1211-0608

доказательной силы; что касается второго параграфа, в котором говорится, что Раушнинг знал, что в 1936 и 1937 гг. Гитлер еще не намеревался истреблять евреев, то совершенно неясно, каким образом Раушнинг мог знать о каких бы то ни было намерениях Гитлера; чужая душа - потемки. Я считаю, что, если Раушнинг и даст показания подобного рода, то они все равно не будут иметь никакого отношения к делу. Однако Обвинение не будет возражать, если будут предоставлены дополнительные отрывки из книги Раушнинга или если ему будут направлены опросные листы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Пелькман.

ПЕЛЬКМАН /защитник СС/. Высокий Суд! Я полностью согласен с выводами г-на Элвина Джонса относительно свидетелей. Но что касается его замечаний о свидетеле Раушнинге, то я хотел бы привести следующую мотивировку. В решении от 13 марта в пункте 6-а, абзац 3-й говорится, что имеет большое значение вопрос, была ли очевидной для всех преступная деятельность и преступные цели СС и были ли они известны широкой массе членов СС. Я пытался представить на комитете доказательства того, что цели и действия СС не были преступными, что это были единичные действия или действия отдельных групп и что они не были широко известны рядовым членам СС. Я сделал это располагая относительно небольшим количеством свидетелей, всего 29, если принять во внимание тысячи аффидевитов, которые все были даны членами СС и будут еще представлены Трибуналу. Обвинение, с другой стороны, непосредственно пред"явило здесь в ~~суде~~ суде свои доказательства для подтверждения тех фактов, которые касаются как СС, так и других организаций, прибегнув к устным показаниям отдельных свидетелей, допрашиваемых в течение

нескольких недель, и к предоставлению документальных доказательств. Обвинение утверждает в связи с пунктом 3 решения Трибунала от 3 марта, что масса членов СС знала о подобных преступных целях СС и что были известны также отдельные преступные действия членов СС или определенных групп членов СС. При этом Обвинение не предоставило никаких свидетелей. Оно ограничилось лишь этим утверждением, заявив, что это вытекает из всей ситуации и само собой разумеется. Я считаю, что будет вполне законно, корректно и справедливо, если в дополнение к показаниям членов СС, которые я буду пред"являть здесь Суду в виде аффидевитов, доказательная ценность которых могла бы оспариваться Обвинением, поскольку в данном случае это письменные показания самих обвиняемых членов СС - я повторяю, что в данном случае я считал бы законным и справедливым, если бы здесь,.в зале суда, был заслушан кроме того, еще один свидетель - Раушнинг, единственный из моих свидетелей, который не находится сейчас под арестом,и может сам непосредственно давать показания перед судом. Таким образом я настаивав на вызове Раушнинга, кроме тех пяти свидетелей, которые здесь появятся; они занимали сравнительно высокие должности в СС, а, следовательно, осведомлены обо всех событиях; но, против них здесь может быть выдвинуто утверждение, что их показания не являются вполне достоверными.

Относительно личности и важности показаний этого свидетеля я хотел бы коротко добавить следующее. Он был, как уже говорилось, президентом Сената в Данциге и штандартфюрером СС. Гитлер питал к нему полное доверие до 1936 года. После этого у него произошел разрыв с Гитлером. Он эмигрировал и проживал с того времени за границей, где усиленно занимался публицистической деятельностью. Он много раз в своих книгах, получивших мировую известность, предостерегал против Гитлера и его

H1211-0609

H1211-0610

планов. И сейчас он известен как человек, который не защищает и не оберегает Гитлера и его виновных сотрудников.

Из многочисленных разговоров с Гитлером он узнал, - и тут я перехожу к основному пункту своего ходатайства о вызове этого свидетеля - 1/ что Гитлер,по крайней мере, в 1936-1937 гг. не намеревался истреблять еврейское население. Он подробно обосновал свое заявление.

На возражение г-на обвинителя о том, что нельзя знать истинные намерения Гитлера, я хотел бы сказать, что это не совсем так. Как раз задача Суда состоит в том, чтобы установить эти намерения. Когда будут известны намерения Гитлера, тогда можно будет сделать вывод о том, знала ли их основная масса членов организации. Мы же знаем здесь лишь косвенные улики и должны ценить прямые доказательства о намерениях Гитлера в тех случаях, когда это возможно. А Раушнинг как раз добыл их в разговорах с Гитлером. Я считаю, что лучшего свидетеля вообще невозможно найти для дачи показаний именно по этому вопросу.

2. Если он узнал,- это 2-й пункт моего ходатайства, - что Гитлер...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите, д-р Пелькман, почему вы думаете, что именно Раушнинг в состоянии дать эти показания?

ПЕЛЬКМАН. Я знаю его книги.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но если это написано в его книге, то какая польза в том, что он снова расскажет о том, о чем у него уже написано?

ПЕЛЬКМАН. Его книги представляют собой, конечно, лишь очень небольшую долю всего того, что он знает; он писал эти книги, не учитывая, что когда-нибудь будет такой процесс, как нынешний. Это свидетель сможет дать совершенно иные ответы на вопросы, нежели вырванные из контекста цитаты из его книги.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Насколько я понял, вы сказали, что единственной причиной, заставляющей вас думать, что он может дать эти показания, является то, что вы ознакомились с его книгами. Но ведь вы не знаете, сможет ли он что-либо добавить к тому, что уже имеется в его книгах.

ПЕЛЬКМАН. Конечно, я этого не знаю, и мое предположение, что он сможет еще многое добавить, базируется лишь на опыте. Я не думаю, чтобы я требовал чего-нибудь экстраординарного. О человеке, который с 1933 по 1936 гг. так много сталкивался с нацизмом и с Гитлером, который в последующие годы продумал все это и вел дискуссии с иностранцами об этой системе, - вполне можно предположить, что он знает гораздо больше, чем написано в его книгах. Кроме того, у меня еще имеется следующее основание для этого ходатайства. Обвинение приводило здесь цитаты из книги Раушнинга для обвинения подсудимых. Эти цитаты были приравнены к аффидевитам. Обвинение могло бы точно также быть в состоянии, если ему это будет нужно, добыть новые аффидевиты из книг Раушнинга, которые еще более детализировали бы его утверждения. Согласно порядку, который утвержден Высоким Судом, я вправе приглашать сюда свидетелей, аффидевиты которых имеются у Обвинения, для перекрестного допроса. Я думаю, что если...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не знаю такого правила в отношении свидетелей в Соединенных Штатах. Такое правило,- если вообще было установлено какое-либо правило, - касается лиц, проживающих в данной стране, согласно ему свидетели, давшие письменные показания, могут быть вызваны сюда для перекрестного допроса, но это правило никогда не применялось к лицам, проживающим в Соединенных Штатах или в какой-либо иной стране за пределами этого государства. Примером может служить свидетель Мессершмит. Сюда никогда не привозили свидетелей из других стран, за исключением, может быть, свидетеля Далеруса.

H1211-0611

H1211-0612

ПЕЛЬКМАН. Учитывая то значение, которое имеет приговор Суда и обвинение для массы членов СС, а также то, что я могу вызывать в качестве свидетелей только членов обвиняемых организаций, что является ограничением,- я думаю, что я имею право просить Высокий Суд, чтобы этот свидетель предстал перед Судом. Это - единственный свидетель, который об"ективно может говорить об этом предмете и который может поведать Суду о событиях того времени и высказать свою точку зрения на эти события,- мне кажется, что Высокий Суд может удовлетворить мою просьбу, так как технические трудности не должны играть никакой роли в этом процессе мирового значения. Я говорю последнее, так как твердо убежден в этом.

Я могу продолжать, г-н председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да,конечно.

ПЕЛЬКМАН. Свидетель должен далее сказать, что Гитлер проводил сознательно политику, которая заключалась в том, чтобы обманывать как Германию, так и иностранные государства относительно своих истинных целей, например, военных планов. Во время своих интимных бесед с Раушнингом, Гитлер говорил об этом и даже смеялся над тем, как ему удавалось водить за нос не только деятелей иностранных государств, но и самих немцев. Эти обстоятельства имеют большое значение и являются относящимися к делу.

Что касается еврейского вопроса, то я хочу сослаться на утверждение Обвинения, что от программы национал-социалистов идет прямая дорога к лагерю уничтожения - Освенциму. Партийная программа предусматривала, по мнению массы членов партии, только одну возможность урегулирования еврейского вопроса в соответствии с положением о нацменьшинствах, в несколько более жесткой форме после нюрнбергских законов 1935 года. Но все, что говорится по этому поводу, отнюдь не было преступлением против человечности. Если будет доказано, что в то

время Гитлер действительно не имел намерения выйти за пределы этой программы, тогда утверждения Обвинения можно считать несостоятельными. Если тогдашние намерения Гитлера будут выяснены, станет несомненным, что и СС и рядовой член СС, который принял эту программу, очевидно, не могли иметь другой программы. Второй пункт касается того, что германский народ был введен в заблуждение. Теперь мы знаем какие именно события имели место, это можно видеть из различных документов, например таких, как речь о мире, которая была произнесена Гитлером в рейхстаге или обоснование убийств 30 июня 1934 года. Тем более нам было бы очень интересно выслушать свидетеля, который мог бы сказать, что Гитлер посвятил его в то, что его принципом является скрывать свои истинные цели. В противовес этому Обвинение должно будет доказать, что СС нельзя было обмануть, что СС знало вместе с Гитлером, чего он хочет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Пелькман, Трибунал не имеет желания выслушивать ваши общие аргументы по всему делу. Нужно только выяснить, следует ли вызывать Раушнинга из Соединенных Штатов.

ПЕЛЬКМАН. Если важность его показаний не оспаривается, тогда мне кажется...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Пелькман, перед нами лежит ваше письменное ходатайство, а вы касаетесь целого ряда вопросов, которые не упоминаются в письменном ходатайстве.

ПЕЛЬКМАН. Конечно, я не могу передать в письменном ходатействе всего того, что мне хотелось бы заявить. В этом ходатайстве содержится только три основных пункта. Первое - еврейский вопрос, второе - обман германского народа, и третье - обман членов СС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы сообщили Вам, какова точка зрения Три-

16548

H1211-0613

H1211-0614

бунала. Мы считаем, что вы уже ознакомили нас с ходатайством, а выслушивать аргументацию общего характера мы не хотим.

ПЕЛЬКМАН. Я только пытался об"яснить важность этих трех пунктов. Если их значительность недооценивается, тогда я прошу разрешить мне сказать следующее. Мне кажется, что показания единственного свидетеля, который не был в рядах СС, который ранее, как это соответствует действительности...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы уже говорили об этом, д-р Пелькман, и не один раз, и Трибунал прекрасно осведомлен обо всем, что вы говорили.

ПЕЛЬКМАН. Г-н председатель, может быть вы хотите заслушать мои аргументы по поводу того, какие у меня есть причины, чтобы отступить от общего положения и привезти свидетеля сюда из Америки?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы уже изложили свои доводы по этому вопросу. Сейчас мы займемся организацией СД.

Г-н ДОДД. Г-н председатель, защитник СД ходатайствует о вызове только двух свидетелей, и Обвинение не возражает против того, чтобы Трибунал заслушал показания этих двух свидетелей. Такое количество свидетелей кажется разумным.

Поскольку я уже выступаю перед Трибуналом, я бы хотел сказать также о ходатайствах от имперского кабинета и верховного командования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы не собирались сегодня заниматься имперским кабинетом.

Г-н ДОДД. Мы получили сегодня утром ходатайство о вызове одного свидетеля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо. Пожалуйста.

Г-н ДОДД. Защитник верховного командования ходатайствовал о вызове шести свидетелей, а мы считаем, что это, по

крайней мере, вдвое больше того, что нужно; вполне достаточно заслушать показания, примерно, трех свидетелей. Нам неважно, кто именно из них будет вызван; у нас нет возражений, никаких особых возражений против кого-либо из трех свидетелей. Насколько я понимаю, однако, защита предпочитает вызов Рундштедта, фон Браузича и фон Манштейна, и мы не возражаем, если выбор падет на этих лиц; мы лишь возражаем против вызова всех шести свидетелей на основании того, что это слишком большое число и что их показания уже заслушаны Комитетом.

Что касается ходатайства организации гестапо, в этом ходатайстве указано о вызове двух свидетелей - свидетеля Беста и свидетеля Гофмана, и Обвинение не возражает против вызова этих двух свидетелей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Карл и Ганс - это, повидимому, не фамилии, а имена?

Г-н ДОДД. Да, г-н председатель.

Мне не совсем ясно, г-н председатель, хотите ли вы или нет, чтобы я перешел к вопросу об имперском кабинете. Говорить ли сейчас о нашем отношении к свидетелю?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, я думаю. Вы, конечно, можете сейчас заняться этим вопросом. Д-р Кубушок...

Г-н ДОДД. Во всяком случае, он просил о вызове лишь одного свидетеля, г-н председатель, и у нас против этого нет возражений. Это - свидетель Шлегельбергер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Очень хорошо, г-н Додд. Но если защитники СД, гестапо и имперского кабинета не хотят чего-либо сказать сами, Трибунал не считает необходимым заслушивать их.

В таком случае сейчас мы заслушаем защиту верховного командования, д-ра Латернзера. Пожалуйста, д-р Латернзер.

H1211-0615

H1211-0616

/К микрофону подходит защитник ОКВ и генерального штаба - доктор Латернзер./

ЛАТЕРНЗЕР. Учитывая те обвинения, которые выдвинуты против верховного командования, я придерживаюсь того мнения, что ходатайство о вызове шести свидетелей является вполне оправданным. Чтобы вообще разрешить вопрос о том, было ли военное руководство преступным или нет, Суд, как высшая и решающая инстанция, должен предварительно создать себе представление о личности некоторых военных лидеров. Разве можно предположить, что Суд, если он заслушает только очень небольшое число из 129 обвиняемых, сможет получить правильную картину обо всех? Мне кажется, что на этот вопрос следует дать безусловно отрицательный ответ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Можете ли вы мне сказать, сколько из этих 129 свидетелей уже были заслушаны Трибуналом?

ЛАТЕРНЗЕР. Вы имеете в виду комитет, г-н председатель? На комитете было заслушано 7 человек. Предполагается заслушать еще двоих.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не сказал на комитете, я сказал - Трибуналом.

ЛАТЕРНЗЕР. Во время выступления отдельных свидетелей в зале Суда я позволил себе задать некоторым из них вопросы; я предполагаю, что было опрошено, примерно, 5 или 6 человек.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо. Продолжайте.

ЛАТЕРНЗЕР. При определении числа лиц, которые должны быть заслушаны, я хотел бы обратить внимание Высокого суда на то, что защита организации испытывает затруднения благодаря ограничениям Суда в отношении вызова тех свидетелей, которые могли бы дать опровергающие показания по отдельным, выставленным против организаций пунктам Обвинения. Так, согласно решению Суда, свидетели могут быть допрошены Судом

только после того,как их предварительно заслушали на комитете, в то время,как на любом другом процессе по многим пунктам было бы опрошено огромное число таких свидетелей. Тем самым число свидетелей было бы с самого начала определено и поставлено в зависимость от масштабов деятельности комитета.

Г-н председатель. Для того, чтобы быть в состоянии дать Трибуналу необходимую характеристику тех лиц, которые попадают в обвиняемую группу, я хотел бы сделать следующее практическое предложение: пусть Трибунал предоставит мне возможность в отношении тех лиц, которых я защищаю,- только в отношении этих лиц, т.к. я не имею права ходатайствовать об этом в отношении других организаций, - указать время, в течение которого я буду иметь право проводить перед судом допрос свидетелей.

Что касается распределения этого времени, то пусть Суд предоставит защите эту возможность с тем, чтобы я мог опросить тех шесть свидетелей, о допросе которых я ходатайствовал, причем я занял бы своим опросом только две трети времени, а оставшаяся одна треть была бы предоставлена для перекрестного допроса Обвинению. Мне кажется, что тем самым я смог бы достигнуть самого главного, а именно - показать Трибуналу полностью личности членов защищаемой мной организации. Я предполагаю, что Суд не может иметь никаких возражений против этого.

Сейчас я хотел бы представить на рассмотрение Трибунала еще несколько пунктов по организации опроса...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н Латернзер, я хочу убедиться, действительно ли я вас правильно понял. Вы предлагали, чтобы Трибунал отвел определенное время для допроса свидетелей по делу верховного командования и чтобы вы, как защитник, допрашивающий свидетелей, могли использовать две трети всего времени, а Обвинение в своем перекрестном допросе использовало одну

16552

H1211-0617

H1211-0618

треть времени. Это верно?

ЛЕТЕРНЗЕР. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Сколько времени вам потребуется для этого?

ЛАТЕРНЗЕР. Мне очень трудно ответить на этот вопрос.

/Смех в зале./

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это ведь ваше предложение и Трибунал хотел бы знать, сколько времени Вам потребуется на это?

ЛАТЕРНЗЕР. На все - полтора-два дня. Я хотел бы сейчас высказать Суду еще два соображения, которые в этой связи также приобретают некоторое значение. Все свидетели, которые появляются здесь, в зале суда, были уже опрошены на комитете. Протоколы их допроса имеются у Суда. Задавать те же вопросы, которые были заданы на комитете, не имело бы смысла, это были бы кумулятивные вопросы, Каким образом должен производиться опрос этих свидетелей, чтобы избежать перерывов? При таком положении вещей приобретает еще большее значение предложение, которое я только что внес, и мне кажется, что оно устраняет возникающие трудности. Если учесть все обстоятельства, то Суд должен будет согласиться с моим предложением. Наконец, мне кажется, что суд должен будет принять решение по вопросу о последних словах обвиняемых организаций. Это все, что я хотел сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Г-н Додд, Трибунал хотел бы выслушать, что Вы можете сказать по поводу предложения доктора Латернзера.

/К микрофону подходит г-н Додд/

Г-н ДОДД. Очень хорошо, господин председатель. Мы составили список, насколько мы помним, имен тех свидетелей, которые были допрошены на комитете в качестве членов организаций или групп, а также тех свидетелей, которне были допрошены Трибуналом. Я сказал несколько минут тому назад, что те, кто еще не прибыл, как например, фон Браухич, который должен был прибыть и который, возможно, прибыл вчера,- мне об этом не сообщили - прибудут через день или два.

Относительно предложения доктора Латернзера о том, чтобы ему предоставить особое время и чтобы он мог допросить столько свидетелей, сколько он сочтет нужным, мы находим две трудности: во-первых, мы не думаем, что он слишком щедр, предлагая нам одну треть всего времени. Возможно,что для допроса такого количества свидетелей нам потребуется несколько больше времени. Во всяком случае, мы не хотим, чтобы нас ограничивали, предоставляя нам лишь одну треть его времени. Если бы мы начали допрашивать свидетелей с точки зрения затрачиваемого времени, то нам кажется, что много времени было бы отнято у Трибунала вопросами, которые уже были весьма подробно разобраны на Комитете. Все свидетели были допрошены на Комитете, и у доктора Латернзера была полная возможность допросить свидетелей и подвергнуть их перекрестному допросу на Комитете. Поэтому обременять Трибунал большим числом свидетелей, нам кажется, ненужным.

16554

H1211-0619

H1211-0620

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я хотел бы обратиться к г-ну Додду. Трибунал хотел бы выяснить, насколько изменится отношение Обвинения к предложению д-ра Латернзера, если Обвинению будет предоставлено столько же времени, сколько и доктору Латернзеру?

Г-н ДОДД. Для нас это мало что изменит. Откровенно говоря, я не считаю это столь уже важным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Возможно, что с этим связано еще кое-что. Трибунал хотел бы знать, что Вы можете предложить по этому поводу, как можно избежать всех этих трудностей. Мне кажется, нет необходимости в том, чтобы свидетели, которые будут вызваны в Трибунал, полностью повторяли те показания, которые они давали на Комитете или даже останавливались на тех темах, которые лежали в основе их показаний на Комитете. Трибунал хотел бы знать, как разрешить эти трудности.

Г-н ДОДД. Господин председатель, мы думали об этом вопросе. Мы считаем, что свидетели, которых вызвал Комитет и которые уже были там допрошены, не должны в своих показаниях перед Трибуналом останавливаться на тех же вопросах, на которых они останавливались, давая показания на Комитете, так как иначе работа Комитета потеряла бы всякое значение и мы просто могли бы встать и зачитать протокол того, что говорилось на Комитете.

Мы поняли, что свидетели будут говорить о каких-то новых вопросах, добавлять что-то к тому, что они говорили на Комитете. Мы поняли именно так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Конечно. Мне кажется, что доктор Латернзер говорил много раз, что он придает большое значение

присутствию свидетелей, что Трибунал должен их сам видеть для того, чтобы у него создалось свое собственное мнение о достоверности их показаний.

Г-н ДОДД. Я понял, что это одна из причин, три члена ....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Помимо того, что Трибунал видит свидетеля и составляет мнение о достоверности его показаний, он еще сможет суммировать данные показания.

Г-н ДОДД. Да, я думаю, что это так. Правда, о четырех свидетелях по делу этой группы мы ничего не знаем, а два из них - фон Браухич и Мильх, но есть еще и другие свидетели.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Спасибо.

Г-н ДОДД. Что касается моего предложения, то я снова повторяю, что не считаю это слишком важным вопросом. Я знаю, что мы можем ограничиваться при перекрестном допросе только важными вопросами, но, по-моему, опыт Трибунала показывает, что мы редко придерживались установленных границ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мне кажется, что сейчас нам незачем тратить время на этот вопрос. Трибунал рассмотрит все Ваши предложения. Дальнейшие споры, доктор Латернзер, не нужны, если только у Вас нет чего-либо нового, о чем Вы хотели бы сказать. Трибунал подумает о Вашем предложении, а сейчас мы займемся политическими руководителями.

/К микрофону подходит обвинитель подполковник Гриффитс Джонс /

16556

H1211-0621

H1211-0622

ГРИФФИТС ДЖОНС. Милорд, защитник этой организации ходатайствовал о вызове 7 свидетелей. Два из них - гаулейтеры Кауфмэн и Валь. Кроме того, один крейслейтер- бургомистр ван дер Борг; один - ортсгруппенлейтер Вегшейдер; блоклейтер - Хауффе, и два эксперта из аппарата хохейтстрегера, а именно эксперт по сельскохозяйственным вопросам, являвшийся также политическим руководителем и Хауптбауэр - политический руководитель в Германском трудовом фронте.

Обвинение не возражает против вызова этих свидетелей, но мы считаем, что они не могут должным образом осветить все нужные вопросы. И, пожалуй, будет лучше, если я укажу Трибуналу, показания каких свидетелей мы считаем важными и назову свидетелей, без которых можно обойтись.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Может быть, защитник сам пожелает указать, показания каких свидетелей он считает наиболее важными?

ГРИФФИТС ДЖОНС. Милорд, я понимаю это. Я стараюсь лишь помочь Трибуналу, насколько это в моих силах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Указав на то, что Вы считаете самым важным?

ГРИФФИТС ДЖОНС. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, возможно, Вы сможете это сделать.

ГРИФФИТС ДЖОНС. Блоклейтер Хетт, мне кажется, должен быть вызван, так как он единственный блоклейтер, представленный здесь. Свидетель Хауптбауэр должен быть вызван потому, что он является одним из экспертов, находившихся при руководителях. Относительно них имеется ряд

разногласий. Кроме того, он принадлежал к числу полити - ческих руководителей германского трудового фронта.

Что касается гаулейтеров, то Кауфман и Валь имеют большой опыт.

Кауфман работал в промышленном районе, а Валь является представителем сельско-хозяйственного района и, насколько я понимаю, если бы шла речь о том, кого из них предпочесть, д-р Серватиус предпочел бы доктора Кауфмана. Есть и другие представители сельскохозяйственных районов, помимо гаулейтера Валя, - ортсгруппенлейтер Вегнейдер и фермер Мор. Милорд, я считаю, что, без сомнения, нет на - добности заслушивать этих 3-х свидетелей. Фактически они будут повторять показания друг друга, и Обвинение, говоря совершенно откровенно, предпочло бы вызов одного Валя.

Я сказал об этом, чтобы разъяснить, что они все из сельскохозяйственных районов и, возможно, одного или двух свидетелей будет достаточно. Бургомистр ван дер Борг мо - жет дать, примерно, те же показания, что и опытный крейс-лейтер из промышленного района, свидетель Кауфман, и поэ-тому Трибунал считает данное число свидетелей чрезмерным, ему следует выбрать одного из них. Я думаю, что больше ничем не могу помочь Трибуналу в данном вопросе.

/ К микрофону подходит защитник Серватиус/.

СЕРВАТИУС./защитник обвиняемого Заукеля/: Господин председатель, я ходатайствую о вызове двух гаулейтеров: один из промышленного района /это - свидетель Кауфман/и, свидетель Валь - из сельскохозяйственного района вблизи Аугсбурга. Мне кажется, очень важно, чтобы у Трибунала

16558

H1211-0623

H1211-0624

создалось впечатление об этих двух различных типах гау - лейтеров, один из которых был 20 лет в партии, другой - 17 лет и оба были политическими руководителями. Правильно оценить их деятельность на такой большой территории и в течение столь длительного времени можно лишь, если вызвать двух людей из состава руководства. Поэтому я просил бы утвердить мне по возможности обоих. Я хотел бы по отноше - нию к свидетелям ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Д-р Серватиус, я хотел бы задать Вам два вопроса по поводу этих гаулейтеров. Скажите, оба они, Кауфман и Валь, давали показания по одним и тем же вопро - сам, когда их допрашивали перед Комитетом?

СЕРВАТИУС. Да, но я хотел бы разграничить темы их допроса и спросить Кайфмана об отношениях с имперским пра- вительством, а Валя - об отношениях с районами и ортсгруп- пами. Я могу ограничиться и одним свидетелем, только тогда тема будет шире.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы хотите сказать, что Вы не спраши - вали их об этом на Комитете?

СЕРВАТИУС. Я распределил их допрос также на эти две темы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У меня еще один вопрос. Сколько гау - лейтеров было уже допрошено Трибуналом?

СЕРВАТИУС. Мне кажется, три или четыре, я не могу этого точно сказать; но их не допрашивали по этим темам, принимая во внимание то, что если бы их стали опрашивать так детально, это нарушило бы весь ход представления дока- зательств.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Продолжайте, пожалуйста.

СЕРВАТИУС. Следующие свидетели должны говорить о положении в районных партийных организациях, ортсгруппах и блоках и, мне кажется, что надо заслушать по свидетелю от каждой инстанции, чтобы он дал показания о существовавшей там обстановке. Эти показания совпадут и их можно будет значительно сократить, так что опрос будет коротким и не надо его будет растягивать. Но все-таки важно иметь по свидетелю от каждой категории этой системы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Можете ли Вы сказать Трибуналу, сколько времени, примерно, займет допрос этих семи свидетелей?

СЕРВАТИУС. Я уверен, что я закончу в один день. Это зависит от того, как будет производиться представление доказательств. Мне кажется, что нужно только сделать резюме и основательно раз"яснить очень немного вопросов.

Следующие свидетели - Хаупфабуэр и Мор. Один из них является представителем германского трудового фронта из промышленного района, другой - из имперского сельскохозяйственного союза и может дать показания относительно местных аграрных условий, оба вместе могут рассказать о позиции хозяйственных органов, которые не являлись политическими и, тем самым, подчеркнуть то разделение, которое существовало между политическими и неполитическими руководителями. Вот все, что я хотел сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал об"являет перерыв.

(Перерыв на 10 минут).

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Трибунал вынес следующее решение: по делу организаций СС - пять свидетелей, о которых ходатай-

H1211-0625

H1211-0626

ствовала защита: Крилль, фон Эберштейн, Гиндерфельд, Рейнике и Хауссер - допускаются Трибуналом. Свидетель Роде может быть вызван для перекрестного допроса на Комитете.

Свидетелю Раушнингу можно направить опросный лист, но это должно быть сделано немедленно. Ответы на опросные листы, если они будут получены, мы рассмотрим только перед окончанием слушания дела. Дополнительные выдержки из книги Раушнинга, на которую здесь ссылались, могут быть представлены Трибуналу.

По делу организаций СД - два свидетеля Хуппер и Рушнер, о которых ходатайствовала защита, допускаются Трибуналом. Два свидетеля, о которых ходатайствовал защитник гестапо, - Бест и Гофман, допускаются Трибуналом.

Свидетель, названный защитником имперского кабинета, должен быть вызван для допроса на Комитете.

По делу генштаба и ОКВ разрешается вызов свидетеля генерала фон Манштейна и двух других. Если желательно, чтобы генерал фон Браухич был одним из двух свидетелей, он должен быть вызван для допроса на Комитете и нужно, чтобы эти вопросы были немедленно решены защитником этих организаций.

По делу корпуса политических руководителей - защитник должен выбрать пять свидетелей из числа тех, о которых он ходатайствовал. Вызов этих пяти свидетелей разрешается Трибуналом. На этом я заканчиваю. (Пауза).

Я вызываю доктора Людинхаузена,

/Продолжение речи защитника по делу подсудимого фон Нейрата/

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Господа судьи, вчера я попытался показать, по каким веским причинам германское правительство было вынуждено решиться на восстановление военного суверенитета Германии. Но оно не торопилось принять решение, имея в виду переговоры по вопросу о разоружении, начатые Англией в связи с так называемым лондонским коммюнике от 3 февраля 1935 года. Германия, верная принципам своей внешней политики, давно доказавшая свое стремление к миру и всегда готовая к его заключению, немедленно согласилась принять в этих переговорах участи. Она была готова ждать долго, пока не выявится сулят ли эти переговоры успех, как внезапно, еще до того, как эти переговоры по-настоящему начались 1 марта 1935 года французское правительство издало новый закон о продлении срока военной службы и почти одновременно английское правительство опубликовало свою упомянутую здесь Белую книгу. Узнав об этих двух документах, германское правительство не могло реагировать иначе, как сделать шаг, чтобы не стать предателем своего собственного народа. Западные державы восприняли этот шаг Германии по-разному. Англия и Италия немедленно об'явили протест против такой, якобы, односторонней отмены международных договоров, но они не обрывали нитей, которне могли бы привести к дальнейшим переговорам. Английская нота протеста содержала ясный вопрос: согласно ли германское правительство вести дальнейшие переговоры в том смысле, как это предусмотрено лондонским коммюнике, вопрос, на который подсудимый фон Нейрат тотчас же ответил утвердительно, изложив его в коммюнике Германии от 18 марта 1935 года - книга документов № Ш, документ № 98. В конце марта 1935 года в Берлин прибыл тогдашний министр иностранных дел Англии Иден

16562

H1211-0627

H1211-0628

для ведения переговоров о существовавших возможностях относительно подписания соглашения по морским вопросам. В этой связи я ссылаюсь на показания допрошенного здесь свидетеля - посла доктора Дикгофа. Только Франция, которая последовательно придерживалась своей позиции в отношении Лиги Наций и ее заверений относительно коллективного разрешения проблемы разоружения и тем самым проблемы мира сочла необходимым 20 марта 1935г. поставить на обсуждение Лиги наций вопрос о поведении немцев, потребовав от нее решения констатировавшего, нарушение Германией долга соблюдения взятых ею на себя обязательств, долга выполнять который должны все нации. Само собой понятно, что германское правительство в своей ноте от 20 апреля 1935 года не согласилось с такой резолюцией Лиги наций, заключающей в себе новую дискриминацию. Но эта резолюция не остановила внешнюю политику Германии в ее движении по пути активных действий, направляемых на установление взаимопонимания с западными державами. Не остановил ее и подписанный 2 мая 1935 г. упомянутый выше франко-русский пакт о взаимопомощи и дополняющий его русско-чехословацкий пакт о взаимопомощи.

21 мая 1935 года Гитлер об'явил немецкому рейхстагу о новой программе мира, в которой он, усиленно подчеркивая свое и немецкого народа непоколебимое стремление к миру, заявил, что он готов принимать участие в обеспечении мира в Европе, в каких бы формах это ни выражалось, в том числе и в форме коллективного сотрудничества, что он готов снова вступить в Лигу наций при условии, что за Германией будет признано право равноправного члена и что Германия должна будет ограничить свое вооружение в такой же степени, как и остальные государства. Эта речь Гитлера и одновременно начатые диплома-

16563

тические переговоры с другими державами привели к многообещавшим последствиям, а именно 18 июня 1935 года между Англией и Германией было заключено известное морское соглашение, которым устанавливалось твердое соотношение сил обоих флотов.

Это германо-английское соглашение имело большое значение в двух отношениях. С одной стороны, с политической точки зрения, оно означало ни более, ни менее, как фактическое признание Англией военного суверенитета Германии, отказ от резолюции Лиги наций, следовательно от мнения, представлявшегося французами и одобрение, санкционирование Англией шага Германии, заклейменного Лигой наций как нарушение договоров. Впервые одна из западных держав, притом одна из главных, признала равноправие Германии не только , но и . С другой стороны, с точки зрения настоящего процесса, этим фактом неопровержимо доказывается неправильность утверждения обвинения, состоящее в том, что вооружение Германии следует рассматривать как приготовления Гитлера к агрессивной войне. Напротив, морское соглашение ясно и определенно показывает, что германская внешняя политика, которой руководил мой подзащитный, не знала никаких агрессивных планов и намерений и что восстановление военного суверенитета Германии ни в коем случае не отвечало воинственным намерениям. Оно носило оборонительный, и только оборонительный характер. Я спрашиваю, какой государственный деятель, мечтающий о воинственных планах и намерениях, добровольно согласится на ограничение своего вооружения и тем самым будет мешать выполнению своих планов, согласится на ограничение вооружения в таких размерах, как это предусматривает морское соглашение. Даже самый злой недоброжелатель не может серьезно утверждать, что численность флота, разрешенная Германии этим соглашанием, могла хотя бы в какой-то мере оказаться достаточной для ведения агрессивной войны; это совершенно точно установлено здесь на процессе в результате представления доказательств.

16564.

H1211-0629

H1211-0630

Данным соглашением Гитлер полностью лишил себя возможности создания флота, достаточно мощного для ведения агрессивной войны. Любое, хотя бы сколько-нибудь значительное нарушение установленного соотношения численности обоих флотов, которое при существовавшем положении вещей ни при каких обстоятельства и ни в коем случае нельзя было сохранить в тайне, неизбежно привело бы к тому, что Англия соответственно увеличила бы свой флот или бы насильно воспрепятствовала подобному намерению Германии, что она могла сделать в любой момент. С какой стороны это соглашение ни рассматривать, факт остается фактом, что оно было и есть неопровержимым доказательством абсолютной честности и искренности неоднократных заявлений Германии о ее стремлении к миру, неоспоримым доказательством отсутствия каких-либо, даже самых тайных, военных намерений или планов ее внешней политики, а стало быть и ее руководителя подсудимого фон Нейрата.

Во Франции англо-германское морское соглашение вызвало противоречивые толки. В нем видели самовольное действие Англии, отход от общей линии, выраженной в резолюции Лиги наций, отход, нарушавший французские планы. Франция отнеслась весьма сдержанно и даже отрицательно к начатым Англией параллельно с переговорами о морском соглашении переговорам о заключении всеобщего авиационного пакта, поводом к которым послужила опять-таки речь Гитлера 1935 года. В ней Гитлер, ссылаясь на лондонское коммюнике, предлагал подписание соглашения относительно ограничений вооружений по линии авиации. Германское правительство, согласившись с инициативой Англии, 29 мая 1935 года само представило проект такого авиационного пакта. Потребовалось почти три месяца на переговоры между английским и французским правительствами, пока Англии удалось склонить

16565

Францию к участию в переговорах относительно такого пакта. Но на самом деле, согласие Франции участвовать в нем не было настоящим, потому что оно было дано при том условии, что осуществление пакта начнется только вместе с переговорами относительно Восточного пакта. Но, как уже упоминалось, Германия по соображениям безопасности страны в свое время должна была отклонить такой пакт. Было ясно, что условие Франции в действительности с самого начала преграждало путь к успешным переговорам.

Когда 25 июля 1935 года в Москве под эгидой Советского Союза открылся конгресс Коминтерна, на котором совершенно точно было определено, что Коминтерн ставил своей целью свершение мировой революции, отрицательное отношение Германии к Восточному пакту понятным образом усилилось еще больше.

Ничего удивительного не было в том, что подсудимый фон Нейрат 16 сентября 1935 г. сообщил английскому послу, что Германия не считает возможным дать ответ на меморандум правительства Великобритании от 5 августа 1935 года, который содержал ряд вопросов Франции, почти не связанных с авиационным пактом. Кроме того, уже отбросил свою тень итало-абиссинский конфликт, который оттянул дальнейшие переговоры об авиационном пакте. Как пять держав, подписавшие локарнский договор, могут притти к какому-то политическому соглашению, когда сотрудничество их распадается и некоторые из них стоят друг против друга в полной боевой готовности. На это вполне справедливо указывала внешняя политика Германии. Как известно, 7 сентября 1935 года английский флот вышел в Средиземное море. В полном разгаре были переговоры между Англией и Францией относительно применения

16566

H1211-0631

H1211-0632

санкции к Италии. 3 октября 1935 года началась война между Италией и Абиссинией.

Германской внешней политике удалось остаться в стороне от последовавших затем событий в Африке и стараний некоторых держав применить санкции против Италии. Однако, эти события не остались для нее без последствий, потому что благодаря им, и в особенности, благодаря постановке вопроса о санкциях, была подготовлена перегруппировка держав, которая привела, с одной стороны, к более тесному сотрудничеству Англии с Францией и к поддержке Англией французской позиции, с другой стороны, к естественному сближению между дискриминированной резолюцией Лиги наций от 17 апреля 1935 г. Германией и Италией, также дискриминированной применением по отношению к ней санкциями. Эти санкции одновременно и логично привели к расторжению Локарнского договора, ибо нельзя было считать договор действительным, если отдельные государства, подписавшие его, стали настолько враждебными друг к другу, что в любую минуту могла возникнуть опасность военных действий между ними.

Попытки французского правительства, начатые им нотой от 10 сентября 1935 года, вовлечь Англию в сеть своих союзов и обязательств, ясно выявляли тенденцию французской политики и должны были укрепить уверенность немецких государственных деятелей в том, что Франция последовательно продолжает свою политику изоляции, которую надо было понимать как угрозу Германии. Германское правительство и подсудимый фон Нейрат все еще медлили, не делали окончательных выводов и не предпринимали мер, необходимых для обеспечения простой безопасности Германии. Германская внешняя политика, непоколебимо стремясь к миру и готовая к переговорам, все еще надеялась, что ей пойдут

в этом навстречу, что Франция изменит курс своей политики и что она пойдет на честное и откровенное взаимопонимание. Очень скоро эта надежда оказалась обманчивой.

16 января 1936 г. французский министр иностранных дел Лаваль заявил, что после своего возвращения из Женевы в начале февраля он представит французской палате для ратификации пакт о взаимопомощи с Россией. Приблизительно в то же самое время подсудимый фон Нейрат узнал из достоверных источников, что французский генеральный штаб разработал план агрессии против Германии который предусматривал продвижение французских армий из Рейнской области вдоль линии Мажино с тем, чтобы пройти через Чехословакию и соединиться с русскими армиями. Таким образом, даже для самых больших оптимистов стал ясен агрессивный характер франко-русского пакта. Все сомнения исчезали, как только вспоминались о тех переговорах, которые велись во французской палате депутатов и вне ее до ратификации этого пакта, потому что и в самой Франции этот пакт именно в силу своего агрессивного характера вызвал заметное недовольство. Французские фронтовики активнее других выступали против него. Национальный союз ветеранов войны в резолюции от 8 февраля 19Х 6 года об"явил о том, что этот пакт дает большее поводов думать о возможности войны, чем о возможности мира. Речь депутата Монтиньи во французской палате депутатов от 13 февраля 1936 года была энергичным протестом против этого пакта. Она приведена в моей книге документов 1У за № 107. Монтиньи говорил, что этот пакт еще больше разверз пропасть между Францией и Германией. Германия больше, чем когда-либо должна воспринимать его как желание изолировать ее, если зависимая от Москвы коммунистическая партия будет продолжать политику Делькассе, политику реванша и старого

16568

H1211-0633

H1211-0634

русско-французского союзничества. Наибольшая угроза войны состоит в том, что о Франции создается впечатление, что она находится под тайным покровительством Москвы. Германское правительство сделало еще одну последнюю попытку удержать Францию от ратификации этого пакта: 21 февраля 1936 г. Гитлер дал корреспонденту французской газеты "Пари миди" Бертрану де Жувенель интервью /книга документов 1У, док. № 108/, которым он еще раз протянул французскому народу руку взнак того, что он предлагает е му найти общий язык в целях установления продолжительного мира и дружбы.

"Я хочу, - сказал Гитлер, - доказать моему народу, что представление о наследственной вражде между Францией и Германией - чепуха".

При этом Гитлер сослался на свою книгу "Мейн кампф", на которую тогда, также, как и здесь, в зале суда, ссылались очень часто; раз и навсегда он устанавливал:

"Когда я писал эту книгу, я находился в тюрьме. Это было время, когда французские войска заняли Рурскую область. Это был момент величайшего напряжения. Да, мы были врагами. Я служил свое й родине так, как в таких случаях надлежит поступать каждому, так, как когда я, сражаясь за свою родину, четыре с половиной года провел в окопах. Я бы перестал себя уважать, если бы в момент конфликта я не был прежде всего немцем. Но сегодня никаких причин для конфликта больше не существует. Вы хотите, чтобы я исправил свою книгу. Как это делают писатели. Но я не писатель. Я - политический деятель. Свои поправки я вношу в проводимой мною внешней политике, которая направлена на достижение взаимопонимания с Францией. Если я достигну его, то это и будет ценной поправкой". В этом же интервью

16569

Гитлер со всей ясностью указал на неизбежность последствий франзузско-русского пакта.

"Я лично не оставлю своих попыток установления взаимопонимания между Германией и Францией. Но этот пакт, к сожалению, создаст новую ситуацию. Разве вы, живущие во Франции, не сознаете того, что вы делаете? Вы разрешаете втянуть себя в дипломатическую игру такой страны, которая не хочет ничего другого, как только посеять раздор среди великих европейских держав и только самой извлечь из него пользу. Нельзя забывать, что Советская Россия является политическим фактором, в распоряжении которой имеются революционные идеи, способные взорвать мир и гигантское вооружение."

Он закончил свое интервью, еще раз подчеркнув, что Франция если она только захочет, может навсегда покончить с мнимой угрозой со стороны Германии, ибо немецкий народ питает к нему, своему фюреру, полное доверие, а он, фюрер, желает, дружбы с Францией.

Пред"явленные доказательства показали, что эти заверения Гитлера были честными и откровенными.

Однако, его усилия были напрасны. Французское правительство непоколебимо стояло на прежних позициях, а французская палата депутатов, несмотря на все предостережения, 27 февраля 1936 года проголосовала за ратификацию франко-русского договора.

Жребий был брошен. 7 марта 1936 года немецкие войска снова заняли свои старые гарнизоны в демилитаризованной зоне Рейнской области. Немецкая империя восстановила полный суверенитет на всей своей территории. С последним ограничением Версальского договора было покончено.

16570

H1211-0635

H1211-0636

В этом восстановлении полного суверенитета Германии в Рейнской области был заложен момент, который с точки зрения существования германского государства и немецкого народа означал не только восстановление их политического престижа Германии Он был единственным, и потому очень важным основанием и поводом для принятия немецким правительством весьма принципиального решения. Это был момент обеспечения безопасности государства. До тех пор, пока Рейнская область оставалась демилитаризованной зоной, оставались незащищенными от военного нападения с запада не только одна из важнейших и ценнейших провинций Германии, но и вся империя в целом и главное - источник ее мощи - Рурская область. Единственной защитой Германии от этой скрытой страшной опасности являлся заключенный в 1925 г. Локарнский договор с гарантиями Англии и Италии и с обязательствами Франции и Бельгии, с одной стороны, и Германии, с другой, не воевать дгуг с другом. Таким образом, существование демилитаризованной зоны Рейнской области представляло собою для немецкого государства уязвимое место западной границы , обстоятельство, которое было для Германии вопросом жизни и смерти. Она должна была опасаться, что гарантии, представлявшиеся этим договором окажутся ненадежными. Искажение смысла и внутреннего содержания договора,заключавшееся в охране Германии, обозначалось в тот момент, когда в корне изменились существовавшие ко времени заключения договора политические взаимоотношения и группировки. Когда был заключен Локарнский договор, политическое положение Европы, а таким образом и Германии,определялось и формировалось волею четырех держав: Англии, Франции, Италии и Германии. Государственные деятели, подписавшие от правительства Германии этот договор, со спокойной совестью могли

1.6571

рассчитывать на верность ему со стороны Франции и Бельгии, как на достаточную гарантию безопасности. Однако эта предпосылка отпала. Соответственно изменился или исказился смысл и сущность вышеуказанного договора. Это стало очевидным, когда Франция, заключив пакт о взаимопомощи с Россией, в корне изменила всю политическую обстановку в Европе и создала ситуацию, при которой стала иллюзорной преследуемая Локарнским договором цель, заключающаяся в предоставлении Германии защиты от постоянно грозящей ей опасности, заложенной в факте существования демилитаризованной Рейнской области. Совершенно координально изменилась группировка сил в Европе, так как на политическую арену выступила самая большая в мире держава с открыто революционным характером. При том неясном заряженном конфликтами положении, которое сложилось на востоке франко-русский пакт создал мнимую возможность того, что Франция согласно данным ею России обязательствам, вступит в войну против втянутой в нее Германии, предпримет на последнюю наступлени. Во всяком случае, нужно признать, что гарантии, данные Англией и Италией Германии, стали очень сомнительными и проблематичными. Оставалось мало надежды на то, что в случае наступления Франции, они активно помогут Германии и не предпочтут остаться нейтральными. Такая возможность существовала и с превовой точки зрения Локарнского договора, что Германия отразила в своей ноте от 25 мая 1935 года, написанной в связи с заключением франко-русского пакта./Книга документов Ш, док. № 105/ и еще раз подчеркнута в своем меморандуме от 7 марта 1936 года направленном участникам Локарнского договора /книга документов 1У, док. № 109/.

16572

H1211-0637

H1211-0638

Эта возможность , эта опасность стала еще более актуальной в результате событий, предшествовавших ратификации франко-русского пакта во французской палате депутатов и в результате самой ратификации его, как я это уже говорил выше. Правительство Германии, сознавая нависшую колоссальную опасность, совершило лишь/акт самообороны и самосохранения, сделав те незначительные шаги, которые были минимумом необходимого, чтобы встретить эту опасность и оградить себя от нее. В 1935 г. она восстановила военный суверенитет империи и годом позже заняла демилитаризованную зону, этот район развертывания французских войск, и тем самым заранее провела на границе империи оборонительный рубеж для отражения наступления с запада. Первой и священной обязанностью каждого правительства и каждого ответственного государственного деятеля было, есть и будет сохранение и обеспечение существования своего собственного государства и его народа, уважения права и справедливых требований других народов. Государственный деятель, упускающий это из виду, совершает преступление перед своим народом. Восстановление военного суверенитета Германии, занятие Рейнской области явились само собой разумеющейся реакцией, законным ответом германских государственных деятелей, а с ними и подсудимого Нейрата на политику французского правительства, в которой они, судя по всему предшествующему, должны были увидеть угрозу для Германии и действительно увидел ее.

16573

Я должен со всей категоричностью подчеркнуть, что я далек от того, чтобы в своей речи предъявить французскому правительству моральное или какое-то другое обвинение в той политике, которую я сейчас изложил. Наоборот, я так же, как и подсудимый Нейрат, абсолютно убежден в том, что эта политика проводилась в интересах Франции и что французские политические деятели считали такую политику со своей, французской точки зрения правильной. И, если тогда они исходили из неверной предпосылки, а именно, что восстановившая свои силы Германия означала угрозу Франции, что немецкий народ искони слепой ненавистью ненавидит французский народ, полон жажды агрессии и мести по отношению к нему, то мой подзащитный и я лишь искренне сожалеем об этом, но ничего не осуждаем. Но, с другой стороны, я должен сказать, что германские политические деятели, а с ними и подсудимый Нейрат имеют право претендовать на то, чтобы и об их действиях и поступках судили с учетом тех причин, которые их вызвали, и той обстановки, которая их обуславливала, чтобы на них посмотрели с точки зрения интересов Германии и чтобы под них не подводились мотивы, сами по себе невероятные и от которых они были очень далеки.

Политика, дипломатия - это все живая история. Как все, что живет и дышит во вселенной, так и эта живая история подчинена основному неизменному закону причинности.

Я думаю, господа судьи, я своей речью в достаточной степени показал, что оба действия, которые инкриминируются обвинением подсудимому: нарушения договоров с целью подготовки и развязывания войны, восстановления военного суверен-

16574

H1211-0639

H1211-0640

нитета империи и ремилитаризация Рейнской области, что они вытекают из всей истории, из всего политического развития тех лет, когда мой подзащитный был министром иностранных дел, что они являются следствием политики западных держав, что все это делалось моим подзащитным и Гитлером не преднамеренно и по плану, а было плодом политики, проводимой Францией.

Их действия не носили агрессивного характера или характера подготовки к войне. Напротив, они служили целям обороны и, следовательно, имели чисто мирный характер. Нет необходимости еще раз подчеркивать, что отсутствует какое-либо основание квалифицировать эти действия как подготовку Германии к будущей агрессивной войне. Утверждения обвинения показывают только абсолютную непригодность и полную абсурдность ретроспективных суждений и выводов об отдельных, вырванных из истории, взятых вне всякой связи друг с другом фактов и событий. Такой подход не имеет ничего общего с исследованием исторической истины, что является первоочередной задачей и долгом Высокого Суда не только с тем, чтобы вынести справедливый приговор, но и с тем, чтобы указать путь к новым этическим основам международного права.

При ближайшем рассмотрении и при учете всей обстановки необоснователной кажется квалификация двух мероприятий, предпринятых подсудимым, как нарушение международных договоров. И Версальский, и Локарнский договоры потеряли свой смысл и свое внутреннее оправдание не с течением времени. Они были давно нарушены в результате той политики, которую

16575

провоцила Франция и аннулированы. Версальский договор - в результате упорного отказа Франции и других участников договора выполнять возложенные на них обязательства по разоружению, соответствующие обязательствам Германии, Локарнский пакт - в результате заключения нового с ним несовместимого пакта с Россией. Как это часто бывает, история переросла эти договоры. Создалось такое положение, когда применение изречения: "Служим обязательствам соглашения" стало абсурдом. Ничего не могла изменить от имени Франции предложения и в виду ее господства в Лиге Наций последняя принятая резолюция от 19 марта 1936 года о том, что Германия, заняв Рейнскую область, нарушила 43 статью Версальского договора. История переросла и это событие.

Мне кажется, больше не стоит говорить об этой резолюции и о предшествовавших ей и последовавших за ней заявлениях и переговорах, состоявшихся между представителями участвовавших стран, ибо все это позабылось и Европа постепенно свыклась с совершившимися фактами. Но даже, если согласиться с этой резолюцией: согласно Уставу настоящего Высокого Суда, нарушение международного соглашения считается преступным лишь тогда, когда оно служит подготовке агрессивной войны. В ходе процесса один из господ американского обвинения очень ясно заявил, что совершенно справедливым и законным являются расторжение или изменение договора мирным путем. Но германская внешняя политика иначе и не поступала. Вся военная операция занятия Рейнской области была в действительности только символическим актом

16576

H1211-0641

H1211-0642

восстановления суверенитета Германии, если принять во внимание малочисленность привлеченных к этой операции войск, составлявших одну дивизию при полном отсутствии авиации. Это подтверждается тем, что 12 марта 1936 года немецкое правительство внесло через своего посла в Лондоне предложение, приведенное мною в 1У книге документов как документ № 173, о том, что в случае обоюдного соглашения оно готово отказаться от увеличения численности своей армии и от подтягивания войск к границе. Франция отклонила это предложение. Немецкая политика всегда и во всех отношениях последовательно придерживавшаяся мирной политики, действительно хотела служить только делу мира и поддержания его в Европе. И служила ему. Я хочу подчеркнуть, что оба шага, т.-е. занятие Рейнской области и восстановление военного суверенитета Германии были ничем иным, как явным выражением полного и неограниченного суверенитета империи, который был признан западными державами, что нашло свое отражение в уже упомянутом соглашении пяти западных держав от 11 декабря 1932 г. Ничто не дает такого яркого доказательства миролюбия и исключительно мирной политики последующего Нейрата, как тот факт, что он, добиваясь признания прав Германии и во избежание осложнений с Францией, которые на базе ее прошлой линии поведения не были невозможны, ждал этого признания до того момента, пока волевстие изменения соотношения сил оно стало необходимостью, нерушимым требованием безопасности Империи. Несмотря на вышеуказанную революцию, Германия практически продолжала придерживать свои мирные тенденции. В меморандуме от 31

16577

марта 1936 г. /4-я книга документов, документ № 116/ германское правительство еще раз представило новый великий план установления мира в Европе на 25 лет, с помощью которого оно хотело внести свой вклад в дело строительства новой Европы на базе обоюдного уважения, как это говорится в конце меморандума. Оно еще раз с полной ясностью пред"явило доказательство своей неизменной воли к поддержанию мира. Не Германии вина в том, чтоб и этот мирный план, предложенный ею, абсолютная честность и искренность которого подтверждена показаниями подсудимого, данными под присягой, не привел к успеху, заключающемуся в создании новой умиротворенной Европы.

Несмотря на все разочарования в период 1936-1937 гг., подсудимый придерживался тех же самых мирных тенденций. В соответствии с ними находился, прежде всего, договор, заключенный между германской империей и Австрией 11 июля 1936 года и явившийся результатом переговоров, которые в течение длительного времени велись подсудимым фон Папеном. Как несомненно доказано не только на основании собственных показаний подсудимого, но и на основании показаний свидетелей Кепке и Дикгофа, точка зрения, которую с самого начала занял подсудимый в австрийском вопросе, заключалась в том,что хотя и следует стремиться к более тесному сближению между обеими странами, как в политической, так в первую голову и в экономической области, самостоятельность Австрии должна оставаться неприкосновенной. Поэтому подсудимый был ярым противником всяких попыток вмешательства Германии во внутреннюю политику Австрии и попы-

16578

H1211-0643

H1211-0644

ток партии поцдерживать австрийских национал-социалистов в их борьбе с австрийскими правительствами Дольфуса и Шушнига. Он неоцнократно и небезуспешно выступал перед Гитлером с протестами против подобных попыток. Мне не нужно особо подчеркивать то, что этот честнейший человек с христианскими убеждениями в глубине своей души испытывал отвращения к убийству Дольфуса. Он приветствовал договор от 11 июля 1936 г., поскольку он соответствовал его собственным взглядам. Уже этот один факт опровергает утверждение Обвинения, что этот договор был заключен с целью обмана, т.-е. с намерением усыпить австрийское правительство и заранее подготовить и облегчить осуществление уже тогда имевшегося плана присоединения Австрии к Германии насильственным путем. Абсолютная честность и искренность подсудимого при заключении этого договора подтверждается показанием под присягой тогдашнего австрийского министра иностранных дел Гвидо Шмидта. У подсудимого фон Нейрата не было никакого повода сомневаться в честности и искренности Гитлера относительно этого договора. Это непреложно вытекает из заявлений Гитлера, сделанных им английскому министру иностранных дел Саймону во время посещения последним Берлина в марте 1935 года /см. показания свидетеля Кепке/. и из того, что Гитлер непосредственно после заключения этого договора вменил в обязанность руководителям австрийских национал-социалистов Рейнеру и Глобочнику самым строгим образом следить за соблюдением положений договора всеми национал-социалистам /см. показания подсудимого/. Он со своей точки зрения усматривал в этом договоре новый шаг

16579

на пути к умиротворению Европы, так как сделанное в нем заявление о независимости Австрии уничтожало очаг опасности для Европы, который представляла собой австрийская проблема.

Равным образом подсудимый принимал участие в цели улучшения взаимоотношений между Германией и Чехословацкой республикой; только этой цели служили неоднократно сделанные им заявления чехословацкому посланнику доктору Мастны о том, что чехословацкое правительство должно, наконец, уступить очень скромным требованиям судетских немцев, требованиям, которые покоились на обещании, сделанном чехословацким правительством еще в Версале, однако, невыполненным им.

Ни от чего подсудимый не был так далек в австрийском и чехословацком вопросах, как от мысли о их насильственном решении, которое потом, после отставки фон Нейрата с поста министра иностранных дел, Гитлер нашел правильным.

Его старания улучшить и сделать более тесными отношения империи с европейскими юго-восточными государствами также мало служили каким-то насильственным намерениям или даже планам с помощью этих государств расчленить Чехословакию. Если в письменных показаниях Мессершмита говорится о том, что для достижения этой цели Германия обещала юго-восточным государствам и даже Польше часть Чехословакии и самой Австрии, это -вымысел, в котором нет ни слова истины. Как следует относиться к этим показаниям, можно судить хотя бы по тому факту, что Обвинение не смогло представить ни одного единственного отчета кого-либо из дипломатов западных государств, работавших в этих государствах,

16580

H1211-0645

H1211-0646

который бы прямо или косвенно подтвердил правильность этих утверждений.

Или, может быть, один господин Мессершмит был столь старателен, что он смог узнать о таких планах ? На самом деле старания подсудимого, его поездки в Будапешт, Белград и Софию служили исключительно мирным целям, а именно расширению торговых отношений Германии с этими государствами, т.-е. тем целям, которые особенно были дороги подсудимому и которые влияли на его политику, как это следует из показаний подсудимого Кепке.

Подсудимому было чуждо все, что не находилось в соответствии с его мирной политикой и политикой примирения народов. Яснее всего это видно из того факта, что он отрицательно относясь к переговорам с Японией, которые начал подсудимый Риббентроп в Лондоне по прямому указанию Гитлера без участия и ведома фон Нейрата и которые привели к заключению антикоминтерновского пакта. Отрицательное отношение подсудимого выразилось в отказе подписать этот пакт. Как известно, и это было весьма необычно, последний был подписан послом господином фон Риббентропом. Едва ли можно было более резко выразить свое отрицательное отношение к такого рода политике, как это сделал подсудимый.

Подсудимый фон Нейрат оставался неизменно верен своей последовательно мирной политике вплоть до самого последнего момента, несмотря на то,что в последние годы его деятельности весьма заметным стало влияние на Гитлера со стороны других кругов и, прежде всего, партии. До послед-

16581

него момента он нацелялся успешно противостоять этому влиянию, полностью нейтрализовать его и попрежнему удержи вать политику империи в мирном русле, оставаясь верным своим собственным убеждениям и данному Гинденбургу обе- щанию. Когда после речи Гитлера, произнесенной им 5 нояб- ря 1937 года, и последующей беседы с ним относительно этой речи, состоявшейся в январе 1938 года, он убедился в том, что его влияние на Гитлера исчезло, что Гитлер не остановится перед насильственными военными мероприятиями, он сразу сделал должный вывод, подав прошение об уходе в отставку, которое и было удовлетворено. Порученная ему Гинденбургом задача оказалась невыполнимой. Он не хотел и не мог иметь ничего общего с политикой, которая не чурает- ся военных мероприятий. Прикрывать такую политику своим именем было для него целом совершенно невозможным. Это значило бы отречься от труда, которому он посвятил всю свою жизнь, он стал бы предателем в своих глазах и в гла- зах своего народа.

Но это не исключало для последующего, для которого благо и интересы его народа были превыше его личных ин- тересов и желаний, возможности снова предоставить себя в распоряжение Гитлеру, когда ему казалось, что он сможет спасти Германию от войны, опасность которой вызывалась политикой последнего, провоцимой в то время в совершенно ином направлении. В силу всей его позиции становится со- вершенно понятным, что когда 11 марта 1938 года Гитлер вызвал его к себе для того, чтобы сообщить ему о вступле- нии германских войск в Австрию и в связи с отсутствием имперского министра иностранных дел фон Риббентропа, нахо-

16582

H1211-0647

H1211-0648

щегося в тот момент в Лондоне, спросить его совета и попросить его составить ответ на протест английского посла фон Нейрат согласился. Обвинение ставит подсудимому в вину то, что содержание этого ответа фактически было неправильным. В связи с этим мне придется указать на следующее: в этом письме подсудимый передал лишь то, что рассказал ему лично Гитлер.

Со времени своей отставки с должности министра иностранных дел подсудимый не получал никакой политической информации, поэтому ему, как и всему остальному миру, истинное положение вещей было мало известно. Сообщение Гитлера о вступлении германских войск было для него таким же неожиданным, как и для всех других, как самый приказ для командующих войсками, о чем говорит в своей известной книге Гендерсон, присовокупляя, что решение о вступлении войск было принято Гитлером лишь за несколько дней до его осуществления. У него не было никакого основания сомневаться в правильности сделанного Гитлером описания предшествующих событий, тем более, что это было в присутствии Геринга и последний не возражал. Ему, с его чистым и искренним характером, привыкнувшему в течение всей своей прежней официальной деятельности к чистым и честным правительствам, не могла прийти в голову мысль о том, что руководитель правительства Гитлер будет ему лгать в такой важный момент давать информацию для ответа на английский протест, неправильность которой должна была выясниться в самое ближайшее время. У кого же он должен был узнать обстановку? Истинную обстановку знало, кроме Геринга, лишь

16583

очень небольшое число лиц, к которым он не мог обратиться уже потому, что их не было в Берлине. Геринг не противоречил данному Гитлером описанию. Я особенно подчеркиваю, что ответ на протест Англии, составленный на основании сообщения Гитлера и по просьбе последнего и написанный даже на простой бумаге, а не на бумаге со штампом министра иностранных дел, не был подписан фамилией Нейрата или за министра иностранных дел, а, как это видно из самого текста, представлял собой описание событий, сделанное по поручению имперского правительства. А имперским правительством был Гитлер, в тот день - Геринг. Он написал этот ответ не от своего имени и не под свою ответственность, а, как адвокат, который перешел сообщение третьего лица, в данном случае Гитлера. В самом деле, ему не может предъявляться обвинение в том, что он не усомнился в правильности описания событий, данного главой государства, т.-е. Гитлером, и не проверил его, причем совершенно не принимается во внимание тот факт, что он не был в состоянии сделать это.*

Точно также ему не может быть предъявлено никакого обвинения за заявление, сделанное им некоторое время спустя чехословацкому посланнику доктору Мастны. Даже независимо от того, что, согласно показаниям самого подсудимого, данным им под присягой, эта беседа проходила совершенно иначе, чем ее изобразил посланник доктор Мастны в своем отчете, которым он пытается произвести впечатление, из предпоследнего абзаца этого отчета /книга документов У, док. № 140/ следует, что и Мастны воспринял заявление под-

16584

H1211-0649

H1211-0650

сущимого о том, что Гитлер не намеревается напасть на Чехословакию и считает себя теперь так же, как и раньше, связанным договором об арбитраже, не как заявление, сделанное на все будущие времена, а лишь на самое ближайшее время, а именно на время до окончания операции в Австрии. Сомневаться в правильности этого заявления, т.-е. в том, что оно действительно соответствовало тогдашнему намерению Гитлера, не было никакого основания в силу того, что, как подтвердил в своих показаниях подсудимый Йодль, германские вооруженные силы не были достаточно подготовлены к войне, вопреки указаниям Обвинения на заявления Гитлера в его выступлении от 5 ноября 1937 года относительно завоевания Австрии и Чехословакии, о котором мог встать вопрос только в случае войны с другими государствами и в далеком будущем. Таким образом, инкриминируемые подсудимому обвинения и в этом пункте оказались несостоятельными. Решение Гитлера о присоединении Австрии к германской империи, принятое им через несколько месяцев после своего выступления 5 ноября 1937 года, явилось неожиданностью для всех, включая и его самых ближайших сотрудников. Если оставить в стороне развитие событий в самой Австрии, то основанием к нему ни в какой степени не могла послужить также беседа между лордом Галифаксом, Гитлером и подсудимым, состоявшаяся в ноябре-декабре 1937 года, во время которой лорд Галифакс заявил, что английский народ не поймет, почему его страна должна вступить в войну, если две германские страны об"единятся. Это заявление подтвердил подсудимый в своих показаниях под присягой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Перерыв.

/Перерыв до 14.00/

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЗАСЕДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

от 24 июля 1946 г.

(ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ)

Встать ! Суд идет !

ЛЮДИНГХАУЗЕН: Затем осенью 1938 года подсудимый фон Нейрат сам еще раз использовал возможность вмешаться в ход событий и спасти германский народ от непосредственно нависшей над ним угрозы войны. После показаний Геринга и показаний других свидетелей, совпадающих друг с другом, я считаю излишним более пространно описывать отдельные подробности о созыве мюнхенской конференции в конце сентября 1938 года.Доказанным фактом является то, что своим созывом и своим успехом,т.е. тому, что было достигнуто соглашение по судетскому вопросу с Англией и Францией, конференция в значительной степени обязана инициативе и содействию подсудимого. Он мог повлиять на ход событий благодаря одному обстоятельству, которое Обвинение,совершенно превратно истолковывая вещи, вменяет ему в вину, а именно, благодаря тому обстоятельству, что он после его ухода с поста министра иностранных дел был назначен председателем созданного в то время Гитлером тайного совета министров. Если бы он не занимал этого поста, ему не удалось бы получить аудиенции у Гитлера в сентябре 1938 года и добиться от него согласия на созыв мюнхенской конфренции. Затем, хотя за ним и сохранялся титул имперского министра, он,вопреки утверждению Обвинения,не был больше членом имперского правительства со дня своей отставки с поста имперского министра иностранных дел,

H1211-0651

H1211-0652

что явствует уже из того, что его жалование, начиная с этого дня, было уменьшено на одну треть. Таким образом, с этого дня прекратилась всякая возможная ответственность подсудимого за политику, проводившуюся империей, потому что, вопреки утверждению Обвинения, он, как председатель тайного совета министров, не являлся членом имперского правительства и не имел никакого доступа на заседание кабинета министров, не говоря уже о праве голоса и места на этих заседаниях. Уже из текста самого декрета Гитлера о создании этого тайного кабинета министров совершенно ясно вытекает, что этот тайный совет министров предназначается лишь для того, чтобы консультировать лично фюрера, и причем только по вопросам внешней политики. Именно из книги Губера: "Конституционное право великой германской империи" (ПС-1744), предъявленной Обвинением для подтверждения своих противоположных утверждений, явствует, что тайный совет министров и его председатель не имеют ничего общего с имперским правительством и не являются составной частью или органом имперского правительства, а представляют собой лишь одно из многих личных бюро фюрера. В действительности тайный совет министров никогда не функционировал и не должен был никогда функционировать, как доказано на основании показаний Геринга, Ламмерса и других свидетелей. В действительности, он был создан лишь для оказания почести подсудимому и должен был сгладить то впечатление, которое возникло от того, что между Гитлером и подсудимым существовали разногласия. Что он сам расценивал эту должность не иначе, явствует из того факта, что с 4 февраля 1938 года подсудимый жил, как частное лицо, в своем имении

в Вюртемберге, следуя своим наклонностям и лишь очень редко наезжая в Берлин, где он опять-таки не занимался никакой официальной деятельностью, да и не мог заниматься ею, так как министерство иностранных дел изолировало его от всякой информации, касавшейся политических событий. И если Обвинение считает, что оно может на основании пред'явленных им документов-НС-3945-сделать вывод о том, что подсудимый получал от империи или от имперской канцелярии денежные суммы для того, чтобы раздобывать дипломатическую информацию, то этот вывод, не говоря уже о показаниях самого подсудимого, данных под присягой, опровергается находящимся среди этих документов письмом начальника существовавшего для проформы бюро тайного совета министров, советника Кеппена, от 31 мая 1943 года; из этого письма совершенно ясно вытекает, что небольшие суммы, поступавшие через большие промежутки времени в это бюро, предназначались для покрытия издержек по содержание этого бюро, а не для каких-либо тайных целей, связанных с получением информации.

Насколько редко подсудимый использовал положение председателя тайного совета министров, к которому он прибегнул только один раз-в сентябре 1938 года, настолько же мало он действовал в качестве члена имперского совета обороны, которым он был назначен законом об имперской обороне. И здесь Обвинение заблуждается, вменяя подсудимому в вину то, что он был членом этого совета, и приписывая ему на основе этого факта милитаристские тенденции или поддержку таковых; мне кажется, что в связи с многократным обсуждением вопроса об имперском совете обороны в ходе представления доказательств я могу отказаться от того, чтобы рассматривать подробно это утверждение Обвинения и могу ограничиться лишь указанием на то, что в этих законах об имперской обороне не содержалось

16588

H1211-0653

H1211-0654

никаких агрессивных тенденций и что, напротив, как явствует из их текста, в них имелись лишь необходимые инструкции на тот случай, если империя подвергнется нападению или будет втянута в войну, что вообще может иметь место в каждом государстве, которое должно считаться с возможностью войны. Однако просто непонятно, как можно сделать на основании этого вывод об агрессивных намерениях и планах подсудимого. Между прочим, подсудимый не присутствовал ни на одном совещании этого совета и никогда также не получал никаких сообщений о решениях этого совета.

Предъявленный Обвинением в качестве контрдоказательства документ ПС-2194, предназначался не для подсудимого, а для одного отдела имперского министерства транспорта, называвшегося транспортным отделом и включенного в состав правительства в протекторате. Отправителем этого документа был не Совет обороны, а саксонское министерство экономики и труда.

С помощью всех этих и других подобных попыток Обвинению никогда не удастся доказать, что подсудимый когда-нибудь в результате своей политики совершил прямым или косвенным путем преступления, заключающиеся в планировании, подготовке агрессивных войн или одобрении и поддержки таковых. В действительности имело место обратное. Вся его деятельность была проникнута одним единственным стремлением, достичь лишь с с помощью мирных средств и мирным путем тех целей, которые преследовались всеми прежними демократическими правительствами, начиная с 1919 года, которые заключались в том, чтобы устранить положения Версальского договора, дискриминировавшие Германию и превращавшие империю во второстепенное государство, и были направлены на то, чтобы добиться общего

умиротворения Европы. Ни одно из его действий в области дипломатии не служило никаким другим целям и не было связано ни с какими другими намерениями, которые рассматриваются Уставом как преступления. Его отставка с поста имперского министра иностранных дел была с полным основанием воспринята всем миром, как за рубежом (я ссылаюсь на показания свидетеля Дикхофа), так и в самой стране и в особенности в ее консервативных кругах, с большой тревогой и опасением, что уже одно опровергает утверждение Обвинения, что он выступал в этих кругах как представитель пятой колонны. Во всем этом ничего не могут изменить и ссылки Обвинения на обращение Гитлера к своим генералам в ноябре 1939 года, а тем более ссылки на речи самого подсудимого от 29 августа и 31 октября 1937 года. Речь Гитлера была произнесена в период первых военных успехов и была рассчитана на то, чтобы изобразить эти успехи, как успехи, которых он, Гитлер, добился своим руководством государства; эти речи следует расценивать только под таким углом зрения. Речи же самого подсудимого имеют как раз совсем иное содержание, чем то, которое Обвинение хочет усмотреть в них. Обе речи, содержащиеся в моей 4-й книге документов и представляющие собой документы № 126 и №128, отчетливо свидетельствуют о мирных намерениях подсудимого в его руководстве внешней политикой и особо подчеркивают тот факт, что достигнутые успехи были обеспечены исключительно с помощью мирных, а не насильственных средств. В особенности речь от 31 октября 1937 года, последняя публичная речь подсудимого на посту министра иностранных дел, представляет собой резюме его политики, защищающей дело мира. То, что это резюме было и является правильным, должен

16590

H1211-0655

H1211-0656

был признать здесь в этом зале даже и сам представитель Обвинения, решительно охарактеризовавший речь Гитлера от 5 ноября 1937 года, которая послужила подзащитному поводом для ухода в отставку, как поворотный пункт в германской внешней политике, и признавший тем самым совершенно определенно, что германская внешняя политика до этого дня не была агрессивной, насильственной, что она не имела агрессивных планов или намерений, а была мирной и не могла быть иной, так как она соответствовала убеждениям подсудимого как политика, так и человека, что точно подтверждается всеми заслушанными здесь свидетелями и всеми содержащимися в моих книгах документов опросными листами и письменными показаниями, данными под присягой. В основу этих убеждений были положены три момента: человеколюбие, патриотизм и миролюбие, которые зародились и утвердились вследствие глубочайшего сознания ответственности перед самим собой, перед своим богом и перед своим народом.

И, когда Гитлер несколько дней спустя после оккупации Чехословакии вызвал в свое имение в Вену фон Нейрата, помня о его заслуженном отиум кум дигнитате и сообщил ему, что он избрал его на пост имперского протектора Богемии и Моравии, мой подзащитный в силу вышеуказанного сознания своей ответственности счел себя обязанным принять это назначение. Вначале он противился этому и долго боролся с самим собой, ибо всегда был ярым противником какого- бы то ни было вмешательства, не говоря уже о более или менее насильственном присоединении других народов к германской империи; по этой причине он осуждал присоединение Чехословакии и заключенный с ее президентом Гаха так называемый договор о защите, хотя он и не имел в тот момент ни малейшего представления о том, как был подписан этот договор. Действительные подробности, связанные с этим событием, он узнал впервые лишь

здесь, в Нюрнберге. Несмотря на то, что внутренне он противился тому, чтобы опять занимать официальный пост, особенно достигнув такого возраста, и чтобы вновь служить Гитлеру и его режиму, он все же из чувства своей ответственности перед народом и в силу своих основных гуманных воззрений пришел к убеждению, что он не имеет права не последовать этому призыву. Когда Гитлер заявил ему, что он избрал именно его, как единственно подходящую для этого личность, которая с успехом может добиться задуманного им примирения чешского народа с его новым положением и с немецким народом, он не мог не признать, что тем самым перед ним была поставлена задача, от которой он не должен был отказываться как в интересах германского народа, так и в интересах гурманности и идеи взаимопонимания народов. Разве это не была на самом деле задача, достойная усилий благородного человека, и заключавшаяся в том, чтобы с помощь гуманного и справедливого правления и отношения примирить народ, который должен был рассматривать всякое ограничение и ущемление своей свободы и самостоятельности, как самую худшую из нанесенных ему несправедливостей, который должен был преисполняться чувством ненависти, жаждущей крови, и ожесточением против другого народа, который был в его глазах неспособным угнетателем, следовательно, примирить такой народ с этим другим народом и с тем положением, которое этот другой народ создал для него? Разве эта цель не была созвучна с тем его стремлением обеспечить и сохранить мир, которое отчетливо пронизывает всю его внешнюю политику, представляя собой ее основную тенденцию? Он с полным правом мог и должен был сказать себе, что если он откажется от этой задачи, то весьма вероятно, что из окружения Гитлера будет назначен на пост имперского протектора другой человек, который не будет подходить для

16592

H1211-0658

этой миссии и не будет стремиться примирить чешский народ путем гуманного и справедливого обращения, а, напротив, предпочтет подавить чешский народ с помощью насилия и террора, как в действительности и произошло 2 1/2 года спустя. Только руководствуясь этими соображениями, оставив без внимания все личные интересы и не посчитавшись даже с тем, что ему грозила опасность, что некоторыми кругами его шаг может истолковываться как согласие с Гитлером и поддержка его режима, и, следовательно, может быть поставлен ему в упрек, он решил принять предложенный ему пост после того, как Гитлер твердо заверил его в том, что он намерен в любое время оказывать ему содействие в планировавшейся им политике умиротворения и примирения чешского народа, поддержанной гуманным и справедливым отношением к нему, широко отвечающим всем его интересам. Он сознавал всю сложность взятой на себя задачи. Я не премину заявить здесь, что в данном случае имело место решение, оправдать которое, исходя из той точки зрения, которой придерживается английский Обвинитель, заявляя, что нечестно оставаться в правительстве, которое должно порицаться за его аморальность, было бы несколько затруднительно, если это решение было бы принято не Нейратом, а человеком совершенно иного духовного склада и иного образа действий. Я, Зная личность подсудимого фон Нейрата и его глубокое чувство ответственности, которое, надеюсь, я обрисовал достаточно ясно, должно быть понятным, что это решение было для него единственно возможным и единственно правильным. В этом чувствуется воистину подлинный трагизм, перекликающийся с античностью в том, что провал миссии, выполнять которую подсудимый согласился только из высших этических

16593

побуждений, должен был привести его на эту скамью подсудимых.

Я хотел бы заявить следующее по поводу предпринятой обвинением попытки показать путем пред'явления фотокопии письма подсудимого, адресованного начальнику имперской канцелярии Ламмерсу, от 31 августа 1940 г. под номером ПС-3853 и якобы существующих к нему приложений неправдоподобность заявления подсудимого о том, что он согласился принять пост имперского протектората, ставя своей единственной целью умиротворение и примирение чешского народа путем такого обращения с ним и такой политики, которая должна соблюдать интересы чешского народа и уважать его национальные особенности и тем самым служить на пользу этому народу и его национальному благополучию.

Я полагаю, что путем повторного допроса подсудимого, любезно предоставленного мне Высоким Судом, я показал, что не имеют никакой доказательной силы эти документы, прежде всего оба отчета, приложенные к письму на имя Ламмерса, которые в действительности не соответствуют намерениям и тенденциям подсудимого, изложенным выше, по вопросу о Германии чешского народа. Эти фотокопии, как с уверенностью заявляет подсудимый, не только не соответствуют по содержанию, форме и по величине подлинным приложениям, представленным ему на подпись и одобренным им самим с тем, чтобы присоединить их к письму на имя Ламмерса, но они вызывают (и) более чем обоснованное сомнение относительно того, действительно ли идентичны эти фотокопии подшитым к письму Ламмерса приложениям, и именно на основании следующих фактов:

Вопреки обычаям, принятым во всех ведомствах, эти фотокопии не содержат шифра, говорящего, что это письмо к Ламмерсу; на них нет даже ни одной пометки, свидетельствую-

H1211-0659

H1211-0660

щей о том, что они являются приложениями к какому-либо другому письму, не говоря уже о том, что они должны являться приложением к письму на имя Ламмерса. Фотокопия первого доклада также не имеет подписи подсудимого, которая, как он с определенностью утверждает, была проставлена им на представленном ему чистовом экземпляре доклада, составленного им самим или его бюро по его указаниям, и приложенном к письму, адресованному Ламмерсу, когда он подписывал это письмо. Напротив, бросается в глаза, что на этой фотокопии имеется графа, которая служит для заверения правильности копии, в которой должна была бы стоять подпись некоего оберштурмбаннфюрер СС, служившего в бюро статс-секретаря Франка, но которая там отсутствует. Эти факты делают вполне правдоподобным утверждение подсудимого, что если доклады, с которых была снята фотокопия, действительно были приложены к письму на имя Ламмерса, ~~то бюро, которое занималось отправкой письма, либо сам статс-секретарь Франка=~~ то либо сам статс-секретарь Франка, бюро которого занималось отправкой письма, либо кто-либо по его поручению заменил или подлинный доклад подсудимого и доклад Франка, проект которого был одобрен подсудимым. Далее, заслуживают полного доверия показания подсудимого, которые он дал для об'яснения назначения этого письма на имя Ламмерса и приложений к нему; он заявляет, что он точно так же, как и в случае с планом, содержащимся в докладе генерала Фредерици от 15 октября 1940 г., представленном под номерами УС-65, Л-150, хотел сделать попытку на основании материалов обоих пересланных докладов заставить Гитлера во время своего устного доклада отказаться от раздела территории протектората и германизации

16595

чешского народа, в какой бы то ни было форме и вообще запретить разработку таких планов. Он сам решительно опровергал все это по многим соображениям и в последнюю очередь в интересах доверенного ему чешского народа и его национальной самобытности и целостности. Эти его заявления подтверждаются показаниями свидетеля фон Холлебена в его ответах на опросный лист, книга документов № 5, документ № 156, свидетеля д-ра фон Бургсдорф, а также собственноручным письмом самого подсудимого, дословно цитируемым в афидевите баронессы Риттер - книга документов № 1, документ № 3. И, действительно, он настоял на своей точке зрения, как доказывает пред'явленный обвинением отчет Цимке о беседе с Гитлером. Пока он был в Праге, не было предпринято никаких шагов к германизации чешского народа; подсудимый запретил даже обсуждение этого вопроса, как показывает пред'явленный обвинением документ 3862-ПС. Именно предотвращая всякий раздел территории протектората и всякую более или менее насильственную планомерную германизацию чешского народа, подсудимый лучше всего показал, как серьезно он относился к своим намерениям и стремлениям сохранить и защитить чешский народ и его национальную самобытность вместе с его целостностью и своеобразием, согласно тем принципам и планам, которыми подсудимый руководствовался, осуществляя свою миссию, и которые он изложил в своей статье, напечатенной в "Франкфуртер Цейтунг" 30 марта 1939 года, 5 книга документов, документ № 143, - "О новом порядке в центральной части Европы". Он сам в этой статье характеризует свою миссию как благородную, но одновременно очень трудную. Насколько трудной она в действитель-

16596

H1211-0661

H1211-0662

ности была, даже почти невыполнимой, должно было, к сожалению, выясниться очень скоро.

Причина этого заключалась в том, что с самого начала имперскому протектору не только не была передана полная власть в протекторате, ему, не говоря уже о его подчинении Гитлеру, не только никогда не было предоставлено авторитетное и главенствующее положение, но даже и его собственные полномочия и сфера компетенции не были достаточно ясно определены. Правда, в Указе Гитлера от 16 марта 1939 года о создании протектората и в дополняющем его постановлении от 22 марта 1939 года, 5 книга документов, документы №№ 144, 145, + устанавливается, что имперский протектор подчиняется фюреру и рейхсканцлеру и является единственным представителем последнего, а также и имперского правительства и должен получать свои указания от фюрера и рейхсканцлера. Однако в то же время с самого начала из его компетенции были из'яты не только такие определенные административные сферы, как-то: вооруженные силы, транспорт, равно как и почтовая и телеграфная связь, но также и имперскому правительству и имперским органам было дано право подчинять своей власти, независимо от имперского протектората, административные органы, входившие в сферу компетенции имперского протектора, и в случае необходимости, создавать так называемые собственно имперские органы, которые не подлежали бы компетенции имперского протектора. Империи было также предоставлено право принимать меры, необходимые для обеспечения безопасности и порядка в протекторате, через голову имперского протектора.

Далее, и это является особенно важным, каждый из многочисленных высших имперских органов, следовательно, не только имперские министерства, но и имперский банк и управление по четырехлетнему плану и совет министров по вопросам обороны империи и т.д., получили право совершенно независимо от протек-

165 98

тора издавать свои распоряжения и проводить организационные мероприятия, а тем самым вмешиваться в сферу управления, подведомственную имперскому протектору, причем протектору не было предоставлено ни права, ни возможности протестовать против этих актов или препятствовать им, если они противоречили его собственным постановлениям и мероприятиям, его политике; напротив, он не только был обязан публиковать их в протекторате, но и наблюдать за их проведением. Таким образом, положение имперского протектора было совершенно иным, чем, например, положение Британского вице-короля в Индии, и соответствовало скорее положению имперского наместника (рейхсштатхальтера) или предводителя провинции. Таким образом, оно не соответствовало тому, что до сих пор с точки зрения государственного права подразумевалось под понятием протектората; этого и не могло быть, поскольку так называемый протекторат Богемия и Моравия, в соответствии со статьей 1-й вышеупомянутого Указа от 16 марта 1939 года, на который я должен в этой связи особо сослаться, был включен в состав территории Германской империи, следовательно, представлял собой часть германской империи и пользовался лишь внутри империи, будучи ее составной частью, известным самоуправлением и ограниченной автономией. Это заранее предполагало распространение на протекторат законов и распоряжений , действовавших в остальной части империи. Само собой разумеется, что такое нечеткое и неопределенное разграничение полномочий и компетенций имперского протектора должно было вызвать вскоре большие затруднения не только в области единой и проводимой по единым установкам политики, но и для самого подсудимого, как имперского протектора, при осуществлении избранного им и желательного для него правления. Эти трудности

16598

H1211-0663

H1211-0664

и трения с течением времени увеличивались. С другой стороны, ясно, что ответственность подсудимого может рассматриваться лишь под этим углом зрения, лишь с учетом параллельной компетенции этих всевозможных учреждений. Ни в коем случае нельзя возложить на него ответственность за ~~издание~~ распоряжения, мероприятия и действия, если они исходили не от него и проводились не по его приказу, а, напротив, осуществлялись другими учреждениями и инстанциями, не входившими в сферу его компетенций и неподчиненными его влиянию, без его содействия, без его ведома и даже против его воли, причем он сам не имел ни прав, ни полномочий воспрепятствовать им и являлся в лучшем случае промежуточной инстанцией.

Это относится, в первую очередь, к ответственности, возлагаемой на него в соответствии с чешским документом Обвинения, представленным под номером СССР-60-а, за все действия Гитлера и имперского правительства, совершенные до и после создания протектората. Положенное в основу обвинения утверждение ~~тезе~~ относительно того, что господин фон Нейрат после своего ухода в отставку с поста имперского министра иностранных дел оставался членом имперского правительства, является объективно неправильным. Я уже ранее бесспорно доказал, что он ни в качестве министра в отставке, ни в качестве председателя тайного совета министров, не являлся членом имперского правительства. Точно также и в качестве имперского протектора он не был членом имперского правительства. Это установлено и это не оспаривалось обвинением на этом суде. Таким образом, отпадает всякая ответственность подсудимого за любые действия или мероприятия, предшествовавшие созданию протектората или подготавливавшие его создание. Мною точно также доказано уже в другом месте и то, что вменяемое ему в вину заявление, сделанное им Чехословацкому

послу12 марта 1938 года, не являлось неправильным или лживым и поэтому не может считаться действием, подготавливавшим оккупацию Чехословакии.

Далее, если чешское Обвинение делает на основании статьи 5-й вышеупомянутого Указа от 16 марта 1939 г. вывод о том, что он в качестве имперского протектора должен кести ответственность решительно за все, что происходило в протекторате за время его деятельности, т.е. с 17 марта 1939г. до 27 сентября 1941 года, то такой вывод в свете вышеизложенного фактического распределения сфер компетенций в протекторате является об'ективно неправильным и ошибочным. Ни по одному закону мира нельзя уголовную ответственность за акты и действия, совершенные третьими лицами, возлагать на человека, который не участвовал в них или который выступал против них.

Так, например, он не может быть привлечен к ответственности за установление валютного курса для чешской кроны и рейхсмарки, потому что этот курс был установлен до его назначения, он в этом не принимал участия и он не располагал ни властью и ни правом для того, чтобы изменить этот курс, причем можно спокойно оставить без рассмотрения вопрос о том, был ли этот курс невыгодным для чешского народа, как голословно утверждает обвинение, или же нет. Не нуждается в специальном упоминании также и тот факт, что если бы это даже и было так, то все же тут не было бы преступления, предусматриваемого Уставом, наличие какового должно быть непременным условием для наказуемости.

Точно также нельзя возлагать на него ответственности за создание и существование таможенного союза. Этот таможен-

16600

H1211-0665

H1211-0666

ный совз был предусмотрен уже указом от I6 марта I939 года, статья девятая которого гласит буквально: "Протекторат относится к таможенной сфере германской империи и подчиняется ее таможенным властям". Это положение явилось естественным результатом уже упоминавшегося факта, заключавшегося в том, что протекторат являлся частью германской империи. Однако необходимо здесь особо указать на то, что подсудимый, который считал это распространение имперских таможенных правил на протекторат невыгодным и вредным для чешской экономики, сумел задержать выполнение и осуществление этого указа на полтора года-до октября I940 года, несмотря на нажим со стороны имперского министра финансов. Это служит ярким доказательством того, что для него интересы доверенного ему чешского народа были дороже интересов германской империи. Он не имел никакого отношения к хозяйственным мероприятиям, выразившимся в так называемом переводе в империю чешских банков и в демонтации промышленных предприятий и в захвате немцами ключевых позиций в промышленности. Эти мероприятия проводились другими учреждениями, в частности, рейхсбанком и представителем от управления по четырехлетнему плану, за его спиной и без его содействия. Кроме того, они явились естественным следствием того обстоятельства, что уже раньше были помещены в этих банках и предприятиях значительные немецкие капитали, которые возросли после оккупации в результате того, что кредиты, предоставлявшиеся другими странами, были ими из"яты и их место заняли немецкие фирмы.

Наконец, он не имел ничего общего с юрисдикцией. Последняя находилась в.ведении только имперского министерства юстиции. Только оно создавало немецкие суди, в том числе и чрез-

16601

вычайные суды /штандгерихт/ и прокуратуру, оно назначало судей и прокуроров. Господин фон Нейрат не принимал никакого участия как в этом, так и в вынесении приговоров судами, что явствует из постановлений и указов об учреждении этих судов, в частности, из постановления об осуществлении уголовного судопроизводства от I4 апреля 1939 года - 5-ая книга документов, документ № I47.

Однако здесь необходимо еще раз указать на то, что как экономические мероприятия, так и учреждение немецких судов в протекторате, принадлежащем к германской империи, ни по каким признакам не могут быть отнесены к преступлениям, предусмотренным настоящим Уставом. Точно также не относится к категории этих преступлений и вменяемое подсудимому в вину вмешательство в школьное воспитание в Чехии, назначение немецких школьных инспекторов - это мероприятия, которые также исходили не от него, а от германского имперского министерства воспитания. Закрытие значительного числа чешских средних школ было произведено вообще не подсудимым и не германским имперским министерством, а самим чешским правительством, хотя и по инициативе подсудимого. Это оказалось целесообразным и было в интересах чешской молодежи, чешской интеллигенции и народа, потому что должно было предотвратить опасность прироста значительной прослойки пролетарской интеллигенции. Эта опасность стала актуальной ввиду того, что после включения Судетской области в германскую империю осенью I938 года большое число чешских служащих и лиц свободных профессий устремилось в протекторат, в результате чего для подрастающих учеников средних школ сильно сократилась воз-

10602

H1211-0667

H1211-0668

можность найти занятие и заработок потому, что существовало слишком много людей с культурными профессиями, а территория протектората уменьшилась после отделения Судетской области и Словакии. К этому присоединилось закрытие университетов, осуществленное по личному приказу Гитлера в середине ноября 1939 года. Чешское правительство не могло не согласиться с правильностью доводов подсудимого и само провело закрытие целого ряда школ. Подсудимый не оказывал на чешское правительство никакого давления. Это подтверждается представленными доказательствами. Но роспуск чешских гимнастических и спортивных об"единений и прочих подобных организаций, так же как и конфискация и использование их имущества, были произведены полицией без ведома или содействия подсудимого. Впрочем, еще не установлено, произошел ли этот роспуск вообще в период деятельности подсудимого, или он имел место после его ухода. Однако роспуск "Сокола" представлял собой государственное мероприятие, необходимое как в интересах Германии, так и в интересах умиротворения и примирения чешского народа, так как "Сокол" бесспорно был центральным органом сосредоточения антигерманских настроений и подстрекательства чешского народа к оказанию активного сопротивления всему тому, что было немецким.

Уже из вышеизложенного становится ясным, каким многосторонним было вмешательство других учреждений и органов в управление протекторатом и как велики были поэтому трудности и сильно сопротивление, которое оказывалось целеустремленной политике подсудимого. Эти явления однако не были устранены, а, наоборот, еще более усугубились изданием приказа от I сен-

16603

тября I939 года о структуре управления протекторатом и о германской полиции безопасности /книга 5-ая документов, документ № I49/. Это постановление было издано без предварительного уведомления подсудимого советом министров по обороне империи. Оно также является совершенно неясным и вводит в заблуждение, в особенности в первой своей части. Хотя согласно этому постановлению все немецкие административные власти и их чиновники в протекторате были подчинены имперскому протектору, однако, это подчинение носило чисто формальный характер, то-есть это не было подчинением по деловой линии.

В этом отношении все осталось по-старому, то-есть в таком положении, какое сложилось на основе существовавших правовых положений о высших имперских властях, а именно, согласно ст. II указа от I6 марта I939 года и постановлению от 22 марта I939 года. Разница заключалась только в том, что также и все учреждения, созданные другими ведомствами и, кроме того, все учреждения, которые предполагалось создать в будущем, формально были включены в управление имперского протектората и довольно редко выступали в качестве самостоятельных отделов, неся название учреждений "Имперского протектора Богемии и Моравии". Это, однако, не означало, что таким образом включенные в администрацию отделы подчинялись в деловом отношении лично имперскому протектору, то-есть подсудимому, что они получали от него деловые указания и приказы и должны были разрабатывать их по его принципиальным установкам. Напротив, как прежде, так и теперь они получали свои указания от их первоначальных имперских учреждений и обязаны были придерживаться и исполнять только их. Так, например, созданный при

16604

H1211-0669

H1211-0670

имперском протекторе так называемый транспортный отдел, в задачу которого входила разработка вопросов, связанных с путями сообщения, и/из"ятых приказом от I6 марта I939 года из компетенции имперского протектора, как и прежде, подчинялся имперскому министру путей сообщения, а не имперскому протектору, и обязан был получать указания не от него, а от министерства в Берлине. Таково было положение и в других областях, также и в области собственной внутренней администрации.

Именно согласно этому постановлению совета министров по обороне империи от I сентября I939 года, а не на основании постановления подсудимого, как неправильно утверждает чешское обвинение, было введено новое административное деление территории протектората на округа /оберландбецирке/ во главе с оберландратом, который, согласно § 6 постановления, представлял инстанцию, подчиненную имперскому протектору в административном отношении, ведавшую вопросами внутренней администрации, и наделенную широкими полномочиями для контроля также и над чешскими учреждениями в протекторате, но не по поручению имперского протектора, а по поручению соответствующего имперского министерства в Берлине. Результатом этого также должны были явиться большие разногласия и противоречия между мероприятиями, проводимыми этими оберландратами по указаниям, получаемым ими от имперского министерства внутренних дел в Берлине, и политикой, проводимой подсудимым. Вопрос о том, в какой мере чешские административные органы пострадали от этого и подпали под влияние, не должен здесь рассматриваться, так как это постановление и вытекающее из него вмешательство имперских чиновников в деятельность чеш-

ских административных органов не является тем преступлением, какое считается наказуемым, согласно Уставу этого Суда. Это постановление является следствием принадлежности протектората к германской империи.

Наоборот, это постановление внесло ясность в вопрос о положении полиции, причем как политической полиции, так и полиции безопасности на территории протектората. Этот вопрос до издания данного постановления был совершенно неясным и уже с первых дней деятельности господина фон Нейрата приводил к разногласиям и эксцессам между ним и его статс-секретарем Франком.

Когда Гитлер после своей беседы с подсудимым поручил ему пост имперского протектора, он обещал ему широкие полномочия, в частности, защиту и полную поддержку политики примирения и соглашения в противовес радикальным настроениям партии и прочих шовинистических кругов. Из этой беседы подсудимый сделал вывод, что он, как представитель фюрера, должен будет и будет иметь определенное влияние в протекторате на деятельность полиции. Согласно его собственным показаниям, подсудимый в то время не мог предвидеть, что из-за того, что полиция с самого начала не была всецело подчинена ему, многое, находившееся, по его представлениям, в пределах возможного, с первых же дней его деятельности окажется иллюзией. Но из того обстоятельства, что Франк, назначенный в протекторате начальником СС и полиции, одновременно получил (и) пост его статс-секратаря и в качестве такового был подчинен ему, подсудимый мог сделать вывод о желании Гитлера централизовать руководство полицией, хотя и не в руках самого подсуди-

16606

H1211-0671

H1211-0672

мого, но, по крайней мере, в его учреждении, а именно - в руках его стате-секретаря. На практике же эти отношения сложились совершенно иначе, так как стате-секретарь Франк совершенно не думал о том, чтобы как-нибудь приобщить к деятельности полиции начальника своего ведомства, подсудимого, признавая только компетенцию и руководство Гиммлера или его главного имперского управления безопасности, своего начальника по линии руководства СС и полицией.

Эти фактические взаимоотношения были узаконены постановлением от I сентября 1939 года. Это постановление совершенно определенно говорит о том, что германская полиция безопасности, а тем самым и гестапо, не подчиняются имперскому протектору. Это даже чисто внешне вытекает из того факта, что это постановление совершенно отделяет друг от друга две области - администрацию и полицию, рассматривая совершенно отдельно в своей первой части германскую администрацию в протекторате, подчиняющуюся ее имперскому протектору, а во второй части структуру германской полиции безопасности. Последняя подчиняется не имперскому протектору, а входит в управление собственно империи, о чем была сделана оговорка в статье 5-й, абзац 5 Указа от I6 марта 1939 года, то-есть она получает свои приказы от начальника полиции в Берлине, а именно непосредственно от Гиммлера, частично путем привлечения начальника СС и полиции в Праге. Отношение полиции к имперскому протектору определяется вторым пунктом § II-го. Оно гласит: "Органы германской полиции безопасности обязаны собирать и использовать результаты своих расследований с тем, чтобы затем осведомлять о самых важных событиях имперского протектора

16 бок

и подчиненные ему учреждения, держать его в курсе дела и давать ему советы".

Это значит, что имперский протектор, как в правовом отношении, так и фактически, не имел возможности оказывать какое-либо влияние на деятельность полиции. Он не мог противодействовать получаемым ев приказам из Берлина до их претворения в жизнь, не говоря уже о том, что он вообще не видел их, да и не имел на это права. Он имел лишь право получать сведения от полиции после того, как меры были приняты. Но и это, как показали пред"явленные доказательства, имело место в очень редких случаях. Он сам вообще не имел ни права, ни возможности отдавать приказы полиции.

Естественно, что вследствие такого разделения сфер влияния, в результате различного отношения Франка и господина фон Нейрата к чешскому народу, должни были сразу выявиться противоречия и резкие разногласия между ними, ибо Франк, будучи судетским немцем и одним из руководителей судетских немцев, был охвачен ненавистью и жаждой мести ко всему, что было чешским. Он ничего не хотел знать о соглашении и примирении между германским и чешским народами и с первого дня своей деятельности дал волю этим своим античешским настроениям.

Вначале, то-есть до того, как вспыхнула война, деятельность полиции во всяком случае была еще ограниченной, так что эти противоречия проявлялись не так сильно, и господин фон Нейрат мог поэтому предположить, что эти противоречия в конечном счете постепенно сгладятся и Франк применится к его желаниям, планам и подчинится ему, и он, подсудимый, не мог

16608

H1211-0673

H1211-0674

еще понять, что для того, чтобы он мог влиять на полицию, необходимо было издание специального закона. Но, когда позднее, он, судя по постепенно усиливавшейся активности полиции и ее выпадам, должен был признать, что его ожидания не оправдались, он, по совпадающим показаниям свидетелей-доктора Фелькера и фон Холлебена, неоднократно письменно и устно делал представления Гитлеру с тем, чтобы изменить это положение, чреватое последствиями, и подчинить полицию только ему. Но все обещания и заверения Гитлера оказались обманом. Полиция так и не была подчинена господину фон Нейрату. Однако он не хотел так быстро отказаться от борьбы, не хотел отчаиваться в выполнении взятой на себя задачи, а решил все-таки попытаться укрепить свое положение и провести в жизнь свою политику. Если ему не удалось осуществить это полностью, то он все-таки сумел хотя бы задним числом ослабить и смягчить последствия и жестокость полицейских мероприятий как в больших масштабах, так и в отдельных случаях. То, что он в тех случаях, когда он получал сведения, в основном от чехов, о таких полицейских мероприятиях и актах, как аресты и прочих эксцессах, приказывал делать ему лично подробный доклад и вмешивался там, где он только мог с целью освобождения арестованных или смягчения их наказаний, явствует из показаний всех вызванных мною свидетелей и, прежде всего, из показаний доктора Фелькера, который в качестве руководителя бюро подсудимого продолжительное время занимался такого рода ходатайствами. Это, впрочем, вытекает также и из предоставленных самим Обвинением документов, как-то: из записи, сделанной подсудимым о его совещании с президентом Гаха от 26 марта

1940 года /приложение 5 к дополнению № I, СССР-60/ и даже из приложенных к специальному обвинению показаний свидетеля Винерта, который сам был арестован полицией и через непродолжительное время был выпущен на свободу по ходатайству подсудимого. По вопросу об ответственности подсудимого за мероприятия полиции все показания сходятся, за одним исключением, а именно за исключением показаний Франка от 7 марта 1945 года, представленных во время пред"явления доказательств. Но это показание находится в прямом противоречии с показанием, данным им ранее под присягой. Во время своего допроса 30 мая 1945 года /5-ая книга документов, документ № 153/ Франк дословно заявил следующее: "Между тем полиция не была подчинена управлению имперского протектора. Как гестапо, так и полиция безопасности получали свои директивы и приказы непосредственно от главного имперского управления безопасности в Берлине". Что касается способа получения полицией директив непосредственно из Берлина и без участия имперского протектора, то типичным является то, что рассказал Франк в своих показаниях от 5 мая 1945 года о студенческих беспорядках /5-ая книга документов, № 152/. В этих показаниях Франк говорит о докладе, который он послал в Берлин относительно первых демонстраций. Он просил указаний и получил их срочным порядком из главной ставки фюрера; из Берлина они непосредственно направлялись в полицию безопасности в Прагу и он, Франк, получал их от нее. Во всем этом документе в связи с указанным событием вообще не упоминается личность или даже учреждение имперского протектора. Это было внутренним делом полиции при участии начальника СС и полиции Франка.

16610

H1211-0675

H1211-0676

В виду важности этого пункта, мне хотелось бы еще сослаться на показания свидетелей Бургсдорфа и Фелькерса, которые оба в продолжение всей деятельности подсудимого, в связи с занимаемыми ими постами, были хорошо посвящены в этот вопрос. Бургсдорф показал, что полиция подчинялась Франку, получавшему свои приказы непосредственно от Гиммлера. Фелькерс говорит, что подсудимый не мог оказывать никакого влияния на деятельность Франка и полиции. В действительности, с самого начала полиция, а вместе с нею и статс-секретарь Франк при проведении своих мероприятий, совершенно не зависели от подсудимого, что позднее было узаконено постановлением от I сентября 1939 года. Об отношениях между подсудимым и Франком все свидетели, а также и лица, давшие письменные показания, говорят, что они были настолько плохими, насколько можно себе это представить.

При таком положении вещей совершенно исключено, чтобы начальник СД и полиции безопасности мог работать в качестве политического референта подсудимого. Подсудимый вообще не помнит распоряжения о назначении этого человека в мае 1933 года, на которое делается ссылка в письме начальника полиции безопасности /СССР-487/. Во всяком случае по его точным показаниям этот человек никогда не приступил к выполнению таких функций. Вследствие этого документ СССР-487 теряет свою доказательную силу. Переданная мне Обвинением копия имеет дату 21 июля 1943 года. Из одного этого уже, естественно, следует, что назначение начальника СД, если вообще оно имело место, не было произведено во время деятельности подсудимого. Но, независимо от даты, из ~~графы "по вопросу",~~ со-

H1211-0677

содержания письма вытекает, что при этом назначении речь шла не о политическом референте при имперском протекторе, а о политическом референте при статс-секретаре по делам безопасности, то-есть при Франке. Обращение "господин имперский протектор" следует понимать только таким образом, что здесь имеется в виду не личность, а учреждение. В практике немецких учреждений было принято говорить "о господине" имперском министре даже в том случае, если подразумевали не лично его, а какой-нибудь отдел его министерства. Вполне правдоподобно и вероятно, что руководитель СД был назначен в качестве политического референта статс-секретаря, который одновременно был статс-секретарем в учреждении подсудимого и самостоятельным секретарем по вопросам безопасности.

Как мой подзащитный сам представлял себе способ и характер умиротворения населения и предотвращения актов насилия и сопротивления со стороны населения, вытекает как-раз из так называемого "Предупреждения", относящегося к концу августа 1939 года и вменяемого ему в вину Обвинением. Согласно показаниям подсудимого под присягой, цель этого предупреждения было удержать население от совершения актов насилия, воспрепятствовать, в частности, актам саботажа, которые следовало ожидать в те времена колоссального политического напряжения перед войной, и избежать применения чрезвычайных политических и судебных мер, которые должны были еще более ожесточить население. Без сомнения значительно гуманнее издать такое предупреждение с тем, чтобы воспрепятствовать совершению преступлений, чем без предварительного предупреждения допускать их совершение и затем наказывать их со всей

H1211-0678

строгостью. С тем, что такие акты саботажа, если их не удавалось предотвратить, в такое время должны были сурово наказываться, согласится, безусловно, любая другая страна и это само собой разумеется. Предупреждение, как заявил подсудимый, достигло своей цели. В нем вообще не содержалось угроз о вынесении особых наказаний, а имелась лишь только ссылка на уже существовавшее уголовное положение, что явствует из текста этого предупреждения.

Положение о том, что ответственность за все акты саботажа несет не только виновное лицо, но и все чешское население, имеет в виду, конечно, как подтвердил подсудимый, только моральную ответственность, а не уголовную. Это значит, что в случае повторения тяжелых актов саботажа в соответствующих областях должны быть приняты все общие меры, как, например, запрещение выхода на улицу или вообще запрещение передвижения, или выключение тока, от которых тогда пострадало бы все население. Общая уголовная ответственность была бы сформулирована более конкретно. В начале прокламации категорически заявляется, что всякий, кто совершит перечисленные действия, проявит себя врагом империи и должен быть соответствующим образом наказан. Как раз это положение и указывает на то, что уголовное разбирательство такого акта саботажа должно было производиться исключительно в индивидуальном порядке. В это время в Праге никому, даже и начальнику полиции, не пришла бы в голову мысль, вводить там ~~всеобщие~~ коллективные наказания или даже, как без всякого основания указывает Обвинение, установить систему заложничества. В этой связи мне хотелось бы указать на показания свидетеля фон Холлебена /5-ая книга

документов, документ № I58/, где он заявляет: "Поэтому Нейрат всегда отказывался привлекать к ответственности одного человека за действия другого".

Из всего вышеизложенного явствует, что подсудимый фон Нейрат не мог быть также ответственным и за произведенные аресты во время оккупации чешской территории, а также за то, что 8.000 видных чешских деятелей были в начале войны арестованы в качестве заложников, и за то, что они были заключены в концлагерь или казнены. Эти аресты, согласно показаниям подсудимого, с которыми совпадают показания Франка, были произведены по прямому приказу из Берлина без ведома и согласия не только подсудимого, но и самого Франка.

Противоположные показания Бинерта, предоставленные Обвинением, об"ективно неправильны и основаны на совершенно нелогичных и неправильных выводах. Его вывод о том, что все эти мероприятия были проведены под руководством подсудимого, так как приказ подсудимого об освобождении Бинерта был издан уже 4 часа спустя после его ареста, лишен всякой последовательности и об"ективно неверен.

Наконец, на основании представления доказательств неоспоримо установлено, что подсудимый не ответственен за приказ о расстреле 9 студентов и за арест I2 сотен студентов в ночь с I6 на I7 ноября I939 года, что эти мероприятия, фактически являющиеся актами террора, были проведены по личному приказу Гитлера без ведома подсудимого и в его отсутствие в Праге и выполнены по прямому указанию Франка, и что сообщение от I7 ноября I939 года, в котором были опубликованы эти мероприятия, не было ни издано, ни подписано им, а,

16614

H1211-0679

H1211-0680

напротив, его именем просто злоупотребляли. Как с несомненностью подтверждают показания самого подсудимого, показания свидетеля-доктора Фелькерса, сопровождавшего подсудимого во время его поездки в Берлин 16 ноября 1939 года, спустя день после студенческих беспорядков, и возвратившегося вместе с ним только 17 ноября по полудни из Берлина в Прагу, затем письменные показания господина фон Холлебена и, наконец, аффидевит секретаря подсудимого-госпожи Фридрих /5-ая книга документов, документ № 159/, а также/и/ баронессы Риттер, - подсудимый в ночь с 16 на 17 ноября, когда состоялись расстрелы и аресты, вообще не находился в Праге, а был в Берлине, и ~~все~~ сообщения об этих событиях уже были расклеены на стенах домов Праги, когда подсудимый возвратился туда. Подсудимый не несет ни малейшей ответственности за такие отвратительные акты. Приказ об этом точно так же, как одновременно и приказ о закрытии высших школ, был вскоре издан Гитлером в Берлине и передан непосредственно Франку и именно, как с уверенностью подтверждает свидетель Фелькерс, в отсутствие и без ведома подсудимого. После всего этого не требует раз"ясненния, какое значение можно придавать показаниям господина Хавелка, пред"явленным Обвинением.

К достоверности показаний свидетеля Хавелка так же, как и всех других, предоставленных Обвинением показаний чешских свидетелей, следует подходить чрезвычайно осторожно. Они с самого начала вызывают большие сомнения двоякого рода. С одной стороны, все эти свидетели являются членами бывшего автономного чешского правительства, то-есть коллаборационистами, которые в настоящее время вследствие этого находятся

в заключении и ожидает приговора. С точки зрения человеческих переживаний вполне понятно, что они сейчас видят совсем в другом свете события того времени и что судят они о них, как о событиях, которые в действительности были совсем иными, и что они непроизвольно путают в своей памяти страшные вещи, происшедшие после отъезда господина фон Нейрата из Праги, с событиями, имевшими место в период его деятельности там, на чего можно заключить о неточности их воспоминаний. Кроме того, нельзя не учесть и того факта, что они, естественно, стараются уличать господина Нейрата, оправдать самих себя. Далее, еще следует указать на не менее важный факт, а именно на то, что они совершенно не имели и не могли иметь никакого предетавления о фактических и правовых отношениях и разделении компетенции внутри ведомства имперского протектора и поэтому не могут судить о том, был ли в действительности сам подсудимый тем лицом, которое издавало отдельные постановления и приказы или являлось их инициатором. Вот один пример, показывающий это со всей ясностью: свидетель Кальфус в своем показании утверждает, что подсудимый ответственен за таможенное об"единение протектората с германской империей. Для опровержения этого я сошлась только на указ Гитлера от 16 марта 1939 года, в котором устанавливается, что протекторат входит в таможенные границы империи. Если, далее, свидетель Винерт утверждает, что никто иной, а именно фон Нейрат подчинил немцам политическое управление Богемией и Моравией и притом как государственное, так и общинное управление, то с об"ективной точки зрения это неправильно, по-

16616.

H1211-0681

H1211-0682

тому что, как я уже указывал, это подчинение произошло на основании распоряжения от I сентября I939 года, изданного не подсудимым, а советом министров по обороне империи. Этих примеров достаточно для того, чтобы показать, насколько малоправдоподобны эти показания и насколько мало были осведомлены свидетели о фактической организации и субординации внутри ведомства имперского протектора. Так, например, неоднократно повторяемое утверждение свидетелей о том, что аресты и масса других принудительных мероприятий гестапо среди чешского населения имели место в результате личных приказов или указаний подсудимого, является либо сознательной ложью, либо доказательством того, что они не были знакомы даже с официальными распоряжениями, опубликованными в чешском бюллетене постановлений,

потому что, как я уже указал, гестапо вообще не находилось в компетенции подсудимого. Выводы о степени правдивости показаний всех свидетелей напрашиваются сами. Совершенно очевидно, что эти показания по сравнению с показаниями подсудимого, данными под присягой, и с показаниями вызванных мной свидетелей по вопросу о пред"явленных постановлениях, заслуживают несколько иного отношения. Утверждения, содержащиеся в чешском обвинительном заключении и в свидетельских показаниях, положенных в основу этого обвинительного заключения, о том, что господин фон Нейрат приказал в середине ноября I939 года закрыть высшие учебные заведения, являются опровергнутыми как об"ективно неправильные. Закрытие высших учебных заведений произошло, наоборот, по категорическому приказу Гитлера. Подсудимый тотчас же заявил протест

1661

против закрытия учебных заведений, как это показали пред"явленные доказательства, и добился того, что Гитлер пообещал ему открыть высшие учебные заведения по истечении одного года вместо установленного сначала трехлетнего срока. То, что Гитлер затем не сдержал своего обещания, не может вменяться подсудимому в вину. Тот факт, что он прилагал усилия для того, чтобы снова открыть высшие учебные заведения, доказывает, как он заботился о сохранении культурного уровня и интеллигентской прослойки чешского народа.

Так же, как и в этом случае, подсудимый всегда, где только было возможно, выступал на защиту чешского народа в целом, а также и в отношении его отдельных представителей. Ему особенно приходилось выступать против гибельной деятельности гестапо, если он получал сведения о ней.

Согласно его собственным показаниям, которые подтвердил также и свидетель доктор Фелькерс, тотчас же после ареста студентов в середине ноября 1939 года, он со всей энергией и настойчивостью выступил за освобождение этих студентов и, как мы уже здесь слышали, не только с его слов, но и со слов доктора Фелькерса, ему удалось до его от"езда из Праги 27 сентября освободить почти что всех студентов. Точно таким же образом он неустанно добивался освобождения и около 8.000 видных чешских деятелей, которые были арестованы, когда началась война. Также и эти аресты, как следует из его показаний, данных под присягой, были произведены не на основании его приказа, как неправильно утверждают чешские свидетели Биккерт, Крейчи и Хавелка, и даже не на основании приказа Франка или какого-либо другого начальника СС и полиции в

H1211-0683

H1211-0684

протекторате, а непосредственно по приказу Гитлера из Берлина. Заслугой подсудимого является также и то, что изданный Гитлером благодаря настоянию Франка и Гиммлера приказ относительно смещения и ареста тогдашнего чешского премьер-министра генерала Элиаса, был отменен в результате его личного обращения к Гитлеру. Лишь только после его от"езда Гейдрих арестовал Элиаса, а позднее народный суд приговорил его к смерти. Совершенно неправильным является утверждение чешского свидетеля Бинерта о том, что подсудимый осуществлял отправку чешских рабочих в империю, то-есть что он насильственно угонял рабочих в Германию. Наоборот, правильным будет утверждение, что во время всей официальной деятельности подсудимого на его посту ни один чешский рабочий не был насильственно отправлен в Германию. До 27 сентября 1941 года вообще ни в одной из оккупированных Германией областей не имел места насильственный угон рабочих. Это произошло лишь позднее. Правда, многие чешские рабочие добровольно и охотно сами отправлялись в империю и поступали там на работу, потому что вследствие стабилизованного курса рейхсмарки и более высокой заработной платы они зарабатывали значительно больше, чем в Праге, и могли посылать своим родственникам в протекторате значительную часть своего заработка.

Далее, если чешское обвинительное заключение привлекает подсудимого к ответственности за то, что гестапо отправляло арестованных лиц в концентрационные лагери и зверски обращалось с ними, то нужно со всей ясностью констатировать, что до 27 сентября 1941 года, то-есть до конца официальной деятельности подсудимого в протекторате, там не существовало ни

одного концентрационного лагеря. Концентрационные лагери возникли только при его преемнике, после его от"езда. Также и постановление о превентивном заключении и превентивном аресте, которое чешское обвинительное заключение также, видимо, вменяет подсудимому в вину, было издано, как следует из копии, приложенной к чешскому докладу-СССР-60, лишь только после ухода подсудимого с его поста, а именно 9 марта 1942 года.

Наконец, что касается того, что Обвинение вменяет подсудимому в вину проводившиеся, якобы, им, мероприятия против евреев, то и в данном случае заявление Обвинения не соответствует действительности и оказывается, при более подробном ознакомлении с пред"явленными в этой связи документами Обвинения, неправильным. Из всех 20 постановлений, находящихся в британской книге документов № I2-Д, лишь только 4 были подписаны подсудимым, 6 постановлений были изданы непосредственно имперским министерством, I0 постановлений издали статс-секретарь Франк или непосредственно подчинявшийся ему доктор фон Бургсдорф, одно постановление принадлежит чешскому президенту Гаха. Издание первого постановления от 2I июня 1939 года, подписанного самим господином фон Нейратом, и представлявшего собою ничто иное, как введение инструкций, имевших силу в империи, относительно того, как распоряжаться еврейским имуществом в протекторате, входившем с I6 марта 1939 года также в состав германской империи, было предписано подсудимому из Берлина непосредственно после того, как он занял свой пост. Тот факт, что это постановление было издано подсудимым только лишь 2I июня 1939 года, то-есть тремя месяцами

16620

H1211-0685

H1211-0686

позднее, доказывает правильность заявления фон Нейрата о том, что он хотел предоставить евреям время для того, чтобы они могли подготовиться к введению имперского законодательства в отношении евреев. То, что издание этого приказа было отсрочено до вышеупомянутого дня, происходило в интересах евреев. Второе постановление от 16 сентября 1940 года, изданное самим подсудимым, говорило исключительно о праве опеки над собственностью, находившейся под залогом в руках евреев, и соответствовало различным изданным также в германской империи постановлениям, касавшимся германских подданных такого рода. Третье постановление, изданное и подписанное им самим и датированное 5 марта 1940 года, ставило своей целью точно так же, как и четвертое постановление от 14 сентября 1940 года, как совершенно ясно следует из содержания этого постановления, обеспечить и облегчить ставшую неизбежной эмиграцию евреев, продиктованную определенным развитием событий в германской империи.

Оба постановления были, следовательно, изданы в интересах евреев и доказывают, что подсудимый не был враждебно настроен к евреям. То, что он не одобрял мероприятий против евреев и прежде всего насильственных мероприятий и боролся против них, явствует из пред"явленных мною в этой связи документов, в числе которых имеется газетный отчет о бойкоте евреев весной 1933 года - I-ая книга документов, документ № 9, и приложенных к этому показанию свидетелей. Подобные мероприятия могли лишь только претить его христианским и гуманным воззрениям и его жизненному мировоззрению, как вытекает, в частности, из показания свидетеля доктора Кёпке.

16621

Установлено, что до его ухода с занимаемого им поста в Праге не была закрыта ни одна синагога и не имели места никакие ограничения евреев в области религии. То, что подсудимый не может привлекаться к ответственности за 6 постановлений, изданных имперским министерством внутренних дел, не требует специальных доказательств. Но также и за те постановления, которые были подписаны Франком и господином фон Бургсдорфом, он не несет ответственности, ввиду обрисованного уже совершенно самостоятельного положения статс-секретаря Франка и самостоятельной компетенции полиции в области еврейского вопроса. Вопреки утверждениям, содержащимся в Обвинительном заключении, следует особенно подчеркнуть тот факт, что, согласно собственным показаниям фон Нейрата, данным под присягой, во время его официальной деятельности, не имели места преследования евреев. Упомянутое выше его гуманное, христианское мировоззрение и его жизненные устои делают мало вероятными содержащиеся в чешском докладе от сентября 1945 года, № 998-ПС, утверждения о том, что подсудимый, якобы, занимал антирелигиозную позицию.

Правда, этот отчет в чешском обвинительном заключении от 14 ноября 1945 года - СССР-60 - не был превращен в пункт обвинения, но я все-таки хочу кратко рассмотреть его. После предоставления доказательств установлено, что отношения между господином фон Нейратом и архиепископом города Праги были довольно хорошими и даже дружелюбными и последний весьма благодарил господина фон Нейрата за его поддержку церкви, что, безусловно, не имело бы места, если бы он был враждебно настроен по отношению к церкви или если бы он угнетал или

16622.

H1211-0687

H1211-0688

преследовал церковь, ее организации и ее священников. То, что при этом могли иметь место разногласия по служебным делам, как это явствует из пред"явленного в этой связи Обвинением письма архиепископа, не является ничем из ряда вон выходящим, ибо между государством и церковью всегда во все эпохи и во всех странах существовали разногласия, однако, это обстоятельство ни при каких условиях не может являться доказательством антицерковной политики подсудимого. То, что арестовывались духовные лица, может быть, соответствует действительности, но в таком случае эти аресты производились не подсудимым, а по распоряжению полиции, которая ему не подчинялась, и, во-вторых, насколько было известно подсудимому, эти аресты имели место не в результате церковной деятельности вышеупомянутых священников, а вследствие их политических интриг. Из упомянутого чешского отчета также не явствует, что имевшие место акции, которые, якобы, были направлены против церкви, ее организаций и ее священников, вообще происходили во время деятельности подсудимого на его посту. Он сам, - а это точно установлено в результате представления доказательств, - не санкционировал проведения каких-либо мероприятий, которые были бы враждебны церкви или религии; он, например, всегда разрешал паломничество к чешским святым местам.

В этой связи мне еще особо хочется упомянуть о том, что подсудимый никогда не оскорблял национального чувства чехов. Вопреки утверждению Обвинения, он не разрушал домов Масарика и не закрывал их. Если имели место закрытия домов Масарика, то за это несут ответственность исключительно не

16623

подчиненные ему полиция и СС. Как он относился к вопросу о национальном чувстве чехов, - лучше всего можно судить по тому факту, что он разрешил возлагать венки на памятники Массарика

Несмотря на все попытки, которые предпринимали в этом направлении радикальные элементы, подсудимый также не сделал ни одного шага, свидетельствующего о враждебном отношении к чешской национальной культуре. Чешская театральная жизнь осталась совершенно неприкосновенной и свободной, также и чешская печать и литература ни в коей мере не притеснялись и не ограничивались, за исключением само собой разумеющегося запрещения антигерманских или пропагандистских произведений. Пресса, которую к тому же контролировал не он и которая проходила цензуру имперского министерства пропаганды, не подвергалась каким-либо иным ограничениям, чем и германская пресса, и вообще подсудимый стремился к тому, чтобы сохранить самостоятельность и самобытность в чешской культурной жизни и способствовать ее развитию. Я полагаю, что мне не нужно больше останавливаться на этом вопросе и я могу лишь ограничиться ссылкой на его показания и показания допрошенных по этому вопросу немецких свидетелей. Из этих показаний, однако, ясно вытекает, с какими трудностями и с каким сопротивлением со стороны некоторых радикальных кругов и учреждений, причем не в малой степени и со стороны своего собственного статс-секретаря, он должен был бороться при осуществлении своей политики по отношению к чешскому народу. Если резюмировать его официальную деятельность, то вся его жизнь в Праге представляла собой борьбу, борьбу

16624

H1211-0689

H1211-0690

против сил, инспирированных и руководимых Гиммлером, борьбу, которая осложнялась тем обстоятельством, что ему фактически не принадлежала полностью вся власть в протекторате, что ему не подчинялись, и именно в области внутренней политики, наиболее важные и влиятельные органы и учреждения, вся полиция и гестапо. Несмотря на это, он не отказался от борьбы, неустанно заявляя Гитлеру протесты и требуя поддержки, во многих случаях успешно, в некоторых случаях безуспешно. Он боролся до конца, не давая запугивать себя неудачами, и остался верным проводимой им политике, преследовавшей своей целью умиротворение, примирение, сохранение чешского народа и его национальных особенностей. И, когда он и в этой области осенью 1941 года пришел к выводу, что эта борьба безнадежна, что влияние Гиммлера на Гитлера превосходило его собственное влияние, что Гитлер принял решение перейти к политике насилия и террора и для этой цели решился послать в Прагу Гейдриха, прославившего кровавой собакой, он так же, как и зимой 1937-1938 г. в свою бытность министром иностранных дел, немедленно сделал выводы и подал в отставку, покинув Прагу и окончательно посвятив себя личной жизни.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я думаю, что сейчас как раз удобное время для об"явления перерыва.

/Об"является перерыв на 10 минут/

Встать! Суд идет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Открытое заседание Трибунала в субботу утром будет продолжаться до часу дня.

16625

ЛЮДИНГХАУЗЕН. Какое впечатление произвела эта отставка на чешский народ, даже на круги, которые были наиболее враждебно настроены к Германии, и как она была воспринята,- вытекает с предельной ясностью из того факта, что чешский доклад, проникнутый,во всяком случае,не дружелюбным отношением к Германии или к моему подзащитному /СССР-60/, называет этот уход моего подзащитного в оставку, как сказано в немецком тексте,"тяжелым ударом", в английском тексте,- "э хеви блоу" /сокрушительный удар/ и тем самым дезавуирует, в основном, те обвинения, которые выдвигаются в этом докладе против г-на фон Нейрата. Мне кажется, что я фактически доказал, что подсудимый, находясь на своем посту и осуществляя свои функции, лично не совершил ни одного из преступлений против человечности, являющихся наказуемыми, согласно Уставу этого Высокого Суда, а здесь можно говорить лишь о таком преступлении. Здесь опять-таки встает кардинальный вопрос данного процесса: совершил ли подсудимый, приняв на себя пост имперского протектора и оставаясь на нем, несмотря на развязанную Гитлером войну, начавшуюся через несколько месяцев после его назначения, несмотря на события в ноябре 1939 г. и некоторые другие события, - преступление, являющееся наказуемым, согласно Уставу, и выразившееся в поддержке или помощи Гитлеру и его сообщникам при совершении ими преступлений. Обвинение отвечает на этот вопрос утвердительно. Можно ли, однако, при об"ективном и непредвзятом отношении к событиям ответить на этот вопрос утвердительно?

После всего того, что мы здесь услышали от самого подсудимого и допрошенных мною по этому вопросу свидетелей, а ~~и~~ также из пред"явленных аффидевитов, с достоверностью уста-

H1211-0691

новлено следующее. Так же, как в свое время г-н фон Нейрат вошел в состав правительства Гитлера в качестве министра иностранных дел и оставался в нем, не преследуя материальных выгод, точно также он принял и пост имперского протектора. Доказательством этого может послужить хотя бы тот факт, что он отклонил дотацию, предложенную ему Гитлером в 1943 году в связи с его 70-летием, а когда она была все-таки ему назначена, он, как я показал это на основании писем его банка /5-я книга документов, документы № 160 и 161/, положил ее на счет в своем банке и не взял из этой суммы ни одного пфеннига. Насколько мало привлекала его помпезно обставленная должность имперского протектора или насколько мало она была ему по душе, ясно вытекает из его письма к свидетелю доктору Кеппке от 14 октября 1939 г. /5-я книга документов, документ № 15/, в котором он отзывается о ней, как о тюрьме. В обоих случаях, как подтверждают не только показания самого подсудимого, но и показания всех вызванных мною свидетелей и пред"явленные документы, причиной и мотивом, по которым он принял этот пост и пребывал на нем, не было желания поощрять и поддерживать идеологию и вообще весь нацистский режим со всеми его методами, а, наоборот, он руководствовался своим глубоким чувством ответственности перед своим народом, как человек и государственный деятель, высшими этическими и нравственными убеждениями. Так как у него не было ни возможности, ни власти для того, чтобы устранить Гитлера и нацистское государство, он считал себя обязанным, по крайней мере, частично, в пределах своих сил, бороться, по крайней мере, в области, которой он руководил, с тенденциями нацистов, которые вызывали в нем отвращение, мешая их осуществлению. Можно ли, спрашиваю я, действительно осуждать и обвинять г-на фон Нейрата после всего этого в том, что задача, которую он взял на себя, исходя из своего

16627

H1211-0692

чувства нравственного долга и ответственности, оказалась ему не по силам и он потерпел поражение?

Господа судьи, попробуйте освободиться от всей юридической и политической предвзятости, от ретроспективного рассмотрения событий с его, во всяком случае, весьма ненадежными, выводами и проникните в душу этого человека, в мир его идей, в его миросозерцание. Воспитанный в родительском доме, проникнутом христианскими и гуманными и воистину честными идеями, а также сознанием ответственности перед германским народом, он достиг ~~до~~ 60-летнего возраста, пройдя путь чиновника при различных правительствах, в начале при правительстве кайзера, затем при часто сменявшихся правительствах республики. Не спрашивая об их политических направлениях, о том, были ли они консервативными, демократическими или социал-демократическими, он служил им, выполняя все поручавшиеся ему функции в сфере своей деятельности. Для него, как дипломата, как чиновника дипломатической службы империи, область внутренней политики была совершенно чуждой; он считал своим единственным долгом служение своему народу, как таковому, независимо от того, какое правительство находилось у власти и какого внутри-политического направления оно придерживалось. Таким образом он взял на себя, вопреки своему личному желанию, по зову Гинденбурга в критический момент пост министра иностранных дел и тем самым вошел в правительство империи и оставался в нем также и после прихода Гитлера к власти не как представитель определенной политической партии, а только как доверенное лицо Гинденбурга в области внешней политики. Он был гарантом мирной политики империи, несокрушимой скалой в этой области. Все его воспитание , его чувство ответственности по отношению к своему

16628

H1211-0693

H1211-0694

народу не могли заставить поступить иначе, чем остаться на этом посту, когда он был вовлечен в круговорот и динамику национал-социалистского движения и должен был увидеть, как это движение пошло по такому пути и стало пользоваться такими средствами, которые он мог только осуждать. Однако, так же, как и другие честные и патриотически настроенные немцы, исходя из чувства ответственности и долга по отношению к своему народу, должны были притти к решению насильственно устранить Гитлера и нацистское господство, также и подсудимый под влиянием своего чувства ответственности и долга не только перед собой, но и перед своим народом, был вынужден преодолеть свое личное отвращение перед аморальностью этого режима и активно бороться с ней, оставаясь на своем посту и действуя соответственно своим принципам, для того, чтобы, по крайней мере, в той области, которой он руководил, она не могла бы проявиться, и для того, чтобы уберечь немецкий народ от этой аморальности нацистского режима и ее последствий - войны, насколько это было в его силах. И когда затем, через полтора года после его отставки, его снова призвали для того, чтобы он занял на этот раз должность имперского протектора Богемии и Моравии, и когда Гитлер заявил ему, что он избрал именно его для этой должности, т.к. он только в нем-одном видит человека, который, заняв этот пост, сможет проводить намеченную им политику примирения чешского народа с немецким народом и новыми жизненными условиями, то то же самое чувство ответственности и долга заставило его последовать этому призыву, т.к. Гитлер, зная его отрицательное отношение к нацистскому режиму, к его политике и к его методам, несмотря ни на что,

H1211-0695

все же поручил ему эту задачу, - заставило его поверить в то, что Гитлер действительно честно стремился к примирению и к жизни в согласии с чешским народом. Перед ним была поставлена задача, выполнение которой должно было принести большую пользу не только его собственному, но и чужому народу, задача, которая не только служила идее примирения между двумя народами, но и идее гуманности, христианской любви к людям, и которая должна была защитить также и чешский народ от пагубных методов нацистского режима. И вот я спрашиваю, не является ли, по крайней мере, более моральным и нравственным посвятить себя цели, которая состояла в том, чтобы активно бороться, пусть в ограниченной сфере, против режима, не признаваемого им из-за его порочности и аморальности, препятствовать применению методов этой системы, спасая тем самым невинных людей от нужды и смерти, даже если эта деятельность будет внешне выглядеть как сотрудничество, испытывая личное отвращение, с неприязнью отойти в сторону и пассивно наблюдать за тем, как этот режим без всяких препятствий свирепствует над людьми? Не каждый является воинственной натурой, революционером, который прибегает к силе против ненавидимой им системы и ее представителей. Не забывайте, господа судьи, что тогда, при тоталитарном режиме Гитлера, имелись только эти две возможности для того, чтобы по-настоящему эффективно противодействовать нацистскому режиму и его ужасам. При этом режиме не имелось, как в свободных демократических государствах с независимыми парламентами, свободно избранными, тысячи других возможностей для того, чтобы свергнуть ненавистное правительство, заслуживающее проклятия. В гитлеровской

16630

H1211-0696

Германии любой вид активной, а тем более открытой борьбы означал только принесение совершенно бесполезных жертв. Поэтому я прошу Вас, господа судьи, при оценке событий и при ответе на поставленный мной вопрос, освободиться от представлений, связанных с ставшими для Вас само собой разумеющимися демократическими условиями и отношениями, которые совершенно несравнимы с условиями, господствовавшими при Гитлере. Это фактор, игнорирование которого вплоть до нашего времени причинило уже не мало несчастий. Разве подсудимый фон Нейрат именно тем, что он принял предложение занять пост имперского протектора и пребывал на нем, несмотря на то, что он пришел к выводу, что он не сможет выполнять безответственно задач, связанных с данным постом, что у него не было средств, необходимых для осуществления взятой им на себя миссии, и тем, что он, однако, вопреки всему, продолжал свою борьбу против террора нацистского режима, не спас многим тысячам людей жизнь и свободу, которую они без него утратили бы безвозвратно. Не является ли это в тысячу раз более ценным, гораздо более моральным и этичным, чем если бы он немедленно, преисполненный отвращения и морального возмущения, ушел в отставку? Я не премину ответить на этот вопрос так же, как и на первый, утвердительно и выразить мое убеждение в том, что за это никто меня не проклянет, или перед нами здесь судьба подсудимого должна превратиться в трагедию Софокла, в которой человек становится без вины виноватым, потому что он послушался голоса своей совести, сознавая свою ответственность.

Господа судьи, я полагаю, что я в своей речи продемонстрировал и доказал, что ни одно из действий, инкриминированных моему подзащитному, не является преступным в соответствии

с положениями Устава, и что ни одно из этих действий подсудимого не было преднамеренно направлено на совершение преступлений, предусмотренных Уставом, что, таким образом, ни об"ективно, ни суб"ективно нельзя усмотреть в его поступках наказуемых действий. Я полагаю, что я также показал, что все действия моего подзащитного в их совокупности имели своей целью как раз обратное тому, что инкриминируется ему Обвинением, а именно: не совершение, а предотвращение таких действий, которые Устав квалифицирует как преступления, достойные наказания, будь-то преступления, выражающиеся в планировании, подготовке или ведении агрессивных войн, будь-то военные преступления или преступления против человечности. Однако, мне остается еще сделать из всего этого вывод о том, насколько невозможным, насколько бессмысленным является применение понятия "заговор" к моему подзащитному. Ведь для всякого заговора характерным является то, что каждый участник не только стремится к преступной цели, но и своим вступлением в заговор, своим участием в нем, с самого начала одобряет или собирается одобрять действия остальных членов, подготавливающих достижение этой преступной цели. Если, однако, на основании международного права по одному лишь тому факту, что человек согласился занять определенный пост и остался на нем, не зная о преступной цели, считать доказанным, как Обвинение, собственно, и считает, что имело место одобрение преступной цели и всех действий, подготовлявших достижение этой цели, каждым из остальных членов как в личной, так и в государственной жизни, если только на основании этого одного факта сделать вывод об уголовной ответственности каждого в отдельности, то неизбежно и с железной логикой напрашивается вывод о том, что применение

16632

H1211-0697

принципа об ответственности в результате того, что человек согласился занять определенный пост или оставался на нем без учета этических и моральных причин и целей, потребует наказания даже того, кто ~~не только~~ отрицательно относился к этим преступным планам, намерениям и действиям других, но и активно боролся с ними и для этой цели занял эту должность или остался на ней, как это и было в случае с подсудимым фон Нейратом.

То, что такой вывод является противоречащим не только всякому естественному чувству справедливости и любому правовому принципу, что он является как раз обратным тому, к чему стремится и должен стремиться данный Высокий Суд, что он противоречит всяким моральным и этическим постулатам, я считаю, господа судьи, мне нет необходимости Вам доказывать. Я полагаю, что нет необходимости доказывать это суду, который олицетворяет не только справедливость, правовые и моральные основы всех культурных народов мира, но который должен также указать и грядущим поколениям путь к миру для всех народов.

Эта задача, однако, может быть выполнена только тогда, когда Вы снова покажете людям, что всякое обобщение, всякая нивеллировка, всякое отношение к людям и к их действиям, а, следовательно, также и всякая оценка этих людей и их действий только по корпоративным, я бы сказал, огульным, нормам, а не в зависимости от личности, воли и намерений каждого в отдельности, являются вредными. Такое рассмотрение вопроса отрицает неприкосновенность отдельного индивидуума и в конце концов ведет неизбежно к преклонению перед властью. Это преклонение перед властью, эта вера во власть, однако, были как раз первопричиной ужасных событий, которые здесь еще раз развернулись перед нами. Вы можете только тогда справед-

16633

H1211-0698

ливо разрешить двойную задачу, заключающуюся в том, чтоб покарать там, где наказание по божественному и человеческому праву необходимо, и одновременно показать человечеству путь к миру среди народов, если Вы своим приговором избавите человечество от преклонения перед властью и снова вернете народам всего мира, и не в последнюю очередь немецкому народу, вместо этой веры во власть - веру и благоговение перед неприкосновенностью индивидуума, которого однажды по своему образу и подобию создал Господь Бог.

Преисполненный веры в правильность этого убеждения, я передаю теперь с доверием судьбу моего подзащитного барона фон Нейрата, в Ваши руки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Слово предоставляется доктору Фрицу, защитнику подсудимого Фриче.

ФРИЦ. Господин председатель, господа судьи; По делу Фриче результат представления доказательств сравнительно ясен. Несмотря на то, что я в последнюю очередь произношу свою заключительную речь, я не могу не коснуться более подробно целого ряда правовых проблем. Эти проблемы прежде всего возникают потому, что Обвинение довольно резко назвало Фриче пособником преступников.

Прежде всего я должен осветить, какое место занимал Фриче в министерстве пропаганды и какую роль вообще он играл в немецкой пропаганде. Именно на основании этого можно будет сделать вывод относительно его предполагаемого участия в так называемом заговоре.

Мистер Альбрехт в начале процесса представил в качестве доказательства схему организационного построения правительства Третьей Империи по положению на март 1945 г. Мистер Альбрехт сам признал, что в этой схеме имя Фриче не упоминается среди руководящих лиц в министерстве про-

16639

H1211-0699

паганды. Правда, он добавил, что его значение было большим, чем его должность, указанная на этой схеме. Он в заключение сказал, что Трибуналу будут пред"явлены соответствующие доказательства. Были ли представлены эти доказательства и установлено ли на основании их, что Фриче действительно имел большее значение, чем указано в схеме?

Сэр Дэвид Максуэлл Файф на заседании Трибунала 28 февраля 1946 г. представил здесь на процессе "резюме всех элементов виновности", которое особенно ярко и наглядно показывает, насколько каждый из подсудимых был связан с теми фактами, которые, по мнению Обвинения, устанавливают их вину. Из таблицы, имеющейся в приложении к этому резюме и обозначенной "Обвинение а", видно, как следует классифицировать отдельных подсудимых. Трибуналу будет иметь возможность убедиться в том, что подсудимый Фриче является единственным, который не упоминается в этой таблице. Из этого следует, что он не принадлежал ни к одной из организаций, которые должны быть об"явлены здесь преступными.

Если заглянуть в план организации министерства пропаганды, который был представлен Обвинением под пунктом "Е", сразу станет ясным, что Фриче, даже занимая свою последнюю должность министериальдиректора и руководителя отдела "радио", был лишь одним из 12 чиновников, которые имели одинаковый ранг. Уже только одно это обстоятельство с самого начала исключает предположение о том, что Фриче мог давать директивы в области политики, директивы в области передачи информаций и основные установки о том, должны или не должны были узнать Германия и целый мир о том или ином событии. Капитан Шрехер, очевидно, для того, чтобы подчерк-

H1211-0700

H1211-0701

нуть значение Фриче, указал на то, что руководитель отдела немецкой прессы занимал "особое" положение, но он также заметил, что Фриче имел предшественников и преемников на этой якобы единственной в своем роде должности.

Когда Фриче в ноябре 1942 г. был назначен Геббельсом на должность руководителя отдела радиовещания, ~~то~~ в системе чиновничьей иерархии он не получил повышения. Его деятельность была чисто административной. Он занимался организационно-техническими вопросами. Мой подзащитный в своем аффидевите от 7 января 1946 г. освещает связанную с этой должностью административную деятельность и перечисляет также и своих многочисленных предшественников. Разве кому-либо пришла в голову мысль обвинить этих многих людей, как главных военных преступников, или назвать их главными руководителями в учреждении, являвшемся инструментом пропаганды? Так как это не соответствует действительности, следует сделать вывод, что не служебное положение Фриче легло в основу обвинения.

Судья Джексон указал на то, что в рамках обвиняемых здесь организаций представлены не все административные чиновники, руководители отделов и государственные чиновники. Здесь названо только имперское правительство. Поэтому нельзя применить в отношении Фриче те критерии, которые якобы можно применить в отношении членов обвиняемых организаций, и нельзя считать, что занимаемый им пост и тесная связь отдельных членов организаций между собой показывают, что им уже вследствие одного только членства должны были быть известны и ясны планы предполагаемого заговора.

Представители обвинения от СССР во время перекрестного допроса Фриче также пытались преувеличить значение положения Фриче. Они представили здесь на процессе три протокола, а

именно протоколы допросов свидетелей Пернера, Фосса и Штаеля. Но эти документы не могут служить доказательствами. Эти протоколы были использованы лишь для того, чтобы предоставить подсудимому отдельные выдержки. Ввиду такого ограничения я отказался от перекрестного допроса этих трех лиц, которые подписали указанные протоколы. Относительно самих выдержек подсудимый Фриче высказался во время своего допроса в качестве свидетеля. В связи с этим мне остается лишь указать еще на следующее: ни один из этих трех не утверждал, что он имел возможность ознакомиться с внутренней организацией министерства пропаганды. Ни в одном из этих трех протоколов нет каких-либо определенных высказываний Фриче. Эти протоколы содержат, напротив, одни рассуждения. Это такие рассуждения, которые мы не хотим выслушивать, особенно, если они не могут быть подкреплены фактами. Уже поэтому следует признать, что эти документы не являются доказательствами. Кроме того, в них содержатся совершенно неправильные суждения. Они ни в коем случае не взяты из высказываний самого Фриче, которые были пред"явлены Обвинением на данном процессе, а именно из обращений Фриче по радио.

Если бы против подсудимого Фриче можно было представи доказательства, являющиеся просто суждениями такого рода, то, учитывая то обстоятельство, что Обвинение могло бы получить в свое распоряжение все речи Фриче по радио, было бы лучше представить здесь такие его высказывания, которые бы дали Трибуналу возможность составить свое собственное суждение об этом человеке. Протоколы допросов содержат лишь огульное утверждение, что Фриче был якобы "заместителем" Геббельса. Я указал на это утверждение свидетелю фон Ширмейстеру и тот назвал это сущей чепухой. То же самое был вынужден заявить

1663X

H1211-0702

Фриче, давая показания в качестве свидетеля. Не может быть никакого сомнения в том, что совпадающие показания этих двух свидетелей являются правильными. В конце концов, есть еще сотни бывших сотрудников этого министерства, которые могут подтвердить точность этих показаний на основании своих личных сведений.

Поэтому я могу констатировать, что попытка увеличить значение положения Фриче, противоречащая данным, предоставленным мистером Альбрехтом в схеме организационного построения министерства пропаганды, не увенчалась успехом. Кроме того, представление доказательств показало, что Фриче не был также и основателем большого аппарата, контролировавшего немецкую прессу, как утверждает Обвинение. Такими основателями были скорее д-р Геббельс и другие его сотрудники. Фриче не мог этого сделать, учитывая фактор времени. Сначала он многие годы был лишь обыкновенным служащим, затем референтом и только с зимы 1938-1939 гг.—одним из 12 руководителей отделов министерства. Когда он стал руководителем отдела германской прессы, политику в области печати направлял имперский руководитель прессы д-р Дитрих. Руководителем отдела радиовещания, как уже здесь говорилось, он стал лишь в ноябре 1942 г. и в этой области он так же не создал ничего нового. Руководство немецкой прессой и немецким радио никогда не выпускал из своих рук ни Геббельс, ни Дитрих. Подробности относительно этого изложены в показаниях свидетеля фон Ширмейстера, на которые я и ссылаюсь. О том, что Фриче не мог быть ни основателем отдела прессы, ни руководителем немецкой пропаганды вообще, официально исходившей из министерства, свидетельствуют и другие многочисленные показания как самого Фриче, данные им во время его допроса в качестве сви-

16638

H1211-0703

H1211-0704

детеля, ~~а также~~ так и показания свидетеля фон Ширмейстера.

И, действительно, Фриче во время всей своей деятельности никогда не имел права и не мог иметь права ввиду своего положения обыкновенного чиновника издавать приказы или являться руководителем и основателем печати и радио Третьей Империи. Напротив, между д-ром Геббельсом, д-ром Дитрихом и им был еще целый ряд вышестоящих инстанций. В этой связи я хотел бы сослаться на то, что было сказано лейтенантом Мельцером относительно значения статс-секретаря в имперском министерстве пропаганды и имперского начальника прессы в том месте, где он ссылается на аффидевит Аманна от 19 декабря 1945 г. Он указал на то, что люди, находившиеся на этих должностях, осуществляли всесторонний контроль над всеми средствами информации в Германии. Фриче никогда не занимал какую-либо из этих должностей. Министерство пропаганды вообще имело не одного, а трех статс-секретарей. Д-р Геббельс ~~вообще~~ создал вокруг себя целое министерство. Я считаю, что здесь будет как раз кстати указать на незначительный чин подсудимого, ибо Обвинение в некоторых случаях, например, рассматривая дело подсудимого Геринга, указывало на его высокий ранг, т.е. на внешнее положение подсудимого, занимаемое им, и сделало из этого заключение, что подсудимый нес особую ответственность. В отношении Фриче ни в коем случае нельзя сделать вывода, что он оказывал какое-то решающее влияние на руководство пропагандой вообще, на политику, проводимую в печати и по радио.

Задачи, которые Фриче выполнял в области техники информации, касались его только как журналиста и специалиста. Они не имеют никакого отношения к содержанию пропаганды, кото-

рая проводилась государственным руководством. Следовательно, и в данном случае он был только исполнителем. Правильным является то, что он технически реорганизовал журналистские информационные бюро, т.е. он их усовершенствовал и модернизировал. Также правильно и то, что эта служба информации позднее, во время войны, играла очень важную роль. Но Фриче занимался этим только лишь с 1933 по 1938 год. Но установлено, что в эти годы он не оказывал ни малейшего влияния на содержание информации и на ее политические тенденции, тем более, что он в этот период был только лишь простым служащим. Это указание на служебное положение Фриче в министерстве пропаганды следует сделать еще и по другой причине. Если Фриче и признал здесь свои действия и высказывания и хочет нести за них полную ответственность, то он имел возможность подробно осветить здесь содержание всех представленных ему выдержек из речей по радио и об"яснить, по какой причине эти речи были произнесены. Но он не может быть ответственным за тезисы, которые выдвигались другими инстанциями государственного пропагандистского аппарата, пусть бы даже в его собственном министерстве. Тем более он не может отвечать за неорганизованную пропаганду партии. Фриче осветил здесь различные виды упорядоченной и не-упорядоченной пропаганды Третьей Империи и указал на влияние, оказываемое этими видами пропаганды. Я разрешу себе напомнить Высокому Суду, что свидетель фон Ширмейстер заявил, что сам Геббельс не мог использовать в целях пропаганды "партийные догмы" и "Миф". Это для него не было средством завоевания масс. Подсудимый Шпеер, упоминая о тайной агитации относительно чудодейственного

16640

H1211-0705

H1211-0706

оружия, смог указать на другие неупорядоченные источники партийной пропаганды. За все это Фриче не несет ответственности. Его служебное положение не было достаточно влиятельным для того, чтобы эффективно бороться против всех неполадок и злоупотреблений. Поэтому и все его попытки запретить газету "Дер Штюрмер", которую он считал ярко выраженным средством антигерманской пропаганды, не увенчались успехом. Партийная пропаганда, учитывая ее практическое влияние, играла куда более значительную роль, чем та роль, которую вообще когда-либо мог исполнить Фриче со своими ограниченными функциями. Я напоминаю о том, что Фриче в своих показаниях в качестве свидетеля говорит о том, что даже д-р Геббельс боялся Бормана. Это было связано с тем роковым положением, по которому не государство должно приказывать партии, а, наоборот, партия должна приказывать государству.

Представление доказательств, и в особенности допрос свидетеля фон Ширмейстера, не допускают сомнения, что решающие директивы в области пропаганды в Третьей Империи поступали из других источников. Геббельс, от которого в своих личных отношениях Фриче был очень далек, не позволял вмешиваться в свои планы кому бы то ни было из подчиненных. Выяснилось, что он, пользуясь своим служебным положением и прибегая к своим искусным аргументам, которые известны всему миру, а в крайнем случае и к обману, осуществлял свои планы.

Руководство немецкой политикой в печати /рассмотрим только лишь эту узкую область/ оставалось все время в руках д-ра Геббельса и д-ра Дитриха. Аналогично дело обстояло и с радио, когда Фриче в ноябре 1942 г. принял на себя

руководство этим отделом, как явствует из показаний свидетеля фон Ширмейстера. Д-р Геббельс - один из старейших и ближайших сотрудников Гитлера, а также и д-р Дитрих - постоянный спутник Гитлера /во время войны он почти постоянно присутствовал в главной ставке Гитлера/ - никогда не выпускали руководства печать и радио из своих рук и в особенности не доверили бы его такому человеку, как Фриче, который не располагал никакими связями с Гитлером и, более того, не присутствовал ни на одном совещании у Гитлера. В конце концов, и здесь воля Гитлера была решающей.

Далее мы слышали, какое влияние успешно оказывали и другие государственные учреждения на прессу и радио, не касаясь вопроса о том, кто был инициатором этого - Гитлер, Геббельс или Дитрих. Я упомяну здесь министерство иностранных дел, ОКВ и другие министерства, руководители которых были куда в более близких отношениях с этими тремя лицами, чем Фриче.

Для того, чтобы не допустить недоразумений, я разрешу себе указать на то, что представители Обвинения в ходе процесса отказались от утверждения, содержащегося в Обвинительном заключении и говорящего о том, что Фриче имел непосредственное отношение к аппарату партийной пропаганды, например, к так называемому управлению имперской печати в НСДАП, или к радиоотделу в партии.

Я считаю, что я, таким образом, в достаточной степени ограничил ответственность подсудимого. Это ограничение показывает неправильность распространенного мнения о том, что Фриче, якобы занимал выдающееся и влиятельное положение в огромном пропагандистском аппарате Третьей Империи. Это ограничение не только с правовой, но и с моральной точки

16642

H1211-0707

зрения подтверждает те факты, которые были полностью выяснены в ходе предоставления доказательств.

Таким образом, я уже в некотором отношении высказал свое мнение относительно обвинения Фриче в том, что он был членом так называемого заговора.

Обвинение неоднократно пыталось связать работу Фриче в ее различных стадиях с так называемой группой заговорщиков и сделало на основании этого далеко идущие выводы о том, что Фриче, якобы, также ответственен за военные преступления, за преступления против человечности и даже за преступления против мира. Эти попытки даже в изложении самого Обвинения недостаточно подтверждены фактами. И не будет слишком резкой критикой, если я здесь заявлю, что Обвинение было поставлено в несколько затруднительное положение тем, что ему пришлось представить здесь зависимую должность Фриче более важной и значительной, чем она являлась на самом деле. Сегодня, после того, как закончено предоставление доказательств, мне кажется, что попытка включить Фриче в круг лиц, подготавливавших общий заговор, оказалась безуспешной.

Фриче не присутствовал ни на одном из заседаний, на которых Гитлер среди своих самых близких сотрудников или более широкого круга лиц обсуждал какие-либо планы или мероприятия. И вообще он не принимал участия в каких-либо совещаниях, которые могли бы способствовать вовлечению всего мира в кровавую агрессивную войну. Он не был "старым борцом", а также и позднее он не получил "золотого партийного значка". Он не был членом ни одной из тех организаций, которые здесь должны быть признаны преступными, и это я должен особенно подчеркнуть. До по-

H1211-0708

следнего времени он был служащим в министерстве, он получал указания, как и всякий другой чиновник. Он никогда не мог быть политическим советником.

Связующим звеном между ним и якобы существовавшим заговором мог по положению вещей являться только д-р Геббельс. Свидетель Ширмейстер опроверг такое предположение. По его показаниям, Фриче не принадлежал даже к тесному окружению д-ра Геббельса. Фон Ширмайстер мог даже показать, что Фриче был вынужден часто обращаться к нему, т.к. он не мог узнать мнения д-ра Геббельса по какому-либо вопросу иным путем, как только через него, личного референта Геббельса по вопросам прессы. Установить контакт с Геббельсом через стато-секретарей, например, д-ра Дитриха, д-ра Наумана, называя некоторых из них, было тоже трудно. Это не тот метод, с помощью которого обычно общаются друг с другом заговорщики.

Свидетель фон Ширмайстер заявил далее о невозможности того, чтобы между Фриче и Геббельсом вообще мог иметь место какой-либо обмен мнений по поводу различных планов. Делом обвинения являлось-доказать в отношении подсудимого Фриче, в чем оно может видеть его участие в заговоре. Я утверждаю, что ~~в отношении~~ ни один пункт ~~доказательства~~ Обвинения не был подтвержден доказательствами.

Я думаю, что вообще обвинение против Фриче было выдвинуто не на основании его служебного положения. Наоборот, я полагаю, что то, что его обвинили, об"ясняется исключительно его речами по радио, которые сделали его и его имя, однако, только во время войны,- известными в Германии, а, может быть, и еще в какой-либо другой части света.

16644

H1211-0709

Все серьезные обвинения, выдвинутые против него, поэтому основывались только на этих речах. Инне утверждения о его положении в государственном или даже в партийном аппарате, основаны лишь на предположениях и различных комбинациях без фактических обоснований, подкрепления, с помощью, как это, например, ~~например~~, ~~ясно~~ явно вытекает, из сугубо суб"ективных и опровергнутых суждениях Шёрнера, Фосса и Итаеля. Его имя стало столь известным лишь исключительно вследствие того технического средства, которым он пользовался. Только большое значение радио в настоящее время для передачи информаций выставило его в особом свете. Тем самым я не оспариваю, что он таким путем оказывал большое влияние на немецкий народ. Но на основании нашего собственного опыта в Германии за время господства нацистов, я могу, пожалуй, указать на то, что всякий оратор в гау и всякий крейслейтер говорил значительно более резким языком. Но их рассуждения, как правило, печатались только в местной прессе.

У защиты были большие затруднения с этими речами, поскольку они не могли быть ей представлены полностью. В дополнение к выдержкам, цитировавшимся русским Обвинением во время перекрестного допроса, к сожалению, также не могли быть представлены целые тексты этих речей. Тем самым отпала возможность восстановить смысл, который был вложен в речь в то время, когда она произносилась. Я в этой связи приведу затем пример. Метод оглашать отдельные места или цитаты перед судом, особенно недопустим здесь, потому что при этом нельзя понять, что Фриче в своих речах всегда выдвигал на первый план актуальные события. Более общие выводы идеологического характера он делал редко и только между прочим.

16645

H1211-0710

Но уже на основании того, что показал Фриче относительно тех своих речей, которые были предоставлены ему в полном тексте, возникает совершенно ясная картина о причинах, побуждавших его произнести эти речи по радио. Эти речи, начиная с 1932 года, т.е. до прихода к власти национал-социализма, и вплоть до 1939 года представляли собой политический обзор газет. Они даже так и назывались. Поэтому они являлись как бы сборником цитат из заграничных и немецких газет.

Фриче и не оспаривает, что содержание этих сборников было подчинено интересам национал-социалистского государства. Только во время войны эти речи, составлявшиеся до самого конца на основании цитат из иностранной печати, явились платформой для полемических споров, которые во время войны велись обеими сторонами. Несомненно, они в значительной степени влияли на политическое настроение в Германии, но так же несомненно, что многие люди в Германии слушали речи Фриче не ради их полемического содержания, а для того, чтобы из цитат, по крайней мере, узнать что-нибудь о мнениях, высказываемых за-границей. Сначала эти речи долгие годы наряду с занимаемой им должностью являлись его частной работой. Лишь во время войны, вследствие их увеличивегося публицистического значения, они стали рассматриваться как официальные. Тем самым они, чтобы сделать более ясным положение вещей, приобрели характер передовых статей тех газет, которые, как обычно говорят, были близки к правительству. Защите было бы легко предоставить суду кип газет, относящихся к тому же времени, передовые статьи которых имеют такую же тенденцию, или которые отличаются даже более резким направлением, о чем можно здесь с определенностью заявить.

16646

H1211-0711

H1211-0712

Фриче самым решительным образом /и, по-моему убеждению, с полным правом/ оспаривал то, что эти речи, якобы, подстрекали к расовой ненависти, к убийству и насилию, к ненависти к другим народам или к агрессивным войнам. Если бы эти речи действительно могли ~~бы~~ оказать такое действие, то против любого редактора Третьей Империи, который получал "ежедневные лозунги" от руководителя имперской прессы, можно было бы выдвинуть ~~имм~~ точно такое же обвинение. Но, кажется, перед этим Трибуналом обвинение против Фриче было выдвинуто только потому, что его голос, вследствие используемых им технических средств, можно было слышать повсюду. Лишь с 1939 г. его речи вообще приобрели какое-то публицистическое значение; вообще вполне естественно, причем особенно во время войны, что лицо, ведущее полемику, само становится об"ектом полемики и в большей степени это относится особенно к тому, кто по техническим и публицистическим причинам мог добиться большего эффекта, чем тот, кто печатался в местной газете. Только вследствие этого его имя для непосвященного становится более известным, чем имена даже таких людей, которые являются более могущественными, чем данный публицист.

Насколько далеко идущими являются обвинения против Фриче, как публициста, явствует из утверждения, что он не только принадлежал к группе заговорщиков, составлявших преступные планы, но что он также совершал преступления против мира. Если против какого-либо пропагандиста выдвигают такое обвинение, то немедленно встает вопрос, не являются ли публичные выступления по радио наименее подходящим средством для достижения преступных целей тайного заговора. Речи, которые слышит весь мир, могут в самом крайнем случае мас-

кировать такие цели и обманывать мир. Но, в действительности, против Фриче выдвигается как раз обратное обвинение. Он якобы подстрекал других.

Тем самым, пожалуй, достаточно охарактеризована сущность и особенности этих речей. Нужно было в противовес далеко идущим выводам обвинения установить их истинное значение.

Прежде, чем я подробно исследую обвинение, выдвигаемое против Фриче относительно того, что он своими речами по радио и другими средствами способствовал ведению отдельных агрессивных войн, мне необходимо рассмотреть правовую проблему, связанную с тем, что публицисту, как таковому, в этом отношении вменяется в вину преступления уголовного и международно-правового характера.

Нигде, насколько я мог установить, обвинение не обсуждало вопроса о том, в какой степени пропаганда, т.е. попытка оказать духовное влияние, вообще подчинялась и подчиняется, особенно во время войны, каким-либо нормам международного права. Может быть, эта проблема не обсуждалась только потому, что если бы этот вопрос был поставлен, то на него пришлось бы ответить не утвердительно. Правда, Обвинительное заключение констатирует существование "огромного пропагандистского аппарата" во время диктатуры Гитлера, который был создан вследствие необходимости осуществлять надзор и контроль над всякой культурной деятельностью, однако, в нем не делается никаких выводов, связанных с оценкой данного обстоятельства с точки зрения международного права, ибо в действительности никогда не были приняты какие-либо постановления общего или специального характера, относящиеся к этой области; также и на практике не было выработано в этой области никакого права. В этой связи интересно отметить, что учебники по международному праву вообще, насколько я мог установить, не

H1211-0713

H1211-0714

уделяют этой проблеме никакого внимания. Правда, некоторое количество учебников, особенно естественно-правового направления, содержит в перечне основных международных прав также и раздел о престиже государства или о достоинстве государства В этих главах на основании равенства государств и их совместного существования, опирающегося на общие для всех принципы международного права, выдвигается требование о том, чтобы они относились друг к другу с уважением. Далее, в соответствии с этим выдвигается требование о том, чтобы предотвращались всякие оскорбления, которые наносятся другим государствам частными лицами, использующими свою сферу компетенции, а также чтобы подобные выпады карались. Но свое законченное юридическое выражение эта мысль нашла лишь в ряде национальных уголовных кодексов, которые устанавливают, например, наказание за оскорбление глав других государств, конечно, только в мирное время. Другое учение с менее ярко выраженным естественно-правовым направлением говорит о том, что здесь речь идет не о юридических обязанностях, а о долге международной вежливости. Как бы там ни было, твердо установленного международного права не существует даже для мирного времени, особенно в тех случаях, когда речь идет о частной пропаганде с помощью прессы и литературы. Что же касается войны, то, как уже сказано, какие-либо предписания в этом отношении отсутствуют. Согласно существующему международному праву, нет никаких границ для пропаганды против других государств во время войны. Для этой пропаганды в соответствии с правовыми нормами существует одно-единственное ограничение, и как раз именно то большое ограничение, господствующее во всем праве войны и допускающее только все то, что необходимо в интересах ведения войны /квод ад финем белли несессариум эст/. При том

16649

огромном значении, какое имеет духовное воздействие на настрое ние отдельных индивидумов и народов, не подлежит никакому сомнению, что пропаганда может быть важным, а в некоторых случаях даже решающим средством войны. Она не менее важна, чем экономическая война или даже борьба с помощью оружия. Перед пропагандой при этом поставлена двойная задача: с одной стороны, она должна служить средством для поднятия силы сопротивления собственного народа, с другой стороны,—она должна подрывать боевой дух противника. Это воздействие на умы - приукрашивание, с одной стороны, сгущение красок,- с другой, завуалирование фактического положения дела и так далее - по своей сущности является ничем иным, как военной хитростью, которая в рамках правил ведения сухопутной войны, согласно статье 24-й Гаагского соглашения о правилах ведения сухопутной войны, считается разрешенным военным средством. Чтобы развить эту мысль, следует указать на то, что шпионаж, являющийся одной из форм военной хитрости, допускается Гаагскими правилами ведения сухопутной войны.

Сказанное здесь полностью совпадает с обычным положением вещей в любом государстве. Клевета на противника и его государственных деятелей, воспитание презрения к ним, искажение мотивов, которые движут противником, и его намерений, обманная подтасовка фактов, необоснованные утверждения, к сожалению, относятся к тем средствам пропаганды, которые обычно применяются всеми сторонами, и причем в ходе войны во все возрастающих масштабах. Слабые попытки лишь только в целях предотвращения войны были сделаны перед первой мировой войной. Тогда эти попытки должны были послужить достижению еще более широкой цели, а именно достижению общего взаимопонимания между народами, и причем путем так называемого

16650

H1211-0715

H1211-0716

духовного разоружения. Однако этого не удалось достичь перед первым мировым пожаром нашего века. Правда, именно эта идея, как реакция на тяжелые военные осложнения, после 1918 г. получила новый импульс и стала известна миру в результате тех задач, которые были поставлены в этой области перед Лигой Наций. Во всяком случае, это была первая действительная попытка добиться духовного разоружения. На пятом заседании ассамблеи Лиги Наций в 1925 г. в Париже было принято решение о создании института духовного сотрудничества. Дальнейшие многолетние исследования привели к многочисленным предложениям к созданию генеральной комиссии и подкомиссий, секций и комитетов экспертов с необозримым количеством материалов.

Однако все эти огромные усилия привели лишь к духовному подъему, к ~~самым~~ стремлениям народов духовно разоружиться и наладить духовное сотрудничество, но не к трезвым и конкретным юридическим положениям, которые наложили бы юридические обязательства как на отдельные государства, так и на их подданных. Не было достигнуто такого результата, вследствие которого можно было бы во время войны запретить проповедывание ненависти, травлю, искажение фактов, агитацию против других народов или подданных других государств во всевозможных современных формах информации. Даже столь определенные и широкие предложения о духовном разоружении, которые были сделаны польским правительством Лиге Наций в двух меморандумах от 17 сентября 1931 г. и от 13 февраля 1932 г., постигла та же участь. Согласно этим предложениям, а также и на основании национальных законодательств должна была быть запрещена такая пропаганда, которая могла быть опасной для мира, и даже вообще всякая пропаганда, которая имела своей целью просто нарушение хороших отношений между народами. Должно было быть оказано влияние не только на основные общественные

16651

средства информации, но и на широко разветвленную администрацию всякого современного государства, даже школьные учебники должны были бы быть пересмотрены. Эти предложения, рекомендовавшие членам Лиги Наций не пугаться даже цензуры и исключительных мер, налагавших различные запреты, в конце концов потерпели неудачу вследствие оказанного сопротивления: этим предложениям противостояло глубоко укоренившееся мнение о том, что нельзя ущемлять свободу слова в духовных вопросах такими чрезвычайно широкими полицейскими мерами; эта свобода высказывать свои мнели должна была сохраниться, как дарованное творцом "неизменное право". Так все и ограничилось этими двумя противоположными точками зрения. Здесь, в зале суда, мы видели наглядный пример того, к чему может привести цензура и контроль над печатью, радио и кино.

Не стоит упоминать о тех немногих двусторонних соглашениях, которые были заключены после провала польских предложений от 1931 и 1932 гг. Они относятся лишь только к периоду добрососедских отношений.

Поэтому мы можем лишь выразить здесь надежду, что на основе международной солидарности в будущем можно будет синтезировать эти противоречивые положения в более совершенной форме.

На этом процессе был пред"явлен секретный приказ Главного командования вооруженных сил от 1 октября 1938 года. Международно-правовой отдел ОКВ составил таблицу на случай военных конфликтов. На основании этой таблицы нужно было устанавливать основные положения относительно того, как следует относиться к возможным нарушениям права войны врагами и союзниками. Зная, что в области пропаганды этот раздел в правовом отношении совершенно неразработан, авторы приказа заявляли о том, что с точки зрения международного права, аб-

16652

H1211-0717

солютно допустимо вызывать презрение к противнику и добиваться разложения в его рядах, "даже, если при этом будут использоваться любые фальшивки и лживые сообщения", и что в будущем может быть издано на правовой основе распоряжение о том, что в случае, если враг будет применять такую пропаганду, допустимо с правовой точки зрения прибегать к "контратакам", причем, "естественно, следует распространять также и ложь о зверствах". Может быть, это звучит цинично и жестоко. Но, к сожалению, это совпадает с военными обычаями или, лучше сказать, это не приукрашенная констатация сделана на основе существующих пробелов в соглашениях международно-правового характера и в обычном праве. Д-р Кранцбюлер с полным правом сказал здесь о том, что во время войны не существует долга говорить правду. То, что прошло некоторое время с тех пор, как в первую мировую войну применялись определенные методы пропаганды, позволяет нам сегодня рассматривать события того периода, как исторические. И тогда также все страны, которые вели войну, пытались всеми средствами пропаганды добиться разложения в рядах противника. Но являвшаяся военной ложью легенда о детских ручках, отрубленных немецкими солдатами, как пишет Артур Пансонби в своей книге "Ложь в военное время", появилась даже и в мирное время, а именно почти 10 лет спустя после первой мировой войны, во французском школьном учебнике. Литература всех воевавших государств, рисунки, карикатуры, относящиеся хотя бы только во времени первой мировой войны, сохранилась в огромных массах во всех библиотеках. Многие и сейчас вспомнят тот фильм, который показывал ужасающие зверства и назывался "Апокалиптические всадники", фильм, который во время первой мировой войны обошел почти весь свет. К сожалению, и до сих пор сохра-

16653

H1211-0718

нается такая же юридическая неупорядоченность в этой области. Можно ли связать с этой целью, которую ставит судья Джексон перед этим процессом, а именно задачи создания нового международного права, ~~делает~~ дело подсудимого Фриче, публициста в нацистском государстве, основываясь при этом на законе, имеющем обратное действие? Может ли Обвинение в своем желании видеть Фриче наказанным, как военного преступника, руководствоваться тем утверждением, что законы якобы логически развиваются дальше, если в области пропаганды до сих пор не было установлено каких-либо правовых узаконенных норм и если в этом направлении вообще не имеется никаких благотворных результатов? Совершенно ясно, что здесь речь идет не только о кажущемся пробеле в праве.

Сказанное, конечно, не относится к тем случаям, когда с помощью пропаганды действительно призывают совершать преступления. Я перехожу поэтому к каждому утверждению Обвинения в отдельности, чтобы показать, что Фриче не виновен в подобных действиях.

Что касается мнимого преступления против мира, то Обвинение исходит из того, что всякому крупному политическому и военному наступлению германского государственного руководства предшествовала кампания в печати. Поэтому нацистские заговорщики использовали также и прессу в качестве орудия внешней политики, а также и для подготовки последующих агрессивных действий. На основании этого общего, может быть, даже и правильного, описания таких намерений делаются широкие выводы о том, что Фриче несет ответственность также и за это. Такая ответственность ясна, мол, уже из того, что он с декабря 1938 года до

16654

H1211-0719

весны 1942 г. был в министерстве пропаганды руководителем отдела "Германская пресса". Однако для такого заключения нет никаких предпосылок. Оно могло бы быть справедливым, если бы удалось представить доказательства того, что Фриче действительно был организатором и инициатором всех этих кампаний в прессе. Однако Фриче уже вследствие своего подчиненного положения не только в аппарате, но и по отношению к действительным руководителям пропаганды - Гитлеру, Геббельсу, Дитриху и другим - мог узнавать только о том, о чем начальники сообщали ему так же, как и другим чиновникам, как об исторической истине. Я напоминаю, что все свидетели, давшие какие-либо показания о влиянии внешней политики на прессу, указывали, что перед началом всякой политической и, в особенности, военной кампании, министерство иностранных дел с помощью специально изданных им Белых книг об"ясняло общественности действия высшего руководства в области политики. Как вообще и в других случаях, когда речь шла о намерениях и целях высшего руководства Третьей Империи, так и в этих случаях прессе сообщалось только именно то, что общественность должна была узнать, и замалчивалось все, что не было для нее предназначено.

Как в действительности, согласно представленным доказательствам, освещала пропаганда, проводившаяся Фриче, отдельные военные агрессивные действия? Что было Фриче известно о закулисной стороне этих событий?

При оккупации Богемии и Моравии ему лишь незадолго до решающего шага, предпринятого 15 марта 1939 г., были даны руководителем имперской прессы соответствующие указания. Эти указания, как и во всех других случаях, состояли из так называемых "ежедневных лозунгов", которые вырабатывались на

16655

H1211-0720

H1211-0721

пресс-конференциях. Такие "ежедневные лозунги" находили затем свое выражение в заголовках немецких газет. При этом следует упомянуть, что наиболее известный орган партии, а именно "Фелькишер беобахтер", вследствие своих непосредственных связей с руководителем имперской прессы, а во время войны с главной ставкой фюрера, в меньшей степени зависел от таких ежедневных лозунгов, тем более, что он располагал своей собственной заграничной информационной службой. Поэтому все то, что было опубликовано в "Фелькишер беобахтер" не передает того, что одобрил Фриче, как руководитель германской прессы. Фриче - и эта его позиция имеет величайшее значение для всей его деятельности - уже тогда выработал основной принцип для информации в прессе, заключавшийся в том, что ложные сообщения ни в коем случае не должны помещаться в печати. Внешним поводом для этого послужил тот факт, что его предшественник в отделе "Германская пресса" - Берндт распространял во время судетского кризиса всевозможные неверные сообщения, вследствие чего он потерял доверие немецких редакторов. Фриче точно так же, как и свидетель фон Ширмейстер, сообщил за свидетельским пультом о связанных с этим подробностях.

Неясно, в какой степени Фриче может быть в большей степени причастен к вступлению германских войск в Чехословакию, чем любой другой чиновник или офицер. Насколько Фриче было мало известно о тогдашних тайных намерениях Гитлера, выяснившихся здесь на процессе, настолько же он мало знал о "Зеленом плане". Как руководитель внутри-германской прессы, он не мог влиять на пропагандистские приемы, которые должны были быть использованы в самой Чехословакии.

16656

H1211-0722

То же самое относится и к польской кампании. И здесь Фриче не способствовал с помощью слова военному конфликту и не передавал намеренно сведений, которые могли бы поддерживать милитаристские намерения. Именно в своей речи по радио от 29 августа 1939 года, которая была ему пред"явлена во время перекрестного допроса, он определенно подчеркивал, что не может быть никакого сомнения в миролюбивых стремлениях Германии. Эта речь и многие другие особенно доказывают добрые намерения Фриче. Он выражал в них как разочарование германского народа, так и свое собственное разочарование по поводу того, что воля к миру, которую Гитлер неоднократно рекламировал, оказалась фикцией и даже хитростью. Если просмотреть по дословному тексту все остальные речи Фриче, произнесенные по радио незадолго до польской кампании, и во время нее, то ни одно из его высказываний не может быть истолковано как поощрение этой агрессивной войны. Официальные данные убедили тогда Фриче, точно так же, как и миллионы других немцев, в том, что правота была на стороне Германии. Именно то, что Фриче тогда был убежден в этом, заставило его заявить за свидетельским пультом, что он чувствует себя обманутым Гитлером. Так же и в случае с Югославией дело обстояло не иначе. Тут Фриче смог узнать только те факты, которые ему и многим прочим редакторам сообщил руководитель имперской прессы и которые он не имел возможности проверить из-за того, что события развивались крайне быстро; ему вообще в ходе этих событий не могла бы притти в голову мысль о том, что пресса используется в целях проведения милитаристских мероприятий.

Роль печати перед неожиданным нападением на Советский Союз была выяснена на этом процессе особенно тщательно. Уже хотя бы из-за стратегических соображений весь прона-

гандистский аппарат, а вместе с ним и Фриче, как руководитель отдела печати внутри страны, не должны были ничего знать заранее. Именно эта кампания искусно скрывалась Геббельсом, он видавал подготовку к этой кампании за подготовку к вторжению немецких войск в Англию. Своих ближайших сотрудников Геббельс тогда сам сознательно направлял по ложному пути, как об этом показал свидетель фон Ширмейстер.

Показание Фриче о том, что он ничего не знал о секретных приготовлениях к созданию так называемого министерства по делам восточных областей, не было опровергнуто здесь так называемым докладом Розенберга, который был предъявлен ему во время перекрестного допроса.

Это тот самый документ, который, благодаря наличию в нем масса имен, играл на процессе также определенную роль и в делах других подсудимых. Он является в то же время единственным документом, в котором имя Фриче упоминается в связи с какими-то секретными планами. Из этого документа, относящегося, как было установлено, приблизительно к 28 или 29 июня 1941 г., т.е. к периоду уже начавшейся кампании, и составленного Розенбергом и некоторыми его сотрудниками, нельзя сделать вывода о том, что Розенберг разговаривал с подсудимым Фриче перед этим решающим моментом. Этот документ не имеет ни даты, ни подписи. Фриче упоминается при этом с титулом "министериального директора", который ему присвоили только лишь осенью 1942 года. Поэтому ничем не было опровергнуто показание Фриче в качестве свидетеля о том, что Розенберг никогда не сообщал ему ничего ни о предстоящей войне против Советского Союза, ни о предполагаемом создании министерства по делам восточных областей. Лишь после

16658

H1211-0723

начала этой кампании и после официального сообщения о том, что основано новое министерство, ему передали через сотрудников Розенберга о том, какие пожелания высказывал Розенберг относительно освещения восточного вопроса в германской печати.

Таким образом, остается верным показание Фриче о том, что он точно так же и в случае войны с Советским Союзом, как и в других случаях, узнал об этом событии лишь в тот момент, когда ему передавали сообщения для опубликования. Это не дает права, как многие со мной согласятся, сделать вывод о его роли, как роли человека, участвовавшего в заговоре или посвященного в него. Вовсе нельзя предположить, что Фриче знал о планах главного командования вооруженных сил на июнь 1941 г. или о протоколе Бормана от 16 июля 1941 г. - оба документа были ему пред"явлены при перекрестном допросе. На этом процессе выяснилось, что эти совещания фактически могли проводиться только действительно в очень тесном кругу. Кроме того, предоставление доказательств, не относящихся непосредственно к делу Фриче, показало, какими средствами, вводящими в заблуждение в военной области, прикрывались эти намерения. Об этом сообщал свидетель Паулюс и это видно из доклада германской военной службы осведомления. Все это, естественно, особенно скрывалось от человека, работавшего в печати. Сам свидетель Гизевиус, который длительное время занимался тем, чтобы выведывать секретные цели, должен был признать, скольких трудов стоило, даже человеку, работавшему в главном командовании вооруженных сил, получить сведения о том, планирует ли Гитлер войну или нет.

Я могу по этому вопросу в заключение констатировать,

16659

H1211-0724

H1211-0725

что категорическое утверждение Обвинения, что Фриче, будучи приспешником Геббельса, помогал последнему ввергнуть мир в кровавые агрессивные войны, является необоснованным. Во время допроса Фриче, проведенного мною, Фриче указал на следующее: каковы бы ни были обстоятельства в каждом отдельном случае, ему и немецкой общественности, начиная с момента вступления войск в Австрию, вплоть до нападения на Россию, каждый раз давалась лишь такая информация, которая ~~всегда~~ оправдывала действия Германии. Можно обвинение в совершении преступления против мира понимать еще таким образом, что Фриче в то время, когда велась агрессивная война, постоянно призывал германский народ к тому, чтобы он выдержал борьбу до конца. Безусловно, он, произнося свои обращения по радио, не проводил в них пораженческой программы.

Поэтому я должен выяснить вопрос, следует ли рассматривать такое участие в агрессивной войне после того, как эта агрессивная война началась, как участие в преступлении против мира, и должно ли такое участие караться.

Французский главный обвинитель г-н де Ментон, исходя из дословного истолкования параграфа 6-го Устава /абзац 2-а/ и не учитывая действительного смысла этого параграфа, хотел сделать вывод, что солдаты и прочие органы агрессивного государства не могут вообще вести военных действий, которые можно было бы оправдать с точки зрения международного права. Но он должен был, очевидно, признать, что эта точка зрения на практике должна была привести к невероятным результатам. Так, например, он рассматривает Гаагское соглашение о правилах ведения сухопутной войны одинаковым образом как для стороны, являющейся агрессором, так и для стороны, подвергшейся агрессии, как соглашение, которое не только налагает обязательства, но и дает права.

16660

Тем самым он дал понять, что, по его мнению, это положение Устава нужно истолковывать, ограничивая его.

В § 6, абзаце II-а, Устава преступление против мира определяется следующим образом: планирование, подготовка, развязывание и, как сказано в немецком переводе, "ведение агрессивной войны". Слово "ведение" является переводом английского слова " Waging ". Правильней было бы перевести это слово с помощью немецкого слова "предпринимать". Слово "предпринимать" означает в своем обычном звучании приблизительно то же самое, что и "иметь ввиду"; если кто-либо что-нибудь предпринимает, чем-либо занимается, что-либо намечает,—это еще не означает, что он доводит дело до конца. Слово "вести" может наталкнуть на мысль о том, что преступление против мира после того, как вспыхивает война, не заканчивается, а что оно распространяется на все время, пока длится война. Подобная точка зрения может привести к такому выводу, что,согласно этому положению, наказанию подлежат все лица, которые принимают участие в войне, как, например, командующие армиями, все военнослужащие, и даже те лица, которые хотя бы путем поставок военного материала или речами по радио поддерживают войну. Они, как утверждают некоторые, таким образом способствовали ведению войны. Следовательно,может считаться, что эти лица совершили преступление против мира даже в том случае, если они до начала войны не принимали никакого участия в планировании или подготовке этой войны, даже в том случае, если они и не подозревали, что при этом речь шла об агрессии.

В противоположность этому нужно констатировать следующее: ведущими агрессивную войну можно считать только

16661

H1211-0726

H1211-0727

тех лиц, которые сами планировали эту войну. Именно они осуществляют свой единый план, начиная войну без предварительного об"явления или с предварительным об"явлением ее.

Итак, упомянутое выше понятие "ведение войны" следует рассматривать, как "развязывание войны". Обвинять в преступлении против мира можно только тех, кто планировал это преступление.

Для этого имеются следующие основания:

Нормы уголовного права хотят защитить мир от агрессивных войн, т.е. несправедливых войн. В тот момент, когда эти несправедливые войны начинаются/как говорится в Обвинении,- "развязываются"/, правовая основа мира нарушается и, таким образом, преступление против мира завершено и закончено. Поэтому слову "проведение" или "начало" нельзя придать другого значения, как только-"довести дело до войны",-"перейти к осуществлению плана".

Такое истолкование этих слов соответствует и историческому развитию такого понятия, как "преступление против мира", имеющегося в международном праве. Международное право уже многие годы различает такие два понятия, как "военные преступления" в узком смысле этого слова и "виновность в войне" в широком смысле этого слова. Военные преступления ~~являются~~ это нарушения установленных в договорах или вообще принятых правил ведения войны, нарушения обычаев войны и далее нарушения принципов человечности. Виновность в войне ~~является~~ заключается в преступном развязывании войны и в особенности неоправданной агрессивной войны.

Это различие выявилось и во время переговоров относительно мирного договора после первой мировой войны. В статье 227 ff Версальского договора это нашло свое отражение.

16662

Не может быть сомнения в том, что понятие - преступление против мира—в истолковании Устава должно быть идентично понятию виновности в войне в истолковании международного права. Параграф 6-й , абзац 2-й, должен распространяться на виновников войны, т.е. на тех, кто развязывает несправедливую войну.

Утверждение, что поддержка несправедливо начатой войны является также преступлением против мира, должно привести к совершенно несостоятельным результатам. В таком случае вряд ли какой-либо гражданин государства, которое начало войну, остался бы невиновным. Война в современном значении этого слова не ограничивается лишь только военными действиями войск. Такая война, как показал опыт первой и второй мировой войны, втягивает в свою орбиту все воюющие народы, затрагивая все сферы их жизни. Война разрослась теперь до тотальной войны, тотальной в том смысле, что все теперь участвуют в ней, в том числе и женщина, которая на фабрике закручивает гайки, также является соучастницей тотальной войны. Профессор Экснер наглядно показал в заключительной части своей речи, что если придерживаться такой точки зрения, то в таком случае во время агрессивной войны каждое пленение солдата будет означать лишение свободы, каждая реквизиция - грабеж и каждый выстрел - убийство. Было бы абсурдом привлекать к ответственности, как преступника, каждого представителя народа, ведущего такую войну.

Практически было бы невозможно определять по различным степеням, как относится человек к вспыхнувшей войне. Следовательно, преступления против мира могут совершать только те, которые участвовали в нарушении мира, и необходимая масса людей, не участвовавшая в этом, не может рассматривать-

H1211-0728

H1211-0729

ся, как совершившая эти преступления.

Господин председатель, мне осталась еще одна страница. Разрешите мне докончить?

Мне кажется, что эта высказанная здесь точка зрения имеется и в Обвинительном заключении. Там сказано, что преступление, заключающееся в нарушении мира, осуществляется в момент "развязывания" войны. Нигде нет намека на то, что участие в войне или поддержка ее различного рода деятельностью или какими-либо поставками - рассматриваются как само преступление или как продолжение преступления. И само построение обвинения показывает, что после того, как началась война, речь могла итти только лишь о преступлениях второй и третьей группы, т.е. о военных преступлениях в узком международно-правовом значении этого слова и о преступлениях против человечности.

Я убежден в том, что и судья Джексон в своей основной вступительной речи 21.11.1945 г. встал на эту точку зрения; на заседании Трибунала 1.8.1946 г. судья Биддл указал на то, что он, судья Джексон, тогда упомянул, что развязывание войны составляет преступление, а не само ведение войны, т.е., другими словами, с началом агрессивной войны преступление против мира, предусмотренное в § 6, абзаце 2, Устава, является завершенным /Breach of peace - нарушение мира/.

Из этих рассуждений следует, что деятельность, способствующая войне, уже во время самой войны не может считаться наказуемым действием; это же относится и к речам Фриче, произнесенным по радио.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Об"является перерыв.

/Перерыв до 10.00 25 июля 1946 г./

16604

H1211-0730

... Страницы просмотрены.
Н. Данилюк
23/VII-46г.